

XVIII
БЕК

XVIII
БЕК

СБОРНИК

25

25

В Библиотеку
Пушкинского Дома
от участницы издания
с благодарностью.

окт. 2009 Искренне

Александра Давыдова

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII
ВЕК

СБОРНИК
25

Санкт-Петербург
«Наука»
2008

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

В76

Ответственный редактор

Н. Д. КОЧЕТКОВА

Ответственный секретарь

А. О. ДЁМИН

Рецензенты:

П. Е. БУХАРКИН, Р. Ю. ДАНИЛЕВСКИЙ

*Исследования осуществлялись при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 05-04-04019а*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 07-04-16135д*

ТП-2008-И-145

ISBN 978-5-02-025200-4

© Коллектив авторов, 2008

© Российская академия наук и издательство «Наука», серия «XVIII век» (разработка, оформление), 1935 (год основания); 2008

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник можно считать юбилейным: это 25-й выпуск академической серии сборников «XVIII век». Здесь представлены работы всех сотрудников Сектора по изучению русской литературы XVIII в. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, отечественных и зарубежных исследователей, постоянно и плодотворно сотрудничающих с Сектором, а также начавших это сотрудничество своими ценными статьями и публикациями.

В книге по сложившейся традиции сохраняется широта и разнообразие тематики, значительное внимание уделяется историко-ведческим аспектам и публикациям неизвестных ранее текстов. Сборник содержит три основных раздела: 1. Статьи. 2. Материалы и сообщения. 3. Библиография. Это разделение до известной степени условно. В первый раздел вошли исследования, посвященные темам, связанным с изучением более или менее обширного круга вопросов эстетики, литературной культуры, русско-европейских контактов, соотносительности литературы с общественной мыслью и изобразительным искусством. Второй раздел оказался насыщен важнейшими архивными находками. Содержащиеся здесь материалы по-новому освещают многие стороны русской литературной жизни, существенно дополняют биографические сведения об И. П. Елагине, В. И. Лукине, В. Д. Санковском, М. М. Хераскове. Наконец, в третий раздел вошла библиография научных трудов одного из самых крупных современных знатоков России XVIII столетия — профессора Э. Г. Кросса, а также составленный А. О. Дёминым указатель статей в коллективных трудах Сектора с 1935 по 2006 г., который будет полезным пособием для всех, кто обращается к этой серии.

СТАТЬИ

Н. Ю. АЛЕКСЕЕВА

ВЗДОРНЫЕ ОДЫ А. П. СУМАРОКОВА В ИХ ОТНОШЕНИИ К ЕГО ТОРЖЕСТВЕННЫМ ОДАМ

Вздорными одами называются пять пародийных од А. П. Сумарокова, написанных в разное время и объединенных под заглавием «Оды вздорные» в отдельный раздел «Собрания всех сочинений» писателя, изданного Н. И. Новиковым.¹ Не утратив за века своей шутливой прелести, вздорные оды привлекали к себе внимание историков литературы еще в XIX в.,² когда же в послереволюционные годы литературное наследие XVIII в. начинает осмысляться по-новому, они стали предметом изучения молодой советской науки. Поставленный в ОПОЯЗ'е вопрос о функциональности и историко-литературном смысле пародии как таковой непосредственным образом отразился на осмыслении вздорных од, стоящих в начале истории пародии в России. Г. А. Гуковский, первым исследовавший вздорные оды, предложил не только свое понимание этого феномена, но и свое объяснение их странного названия.³ В пародиях Сумарокова он увидел средство борьбы с неприемлемым для него высоким стилем ломоносовских од и последней, «Дифирамба Пегасу» (1766), — со стилем В. П. Петрова, по Гуковскому, ученика Ломоносова.⁴ Концепция Гуковского стройно вписалась в картину литературной борьбы середины XVIII в., нарисованную П. Н. Берковым. В его книге «Ломоносов и литературная полемика его времени» первые четыре вздорные оды обрели свое место, оказавшись одним

¹ *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе: В 10 т. Собраны и изданы Николаем Новиковым. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781—1782. Ч. 2. С. 205—218.

² *Булич Н. Н.* Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854. С. 16; *Пекарский П.* История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 317—321.

³ *Гуковский Г. А.* Из истории русской оды XVIII века // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 229—233.

⁴ Там же. С. 234—246.

из важных эпизодов долгой и беспощадной борьбы двух ведущих поэтов середины XVIII в.⁵ Дополнительным и весомым аргументом такого объяснения, исходящего от авторитетнейших исследователей литературы русского классицизма, служит история с публикацией вздорных од. Она рассказана П. П. Пекарским, повторена Гуковским и ввиду относительной скудости документальных свидетельств литературной жизни середины века представляет особенный интерес. Судя по сохранившемуся в архиве Академии наук «лоскутку бумаги» с несколькими строками, написанными рукой Ломоносова: «Его сиятельство Вздорных од вносить не приказал, что велел исполнить Барсову»,⁶ — Сумароков хотел опубликовать свои пародийные оды, но Ломоносов, непосредственно участвовавший на правах члена Академической канцелярии в цензурировании академических изданий, запретил публикацию, заручившись поддержкой президента Академии наук К. Г. Разумовского. Пекарский, Гуковский и Берков видят в записке нежелание Ломоносова пропустить в печать критику своих од. Сам факт запрещения Ломоносовым печатать вздорные оды может служить комментарием к строкам эпиграммы Ломоносова: «Дабы Пробиновых [Ломоносовых. — *Н. А.*] хвалу унижить од, Которы вознося российский чтит народ...».⁷ Встроенность вздорных од в систему известных фактов литературной ситуации этого периода и, что чрезвычайно важно, открытие новых фактов, подтверждающих нарисованную предшествующими учеными картину,⁸ свидетельствуют о том, что вздорные оды принадлежат к редкому по своей разработанности в истории русской литературы середины XVIII в. сюжету.

Единственное связанное со вздорными одами разногласие касается места предполагавшейся их публикации. Пекарский и Гуковский относят запрещение Ломоносова к «Трудолюбивой пчеле», журналу, выпускаемому Сумароковым в 1759 г. и с особым рвением курируемому Ломоносовым.⁹ Помимо ломоносовского пристрастия к периодическому изданию Сумарокова, основанием для такого мне-

⁵ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени (1750—1765). М.; Л., 1936. С. 246—250.

⁶ Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге. С. 653.

⁷ Ломоносов М. В. <Злобное примирение г<осподина> Сум<арокова>с <господином> Тред<иаковским>> // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. С. 659.

⁸ К ним относятся «Стихи, сделанные из чужих русских стихов на победу над пруссаками 12 июля 1759 года», оригиналом которых оказалось стихотворение Ломоносова «На преславную победу, полученную российским войском над прусским в Силезии 12 июля 1759 года» (см.: Николаев С. И. Неизвестное стихотворение Ломоносова и отклик на него Сумарокова // XVIII век. СПб., 2002. Вып. 22. С. 3—7). Напечатанные в сентябрьской книжке «Трудолюбивой пчелы», они находятся в очевидной связи со «вздорными одами», открывая собою ряд выступлений против ломоносовского стиля.

⁹ Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге. С. 656—659.

ния служит все же прошедшая в десятый номер журнала четвертая вздорная ода, «Дифирамв»,¹⁰ а косвенно его подтверждает переключка конца Первой вздорной оды «И украси храм музы пышно Мусией, бисером и златом» со статьей журнала «О мозаике», в которой Тредиаковский, выступая в союзе с Сумароковым, осмеивал увлечение Ломоносова мозаичным искусством.¹¹ Между тем Берков в комментарии ко вздорным одам замечает, что свои пародии Сумароков мог отдать и в журнал Академии наук «Ежемесячные сочинения» и «едва ли есть достаточные основания» относить записку Ломоносова к «Трудолюбивой пчеле».¹² Вопрос о месте предполагавшейся публикации вздорных од связан с вопросом о времени их создания. Если прав Берков, то неверна принятая их датировка, вместо 1759 г. она опускается к более раннему периоду, а именно к 1755—1757 гг. С выходом в свет журналов «Праздное время в пользу употребленное» (1758) и «Трудолюбивая пчела», а затем начиная с 1760 г. журналов М. М. Херакова Сумароков более не печатал своих произведений в «Ежемесячных сочинениях». Вопросы о месте предполагавшейся Сумароковым публикации трех или четырех вздорных од и о времени их создания остаются, таким образом, не вполне разрешенными. В целом же в своем восприятии пародий и их значения в борьбе Сумарокова против Ломоносова исследователи единодушны. Вопрос можно было бы считать закрытым.

Лишь в самое недавнее время обращение ко вздорным одам открыло ранее незамеченную их сторону. Оказалось, что ряд их выражений и строк соотносится с одами самого Сумарокова, иногда прямо их повторяя. Чаще, однако, не в пародиях используются Сумароковым строки его торжественных од, а, наоборот, строки, впервые прозвучавшие во вздорных одах, затем без особенных изменений входят в его торжественные оды. Эти наблюдения, сделанные В. М. Живовым на примере ломоносовского цикла вздорных од¹³ и мною в отношении последней петровской оды «Дифирамв Пегасу»,¹⁴ наблюдения, явившиеся примерно в одно время, неза-

¹⁰ Дифирамв // Трудолюбивая пчела. 1759. Октябрь. С. 635—637. Публикацию «Дифирамва» Гуковский объясняет отсутствием запрещения его печатать, поскольку он написан не десятистишной, обычной для Ломоносова, а короткой четырехстишной строфой (Гуковский Г. А. Из истории русской оды XVIII века. С. 230).

¹¹ [Тредиаковский В. К.] О мозаике // Трудолюбивая пчела. 1759. Июнь С. 353—360.

¹² Берков П. Н. Примечания // Сумароков А. П. Избр. произведения / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. (Б-ка поэта. Большая серия). Л., 1957. С. 560.

¹³ Живов В. М. Язык и стиль А. П. Сумарокова // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 44 (статья была написана в 1997 г. и стала мне известна лишь после своего выхода).

¹⁴ Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005. С. 295—296.

висимо друг от друга и в разном контексте основной исследуемой проблемы, не могут не повлечь за собою пересмотра сложившегося представления о вздорных одах.

К выразительным примерам, приведенным в статье Живова: «Главою небесам касаясь...» (I, 35)¹⁵ — «Главою касаясь небесам...» («О прусской войне. I») (1758), 67); «Тремя Цербер гортаньми лаает...» (II, 9) — «Цербер гортаньми всеми лаает...» («Ода на первый день нового 1763 года», 95), можно добавить самую обширную автоцитату во вздорных одах:

И тамо, где еще безвестны
Законы, боги и цари,
Из смертных никому невместны,
Себе б поставил олтари...

(«Ода, сочиненная в первые лета моего в стихотворстве упражнения» (1743—1744), 31—34).

Очевидно, Сумароков считал четверостишие своей ранней оды удачным и без особенных изменений включил его 20 лет спустя в торжественную оду, посвященную новой императрице Екатерине II, обезобразив, правда, последний стих словом *усердзя*:

И тамо, где еще безвестны
Законы, боги и цари,
Императрице нашей вместны
Усердзя вижу олтари.

(71—74).¹⁶

¹⁵ Здесь и далее при цитате в скобках указывается название оды и через запятую арабской цифрой номер строки, при первом цитировании после названия в скобках дается год создания оды. Если название оды значится в тексте, то в скобках даются лишь номера строк. Вздорные оды, не имеющие названия, обозначаются Первая («Превыше звезд, луны и солнца...») — римской цифрой I, Вторая («Гром, молнии и вечны льдины») — римской цифрой II и Третья («Среди зимы в часы мороза...») — римской цифрой III. Порядковый номер вздорных од восходит к изданию Н. И. Новикова, по которому они и цитируются. Оды Ломоносова цитируются по изданию: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. Оды Сумарокова без специально оговоренных случаев — по изданию: *Сумароков А. П.* Полн. собр. соч. в стихах и прозе: В 10 т. Собраны и изданы Николаем Новиковым. М., 1781—1782. Ч. 2. Из нежелания загромождать текст статьи названиями в отдельных случаях ссылки на оду даются в подстрочном примечании.

¹⁶ *Сумароков А. П.* Ода государыне императрице Екатерине Алексеевне на первый день нового 1763 года. СПб., 1762. С. [4]. Эта строфа была изъята в окончательной редакции оды, напечатанной Н. И. Новиковым в «Полном собрании всех сочинений» Сумарокова.

Но спустя три года он использовал это же место в пародии:

И тамо, где еще безвестны
Восходы феба и зари,
Никому коню невестны,
Себе поставил олтари...
(Дифирамв Пегасу, 61—64).

Сумароковский пласт вздорных од не исчерпывается прямыми цитатами и парафразами собственных од. Он состоит в первую очередь из его одической лексики. Так, слово *области* («Из горных областейзираю...», I, 3), впервые употребленное Ломоносовым только в оде «Императрице Елисавете Петровне на восшествие на престол ноября 25 дня 1761 года» («Обширных областей есть щит...», 123),¹⁷ принадлежит к устойчивому одическому словарю Сумарокова. Впервые оно прозвучало уже в «Оде, сочиненной в первые лета моего в стихотворстве упражнения» («И пала область Карфагены...», 86), а затем редкая ода Сумарокова без него обходилась, ср., например: «Объемлет в областях небесных, От нас вознесшюся дщерь...» («На франкфуртскую победу» (1759), 83). Так и слово *подъемлет* («Подъемлется на небеса», I, 12) Ломоносовым впервые было употреблено уже после вздорных од («Торжественный подъемлет шум»¹⁸), а Сумароковым уже в «Оде, сочиненной в первые лета моего в стихотворстве упражнения»: «Рождайся и главу подъемли...» (55), а затем и далее с завидной частотой и, как, увы! у него нередко, без особой стилистической чуткости, например: «Говорит, и взор подъемлет...» («Ода на государя Петра Великого» (1744—1755), 113). Так и слово *проникнуть* («Проникну воздух, небо, море...», I, 29) — сумароковское слово, употребляемое им в одах часто и не всегда с присущим ему значением.¹⁹ У Ломоносова оно встречается лишь дважды: «...мыслей сила Проникнуть может в твой чертог» («Ода на день рождения императрицы...» 1746 года, 17) и «В земное недра ты, Химия, Проникни взора остротой...» («Ода, в которой ей величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость в Сарском селе 1 августа 27 дня 1750 года», 192). Ломоносов употреблял этот глагол

¹⁷ Следует иметь в виду, что у Ломоносова был специальный одический словарь, не полностью совпадающий даже со словарем его трагедий. Так, слово *области* Ломоносов пятикратно использовал в трагедии «Тамира и Селим» (1750), причем трижды в значении, излюбленном Сумароковым, — власть, например: «Имея многие под областью народы...».

¹⁸ *Ломоносов М. В.* Ода торжественная ей императорскому величеству <...> императрице Екатерине Алексеевне <...> на преславное ей восшествие на <...> престол июня 28 дня 1762 года... // *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 777.

¹⁹ О неточности отдельных слов в одах Сумарокова, в том числе слова «проникнуть», см.: *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. С. 248—250.

с управлением предлога *в*, Сумароков, так же как и в стихе вздорной оды, чаще без предлога, например: «И плеск проникнет облака...» (Ода Григорью Александровичу Потемкину (1774), 70). К таким же маркированным словам сумароковских од принадлежит слово *валы* («Со влас его валы текут...», I, 34). Пристрастие к нему Сумарокова, сказавшееся уже в оде 1743 г. «Ее императорскому величеству императрице Елисавете Петровне на день ее восшествия на престол...», где оно встречается 18 раз, обратило на себя внимание В. К. Третьяковского: «Во всей оде сей весьма много валов у автора; *валы* в ней иногда *гордые*, иногда в ней *вал грозный*, иногда берутся *валы* во *область*...».²⁰ Ломоносов же использовал слово *валы* в торжественных одах лишь однажды: «Се глас мой звучно повторяют Земля, и ветры, и валы!» («Ода <...>1750», 229—230). Слово *трясется*, характеризующее в Третьей вздорной оде Ломоносова: «И, их напившись, трясуся...» (42), — было равно любимо обоими описателями, однако абсурдно его употреблял Сумароков, например: «По ныне истина тряслася...» («Ода императрице Екатерине Второй на первый день 1764 года», 1). Примеры могут быть умножены, однако даже этих, кажется, достаточно, чтобы ощутить присутствие сумароковского одического стиля во вздорных одах. Он, конечно, не ограничивается лексикой. Одно из ярких мест вздорных од:

Претяжкою ступил ногою
 На Пико яростный Титан
 И, поскольскознувшись, другую —
 Во грозный льдистый океан.

(II, 21—24).

помимо ломоносовского «льдистого океана» построен на сумароковских формулах. К ним относится синтаксическая конструкция четверостишия, использованная Сумароковым уже в оде «О Прусской войне, I» (1758): «Одной восток он тряс рукою, Другую запад колебал...» (76, 77), а затем в оде «Императрице Екатерине Второй на первый день нового 1774 года»: «В деснице держит острый меч, Другой рукою пламень мечет...» (27, 28). Сумароковское здесь и прилагательное *яростный*, ни разу не употребленное Ломоносовым, и упомянутая гора одного из Азорских островов — Пико.

Топонимика и ономастика играют заметную роль во вздорных одах, отражая любовь к именам и названиям пиндарической оды. Однако лишь несколько из со вкусом рассыпанных во вздорных одах имен и названий связано с одами Ломоносова, большая

²⁰ Третьяковский В. К. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне в свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю // Куник А. Сборник материалов для истории имп. Академии наук. СПб., 1865. Ч. 2. С. 464.

часть — с одами Сумарокова. Из топонимов с одами Ломоносова прочно ассоциируются Этна и Рифейские горы (хотя они встречаются и в одах Сумарокова: «Не устрашатся лютой Этны...»,²¹ «Рифейских гор верхи дымятся...»²²), Амур, Дамаск и Индия. Другие географические названия пришли во вздорные оды из сумароковских торжественных од. Прежде всего ассоциацию с ними вызывает Рим и связанная с ним римско-тройанская тема: «Великолепный Рим пылает, О светской славы суета! Троянски стены огонь терзает...» (III, 21—23), перешедшей в Третью оду из «Оды, сочиненной в первые лета моего в стихотворстве упражнения», в которой находим и само сочетание «великолепный Рим»: «О, ты великолепный Рим!» (54). Римская и тройанская тема принадлежит к сугубо сумароковским темам, в русскую оду она была введена именно им и для оды 1740—1750-х гг. оставалась новой. Составившая основу «Оды, сочиненной в первые лета моего в стихотворстве упражнения», она затем прозвучала в оде «На Франкфуртскую победу», а в одах Сумарокова 1760—1770-х гг. остались ее отзвуки в виде упоминания Рима, Илиона, Карфагена. Русская ода 1760-х гг., благодарно восприняв тройанскую тему, коренным образом ее переосмыслила (в чем заметную роль также сыграл Сумароков), превратив из тройно-римской в греко-илионскую, с переменной симпатий от троянцев к грекам. Италия («Из ада вижу Италию», III, 65), неправильное ударение в названии которой должно было напомнить о не раз уже осмеянной вольности Ломоносова: «Какими хвалится Индия...» («Ода на день восшествия на всероссийский престол <...> императрицы Елисаветы Петровны 1747 года», 155), также принадлежит к сумароковской географии: «Италия приносит плод» («Ода, сочиненная в первые лета моего в стихотворстве упражнения», 102). Название Пико позднее будет использовано Сумароковым в оде «На взятие Хотина» (1769): «И тако Порту попирает, Как Пико гордый окиян...» (73, 74), ср.: «Претяжкою ступил ногою на Пико яростный Титан...» (II, 22—23). Япония («Япония в пучине тонет» — II, 19) перешла в пародию из оды «На Франкфуртскую победу»: «И оный в долготу простер, От Бельта, к Хине и Япону» (149—150). Замечателен словно поздний ответ Сумарокова на памятную во вздорных одах строку: «Ефес горит, Дамаск пылает...» (II, 8) — «Ефес Дамаск возобновятся...» («Императрице Екатерине Второй на день тезоименитства ея, ноября 24 дня, 1769 года», 45).

Еще более очевидна связь с одами Сумарокова ономастики вздорных од. Так, Эол («Эол пустил на волю ветры...», I, 25), не нашедший себе места в пространстве ломоносовских од, становится

²¹ Сумароков А. П. Ода государыне императрице Екатерине Второй, на день ея восшествия на престол, июня 28 дня, 1762 года // Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. Ч. 2. С. 43.

²² Сумароков А. П. Ода государыне императрице Елисавете Первой на Франкфуртскую победу // Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. Ч. 2. С. 27.

постоянным персонажем од Сумарокова уже с «Оды, сочиненной в первые лета моего в стихотворстве упражнения» («Се муж с Эолом брань творящ», 56). Его присутствие характеризует оды Сумарокова в неменьшей мере, чем присутствие в них Плутона, о котором и во вздорных одах упоминается трижды. А Сатурн («Скажи мне, о Сатурнов сын...», I, 42), не известный русской оде 1740—1750 гг., затем будет назван в схожем смысле в поздней сумароковской оде «Императрице Екатерине Второй, на день коронавания ея. Сентября 22 дня, 1770 года»: «Не дочь Сатурнова грозит...» (28). И Амфион из 56 стиха Первой вздорной оды («Подобны песням Амфиона...») перейдет в 37 стих оригинальной оды Сумарокова «Императрице Екатерине Второй, на первый день 1764 года»: «Взыграю сладко, Амфион...». Не известные русской оде до Второй вздорной оды *гидры* после нее («Дерется с Гидрой Геркулес», 20) заполняют пространство од Сумарокова, например: «И лютых гидр они низложат...» («Государыне императрице Екатерине Второй, на день ея восшествия на престол, июня 28 дня, 1762 года», 149). О Цербере, ни разу не упомянутом Ломоносовым, уже говорилось в связи с парафразом в торжественной оде строки вздорной оды.

В числе имен и понятий, комически звучащих во вздорных одах, встречаются имена русской оде этой поры не известные: Везувий, Цербер, Титан, Актеон, Латона, Дафна, Семелия — последние четыре так и остались ей чуждыми. Можно было бы говорить, что Сумароков обыгрывает не сами эти имена, а характерную для торжественной пиндарической оды густую населенность героями и мифологическими персонажами, но странным кажется подбор имен. Не менее странно в пародии на русскую торжественную оду 1740—1750-х гг., и тем более на оду Ломоносова, выглядит адресат Третьей оды — Роза и сама ее тема — любовь Розы с Зефиром:

Среди зимы в часы мороза,
Когда во мне вся стынет кровь,
Хочу твою воспети, Роза,
С Зефиром сладкую любовь.

(1—4).

Первая строка процитированного начала вздорной оды близка начальной строке оды Сумарокова «М. М. Хераськову»: «Среди игры, среди забавы...», написанной только в 1763 году.²³ Совершенно новая ямбическая интонация, приотворяющая путь в XIX в., прозвучала впервые в пародийной оде. Роза еще дважды упоминается на протяжении Третьей оды:

О Роза, я пою мятежно...

(71).

²³ А. С. <Сумароков>. Ода к М. М. Хераськову // Свободные часы. 1763. Март. С. 172—174.

Нарцисс любит себя собою
Так, Роза, как Зефир тобою.

(28—29).

Выписанное двустишие перекликается со строками из оды «На Франкфуртскую победу»:

Зефир плененный Розы ищет,
Дня светла красны нимфы ждут...

(117—118).

В торжественной и пародийной оде новая для русской оды тема любви Розы с Зефиром оказалась не случайной и проходной, а своего рода пробой новых тематических возможностей оды. Уже в траурной оде «На погребение императрицы Елизаветы Петровны» (1762) снова упоминается Роза, под которой имеется в виду почившая государыня:

Не дождавшись мороза,
О, прекрасна наша Роза,
Ты увяла навсегда!

(15—16).

Тема Розы затем будет развита в одах Сумарокова 1773—1774 гг. Если в оде, написанной на бракосочетание великой княгини Наталии Алексеевны с великим князем Павлом Петровичем, любовь, Роза и Зефир не кажутся неуместными:

Зефир, увидев Розу красну
И зря ее собою страстну,
Спешит ко красоте ея.
Он жар подобный ощущает,
Ей равну нежность обещает:
Се Павел участь и твоя.

(«Государыне Великой Княгине
Наталии Алексеевне» (1773), 6—10).

то в оде, посвященной заключению мира, они обращают на себя внимание:

Прекрасна Роза дождалася
Уже, о нежный тя Зефир!
России тишина далася,
И входит во границы мир.

(«Государыне императрице Екатерине Второй,
на заключение мира с Портою Оттоманскою,
1774 года», 1—4).

Здесь Роза, по-видимому, олицетворяет Россию, а Зефир — тишину, мир.

Своим появлением в пиндарической оде тема розы, по всей видимости, обязана французской оде. Французским происхождением объясняются и имена, упоминавшиеся во вздорных одах и не известные русской оде (Латона, Актеон и др.), и тема в них ада.

Об аде довольно подробно говорится уже во Второй вздорной оде: «Везувий мечет из середины В подсолнечну горящий ад» (3, 4), а в Третьей — дается развернутое его описание:

...В одну минуту возвращаюсь
До самых преисподних мест.

Там вижу грозного Плутона,
Во мраке мрачный вижу взор,
Узрев меня, бежит он с трона,
А я тогда вспеваю вздор;
Из ада вижу Италию...

(39—43).

В последней строке процитированного места Сумароковым была открыта новая перспектива взгляда, устремленного из ада. Для русской оды такое видение было невозможно не только в ломоносовский одический период, но и позднее. Однако именно ему Сумароков обязан одной из наиболее ярких нарисованных им в оде картин:

Трепещут фурии во аде:
Им видно солнце и луна,
И в небе звезд им видны блески,
Торжественные слышны плески
Граждан, вельмож и храбрых войск...

(«Государыне императрице Екатерине Второй
на день ее восшествия на престол,
июня 28 дня, 1762 года», 93—97).

Оде Ломоносова и русской оде 1740—1750-х гг., находившейся в плену ломоносовских тем, было чуждо само изображение ада, преисподни, которому во вздорных одах уделено заметное место. Четырежды упомянутый во вздорных одах ад и навязчивое присутствие в них Плутона вызывают ассоциации с одами самого Сумарокова, с характерной для них адской темой.²⁴ Как и тема розы, тема ада, только намечавшаяся в одной из его ранних од, войдет в постоянный репертуар его одических тем уже после вздорных од. Строки вздорных од: «Трепещет яростный Плутон, Главу во мраке сокрывает...» («Дифирамв», 21), «Плутон от ярости скрежесчет...» («Дифирамв

²⁴ О тематических особенностях од Сумарокова см.: *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. С. 241—261.

Пегасу», 67) — вызывают в памяти стихи из оды «На государя Петра Великого», в которых изображена ярость Плутона:

В ярости Плутон бунтует,
Мещет смертоносный яд...
(«Ода на государя Петра Великого»,
161—164).

Атрибут подземного царства трон Плутона из Третьей оды («Там вижу грозного Плутона <...> Узрев меня, бежит он с трона...», 51—53) затем перейдет в оду «На день восшествия императрицы Екатерины Второй на престол, июня 28 дня, 1762 года»:

Я очи к небу обращаю
От трона твоего Плутон...
(111—112).

Эти отдельные выписки не способны передать тот удивительный эффект, который производят вздорные оды после долгого чтения од Сумарокова. В этом эффекте почти нет комизма, скорее недоумение по поводу слияния пародии с одами самого пародиста.

В новом контексте сумароковских торжественных од вздорные оды освещаются новым светом. Они предстают непонятным явлением, требующим нового осмысления. Глубоко неверным было бы не дооценить вновь открывшиеся в связи с ними проблемы, сводя переосмысление их феномена к изменению установившейся за ними дефиниции: не пародия на стиль Ломоносова, а пародия на жанр торжественной оды. Такое решение кажется неоправданно успокоительным, к тому же в нем самом содержится слишком много вопросов. Что есть пародия на жанр вообще и на жанр оды в частности? В какой мере отделима пародия на жанр оды от пародии на стиль оды? Зачем поэту, приступившему к планомерному освоению жанра оды (а ведь только с 1758 г. начинают регулярно выходить оды Сумарокова), одновременно со своими первыми в нем опытами создавать на него пародии? И наконец, если это пародия в настоящем смысле, то она должна была бы дискредитировать осмеянные в ней приемы и темы, но сам пародист их не только в дальнейшем использует, но и развивает и уточняет. Очевидно, что привычное для нас понимание пародии не может объяснить феномена вздорных од.

Для решения вопроса о жанровой природе вздорных од существенным оказывается истолкование их названия. Записка Ломоносова о запрещении их печати дала основание Гуковскому приписать определение од «вздорные» изобретению Ломоносова: «Едва ли Сумароков мог назвать так свои оды. Для него они были вовсе не „вздорными“, а наоборот, весьма серьезными произведениями, одним из орудий его в борьбе с ломоносовским направлением в поэ-

зии».²⁵ По-видимому, Гуковский определение «вздорные» возводил к слову «взор» в значение «ерунда», «чепуха». Ломоносов требовал изъять вздорные оды, как если бы он требовал не печатать вздора. При этом Гуковский не указывает, каким образом о записке Ломоносова и о значившейся там характеристике од Сумарокова мог знать Новиков, повторивший это определение в названии раздела опубликованных им пародий. Можно, конечно, предполагать, что благодаря Ломоносову за пародийными одами Сумарокова закрепилась репутация «вздорных», дожившая до конца 1770-х гг., когда Новиков готовил свое издание. Однако более кажется вероятным то, что Новиков повторил название, данное этим одам самим автором. Работая при подготовке издания с архивом Сумарокова, затем утраченным, Новиков многие произведения, в том числе вздорные оды, печатал по материалам архива, сохраняя авторские их названия, а также, по-видимому, и рубрикацию. Сам Сумароков едва ли взял бы для названия ломоносовское определение од «вздорные», тем более если оно означало их оценку. Очевидно, не Сумароков, а за ним Новиков повторили за Ломоносовым название од, а Ломоносов использовал в своей записке название цензурированного раздела, данное ему автором-Сумароковым. В пользу такого предположения склоняет и сама записка Ломоносова. В ней слово «вздорные» дано через прописную букву, как в те годы писались названия, не выделявшиеся еще кавычками. При всей любви XVIII в. к заглавным литерам оценочные слова с них не писались. Если слово «вздорные» самим Сумароковым было вынесено в название подборки од, как во всяком случае оно предстает в издании Новикова, то оно не может восприниматься как оценочное, а выглядит как некое жанровое обозначение.

Название «вздорные оды» не воспринималось в XX, да и в XIX в. как жанровое обозначение ввиду общего для этих веков понимания всякого обигрывания литературного произведения как пародии. Между тем в XVIII в. этот термин был мало известен и почти не употреблялся.²⁶ Характерно, например, что С. А. Порошин в 1765 г. его использовал применительно к воинским эзерсциям: «...говорено о ратных пародиях и несколько о гражданских законах».²⁷ Лишь Ло-

²⁵ *Гуковский Г. А.* Из истории русской оды XVIII века. С. 230.

²⁶ Сведения приводятся на основании картотеки Словаря русского языка XVIII века (ИЛИ РАН), любезно предоставленной мне сотрудниками Отдела словаря русского языка XVIII века ИЛИ РАН, за что выражаю им признательность. Помимо приведенных в статье примеров Картотека дает еще только два примера употребления в XVIII в. слова «пародия», один из которых относится к европейским впечатлениям И. И. Хемницера (Дневник путешествий по Западной Европе, 1777 г.), другой — к переводу П. И. Макарова Ж. Мемье (1795). Оба они напрямую связаны с иностранным словоупотреблением.

²⁷ *Порошин С. А.* Записки, служащие к истории его императорского высочества Павла Петровича. СПб., 1881. С. 315.

моносов в середине XVIII в. употребил слово «пародия» как термин литературы, упомянув его в знаменитом письме И. И. Шувалову от 16 октября 1753 г., посвященном бушевавшей тогда «литературной полемике»: «...пародию его [И. П. Елагина. — *Н. А.*] на „Тамиру“ <...> пропустил бы я беспристрастным молчанием...».²⁸ Однако что здесь имел в виду Ломоносов под пародией, остается неясным. В. Н. Соловьев, а за ним П. Н. Берков полагают, что речь идет о травестийной афише «От российского театра», в которой осмеивается и пристрастие Ломоносова к гиперболом, и его увлечение мозаикой; на основании строк письма они и атрибутируют ее Елагину.²⁹ Между тем Л. Б. Модзалевский в комментарии к этому месту письма отмечает: «Пародия И. П. Елагина на трагедию Ломоносова „Тамира и Селим“ неизвестна».³⁰ Обыкновенная для Л. Б. Модзалевского осторожность в данном случае оправдана и тем, что требуются специальные доказательства возможности такого словоупотребления Ломоносова. В этот период даже во французской и немецкой литературных культурах слово «пародия» значило «род стихотворных произведений, написанных по образцу какого-либо известного стихотворения, с искажением его содержания и смысла при помощи каких-нибудь изменений».³¹ Пародия при этом еще не нагружалась ставшим для нее обязательным позднее комическим смыслом, а сам термин только-только вступал в свои права для обозначения всей подражательно-травестийной литературы. Мог ли гений Ломоносова предвосхитить обычное в его время понимание термина и назвать прозаическую афишу, в которой нет никакого прямого подражания его «Тамире», «пародией» только на основании обыгрывания в ней его пристрастий и стиля од, остается вопросом. Или за елагинской афишей в петербургском кругу установилось это неточное, домашнее название, понятное без дополнительных объяснений И. И. Шувалову? Во всяком случае некая «пародия» Елагина задела Ломоносова, а значит, несла в себе компрометирующий его смысл. Сам по себе этот факт достоин внимания. В этот период в европейской литературной культуре еще преобладает старинное, восходящее к ренессансной культуре понимание пародии как исключительно стихотворного подражания произведению поэзии, «когда мы по образцу стихотворения какого-нибудь поэта приспособляем к нему наше собственное

²⁸ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. Служебные документы, письма. С. 492.

²⁹ Соловьев В. Н. Ломоносов как драматург. (Историческая справка) // Студия. 1911. № 6. С. 4; Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. С. 102—103, 303.

³⁰ Модзалевский Л. Б. Комментарии // Сочинения Ломоносова / Подг. к печати и коммент. Л. Б. Модзалевский. М.; Л., 1948. Т. 8. С. 81.

³¹ «Parodie. s. f. Sorte d'ouvrage en vers, fait sur quelque pièce de Poësie connue, que l'on détourne à un autre sujet et à un autre sens, par le moyen de quelques changemens» (Dictionnaire de L'Académie française. 4-me Ed. P., 1762. P. 303).

произведение, причем следуя как бы по его стопам, мы употребляем слова и мысли, схожие со словами и мыслями или, если угодно, противоположные и из противоположной области».³² В качестве примера пародии Феофан Прокопович приводит свою латинскую элегию, написанную от лица блаженного Алексея в подражание элегии Овидия (I, 3). Только в конце века в Россию начало проникать новое понимание пародии как «подражания стихотворению другого, смехотворное предложение стихотворения другого».³³ Спустя четверть века пародия понимается уже в расширенном значении, включающем в себя и прозу: «Пародия — подражание стихотворению другого, предложение сочинения в стихах или в прозе смешным и забавным образом».³⁴ Развернутое учение о пародии в России появится только в 1821 г. в «Словаре древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова,³⁵ при его разработке (как и вообще в работе над «Словарем») он пользовался немецкими источниками. Начиная с Остолопова осмысление феномена пародии происходило в русской науке в проекции на немецкую традицию. Исключение составляет оригинальная теория пародии Ю. Н. Тынянова, затрагивающая, правда, не столько историю пародии, сколько ее механизмы и их значение в развитии литературы, и теория А. А. Морозова, исходившего в своих построениях из опыта русской пародии XIX в.³⁶ Сложившееся на основании новой литературы русское учение о пародии закрыло для понимания все образцы шуточных подражаний XVIII в., ориентированных, по-видимому, на французскую традицию. С наибольшей очевидностью это касается вздорных од.

Французская теория пародии отличается не сравнимым с немецкой теорией богатством, отражающим особую, присущую французской культуре, литературность и как обязательную ее составляющую любовь к литературной игре. То, что мы сегодня называем пародией, во французском классицизме обозначалось термином итальянского происхождения «burlesque», что довольно точно по

³² *Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве. (De arte poetica) / Пер. Г. А. Стратановского // Феофан Прокопович. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. Л., 1961. С. 246. Латинский оригинал: «Videlicet cum ad norman poematis ab aliquo auctore editi nostrum opus ita aptamus, ut veluti vestigiis insistentes, et verba verbis, et sententiis sententias similes vel, si libuerit, contrarias et e regione oppositas conferamus» (Там же. С. 246).*

³³ *Татищев И. Полный французский и русский лексикон, с последнего издания Лексикона Французской Академии на русский язык переведенный. СПб., 1798. Т. 2. С. 228.*

³⁴ *Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту от А до У. СПб., 1803. Ч. 3. С. 230.*

³⁵ *Остолопов Н. Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 2. С. 332—333.*

³⁶ *Морозов А. А. Пародия как литературный жанр (к теории пародии) // Рус. литература. 1960. № 1. С. 48—77.*

смыслу Третиакковский переводил как «шутовство».³⁷ Если позднее в русской научной литературе (с опорой на немецкую филологию) бурлеск стал термином, обозначающим переименованные поэмы, во Франции XVII—XVIII вв. бурлески создавались в любом жанре.³⁸ Внутри общего родового понятия «бурлеск», или «траветист», во французской литературной культуре XVII—XVIII вв. существовал целый ряд других терминов, а значит, и типов литературной пародии, утративших затем свою актуальность и потому забытых. В связи со вздорными одами особенный интерес приобретает один из них — «галиматья». В отличие от «пародии» слово «galimatias» толкуется уже в первом издании «Словаря Французской Академии» 1694 г.: «Речь путаная и сбивчивая, в которой кажется говорится о чем-то, но не сказано ничего» («Discours embrouillé et confus qui semble dire quelque chose et ne dit rien»)³⁹ За словом «галиматья» стоит почтенная традиция, уходящая своими корнями в Средневековье, и в наиболее авторитетных толкованиях его происхождение связывается со школой. Возможно, школьный отзвук слова «галиматья» был еще различим Фр. Малербом, как будто бы первым употребившим его в новом контексте. «Пиндаровой галиматией» («Galimatias de Pindare») он окрестил оды П. Ронсара, написанные в подражание Пиндару, и это определение надолго во французской культуре запомнилось. По-видимому, тогда же, возможно не без влияния Малерба, «галиматья» становится чем-то вроде термина, определяющего особый вид стихотворного подражания оде, в котором заключен комический эффект. Как род комического подражания «галиматья», по-видимому, уже тогда соотносилась именно с пиндарической одой. Так, в 1595 г. Ш.-Т. де Сигонь (Charles-Timoléon de Sigogne, 1560—1611) создал удачную пародию на оду, назвав ее «Galimatias». Хотя она написана сапфической строфой, в ней обыгрывается пиндарический, а не горацкианский стиль.

Принципиальное отличие галиматии от пародии (в понимании того времени) заключается в обязательном комическом эффекте первой, и в том, что галиматия обыгрывает не конкретное известное произведение (как пародия), а стиль, приемы высокой (пиндарической) оды вообще. Пародия в эту эпоху могла быть написана только на конкретную оду, пародия на пиндарическую оду вообще — галиматия. Так, шуточное подражание Буало Первой оде Пиндара «Parodie burlesque de la 1re ode de Pindare» галиматией не является, по-

³⁷ Третиакковский В. К. Наука о стихотворении и поэзии с французских стихов Боало-Депреовых стихами ж. // Третиакковский Василий. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб., 1752. Т. 1. С. 10.

³⁸ Bar F. Genre burlesque en France au XVIIe siècle. Etude de style. D'Arthey, 1960; см. также: *Nédélec Cl.* Burlesque et interprétation. Les dossiers du Grihl. Le XVIIe siècle, mis en ligne le 14 novembre 2007. URL: <http://dossiersgrihl.revues.org/document329.html>. Consulté le 13 avril 2008.

³⁹ Dictionnaire de L'Académie française. P., 1694. P. 509.

сколько пародирует одну конкретную оду, отсюда и его название — «*parodie burlesque*». Традиция создания комического подражания оде в форме «галиматьи» не полностью умерла ко временам Вольтера, обратившегося к ней в своей известной оде «*Galimatias Pindarique*» (1766), в основу которой положено прославление петербургского Каруселя 1765 г.⁴⁰ То, что между Сигонем и Вольтером создавались галиматьи, и по всей видимости пиндарические, можно заключить не только из появления вдруг в 1766 г. оды Вольтера, но и из чуть более раннего опыта вздорных од Сумарокова.

По всей видимости, вздорные оды принадлежат к разновидности пародии (в современном смысле) — к галиматье, и в перспективе они должны быть соотнесены с этой французской традицией. Ее исследование для понимания вздорных од представляется чрезвычайно важным, в ходе него должны быть обнаружены французские галиматьи, могущие быть известными Сумарокову. Есть надежда, что среди них отыщется прямой источник его вздорных од, из которого он, возможно, черпал неуместные в пародии на русскую оду имена и мотивы. На принадлежность вздорных од к галиматье указывает и осмеянный в них высокий одический стиль, в России связанный с именем Ломоносова, но по существу своему пиндарический, и их название. Оно представляет собой, по всей видимости, кальку с французского «*Galimatias des ode*», «одическая галиматья», или, что позволяет русский язык, «галиматейные»,⁴¹ «вздорные» оды. Более точно, вернее, с сохранением французского термина «галиматья», Сумароков назвать свои оды не мог, поскольку слова «галиматья» в 1750-е гг. в русском языке еще не было. «Словарь русского языка XVIII века» фиксирует первое его употребление в «Российской универсальной грамматике, или Всеобщем письмовнике» Н. Г. Курганова,⁴² который перевел его как «вранье, вздор».⁴³ Допущенная Кургановым в слове ошибка — «галаматья» свидетельствует, очевидно, не об его обрусении, а, напротив, о его еще инородности русскому слуху. Слово «вздор» станет затем устойчивым русским аналогом французской «галиматьи», без обязательных в отличие от французского языка признаков арго литераторов: «Вздор, чепуха, пустошь, вранье, бессмыслица, берибарда, враки, пустословие, нелепица» — толкует слово «галиматья» «Русско-французский лексикон».⁴⁴ В XIX в.

⁴⁰ *Voltaire M. Galimatias Pindarique sur un carrousel donné par l'impératrice de Russie* // *Voltaire M. Œuvres complètes de Voltaire*. Paris: Garnier, 1877—1885. Т. 8. P. 486—488. См. о ней: *Smoljarova T. Voltaire et la parodie de l'ode au XVIII siècle // Séries parodiques*. Presses de l'Université Paris Sorbonne. 2005. P. 239—260.

⁴¹ Это редкое в русском языке прилагательное приводит В. И. Даль (Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1880. Т. 1. С. 351).

⁴² Словарь русского языка XVIII века. Л., 1989. Вып. 5. С. 52.

⁴³ *Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщий письмовник*. СПб., 1769. С. 389.

⁴⁴ *Татищев И. Полный французский и русский лексикон...* Т. 1. С. 771.

по мере усвоения русским языком французского слова связь его значения с речью утрачивалась, сегодня слово «галиматья» вовсе не обязательно употребляется в связи с культурой речи. Уже Сумароков, использовавший французское слово «galimatias» в письме, написанном по-французски 5 августа 1758 г., пренебрег его литературным контекстом: «...les médecians avec tous leurs galimatias et les charlataneries».⁴⁵ «Все лекари с их галиматей и шарлатанством», как значитесь в современном переводе письма,⁴⁶ а для XVIII в. лучше бы: «с их вздором и плутнями» и даже: «с враньем и плутнями» (согласно Курганову). Примечательно, что письмо с проговоренным в нем словом «galimatias» писано в период, близкий к созданию вздорных од.

В России, кажется, только Н. П. Николев использовал слово «галиматья» как термин. Свое неповерхностное знакомство с французской теорией и практикой пародии он высказал в одной из «Нот» «Пополнительных примечаний» к своему «Лиро-дидактическому посланию Е. Р. Дашковой» (1791). В ней подробное рассуждение о гиперболе как фигуре речи, свойственной одическому стилю, заключается упоминанием «шутливых гипербол», а в связи с ними фебуса и галиматьи. «Ибо сколько к гиперболе близка ложь, столько к оной близок так называемый фебус, фигура, едва имеющая свет, или оборот, едва заключающий в себе смысл, а к фебусу — галиматья, по-русски, бестолковщина».⁴⁷ Николев точно выстраивает генеалогию галиматьи: она восходит к фебусу (фигуре в русской риторике неизвестной), тот — к «шутливой» (комичной) гиперболе, та — к гиперболе как таковой. Все дело лишь в градусе преувеличения, с возрастанием которого возрастает комизм и утрачивается смысл. «Нота» оканчивается образцами французской и русской галиматьи:

Ночь мрачный кров свой опустила,
Стадами облака сгустила,
Стихии там готовят рать,
Запоры зрят себе отверсты,
Ничто не колет оных персты,
Мнят, бренность взвив, к верхам поднять.

Цитируемая Николевым ода, кажется, не была напечатана. Судя по приведенной строфе она относится скорее к петровскому, чем к ломоносовскому периоду истории оды. Едва ли она принадлежит самому Николеву, автору довольно неуклюжих «забавных» од, среди которых наибольшей известностью пользовалась «Ода рос-

⁴⁵ Сумароков А. П. Письмо И. И. Шувалову от 5 августа 1758 г. / Подг. текста и примеч. В. П. Степанова // Письма русских писателей. Л., 1980. С. 82.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Николев Н. П. Пополнительные примечания на Лиро-дидактическое сочинение // Николев Н. П. Творения. М., 1795. Ч. 3. С. 376.

сийским солдатам на взятие крепости Очакова...».⁴⁸ Хотя С. Т. Аксаков вспоминал о ней как о «всем известной тогда пародии на Третьяковского»,⁴⁹ его ода не пародийна не только в строгом очерченном выше смысле, но и ни в каком другом. Есть все основания полагать, что, явившись второй одой Николева в таком роде, она представляет собой опыт «забавной», а не шутливой (трагедийной) оды. Его первой «забавной» одой стала ода «К премудрой Фелице от старого русского пииты из царства мертвых», написанная, очевидно, вскоре после выхода в «Собеседнике любителей российского слова» державинской «Фелицы», т. е. в 1783 г.⁵⁰ Обе они воспевают слишком серьезные предметы (первая — императрицу, вторая — победу), чтобы рассчитывать на какой-либо комический смысл. Скорее, Николев надеялся по примеру Державина создать свой вариант «забавного слога» и прибегнул к обыгрыванию славянщины, вспомнив в связи с ней Третьяковского. Ни форма од, ни их стиль никакого отношения к творчеству Третьяковского не имеют:

Буди преклонна вниманьем Фелица!
Древний пиита из ада поет,
Нудит взять лиру твоя мя десница,
Кая блаженство полсвету дает.⁵¹

Восприятие современниками «Оды российским солдатам на взятие крепости Очакова...» как пародии на Третьяковского относится скорее к вопросу о репутации в 1790-х гг. покойного поэта, чем к проблеме пародии. В этих забавных одах Николева впервые прозвучала строфа, связанная в истории поэзии с именем Державина («Снигирь» (1800), «Весна» (1804)) и считающаяся в научной литературе державинским открытием.⁵² Примечательно, что Державин, вероятно как и Аксаков, запомнивший эти оды, не пренебрег при создании своих шедевров их формой. Забавные, в восприятии современников — бурлескные, пародийные, оды оказались в одном поле с одами высокого звучания.

⁴⁸ [Николев Н. П.] Две оды на взятие победоносным российским воинством города Очакова 1788 года, декабря 6 дня, сочиненные первая Т...м в царстве мертвых, вторая отставным солдатом Монсеем Слепцовым. М., 1788.

⁴⁹ Аксаков С. Т. [Воспоминания о писателе Н. П. Николеве] // Аксаков С. Т. Разные сочинения. М., 1858. С. 21. И Н. Ф. Остолопов относит эту оду Николева к пародии, ссылаясь на нее в качестве примера разновидности пародии, «состоящей в писании стихов во вкусе и слогом худых стихотворцев» (Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. С. 57).

⁵⁰ Датировать первую оду, кажется тогда неизданную, позволяет ее шестая строфа «Мать человек К стихам не строга, В том „Собеседник“ порукою свету, В коем и роза, и колки рога» (Николев Н. П. Творения. М., 1797. Т. 4. С. 6).

⁵¹ Там же. С. 5.

⁵² Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984. С. 63.

В создании пародий на оду можно угадать закономерность. В немецкой поэзии первые пародии на оду появляются в связи со знаменитой в немецкой поэзии одой Мартина Опица «Ich empfinde fast ein Grauen...» (Я испытываю почти отвращение...),⁵³ автора первых немецких пиндарических од. Среди них собственно пародии не всегда отличимы от подражания.⁵⁴ В 1695 г. сразу после обновления пиндарической оды Буало выходят восемь пародий на его знаменитую оду «На взятие Намюра» (1693).⁵⁵ Пародии на оду, на пиндарическую оду, создаются близко к моменту зарождения и расцвета жанра, а не как итог его бытия и знак умирания. Пародия (в широком смысле) сопутствует оде, как ее отражение, двойник, и, видимо, там, где пиндарическая ода переживает подъем, следует искать ее тень — пародию на нее, или галиматью.

Причина создания Сумароковым вздорных од заключается не в прямом заимствовании или подражании французской традиции галиматьи, хотя он несомненно был с нею знаком, а в этой общей протупающей закономерности. В 1758—1759 гг. русская ода под пером Ломоносова была живым явлением, переживающим свой удивительный расцвет. В ее успехе и заключена основная причина появления ее двойника — шутливой ей подражания. Оно возникло столь же естественно, как с самого начала появления од Ломоносова серьезные им подражания. Между одой, серьезным ей подражанием и подражанием шутовым трудно провести жесткую границу, они находятся в родственной связи. Авторы шутовых подражаний — чаще всего сами одописцы. Так, упоминавшийся Сигонь был автором пиндарических од, и сам Буало, чье имя не может не ассоциироваться в новой поэзии с пиндарической одой, написал пародию на оду Пиндара примерно в то же время, что и свою прославленную оду «На взятие Намюра» (1693). Пятый стих пародии «Mais, ô ma lyre fidèle...» (Но, о лира моя верная)⁵⁶ повторяет пятый стих второй строфы оды «На взятие Намюра»: «Mais, ô ma fidèle lyre!»⁵⁷ И как раз этот стих был обыгран в одной из пародий на Намюрскую оду: «Elle est le pinseau fidele...» (Она — моя верная кисть...).⁵⁸ Не зная об этом и не увидев в строке ничего комического, ее заимствовал у Буало молодой Сумароков в оде «На государя Петра Великого»: «О, моя любезна лира».⁵⁹

⁵³ Verweyden Th. Theorie und Geschichte der Parodie. T. IV // www.phil.uni-erlangen.de/

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Они вошли в издание: Recueil de pièces curieuses et nouvelles, tant en prose qu'en vers. A la Haye, 1695. T. IV. Об этих пародиях см.: Smoljarova T. L'Ode sur la prise de Namur: Entre ode et parodie // Papers on French Seventeenth Century Literature. 2004. N 61. P. 401—416.

⁵⁶ Œuvres complètes de Nicolas Boileau Despréaux. Paris, 1851. T. 2. P. 63.

⁵⁷ Ibid. T. 1. P. 63.

⁵⁸ Recueil de pièces curieuses et nouvelles, tant en prose qu'en vers. T. IV. P. 27.

⁵⁹ Сумароков А. П. Ода на победы государя Петра Великого // Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. Ч. 2. С. 3.

Одописцами были и пародисты Опица, и пародисты Буало. Близость шуточного подражания оде серьезному ей подражанию растворяет полемическое начало пародий, далеко не все они создавались с намерением дискредитации жанра или стиля. Их присутствие в поэзии скорее служило контролем допустимой высоты стиля, напоминаям об опасности впасть в чрезмерный гиперболизм, становящийся, по выражению Николева, «шутливым» (т. е. комичным), приближенным к фебусу, а там и к галиматье, оборачивающейся пустотой.

Вздорные оды отражают чрезвычайно важный этап в становлении оды Сумарокова и на уровне ее стиля, и на уровне тем. Переключка первых трех вздорных од с одами «О Прусской войне» и «На Франкфуртскую победу» дает дополнительную аргументацию их датировки осенью 1759 г., а значит, и намерению Сумарокова опубликовать их в «Трудолюбивой пчеле». Они, по-видимому, должны были быть напечатаны в октябрьском номере, в который прошел лишь «Дифирамб», и оказаться тем самым в одной тетради с торжественной одой «На Франкфуртскую победу», что странным образом не смущало их честолюбивого автора. Родственности тем и общности строк торжественной оды со вздорными он, видимо, не ощущал. Как и не ощущал этого Буало, использовавший одну и ту же строку в пародии на оду и в высокой оде. Новые имена и понятия, новые темы входят либо одновременно в торжественную оду «На Франкфуртскую победу» и во вздорные оды, либо впервые появляются во вздорных одах и из них переходят в оригинальные оды Сумарокова да и других поэтов.⁶⁰ Вздорные оды оказываются некоей лабораторией сумароковской оды, в которой пробуются формулы и темы, интонация и форма. К принципиальным новаторствам следует отнести белый стих первой вздорной оды, о котором в 1750-е гг. много говорилось, но который впервые будет использован в торжественной оде только в 1774 г., и, что замечательно, — самим Сумароковым.⁶¹

Единое поле словесного выражения и единый по существу стиль торжественной оды и вздорных од связаны не с ограниченностью одического словаря и синтаксической и интонационной узостью оды, а определяется самой ее жанровой сущностью.⁶² Ведь комизм

⁶⁰ К 3—4-й строкам Второй вздорной оды: «Везувий мечет из средины В подсолнечну горящий ад...» восходит знаменитое начало оды Державина «На взятие Измаила» (1791): «Везувий пламя изрыгает...».

⁶¹ Сумароков А. П. Ода князю Григорию Александровичу Потемкину // Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. Ч. 2. С. 157—158.

⁶² К схожему выводу пришел В. М. Живов: «Если рассматривать вздорные оды как жанровую пародию, они обнажают не столько „безумства“ Ломоносова или Петрова, сколько конститутивные признаки жанра» (Живов В. М. Язык и стиль А. П. Сумарокова. С. 42), при этом сами «конститутивные признаки жанра оды» им понимаются принципиально иначе, чем мной. Живов видит их в «риторических средствах, создающих одическое великолепие» (Там же. С. 44). Не вполне понятно, почему использование одних и тех же «риторических средств», что признает и Живов, приводит и к оде, и к пародии на оду.

вздорных од часто возникает не от усугубления отдельных выражений торжественной оды, а от простого повторения в них гипербол, для торжественной оды как раз обычных. Нейтральные в контексте торжественной оды строки во вздорных одах приобретают комическое звучание. Само их включение во вздорную оду свидетельствует о «готовности» слов и выражений, стихов и двустийших одновременно для оды и для пародии на нее. Пародия на оду, или галиматъя, по-видимому, отличается от других пародий, в том числе от сумароковских пародий на Третьяковского, тем, что она не требует специального отбора неудачных мест или утрирования приемов предмета пародии, для нее достаточно повторения строк и выражений. Обыгрывание языковых оплошностей Ломоносова (например, частое в его одах просторечное «нынъ» или однажды допущенная им вольность: «Желает смерть снести стократ...»⁶³) растворяется в общем контексте вздорных од, оно могло вызывать смех лишь у современников. Комический эффект галиматъя достигается и не контрастом высокого и низкого (как было в эпическом бурлеске), не привнесением в узнаваемые высокие выражения нового низкого смысла (как было и в немецких пародиях на конкретные оды), а лишь разрушением смысла, стоявшего за теми же выражениями в самой оде. Разрушение достигается снятием присущего оде напряжения, определяющего ее смысл. При перенесении строки из контекста оды во вздорную оду напряжение теряется, и этим обеспечивается необходимый для всякой пародии смысловой сдвиг. Вне оды, в новом контексте (как и вне всякого контекста) одические строки оказываются бессмыслицей, вздором. Одновременно и отсутствие в оде напряжения приводит к автопародии. Легкость создания галиматъя и опасность для описателя впасть в невольную галиматъю, автопародию, имеют общую причинность. Совсем не случайно, что торжественные оды Сумарокова содержат в себе немало автопародийных мест, на что первым обратил внимание П. Н. Берков, приведя некоторые из них в своей статье.⁶⁴ Целые строфы его торжественных од могли бы вполне уложиться во вздорные оды. Ода обречена на балансирование между невозможной в поэзии высотой и низким комизмом. Об этой опасности, очевидно, и предупреждал Гораций в хрестоматийно известных в одическую эпоху строках:

Тот, держась на крыльях, скрепленных воском,
Морю имя дать обречен, как Икар,
Кто, о Юл, в стихах состязаться — дерзкий —
С Пиндаром тщится...

(IV, 2; перевод Н. С. Гинцбурга).

⁶³ Ломоносов М. В. Первые трофеи его величества Иоанна III... // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 51.

⁶⁴ Берков П. Н. Жизненный и литературный путь А. П. Сумарокова // Сумароков А. П. Избранные произведения. С. 32. См. также: Алексеева Н. Ю. Русская ода. С. 259—260.

Высокая ода не может быть второго сорта, плохая пиндарическая ода не более чем чепуха — «пиндарическая галиматья».

Заложенная в самом жанре оды легкая возможность превращения в галиматю объясняет создание Сумароковым вздорных од. Его работа над собственными одами во второй половине 1750-х гг. привела к тому, что «готовые» слова, выражения, строки в своем сплетении становились галиматей, и не требовалось особенных усилий, чтобы при редком остроумии Сумарокова оформить ее во вздорные оды. При этом испытывая к Ломоносову недружеские чувства и с особенной остротой воспринимая его стилистические промахи, Сумароков придал одам антиломоносовскую направленность, заострив ее прямыми выпадами против уже личности Ломоносова, что было вполне в характере пародиста. И все же не литературная борьба с Ломоносовым определила появление вздорных од, а склонность Сумарокова к литературной игре, обнаруженная им и ранее при создании пародий на Тредиаковского и комедий «Тресотиниус» (1750) и «Чудовищи» (1750), осмеивающих его личность. Обыгрывание и тем самым дискредитация торжественной оды показалась Ломоносову неуместной и даже оскорбительной. В глаза ему бросились переклички с его собственными одами, а не сумароковскими, которые в своем большинстве были еще не написаны. Кроме од Ломоносова, к концу 1750-х гг. русские торжественные оды исчислялись единицами, и можно говорить о том, что пародии на оду были созданы накануне освоения этого жанра и Сумароковым, и русской поэзией в целом, — освоения, произошедшего только в начале 1760-х гг. При оценке реакции Ломоносова на вздорные оды следует иметь в виду, что классицизм, с его учением о величии поэзии, высокими жанрами, высоким стилем, в эту пору в России только-только еще устанавливался и что Ломоносов вслед за Тредиаковским затратил немало усилий, чтобы привить в обществе чувство высокого и любовь к высокой поэзии. Ломоносов сознательно отверг те из вздорных од, которые были написаны десятистишной строфой и помимо своей пиндарической формы содержали в себе наибольший пародийный заряд. Пропущенный же в «Трудолюбивую пчелу» «Дифирамв» к одическому стилю почти не имел отношения, а отличался откровенной и грубой насмешкой над самим Ломоносовым, приближаясь к прямой сатире на лицо, в духе стихотворений так называемой литературной полемики 1753 г. Жесткость позиции Ломоносова по отношению к вздорным одам, по-видимому, спасла репутацию торжественной оды, но повредила ее развитию, отняв у оды ее отражение, ревниво оберегавшего его двойника. Опасность превращения оды в галиматю оказалась реальностью в бесчисленных русских одах второй половины века.

С. И. НИКОЛАЕВ

ВДОХНОВЕНИЕ И ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА

Процесс создания произведения у писателей XVIII в. имел как рациональную, так и иррациональную сторону. С одной стороны, обычно это был тяжкий и даже изнурительный труд — труд, ориентированный на правила и образцы. На протяжении всего века концепция «подражания авторам» не теряла своего значения.¹ Рациональное в творческом процессе сказывалось и в его организации. Так, М. В. Ломоносов, по свидетельству Я. Штелина, взял себе за правило каждый день писать 30 строк поэмы «Петр Великий».² Таким образом работали многие, в том числе Н. М. Карамзин. Вот как вспоминал о нем М. А. Дмитриев: «Карамзин вел жизнь чрезвычайно регулярную. Вставал рано и после кофию тотчас принимался за работу. Часа за два до обеда всякой день ездил верхом. Обедал, помнится, часа в три: тогда это было поздно. Не знаю, отдыхал ли он после обеда, но занимался и после: по крайней мере до десяти часов вечера он был невидим. В десять часов выходил в гостиную пить чай, и к этому времени всегда съезжались к нему, кто хотел его видеть».³

С другой стороны, не все и не всегда протекало так гладко. В размеренно правильную работу вторгалось иррациональное, попросту говоря — отсутствие вдохновения. Сам Карамзин писал в 1822 г. И. И. Дмитриеву: «Истории еще не изменяю: сижу в кабинете часов по пяти, хотя иногда и бесплодно или почти бесплодно».⁴ То же бывало и с Г. Р. Державиным, который неоднократно вспоминал об этом

¹ См., в частности: *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994. С. 78—93.

² См.: *Материалы для истории русской литературы / Изд. П. А. Ефремов.* СПб., 1867. С. 165.

³ *Дмитриев М.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 100.

⁴ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 331.

в своих «Записках»: «По желанию Императрицы, как выше сказано, чтоб Державин продолжал писать в честь ее более в роде Фелицы, хотя дал он ей в том слово, но не мог оно сдержать по причине разных придворных каверз, коими его беспрестанно раздражали: не мог он воспламенить так своего духа, чтоб поддерживать свой высокий прежний идеал, когда вблизи увидел подлинник человеческого с великими слабостями. Сколько раз ни принимался, сидя по неделе для того запершись в своем кабинете, но ничего не в состоянии был такого сделать, чем бы он был доволен: все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, как у прочих цеховых стихотворцев, у коих только слышны слова, а не мысли и чувства», «Случалось, что [Екатерина II. — С. Н.] заводила речь и о стихах докладчика, и неоднократно, так сказать, прашивала его, чтоб он писал в роде оды Фелице. Он ей обещал и несколько раз принимался, запираясь по неделе дома; но ничего написать не мог, не будучи возбужден каким-либо патриотическим славным подвигом».⁵ «Возбужден» — важное для автора слово. В «Рассуждении о лирической поэзии» он дал вдохновению подробное определение, в котором слышен и личный опыт автора: «Вдохновение не что иное есть, как живое ощущение, дар Неба, луч Божества. Поэт, в полном упоении чувств своих разгораясь свышним оным пламенем или, простее сказать, воображением, приходит в восторг, схватывает лиру и поет, что ему велит его сердце. Не разгораясь, не чувствуя себя восхищенным, и приниматься он за лиру не должен. Вдохновение рождается прикосновением случая к страсти поэта, как искра в пепле, оживляясь дуновением ветра; воспламеняется помыслами, усугубляется ободрением, поддерживается окружными видами, согласными со страстью, которая его трогает, и обнаруживается впечатлением, или изливанием мыслей о той страсти, или ее предметах, которые воспеваются. В прямом вдохновении нет ни связи, ни холодного рассуждения; оно даже их убегает и в высоком парении своем ищет только живых, чрезвычайных, занимательных представлений. От того-то в превосходных лириках всякое слово есть мысль, всякая мысль — картина, всякая картина — чувство, всякое чувство — выражение, то высокое, то пламенное, то сильное, то особую краску и приятность в себе имеющее. Но вдохновение может быть не всегда высокое, а чаще между порывным и громким посредственное, заемное от воспламеняемого предмета, обстоятельств или собственного состава и расположения поэта; а потому и может быть у всякого свое и по временам отличное вдохновение по настроению лиры или по наитию гения. Исчислять все его виды было бы весьма пространно».⁶ Очевидно, что Державину ближе определение вдохновения, восходящее к идеям платоников

⁵ Державин Г. Р. Избранная проза. М., 1984. С. 176, 143.

⁶ Там же. С. 280—281. Ср.: Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1872. Т. 7. С. 523.

и неоплатоников, которые художественное творчество, возбужденное божественным вмешательством, ставили выше ремесленного следования правилам поэтики и риторики.

В отечественную эстетическую номенклатуру понятие «поэтического восторга» первым ввел, как кажется, Феофан Прокопович в своей «Поэтике»: «...небесный порыв, который одни прозвали восторженностью, а другие энтузиазмом» («*mentis impetum, quem furorem alii, alii enthusiasmum vocaverunt*»).⁷ Причем он относился к «восторженности» с некоторой настороженностью; так, в «Слове похвальном о флоте российском» (1720) он писал: «Суесловие есть, естьли не безумие неких стихотворцев, котории так плавания воднаго ненавидят, что и первых того изобретателей проклинают. Обычно господа онии вымыслы своя нарицают неким восхищением, или восторгом, — да часто им в восторгах своих недоброе видится».⁸ Но для его младшего современника В. К. Тредиаковского «пиитический жар, называемый энтузиазмом»,⁹ стал важнейшей частью творческого процесса. Именно Тредиаковскому принадлежит редкое в русской литературе описание состояния «поэтического восторга», испытанного им в 1733 г.: «И вот сначала послышался голос очень тихий и прелестный, совершенно растрогавший мое сердце, и звуки гармонической лиры, на которой играли с изумительной грациею. Чудесное движение меня охватило так могущественно, что я пришел в восторг (*que jem suis trouvé en extase*). Тогда, несмотря на исступление (*malgré la violence*), которое чувствовал в себе под влиянием этой гармонической и небесной мелодии, мне не хотелось выдти из этого состояния, так как в нем я испытывал невообразимую негу и ни с чем несравненное удовольствие. Чем более пели, тем сильнее мои чувства предавались восторгу (*plus mes sens se rupoient au ravissement*). <...> Потеряв способность чувствовать все прелести мира, я только был чутким и привязанным к тихим звукам. Они были приносимы так явственно, что я не проронил из них ни одного слова».¹⁰ Тредиаковский назвал и источник этой идеи — Пиндар и Гораций: «Они только одни умели писать так чудесно, когда, чтоб изъяснить разум свой как бы вне себя быть, прерывали с умысла последование своей речи, и чтоб лучше входить в разум, выходили <...> из самого разума, удаляясь с великим старанием от того по-

⁷ Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 345, 237.

⁸ Там же. С. 106.

⁹ Тредиаковский В. К. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю, 1750 // Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII в. / Изд. А. Куник. СПб., 1865. Ч. 2. С. 438.

¹⁰ Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 41—42; ср.: Логосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730—1762 гг. Tartu, 1997. С. 49.

рядка методичного и исправного связания сенса».¹¹ Отношение к «поэтическому восторгу» (*enthusiasmus*, один из вариантов термина *furog roeticus*, поэтического безумия, т. е. божественного вдохновения) определило и отличия гораціанской оды от оды пиндарической в русской поэзии XVIII в.,¹² а в конечном счете особенности русского барокко и предромантизма, с одной стороны, и классицизма — с другой. Именно в этом контексте надо рассматривать суждение М. А. Дмитриева о М. М. Хераскове: «У него нет внезапного пыла; он заменил его терпением и искусством».¹³ Разное отношение к концепции «поэтического восторга», а также к гораціанскому решению соотношения *ars-ingenium* (науки и таланта) в творчестве отличало писателя «труженика» от праздного «гения».¹⁴

Поэтическое «исступление», когда поэты были «как бы вне себя»¹⁵ и «выходили <...> из самого разума», отмечалось и современниками. Так, Г. Н. Теплов писал о Третьяковском в 1755 г.: «Все сие в пасквиле находится к концу пьесы; ибо когда он вошел около середины оныя в энтузиазм, то, забывшись, что он притворяется быть не Третьяковским, вошел в себя нечувствительно».¹⁶ Состояние исступления у Н. Е. Струйского отмечал И. М. Долгоруков: «Странен был в образе жизни, в обращении, в одежде, в правилах, во всем. Дом его в деревне был высок и огромен; в нем, на самом веру, он отвел себе кабинет и назвал его Парнасом. Там он предавался своим вдохновениям пиитическим; этот кабинет завален был всякой всячиной и представлял живое подобие хаоса. Я никогда не забуду, как однажды, увлечен будучи им самим туда, с одним товарищем моим дорожным, для выслушивания новой какой-то его пьесы, он с таким восторгом и жаром читал, что схватил внезапно моего товарища,

¹¹ Третьяковский В. К. Рассуждение о оде вообще СПб., 1734. С. 26. Ср.: Топоров В. Н. Поэт // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 327—328.

¹² См. подробнее: Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005.

¹³ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 29. По воспоминаниям современников, М. М. Херасков «жизнь вел отменно регулярную: вставал обыкновенно в 7 часов и тотчас принимался за чтение или письмо <...> трудился много» (цит. по: Кочеткова Н. Д. Херасков М. М. // Словарь русских писателей XVIII в. Т. 3. (В печати).

¹⁴ См. подробнее: Николаев С. И. 1) Что такое «острота телесного ума» протопопа Аввакума? // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Сборник к 70-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2000. С. 71—76; 2) Образ писателя и эстетика творчества в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 82—95.

¹⁵ Находиться «вне себя» как раз и означает испытывать «восторг», который подразумевал в языке XVIII в. в том числе и поэтическое вдохновение, см.: Словарь русского языка XVIII века. Л., 1988. Вып. 4. С. 97.

¹⁶ Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге. Т. 2. С. 190. См.: Алексеев А. Утраченное сочинение Третьяковского // *Judaeo-Slavica et Russica. Festschrift Professor Ilya Serman. Иерусалим; М., 2004. С. 83—90. (Jews and Slavs. Vol. 14).*

рядом с ним сидевшего, за ляжку, и так плотно, что тот вздрогнул и закричал, а Струйский, не внемля ничему, продолжал чтение свое, как человек в иступлении».¹⁷ С понятием поэтического безумия¹⁸ связана и «стихотворная горячка» (М. В. Милонов), один из видов недугов литераторов, над которым издевался А. П. Сумароков в разговоре «Медик и стихотворец».¹⁹ Сохранилось любопытное автоописание болезненного состояния Е. Кострова, вызванного, вероятно, белой горячкой.²⁰ Будучи в жару, он бредил, причем стихами: «Жар во мне опять начал возобновляться; я каждого, приходящего ко мне, поздравлял стихами и разговаривал стихами же; наконец, от сильного жара, начал я на постели биться, не теряя, впрочем, памяти», «После него прибыл другой доктор, господин З..., и я сделал ему приветствие стихами».²¹ Таким образом, находясь в состоянии поэтического иступления, поэт забывается и переходит на стихотворную речь. Можно предположить, что часто встречающиеся в литературе XVIII в. упоминания о «бреду» («моя бредня» — А. Д. Кантемир; «на рифмах бредни» — Н. И. Новиков; «бредит все стихами» — А. Е. Измайлов; «я брежу эпически» — М. Н. Муравьев; «продолжение бредов на ум не идет» — В. В. Капнист; «стихотворец набредит» — А. П. Сумароков, «бредить бред» — И. С. Барков, и другие) не всегда подразумевают что-то бессмысленное или несуразное, а являются отголоском идеи поэтического творчества как *furor poeticus*, «поэтического безумия».

Но как быть, если музы молчат? Если «пермесский жар» не горит? Если дух не воспаряет?²² Тогда наступала пора «творческих мук»: бесплодных ночных бдений или бесцельного маранья листов. Державин, например, «сочиняя стихи и будучи недоволен ими, беспрепятственно начинал задуманную пьесу на новом листе бумаги,

¹⁷ Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с которыми я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997. С. 159. Ср.: Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 85—86.

¹⁸ См.: Burwick F. Poetic Madness and the Romantic Imagination. University Park: Pennsylvania University Press, 1966.

¹⁹ См.: Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений. М., 1787. Ч. 6. С. 333—336. См. на эту тему подборку материалов «Болезнь писателя: творческая саморефлексия и клиническая картина» // Новое литературное обозрение. № 69. 2004. С. 89—129.

²⁰ См.: Необыкновенное приключение, бывшее в Москве в конце прошедшего столетия, с г-м К..., русским ученым, и им самим описанное // Некоторые любопытные приключения и сны, из древних и новых времен. М., 1829. С. 173—187.

²¹ Там же. С. 183, 184.

²² См.: Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1867. Т. 1. С. 461: «Пока ум свободен тела, дух его. Гораций здесь следует мнению платоников, которые, рассуждая о действии души, подтверждали, что будто во время размышления она впрямь от тела отделяется, чтоб возвыситься над вещами земными и подвинуться к вещам, кои исследовать намерена».

так что иногда перед ним накоплялась целая кипа только початых листов».²³ Правда, возможны были разнообразные паллиативные средства, например создание соответствующего антуража, вроде Парнаса в доме Н. Е. Струйского. О В. П. Петрове писал М. Дмитриев: «Алексей Федорович Малиновский знал Петрова лично. Он рассказывал, будто Петров писал некоторые оды, ходя по Кремлю; а за ним носил кто-то бумагу и чернилицу. При виде Кремля он наполнялся восторгом, останавливался и писал. Странно, но в то же время и прекрасно: видеть поэта, на которого так сильно действовал наш Кремль, полный великих воспоминаний!»²⁴ Но и подобные средства не всегда вызывали «пермесский жар». В русской поэзии XVIII в. найдется немало описаний мучений поэта. Вероятно, первым творческие муки автора над чистым листом бумаги описал А. Кантемир:

Наконец, что б ни делал, тому то мне дивно,
Как намерению все бывает противно;
И когда от ярости, что чинить, не знаю,
Печален, смущен, устал, мыслить оставляю,
Заклиная демона, что подал причину,
Обещаясь: навсегда, ей, писать покину.
Но когда всех добре клял, то музу, то Феба,
Вижу их пред собою, когда меньше треба;
Поневоле во мне огонь тогда распалится,
Взяв перо и бумагу, опять стал трудиться;
Суетные все клятвы скоро забываю,
Стих за стихом как придут, только ожидаю.
.....
Труды свои двадцать раз я вновь начинаю,
Как три строчки напишу, то две замараю.
Будь проклят, кто выдумал первый не учить,
Как в стихе кратком мысль всю свою заключить,
Пространны слова в тюрьму тесну запирая,
Рассуждение с рифмой вместе сплетая.²⁵

В ожидании вдохновения поэт бывал исключительно собран и сосредоточен, что часто принималось окружающими за рассеянность. Так было с М. В. Ломоносовым: «Размышление и пылкость воображения сделали Ломоносова под старость чрезвычайно рассеянным. Он нередко во время обеда вместо пера, которое он по школьной привычке любил класть за ухо, клал ложку, которою хлебал горячее, или утирался своим париком, который снимал с себя, когда принимался за щи. Редко, бывало, напишет он бумагу, чтоб не

²³ Грот Я. К. Участие Державина в «Санкт-Петербургском вестнике» // Современник. 1845. № 4. С. 61.

²⁴ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 24.

²⁵ Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 344—345. (Перевод из Н. Буало).

засыпать ее чернилами вместо песку».²⁶ Но точно так же описывались мучения автора и в сатирических журналах: «Я черню и перечерниваю, засыпаю песком, но ах! вместо песошницы я употребил чернильницу. Увы! источники чернильные проливаются по бумаге и по столу. Позорище сие ослабляет мои чувства... Я лишаюсь оных... падаю в обмороч. . . упал на стол, замарал лицо и так лежу».²⁷

Сосредоточенность на творчестве в высшей степени была прищуща Державину. И. И. Дмитриев рассказывал племяннику, что «однажды видел он, что Державин стоит у окна и что-то шепчет. На вопрос об этом Державин отвечал: „любуюсь на вечерние облака! какие у них золотые края! Как бы хорошо было сказать в стихах: *Краезлатые!*“ — И действительно вскоре этот эпитет явился в стихах его! — В другой раз за столом долго смотрел он на щуку и сказал обратясь к Дмитриеву: „я думаю, что очень хорошо будет в стихах *и щука с голубым пером!*“ — и этот стих не пропал из его запаса!»²⁸

Писатель мог настолько погрузиться в свой замысел, что тот не отпускал его не только днем, но и ночью, во время сна. Широко известный в мировой литературе мотив «приснившегося произведения» не столь уж редок и в русском XVIII веке. В европейских литературах эта тема известна уже с античности, и ей посвящена обширная и разнообразная литература, включая и трактовку сложного отношения к снам в церковной и народной традициях.²⁹ Видения были известны, конечно, и древнерусской литературе,³⁰ в том числе и интересующие нас литературные сны в точном смысле слова. В своем «Диарии» Дмитрий Ростовский записал сон, приснившийся ему в то время, когда он составлял «Четыи Минеи»: «В 1685 году, в Филиппов пост, в одну ночь окончив письмом страдания святого мученика Ореста, которого память ноября 10 числа почитается, за час или меньше до заутрени лег отдохнуть не раздеваясь и в сонном видении узрел святого мученика Ореста, лицом веселым ко мне вещающего сими словами: „Я больше претерпел за Христа, нежели ты написал“. Сие рек, открыл мне перси свои и показал в левом боку великую рану, сквозь во внутренность проходящую, сказав: „Сие мне железом прожжено“. По том открыв правую

²⁶ М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников / Сост. Г. Е. Павлова. М.; Л., 1962. С. 90—91.

²⁷ Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951. С. 247.

²⁸ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 35.

²⁹ См., в частности: *Медведев П.* В лаборатории писателя. Л., 1971. С. 49—55; *Нечаенко Д. А.* Сон, заветных исполненный знаков. Таинства сновидений в мифологии, мировых религиях и художественной литературе. М., 1991; *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 323—384; *Garfield P. L.* Creative Dreaming. New York, 1974; *Empson J.* Sleep and Dreaming. London, 1989; *Ford J.* Coleridge on Dreaming: Romanticism, Dreams and the Medical Imagination. Cambridge University Press, 1998.

³⁰ См.: *Пугин А. В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. Здесь и обширная литература вопроса.

по локоть руку, показал рану на самом противу локтя месте, и рекл: „Сие мне перерезано“, причем и видны были перерезанные жилы. Также и левую руку открывши, на таком же месте такую же указал рану, сказуя: „И то мне перерезано“. По том наклонясь открыл ногу до колена и показал на сгибе колена рану, также и другую ногу до колен открывши, такую же рану на таком же месте показал и рекл: „А сие мне косою рассечено“. И став прямо, взирая мне в лице, рекл: „Видиши ли? Больше я за Христа претерпел, нежели ты написал“. Я противу сего ничтоже смея сказати, молчал и мыслил в себе: кто есть сей Орест, не из числа ли пятичисленных? На сию мою мысль святой мученик ответствовал: „Не тот я Орест, иже от пятичисленных, но той, егоже ты ныне житие писал“. ³¹ Духовный сан автора и содержание сна не дают оснований сомневаться как в благочестии визионера, так и в благочестивом источнике видения. В видении Димитрия присутствовал и традиционный для средневековых видений «вожатый»: «Видел и другого некоего человека важного, за ним стоящего, и казался мне также некий мученик быти, но тот ничтоже изрек». Сон Димитрия Ростовского носит исключительно писательский и даже историко-филологический характер, вместе с тем в нем сохранена важная особенность средневековых видений: визионер является лишь медиатором и пересказывает свой сон, тогда как в Новое время автор видит во сне все произведение целиком, а поутру его записывает. ³² Правда, в первом известном описании сна писателя XVIII в. еще сохраняются некоторые черты визионера старого времени. Речь идет о сне, описанном В. И. Лукиным в письме к Б. Е. Ельчанинову и опубликованном в виде предисловия к комедии «Щепетильник» (1765):

«Я думаю, что не забыл ты своей просьбы, которую нередко убеждал меня к преложению *Boutique de Vijoutier* на наши нравы таким образом, чтобы ее как драматическое сочинение и на театре представлять можно было. Если ты сие памятуешь, то и о том вспомнить можешь, что я всегда от того отрицался, видя, по моему мнению, великие в том трудности. Но сие отрицание единственно в словах заключалось, а сердце мое с твоим сердцем, по согласию

³¹ Древняя российская вивлиофика. СПб., 1774. Ч. 4, декабрь. С. 348—350. Димитрий включил это видение в «Четьи Миней» в виде приложения к житию св. Ореста. На литературный характер видения обратил внимание А. М. Панченко, см.: *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 163. О другом видении Димитрия, в котором ему явилась св. Варвара, см.: *Федотова М. А.* Культ святой Варвары в творчестве Димитрия Ростовского // *Русская литература.* 1999. № 4. С. 100—101.

³² Г. Гагарин закончил свое «Сновидение неспящего человека» фразой: «Едва мог я опомниться от столь чрезвычайного сновидения: оно мне столько показалось замечательно, что я решился его положить на бумагу. — Если кто не захочет поверить, чтобы это подлинно было сновидение, воля его: мне и самому кажется, что я не спя грезил» (*Гагарин Г.* Забавы уединения моего в селе Богословском. М., 2002. С. 219).

чувствований на веки соединенное, всегда к противоположному меня побуждало, и нудило сделать тебе угождение. <...> я начал самым делом приготовляться к переделанию в комическое сочинение сей аглинской сатиры, не только солью, но и селитрою наполненной. Прочел я ее в один день два раза, и чем больше в нее вникал, тем меньше к удовольствию твоему находил способов. Целый день об ней думая, лег я спать и, наполняя ею голову, однако не предприняв ночного к предложению намерения, но утомившись мыслями, заснул и к чрезвычайному и притом неожиданному счастью ее во сне увидел. Многим людям, которые мало или вовсе снов не читывали, весьма странно покажется такое сновидение. <...> Я чувствительно сожалею, что не могу всего сна точно написать, но что из него вспомню, то и тебе между прочим сказать не упущу.

Вдруг узрел я себя, не знаю каким случаем, в числе зрителей комедии, на всенародном театре представляемой. Но какой же комедии? Самой той, о которой от тебя довольную вытерпел я доуку и которую тебе приписываю.

Очувтившись при сем позорище еще до начатия и не зная, что представлено будет, спрашивал я о том стоявших возле меня, и в ответ сии слова от одного соседа услышал: „По правде сказать благородию вашему, мы материи, о чем комедь гласит, досконально и фундаментально не ведаем; а от ахтеров слышали, что имеют быть предварительно и стоически представлены в лицах разные новоманерные галантереи“. — „Разные галантереи?“ — спросил я его... „Да, сударь“; — отвечал мне другой, по левую руку стоявший, который при всяком слове в затылке почесывал и который так скоро говорил, как трещотка, и в речах его не было ни запятых, ни двоеточия, ни точек. „Да, дорогой наш милостивец, я то же слышал, что станут выкидываться на предъявленном киятре ориентальные, французские штуки, на наши русские манеры обделанные, и сам медиатер мне предположительно божился, что очень много проказного увидим“. <...>

Божусь тебе, что их разговор удушил бы меня, и я, несмотря на тесноту и грязь, всеконечно бы от них удалился, но к счастью моему началась комедия и с нею смех общенародный, чему причиною был парик на Чистосердове надетый, ибо речи его ничего смешного в себе не имеют. <...>

Но по первому явлению отнюдь не было следа узнать, что она комедия из „Бижутьера“ переделана, да и я, не зная на прилежное мое слушание и на то, что часто твердил Чистосердов племяннику своему о галантерейшике, не мог об ней догадаться, ибо действие начавшие лица суть против аглинския сатиры прибавленные, так же как и два крестьянина, работники Щепетильниковы. Выход и разговор оных простолюдинов несказанно рассмешил меня, и думаю, что смех мой был столь неумерен, что ежели бы слуга мой спал в одной со мною комнате, то бы он непременно разбудил меня,

подумав, что, конечно, домовый шутит надо мною, чего бы он из христианской любви, конечно, не вытерпел; но, к удовольствию моему, спал он в другой комнате и не помешал сновидению. По выходе галантерейщика и по речам его нашел я в нем точного Bijoutier, и, наконец, слушая с пушшим прилежанием последующие явления, ясно уже я приметил, что сия сатира довольно хороша для нашего театра переделана. Соблюдено в ней единство места, и все наклонено на наши нравы; а больше всего то мне показалось, что действие положено в вольном маскараде, который весьма к тому приличен. Долженствую к стыду моему признаться, что избрание места к действию мне больше всего труда причиняло тогда, когда я старался тебе угодить, помышляя о преложении сего сочинения, и я не мог попасть на таковое счастливое изобретение, какое в оной комедии, видя ее во сне, приметил. <...>

И как скоро комедия кончилась, то я, спросив моих соседей, можно ли идти на театр, и услыша, что можно, немедленно пошел туда. Вошедши, спросил я комедианта, игравшего лицо крестьянское, потому что он мне прежде всех на глаза попался, чьего сочинения комедия и как называется. Он мне сказал с довольною гордостью, хотя был в действии не героем, а крестьянином, что о том не знает; а что могу я сведать от их медиатора. Да где же мне его сыскать, осмелился я еще спросить наиучтивейшим образом сего надменного папашу? В пробирной или в уборной палатах, отвечивал он и, указав рукою, „вон! туда поди!“ и не промолвил более ни слова, начал, подбоченившись, между театром и уборною похаживать. Не взирая на холодный его прием, который смутил меня, взял я смелость войти в уборную и только дверь отворил, то увидел между прочими комедиантами одного наборщика академической типографии, из тех, которые мои переводы набирают. Спросил я его о названии комедии и сочинителе ее и в ответ, весьма учтиво произнесенный, получил, „что он ни того, ни другого не знает, ибо имеет есть быть при киятре суфлером; а в роли комедияльные и в Артемидии не мешается“. Однако же по знакомству сделал он мне ласку и подвел меня к г. медиатору, в котором увидел я наборщика же. <...> Оный г. наборщик сказал мне, что имя комедии французской „Галантерейщик“, а кто ее делал, он не знает. Я начал было его убеждать просьбою к открытию сея тайны, но не мог ничего выведать. Он поклялся мне, что не ведает, чьей она композиции, а известно ему только то, что прислана к ним в конверте с партикулярным человеком. Я просил ее показать мне, что он и сделал, и с его же позволения списал я имена действующих лиц и число явлений. А как по их словам „начали на киятре балет выкидывать и ломаться“, то я, не желая сих забав видеть, с медиаторской же воли прочел игранную комедию и так твердо удержал ее в памяти, что, проснувшись и повторив все виденное и слышанное, взял перо и записал сперва имена и явления, а потом в два дня и всю положил на бумагу. <...>

Сие заставляет меня верить, что сны иногда некоторую часть правды предсказывают, ибо я прежде не бывал там и не знал, кем комедии играютя».³³

Сновидение Лукина действительно по форме изложения и по поведению героя во многом напоминает видение средневекового визионера, но содержание этого сновидения полностью относится к Новому времени. Примечательна деталь: Лукин целый день думал об английской сатире и лег спать, «наполняя ею голову». Кроме того, проснувшись, он записал не только сновидение, но и текст всей комедии. Позднее писателю снится уже только целое произведение. Во всяком случае, именно таковы сны Державина. В «Объяснениях...» он писал о стихотворении «Пеночка»: «Соч. в Пб. 1799 г. во сне и положена на бумагу тотчас, как проснулся».³⁴ Подробно он изложил свой сон в письме Л. А. Нарышкину, написанном 11 февраля 1799 г. «в восемь часов поутру»: «Сообщаю Вашему превосходительству редкость, новость, чудесность или, или как Вам почесть угодно; только совершенная быль. Вы, милостивый государь, на такие вещи знаток, то рассудите. Видел я сегодня во сне: будто некто из наших приятелей, показывая мне в клетке пеночку, просит меня сочинить ей песню. Я был в духе и тотчас по обыкновению моему схватил перо и написал: [Далее идет текст стихотворения. — С. Н.]. Вы почтете это бесспорно за стихотворческий вымысел, но я божусь Вам как честный человек, что первые восемь стихов я во сне сделал и с тем проснулся; а последние в ту ж минуту и — не вставая с постели — сказал жене. Вечеру я ни о каких пеночках, ни о какой любви не думал, потому что теперь зима и притом холодная, что мне за пятьдесят лет, но напротив: что надобно платить поземельные деньги, что деревни по отсутствию моему разоряются и тому подобный вздор, что на уме бродил; то откуда же взялось такое воображение, такая нежность? Вы по любезному своему характеру всегда веселы, всегда молоды; то всепокорнейше прошу Вас, при первом разе моего с Вами свидания, из опытов Ваших вразумить меня, объяснить мне, что этот сон значит?»³⁵ О появлении стихотворения «Призывание и явление Пленеры» Державин писал: «Соч. в Пб в 1797 в июле месяца по случаю, что на другой день смерти первой жены его, лежа на диване, проснувшись поутру, видел, что из дверей буфета течет к нему белый туман и ложится на него, потом как будто чувствовал ласкание около его сердца неизвестного какого-то духа».³⁶ Наиболее известен его рассказ о создании оды «Бог»:

³³ Лукин В. И., Ельчанинов Б. Е. Сочинения и переводы. СПб., 1868. С. 183—188.

³⁴ Державин Г. Р. Избранная проза. С. 270.

³⁵ Альтшуллер М. Несколько уточнений к текстам стихотворений Г. Р. Державина // Русская литература. 1961. № 4. С. 189—190.

³⁶ Державин Г. Р. Избранная проза. С. 271.

«Автор первое вдохновение или мысль к написанию сей оды получил в 1780 г., быв во дворце у всенощной в Светлое воскресенье и тогда же, приехав домой, первые строки положил на бумагу; но, будучи занят должностью и разными светскими суетами, сколько ни принимался, не мог окончить оную, написав, однако, в разные времена несколько куплетов. Потом 1784 года, получив отставку от службы, приступал было к окончанию, но также по городской жизни не мог; беспрестанно, однако, был побуждаем внутренним чувством, и для того чтоб удовлетворить оно, сказав первой своей жене, что он едет в польские свои деревни для осмотра оных, поехал и, прибыв в Нарву, оставил свою повозку и людей на постоялом дворе, нанял маленький покой в городе у одной старушки немки, с тем чтобы она и кушать ему готовила; где, запершись, сочинял оную несколько дней, но, не докончив последнего куплета сей оды, что было уже ночью, заснул перед светом; видит во сне, что блещет свет в глазах его, проснулся, и в самом деле, воображение так было разгорячено, что казалось ему, вокруг стен бегают свет, и с сим вместе полились потоки слез из глаз у него; он встал и ту ж минуту, при освещающей лампаде, написал последнюю сию строфу, окончив тем, что в самом деле проливал он благодарные слезы за те понятия, которые ему вперены были».³⁷

Сочинительство во сне становится почти нормой и, конечно, уже не вызывает никаких сомнений в благочестии или благоразумии автора,³⁸ — эта сторона личности поэта никого не занимает. Сын В. П. Петрова вспоминал об отце: «Во время беседы с Гением он углублялся в предмет свой до того, что ничего не примечал происходившего пред собою; в таком положении дня три ходил взад и вперед по горнице. Действие страсти изображалось тогда на лице его; печальное содержание описываемого им предмета исторгало из глаз его слезы. В сие время сон его, который был всегда кроток, делался слабее. Петров, исполненный своего сочинения, нередко посвящал целительному успокоению не более одного часа и потом снова принимался за труд свой, так что казалось, он сочинял и в самом сне».³⁹

В XVIII в. отношение к сновидению, в том числе писательскому, меняется. В Средние века считалось, что источник сна находится вне человека и потому следует его остерегаться, а сновидениям не доверять; в Новое время пришла новая концепция: сон — это внутренний процесс сознания. Из писательских сновидений ис-

³⁷ *Державин Г. Р.* Соч. СПб., 1866. Т. 3. С. 594.

³⁸ С. Порошин, правда, отметил в своих записках, что сны бывают от испорченного желудка, «одни только суеверы и люди слабоумные выводят из них разные толкования» (*Порошин С.* Записки. СПб., 1881. Стб. 155).

³⁹ *Петров Я. В.* Жизнь Василья Петровича Петрова // Соревнователь просвещения и благотворения. 1818. Ч. 1. № 1. С. 136—137.

чезает медиатор («вожатый»), и автор сам порождает готовое произведение.

Приведенные материалы позволяют считать, что в русской литературе XVIII в. формирование эстетики литературного творчества включало в себя как рациональные, так и иррациональные аспекты, что зависело напрямую от принятой данным автором философской и эстетической доктрины. Но словесное воплощение замысла, источники которого могли быть самые разные, в ходе непредсказуемого акта творческого процесса целиком зависело от интуиции поэта.

Н. Д. КОЧЕТКОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯМ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И НАСТАВНИКАМ

Среди адресатов литературных посвящений в изданиях XVIII в. довольно значительную группу представляют люди, связанные с деятельностью учебных и научных заведений: президенты, ректоры, кураторы, директора, попечители, наконец, профессора, учителя. Воспитанники и выпускники в первую очередь обращались именно к ним, преподнося «первые плоды» своей учености; преподаватели благодарили непосредственных начальников. Характер посвящений определялся и особенностями учебного заведения (духовные академии и семинарии, Академия наук, Академия художеств, Московский университет, кадетские корпуса, училища),¹ и личными свойствами наставников, их положением в обществе, их участием в организации учебного дела.

В русских изданиях XVIII в. встречаются посвящения, адресованные непосредственно научному или учебному учреждению, а также группе лиц, его возглавляющих. Разумеется, и эти посвящения строились по определенным канонам, с использованием традиционных формул и приемов, известных и в европейской практике. Так, Ш. Роллен (1661—1741) свой фундаментальный трактат

¹ Из обширной литературы, посвященной вопросам образования в России XVIII в., назовем следующие: *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в XVIII—XIX вв. СПб., 1912; *Толстой Д. А.* 1) Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г. СПб., 1883; 2) Городские училища в царствование Екатерины II. СПб., 1896; Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / Подгот. к печати Н. А. Пенчко. М., 1960—1963. Т. 1—3; *Кулябко Е. С.* Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977; *Смагина Г. И.* Академия наук и российская школа. Вторая половина XVIII в. СПб., 1996; Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1997; История Московского университета (вторая половина XVIII—начало XIX века). Сб. документов / Сост., автор вступ. ст. и примеч. Д. Н. Костышин. М., 2006. Т. 1. 1754—1755.

об обучении («De la manière d'enseigner et d'étudier les belles-lettres» (1740) сопроводил посвящением, обращенным и к ректору, и к самому университету, на латинском и французском языках: «Amplissimo rectori et almae Universitati Parisiensi» («A Monseigneur le Recteur et à l'Université mère des sciences»). Русский переводчик этого трактата И. Крюков перевел и весь текст этого посвящения, в котором, в частности, автор выражал свою «горячую и искреннюю благодарность к университету»: «Взращен будучи в его руках от моего младенчества и воспитан его учением, ежели я приобрел какое знание в науках, ежели имею сколько-нибудь любви к истине, сколько-нибудь вкуса в благочестии; то всем тем ему долженствую».² А. Д. Кантемир предпослал своему переводу знаменитого трактата Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» сходный по содержанию, но оригинальный текст: «Знаменитейшей Императорской Академии наук Санктпетербургской под покровом и чрез великодушие Анны Иоанновны Августейшия императрицы к приумножению Ея Величества славы, к пользе пространна Россия и всего человеческого рода цветущей в знак своего благодарства за полученное от ея мудрых членов воспитание и наставление сей перевод усердно приносит и посвящает князь Антиох Кантемир».³ Если Роллен в тексте своего посвящения восхвалял французского короля, то Кантемир — российскую монархиню, но непосредственным адресатом посвящения в обоих случаях была Академия наук. Это было важным отличием от множества дедакаций, обращенных к государю или могущественному вельможе.⁴

Правда, границы между разными группами посвящений достаточно условны. Многие зависело от социального статуса человека, которому адресовалась книга. Развитием науки и образования в России XVIII в. плодотворно занимались и видные вельможи, иностранные ученые и педагоги, дворянские интеллигенты, разночинцы, духовенство. Наиболее значительные нововведения в деле просвещения должны были совершаться по указу или при одобрении государя. Поэтому для осуществления того или иного проекта имела немалое значение близость его автора ко двору.

Фавориту Елизаветы Петровны Ивану Ивановичу Шувалову (1727—1797) принадлежит совершенно особая роль в истории русской культуры. Основатель и главный куратор Московского уни-

² [Роллен Ш.] Способ, которым можно учить и обучаться словесных наук. СПб., 1774. С. 4 нenum.

³ Разговоры о множестве миров господина Фонтенелла. С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 г. СПб., 1740. С. 3 нenum.

⁴ См.: Кочеткова Н. Д. 1) Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. Статья вторая. Посвящения государю // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004. С. 20—46; 2) Литературные посвящения екатерининским вельможам // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006.

верситета, учредитель Академии художеств, покровитель и друг Ломоносова, Шувалов по праву снискал славу истинного мецената.⁵ Его широкая образованность, художественный вкус, несомненные организаторские способности, умение находить и ценить таланты — все это счастливо соединилось в Шувалове, отличавшемся к тому же своей щедростью и бескорыстием.

Его отношения с Ломоносовым имели характер дружеского сотрудничества.⁶ Поэт видел в нем не только и не столько влиятельного предстателя перед императрицей, сколько единомышленника, умного собеседника, духовно близкого себе человека, благожелательного читателя. Называя все чины Шувалова в заглавии своего «Письма о пользе стекла» (1752) («высокопревосходительный господин генерал-поручик, действительный ея императорского величества камергер, Московского университета куратор и орденов Белаго орла, святого Александра и святых Анны кавалер»), Ломоносов начинал стихотворение с обращения к нему: «Неправо о вещах те думают, Шувалов...».⁷ Это стихотворное послание непосредственно соотносится с посвящением, предосланным спустя несколько лет поэме Ломоносова «Петр Великий». Посвящение датировано 1 ноября 1760 г., т. е. предваряет только первую песнь поэмы, вышедшую в декабре (вторая песнь появилась в июле 1761 г.). В соответствии с традицией на отдельном листе напечатано имя адресата со всеми его титулами. Самый же текст дедикации во многом необычен. Это как бы самостоятельное стихотворение, хотя и тесно связанное с содержанием самой поэмы, только лишь начатой. Подпись под посвящением отсутствует. Примечательно также, что в этом тексте совсем нет привычных для посвящений, адресованных вельможам, славословий в адрес императрицы. Обращаясь только к Шувалову, поэт рисует образ истинно просвещенного мецената, способного поддержать важный творческий замысел, тонкого ценителя поэзии:

Начало моего великого труда
Прими, Предстатель Муз, как принимал всегда
Сложения мои, любя Российско слово,
И тем стремление к стихам давал мне ново.

⁵ См. о нем: *Снегирев И. М.* Иван Иванович Шувалов. Основатель Московского университета и русский меценат // Журнал министерства народного просвещения. 1837. Ч. 15. № 8. С. 396—455; *Анисимов Е. В.* И. И. Шувалов — деятель российского Просвещения // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 94—105; *Философский век. Альманах 8.* Иван Иванович Шувалов (1727—1797): Просвещенная личность в российской истории. СПб., 1998.

⁶ См.: *Карпеев Э. П.* И. И. Шувалов и М. В. Ломоносов // *Философский век. Альманах 8.* Иван Иванович Шувалов. С. 58—66; *Кулакова И. П.* И. И. Шувалов и Московский университет. Тип «просвещенного покровителя» (к постановке проблемы) // Там же. С. 146—150.

⁷ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 508.

Тобою поощрен, в сей путь пустился я:
Ты будешь онаго споспешник и судья.
И многи и сия дана тебе доброта,
К словесным знаниям прехвальная охота.
Природный видит Твой и просвещенный ум,
Где мысли важные и где пустых слов шум.⁸

При всем различии в социальном положении отношения между Ломоносовым и Шуваловым предстают как отношения двух творческих людей: меценат побуждает поэта к написанию его поэмы, помогает ему преодолеть возникающие сомнения в своих силах, дает глубокую и беспристрастную оценку произведения:

О, как я возношусь своим успехом мнимым,
Трудом желаемым, но непреодолимым.
Однако я отнюд надежды не лишен:
Начатой будет труд прилежно совершен.
Твоими, Меценат, бодрясь в труде словами,
Стремлюся на Парнас, как легкими крилами.
В разборе убежден о правоте Твоей,
Пренебрегаю злых роптание людей.⁹

Показательно, что в отличие от большинства других авторов, всячески преуменьшавших собственные литературные заслуги и подчеркивавшие лишь проявленное «усердие», Ломоносов не склонен умалять значение своего труда и выражает надежду на то, что новые поколения последуют по проложенному им пути при поддержке такого защитника, как Шувалов:

Для Музы моя Твой век всего дороже;
*Для многих счастья продли, продли, о Боже.*¹⁰

Действительно, многие литераторы подносили Шувалову свои труды, надеясь найти в нем покровителя, которого могли заинтересовать не только похвалы в его адрес, но и содержание посвящаемых ему книг. Так, Г. А. Полетика,¹¹ посвящая Шувалову свой перевод с греческого нравоучительной книги «Епиктита стоического философа Энхиридион...» (1759), писал: «Дела великих философов кому справедливее приносить должно, как таким людям, в которых они находят и достойных себе подражателей, и великих защитителей, кои истинное любомудрие за истинное свое украшение почитают?»¹²

⁸ Там же. С. 696.

⁹ Там же. С. 697.

¹⁰ Там же. С. 698. Курсив мой. — Н. К.

¹¹ О нем см.: Шишкин А. Б. Полетика Г. А. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. К—П. С. 457—459.

¹² [Эпиктет]. Епиктита стоического философа Энхиридион и апофегмы и Кевита Фивейского картина, или Изображение жития человеческого. СПб., 1759. С. 6 нenum. Во 2-м издании (СПб., 1767) тот же текст посвящения.

Известность и авторитет Шувалова побудили Вольтера, искавшего «опоры своему имени», посвятить ему трагедию «Олимпия». Хотя посвящение так и не появилось в печати вместе с пьесой, текст его сохранился. Вольтер писал Шувалову: «Вы не ограничились тем, что, пребывая при дворе, развивали свой вкус и обогащали ум лучшими познаниями: вы озаботились распространением любви к науке, и созданное вами в Москве ученое учреждение обязано вам не только как основателю своему, но и как насадителю просвещения».¹³ Как справедливо заключил В. С. Люблинский, опубликовавший и прокомментировавший этот текст, «в судьбе не увидевшего свет посвящения „Олимпии“ приходится винить лишь ход русских политических событий».¹⁴ Действительно, после вступления на престол Екатерины II Шувалов оказывается в немилости и уезжает за границу, где проводит около 14 лет. Тем не менее, находясь в Италии, в 1771—1772 гг. он весьма успешно выполняет сложное дипломатическое поручение императрицы, в 1773-м получает чин действительного тайного советника¹⁵ и, возвратившись в Россию в 1777 г., продолжает свою деятельность куратора Московского университета, оказывает покровительство многим начинающим авторам, которые посвящают ему свои труды. Прежде всего это люди, связанные с университетом, — учащиеся или выпускники.

Среди них были и третьестепенные литераторы, и писатели, вскоре приобретшие известность. Все они стремились поднести Шувалову «первые опыты», «незрелые плоды» своих упражнений, попросить об их «благосклонном принятии» и поблагодарить за покровительство. При этом нередко упоминались и «монаршие щедроты». Вместе с тем в отличие от посвящений другим вельможам имя Шувалова постоянно связывалось с университетом — «храмом светлым», «священным храмом», «насажденным в России словесным виномградом».

Николай Иванович Перепечин (1749—1799), неоднократно обращавшийся к Шувалову с панегирическими стихами,¹⁶ открывал свою оперу «Торжество добронравия над красотою» (1780) стихотворным посвящением «насадителю и возрастителю наук». Автор

¹³ См.: *Люблинский В.* Наследие Вольтера в СССР. Ранний фрагмент трагедии «Дон Педро» и посвящение трагедии «Олимпия» И. И. Шувалову // *Русская культура и Франция. Литературное наследство.* М., 1937. Т. 29—30. С. 28. Французский текст опубликован в кн.: *Письма Вольтера.* М.; Л., 1956. С. 266 («...Vous ne vous etes pas borné a vous former le goust et enrichir votre esprit des plus belles connoissances et l'academie que<...> fondee a moscou vous doit ses lumieres comme son etablissement»).

¹⁴ *Люблинский В.* Наследие Вольтера С. 43.

¹⁵ См.: *Костышин Д. Н.* Дипломатическое поручение Екатерины II И. И. Шувалову // *Философский век. Альманах* 8. Иван Иванович Шувалов (1727—1797). С. 115—138.

¹⁶ О нем см.: *Степанов В. П.* Перепечин Н. И. // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Вып. 2. С. 419.

подчеркивал, что он один из многих «питомцев», обретших новую жизнь благодаря основателю университета:

Коликих юношам благих ты стал содетель,
Москва и целый свет блаженства их свидетель.
Коль не было б тебя, их покрывала б мгла
Невежества, и жизнь их в грубостях текла <...>
Воззри, коль многие питомцы здесь поют
И славу дел твоих в потомства род несут.¹⁷

Студент Степан Орлов,¹⁸ обращаясь к Шувалову, писал: «Пресчастливым себя почитаю, что провидение определило мне быть в таком месте, которое соделывает многих благополучие: Ваше высокопревосходительство по возложенной на Вас должности от премудрая наша монархини прилагаете свои отеческие попечения о благосостоянии онаго...»¹⁹

Иван Григорьевич Морозов, обучавшийся в университете и зачисленный в канцелярию Шувалова,²⁰ посвящал ему свой перевод книги И. Г. Зульцера «Сокращение всех наук» (1781) со словами: «...с радостью признаю публично, что всеми моими малыми познаниями и образованием, поставившими меня на путь к будущему благу, одолжен я университету, коего основатель и заступник есте Ваше высокопревосходительство».²¹ Вслед за посвящением Морозов поместил «Предисловие», в котором сообщал, что перевод «предпринят по особенному приказанию <...> университетского директора Михайлы Васильевича Приклонского», который «наставил и подкрепил переводчика».²² Выказав ему благодарность, Морозов тем не менее посвятил книгу Шувалову, которому писал также в это время хвалебные оды. Его «славное имя» становилось как бы символом университета.

Деятельный переводчик Федор Исаевич Сапожников (1749—1789), получивший образование в университете и ставший его преподавателем,²³ в дедикации, предпосланной переведенной им книге

¹⁷ [Перепечин Н. И.] Торжество добронравия над Красотою, опера в 5 действиях. Сочинение Н. П. М., 1780. С. 5—6 нenum.

¹⁸ О нем см.: Рак В. Д. Орлов С. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 388—389.

¹⁹ [Ленц И. Я.] Краткое понятие о мифологии, или О древних языческих богах и баснях / Перевел с немецкого императорского Московского университета студент Степан Орлов. М., 1788. С. 5 нenum.

²⁰ О нем см.: Николаев С. И., Степанов В. П. Морозов И. Г. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 299—301.

²¹ [Зульцер И. Г.] Сокращение всех наук... М., 1781. С. 9 нenum.

²² Там же. С. 13—15 нenum.

²³ О нем см.: Данилевский Р. Ю. Виланд в русской литературе // От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970. С. 329—333; История русской переводной художественной литературы.

К.-М. Виланда «Золотое зеркало» (1781), писал, обращаясь к Шувалову: «...к кому наипаче надлежит сердцам нашим пылать <...> как не к распространителю и меценату наук, под покровительством коего и я удостоился воспользоваться светом учения. Великою было сие для меня причиною, но большею суть особенные Вашего высокопревосходительства милости, щедрою рукою на меня излиянные». Здесь же, однако, переводчик утверждал: «...целой свет уверен в Ваших превосходных добродетелях в рассуждении милостивого воззрения на всех трудящихся в воздвигнутом Вашею рукою наукам храме».²⁴ Свой следующий труд — перевод романа Виланда «Новый Дон Кихот, или Чудные похождения Дона Силвио де Розальва» (Ч. 1—2. 1782) Сапожников посвятил не Шувалову, но его любимому племяннику Федору Николаевичу Голицыну (1751—1827), впоследствии также ставшему куратором университета. Этот дипломатический шаг помогал литератору избежать упрека в чрезмерной навязчивости и вместе с тем снискать расположение Шувалова, тем более что в посвящении упоминалось о «высокопочитании» переводчика к «фамилии», т. е. семье адресата.

Фома Иванович Барсук-Моисеев (Мойза) (1768—1811),²⁵ выпускник университета, ставший затем университетским преподавателем на медицинском факультете, посвятил Шувалову свои самые значительные переводческие труды: книгу «Путь к здравью, или Наука сохранять свое здоровье» (1791) и перевод сочинения И. Ф. Blumenбаха «Физиология, или Наука о естестве человеческом» (1796). Выражая свою признательность Шувалову, переводчик благодарил за его заботы о «питомцах», касающиеся «как до просвещения их умов, так и до их благополучия».²⁶

О том, как Шувалов принимал посвященные ему сочинения и переводы, можно судить по свидетельствам Ивана Михайловича Долгорукова (1764—1823), одного из университетских питомцев, вскоре ставшего хорошо известным на литературном поприще.²⁷ Первый его печатным трудом был перевод книги Л.-С. Мерсье «Les songs philosophiques» — «Философических снов часть 1, содержащая в себе 6 сновидений» (Ч. 1—2. 1780—1781), посвященный, разумеется, Шувалову. Дедикация, достаточно стандартная, включала, однако, и некоторые упоминания о конкретных деталях из жизни

Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. СПб., 1995. С. 198—200. (Раздел написан Ю. Д. Левиным).

²⁴ [Виланд К. М.] Золотое зеркало, или Цари Шешинские, историческая повесть. М., 1781. Ч. 1. С. 6—7 нenum.

²⁵ См. о нем: Жилыкова Э. М. Ф. И. Барсук-Моисеев // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А—И. Л., 1988. С. 68.

²⁶ Путь к здравью, или Наука сохранять свое здоровье. Перевел с французского <...> студент Ф. Барсук-Моисеев. М., 1791. С. 6 нenum.

²⁷ См. о нем: Степанов В. П. Долгоруков И. М. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 279—283.

переводчика: «Три года пользовавшись разными академическими наставлениями в императорском Московском университете и к продолжению моего учения в оном ободрен будучи отличною милостию Вашего высокопревосходительства за долг себе поставляю, в знак чувствительнейшей моей за то благодарности посвятить Вам сию переведенную мною с французского языка книгу яко первый опыт малых моих успехов в учении, которыми я, так как и многие другие, обязан заведенному Вашим высокопревосходительством в пользу российского юношества и всего нашего отечества Московскому университету».²⁸ Позднее Долгоруков весьма критически оценил свой ученический опыт: «Перевод мой был дурен <...>. Труд сей и выбор самой книги был еще не по моим силам». Однако, желая поощрить начинающего литератора, Шувалов принял труд «очень милостиво, несмотря на его посредственность» и почтил автора «весьма милостивым и лестным письмом».²⁹ Текст этого письма Долгоруков приводит в своих записках:

«Государь мой!

С великим удовольствием получил я перевод ваш, ко мне приписанный, за который приношу вам, государь мой, мое благодарение. Желательно, чтобы благородные люди следовали похвальному вашему примеру в учении. Ничто не может быть полезнее отечеству, как знания в людях вашего рождения, без которого чины, знатность и все наружные преимущества тщетны. Вы, государь мой, именем и успехами делаете честь нашему училищу. Примите повторение моего признания и почтения, с которым честь имею быть.

Покорный и послушный слуга Ив. Шувалов».³⁰

Обращает на себя внимание тональность этого послания: почтенный куратор университета обращается к шестнадцатилетнему юноше столь уважительно, подчеркивая, что ценит его не за знатное происхождение, а за его успехи, благодаря которым он может стать полезным отечеству. Рассказывая о письме Шувалова, Долгоруков также упомянул, что оно «составляло важный трофей»: «оно обратило на меня взоры моих сверстников».³¹ Расположению Шувалова, конечно, способствовали и беседы с ним отца Долгорукова, который

²⁸ [Мерсье Л.-С.] *Философических снов часть 1, содержащая в себе 6 сновидений*. М., 1780. Ч. 1. С. 5 нenum.

²⁹ *Долгоруков И. М. Капише моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни* / Изд. подготовил В. И. Коровин. М., 1997. С. 16.

³⁰ *Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего* / Изд. подготовили Н. В. Кузнецова, М. О. Мельцин. СПб., 2004. С. 52.

³¹ Там же. С. 48.

по совету куратора отказался от своего первоначального замысла отправить сына учиться за границу. Долгоруков вспоминал: «...он отвел отца моего от намерения послать меня образоваться в чужие края, показав большие невыгоды для России от того, что дети ее рано спознакомливаются с иностранными землями, не получив надлежащего понятия о своей и привычки любить ее».³² Такая позиция Шувалова, человека, европейски образованного, пользовавшегося уважением многих выдающихся писателей и ученых Франции и других стран,³³ несомненно привлекала к нему его сподвижников по университету, стремившихся внести свой вклад в развитие отечественной культуры.

По своему характеру и весьма значительному объему выделяется посвящение Шувалову, предпосланное «Собранию речей» (1788) Антона Алексеевича Барсова (1730—1790), преподававшего в университете с самого его основания более трех десятилетий.³⁴ Книга имеет итоговый характер, и в обращении к куратору спустя после стольких лет совместной деятельности едва ли можно заподозрить проявление заурядного сервиллизма. Дедикация Барсова построена в соответствии с правилами ораторского искусства, курс которого он читал с 1761 г. Автор начинает посвящение с отсылки к традиции «древности ученой и всех ей последующих веков». В этом «приступе» перечисляются преимущества и заслуги, которые дают основание авторам адресовать свои произведения тем или иным «особам»: «Справедливо представляют высоту сана особ оных, прославляют соединенные с тем заслуги их к государю и государству, похваляют любовь к наукам и покровительство к любящим науки, превозносят отличные свойства их и добродетели, воспоминают и описывают излиянные от тех на самих их благодеяния».³⁵ Перечислив эти наиболее распространенные элементы дедикаций, Барсов искусно переходит к основной части — прославлению Шувалова, в котором он находит «все сие, что разные находят в разных особах». При этом каждый элемент дедикации так или иначе оказывается связан с восхвалением Шувалова как основателя и руководителя университета. Автор обращает внимание на то, что мысль об учреждении университета появилась у Шувалова, когда он был еще совсем молод (ему было 27 лет): «Когда другие, в цветущем оном возрасте, в каком-то в то самое время Вы находились, все мысли свои устремляют

³² Долгоруков И. М. Капище моего сердца. С. 16.

³³ Ст.: Нивьер А. Иван Иванович Шувалов и его французские корреспонденты // Философский век. Альманах 8. Иван Иванович Шувалов (1727—1797): Просвещенная личность в российской истории. С. 177—187.

³⁴ О нем см.: Степанов В. П. Барсов А. А. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 64—68.

³⁵ Барсов А. Собрание речей, говоренных в императорском Московском университете при разных торжественных случаях. М., 1788. С. 5 нум.

единственно к удовольствованию честолюбия своего, к возвышению счастья, к умножению забав; тогда Вы разум свой к наукам и знаниям обратили не только для просвещения и услаждения самого себя, но и для открытия и всем сверстникам своим, всем согражданам своим и соотчичам российским того ж чистейшего света, тех же внутренних удовольствий и увеселений...». Шувалов восхваляется не только как основатель университета, но и как его талантливый руководитель: «Но тщание Ваше о сем святилище муз не ограничивается заведением только одного, основанием и учреждением. Всегда попечение Ваше о нем бодрствует...».³⁶ Барсов ценит умение куратора выбирать «соправителей» и помощников, «равною одушевленных к общему благу ревностию». В связи с этим традиционный для дедикации мотив благодарности покровителю приобретает особую тональность. Барсов говорит о своем «личном долге», вспоминает, как был «первого удостоен <...> места при открытии одного университета» Вместе с тем не без гордости он ощущает свою причастность к благородному делу просвещения соотечественников: «И воистину, какое состояние в России есть, светское ли, духовное правительство и звание, военная ли и гражданская служба, где бы обучавшихся в сем училище или каким-либо образом заимствовавших от одного учение не находилось в вышних или подчиненных начальнических чинах? Число их столько велико, что невозможно здесь всех их исчислить...». Особенно важными представляются достижения в развитии «русского слова» и стихотворства: упоминаются «и громкий Ломоносов, и нежный Сумароков, и приятный Херасков».³⁷ Правда, в соответствии с требованиями жанра прославляются и щедроты Екатерины II — «любоученнейшая, просвещеннейшая и премудрая монархиня, попечительнейшая о пользе отечества матери одного». Шувалов же оказывается «предстателем при августейшей Екатерине, как был известный при древнем Августе Меценат». Тем не менее описание его личных заслуг, дарований, постоянных забот об университете остается лейтмотивом дедикации.

Таким образом, в посвящениях, как и в многочисленных стихотворениях, обращенных к Шувалову или его памяти (стихи Н. П. Николаева, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, И. М. Долгорукова и многих университетских питомцев), создается образ «друга человечества», снискавшего славу не военными подвигами, но трудами на благо отечественной культуры; не столько исполнителя монарших повелений, сколько инициатора, создателя и мудрого руководителя Московского университета.

Более отчетливо выраженный правительственный характер имела деятельность Ивана Ивановича Бецкого (1703 или 1704–1795),

³⁶ Там же. С. 9, 10 нenum.

³⁷ Там же. С. 12, 15 нenum.

одного из ближайших вельмож Екатерины II, человека незаурядного и тоже много сделавшего для русской науки и культуры.³⁸ Побочный сын князя И. Ю. Трубецкого, европейски образованный, сделавший благодаря отцу блестящую карьеру, он пользовался расположением и Елизаветы Петровны, и Петра Федоровича, и Екатерины II. В первые же годы ее правления Бецкой осуществляет грандиозные планы по созданию в России важнейших учебных и воспитательных заведений. Будучи президентом учрежденной по замыслу Шувалова Академии художеств, директором Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, попечителем Института благородных девиц, ряда училищ, он становится одним из главных инициаторов открытия в Москве, а затем и в Петербурге воспитательных домов. Представляя императрице сочиненный им вместе с А. А. Барсовым «Генеральный план императорского воспитательного дома в Москве» (1763—1767. Ч. 1—3), Бецкой обращался к Екатерине II со словами, во многом традиционными для посвящений, адресованных государю: «Ваше императорское величество, подражая древнему римскому императору, который всуе препровожденным почитал всякой день, ежели не оказал подданным своим какого милосердия, чрезвычайныя щедроты и милости, оказываете ежедневно всем несчастным, которые надежное прибежище к Вашему величеству имеют. Таковые опыты великодушия ободряют и меня всеподданнейше просить о милосердии, соболезновании и высокой помощи именем великого множества несчастнейших в роде человеческом, коих бедственное состояние от Вашего императорского величества всегда и от всего света по большей части скрыто бывает и которые сами о своей бедности принести жалобы не в состоянии».³⁹ Влиятельный вельможа, который, разумеется, никогда не мог забыть о своем положении «незаконнорожденного», брал на себя миссию посредника между императрицей и теми, которые сами «принести жалобы не в состоянии». Бецкой предпочитал, чтобы в нем видели не столько инициатора новых учреждений, сколько верного исполнителя монаршей воли. Характерно, что в стихотворении М. В. Ломоносова «Блаженство общества всядневно возрастает...», напечатанного в изданной Бецким книге «Учреждение императорского Воспитательного дома...» (1763), его имя совсем не упоминается, но восхваляются «труды» монархини и высказывается призыв следовать ее примеру.⁴⁰

³⁸ См.: *Майков П. Иван Иванович Бецкой, опыт его биографии. Материалы.* СПб., 1904; *Ланпо-Данилевский А. С. И. И. Бецкой и его система воспитания.* СПб., 1904; *Яремич С. П. Влияние воспитательных идей на художественную школу. Президентство Бецкой // Известия гос. Академии истории материальной культуры. 1934. Вып. 123.*

³⁹ [Барсов А. А., Бецкой И. И.] Генеральный план императорского Воспитательного дома в Москве. СПб., 1763. Ч. 1. С. 7 нунум.

⁴⁰ *Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 784.*

Деятельность Бецкого привлекала к себе всеобщее внимание не только в России, но и за рубежом. Благодаря Д. Дидро в 1775 г. в Амстердаме была даже издана книга «Plans et statuts des différents établissements ordonnés par Sa Majesté Impériale Catherine II». ⁴¹ Правда, хотя на титульном листе значилось имя Бецкого, прославлялись прежде всего «великие планы» российской императрицы. Сам Бецкой тоже неизменно продолжал подчеркивать, что инициатором всех образовательных нововведений была именно «наша монархиня», «которая ко всему, что до блага общества касается, стремится столь быстро, как луч благодеющего солнца на землю». ⁴² В ответ на обращение «главного попечителя» (Бецкой намеренно избегал называть себя по имени) вельможи, которым было предложено стать «почетными благотворителями», писали «благосклонные отзывы», в которых всячески превозносились «дела всеавгустейшей нашей монархини», ее добродетели и милости. «Главного попечителя» при этом хвалили прежде всего за «достохвальное исполнение <...> великих намерений мудрой монархини нашей». ⁴³ Тем не менее сама Екатерина II очень ревниво относилась к похвалам Бецкому, как свидетельствует запись ее секретаря А. В. Храповицкого от 4 января 1787 г.: «...говорено о Бецком, что многим делал зло и присвоет себя к славе государственной». ⁴⁴

Неудивительно, что и в некоторых русских изданиях, открывавшихся посвящениями Бецкому, похвалы ему сопровождалась панегирическими отзывами о Екатерине II. Так, переводчик «Детской книги...» (1770), подписавшийся инициалами «И. К.», называя Бецкого «истинным героем», так разъяснял свою мысль: «Академия художеств, Кадетский корпус, также и Воспитательные дома детей обоего пола посвящают Вам храм вечной памяти, в котором Беллона, под предводительством Минервы, покажет отраслей достойных наследовать стези знаменитого их соорудителя, и кои, нося лавры на главах своих, возвеличат славу мудрой и пред прочими великой монархини нашей». ⁴⁵

Тем не менее в отличие от других вельмож, покровительствовавших литераторам, Бецкой профессионально занимался делом образования. Поэтому в адресованных ему посвящениях речь шла и о его реальных делах и заслугах. И. Г. Енищ, служивший медиком

⁴¹ См.: *Карп С. Я.* Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998. С. 141—153.

⁴² [Бецкой И. И.] Собрание разных известий императорского Воспитательного дома... СПб., 1791. Т. 2. С. 4.

⁴³ Там же. С. 28.

⁴⁴ *Храповицкий А. В.* Памятные записки. М., 1990. С. 18 (Репринтное воспроизведение издания 1862 г.).

⁴⁵ *Детская книга, или Общие мнения и изъяснение вещей, коим детей обучать должно.* М., 1770. С. 5 нenum.

при Санкт-Петербургском обществе благородных девиц, посвящая ему свою книгу «Известия о наилучшем способе для прививания оспы» (1769), писал: «...Ваше превосходительство стараниями своими привели меня в состояние чинить те опыты, на которые в сем сочинении ссылаюсь. Ежели я принес оными обществу какую-нибудь пользу, то должно оную Вашим распоряжениям приписать <...>. Желаю, чтоб весьма похвальные Ваши старания, имеющие предметом всеобщее благополучие, а наипаче славу и пользу отечества всегда с благополучным успехом продолжались и чтоб ныне уже процветающие Ваши изящные установления неутомимым Вашим попечением в большее еще совершенство приведены были».⁴⁶

Панегирические фразы в адрес императрицы отсутствуют и в других посвящениях Бецкому. Н. М. Максимович-Амбодик вставляет в пространный текст своей дедикации, сопровождавшей перевод книги И. Ф. Шрейбера «Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих...» (1781), двустихие из упоминавшегося стихотворения Ломоносова:

Похвально дело есть убогих призирать,
Сугуба похвала — для пользы воспитать.

Эти заслуги соотносятся теперь с именем не Екатерины II, а «добродетельного мужа» Бецкого: «Целая Россия довольно уже есть удостоверенною о ваших неусыпных подвиготворениях, трудах и бдениях, ко всеобщей сограждан и соотчичей пользе уже довольно предпринятых и ныне повсядневно и непрерывно предприемлемых. Все сырые и лишенные всякой помощи и защиты человеческой, велегласно повсюду *имя Ваше превозносят* и единогласно проповедают о вашей к человечеству искренной любви, ревности и всегдашнем попечении».⁴⁷ Максимович-Амбодик упоминает и о той роли, которую Бецкой сыграл в его личной судьбе. Он выбрал его «из числа многих юношей», чтобы отправить для обучения «в иностранные области» на средства, завещанные княгиней Е. Д. Голицыной (урожденной Кантемир). Благодарный питомец писал Бецкому: «Вы благоволили чрез шестилетное пребывание мое в чужестранных университетах покровительствовать, защищать и снабдевать. Вы и по возвращении моем оттуду обратно в Россию благоволили меня поддерживать и подкреплять. Вы за два года тому назад благоволили мне доставить все, что я имею, и имя, и звание, и чин, коими в общезжитии со удовольствием наслаждаются».⁴⁸ «Милостивое принятие»

⁴⁶ Известия о наилучшем способе для прививания оспы, сочиненные И. Г. Енишем <...>. Переведены с немецкого И. Б. СПб., 1769. С. 5—6 нenum.

⁴⁷ [Шрейбер И. Ф.] Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих <...> на российский язык перевел <...> Нестор Максимович-Амбодик. СПб., 1781. Ч. 1. С. 5—6 нenum. Курсив мой. — Н. К.

⁴⁸ Там же. С. 8 нenum.

первой части перевода побудило Максимовича-Амбодика посвятить Бецкому и вторую часть, начав эту дедикацию стихами:

Ты первый моего быв счастья творец;
Прими трудов моих начало и конец.⁴⁹

С надеждой на покровительство к Бецкому как к «предстателю, начальнику и путеводителю свободных художеств» обращался и секретарь Медицинской коллегии И. И. Виен, посвящая ему свою известную «Диссертацию о влиянии анатомии в скульптуру и живопись» (1789). Этот труд, изданный «в пользу питомцев Санкт-Петербургской Академии художеств», сыграл немаловажную роль в совершенствовании учебной программы Академии и способствовал «постижению общих законов развития искусства».⁵⁰ Впрочем, второе издание книги, вышедшее под названием «Краткое обозрение скульптуры и живописи» (1803), появилось уже с посвящением другому президенту Академии художеств — А. С. Строганову.

Отдавая должное заслугам Бецкого, авторы дедикаций, заинтересованные в поддержке, должны были считаться с существующим порядком вещей. К президенту Академии обращались как влиятельному человеку, наделенному важными полномочиями. Скульптор А. М. Иванов,⁵¹ переведший книгу Р. де Пиля «Понятие о совершенном живописце» (1789), в посвящении выражал свою благодарность Бецкому («по обязанности воспитанника и по долгу сочлена» Академии. Вместе с тем переводчик искусно использовал традиционные формулы, чтобы придать своим похвалам больший эффект и некоторую новизну: «Сочинители и трудившиеся в переводах книг полезных по большей части оные посвящали тем из знаменитых мужей, которые наблюдали основанием в делах своих любовь к своим единосемцам и покровительство наукам и художествам и которых память сим образом они желали предать потомству; последую похвальному их примеру, приемлю смелость и я посвятить труд мой Вашему высокопревосходительству, однако не в той их мысли; ибо достопамятное имя даровавшего России своим предстательством множество новых поколений, прочное основание знатнейшим художествам и прочее, может ли остаться неизвестным для потомства?»)⁵²

⁴⁹ Там же. Ч. 2. С. 4 нenum.

⁵⁰ См.: *Мозговая Е. Б.* Скульптурный класс Академии художеств в XVIII веке. СПб., 1999. С. 124—126.

⁵¹ См. о нем: *Коваленская Н.* История русского искусства XVIII века. М., 1962. С. 112—114, 123; *Григорьян К. Н.* Иванов А. М. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 1. С. 349; *Мозговая Е. Б.* Иванов А. М. // *Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в 3-х томах.* Т. 1. Осьмнадцатое столетие. М.; СПб., 2003. Кн. 1. А—М. С. 391.

⁵² [*Пиль Р. де.*] Понятие о совершенном живописце, служащее основанием судить о творениях живописцев; и примечания о портретах... Переведены <...> Архимом Ивановым. СПб., 1789. С. 5—6 нenum.

Таким образом, традиционные формулы и клише, общие для любых дедикаций, в посвящениях наставникам обогащались мотивами, связанными с их реальной просветительской деятельностью. Определенные различия в тональности зависели, конечно, и от дистанции, разделявшей автора посвящения и его адресата. Некоторые университетские профессора обращались к куратору как к своему непосредственному начальнику и просили его о покровительстве, уверяя в своем почтении и преданности. Интересный пример дипломатического разрешения служебного конфликта представляет собой посвящение, с которым профессор юриспруденции Филипп Генрих Дильтей⁵³ обратился к куратору Василию Евдокимовичу Адодурову (1709—1780; куратор университета с 1762 до 1778 г.)⁵⁴ в одном из выпусков своего «Детского атласа» (1768). За три года до этого в 1765 г. Дильтей «как нерадивый и неприлежный в должности» был уволен Адодуровым, но после длительной тяжбы и вмешательства императрицы в 1766 г. его снова приняли в университет. Дильтей использовал жанр дедикации, чтобы наладить отношения с куратором, поздравить его с получением ордена святой Анны⁵⁵ и вместе с тем подчеркнуть свою признательность Екатерине II. Именно ее он всячески восхваляет, не скупясь на традиционные панегирические формулы: «Непременно должно, чтоб Та, которая управляет ныне сею преславною империею, была самая Минерва в образе человеческом бессмертна. Она избрала многих меценатов для исполнения высоких ея намерений для приращения наук и художеств».⁵⁶

Совсем иную тональность имеет посвящение, с которым к кураторам Адодурову и Шувалову обратился бывший выпускник, а затем профессор университета (впоследствии ректор) Харитон Андреевич Чеботарев (1746—1815), адресуя им свой труд «Географическое методическое описание Российской империи» (1776). Говоря о своем желании «соучаствовать патриотическим намерениям» кураторов, автор лишь почтительно упоминает о «премудрой монархине», поручившей им заботы об университете, но восхваляет именно их заслуги, их «ревностное старание о распространении в отечестве наук и полезных знаний», благодарит их за оказанные ему «благodeяния

⁵³ О нем см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855. С. 301—311; *Петров Ф. А.* Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997. С. 12—19; Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1997. С. 184—187.

⁵⁴ О нем см.: *Лейбман О. Я., Успенский Б. А.* Адодуров В. Е. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 21—23.

⁵⁵ Адодуров получил этот орден 28 июня 1768 г. См.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Списки кавалерам российских императорских орденов / Изд. подготовил П. А. Дружинин. М., 2006. С. 182.

⁵⁶ *Дильтей Ф. Г.* Детский атлас. С французского на русский переведен М. А. Новосильцовым и И. Д. Карповым. М., 1768. С. 9 нenum.

и ободрения». С текстом посвящения связано и «Предисловие», в котором Чеботарев более подробно рассказывает об истории создания своей книги, работа над которой была начата по инициативе Адодурова, продолжена при поддержке «ученейших профессоров» И. Г. Рейхеля и А. А. Барсова и издана при содействии куратора И. И. Мелиссино и директора М. В. Приклонского. Не нарушая принятого литературного этикета, автор находит возможность выразить свою признательность не только самым высоким покровителям, но и людям, оказавшим ему реальную помощь и имеющим научный авторитет. Подобным образом поступил и другой университетский профессор — И. А. Гейм. Свой фундаментальный труд, двухтомный немецко-русско-французский словарь (1797), он сопроводил довольно официальным посвящением, адресованным сразу двум кураторам: И. И. Шувалову и М. М. Хераскову. Все титулы, звания и ордена каждого были перечислены на отдельной странице; и тому и другому Гейм написал: «Своему благосклонному начальнику и покровителю»; дальнейший текст дедикации был обращен к ним обоим: «Милостивые государи! Высокая благосклонность, которою Ваше высокопревосходительство <Шувалов> и Ваше превосходительство <Херасков> удостоивали меня в течение шестнадцати лет, и милостивое одобрение, каковым Вы благоволили почтить малый труд мой, подают мне смелость посвятить Вам с должным высокопочитанием и сей опыт подного Словаря».⁵⁷ В следующем за дедикацией «Предисловии» он упоминал о тех, кто непосредственно помогал ему в работе: М. Г. Гаврилова, В. С. Подшивалова, П. А. Сохацкого и «в особенности» переводчика «Московских ведомостей» некоего коллежского секретаря Иванова.

Неуместность панегириков императрице в посвящениях наставникам постепенно становилась все очевиднее, когда питомцы преподносили «незрелые плоды» своих трудов видным, но не столь знаменитым, как Шувалов или Бецкой, руководителям учебных заведений. Уже как исключение дифирамбы в адрес Екатерины II встречаются в посвящениях Ивану Ивановичу Мелиссино (1718—1795), занимавшему с 1757 г. пост директора Московского университета, а с 1771 г. ставшему его куратором.⁵⁸ Благодаря куратора за попечения о Московском университете, один из его студентов, Василий Иванов, восхваляя «нашу премудрую монархиню», называл Мелиссино «учредителем и расположителем ея средств,

⁵⁷ [Гейм И. А.] Новый и полный словарь. Первое отделение, содержащее немецко-русско-французский словарь... М., 1797. Ч. 1. С. 7 нenum.

⁵⁸ О нем см.: Кочеткова Н. Д., Моисеева Г. Н. Мелиссино И. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 280—282; Клименко Ю. Г. Архитектурная программа И. И. Мелиссино — куратора Московского Императорского университета (к истории реконструкции первого университетского здания архитектором Н. Леграном) // Архитектурное наследство. 2003. № 45. С. 131—142.

к наилучшей пользе России клонящихся» и «своим неусыпным вертоградарем».⁵⁹ За благодарения, оказанные в университете, благодарили Мелиссино в дедикациях П. С. Семенов, составитель сборника «Товарищ разумный и замысловатый...» (СПб., 1764), А. А. Артемьев, переводчик книг «Краткое начертание римских и российских прав...» (М., 1777) и «Добродетельная душа, или Нравоучительные правила...» (СПб., 1777), питомец университета, тезка главного куратора Иван Шувалов — переводчик книги Ж. Лантера «Сокращение стихотворческой истории, или Введение в мифологию...» (М., 1784). Все комплименты были обращены здесь непосредственно Мелиссино, которого учащиеся просили о «милостивом воззрении» на их малые, слабые труды и их «благосклонном принятии». Говоря о «ласках и благосклонности» куратора, Артемьев называл его «попечительнейшим отцом», и этот отзыв может быть соотнесен с рассказом в воспоминаниях Д. И. Фонвизина о его поездке в Петербург зимой 1759/60 года: «Директор [И. И. Мелиссино. — Н. К.] с своею супругою и человек десять нас, малолетних, отправились в Петербург зимою. Сие путешествие было для меня первое и, следовательно, трудное, так, как и для всех моих товарищей; но благодарность обязывает меня к признанию, что тягость нашу облегчало весьма милостивое внимание начальника. Он и супруга его имели смотрение за нами, как за детьми своими...»⁶⁰ Вместе с тем Мелиссино стремился по-своему направлять переводческую деятельность университетских преподавателей, как свидетельствует посвящение ему переведенной Матвеем Гавриловичем Гавриловым (1759—1829)⁶¹ книги И. Зонненфельса «Начальные основания полиции или благочиния» (1787). Гаврилов писал: «Между многими благодарениями Вашего превосходительства, которыми имел я счастье пользоваться, полагаю и доставленный мне Вами случай заняться переводом сей весьма полезной книги».⁶² В «Предисловии» переводчик добавлял: «Способностей моих в переводе некоторых материй, конечно, не достало б, если б я не руководствован был наставлением одного знаменитого покровителя наук и моего истинного благодетеля, который желал, чтоб сия книжка сделана была при университете классической».⁶³

⁵⁹ Бауман Л. А. Краткое начертание географии, для начинающих <...>. Переведенное с немецкого на российский язык Московского имп. университета студентом Васильем Ивановым. М., 1775. С. 5—6 нenum. Тот же текст посвящения во 2-м изд.: М., 1781.

⁶⁰ Фонвизин Д. И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлении-ях // Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2-х т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 91—92.

⁶¹ О нем см.: Теплова В. А. М. Г. Гаврилов // Словарь русских писателей XVIII века. Т. 1. С. 186.

⁶² Иосифа Зонненфельса начальные основания полиции или благочиния. Перевод с немецкого [М. Г. Гаврилова]. М., 1787. С. 5 нenum.

⁶³ Там же. С. 8 нenum.

Собственно литературным интересам питомцев университета способствовала деятельность Михаила Матвеевича Хераскова (1733—1807), служившего с небольшими перерывами в Московском университете с 1756 (почти с самого его основания) по 1802 г. Будучи директором (с 1763 г.), а затем куратором (с 1778 г.), он фактически возглавил и научно-организационную и учебную работу. По его инициативе был создан университетский Благородный пансион, заключен договор с Н. И. Новиковым об аренде университетской типографии, что, как известно, способствовало небывалому расцвету ее издательской деятельности. Один из самых видных писателей того времени Херасков особенно много сделал для привлечения учеников и студентов к литературным занятиям, поэтому вполне закономерно, что во многих изданиях XVIII—начала XIX в. встречаются посвящения ему.

Иногда это были коллективные дедикации, адресованные сразу трем кураторам: И. И. Шувалову, И. И. Мелиссино и Хераскову. Так, например, поступили участники издания «Распускающийся цветок» (1787), питомцы Благородного пансиона, обращавшиеся к кураторам со словами: «Милостивые государи! Если то справедливо, что жертвовать первыми плодами своих трудов тем, под руководством коих они насаждаются, возрастают, расцветают и созревают, по естественному закону есть древнейшее и всеми почитаемое обыкновение <...> то мы, имея счастье под покровительством наших меценатов воспитываться в пристойном благородному юношеству научении и благонравии, кому другому, как не Вам, виновники наших успехов, должны посвятить начатки нашего учения...»⁶⁴ Свой перевод с немецкого книги «Энциклопедия, или Краткое начертание наук и всех частей учености» (1781) ученик Благородного пансиона, учрежденного при Московском университете, упоминавшийся Иван Шувалов посвятил кураторам университета И. И. Шувалову и М. М. Хераскову. Преподаватель университетских гимназий Михаил Падерин свой перевод сочинения И. Г. Рейхеля «История о знатнейших европейских государствах...» (1788) адресовал сразу четырем руководителям: трем кураторам (Шувалову, Мелиссино, Хераскову) и директору П. И. Фонвизину, причем дедикация каждому располагалась на отдельной странице в последовательности, определенной старшинством звания каждого.

Ряд посвящений обращен только к Хераскову. Примером в этом отношении может служить дедикация Ф. И. Сапожникова, предпосланная переведенной им книге «Избранные места из лучших немецких писателей...» (1780). В следующем за посвящением «Предисловии» переводчик сообщал, что Херасков, «стараясь здешние

⁶⁴ Распускающийся цветок, или Собрание разных сочинений и переводов, издаваемых питомцами учрежденного при императорском Московском университете Вольного благородного пансиона. М., 1787. С. 9—10 нenum.

императорские гимназии привести в совершеннейшее состояние, а больше всего желая снабдить оные учебными книгами, препоручил господину профессору немецкого языка изготовить самонужнейшие школьные книги для классов сего языка, особливо же избраннейшую так названную хрестоматию, дабы юношество не токмо познакомилось с различными родами слога в баснях и идиллиях, письмах, речах, одах, героических поэмах и других частях изящных наук, но и научалось узнавать свойство превосходнейших писателей». ⁶⁵ Таким образом, посвящение Хераскову этого труда было вполне мотивированным. Показательно, что в самом тексте посвящения отсутствовали традиционные формулы благодарности за полученные или ожидаемые милости. Похвалы же, обращенные к адресату, тоже не были стандартны: восхвалялся не столько влиятельный «милостивец», сколько выдающийся писатель и высоко образованный человек. Сапожников писал: «Высокие дарования Вашего превосходительства, превосходное место, занимаемое Вами в ученом свете яко писателем, и отменное знание в свободных науках удержали бы меня посвятить Вам сие весьма несовершенное сочинение, если б я не ласкался надеждою, что оно довольно облегчит юношеству изучение немецкого языка, исполнит чрез то некоторым образом намерения Вашего превосходительства и будет полезно». ⁶⁶

Посвящения Хераскову литераторов-масонов свидетельствуют о том, что их связывали не только дела ордена, но и собственно творческие интересы. Так, перевод одной из речей А. Тома, изданный под псевдонимом «Любитель российского слова» и осуществленный, как установлено, И. В. Лопухиным, ⁶⁷ имел посвящение «Почтенному творцу бессмертных Россияды». ⁶⁸ Позднее Лопухин напечатал «Подражание первому псалму», предварив свои стихи следующей дедикацией: «Его превосходительству Михайлу Матвеевичу Хераскову, одному из величайших в мире поэтов, последний конечно в оном ученик стихотворства посвящает в дар ноября 8 дня 1795 года». ⁶⁹

⁶⁵ Избранные места из лучших немецких писателей для употребления при императорских московских гимназиях. М., 1780. С. 7. Текст книги параллельно на немецком и русском языках.

⁶⁶ Там же. С. 5 нenum.

⁶⁷ См.: *Кочеткова Н. Д.* О псевдонимах И. В. Лопухина (И. В. Лопухин — писатель, читатель и издатель) // Книга в России. Век Просвещения. Л., 1990. С. 80—81.

⁶⁸ Речь г. Томаса. Говоренная в Академии Французской при вступлении его в оную. С французского перевел Любитель российского слова. М., 1782. С. 3 нenum.

⁶⁹ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения. М., 1975. С. 28. № 114.

Особенно интересным было посвящение Хераскову, предпосланное книге д'Арка Ф. О. де Сен-Фуа «Апология, или Защитительное рассуждение о роде человеческом» (1782), изданной «иждивением Н. Новикова и Компании» в университетской типографии Новикова. Приведем полностью текст этого посвящения.

«Его превосходительству Михайлу Матвеевичу Хераскову, действительному статскому советнику и императорского Московскаго университета куратору, милостивому государю!

Милостивый государь!

Сопутствовать Музам и Аполлону, украшать российский Парнас во время лучшей его славы, проникать во глубину священных таинств Природы, от очей столь многих смертных сокровенных, и с высоты Олимпа вливать в нежные сердца благородных питомцев свет и добродетели, путь к их патриотическим должностям приуготовляющие, есть дар и совершенство души Вашего превосходительства. Кому же приличнее осмелюсь я посвятить сие Защищение рода человеческого, как не Любителю Премудрости и Человечества?

И так, как истинный философ примите, милостивый государь, сию малую, но искреннейшую сердца моего жертву. Удостоите принять сие приношение от человека, сколь мало Вашему превосходительству известного, столь, напротив того, много Вас благодетелем своему Отечеству признавающего. Завидно для меня счастье, с глубочайшим моим почтением именоваться Вашего превосходительства милостивого государя преданным слугою

Н. Н.»⁷⁰

Похвалы Хераскову в этом посвящении далеко не традиционны. Среди его заслуг прежде всего выделяется литературное творчество: он «сопутствует Музам и Аполлону»; затем, что особенно интересно, говорится, хотя и иносказательно, о его масонской деятельности: он «проникает во глубину священных таинств Природы, от очей столь многих смертных сокровенных»; наконец, восхваляется его роль воспитателя молодежи, создателя Благородного пансиона: он «вливает в сердца благородных питомцев свет и добродетели». Автор не упоминает о полученных от него милостях, тем более ни о чем не просит, но называет Хераскова «благодетелем своему Отечеству». Все это позволяет заключить, что автор посвящения — не студент и не ученик пансиона. Это, скорее всего, человек, тесно связанный с масонскими кругами, патриотически настроенный и стремящийся способствовать развитию русской литературы. Все

⁷⁰ Апология, или Защитительное рассуждение о роде человеческом. Переведено с французского из сочинений господина шевалье д'Арк. М., 1782. С. 3—6 нум.

это, так же как и самая подпись «Н. Н.», позволяет предположить, что текст посвящения, а возможно, и самый перевод книги принадлежат Новикову. Может возникнуть недоумение, почему же он называет себя человеком, «мало Вашему превосходительству известным». Новиков познакомился с Херасковым еще в Петербурге, а в 1779 г. по инициативе последнего переехал в Москву, получив в аренду типографию Московского университета. Тем не менее Новиков, как известно, был очень требователен к себе и, возможно, считал, что он еще недостаточно оправдал оказанное ему доверие. В этой связи можно вспомнить ту уничижительную, совершенно не соответствовавшую действительности автохарактеристику, которую Новиков привел в письме к Н. М. Карамзину: «...с вами говорит идиот (невежда), не знающий никаких языков, не читавший никаких школьных философов...».⁷¹ Новиков не часто подписывал свои произведения, но его издательской маркой были инициалы «НН»; многие свои письма он подписывал «Н. Н.».

Иван Евсеевич Срезневский (1770—1819) открывал переведенную им книгу «Плач Публия Овидия Назона» (1795) стихотворным посвящением «преславной Россияды творцу», выражая надежду, что, в отличие от «гневною Августа», Херасков сочувственно отнесется к некогда гонимому поэту:

Се слезы нежного Назона!
Отвержены без прав закона,
Херасков! льются пред тобой!
Прими хоть ты под кров их свой <...>

Переводчик, разумеется, ждал и «ободренья» собственному труду:

Твое едино ободренья
Дух творческий во мне родит.⁷²

Имя Хераскова было окружено пиететом на протяжении нескольких десятилетий конца XVIII—начала XIX в. Посвящая ему книгу своих переводов, П. В. Победоносцев, преподаватель Университетской гимназии, писал: «Милости Вашего Превосходительства, свойственные чадолюбивым родителям, и неусыпные попечения, приличные мудрым начальникам, чувствуют все находящиеся под Вашим высоким покровительством, чувствуют — и единодушно прославляют оные».⁷³ «Милости» распространились и на литера-

⁷¹ Письма Н. И. Новикова. СПб., 1994. С. 219—220. Письмо от 30 апреля 1816 г.

⁷² Плач Публия Овидия Назона. М., 1795. Ч. 1. С. 5—6 нenum.

⁷³ [Уц И. П.] Новая наука наслаждаться жизнью <...>. Перевод с иностранного [П. В. Победоносцева]. М., 1799. С. 5—6 нenum. О П. В. Победоносцеве см.: Фоменко И. Ю. Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 2. С. 447—448.

торов, формально не связанных с Московским университетом, как свидетельствует посвящение Хераскову в книге И. С. Тодорского «Рифмовальный лексикон...» (М., 1800).⁷⁴

Неудивительно, что С. Н. Глинка, обратившись к теме, разработанной Херасковым, посвятил ему свою трагедию «Сумбека, или Падение Казанского царства» (1806). Он обращался к «творцу Россияды» со стихами, начинавшимися строками:

К бессмертию себе, Казани покоренье
Увековечил ты в эпических стихах:
Как в Риме Тассово, твое так песнопенье
Гремит у россиян в сердцах.⁷⁵

К этому времени сложился некий иконографический образ Хераскова, прежде всего автора «Россияды». Его контакты с разными политическими деятелями и литераторами и особенно многолетние труды в качестве директора и куратора Московского университета — все это нашло отражение в тех дедикациях, адресатом которых он был. От него ждали не материальной помощи и даже не столько продвижения по службе (хотя это до известной степени тоже имело место), сколько авторитетного суждения о подносимых ему сочинениях и переводах.

Посвящения другим наставникам, не чуждым литературных занятий, но не сопоставимых в этом отношении с Херасковым, строились, как правило, по стандартной схеме: благодарность за отеческие попечения и милости, выражение надежды, что «первый опыт упражнений» будет принят со снисхождением и поощрен, уверения в своем почтении, усердии и преданности. Весьма сходны между собой тексты дедикаций, обращенных к Павлу Ивановичу Фонвизину (1746—1803), который вместе со старшим братом Денисом обучался в университетской гимназии, а в 1784—1796 гг. был директором университета (сменив М. В. Приклонского). Среди довольно многочисленных «приписанных» Фонвизину изданий был сборник «Полезное упражнение юношества» (1789), включавший сочинения и переводы питомцев Благородного пансиона, переводы сочинений нравоучительного характера: книга Я. Душа «Сила благородной и непорочной любви» (1787; перевод С. Орлова), книга анонимного автора «Эвфимион, или Юноша, образующий сердце свое...» (1790; перевод С. Барташевского). Очевидно, директор поощрял учащихся за их литературные труды. Об этом можно судить, в частности, по дедикации А. Печенегова, который писал П. И. Фонвизину: «Уверенность в снисходительном Вашем принятии подобных сему знаков

⁷⁴ См.: Николаев С. И. Тодорский И. С. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. Р—Я. (В печати).

⁷⁵ Глинка С. Н. Сумбека, или Падение Казанского царства. М., 1806. С. III. 2-е изд.: М., 1817.

усердия обнадеживает и меня...».⁷⁶ Некоторые студенты не один раз подносили Фонвизину свои переводы. Так, студент Андрей Урусов адресовал ему свои переводы с латинского: в 1787 г. книгу «Правила мудрости и благоразумия», а в 1789 — книгу «Веселый и шутливый Меландр...». В 1788 г. Николай Марков⁷⁷ посвятил Фонвизину свой перевод сочинения М. Прайора «Гейнрих и Эмма» — «некоторый опыт» своего «прилепления к словесным наукам», а в 1791 г. ему же адресовал свой следующий, более серьезный труд — перевод книги К. Ф. Вольнея «Путешествие в Сирию и Египет...» (Ч. 1—2. 1791—1793). В этой дедикации, более пространной по сравнению с первой, Марков писал: «Не тщеславие, ниже лестная какая-нибудь надежда подали мне смелость приписать имени Вашему сии мои труды, но добродетели, украшающие Вашу душу и благотворительный дух Ваш, дознанный мною самыми мечтами служили мне к тому поводом и заставили меня изыскать случай сей для оказания пред Вами искренной моей благодарности за все отеческие милости, коими пользовался я с самого того времени, как приняли Вы на себя назидание общего блага здешних питомцев. В числе оных будучи, могу о себе сказать, что я не только равно с ними был счастлив под благодетельным кровом Вашим, но паче еще пред многими взыскан был особенно Вашими благодеяниями и милостями.⁷⁸ За «особливые знаки» «благоснисхождения» и «восхитительные, исполненные всякия справедливости <...> обещания, которые премного ободряют» благодарил Фонвизина и упоминавшийся уже Ф. И. Барсук-Моисеев.⁷⁹

С посвящениями своих трудов к Фонвизину обращались и преподаватели университета. Упоминавшийся уже М. Г. Гаврилов в дедикации писал директору: «Ваше превосходительство есть тот самый, которого душа, кажется, к тому только и расположена, чтоб делать другим добро, которого благосклонность и снисхождение к подчиненным своим довольно суть причиною к тому, чтоб всяк из них почитал себе за счастье, имея Вас начальником и по силе своей изъявлял Вам чистейшее свое усердие».⁸⁰ Профессор Дмитрий Николаевич Сеньковский (Синьковский) (ум. 1792/1793) сопроводил

⁷⁶ [Флориан Ж. П. К.]. Галатя, пастушеская повесть, сочиненная Г. Флорианом, в подражание Сервантовой. Перевод с французского [А. Печенегова]. М., 1790. С. 5 нум.

⁷⁷ О нем и его переводах см.: Рак В. Д. Марков Н. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 272—273.

⁷⁸ [Вольней К. Ф.] Путешествие Волнея в Сирию и Египет... Переведено с немецкого. Самый же подлинник на французском языке. М., 1791. Ч. 1. С. 5—6 нум.

⁷⁹ Гамбергер Г. Э. Способ лечить болезни <...>. Перевел <...> студент Фома Барсук-Мойза. М., 1789. С. 5 нум.

⁸⁰ Эрвина фон Штейнгейм, немецкая повесть из средних времен. Переведена с немецкого. М., 1790. С. 5—6 нум.

перевод «Метафизики» Х. Баумейстера посвящением Фонвизину на латинском языке.⁸¹

По всей видимости, многие университетские питомцы были вхожи в дом Фонвизина. Об этом свидетельствуют посвящения, адресованные Наталье Сергеевне Фонвизиной и Марье Васильевне Фонвизиной. Известно, что Павел Иванович Фонвизин был женат дважды: первым браком на М. П. Лопухиной, вторым (с 1789 г.) — на М. В. Толстой (Толстых). В 1786 г. появилась книга К. Х. Штурма «Женщина в уединении», переведенная студентом С. Орловым и посвященная им Н. С. Фонвизиной. Восхваляя ее сердце, «исполненное нежных и благородных чувствий, кротость нравов и другие доброты», «младой питомец муз» просил ее благосклонно принять его слабый труд «Сие будет служить мне, — писал он, — самым лучшим поощрением к дальнейшим в науках успехам, умножит и возвысит мое к вам почтение и преданность, с каковыми вечно пребуду».⁸² Наталья Сергеевна не была замужем за Фонвизиным, но имела от него двоих детей: Сергея (1783—1858) и Александру (1786—1870), которые, очевидно, после ее смерти жили со второй женой Фонвизина — М. В. Фонвизиной (урожденной Толстой), но называли своей матерью Наталью Сергеевну Кокоскину.⁸³ Примеру С. Орлова спустя несколько лет последовал другой начинающий переводчик и «незрелый плод» своих трудов — переведенную им книгу «Несчастливая принцесса, или Трогательные приключения Аврелии» (1791) — посвятил Марье Васильевне Фонвизиной с надеждой, что она поощрит его «к дальнейшим упражнениям». Конечно, эти знаки внимания были адресованы не в последнюю очередь самому Фонвизину. Однако выбор книг для перевода явно был рассчитан на читательские интересы «чувствительных» женщин. Так, постепенно дедикации наставникам стали сближаться с посвящениями, имеющими более камерный характер, — посвящениями семейными и дружескими.

Можно расширить круг имен авторов и адресатов посвящений, выявить новые связи, соединяющие учащихся и учащихся. Но и рассмотренный материал позволяет говорить о том, что дедикации наставникам, как бы ни были они традиционны и наполнены обязательными для жанра формулами, имели свою специфику. В них находили отражение некоторые стороны образовательного процесса. От официального панегирика императрице авторы переходили к восхвалению реальных заслуг ревнителей отечественного просвещения.

⁸¹ *Баумейстер Х.* Метафизика. Перевод с латинского [А. Павлова]. Вновь рассмотрен и на многих местах исправлен профессором Дмитрием Сильковским. Изд. 2-е. М., 1789. С. 5—8 нenum.

⁸² [*Штурм К. Х.*] Женщина в уединении... Перевел с немецкого императорского Московского университета студент Степан Орлов. М., 1786. С. 5—6 нenum.

⁸³ См.: *Серков А. И.* Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 839.

А это, в свою очередь, воздействовало на общественное сознание. Постепенно менялась шкала ценностей: уважение приобретали образованность, талант, личные достоинства, готовность поделиться знаниями. Чем меньше оказывалась дистанция между автором и адресатом посвящения, тем менее официальный характер она приобретала, и в текст посвящения все больше проникали мотивы, связанные с личной судьбой как одного, так и другого. Замечательно в этом отношении посвящение, которое известный драматург Н. Н. Сандунов предпослал своей пьесе «Отец семейства» (1794), обращаясь к профессору Московского университета и руководителю университетского Благородного пансиона А. А. Прокоповичу-Антонскому.⁸⁴ Автор писал: «Милостивый государь! Лишась состояния и видя себя от всех почти оставленным, я нашел в вас истинного благодетеля. Вы приняли участие в моем положении — не деньгами; вы оказали мне добро, предохраняя, может быть, меня от многого, на что бы принужден был решиться молодой человек, у которого уверенными обещаниями отнято все: служба, имя и состояние. — Вы успокоили меня, и произведение моего покоя приношу я вам в знак той вечной благодарности и совершенного почтения, с которыми всегда пребуду, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою. Николай Сандунов».⁸⁵ Текст этого посвящения существенно отличается от распространенного шаблона: адресата благодарят не за материальное воспомоществование, а за моральную поддержку, что особо подчеркивается: «помогли мне — не деньгами».

Искреннюю благодарную память о наставниках многие сохраняли на всю жизнь. Одним из подтверждений этому могут служить слова И. М. Долгорукова в предисловии к его книге «Бытие сердца моего» (1817): «Назвав книгу мою *Бытие моего сердца*, я привожу себе на память все бытие мое моральное, и везде нахожу непрерывающуюся нить благодетельных ко мне от Университета. Под сению его я озарился первыми лучами умственного света. В нем провел юность и выпущен на поприще жизни гражданской. <...> Там благотворная душа Шувалова, назидательные попечения Мелиссино, плодовитый гений Хераскова образовали ум и сердце россиян».⁸⁶

⁸⁴ См. о нем: *Нешумова Т. Ф.* Прокопович-Антонский А. А. // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 5. П—С. М., 2007. С. 152—54.

⁸⁵ [Сандунов Н. Н.] Отец семейства. Драма в пяти действиях. По расположению барона Геммингена. М., 1794. С. 4 нenum.

⁸⁶ *Долгоруков И. М.* Бытие сердца моего, или Стихотворения. В 4-х частях. М., 1817. Ч. 1. С. IX.

Е. Д. КУКУШКИНА

ГУСТАВ III В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

8 сентября 1790 г. в Санкт-Петербурге с восходом солнца загремели выстрелы. Столица праздновала окончание войны со Швецией. Из Царского села прибыла Екатерина II. Раздались звуки труб и литавр, начались салюты из Петропавловской крепости. Народу разбрасывали серебряные жетоны с отчеканенными на них словами: «Мир со Швецией заключен 3 августа 1790 года». На обратной стороне жетонов была изображена миртовая ветвь с лавровыми венками и надписью «соседственный и вечный».¹

По окончании торжеств, продолжавшихся до 23 сентября, на Царицыном лугу состоялся фейерверк. Он изображал два храма, один из которых был посвящен Минерве, а другой Янусу. Двери последнего были открыты, «за ними раздавался шум, треск и ужасные разрывы, что означало звуки жесточайшего сражения». Минерва вышла из своего храма, сделала знак рукой — шум мгновенно умолк, двери Янусова храма затворились. Между храмами появился величественный обелиск с надписью на нем: «Августа 3 дня 1790 года счастливый день заключения мира».² Это аллегорическое представление знаменовало окончание войны и многолетнего противостояния двух европейских монархов, в котором не последнюю роль играла литература.

Граф Готландский, ставший шведским королем Густавом III, вошел на трон в 1772 г. в результате государственного переворота. В июне 1777 г. его с большими почестями принимали в Санкт-Петербурге. Предпринятая по инициативе шведского короля встре-

¹ *Бородкин М.* История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб., 1912. С. 357.

² Описание фейерверка по окончании торжества на случай заключенного мира между е. и. в. Екатериною Второю <...> и е. и. в. Густавом Третьим королем шведским, представленного в Санктпетербурге <...> сентября дня 1790 года. СПб., 1790.

ча его с Екатериной II призвана была разрядить нарастающую напряженность между государствами-соседями и монархами-родственниками (отец Густава III, шведский король Адольф-Фридрих, был родным братом матери Екатерины II, Иоанны Елисаветы).

Как свидетельствуют «Санкт-Петербургские ведомости», пребывание короля в российской столице было весьма насыщено событиями. Помимо встреч с Екатериной II и видными государственными лицами, участия в официальных обедах и ужинах он посетил Академию художеств, Сухопутный кадетский корпус, Фарфоровый завод, Монетный двор, Смольный монастырь, присутствовал на спектаклях придворного театра, участвовал в закладке храма Иоанна Предтечи.

23 июня Густав III провел в Академии наук, где по этому случаю состоялось торжественное собрание академиков, некоторые из них были также членами Стокгольмской академии наук. Шведский король осмотрел Кунсткамеру, поднимался на крышу обсерватории, посетил монетный и минералогический кабинеты. В академической типографии ему был поднесен портфель с видами Санкт-Петербурга и его окрестностей. Пожелав увидеть опыт печатания на разных языках, Густав III получил в подарок листы со стихами, в которых говорилось о его высоких человеческих достоинствах.

СТИХИ ГОСПОДИНУ ГРАФУ ГОТЛАНДСКОМУ,
НА СЛУЧАЙ КОГДА ОН БЛАГОВОЛИЛ ПОСЕТИТЬ
САНКТПЕТЕРБУРГСКУЮ ИМПЕРАТОРСКУЮ АКАДЕМИЮ НАУК,
ИЮНЯ 23 1777 ГОДА

Героя своего являя кротость нрава,
Противу склонности умолкла ныне слава,
Таящая от нас Его высокий сан;
Но муз собор дела его провозглашает:
Под всяким именем Он ими увенчан,
Не Титлом славится, но Титло возвышает.³

По отъезде Густава III между ним и Екатериной II установилась дружеская переписка, обмен любезностями и подарками. Императрица через своего адъютанта и нового фаворита полковника С. Г. Зорича вернула Густаву переданный ей шведский орден Меча для пожалования его по собственному ее усмотрению. В ответ король решил польстить Екатерине. Он пожелал увидеть награжденным именно Зорича, ходатайствовал перед императрицей о производстве его в генералы.⁴ В стихотворении, написанном по поводу

³ Текст стихотворения опубликован на русском и французском языках за подписью «И. Б.» в Прибавлении к № 51 «Санкт-Петербургских ведомостей» 1777 г. (единственный экземпляр сохранился в ГПИБ).

⁴ Грот Я. К. Екатерина II и Густав III. СПб., 1877. С. 28—33.

этого награждения, В. Г. Рубан использовал библейскую легенду о пророках Илие и Елисее, согласно которой Илия, будучи живым взят на небо, оставил Елисею свою мантию как залог пророческого духа. Зорич «дивится, как тогда дивился Елисей, / Кто, смертный, или Бог, не зная, странник сей? / Но знак Меча узря, на рамена взложенный, / От Фредерика в честь героев учрежденный, / Познал высокого достоинство Лица, / В котором своего чтит Швеция отца...». Несмотря на столь лестное для Густава сравнение, стихотворение на самом деле в большей степени призвано было воспеть русскую императрицу. В нем говорилось, что Густав пришел «к россам», «чтоб мудро правящей внимать Екатерине / И научиться премудрости от ней, / Достойной наставлять вселенныя царей».⁵ С этого времени на протяжении полутора десятков лет, насыщенных военными столкновениями, шведский король станет объектом изображения русской литературы.

В 1782 г. П. Н. Чуваевым была изготовлена гравюра, на которой на двух склеенных в длину листах были изображены гордо восседающие верхом Густав III и прусский принц Фридрих Генрих Людвиг, брат прусского короля Фридриха II. Позади них — свита. На заднем плане виден военный лагерь, войско под ружьем, а вдали море со множеством кораблей.⁶

Между тем уже в 1780 г. Густав предпринял ряд мер по укреплению военной мощи страны. Он не скрывал намерений взять реванш у России и Дании за поражение в Северной войне. Когда великого князя Павла с молодой супругой, путешествовавших в 1781 г. по европейским странам, повсюду называли графом и графиней Северными, Густав, с присущей ему подозрительностью, увидел в этом знак того, что Россия претендует на всю северную Европу.⁷ И это утвердило его в намерениях восстановить границы между Швецией и Россией по реке Сестре.

Швеция планировала вторжение в Данию. Одним из методов подготовки к изменению внешней политики стало использование драматургии как одного из самых популярных и массовых жанров литературы.

В январе 1786 г. в Стокгольме состоялась премьера оперы «Густав Васа» Густава III, в очередной раз выступившего как драматург. Опера провоцировала антидатские настроения. Удачная музыка, прекрасные декорации, слаженная театральная труппа сделали эту пьесу, как и рассчитывал ее автор, шведской национальной оперой. Весной того же года шведский король реорганизовал Академию

⁵ На пожалование королевского шведского ордена Меча Семену Гавриловичу Зоричу, ея имп. Величества флигель-адъютанту, гусарского Ахтырского полку полковнику <...> военных орденов кавалеру. СПб., 1777.

⁶ *Ровинский Д.* Русские народные картинки. Кн. II. Листы исторические, календари и буквари. СПб., 1881. № 576. С. 257—258.

⁷ *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 559.

литературы, истории и языка. Его целью было создание литературного сообщества, которое могло бы влиять на общественное мнение.⁸

С мая 1788 г., когда политическая обстановка в Европе еще более обострилась, а приготовления Швеции к «маленькой победоносной войне» с Россией перестали быть тайной, мысли о Густаве не оставляли русскую императрицу. Нота российской стороны, которая содержала уверения в миролюбии и фактически была обращением к политической оппозиции Швеции, не возымела ожидаемых последствий.⁹ Война разгоралась. Ход ее зависел от возможности флота стать хозяином в Финском заливе.

6 июля западнее острова Гогланд состоялось первое крупное морское сражение. Русским флотом командовал адмирал С. К. Грейг, шотландец, с 1764 г. находившийся на русской службе. Командование шведским флотом было поручено брату Густава Карлу, герцогу Зюдерманландскому. Битва не решила исход войны, но сделала невозможным нападение шведов на Петербург и породила недовольство среди высших чинов шведской армии.

Г. Р. Державин откликнулся на это сражение, в котором с русской стороны участвовали необученные воины, четверостишием «На сражение шведов Грейгом»:

Британа храбра кровь с душою славянина
Как шла соединясь, в отпор рычащу льву,
Вселенна слышала правдивую молву,
Что Грейг с младенцами препнул путь исполина.¹⁰

Лев, изображенный на гербе Швеции, играл особую роль в эмблематике того времени. У шведских панегиристов это был героический образ, у русских, начиная с Петровского времени, сатирический. Наступательный план Густава провалился, однако шведская сторона, потерявшая в бою лишь один линейный корабль, в официальных релициях объявила себя победившей.

События июля 1788 г. дали Екатерине II повод к сочинению нового драматического произведения. 20 августа А. В. Храповицкий увидел, что императрица пишет по-французски комедию. Небольшая пьеса, состоящая из трех сцен, под названием «*Les voyages de m-r Bontems*» была закончена к 27 августа. Характеризуя ее, Храповицкий заметил: «Тут много соли и относится к войне шведской».¹¹

Екатерина хотела, чтобы комедия была сыграна актерами в комнатах А. М. Дмитриева-Мамонова 30 августа, «к Александру дню»,

⁸ *Леннрут Э.* Великая роль. Король Густав III, играющий самого себя. СПб., 1999. С. 171—172.

⁹ Там же. С. 249—250.

¹⁰ *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1866. Т. 3. С. 347.

¹¹ *Храповицкий А. В.* Дневник 1782—1793. СПб., 1874. С. 134.

однако из-за его болезни спектакль состоялся только 19 сентября.¹² Музыку к нему написал придворный композитор Э. Ванжура.

В пьесе осмеиваются лживость и изворотливость Бонтана и его слуги Криспина, которые, вернувшись из путешествия, рассказывают о своем участии в какой-то войне. Бонтан, отвечая на вопросы служанки Мартоны и своей тетушки, которая хочет видеть в племяннике героя, смущается и путается, а ироничный и находчивый Криспин описывает их выдуманные победы на суше и на море. Только победы эти какие-то странные. Встретив неприятеля, Бонтан и его слуга бросались бежать, но, как объясняет Криспин, не от трусости, а чтобы поближе подманить врага. Кто остался победителем в морском сражении, в котором они якобы участвовали, тоже непонятно. Эти сцены очень напоминают диалоги в комедии Плавта «Хвастливый воин». В финале обнаруживается, что «подвиги» совершались в трактирах и игорных домах, где герои наделали много долгов. Действие завершается словами служанки Мартоны: «Je sais le proverbe qui dit: A beau mentir qui vient de loin» (Я знаю пословицу: Хорошо лгать тому, кто приехал издалека).¹³

Пьеса Екатерины II состоит из занимательных диалогов, а находчивый, острый на язык Криспин напоминает популярного персонажа французских комедий, впервые появившегося на сцене в пьесе А. Лессажа «Криспин — соперник своего господина». Ее перевод на русский язык был напечатан в 1779 г. в типографии Н. И. Новикова. Как известно, Екатерина II свободно перелагала в своих пьесах произведения европейской драматургии — комедии Кальдерона, Шеридана, Шекспира и другие.¹⁴ Комедия Лессажа содержит один потенциальный сюжет, который Екатерина могла развить в своей пьесе. Отвечая на вопрос господина, где он был целый месяц, Криспин рассказывает, что с одним дворянином собирал долги, «но не все так делалось, как хотелось».

Екатерина придала своей комедии политическую направленность, которая легко угадывалась. Храповицкий, переписав пьесу набело, заметил, возвращая ее Екатерине, что Криспин в рассказе о морском сражении лжет более правдоподобно, чем принц Чарльз¹⁵ (т. е. Карл Зюдерманландский, брат Густава III). Однако вряд ли следует считать, что в образе Бонтана Екатерина изобразила Густава, а под Криспином подразумевала Карла, как полагал К. В. Покровский.¹⁶ В этой комедии она имела в виду не личности,

¹² Сочинения императрицы Екатерины II с объяснительными примечаниями А. Н. Пыпина. Т. 4. СПб., 1901. С. 45.

¹³ Там же. С. 44.

¹⁴ Варнеке В. В. История русского театра. Изд. 2-е. СПб., 1914. С. 255—261.

¹⁵ Храповицкий А. В. Дневник 1782—1793. С. 140.

¹⁶ Покровский К. В. К бытовой истории Эрмитажного театра императрицы Екатерины II. М., 1907. С. 16.

а нравы. Екатерина высмеивала парадоксальную ситуацию, при которой побежденные объявляли себя победителями. Когда эта ситуация повторилась в следующем году, после морского сражения русского и шведского флота при Свенсксунде, комедия опять стала актуальной, и 14 декабря 1789 г. ее играли на Эрмитажном театре.

Намерение сделать Густава III главным героем литературного произведения в русском духе окончательно сформировалось у Екатерины II еще раньше, в июле 1788 г. Об этом можно судить по записям в дневнике А. В. Храповицкого. 29 июля она читала ему начало комической оперы «Кослав»: «Тут представляется приготовление на войну короля шведского. Не знаю, как кончу, вчера только написала, чтоб разбить мысли».¹⁷

Намерение укреплялось по мере получения сведений о действиях шведского короля и об отношении к ним других заинтересованных сторон. 9 сентября Екатерина получила из Дании депешу с выдержками трактата датского министра иностранных дел А. П. Бернсторфа, в котором он обвинял шведского короля в вероломстве против нации и соседних государств, ратовал за восстановление в Швеции прежней конституции и заключение мира не с королем, но с нацией. Императрица не могла скрыть своего сожаления и раздражения: «Наши дураки, в Иностранной коллегии присутствующие, слыша от меня все сие, не могли так написать: не думая о делах, проводят время только с девками».¹⁸

14 сентября Екатерина читала в Берлинских газетах «Изъяснение» шведского короля от 10 июля, в котором он вменил в вину России развязывание войны. На следующий день она велела сделать копию с трактата Бернсторфа, а через четыре дня ею был подписан указ о переводе всех шведов, находящихся в Москве, в Калугу из-за «предосудительных разглашений». Читая немецкие газеты 21 сентября, Екатерина возмущалась высказываниями шведского короля, «дающего хороший вид худым делам своим».¹⁹ 28 сентября в Петербурге было получено донесение из Копенгагена от А. И. Крюденера, русского министра в Швеции, о продолжительном разговоре Густава III с французским послом Ж. М. де Поном. Разговор якобы завершился тем, что Густав, упрекаемый Де Поном за скрытность по отношению к французскому королю и вступление в войну с Россией, не заручившись поддержкой других держав,²⁰ заплакал и воскликнул, что отдает себя в руки короля Франции. Екатерина смеялась: «Это настоящая комедия!»²¹

¹⁷ Храповицкий А. В. Дневник 1782—1793. С. 119.

¹⁸ Там же. С. 151.

¹⁹ Там же. С. 157.

²⁰ Леннрут Э. Великая роль. С. 279—281.

²¹ Храповицкий А. В. Дневник 1782—1793. С. 163.

В первые дни октября императрица закончила написание возражений против шведской Декларации,²² которые были изданы в Петербурге по два раза на русском, немецком и французском языках, неофициально распространялись среди иностранцев при русском дворе и были посланы в Париж, Лондон и Голландию. Возражения Екатерины, помещенные параллельно тексту шведской декларации, значительно пространные. Оба текста полны упреков, обвинений, желчных замечаний.

Категорическое неприятие Екатериной II политической игры, ведущейся шведским королем, стало для нее импульсом к созданию нового драматического произведения. С сентября до декабря 1788 г. Екатерина II почти ежедневно была занята сочинением сказки о юноше, возомнившим себя героем. Параллельно шла работа над ее драматургическим вариантом.

Задуманный литературный образ Густава постепенно приобретал карикатурные черты, чему способствовали и некоторые замечания приближенных к императрице лиц. Граф В. П. Мусин-Пушкин «сказывал, что король шведский и брат его Карл носят усы, как коты».²³

В основу сюжета была положена сказка о «Фуфлыге богатыре», очевидно, один из вариантов сюжета «Лгун в честной компании».²⁴ Имя Фуфлыга было отвергнуто. Оно означало невзрачного, малорослого человека.²⁵ По мнению Храповицкого, которому было поручено сочинить арии для оперы, имя героя должно было выйти из его характера. Так появилось имя Горобогатырь с отчеством Косометович (то есть метящий косо, не попадающий в цель), намекающим на отца Густава III Адольфа-Фридриха и его военные неудачи. В качестве других источников Храповицкий поднес Екатерине «Езду в остров любви» и «Деидамию» В. К. Тредиаковского, а также трагедию М. В. Ломоносова «Тамира и Селим» (Храповицкий называет ее «Мамай»). У Ломоносова Екатерина II позаимствовала, вероятно, идею вымышленного похода и сравнение героя с былинными богатырями. Упражнения Селима в стрельбе из лука напоминали богатырские забавы, о которых говорится в былинах. Сочинения Тредиаковского, судя по всему, не понадобились. К началу декабря Храповицкий переписал начисто текст готовой оперы, сделав некоторые стихотворные «прибавки».

Манеру исполнения своего нового драматургического произведения «Горобогатырь Косометович» Екатерина II определила как

²² *Екатерина II*. Примечания и исторические объяснения на Объявление е. в. короля шведского, изданные в Гельсингфорсе в 21 день июня 1788 года. С приложениями. СПб., 1788.

²³ *Храповицкий А. В.* Дневник 1782—1793. С. 168.

²⁴ Варианты сюжета см.: *Malek Eliza*. Русская нарративная литература XVII—XVIII веков. Łódź, 1996. С. 83—84.

²⁵ *Даль В.* Толковый словарь. Т. 4. Р—V. М., 1980. С. 540.

«бурлеск»: «надобно играть живее и развязнее. И в том costume, как играют Мельника».²⁶ Комическая опера А. О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1772) по-прежнему имела успех у зрителей.

Новая пьеса в полной мере дала выход нарастающему раздражению, которое испытывала императрица по отношению к Густаву III в течение нескольких месяцев. Теперь необходимость соблюдать видимость доверительных дружеских отношений отпала.

Оперу «Горебогатырь» нельзя рассматривать в ряду других произведений этого жанра. Не случайно любовная линия в ней едва намечена и является лишь данью традиции. Ирония и сарказм в построении сюжета и характера главного героя, тенденциозность в его изображении в сочетании с исторической точностью рисуемых сцен придали опере характер памфлета.

Для того чтобы сделать гротескный образ Горебогатыря узнаваемым, Екатерина включила в текст множество вполне прозрачных намеков на реальные события, поведение и внешний облик Густава III. Так, падение Горебогатыря с коня во втором действии оперы напоминает о неприятности, случившейся со шведским королем 4 июня 1783 г., когда он сразу после приезда в Финляндию для встречи с Екатериной II во Фредриксхамне производил смотр войск. Его лошадь испугалась, он упал на землю и сломал левую руку. Из-за этого встреча с императрицей была отложена и состоялась лишь 29 июня.²⁷ Екатерина писала тогда об этом происшествии Потемкину: «Нечего сказать, мой друг: вот довольно неловкий герой, который упал таким образом, маневрируя перед своими войсками».²⁸

Отъезд Густава на театр военных действий был преисполнен величественных театрализованных церемоний. Он был назначен на 23 июня, день отплытия Густава Адольфа на тридцатилетнюю войну. После заседания риксрода, учреждения новой степени ордена Меча за военные заслуги, сдачи на хранение короны и собственных бриллиантов Густав III выехал из дворца с идущими впереди алебардчиками, придворными пажами и государственными советниками, позади шли кронпринц, придворные дамы и двор.²⁹ Екатерина II, хорошо осведомленная о том, что происходило в эти дни при шведском дворе, писала Г. А. Потемкину 3 июля 1788 г.: «Король шведский себе сковал латы, кирасу, брасары и квиссары (приспособления для защиты рук и бедер. — *Е. К.*) и шишак с преужасными перьями. Выехавши из Стокгольма, говорил дамам, что он надеется им дать завтрак в Петергофе <...>. Своим войскам в Финляндии и шведам велел сказать, что он намерен превосхо-

²⁶ Храповицкий А. В. Дневник 1782—1793. С. 208—209.

²⁷ Леннрут Э. Великая роль. С. 136—137.

²⁸ Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769—1791 / Изд. подгот. В. С. Лопатин. М., 1997. С. 170. Оригинал на франц. яз.

²⁹ Леннрут Э. Великая роль. С. 251—253.

дить делами и помрачать Густава Адольфа и окончать предприятие Карла XII <...>. Сего вероломного государя поступки похожи на сумасшествие».³⁰

Герой оперы Горобогатырь примеривает шишак Еруслана Лазаревича, но тот ему велик. Палица и меч-кладенец оказываются ему не по силам. Тогда конюший Кривомозг облакает Горобогатыря в «латы из картузной бумаги», а вместо шишака дает ему «пушистую шапочку на хлопчатой бумаге с журавлиными перьями».³¹ При этом Горобогатырь похвально: «Разве я не то же могу делать и учинить, что другие дельвали? <...> Я наделаю великие и славные рыцарские и богатырские скосырьства, каких еще очи не видали и слухом люди не слышали. Я Океан-море от края до края завоюю со всеми на оном находящимися островами пустыми и населенными <...> и как Океаном-морем завладею и помрачу славу всех богатырей, до сего бывших, тогда сделаю для вас великолепный пир на берегу Океана моря...».³²

А. Брикнер заметил, что опера содержит намек на внутренний раздор в лагере шведов в начале войны. Конюший Кривомозг и щитоносец Тороп нехотя отправляются в поход, они стараются напугать героя и заставить его вернуться.³³

Эпизод с одноруким стариком (в сказке и опере «безруким»), который поколотил ухватом и прогнал Горобогатыря из своей хижинки, также имеет фактическую основу. 18 июня 1788 г., еще до официального объявления войны, шведский отряд в 1700 человек под командованием барона Бернта Иоганна Гастфера окружил крепость Нейшлот на озере Сайме. Комендант Нейшлота инвалид секунд-майор Кузьмин с гарнизоном в 200 человек выдерживал осаду в течение двух месяцев при самых небольших потерях. По рассказам, однорукий Кузьмин на требование шведов отворить ворота крепости ответил: «Рад бы отворить, но у меня одна только рука, да и в той шпага».³⁴

В финальных сценах оперы Горобогатырь хвалится несуществующими победами: «Могу без хвастовства сказать, / Дел кучу храбрых доказать, / Низринул множество оплотов, / Везде и всех я победил, / Прогнал, разсыпал и побил...». Пьеса заканчивается хором, в котором в соответствии с законами жанра комической оперы сформулирована ее мораль: «Пословица сбывлась: / Синица поднялась, / Вспорхнула, полетела, / И море зажигать хотела, / Но море не зажгла, / А шуму сделала довольно».³⁵

³⁰ Екатерина II и Г. А. Потемкин. С. 299—300.

³¹ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 2. СПб., 1901. С. 494.

³² Там же. С. 487—488.

³³ Брикнер А. Комическая опера Екатерины II «Горобогатырь» // Журнал министерства народного просвещения. 1870. Ч. 152. С. 184.

³⁴ Бородкин М. История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. С. 135—136.

³⁵ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 2. С. 509—510.

Русская императрица сделала предметом насмешки самую болезненную и самую уязвимую черту Густава III — его честолюбие. Осуществление главной цели его жизни — самоутверждение в качестве достойного преемника великих королей Швеции — не только ставилось под сомнение, но и грубо осмеивалось.

После пробного спектакля, устроенного 28 декабря для графа А. М. Дмитриева-Мамонова, который одобрил музыку к опере, написанную В. Мартини, и нескольких репетиций было решено дать оперу в Эрмитажном театре для узкого круга лиц. Премьера состоялась 29 января 1789 г. Опера имела успех, и через день ее повторили для цесаревича. Зрители, среди которых были австрийский посол Л. Кобенцель и французский посланник при петербургском дворе Л.-Ф. Сегюр, легко догадались, кого изобразила Екатерина в своей пьесе. Вопреки опасениям императрицы, спектакль им понравился. По отзыву Сегюра опера стала деликатным, шутивным ответом на наглые манифесты и декларации.³⁶

На спектакле, состоявшемся 5 февраля, присутствовал приехавший накануне Г. А. Потемкин. Он не одобрил намерения играть «Горебогатыря» на публичном театре. Обнародование литературного произведения с многочисленными оскорбительными намеками на короля Швеции могло вызвать нежелательные последствия. По-видимому, по тем же соображениям «Сказка о Горебогатыре» и опера были напечатаны с указанием вымышленного автора. В обращении к читателю, написанном Храповицким, говорилось, что сказка списана «от слова до слова с рукописи, находившейся прежде сего в престольном граде на одном только пролетном кружале³⁷ во хранилище рукописей (то есть в бауле) славного целовальника питунам отменно любезного Ивана Ефимова сына Краснобая...»,³⁸ а местом, где происходили описываемые в сказке события, был назван Арзамас.

В конце апреля 1789 г., по просьбе Н. П. Шереметева, было разрешено играть пьесу в Москве, «а здесь для министров иностранных неловко».³⁹ «Горебогатыря» играли еще 12 июля в Царском Селе, а 12 сентября в Эрмитаже для К.-Г.-Н. Нассау-Зигена, успешно командовавшего русским галерным флотом в морском сражении 13 августа при Свенскунде.

Несмотря на предосторожности, шведский посланник в Петербурге Стединг узнал, что русская императрица сочинила оперу, в которой Густав был осмеян. Он написал об этом королю и выразил надежду доставить ему экземпляр этого сочинения. Неизвестно, удалось ли ему это.⁴⁰

³⁶ Храповицкий А. В. Дневник 1782—1793. С. 247.

³⁷ Т. е. в питейном доме.

³⁸ Сказка о Горебогатыре Косометовиче и Опера комическая из слов скаски составленная. СПб., 1789.

³⁹ Храповицкий А. В. Дневник 1782—1793. С. 278—279.

⁴⁰ Брикнер А. Комическая опера Екатерины II «Горе-богатырь». С. 186.

С изменением политической ситуации комическая опера Екатерины II потеряла актуальность. Но благодаря чуткому к языку Г. Р. Державину в поэзию вошел парадоксальный и вместе с тем емкий образ «горебогатыря», как человека, чьи представления о себе не соответствуют действительности или чьи намерения расходятся с истинными возможностями. В стихотворении «На счастье» (1789) Державин с грустной иронией замечает: «А ныне пятьдесят мне было, / Полет свой счастье пременяло, / Без лат я Горебогатырь». ⁴¹ Этот образ как нельзя лучше соответствовал представлению о переменчивости судьбы: «Нас Фортуна часто учит / Горем быть богатырем» («К Евтерпе»). ⁴² Позже название «Горебогатырь» Державин дал своему стихотворению, посвященному Наполеону. К Наполеону было обращено и незаконченное «Послание от Фортуны к Горюбогатырю», обнаруженное Я. К. Гротом в бумагах Державина. ⁴³

Литературная война велась с обеих сторон. В то время как Екатерина II формировала общественное мнение, ограничившись достаточно узким кругом придворных, Густав III организовал антирусскую пропаганду среди населения Швеции и в шведской армии. По его заданию французским журналистом Ж. Малле дю Паном был написан антиекатерининский памфлет, переведенный на многие языки. В нем говорилось о русской угрозе политическому равновесию в Европе, исходящей от Екатерины II. Памфлеты, басни, сатирические стихотворения, патриотические песни призваны были оправдать агрессию Швеции против России, внушить необходимость национального сплочения, единения шведов и финнов перед лицом врага. ⁴⁴ В октябре 1788 г. было напечатано стихотворение «В отставку малодушных офицеров», в основу которого положено подлинное письмо полковника Маннерсканта к брату. В нем называлась изменнической пропаганда по отделению Финляндии от Швеции. Стихотворение неоднократно переиздавалось и распространялось в армии. Тогда же свое участие в пропагандистской войне принял шведский поэт Бенгт Лиднер стихотворением «Ода к финскому солдату», в котором он призывал к отпору измене. ⁴⁵ В Швеции переиздавались книги, опубликованные накануне русско-шведской войны 1741–1743 гг., в которых Россия изображалась коварными жестоким врагом. ⁴⁶

Антишведская пропаганда велась в России в это время исподволь. Политическим целям служили опубликованные в 1788 г. многочис-

⁴¹ Сочинения Державина. Т. 1. СПб., 1864. С. 253.

⁴² Московский журнал. 1791. Ч. 2. С. 3.

⁴³ Сочинения Державина. Т. 3. СПб., 1886. С. 531—534.

⁴⁴ Кан А. С. Россия и русско-шведские отношения в освещении шведской публицистики «эры свободы» и густавианского времени // Скандинавский сборник XXVI. Таллин, 1981. С. 99—109.

⁴⁵ Леннрут Э. Великая роль. С. 294—295.

⁴⁶ Люстров М. Ю. Русско-шведские литературные связи в XVIII веке. М., 2006. С. 177.

ленные переводные и оригинальные сочинения о Петре I, победителе шведов и Карла XII. Были напечатаны части 1—6 и часть 10 «Деяний Петра Великого...» И. И. Голикова. Остальные части (7—9 и 11—12) вышли в 1789 г. П. И. Богданович издал перевод первой главы из второго тома книги П.-О. Аллеца о знаменитых монархах «Краткое описание жизни и славных дел Петра Великого, первого императора всероссийского». Его изданием была напечатана «Записная книжка любопытных замечаний великой особы, странствовавшей под именем дворянина российского посольства в 1697 и 1698 году», письма Петра I к брату Иоанну Алексеевичу и патриарху Андриану. Он также перевел с английского языка «Беседы душ великих и малых людей» Дж. Литтлтона, в числе которых был диалог «Петр Великий и Лудовик Четвертый надесять». Вторым изданием была напечатана книга А. Катифоро «Житие Петра Великого <...> собранное из разных книг, во Франции и Голландии изданных...» в переводе с греческого языка С. И. Писарева. Был посмертно издан (двумя тиснениями в 1788 и 1789 гг.) труд новгородского дворянина П. Н. Крекшина, служившего при Петре I, «Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого... представленное разговорами в царстве мертвых». Годом раньше было опубликовано написанное им «Сказание о рождении, воспитании и наречении на всероссийский престол... Петра Великого». В 1788 г. были напечатаны также составленные Ф. О. Туманским «Полное описание деяний... Петра Великого» (ч. 1) и «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя имп. Петра Великого» (ч. 8—10). Тогда же были опубликованы в новом переводе «Анекдоты о императоре Петре Великом, слышанные от разных знатных особ и собранные... Яковом Штелиным». Упоминания о победах Петра I над шведами стали общим местом всех антишведских литературных произведений.

Политическим целям служил и переведенный И. Петровским с немецкого языка трактат К.-И. Ингмана «Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру с историческим описанием бывшей войны между Густавом Адольфом, королем шведским, и Сигизмундом, королем польским, и с кратким известием начавшейся вскоре после того в Германии тридцатилетней войны за веру» (М., 1788). В предисловии переводчик сравнивал Банера с П. Паниным, прославляя русского военачальника, причем Банер представлен не прототипом, а подобием Панина.⁴⁷

В то же время что и опера Екатерины II была написана не замеченная до сих пор исследователями комедия в двух действиях

⁴⁷ Лустров М. Ю. «Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру» И. Ингмана в России // Книга и мировая цивилизация. Материалы одиннадцатой Междунар. науч. конф. по проблемам книговедения. В 4-х т. Т. 2. М., 2004. С. 147—148.

«Влюбленный швед, или Пленяющий Петербург», сохранившаяся в единственном списке.⁴⁸ Рукопись двух почерков форматом в лист насчитывает 21 лист текста (20 старой пагинации) на голубой бумаге. Последний лист оборван с середины страницы после слов «Конец всей комедии». На обороте его просматривается полусторонняя нечитаемая приписка. Текст комедии помещен в картонный переплет. На его корешке имеются наклейки: посредине корешка: «60», внизу: «Отдел IV. № 105». На внутренней стороне обложки эксlibрис: «Из библиотеки графа Ф. А. Толстова» с пометой: «Отдел IV. № 105».

Рукопись принадлежала тайному советнику, сенатору Федору Андреевичу Толстому (1758—1849), который владел большим собранием славяно-русских рукописей и старопечатных книг. IV отдел его библиотеки состоял из рукописей новейшего времени в лист.⁴⁹ К сожалению, описание библиотеки, составленное К. Калайдовичем и П. Строевым, в разделе IV заканчивается № 75. Не включена комедия ни в «Первое прибавление к описанию рукописей Ф. А. Толстова»,⁵⁰ ни во «Второе прибавление».⁵¹

На титульном листе сделана надпись черными чернилами: «Сочинил А. Л.». Ниже другим почерком и другими, коричневыми, чернилами сделана приписка, уточняющая имя автора: «Александр Левшин», с пояснительным текстом: «Сей Левшин был сын Успенского в Москве протопопа Александры Егорыча и племянник почтеннаго архиепископа Платона. Для смеху доставлена от комиссарского секунд-майора секретаря Василья Иваныча Петрова». В нижней трети листа черными чернилами сделанная и зачеркнутая надпись: «О чем правду говорит пословица какво дерево таковы вот и отроски». Судя по содержанию комедии, эту приписку можно считать своего рода эпиграфом к ней. Под «деревом» подразумевался Густав III, а под «отростками» — его офицеры, действующие лица комедии.

Упомянутый В. И. Петров в 1780—1790-е гг. действительно служил в кригс-комиссариате (военном ведомстве) коллежским секретарем. Чин секунд-майора он получил в 1793 г.⁵² Текст комедии не раньше этого времени был передан им Ф. А. Толстому, который, по-видимому, и сделал уточняющие приписки.

⁴⁸ ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. № 224.

⁴⁹ *Калайдович К., Строев П.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника, сенатора, двора его императорского величества действительного камергера и кавалера графа Федора Андреевича Толстова. М., 1825.

⁵⁰ *Строев П.* Первое прибавление к описанию славяно-российских рукописей, хранящихся в библиотеке <...> графа Ф. А. Толстова. СПб., 1825.

⁵¹ *Строев П.* Второе прибавление к описанию славяно-российских рукописей, хранящихся в библиотеке <...> графа Ф. А. Толстова. М., 1827.

⁵² Адрес-календарь российский <...> на <...> 1794 г. С. 65.

Однако комментарии, указывающие имя автора комедии, порождают новые вопросы.

Александр Егорович Левшин, протоиерей Большого Успенского собора и историк Церкви имел трех сыновей: Андрея, Владимира и Льва. Выпускники Московского университета, они в 1797 г. поступили на гражданскую службу при покровительстве князей Александра Борисовича и Алексея Борисовича Куракиных⁵³ и к 1814 г. имели чин титулярных советников.⁵⁴ В 1817 г. они получили дворянское звание с пожалованием диплома и герба.⁵⁵ Сведений о том, что они занимались литературным трудом, нет.

Имя Александра Александровича Левшина носил провинциальный секретарь, который перевел с французского языка комическую оперу «Пивовар, или Кроющийся дух». Она была напечатана в 1788 г. и, по-видимому, шла на сцене в Москве.⁵⁶ Некий Левшин Александр, поступивший на службу в 1769 г., в 1786 г. получил чин коллежского секретаря и служил, по крайней мере до 1788 г., в Харьковском наместническом правлении.⁵⁷ Однако также нет достаточных оснований считать кого-либо из них автором комедии «Влюбленный швед, или Пленяющий Петербург».

Действие пьесы происходит в Петербурге во время русско-шведской войны. Указание «Действие в Москве» не соответствует ее содержанию. Главные герои комедии — шведские тайные агенты.

Скрытые методы политики, которыми пользовались и русское и шведское правительства, особенно активизировались в критические периоды истории.

Так, например, в 1774 г. в Санкт-Петербург был прислан Кристофер Ханелл, шведский поэт и шпион, имевший младшее офицерское звание в финских артиллерийских войсках. Ему было поручено выяснить, насколько восстание Пугачева ослабило оборону финской границы. Шведы считали, что оттуда было отозвано много полков. Ханелл установил, что это ложные слухи. В 1788 г. шведский офицер Фредрик Людвиг де ля Миль в качестве курьера шведского посольства должен был доставить в Стокгольм полный список русского флота и описание укреплений на суше, которые были получены от русского офицера, склоненного им к предательству.⁵⁸

⁵³ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. № 608. Л. 14—14 об.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. Д. № 265. Л. 1—3.

⁵⁵ Московские ведомости. 1817. № 1.

⁵⁶ Флоринская Ю. Ф. Левшин Александр Александрович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 197—198.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 286. № 856. Л. 663. Послужной список Харьковского наместнического правления.

⁵⁸ Магнус фон Платен. Визиты шведов в Санкт-Петербург времен Екатерины II // От войны к миру. Россия—Швеция. XVIII век. Каталог выставки 28 апреля—12 сентября 1999 года. Вып. 3. Дипломатические отношения. СПб., 1999. С. 43—45.

В комедии показаны неудачные попытки шведской стороны вести войну тайными методами.

Шведский маршал Жандр и офицер Лукс прибыли в Петербург «для точного и лучшего обозрения трудных пред сим городом крепостей» (л. 9 об.). Красота города вызывает их восхищение.

Автор комедии не погрешил против истины. Петербург действительно производил сильное впечатление на иностранцев. Лоренц Норденадлер составил в 1789 г. «Заметки шведского офицера, сделанные во время его пребывания в России в 1784, 1786 и 1787 годах». Будучи приговорен в Швеции к смертной казни, он бежал в Россию и служил в русской армии, главным образом в Ревеле, а также в Петербурге. Позже он был помилован и вернулся в Швецию. В «Заметках» о Невском проспекте говорилось: «Он заставил меня испытать головокружение и изумление, подобное тому, что испытывают наши фермеры из Смеланда, впервые оказавшись в незнакомом месте <...>. Швед в Санкт-Петербурге во многом напоминает сельского жителя, который приехал в столицу и чувствует себя совершенно ошарашенным».⁵⁹

В залах Академии художеств герои комедии — шведские офицеры — надеются увидеть план Петербурга. Исподтишка наблюдают они за инспектором и учениками, копирующими портреты русских царей. Инспектор, беря в руки портрет Петра I, рассказывает ученикам о его умении «побеждать и сохранять», его стремлении «раздать для подданных своих благополучие и посеять на российских полях славу». Шведские офицеры убеждаются, «сколько российские подданные верны и усердны к своим государям», а затем в разговоре с инспектором утверждают во мнении, что в России «науки в великом почтении» (л. 3 об.).

Шведы знакомятся с российским офицером Храбровым. Они хотят скрыть от него истинные намерения своего пребывания в Петербурге, объясняя, что из любопытства странствуют по разным городам, а теперь любят юность красотой Петербурга. Однако Храбров догадлив: «Влюбиться еще и по одной насылшке в него можно, а взять его так трудно, как земле соединиться с небом <...>. Вас наши российские мечи секут, рубят, жгут, топят, заманивают в леса, как глупеньких и косеньких зайчиков. Ох вы, победная птица-синица» (л. 8 об.— 9).

Размышляя, шведские офицеры начинают сомневаться в могуществе короля и необходимости осуществления своих намерений: «Захотел ты ума найти в нашем короле. Его совсем нет, а только одна пустая надежда на обольщение со стороны черных островов. <...> Король наш как рыба об лед бьется. Он теперь желает в рассуждении своего начала хотя бы помело, да на ум навело». Они вынуждены

⁵⁹ *Магнус фон Платен*. Визиты шведов в Санкт-Петербург времен Екатерины II. С. 44.

признать, что Россию «целая Европа почитает всегда храброю», а выступление шведского короля против российских героев «возымает опасное и невозвратимое раскаяние» (л. 5—6).

Храбров смеется над намерением Густава III захватить Петербург: «Какая пустая и безрассудная надежда, поэтому он влюбился в пленяющий Петербург. Ай, Петербург, молодец, сколько ты надедел шведу хлопот и убытку, верно я теперь скажу, что швед по тебе сойдет с ума, если ты ему не достанешься». Он предлагает шведам забыть свою присягу королю и «выкинуть из головы должную общественную к нему верность». Они соглашаются: «Ваша российская императрица имеет ко всем государствам какие-то магические ключи, коими навсегда и всякого неприятеля может своим великодушием и милосердием отпереть сердца и взять в приятный для него полон, поэтому мы предаемся под ея державу и мудрое правление» (л. 9—10 об.).

Тайные агенты разоблачены, но довольны исходом дела. В разговоре между собой они признают превосходство российских воинов: «Их каждый шаг основан на прямой мужественной храбрости <...>. Сколько они пылки и остры в мыслях <...>. Счастлива при премудрости своей великая Екатерина, когда имеет столь любезный и пронизательный народ» (л. 11—11 об.).

В конце первого действия намечается дополнительная сюжетная линия, призванная усилить основную. На сцене появляется Преза, жена шведского купца Гелисана. Она в отчаянии, так как муж разорен. Хлеб, который он покупал у российских купцов, теперь нельзя купить и втридорога: «Вот что наш король с своим умком наделал. Захотел ссориться с тем народом, которого одни взгляды должны страшить всякого человека». Гелисан согласен с ней: «Ужо посмотри, как король та будет наш расплачиваться с Россиею, право теперь ему приходиться в тупик, что и некуда ступить» (л. 12—12 об.).

Второе действие комедии происходит в доме российского купца Барова. Здесь поселились шведские офицеры. Красота Зарры, дочери купца, поразила их: «За одну ее красоту можно отдать наше королевство России» (л. 14). Жандр сватается к ней. Однако любовная линия в комедии, как и в опере Екатерины II, лишь намечена.

Храбров и российский полководец Победителей размышляют о том, что любые неприятели России со временем вынуждены бывают признать ее величие. Они с сарказмом отзываются о Густаве III и его армии: «Как, братец, и пыщиться такой маленькой пылинке, каков есть слабый и дряхлый Густав, он бы <...> накупил лык да мочал и своей неустрашимой армии соблюдая казну поделал бы лапти и плащи с модными нынешними воротниками, а конницу бы ими одел бы вместо бархатных попон, да и то сказать, теперь ему и не так жаль летающей часто по болотам армии, иной без ноги, иной без руки, иной без глазу, иной с жару потерял последний тесак, у иного ранены сапоги, у инова спален абалет, у инова с страху

треснул на шляпе лак, у инова с сильного напряжения к ревности лопнула к несчастью его протупея. Куды мне жаль этого бедного Густава, сколько он должен испортить теперь в себе фунтов крови, повредить коликою свой желудок, и сколько нужно будет тогда искуство господ докторов для очищения кровочистительными порошками густавава желудка».

Автор комедии обнаруживает осведомленность о попытках Швеции получить турецкие субсидии для ведения войны с Россией. Победителей говорит о шведах: «Посылайте как можно скорее посланников просить милости у красных ширавар, однако те вить и сами, бедные, не рады теперь бритым своим головам от российского огня» (л. 14 об.).

Переговоры о турецкой финансовой помощи Густав III вел с февраля по апрель 1788 г. В конце июня он получил донесение представителя шведского посольства в Турции Г. Ю. Хейденстама, что Порта отказала в субсидиях.⁶⁰ Лишь через год, 30 июня 1789 г. был подписан договор, в соответствии с которым Турция обязалась выплачивать Швеции по миллиону пиастров в год до тех пор, пока будет продолжаться война, и десять миллионов после ее окончания.⁶¹ Однако слухи о том, что Швеция получила от Турции деньги на ведение войны, стали распространяться уже в мае 1788 г.⁶² Тема турецкой финансовой помощи, как и упоминания о Петре I, стала одной из важнейших в антишведской литературе того времени.

Офицер Храбров уверен в победе российского войска: «Ах, эти нам безмозглые парики <...>. Верно я знаю, что наши русские армейские парикмахеры скоро могут убавить шведского из них вкусу. Ох вы, вороньи головушки, где вам своим протухлым войском получить желаемое. Не очевидно ли вы несчастливы, что вам собственные природные отечественники изменяют и дают нам знать, какими оружейные ваши палаты набиты вещами. Теперь сказывают, будто не последнее место в них занимают как то касари, топоры раненые, тесаки простреленные, в бывшую войну ружья изувеченные об российские сабли, гранадерские шишаки изнемогшие, королевские латы, болящие от ветхости протупеи» (л. 15 об.). «Ему (Густаву. — Е. К.) еще надобно поучиться лет десятка два правлению, а то теперь запутался, как слепая курица, и не знает, что делать» (л. 19 об.).

Шведские офицеры, получают письмо от своего короля, который узнал об их измене. Он грозит: «...Ваша неверность наказана будет руками самого Густава». Эта угроза вызывает насмешливое удивление Храброва: «Уж ли у вас король-та сам дерется?» Сцена

⁶⁰ Леннрут Э. Великая роль. С. 241—242.

⁶¹ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 653.

⁶² См. письмо Екатерины II к Потемкину от 27 мая 1788 г. // Екатерина II и Г. А. Потемкин. С. 288.

заканчивается куплетами, которые поют вместе Храбров, Баров и его жена Насса:

Алтына б два-три заплатили,
Хоть на ботике бы поплыли
Лишь Густава посмотреть
И во драке обзреть.

Он гневом, слышно, так,
Как злая Ега-баба.
Штыками он не бьет и дробью не страшает,
Железным кесарем, дубиной всех пугает.

Он бегаёт вокруг всех, исподницу поправляет,
Невинных шпагою зацепляет.
Мундир со страху весь трешит,
Как он когда брюжжит.

Добро б бранился он с своими,
Подрасться хочет и с чужими.
Ах ты, простая ворониха,
Насильно себе ищет лиха.
Жалеем мы тебя,
Попеняй сам на себя.

(л. 20—20 об.).

Так в опере обнаруживается стилевая двуплановость. При общей ориентации на драматургическую традицию профессионального театра в ней используются приемы народной драматургии в изображении главного, хотя и остающегося вне сцены комедийного персонажа — шведского короля. Психологическая характеристика героя дается «внешними» средствами — его склонностью к рукоприкладству.

Комедия завершается монологом Храброва, продолжающего высмеивать Густава III и предрекать ему всяческие беды. Вариативность этого монолога, перечисление и нагнетание ожидающих Густава бед также напоминают стилистические формулы, типичные для народной драмы и встречающиеся, например, в пьесе об Анике-воине⁶³: «...а что касается до короля, то он с своим верховым объездом заслужит имя российского исправного драгуна, а по искусству его езды может годиться он в хорошие берейторы, а оставшая его последняя пехота и конница скоро увязнет в болото, а другая переломает ноги в лесах, вышедшие же его в море струга, думаю, скоро очутятся близко петербургской крепости, следовательно, право, такому королю лучше советую воевать с курами, нежели с Российскими воями.

⁶³ Савушкина Н. И. Русский народный театр. М., 1976. С. 102—103.

Россия столь славна, что могла довести до того, чтобы шведы могли влюбиться в пленяющий Петербург и самовольно сделаться российскими верными подданными».

Комедия «Влюбленный швед, или Пленяющий Петербург» стала одним из первых литературных произведений, в котором образ Петербурга играл особую сюжетообразующую роль. Однако она, по-видимому, не имела сценического воплощения.

Влияние оперы Екатерины II ощущается в сатирической поэме В. П. Петрова «Приключение Густава III, короля шведскаго 1788 года июня 6 дня», которая, по свидетельству «Словаря» Евгения (Е. А. Болховитинова), была издана в Москве в количестве 50 экземпляров и распространялась в списках.⁶⁴ Оно обнаруживается в просторечном стиле поэмы; в нарочито сниженном образе Густава, который «для безопасности от пуль» оделся «в латы, как в крепостенные палаты», а оказался «шишимора, не воин», да и вовсе «слаб умом»; в точном следовании историческому факту: дата, указанная в заглавии поэмы, это день морского сражения у острова Гогланд. В то же время поэма Петрова стала одним из первых русских оригинальных произведений в жанре «Разговора в царстве мертвых», точнее, одной из его разновидностей.

Тема поэмы — военное сражение и его последствия — резко контрастирует с характером изложения, что заявлено уже и в заглавии: морская битва названа «приключением». С первых строк о Густаве говорится в сниженном тоне: он «оделся в латы, как в кожу льва осел». Осел, «во львиной коже гордящийся», посрамляемый другими зверями, — комический персонаж, восходящий к басням Эзопа.⁶⁵

В том же тоне описывается сражение и позорное отступление шведов: «Густав велит налечь / И не жалеть картечь, / Усталым снова жар вдыхает / И силой в бой увечных пхает. / Но тщетны все труды, / Густава в драке нос разбили до руды...».

Образ Густава неожиданно теряет карикатурность и обретает выразительные черты, когда Петров хочет показать душевную драму шведского короля, потерпевшего поражение и все-таки мечтающего о реванше. Он «искал уединиться <...> встал, как вкопанной и голову повесил <...> погрязнул в думу, не раз свои полки пересчитал и средства разные, томясь, изобретал».

Внезапно перед Густавом, «обоймя его, как человек живой», предстает тень Карла XII. Автор поэмы психологически точно изображает разговор деда и внука, их взаимное непонимание, переходящее в ссору. Карл XII сетует, что Густав нарушил мир между

⁶⁴ В списке ИРЛИ. 23. 475. На л. 9 об. приписка: «Сочинил Василий Петрович Петров, придворный библиотекарь. Напечатано было только 20 экземпляров».

⁶⁵ Шарыткин Д. М. Шведская тема в русской литературе петровской поры // Русская культура XVIII века и западно-европейские литературы. Л., 1980. С. 52—53.

Шведией и Россией, установленный во времена Петра I. В разговоре проясняются внутренние мотивы, подтолкнувшие Густава к войне: его непомерное честолюбие: «Мне мало трона суеты, / Мне сфера надобна пошире, / Повыше почести амвон, / Чтоб виден был я в целом мире / И все б, уставя перст, кричали: вон он, он!»

Изображая шведского короля, автор поэмы использует приемы, типичные для драматического театра, когда герой характеризуется через его сценическое поведение. Густав ведет себя нелепо, как комедийный персонаж. Желая произвести впечатление на деда, он «как солдат пред тенью выступает, / Бросая ноги вверх, бьет крепко о землю ногой, / Движенья разнотой почтение себе у деда покупает».

В поэме говорится и об экономических предпосылках ведения войны — оказанной Швеции финансовой помощи Турцией: «Лысую русских разметать, как чурок, / Тем занят, весь на то иду, / Мешками золота от турок / На их подкуплен я беду».

Известно, что Густав III мечтал обрести славу, равную славе своего деда. Карл XII, втянувший Швецию в Северную войну (1700—1721), оставался любимым национальным героем, несмотря на то что война закончилась для Швеции потерей владений к востоку и югу от Балтийского моря и юго-восточной части Финляндии. Народная память и поэзия возвеличили его, окружили ореолом неуязвимой славы. В шведских панегириках 1788—1790 гг. Густав III изображался новым Карлом XII.⁶⁶ Поэтому насмешки Карла XII над Густавом III в поэме выглядели особенно язвительными, а его упреки обидными. Карл XII обвиняет внука в том, что он ведет позорную войну, воюет «на взятки», в то время как «шведская кровь» дороже «арабского золота». Он даже подозревает Густава в вероотступничестве: «Надень, надень чалму, / Поклонник магометов! И свету покажи всему, / Что первый ты для мзды обрезался из шведов. / Между даров тебе в честь прислан Алкоран, / Абдул и ты души не слышите друг в друге, / Великолепный он на юге, / Ты в норде маленький тиран!» Карл называет Густава «изменником отечества». В соответствии с жанром поэмы Карл видит в истинном свете прошлые события и предугадывает будущее. Он предрекает голод в шведской армии, неповиновение Густаву в войсках и ближайшем окружении, потерю реальной власти и суд совести, падение авторитета государства.

П. А. Ефремов в кратком историческом комментарии к публикуемой им поэме Петрова⁶⁷ истолковывает упоминаемые в ней волнения в шведской армии, как намек на Аньяльский союз — разговор офицеров финских полков, отказавшихся принимать участие в войне и подписавших в июне 1788 г. в Аньяле декларацию о на-

⁶⁶ *Люстров М. Ю.* «Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру» И. Ингмана в России. С. 124.

⁶⁷ Библиографический сборник. Издание П. А. Ефремова. СПб., 1867.

мерении заключить сепаратный мир с Россией. Поэтому Ефремов считал, что поэма была написана в последней четверти 1788 г. Этим же годом, и по-видимому на тех же основаниях, датировал издание поэмы, опубликованной без указания места и времени, митрополит Евгений.⁶⁸

«Послание из Царства мертвых от Карла XII к ныне владеющему Густаву III, королю шведскому», опубликованное в 1789 г. в «Новых ежемесячных сочинениях» и в «Беседующем гражданине»,⁶⁹ содержит примерно тот же набор фактов и обвинений, что и поэма Петрова. Автор «Послания» посвятил его Е. Р. Дашковой, но пожелал скрыть свое имя, сообщив только, что «вздумал написать» его, «защищая отечество» во время пребывания «в северной армии».

В «Послании» Карл XII рассказывает Густаву, о чем говорят погибшие шведские воины, оказавшиеся по его вине в аду. Они глубоко оскорблены: «Тот, которого отцом мы почитали, к которому сердца любовью пылали», стал виновником их смерти. Солдаты обвиняют Густава в алчности, ставшей причиной войны: «Монаршие глаза червонцами пленились, / Которые ему Султан во мзду прислал». Карл объясняет внуку, что турки откупились своим золотом от смерти, вместо них воюют их деньги. Война опустошает Швецию, в стране голод. Упоминается Аньяльский заговор: «Уж фины за тебя не думают вступиться... / И правость россиян в сердцах своих твердят». Карл XII напоминает Густаву свое военное соперничество с Петром I («Полтаву вспомни ты, кровавый вспомни бой, там лаврами покрыт победы сей герой) и предостерегает его — ведь при Екатерине II Россия еще больше «процвела». Он советует довольствоваться существующими границами, дабы не прибавить к России «знатной части», тем более что ее война с Турцией идет успешно, «Очаков уже взят».⁷⁰ Характерны последние строки послания, в которых поражение Густава предстает исторически неизбежным: «Прости усердью, что к тебе сие пишу, / Ты знаешь, отчего я сам здесь не дышу».

«Послание» отличается выразительностью в изображении ужасов войны. Повсюду трупы «растерзанных солдат». «Стиксовы брега» оделись в шведские мундиры: «Синеют все поля, долины зажелтелись <...> везде лиется кровь из свежих еще ран». Российские пушки посылают шведов в ад «стадами»: «с фрегатов, с кораблей, как с почтою гоняют <...> и все увеченны».

В 1789 г. эпидемия тифа произвела опустошительное действие среди моряков шведского флота, командование которым принял герцог Карл. Несколько столкновений враждующих сторон не принесли окончательной победы ни одной из них.

⁶⁸ Евгений, митрополит. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Ч. 2. С. 118.

⁶⁹ Новые ежемесячные сочинения. 1789. Ч. 34. С. 42—50; Беседующий гражданин. 1789. Ч. 3, дек. С. 368—371.

⁷⁰ Очаков был взят Г. А. Потемкиным 6/17 декабря 1788 года.

Крупное сражение между шхерными флотами состоялось 13 августа при Свенсксунде. Русский шхерный флот превосходил шведский почти вдвое, но шведы имели лучшую артиллерию и более обученные экипажи. Шведы вынуждены были отступить и искать защиты под стенами крепости Свартхольмен. Густав провел энергичную пропагандистскую кампанию, приукрашивая поражение, которое истолковывал как временную неудачу. «Реляция» Густава была напечатана в «Гамбургских ведомостях». Екатерина ответила на это возобновлением представления «Горябогатыря». Кроме того, принц К.-Г. Нассау-Зиген опубликовал «Письмо его величеству королю шведскому и Опровержение на реляцию, ему приписанную...». В письме, которое было отредактировано Екатериной II, говорилось: «Когда Ваше величество в последний раз удостоивали меня Вашим письмом, то изъяснялись в оном сими словами: что Вы относитесь к воину, ищущему повсюду славу и честь <...> Но когда ищут чести, тогда не терпят ничего такого, что может заставить подозревать в справедливости, и не являют ничего такого, что не есть истина и что не может быть утверждено и доказано пред лицом Света, — таковой образ мыслей заставил меня с презрением читать в Гамбургской газете мнимую реляцию сражения, которое я имел честь выдержать против галерного флота Вашего величества. Сия реляция <...> во многих статьях совершенно противна истине <...>. Я считаю, что Вы были ужаснейшим образом обмануты полученными Вами донесениями...».⁷¹

В 1790 г. Густав III стал собирать силы, чтобы нанести решительный удар по Санкт-Петербургу. В начале мая, когда Балтийское море кое-где еще было сковано льдом, шведская эскадра предприняла попытку уничтожить часть русского флота, стоявшего в Ревеле. В стихотворении, описывающем эту битву, С. Бобров в образных выражениях изобразил могучую, ужасающую силу врага:

Вдруг Готфски львы свой рев пустили
Из медных жерл рыгая смерть,
Широки челюсти открыли,
Чтоб россов вдруг могли пожертв...⁷²

В другом поэтическом произведении «Оде посрамленный герцог Зюдерманландский, или Преславное отражение шведского флота, учиненное адмиралом Чичаговым 1790 года мая 2 числа» анонимный автор, «флота капитан», рассказал, как моряки, освобождая

⁷¹ *Нассау-Зиген К.-Г.-Н.-О.* Письмо его величеству королю шведскому и Опровержение реляции, которая была напечатана в гамбургских газетах; о морском сражении, бывшем 13 августа по старому стилю 1789 года, между галерным флотом шведским и флотом российским командуемым его светлостию принцем Нассау-Зиген. СПб., 1789.

⁷² *Бобров С. С.* Ода российскому адмиралу и разных орденов кавалеру Василью Яковлевичу Чичагову, на случай славного отражения шведскаго флота у Ревеля мая 2 дня 1790 года. СПб., 1790.

корабли из ледового плена, крушили лед «тяжкими громадами». В этом сражении был захвачен в плен шведский корабль «Принц Карл» с 64 орудиями на борту. «Принц Карл, путь предприяв обратный, оставил имя нам свое», — говорилось в оде. Через несколько дней шведы безуспешно атаковали русскую гребную флотилию, стоявшую при Фридрихсгаме.

Крупное сражение между Кронштадтской эскадрой и главными силами шведского флота, начавшееся 23 мая, продолжалось два дня. От пушечных выстрелов, слышных в Петербурге, дребезжали стекла в Зимнем дворце.⁷³ Победа не досталась никому, но эта битва стала стратегическим поражением шведов, которые осознали невозможность по частям уничтожить русский флот.

28 июня произошло решающее сражение у Свенсксунда, где в предыдущем году шведы потерпели поражение. Теперь Густав ставил на карту все. Шведский флот находился в выгодном положении, так как его гребцы имели возможность отдохнуть перед сражением. Узкий вход в бухту не позволил русским воспользоваться численным превосходством. Кроме того, сильный ветер относил их суда назад. Шторм бросил русские шхуны на скалистые острова. По словам Густава, победу ему принесли «Господь, ветер и храбрость офицеров».⁷⁴ Это было первое крупное поражение России в войне со Швецией. К. Нассау-Зиген, посчитавший себя виновным в исходе битвы, просил предать его военному суду, лишить чинов и прежних наград. Но Екатерина II велела адмиралу продолжать службу.⁷⁵

Сражение при Свенсксунде приблизило окончание войны. Несмотря на победу, шведский флот из-за потери линейных кораблей теперь значительно уступал по силе русскому флоту. Швеция была истощена войной. Обе воюющие страны нуждались в мире. 3 августа 1790 г. в селении Вереля по инициативе шведской стороны было подписано мирное соглашение, не предусматривающее каких-либо компенсаций и утверждавшее границу между странами там, где она и была до начала войны.

В «проекте речи Сената на шведский мир» Г. Р. Державин сформулировал официальную версию той противоречивой ситуации, при которой был заключен этот мир. Он писал, обращаясь к Екатерине II: «Хотя признаться, впрочем, должно, что иногда и шведы имели свои удачи, а особливо где им отменное счастье в непредвидимых случаях споспешествовало, как то по совершенном разбитии их большого флота самые стихии им паче их самих поборствовали, однако храбрость везде воинства твоего и твое неослабевающее о нем промышление превозмогли, преодолели, попрали все усилия расторопного и отважного твоего противника, который наконец вто-

⁷³ *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 658—659.

⁷⁴ *Леннрут Э.* Великая роль. С. 358.

⁷⁵ *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 659—660.

рично, крепчайшими оплотами, нежели в первый раз, совершенно был окружен и заперт. Ожидали только способного ветра и твоего мановения на конечное его истребление. Тут, по-видимому, охладел жар наступающего на нас героя; познал он, что россияне или паче дух Великой Екатерины никакими исполненскими противоборствиями непобедим. Едва успел он сие помыслить, едва преклонил пред тобою свое оружие, человеколюбие твое спешило простерть ему мирную и благодетельную твою руку. <...> Неукосненно побежденному твоему недругу даровала ты непостыдный мир, возвратила ему твою дружбу, спокойствие северу и блаженство нескольким миллионам человеков».⁷⁶

Русская поэзия откликнулась на заключение мира со шведами многочисленными одами. В них воспевалась Екатерина II, прославлялись русские воины-победители, а бывший враг — шведский король — обретал статус друга и доброго соседа России. Излишне восторженный тон некоторых сочинений, их новая политическая установка дали повод для появления пародии. Д. П. Горчаков опубликовал стихотворение под названием «Велико-российская победоносная ода над шведами». Оно было напечатано за подписью «Иван Доброхотов Ч...», в которой инициал «Ч» обозначал бездарного стихотворца Чертополохова, действующее лицо комической оперы Горчакова «Щастливая тоня». Пародия начиналась словами: «Языцы ныне возгласите, / Смотри на страшну шведов казнь! / Руками громко воспещите, / Творя в сердцах своих приязнь...»⁷⁷ Но были и попытки понять причины этой войны, поэтическими средствами описать ее ужасы. А. В. Колмаков обвинял «мнимых мудрецов Европы» в том, что они «возжгли огонь войны», испугавшись растущей силы России.⁷⁸ О предательстве «змия» — шведа «неблагодарного», который «презрев родство», «от Порты закупаясь», «России гнусно изменил» говорилось в стихотворении Ап. Майкова.⁷⁹

В поэзии снова возникает символический образ льва, теперь поверженного. «О вы, носящи душу львину, / Герои, любящие бой!» — обращается Г. Р. Державин к шведским воинам. Он предлагает им сравнить «ужас, стон и крики» войны с радостями мирной жизни.⁸⁰

⁷⁶ *Державин Г. Р.* Сочинения. Изд 2-е. Т. 7. СПб., 1878. С. 219—223. Державин сочинил эту речь для старшего обер-прокурора Ф. М. Колокольцева, так как генерал-прокурор А. А. Вяземский был в это время болен. Однако на заседании Сената обер-прокурором П. В. Неклюдовым была зачитана другая речь, написанная П. В. Завадовским.

⁷⁷ Велико-российская победоносная ода над шведами. Б. м. и г.

⁷⁸ *Колмаков А.* Ода на торжество мира со шведами, заключеннаго в славное царствование великия Екатерины II. СПб., 1790.

⁷⁹ *Майков Ап.* На победы, одержанные всемошным оружием Российским в царствование Екатерины II. М., 1790.

⁸⁰ *Державин Г. Р.* Ода на высочайшее в Санктпетербург прибытие к торжеству о мире с королем шведским императрицы Екатерины II, 1790 года, августа 5 дня. СПб., 1790.

В другом стихотворении, «Хоре на шведский мир», Державин восклицает: «Орлы и львы соединились <...> Поцеловался с шведом росс». ⁸¹ Образно описывал наступивший мир П. А. Плавильщиков: «Достиг орлиныя любви пощады умоляющ лев. На лаврах уж растут оливы». ⁸² Для определения мира он использует неологизм: мир «Густавом преклоненно званный».

Шведский король, который перестал считаться врагом, в русской поэзии стал изображаться по-новому. Теперь в нем уже не находили прежнего величия, но видели человека с присущими ему слабостями, подвластного судьбе. Одна устойчивая литературная роль сменилась другой:

Густав на троне застал,
Обманутый в своей судьбине,
С покорством шлет к Екатерине.
И сердце нежное, премудрая любовь,
Щадя и вражескую кровь,
Забыв изменника, прощает ... человека. ⁸³

Новый прием в изображении Густава III появился в прозаической поэме А. И. Дмитриева «Слава русских и горе шведов». Ее автор, участвовавший в шведской кампании 1790 г., восхвалял мужество русских воинов: «Поименуй, о Муза! мне героев, коих тебе известна слава и любезны имена: да украсится ими песнь моя». Дмитриев называет тех, кто вел «полки на брань», кратко характеризуя каждого офицера, поименно упоминает раненых и убитых. В обращении к врагам России («Кто приводит вас в заблуждение, о храбрые скандинавы! Уже нет более ваших Карлов и древних Густавов, прошли времена для вас счастливые...») отмечалось подражание стилистике Оссиана, фрагменты поэмы которого Дмитриев перевел в 1788 г., составив из них сборник «Поэмы древних бардов». ⁸⁴

А. И. Дмитриев придает образу Густава трагические черты, изображая его полководцем, наблюдающим, как гибнет его армия: «С высоты кремнистой горы, покровительствующей берегу, сам Густав видел бегущие суда свои, преданные пламени и сокрушению и в безднах морских потопляемые. Коль плачевное позорище для государя горестно терзающегося <...>. От сего зрелища отвращая

⁸¹ Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1808. Ч. 2. С. 63.

⁸² Плавильщиков П. А. Ода на заключение мира с королем шведским 1790 года. СПб., 1790.

⁸³ Николев Н. П. Мадригал на победы, одержанные оружием ея императорского величества Екатерины II на Балтийском море // Творении Николая Петровича Николева, Императорской Российской академии члена. Ч. 2. М., 1795. С. 88.

⁸⁴ Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Конец XVIII—первая треть XIX века. Л., 1989. С. 24, 143.

лицо свое, он проливает слезы и оплакивает бедствия, которым сам был виною».

Вся эта картина — вымысел. Известно, что в сражении 3 июля, когда шведский флот, блокированный русскими кораблями, прорывался из Финского залива, Густав находился в маленькой шлюпке, затем перешел на флагманскую галеру «Орден Серафимов», а позже на яхту «Кольдинг». Он подвергался смертельной опасности, но держался уверенно. В бою при Свенсунде Густав был в шлюпке за корабельным боевым строем. Он плавал среди судов, чтобы ободрить моряков и иметь возможность принимать быстрые решения.⁸⁵

Сцена, нарисованная Дмитриевым, носит следы его знакомства с трагедией Эсхила «Персы», в основе которой лежит историческое событие — нашествие персов во главе с Ксерксом на Элладу и их поражение в морском сражении у Саламина. О ходе битвы и ее финале в трагедии Эсхила рассказывает гонец:

...Ксеркс зарыдал, увидев глубину беды:
Он на холме высоком возле берега
Сидел, откуда обозреть все войско мог,
И, разодрав одежды и протяжный стон
Издав, пехоте приказал он тотчас же
Пуститься в бегство...⁸⁶

У Эсхила Дмитриев заимствовал и поименное перечисление павших героев. В античной трагедии их оплакивает хор.

Эсхил не относился к числу авторов, произведения которых часто переводились на русский язык. Но с его творчеством русские литераторы могли познакомиться, например, благодаря шеститомному изданию Пьера Брюмуа «Греческий театр» (Амстердам, 1732), которое содержало полное собрание греческих трагедий и комедий в переводе на французский язык.⁸⁷ Трагедия Эсхила «Персы» могла привлечь русского автора философской глубиной и патриотическим пафосом.

Дмитриев использовал в своей повести еще один античный источник — предание об афинском государственном деятеле Перикле (ок. 495—429 до н. э.), который был великолепным оратором и в совершенстве владел искусством убеждать слушателей в своей правоте. Его противник, оказавшись в изгнании, признавал, что если бы они боролись и он победил Перикла, тот и лежа убедил бы

⁸⁵ *Леннрут Э.* Великая роль. С. 335—336, 359.

⁸⁶ *Эсхил.* Трагедии / Перевод С. Апта. Издание «Библиотеки античной литературы». М., 1971. С. 100.

⁸⁷ Это издание числится среди книг библиотеки Академии наук, выданных А. П. Сумарокову в 1746—1748 гг. См.: *Левитт М.* Сумароков — читатель Петербургской библиотеки Академии наук // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995. С. 57.

всех, что он победитель.⁸⁸ Дмитриев по-своему интерпретирует это предание, объясняя, почему Густав III называет себя победителем в войне: «Беги, горделивый государь, оставь навсегда сию область. Тебя обольстили; оплачь падшую свою славу и несовершившиеся намерения. Но если желаешь умягчить свои горести: гласи, убегая, что ты нас победил, подобно как в древности славный афинский борец, поверженный долу соперником своим, вопиял, что он торжествует».⁸⁹

Образ Густава III, стоящего на вершине каменистого утеса и оплакивающего гибель своего флота, прочно вошел в русскую поэзию 1790 г. Таким он изображен Н. Ф. Эминым в «Прологе на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года июня 29 дня»:

...Прострем взор к готву мы в пределы каменисты <...>
Клянущий рок монарх тут слезы проливает,
Вкусив достойну мзду, к мольбе он прибегает:
Убежище стыда, щит зла и мрака дочь!
Сокрой скорее нас, о ты, всеильна ночь!
Увидь мучения и гибели ужасны,
В которы ввержены мы дерзостны, несчастны,
Спеши — прости покров, спаси стнящих нас!..

В желании русских поэтов изобразить чувства шведского короля выраженными ярко, эмоционально, и в приемах, которыми они для этого пользовались, сказывалась театральность эпохи. «Открытость» переживаний героев была характерна для жанра трагедии. Театральная условность возобладала над исторической точностью. В. П. Петров в «Оде на заключение мира со Швециею» мечтал о запечатлении символического образа побежденного Густава в произведении искусства:

Сбери дней, Фидий, всю науку
И вточь мне вырежь бытие,
Как лев от страха лижет руку,
В него вонзившу копие,
И оком слезоточным молит,
Да живу та ему дозволит
Достичь вертепа своего...

Прославляя победу над шведами и Екатерину II, В. П. Петров в новой пространной оде, как и в сатирической поэме «Приключение Густава III, короля шведского», соединяет факты с вымыслом. Он упоминает непокорность Густаву финских полков, его военные

⁸⁸ Любкер Фр. Реальный словарь классической древности. СПб., М., 1888. С. 765—767. Гаспаров М. Л. Занимательная Греция. Рассказы о древнегреческой культуре. М., 1995. С. 147.

⁸⁹ Дмитриев А. И. Слава русских и горе шведов. СПб., 1790. С. 19—23.

неудачи при Фридрихсгаме. Но основное место в оде занимает изображение душевных переживаний побежденного Густава. В. П. Петров задается вопросом: «Что чувствовал ты, царь, в то время?..» и, отвечая на него, называет целый ряд психологических состояний: стыд, досада, тоска, гнев. Описанию душевного кризиса Густава подчинена и традиционная сцена:

Густав со холма превысока,
Страшась, на подвиг россов зрит.
Свидетельством уверен ока
Чудится, како флот горит <...>
Он чует пот по телу хладный,
И дух его, к победам жадный,
Неволей отступает вспять...

Эта сцена, многократно повторяемая в изображении Густава III, приобретала метафорическое значение. Вершина горы означала кульминационный момент в его судьбе. Спуск с горы символизировал неблагоприятную перемену, переход от «высокого» положения к «низкому».⁹⁰

...Он со страху
Бежит с крутых верхов с размаху,
Как лань, в след коей лают псы;
Бежит, бросая блесков бремя,
Раскрыта грудь, безшлемно темя,
Взвывает в беге ветр власы...

В оде Петрова еще больше, чем в других поэтических произведениях того времени, посвященных шведскому королю, ощущается влияние драматургической поэтики. После первой кульминации и спада напряжения драматизм сюжета опять возрастает. Поддавшись «мечтаньям гордым», Густав вновь посылает на битву свой флот «великий, страшный, многокрыльный», произнося монолог, который сродни монологу героя трагедии: «Я ль в самом жаре подвиг кину, / Отру с лица толь рано пот...». Следуют кульминация и очередной спад напряжения — описание бегства Густава, который

...с высока Амфиона
На низку мечется ладью.
То, мчась, на ветер негодует,
Зачем не сильно в парус дует,
То на ленивое весло.

⁹⁰ О значениях горного ландшафта как литературного мотива см.: *Данилевский Р. Ю.* Подobie и родство (из истории литературных мотивов) // *Россия. Запад и Восток. Встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева.* СПб., 1996. С. 87—100.

Сам в мель концом толкает жерди,
Чтоб рук усиле к милой тверди
Его скорее принесло...⁹¹

«Осиротевший исполин, без пушек, без людей, без флота» — таким предстает Густав в финале этой необычной по композиции оды, которая содержит и элементы «Разговора в царстве мертвых»: Екатерина II обращается к Петру I с просьбой дать ей совет, как победить врагов России на юге и коварство их на севере.

С окончанием войны, исчерпав интерес к Густаву III в победных одах, русская поэзия обратилась к новым темам и новым героям. Шведский король и русско-шведская война становились объектами изучения историков. Уже в 1790 г. в Москве был напечатан перевод со шведского языка книги, изданной в Стокгольме в 1786 г. «Краткая история королевской шведской фамилии, имянуемой Густавов, начинающаяся от короля Густава Первого до ныне царствующего короля Густава III». Переводчик — архивариус Московского архива государственной коллегии иностранных дел Карл Мерлин — сделал к этой книге, в которой сведения о Густаве III хронологически ограничены рождением в 1778 г. его сына, крон-принца Густава-Адольфа, некоторые примечания по «Журналу государя Петра I, сочиненному бароном Гизеном». Они касались эпизодов правления Карла XII, битвы со шведами 20 ноября 1700 г. при Нарве и военных действий 1704—1706 гг., в частности уточняли количество войск и убитых с обеих сторон. Покушение на Густава III в 1792 г. на бале-маскараде и последовавшая через несколько дней его смерть подробно освещались в российской печати.⁹²

В 1793 г. И. Н. Водопьянов перевел с немецкого языка «Разговор в царстве мертвых несчастного Лудовика XVI с императором Леопольдом II и Густавом III, королем шведским». Густав III еще раз стал персонажем литературного произведения в жанре «Разговора в царстве мертвых» и теперь уже полноправным собеседником в этом царстве. Смерти королей трех европейских государств в конце XVIII в., две из которых были насильственными, стали сильным искушением для анонимного автора, заставившего их встретиться и обсудить важные политические вопросы. Это произведение отличается от других, написанных в том же жанре. В нем нарушено правило односторонности: высказываются противоположные мнения о Французской революции, в том числе республиканская версия

⁹¹ *Петров В. П.* Ода е. и. в. Екатерине Второй <...> на заключение мира со Швециею 1790 года. М., 1790.

⁹² Достоверное известие о происшедшем в ночи с 16 на 17 число марта 1792 года злодейственным умысле на жизнь его величества короля шведскаго, с приложением королевских повелений. Переведено со шведскаго языка. [М., 1792]; Достоверное известие о убивстве его величества короля шведскаго, от правительства в публику, которое объявлено 10 апреля. М., 1792.

событий.⁹³ Нам интересны в «Разговоре» реплики Густава III, так как они характеризуют отношение к нему в европейском обществе конца XVIII в.

Густав рассуждает о несвоевременности собственной смерти, о тяжком бремени правителя, который старается вновь возвысить честь его праотцов. Он считает, что войны бывают необходимы по нескольким причинам: «для возбуждения упавшего народного духа, для показания себя сильному соседу во всем величестве или для возвышения государственного блага». Сразу после выхода в свет перевод И. Водопьянова был признан «клоняющимся только к развращению нравов» и изъят из книжных лавок.

Не только лояльная оценка событий во Франции, но и высказывания Густава, косвенно оправдывающие его военное вторжение в Россию, были неприемлемы для официальной идеологии.

В России не без влияния литературы прочно и надолго укрепилось представление о том, что русско-шведская война 1788—1790-х гг. была следствием только личных качеств Густава III. «Кто бы мог подумать, что властолюбие правителя малой республики будет причиною кровопролитнейших браней между государствами <...>. Властолюбие <...> подвигло Густава III, короля шведского, на войну, пагубную для его народа и его самого», — говорилось в статье «О причинах войны Густава III против Екатерины II», опубликованной в «Военном журнале» (Кн. 12). Издание журнала, вышедшего в 1810—1812 гг., предпринял на собственные средства П. А. Рахманов, математик, почетный член многих ученых обществ, большой знаток и любитель музыки. В 1807 г. он вернулся на военную службу, которую оставил в молодости, и в чине штабс-капитана вошел в свиту его императорского величества по квартирмейстерской части (будущий Генеральный штаб). В 1808 г. он стал капитаном, а в 1810 г. в чине майора вышел в отставку.⁹⁴ Всего вышло 24 номера журнала. Начиная с 13-й книги из-за недостатка средств издание перешло от Рахманова в собственность Ученого комитета по артиллерийской части.

«Военный журнал» имел большой успех в обществе, его тиражи быстро расходились. Одним из первых подписчиков стал император Александр I. В двух номерах журнала (кн. 18, с. 14—28; кн. 19, с. 28—48) было опубликовано «Описание войны Густава III против Екатерины II», написанное графом Г.-М. Шпренгпортенем, лидером финляндских оппозиционеров, который в 1786 г. поступил на русскую службу и участвовал в создании Аньяльского союза. Шпренгпортен развивает мысль о «беспокойном честолюбии» Густава III,

⁹³ Ст.: *Marcialis N. Caronte e Caterina. Dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo.* Roma, 1989. P. 191.

⁹⁴ Рахманов Петр Александрович // Русский биографический словарь. Т. «Притвиц—Рейс». (По указателю). СПб., 1910. С. 512—517; *Жихарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1955.

«искавшего с жадностью славы и считавшего все средства равно дозволительными для удовлетворения своей страсти» (кн. 18, с. 16).

Рекомендуя читателям сочинение Шпренгпортена, издатель указывал: «Оно достойно внимания воина, политика и философа. Первый усмотрит, что любовь к отечеству и храбрость могут иногда заменить искусство и опытность. Политик заметит, сколь страшно приводить в крайность сильное государство и чрез то заставить его прибегнуть к усиленным мерам. Философ увидит, до какой степени свирепости в своих бранях доходят народы, связанные торговлею, соседством и дружбою...».

В 1812 г. П. А. Рахманов из патриотических побуждений вступил в действующую армию и в следующем году был убит под Лейпцигом. Отечественная война 1812 г. дала русской литературе новые темы и новых героев. Заметное место в ней занял другой властолюбец — Наполеон.

Р. БОДЕН

ФРАНЦУЗСКАЯ И АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПЕРЕПИСКЕ А. В. СУВОРОВА *

Широко прославленный в биографиях и рассказах уже с конца XVIII века¹ как блестящий полководец и большой оригинал, А. В. Суворов гораздо менее известен как мастер эпистолярного жанра, несмотря на его объемную переписку, насчитывающую несколько тысяч писем. Лишь после ее публикации в сокращенном виде в престижной серии «Литературные памятники» в 1986 г.² наконец была признана литературная ценность этих писем, опубликованных еще в XIX в.,³ но зачастую воспринимавшихся как второстепенный источник информации о жизни и творчестве генералиссимуса. Раскрывая читателю эпистолярные таланты Суворова, непростой стиль которого воскрешает в памяти энергичность человека действия, привыкшего отдавать приказы и брать штурмом крепости, корреспонденция позволяет также пролить свет на его вкусы и предпочтения, в частности литературные. Многочислен-

* Текст доклада на симпозиуме Франко-Британской ассоциации по изучению русской культуры (Лондон, октябрь 2005 г.). С французского языка перевела Е. Голубинова в сотрудничестве с автором.

¹ Первая биография, опубликованная еще при жизни Суворова, принадлежит Иоганну Фридриху Антингу: *Anthing J.F. Versuch einer Kriegs-Geschichte des Grafen Alexander Suworow Rymnikski Russich Kayserlichen General-Feldmarschal*. Т. 1—3. Gotha, 1795—1799. Биография была вскоре переведена и опубликована в России: *Антинг И. Жизнь и военные деяния генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникого с виньетками и планами*. В 3-х частях. СПб., 1799—1800.

² *Суворов А. В. Письма* / Изд. подг. В. С. Лопатин. М., 1986. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием номеров писем.

³ Первая публикация переписки Суворова принадлежит М. И. Антоновскому и датируется 1806 г. Она сопровождала публикацию трактата: *Антоновский М. И. Наука побеждать. Творение препрославившегося в свете всегдашними победами генералиссимуса российских армий, князя Италийского, графа Суворова-Рымникого, с письмами, открывающими наиболее в нем величайшие свойства его души и таковые же знания военного искусства*. СПб., 1804.

ные литературные ссылки Суворова, снабженные комментариями в авторитетном издании,⁴ так и не сделались, по нашим сведениям, предметом систематического исследования. Именно этой задаче мы предлагаем посвятить настоящую статью. Полководец ссылается и на античную, и на современную ему литературу, но мы ограничимся в нашем исследовании ссылками на последнюю. Правда, случаи обращения к античной литературе также не останутся в стороне, поскольку именно они содержат аллюзии с современностью. В этом последнем случае мы ограничимся ссылками на французскую и английскую литературу, намеренно оставляя в стороне ссылки на русскую литературу и фольклор, а также на испанскую литературу (Дон Кихот — один из любимых героев Суворова — часто упоминается в его переписке⁵).

Мы начнем с перечисления литературных ссылок — французских и английских — в переписке Суворова, чтобы дать представление о его познаниях в данной сфере и, анализируя их, определить значение, которое автор уделяет каждой из литератур, а также эмоциональный регистр (лиризм, юмор, иронию), характеризующий эти ссылки. В данной работе мы попытаемся главным образом рассмотреть ссылки в их взаимодействии, чтобы понять, как автор писем воспринимал разницу между французской и английской литературами. И наконец, мы постараемся определить роль, которую играют аллюзии в выражении специфической читательской позиции Суворова, человека военного.

Из 688 писем, относящихся к периоду между 1764 и 1800 гг., по меньшей мере в двадцати шести или, быть может, в двадцати семи имеются прямые ссылки на французскую и английскую литературу. В первом случае упоминаются такие авторы, как Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтескье, Б. Фонтенель, Вольтер, Ж. Лафонтен и П.-О. К. Бомарше. Что касается обращений к английской литературе, то они сводятся к Г. Филдингу, на которого автор ссылается одновременно как на комедиографа и как на романиста, и к «Поэмам Оссиана» Дж. Макферсона.

Настоящие ссылки относятся к периоду между 1774 и 1800 гг., за исключением писем первого десятка лет и самых последних, датированных периодом болезни военачальника. По этому поводу можно заметить следующее. В первую очередь относительно периода 1764—1773 гг. можно предположить, что в то время Суворов еще не прочитал какие-то из тех произведений, которые он процитирует позже, хотя бы по той причине, что они были переведены на русский язык лишь в середине 70-х гг. XVIII в. Может быть также, что сохранившиеся письма, датированные данным периодом, носили недостаточно личный характер для того, чтобы их автор

⁴ Суворов А. В. Письма. С. 472.

⁵ Дон Кихот упоминается в письмах № 109, 182, 385 и 507.

мог позволить себе использовать литературные аллюзии. Наконец, положение Суворова на иерархической лестнице не позволяло ему тогда прибегать к свободному тону, характерному для его писем более позднего периода. Что же касается времени его болезни, то нам представляется, что тяжелое состояние здоровья удерживало его от желания забавляться литературными пассажами. Тем не менее одно исключение появляется в письме, датированном 11 февраля 1800 г. и адресованном А. И. Горчакову. Но что характерно, автор ссылается на античные персонажи. Поскольку именно античная культура была, по-видимому, особенно близка Суворову и бесспорно преваляровала во всей переписке, она должна была сопровождать полководца в его последние минуты.⁶

В остальной части переписки ссылки на французскую и английскую литературу регулярно появляются между 1774 и 1800 гг.: на английскую — по большей части в период между 1774 и 1778 гг., на французскую — между 1781 и 1787 гг., на ту и на другую — между 1788 и 1792 гг., в период, когда Суворов чаще всего цитирует упомянутых авторов; опять на французскую литературу в 1793—1794 гг., на английских авторов в 1796-м и на французских в 1799—1800 гг. Данная таблица иллюстрирует хронологическое распределение ссылок, сопровождающихся номером письма, где они упоминаются, и уточняет характер профессиональной деятельности Суворова на каждый упомянутый период.

Дата	Ссылка на французских авторов	Ссылка на английских авторов	Профессиональная деятельность Суворова
1774		Филдинг (№ 51)	Первая русско-турецкая война 1773—1774 гг.
1778		Филдинг (№ 83)	Служба в Крыму и на Кубани
1781	Руссо (№ 109), Монтескье (№ 111)		Служба в Астрахани
1784	Фонтенель (№ 146)		Борьба за присоединение Крымского ханства к России
1787	Руссо (№ 181)		Канун второй русско-турецкой войны 1786—1787 гг. Кинбурн
1788	Руссо (№ 238, 254), Вольтер (№ 249)	Филдинг (№ 232, 238)	Вторая русско-турецкая война 1787—1791 гг., сражение на Лимане, осада Очакова

⁶ Умирая, Суворов напишет: «...я ожидать буду посещение Парков». (Письмо № 681. С. 383).

Дата	Ссылка на французских авторов	Ссылка на английских авторов	Профессиональная деятельность Суворова
1791	Лафонтен (№ 384), Руссо (№ 380)	Филдинг (№ 380)	Строительство крепостей на границе с Финляндией
1792	Вольтер (№ 416), Лафонтен (№ 417, 418)	Оссиан (№ 419)	Строительство крепостей на границе с Финляндией
1793	Вольтер (№ 459)		Строительство крепостей на юге России
1794	Лафонтен (№ 475, 479)	Оссиан (№ 506)	Польская кампания 1794 г.
1795		Оссиан [?] (№ 508)	Командование войсками в Польше
1796		Оссиан (№ 557)	Главнокомандующий армией. Тульчин
1798		Оссиан (№ 584)	Опала и ссылка в Кончанское
1799	Бомарше (№ 619)		Итальянский поход 1799 г.
1800	Бомарше (№ 678)		Возвращение армии в Россию

Из приведенной таблицы можно заключить, что ссылки также распределяются по периодам войны и мира. Тем не менее напрашивается вывод, что война, стимулировавшая эпистолярную деятельность Суворова, находившегося в постоянной связи со штабом Г. А. Потемкина, с командирами других воинских частей, с коллегами по дипломатическим и военным делам, а также с дворяном и многочисленными его представителями, благоприветствовала обращение к литературным реминисценциям — к античным в первую очередь, где главенствовала фигура Гомера, и затем к современной французской и английской литературе. Во время военной деятельности, именно в период неизбежного для осады ожидания или же во время объединительных маневров, в письмах Суворова появляются цитаты и размышления о литературе. Возможно, некоторые реминисценции (например, сравнение реального лица с литературным персонажем) настолько укоренились в его сознании, что возникали даже в письмах, написанных во время военных действий. Однако один временной отрезок выделяется из всех других. Речь идет о 1791—1792 гг., когда Суворов осуществлял руководство укрепительными работами на границе с Финляндией. Задетый за живое, как свидетельствуют его письма, своим назначением на выполнение столь рядового задания, Суворов, как мы

увидим далее, прибегает к литературным ссылкам именно для выражения своей скуки.

Наконец, следует сказать несколько слов об адресатах Суворова, личность которых часто определяла выбор реминисценции. Из разных лиц, к которым адресованы все двадцать три письма со ссылками на французскую и английскую литературу, пять были друзьями, как например Осип Михайлович Рибас (письма № 238 и 459) или Василий Степанович Попов (письма № 254 и 257), иногда очень близкими, как Андрей Иванович Набоков (письмо № 51), иногда знакомыми с детства, как Петр Иванович Турчанинов (письма № 83, 109, 111 и 475); некоторые были в родстве с Суворовым, как например Дмитрий Иванович Хвостов (письма № 380, 384, 417, 418, 419, 508 и 584), супруг его племянницы Аграфены Ивановны Горчаковой. Четверо из адресатов (принц де Линь (письмо № 557), Александр Андреевич Безбородко (письмо № 416), дипломат Семен Романович Воронцов (письмо № 619) и Г. Р. Державин (письмо № 506)) были уважаемыми Суворовым знакомыми. Среди других адресатов был и Петр Александрович Румянцев, служивший образцом полководцу (письмо № 479); принц Карл Генрих Нассау-Зиген (письма № 232 и 249) был предметом его восхищения; Григорий Александрович Потемкин (письмо № 181) — уважаемым начальником; граф Федор Васильевич Ростопчин (письмо № 678) — вельможей, к которому нужно было относиться с осторожностью. Наконец, ссылка на английскую литературу встречается в письме Суворова к его подчиненному Егору Гавриловичу Цукато (письмо № 508), на французскую — в письме к одному из управляющих его помещьем Степану Матвеевичу Кузнецову, которому поручается покупка книги (письмо № 146).

Список этот также требует некоторых комментариев. Прежде всего можно заметить, что самые многочисленные ссылки находятся в письмах, адресованных близким друзьям: две — в письмах к Рибасу, две — в письмах к Попову, четыре, что особенно важно, — в письмах к Турчанинову, и пять — в письмах к Хвостову. Таким образом, очевидно, что литературные реминисценции служат для Суворова некой формой словесного выражения привязанности. В связи с этим ссылки, предложенные друзьям, являются самыми распространенными из всех, наиболее подробными. Остальные же ссылки кажутся более лаконичными, пропорционально той дистанции, которую устанавливает автор по отношению к своим собеседникам. Так, любимому начальнику Потемкину направляется длинное рассуждение о Руссо, а принцу де Линю — шутивное упоминание Оссиана. Та же ситуация с принцем Нассау, с которым Суворов пытается наладить отношения. Цитируя Вольтера и ссылаясь на Филдинга, русский полководец пытается создать особый метод коммуникации, если не интимный, то по крайней мере отличающийся от принятой в светской корреспонденции манеры письма. Что касается Ворон-

цова или Ростопчина, то они вынуждены были довольствоваться одной-единственной цитатой, о которой, как мы увидим позже, даже нельзя сказать, что она является точной ссылкой на Бомарше. В соответствии с этими разнообразными взаимоотношениями Суворов использует несколько различных методов цитирования, обусловленных моментом написания, а также тональностью письма. Именно эти методы и будут предметом нашего исследования.

Из списка текстов французских писателей, на которых ссылается Суворов, мы намеренно исключили военных авторов (таких, как Тюренн или маршал Саксонский), а также историков (таких, как аббат Роллен). Будем обращаться лишь к авторам литературных произведений: Фонтенелю, Вольтеру, Монтескье, Руссо, Лафонтену и Бомарше. Перечисленные авторы названы не по времени написания их сочинений или упоминания их в переписке Суворова, но в порядке той значимости, которая уделяется им в той или иной цитате.

Таким образом, меньше всего внимания в этом списке уделено Фонтенелю. Действительно, писатель назван лишь как автор книги, которую Суворов поручает добыть своему управляющему:

«Да не дослал ты еще дюжину карт и книжку гадательную для резвости и затем хоть недорогую камер-обскуру, купи и пришли мне еще книжку Фонтенелеву о множестве миров». (Письмо № 146, 25 сентября 1784 г.).

Помимо сего занимательного и, по всей вероятности, нечаянного упоминания Фонтенеля среди списка покупок, включающего книгу по гаданию и камеру обскуру, мы обратим внимание на тот факт, что эта ссылка свидетельствует об интересе Суворова к «Рассуждению о множественности миров». Опубликованная во Франции в 1686 г. книга Фонтенеля была переведена на русский язык А. Д. Кантемиром в 1730 г. и опубликована в 1740 г.,⁷ возбудив активное неприятие ее в лице Православной церкви.⁸ Сопrotивление Церкви было настолько мощным, что в 1756 г. Синод просил весьма набожную Елизавету Петровну конфисковать все существующие экземпляры, а также запретить дальнейшую публикацию книги.⁹ Тем не менее петиция не произвела должного впечатления, и книга в переводе Кантемира была даже переиздана в 1761 г. Таким образом, в 1784 г. книга давно уже не являлась предметом полемики. Любопытство, которое испытывает к ней Суворов, свидетельствует лишь о желании образованного ума ознакомиться с текстами, уже вошедшими

⁷ [Фонтенель Б.] Разговоры о множестве миров г. Фонтенелла Парижской академии наук секретаря. С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году. СПб., 1740.

⁸ См.: История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. 1. С. 114—115.

⁹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1966. Т. 3. С. 313. Комментарий № 7862.

в анналы классики литературы Просвещения. Интерес этот мог быть связан с тем фактом, что Суворов принадлежал к масонским ложам «Три звезды» и «Zu den drei Kronen»,¹⁰ а Фонтенель был одним из авторов, читаемых русскими масонами-вольтерьянцами.¹¹ И, что самое главное, краткость ссылки в приказе, данном Кузнецову, по всей вероятности, свидетельствует о том, что произведение было уже хорошо известно не только автору письма, но, быть может, и самому адресату, которому Суворов не считает нужным дать больше разъяснений по поводу желаемой покупки.

Следующим по критерию важности в списке является Вольтер, и упоминается он в двойном регистре, как это будет далее и с Филдингом. Речь идет о Вольтере как о драматурге, с одной стороны, и о Вольтере-историке¹² — с другой. Драматург цитируется в письме № 416, адресованном А. А. Безбородко, затем в письме № 459 на имя О. М. Рибаса. В обоих случаях ссылка одна и та же — на отрывок из трагедии 1734 г. «Аделаида дю Геклен», акт I, сцена 4. В письме к Безбородко Суворов использует этот отрывок, чтобы ответить на вопрос — второй, по всей видимости, из тех, которые ему задает его собеседник:

«Письмом от <...> мне делаете знаки милости о том, на что да будет воля твоя! Но милое дитя мешает службе. Ответ 2-ой как Генриху: *Sir, il est tems*». (Письмо № 416, октябрь 1792 г.)

Хотя неясно, какому именно вопросу соответствует этот ответ, позаимствованный у Вольтера (а мы вынуждены в данной ситуации давать комментарий вне контекста), тем не менее можем сделать следующее наблюдение: сам факт, что Суворов ссылается на Вольтера без уточнения имени автора и даже названия произведения, свидетельствует со всей ясностью об известности трагика в екатерининской России. Одного лишь упоминания отрывка, чрезвычайно банального самого по себе, продублированного ссылкой на персонаж, к которому обращен стих, достаточно для расшифровки аллюзии,¹³

¹⁰ *Bakounine T. Répertoire biographique des Franc-maçons russes (XVIIIe—XIXe siècles)*. Paris, 1967. P. 527; *Серков А. И. Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь*. М., 2001. С. 776—777.

¹¹ *Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II*. Изд. 2-е, исправленное и расширенное / Под ред. М. В. Рейзина и А. И. Серкова. СПб., 1999. С. 143.

¹² О восприятии Вольтера в России XVIII в. см.: *Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер*. Л., 1978.

¹³ Так, в письме А. Р. Воронцову, датируемом периодом ссылки, Радищев цитирует одно стихотворение, на этот раз из «Софонизбы», не уточняя при этом ни названия цитируемого произведения, ни даже имени автора, довольствуясь расплывчатым описанием последнего как «известного поэта»: «L'affreuse vérité qu'un célèbre poète a exprimé dans un vers, se présente à mon esprit dans toute son étendue: „Ah, [que] nos jours derniers sont rarement sereins“». См.: *Радищев А. Н. Полн. собр. соч.* М.; Л., 1952. Т. 3. С. 460.

несмотря даже на тот факт, что последняя неточна. В «Аделаиде дю Геклен» реплика адресована не самому Генриху, а его сыну, герцогу Вандомскому. Ссылка также характеризует метод цитирования Суворова. Его цитаты не отличаются точностью, они не выверены, а написаны по памяти. Находясь на военной службе в Финляндии, вдали от театральных удовольствий и от книг, автор письма воскрешает в памяти — приблизительно, но достаточно для того, чтобы быть понятым, — поэтический отрывок пьесы, быть может, виденной или прочитанной когда-то. Наконец, создается ощущение, что Суворову была настолько по душе эта цитата, что он повторяет ее несколько раз. В письме к Рибасу, где вновь цитируется отрывок, Суворов упоминает о нем как об уже ранее использованном в третьем письме:

«Charmé par Votre lettre 5-me du courant, je suis très touché des bontés de S[on] E[xcellence] C[omte] Z[oubow]. Ne Vous cachant rien je Vous avois averti ici sur Elmp[te]: je lui répons avec reconnoissance y ajoutant la réponse à Henri., Sire, il est tems“». (Письмо № 459, 22 декабря 1793 г.).¹⁴

В этом письме Суворов употребляет цитату, практически заменяя ею свою подпись. Отсылая вновь читателя к Вольтеру, цитата становится маркой эпистолярного стиля Суворова, его любимым приемом.

Другая ипостась Вольтера, возникшая в суворовской переписке, — это Вольтер-историк. При этом Вольтер-историк проигрывает Вольтеру-драматургу. В письме к принцу Нассау-Зигену Суворов пишет по поводу описания битвы при Лимане, сделанного его адресатом, следующее:

«Achille est grand par Homère, Alexandre par Kwint Curse, Voltaire pire historien manqua pour Charles XII, et Vous le faites pour Vous encore beaucoup plus pire. Votre relation n'en a pas même l'image, c'est une note aride sans élégance...» (Письмо № 249, 20 июня 1788 г.).¹⁵

Негативная оценка Суворовым «Истории Карла XII» интересна тем, что она контрастирует с положительным отзывом, которое получило это произведение в XVIII в. Опубликованное почти тайно в 1731 г., после того как его запретили, произведение имело огромный успех. Этот запрет и стал, по всей вероятности, основной причиной успеха «Истории», которая не понравилась Суворову.

¹⁴ «Ваше письмо от 5 сего месяца меня обрадовало; я очень тронут благоклонностью Его Превосходительства Графа Зубова. Не скрывая ничего от Вас, я Вас предупредил на счет Эльмпта. Отвечаю ему [Зубову] с благодарностью и повторяю ответ, данный Генриху: „Государь, уже время“».

¹⁵ «Ахилесс прославлен Гомером, Александр — Квинтом Курцием, Вольтер был историк похуже и промахнулся с Карлом XII, а Вы сами с собой обошлись еще хуже. Ваша реляция не дает о Вас ни малейшего представления, это сухая записка без тонкости, большинство лиц изображены без жизни».

Описывая невероятные приключения шведского короля, Вольтер сделал из своего очерка роман, что бесспорно продемонстрировало его талант рассказчика, но стиль его был весьма далек от манеры письма великих римских историков, например высоко ценимого русским полководцем Квинта Курция с его стилем, далеким от всякого морализирования. К тому же Вольтер пренебрег характеристикой шведской нации, а также подробным изучением ее военной мощи — тем, что более всего интересовало Суворова. Во втором варианте «Истории Карла XII» (1739) Вольтер пересмотрел точку зрения на своего героя. Будучи убежденным, что король Швеции был лишь свирепым завоевателем, французский писатель уделяет основное внимание его сопернику Петру Великому, отдавая таким образом предпочтение создателю, а не завоевателю.¹⁶ Наконец, Вольтер принижает военные таланты Карла XII, очевидно, высоко ценимые Суворовым, который ставит имя Гомера рядом с именами других двух историков.

Если Вольтер оказался «историком похуже» Квинта Курция, то это потому, что он «промахнулся» с Карлом XII. Выбор такого выражения подразумевает, что французский писатель не был в данной ситуации — и только в ней — на высоте своего таланта, в остальном неоспоримого. Вольтер в переписке Суворова предстает именно как одна из важнейших фигур столетия, как практически официальный писатель екатерининского двора, о ком императрица сказала: «Je veux que ses œuvres servent d'exemple; je veux qu'on les étudie, qu'on les apprenne par cœur, que les esprits s'en nourrissent: cela formera des citoyens, des génies, des héros et des auteurs; cela développera cent mille talents».¹⁷ Суворов в данном случае разделяет вкусы монархини, которой служит. Это частично объясняет и его позицию по отношению к Руссо.

Третий французский писатель, на которого ссылается Суворов, — Монтескье.¹⁸ Как это ни парадоксально, несмотря на то обстоятельство, что писатель упоминается лишь однажды, его присутствие в переписке гораздо более заметно, чем присутствие того же Вольтера: полководец не довольствуется одним лишь намеком на Монтескье, а обсуждает его высказывания. В письме к своему другу

¹⁶ См. у Н. М. Карамзина в «Письмах русского путешественника» сопоставление Петра I с Людовиком XIV в письме, написанном в Лионе 9 марта 1790 г. (Карамзин Н. М. Избр. соч. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 343. См. также: Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии. СПб., 2006.

¹⁷ Цит. по: Larivière C. de. Catherine II et «Figaro» // La France et la Russie au XVIIIe siècle. Genève, 1970. P. 167.

¹⁸ О восприятии Монтескье в России см.: Плавинская Н. Ю. 1) Переводы сочинений Монтескье в России в XVIII в. // Культура эпохи Просвещения. М., 1993. С.150—163; 2) Как перевели Монтескье в России? // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 281—286.

П. И. Турчанинову Суворов пишет следующее по поводу авторов направленного против него памфлета:

«Не знаю, как у вас таких подлецов терпят, — одирающих оклад с Богоматери?.. Что за странный принцип предпочитать таких глупых остряков — разумным в зрелой добродетели! Они равны, орудем в них ключительным, — шпионам: в нужде — им мешок золота, без нужды — виселица. Монтескье судит право о великом Государстве — Франции, не о ином Государстве величайшем, где подпорою люди одной непомраченной добродетели, но и веры, ибо нет у тебя Бога, — нет Государя. Сей в важных отдаленностях не всегда чистую прозрачность иметь может, но должен иногда верить очам, часто сходных в пороках, частных правителей, — или сведает поздно возросшее зло лукавых клеветов». (Письмо № 111, 16 мая 1781 г.).

Жалуясь на злословящих его наглецов, в числе которых находились местные чиновники, Суворов отстаивает качества, которыми в идеале должны обладать люди, состоящие на государственной службе. Рассуждая о территориальном различии между Францией, «великим государством», и Россией, «государством величайшим», он объясняет, что если первая способна довольствоваться добродетельными слугами, то вторая, по территориальной своей особенности, вынуждена обзаводиться дополнительными гарантиями, опираясь на слуг *и добродетельных, и набожных*. Именно это качество, как представляется Суворову, служит порукой прочности монархического государства — во всяком случае русского, — в чем полководец расходится во мнении с Монтескье. Основывая в книге «О духе законов» прочность различных типов правления на одних лишь моральных принципах добродетели, умеренности, чести или же боязни, французский философ действительно не включает туда религию, по поводу которой в его «Персидских письмах» говорилось, что она не должна вмешиваться в политику.¹⁹ За несогласием по поводу роли религии стоят помимо того две ошибки в прочтении — одна невольная, другая умышленная. Суворов, с одной стороны, приписывает французскому правительству, хотя и монархическому, принцип добродетели, а не чести, с другой же стороны, отказывается, по очевидным соображениям, относить Российскую империю к категории стран с тираническим правлением, основанным на принципе боязни, — тип, проиллюстрированный в «Духе законов» в основном на примере Оттоманской Порты, с которой русский полководец столь часто сражался. Оспаривая идеи Монтескье, Суворов заявляет в шутовском заключении:

«Не автор я какой, но *Nahn auf meinem Haufenmist*,²⁰ и честь моя мне милее всего».

¹⁹ Монтескье, естественно, делает исключение, когда признает за религией воспитательную роль в правлении тиранического типа. Но Суворов не относил Россию к данной категории.

²⁰ «Петух на своей навозной куче».

Суворов вновь противопоставляет типу философа тип военного. Сравнение с «петухом на навозной куче» выявляет, как мы увидим далее, предпочтение, которое автор оказывает художественной литературе в ее басенном варианте.

Споря с Монтескье, Суворов часто прибегает и к ссылкам на Руссо. Количество последних весьма значимо: фигура Гражданина Женевы или же упоминание его идей появляются пять раз в переписке генералиссимуса. Первая в хронологическом порядке ссылка резюмирует важнейшие идеи Руссо. В письме к П. И. Турчанинову, где сравнивается фальшивая слава и истинная заслуга, Суворов пишет:

«Исключая просвещение наук, Добродетель, мать достоинства, обитает прилежнее в пастушьих шалашах и там меньше портятца нравы, хотя к достижению оных всякое человеческое состояние равное право имеет, понеже у всех Отец один». (Письмо № 109, 10 февраля 1781 г.).

Несомненно, что первая часть фразы была вдохновлена «Рассуждением о влиянии наук и художеств на нравы». Суворов дает идее Руссо применение вполне конкретное и весьма своеобразное: идея эта позволяет автору противопоставить одного Голицына (1675—1730), генерала Петра Великого, имевшего звание, несколько не соответствовавшее степени его таланта, другому молодому Голицыну (1681—1764), получившему более высокий чин, несмотря на весьма посредственные способности. Заимствуя у Руссо оппозицию добродетельных варваров-победителей и более цивилизованных побежденных, в одной из дихотомических конструкций, которые мы увидим далее, Суворов противопоставляет военных политиков, близких ко двору, то есть связанных цивилизацией, тем, которые находятся в действующей армии, т. е. вдали от утонченной столицы и власти.²¹

Что же касается второй части цитаты, то нам трудно согласиться с В. С. Лопатиным, который предлагает усмотреть в ней влияние «Рассуждения о происхождении неравенства между людьми».²² Несомненно, сосуществование в рамках одной фразы двух дорогих Руссо идей может означать, что и тут Суворов обращается к французскому философу. Тем не менее нужно отметить, что для Суворова принципом, гарантирующим равенство, является религия. Все люди равны между собой именно потому, что все они — творение Божие, тогда как у Руссо Природа создает равенство, а люди — неравенство. К тому же равенство кажется реальным моральным фактором, современным Суворову, тогда как в историко-философских размышлениях Руссо это всего лишь постулат. И наконец, как мы увидим

²¹ Факт присвоения Суворовым апологии простоты Руссо уже отметил Ю. М. Лотман, см.: *Век богатырей // Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 270.*

²² *Суворов А. В. Письма. С. 528.*

далее, если равенство и является реальным моральным принципом с религиозной точки зрения, у Суворова оно далеко от того, чтобы быть социальной реальностью. Не исключено, что здесь имеет место такое прочтение Руссо, которое сводит его новую концепцию о равенстве к более традиционному принципу равенства людей перед Богом, в том числе и в момент смерти.²³

Вторая ссылка на Руссо появляется в письме на французском языке к начальнику Суворова князю Потемкину. Написанное спустя шесть лет после предыдущего, письмо это открывает серию негативных высказываний Суворова о творчестве французского писателя:

«Les colonels Pretoriens (excepté de gardes à cheval) sont mauvais ; — moi-même en étant incorporé à l'armée, après un long et honorable service, je ne valois rien 3 ans — ils énervent leurs officiers par leurs manières de Cour et les efféminent, insinuants auprès des grands, langage beau ou louche, ils leur apprennent à en voiler leurs défauts; Sibarites non Spartiates, ils leur font mépriser la gloire et une irreligion Jean-Jacquesale — la vertu par tout l'esprit où génie consiste dans le discours non dans l'action...». (Письмо № 181, 11 октября 1787 г.).²⁴

Несмотря на приблизительность синтаксиса фразы, которая изначально наводит на мысль о том, что полковники учат своих офицеров презирать «irreligion» Руссо, следует понимать, по всей видимости, исходя из негативной оценки слова «irreligion», что они же и способствуют этому неверию. Далее следует рассуждение о том, что Суворов понимает под «irreligion». По мнению Ю. М. Лотмана, Суворов подразумевает здесь деизм Руссо, неприемлемый для православного военачальника.²⁵ С другой стороны, надо отметить, что естественная религия Руссо не вызывала какого бы то ни было осуждения, а многие религиозные умы в России скорее соглашались с Руссо, сдержанность мыслей которого в этом вопросе позволяла предложить вариант Просвещения гораздо менее радикальный, чем у Дидро или Гельвеция.²⁶ Поэтому использование данного термина Суворовым, наверное, подразумевает не порицание естественной религии Руссо в том ее контексте, в котором она описывается в «Исповедании

²³ См.: *Goulemot J.-M. Egalité et Inégalité // Dictionnaire européen des Lumières.* Paris, 1997. P. 377.

²⁴ «Полковники “преторианцы” (выключая конную гвардию) — плохи. Я сам, с той поры как в армии, долго нес честную службу, да все равно три года ничего не стоил. Они офицеров своих раздражают придворными манерами, изнеживают, к высшим втираются речами сладкими да льстивыми и тем офицеров учат свои недостатки скрывать. Они не спартанцы, а сибариты, они презирать славу внушают, от них — неверие Жан-Жаково — добродетель от ума, где гений на словах, да не на деле; притворство взамен скромности, политесы взамен опытности».

²⁵ См.: *Лотман Ю. М. Век богатырей.* С. 271.

²⁶ См. *Barran T. Russians read Rousseau 1762—1825.* Evanston, Northwestern UP, 2002. P. 15.

веры савойского викария», а религию добродетели, постоянно восхвалявшуюся, но никогда не практиковавшуюся. Продолжая идею отождествления добродетели и действия, идею, усвоенную во время прочтения первых «Рассуждений», Суворов противопоставляет ее ложной добродетели, апологетом которой оказывается теперь Руссо. Подобная инверсия в отношении к Руссо, объясняющаяся дистанцией во времени, разделявшей оба письма, находится в русле негативного восприятия Руссо в России, той его ипостаси, которую Т. Барран называет «чародейством».²⁷ Руссо действительно прославился своим дьявольским мастерством в риторике, умением, позволявшим ему доказать недоказуемое — от пагубного влияния наук до оправданности самоубийства в устах Сен-Прё. Действительно, отрицательная оценка Суворова следует в нижестоящей цитате за упоминанием «langage beau et louche». Если Руссо и был приемлем для Суворова как философ-критик современного общества, так как генерал использовал эту критику в своем осуждении политических интриг, вредящих или по меньшей мере мешавших профессии солдата, то ситуация меняется, как только философ оказывается в центре внимания светского общества, которое презирает русский полководец. Помимо образа опасно красноречивого чародея, особенно вредоносного для молодежи, порицается Руссо и как вождь сентиментализма. Да и как мог Суворов, бывший приверженцем классического героизма, оценить персонажей «Новой Элоизы», и в особенности его героя Сен-Прё, даже не способного быть военным?²⁸ Старый солдат, а ему было уже пятьдесят семь лет, с высоты своего возраста набрасывается на молодых столичных шеголей и на их новую моду — пристрастие к Руссо. Ибо речь идет именно о моде, как ловко подмечает Суворов своим неологизмом «Jean-Jacquesale». Руссо как яркий представитель вредоносного сентиментализма, модного при дворе, появится еще раз несколько лет спустя в письме к Хвостову:

«Никому не верьте, ни Грациям, ни Меркуриям, Мальт[ицовым] Жан-Жакам; прочие адские просвещения. Бдите на симптомы». (Письмо № 380, 15—17 августа 1791 г.)

Беспокоясь о светском дебюте своей любимой дочери Наташи, а также о пагубном влиянии, которое могли оказать на нее люди сомнительной репутации, как например Маргарита Яковлевна Фон Мальтиц, Суворов бичует опасную привлекательность этого жестокого мира.

²⁷ Там же. С. 11. См. также: Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752—1917). Антология / Сост. А. А. Златопольская. СПб., 2005.

²⁸ Плохое зрение, а также неприятие профессиональных военных на службе у иностранных принцев не позволяют Сен-Прё принять предложение возглавить в качестве капитана отряд короля Сардинии. См.: *Rousseau J.-J. Julie, ou la Nouvelle Héloïse // Oeuvres complètes*. Paris, Gallimard. Pléiade, 1964. T. 2. Livre I, Lettre 34. P. 108.

Другая ссылка на Руссо находится в письме, датированном 1788 г. и адресованном другу Суворова Рибасу:

«Si vous ne m'écrivez pas, je ne Vous écrirai rien ; soyons désintéressés pour la cause commune, pensons à nous, c'est la pure vertu d'un homme du monde. Mendiés la sagesse chés J[ean]-J[acques] Vous voyerés dans une bouteille remplie du lait d'amande. Vous serés célébré de ses disciples, ils Vous érigeront un tombeau au promontoire du néant avec cette inscription pompeuse: Ci-gît le grand, je ne saurois Vous le dire. Avant cette mort glorieuse commencés par devenir fou, écrivés des sottises, Vous verrés qu'elles feront plus de bien à l'Etat que tous ce beau appareil d'égoïsme». (Письмо № 238, 12—14 июня 1788 г.).²⁹

Ссылка появляется во вполне определенном контексте. Суворов, в течение некоторого времени не получая писем от своего друга, попрекает его этим и угрожает перестать писать в свою очередь, иронически прославляя эгоизм. И именно это рассуждение об эгоизме (имеется в виду отход от общественных дел) влечет за собой ссылку на Руссо. Последний, таким образом, появляется здесь в своей третьей ипостаси, популяризированной Вольгером и Дидро: мизантропа, врага рода человеческого, намеренно удалившегося от мира сего.³⁰ Вслед за этим образом, осуждаемым Суворовым, следует сатира на культ Руссо, возникший после его смерти, и создание его гробницы на острове в Эрменонвиле. По мнению Суворова, Рибас мог бы стать предметом подобного же культа, поклоняясь Руссо. Наконец, за этим следуют нападки на содержание самой жизни Руссо, сведенной к безумию и графомании, высмеянной его врагами, в числе которых оказывается и Суворов. Так что критика его еще более сурова, чем в предыдущей цитате. Отход Руссо от мира был совершенно неприемлем для человека, возвращенного на петровской идеологии, которая выше всего ставила службу государству.

Таким образом, враждебность по отношению к Руссо объясняется приверженностью Суворова к старым традициям, что проявляется и в последней ссылке на французского писателя. В письме 1788 г. Попову говорится:

«К Вашему Высокородию посылаю при сем моего мальчика. Сделайте милость, представьте его Светлейшему Князю, повелите

²⁹ «Ежели Вы мне не пишете, и я Вам писать не буду. Позабудем об общем деле, станем думать о самих себе — в этом вся добродетель светского человека. Ищите мудрости Жан-Жака, и Вы утопитесь в бутылке миндального молока. Ученики его станут Вас прославлять. Воздвигнут Вам гробницу над бездной ничтожества: „Здесь лежит великий“ — не знаю кто. Но прежде такой славной смерти взбеситесь, пишите глупости, и Вы увидите, что это принесет более пользы государству, нежели все красоты себялюбия».

³⁰ См. в «Письмах русского путешественника»: «...и после того говорят, что Руссо был мизантроп! Скажите, кто бы не сделался таким на его месте? Разве тот, кто никогда не любил человечества». (Из письма, написанного в Женеве. Карамзин Н. М. Избр. соч. С. 320).

ему, чтобы он Его Светлости поклонился пониже и, ежели может быть удостоен, поцаловал бы Его руку. Доколе Жан-Жаком мы опрокинуты не были, цаловали мы у стариков только полу... ». (Письмо № 254, 23—25 июня 1788 г.).

Намек ясен — он касается принципов воспитания у Руссо, позаимствованных из «Эмиля», запрещенного Екатериной и, следовательно, непереуведенного, но которого Суворов смог достать и прочитатъ на французском, или же принципов, взятых из «Новой Элоизы», где они изложены более сжато.³¹ Призывая видетъ в ребенке самостоятельную личность, Руссо смягчает отношения строгой иерархии, которая, как предполагается, должна управлять взаимоотношениями детей со взрослыми. Взаимоотношения эти должны отныне основыватъся не на зависимости, а на уважении и осознании общего интереса. Замену обычая целовать подол простым целованием руки Суворов осуждает опять-таки с точки зрения старого поколения. Руссо, к большому неудовольствию полководца, для которого иерархия была принципом первоуепенной важности не только с точки зрения военной, но также и с моральной, буквально перевернул установленный порядок («доколе опрокинуты не были»).

Таким образом, у Суворова критика Руссо является повсеместной. Она относится в одинаковой степени к вредоносности его красноречия, революционного характера его принципов воспитания и сентименталистской эстетики. Суворов смотрит на все это с позиции человека другого поколения, воспитанного в предыдущую эпоху на иных принципах. Его мораль и эстетика, присущая ей, совпадают не с той, которая связана с распространением идей Руссо, а с той, которую проповедует классицизм, главенствовавший в годы ученичества полководца. Но ничто так не иллюстрирует эту оппозицию сентиментализму и эту привязанность к эстетике предшествующей эпохи, как глубокое пристрастие Суворова к Лафонтену.

Лафонтен является четвертым французским писателем, цитируемым Суворовым, и, по всей очевидности, любимым. Большой поклонник его басен, Суворов вводит их не в очевидной форме ссылок, указывая название произведения и имя его автора, а с помощью намеков, тем не менее достаточно прозрачных для того, чтобы быть угаданными адресатами всех шести писем. Все эти адресаты, что характерно, являются близкими друзьями автора писем. По всей видимости, именно личный характер переписки позволяет упоминать произведения автора, не менее престижного, чем Вольтер, но обращавшегося к жанрам менее высоким, чем трагедия или истори-

³¹ *Rousseau J.-J. Julie, ou la Nouvelle Héloïse. Livre IV, Lettre 14 и в особенности Livre V, lettre 3.*

ческие сочинения. Всего цитируется три басни, причем одна из них используется Суворовым дважды.

Прежде чем анализировать упоминания Суворовым этих басен, необходимо отметить ошибочную атрибуцию одного отрывка Лафонтену В. С. Лопатиным. Фрагмент, о котором идет речь, позаимствован из письма, адресованного В. С. Попову 29 июня 1788 г., в период кампании против турок:

«Ваше Высочорodie с праздникаи поздравляю. За поздравление со славными победами жучек над слонами и участие блокфорта благодарю, но паче благодарю Бога за щастье Светлейшего Князя». (Письмо № 257, 29 июня 1788 г.)

Отвечая на комплимент, сделанный ему Поповым, Суворов использует сравнение с животными, чтобы упомянуть недавнюю победу русской легкой флотилии над тяжелой флотилией флагманских кораблей Газа Хассана. Сравнение легких судов первой с насекомыми, а тяжеловесных кораблей второй со слонами намекает, по мнению В. С. Лопатина,³² на басню Лафонтена, название которой переводится на русский язык как «Слон и Моська». Однако это название отсылает к знаменитой басне Крылова, ничем не обязанной Лафонтену.³³ Писал ли последний басню, персонажами которой выступают слоны и насекомые? Единственная басня, изображающая противостояние мощного и сильного животного и насекомого тщедушного, но в итоге оказывающегося сильнее своего противника, — это басня «Лев и Комар» (II, 9), мораль которой гласит, «qu'entre nos ennemis / Les plus à craindre sont souvent les plus petits».³⁴ Итак, образ слона здесь отсутствует. Следовательно, чтобы найти образ, похожий на использованный в нашей цитате, нужно вернуться к Эзопу, чья басня «Лев, Прометей и Слон» предлагает сходную мораль и похожих персонажей-зверей: «on voit que le moustique est assez fort pour faire peur même à l'éléphant».³⁵ Итак, источником цитаты Суворова мог бы быть Эзоп, если бы его Слон и Комар были изображены в противостоянии. Но это не так, в отличие от Слона и Комара Лафонтена. Следовательно, можно предположить, что Суворова вдохновила какая-то другая басня, одна из многих известных в России XVIII в., которая могла совместить оба источника, лафонтеновский и эзопов; или же сам автор аллюзии, цитируя по памяти, перепутал обе басни — «Лев и Комар» и «Лев,

³² Суворов А. В. Письма. С. 580.

³³ Статьи, посвященные заимствованию басен Крылова у Лафонтена, многочисленны. На французском языке можно обратиться к статье: Labriolle F. de. Krylov et La Fontaine // Revue de Littérature comparée. 1966. XL/1. P. 91—109, и в особенности 94.

³⁴ *La Fontaine. Fables, contes et nouvelles // Œuvres complètes.* Paris, Gallimard. Pléiade, 1991. Livre II, fable 9. P. 82. В дальнейшем в тексте указаны номер книги — римскими цифрами, номер басни — арабскими.

³⁵ *Esop. Fables.* Paris, 1927. P. 93.

Прометей и Слон». И в том и в другом случае цитата не имеет никакого отношения ни к Крылову, ни к его знаменитой «Моське», мораль которой совершенно другая. Тем не менее упоминание басни интересно, поскольку аллюзия мотивирована как повествовательной, так и визуальной аналогией.

Если первую аллюзию все же следует интерпретировать с осторожностью, вторая впервые недвусмысленно отсылает к Лафонтену. В письме к своему другу Д. И. Хвостову, где Суворов жалуется по своему обычаю на медленное продвижение по службе или же на ощущение себя как жертвы интриг, он пишет:

«Естли б мне быть Ком[андиром] Вспом[огательного] к[орпуса], не проникло бы, или то была летучая прибаска, а той замашкой хотеть меня в С[анкт]-П[етер]б[ург], то для чего же я не Г[енерал]-Адъ[ютан]т, как то почиталось немудренным? Могло бы то мне приобрести перемену моего от периода ж[е]н[и]х[овского] плана, иначе только я буду мартышкин каштаный кот». (Письмо № 384, 20 сентября 1791 г.).

В продолжении письма Суворов выражает беспокойство, думая о том, что станет всего лишь еще одним прислужником Потемкина, рискуя каждую минуту попасть в опалу из-за смены настроения все-сильного князя. В подобном контексте использование образа кота, который вынимает каштаны из огня, — намек на басню Лафонтена «Обезьяна и Кот» (IX, 17) — совершенно оправдано. Суворов видит себя исполнителем, а не тем, кто пожинает плоды его усилий. Та же озабоченность, выраженная цитатой из той же басни, касается его обиды на то, что вознаграждение, несмотря на его талант, получает не он, а более посредственный соперник; об этом речь идет в письме 1792 г. к тому же Хвостову:

«Софизм списочного старшинства: быть мне под его игом, быть кошкою каштанною, обезьянною, или совою в клетке. Не лутше ли полное ничтожество?». (Письмо № 418, октябрь 1792 г.).

Суворов возмущается тем фактом, что иерархия превращает его в исполнителя распоряжений его соперника князя Н. В. Репнина (1734—1801), которого он обвиняет в том, что тот стоит за интригами, продлившими его неблагоприятное занятие по укреплению фортификаций на финляндской границе.

Интересно, что в обоих случаях Суворов отождествляет себя с одним из персонажей басни, не боясь под влиянием аналогии выбрать самого неудачливого из двух. Здесь не только упоминается писатель или цитируется произведение, но проводится параллель между собственной ситуацией и содержанием упоминаемого произведения. Таким образом, мы констатируем здесь литературный подход нового типа, который будет доминировать во всех дальнейших ссылках, в том числе и на английскую литературу, которая уже не только комментируется, но и как бы ощущается автором изнутри.

Третья бесспорная аллюзия на Лафонтена появляется в письме к тому же Хвостову. Суворов намекает в нем на победу своего соперника Репнина в битве при Мачине (9 июля 1791 г.), победу, которую он считает несоизмеримой по своей значимости со своей собственной победой на Рымнике (11 сентября 1789 г.):

«Безумен мачинский, как жаба против быка, в сравненье Рымника». (Письмо № 417, 20 октября 1792 г.).

Суворов нашел наилучший способ выражения своей мысли в басне Лафонтена «Лягушка, которая хотела dorасти до быка» (I, 3). Помимо экономии средств выражения и игры рифмы, которые превращают заимствование в самостоятельное литературное изложение, здесь использован прием олицетворения, который позволяет подменить фигуры двух военачальников образами самих битв.

И наконец, две последние ссылки Суворова на Лафонтена находятся в двух письмах 1794 г.: первое адресовано П. И. Турчанинову, второе — генералу П. А. Румянцеву. Продолжая жаловаться на несправедливую зависимость действующей армии от военачальников при дворе, особенно заметную после смерти Потемкина и назначения в директоры Военной коллегии графа Н. И. Салтыкова, а также сетуя на плохие их манеры, Суворов пишет:

«С времени правления Г[рафа] Н[иколая] И[вановича] С[алтыкова] действует некое старшинство, приобретенное павлиньими перьями, или приятность». (Письмо № 475, 21 июля 1794 г.).

Или:

«Каков Деев в форштате, таковы все наши тамошние войски в селениях и грабленное продавать не стыдятся. Большая часть пользуется старшинством, приобретенным павлиньими перьями или удобностию — без достоинств». (Письмо № 479, 24 июля 1794 г.).

В обоих случаях цитаты отсылают к басне «Ворона в павлиньих перьях» (IV, 9). Ссылки мотивированы вдвойне: повествовательной фабулой и, как и в предыдущем случае заимствования у Лафонтена / Эзопа, визуально. Суворов обличает в них самозванство и, бесспорно, пристрастие двора к мундирам, контрастирующее с его собственным вкусом к простой одежде, о котором повествуют рассказы его современников и поздние историков.³⁶ Как и предыдущая, басня служит разоблачению тех, кто нарушает иерархию истинных заслуг, к которой генерал испытывал глубокое благоговение, будь то по отношению к военным действиям или к офицерам.

Интерес Суворова к басням Лафонтена, таким образом, имеет под собой идеологическую основу. Классическая мораль французского писателя, никогда не выступавшего против неравенства и всегда наказывавшая тех, кто думает, вопреки разуму и здравому

³⁶ На французском языке см.: *Jacoby J. Souvarov*. Paris, 1935. P. 85, 148, 155, 186, 227, 245, 248.

му смыслу, что ему удастся его избежать, вполне подходила полководцу и несомненно противостояла в его понимании принципу эгалитаризма, исповедовавшегося сентименталистом Руссо. Форма басни, ее лаконичность особенно импонировали солдату, прославившемуся своим наметанным глазом, быстрой реакцией.³⁷ Такому жизнерадостному человеку, каким был Суворов, эта форма хорошо подходила также своей основной семантической структурой (прием игры масок), близкой ему, и которую мы будем часто встречать в ссылках на английскую литературу. В заключение отметим, что адресатом трех из пяти аллюзий, несомненно относящихся к Лафонтену, был Д. И. Хвостов, будущий автор басен,³⁸ любитель и знаток жанра уже, по всей видимости, в годы переписки с Суворовым. Таким образом, практика цитирования у Суворова может быть охарактеризована не только по отношению к объекту цитирования, но и по отношению к личности человека, которому она предназначена.

Прежде чем перейти к ссылкам на английскую литературу, скажем несколько слов об аллюзиях на Бомарше в корреспонденции Суворова. Их всего две, и они отсылают к одному и тому же источнику — к «Женитьбе Фигаро». Эта чрезвычайно лаконичная повторяющаяся аллюзия на самом деле служит для наименования англичан, союзников России в войне против Франции, «готдемами»:

«Я болен на ногах. Как у готдема сплин, так у меня отзыв домой, ежели не переменится». (Письмо № 619, 4 июля 1799 г.).

«Любезные герои „готдемы“ воюют для корыстей; они как вечно целы на их природных островах». (Письмо № 678, 27 января 1800 г.).

В. С. Лопатин первым усмотрел в данном выражении влияние знаменитого монолога Фигаро, в котором последний сводит весь английский язык к одному-единственному слову:

«Diable! C'est une belle langue que l'anglais; il en faut peu pour aller loin. Avec God-dam en Angleterre, on ne manque de rien nulle part. Voulez-vous tâter d'un bon poulet gras? entrez dans une taverne, et faites seulement ce geste au garçon. (Il tourne la broche.) God-dam! On vous apporte un pied de bœuf salé sans pain. C'est admirable! Aimez-vous à boire un coup d'excellent bourgogne ou de claret? rien que celui-ci. (Il débouche une bouteille.) God-dam! On vous sert un pot de bière, en bel étain, la mousse au bord. Quelle satisfaction! Rencontrez-vous une de ces jolies personnes qui vont trottant menu, les yeux baissés, coudes en arrière, et tortillant un peu des hanches? Mettez mignardement tous les doigts unis sur la bouche. Ah! God-dam! Elles vous sanglent un soufflet de crocheteur. Preuve qu'elle entend. Les Anglais, à la vérité, ajoutent

³⁷ Там же. С. 197, 202.

³⁸ См.: Русская басня XVIII—начала XIX века. Л., 1977. С. 571—572.

par-ci, par-là quelques autres mots en conversant; mais il est bien aisé de voir que God-dam est le fond de la langue...».³⁹

Угадываемость аллюзии, по всей вероятности, была гарантирована известностью «Женитьбы Фигаро», чрезвычайно популярной в России начиная с 1787 г., когда пьеса была впервые поставлена и был опубликован ее перевод.⁴⁰ Обе ссылки, адресованные первая — к С. Р. Воронцову, вторая — к Ф. В. Ростопчину, фигурам важным и уважаемым (во всяком случае Воронцов), сведены к семантическому минимуму, далекому от тех пассажей в цитатах из Лафонтена, которые позволял себе Суворов в личной переписке. Тем не менее следует отметить, что даже сведенная к минимуму цитата позволяет обыгрывание, так как процитированное выражение теперь обрисовывает реальность иную, чем у Бомарше.⁴¹ Наконец, заметим, что выбор ссылки здесь, вероятно, определяется опять-таки личностью адресата С. Р. Воронцова, который во время написания письма был российским послом в Лондоне. Выражение «готдем», игривое и не имеющее негативной оценки в этом письме к общеизвестному англоману, во втором письме все же несет в себе отрицательный акцент, связанный с традиционным упреком англичан в корысти. Подобный переход свидетельствует о гибкости и приспособляемости цитатного высказывания.

Ссылки на английскую литературу, менее многочисленные, чем на французскую, как показала вышеприведенная таблица, тем не менее представляют собой несомненный интерес. Исключив из нашего списка ссылку на «Тимона Мизантропа» (письмо № 116, 9 ноября 1781 г.), с большей вероятностью взятую у Плутарха, чем у Шекспира, из английских авторов остаются Филдинг и Оссиан, как бы ни казалось странным подобное сопоставление этих имен.

Суворов упоминает два произведения Филдинга — пьесу и роман. Первая — это комедия 1730 г. «The Coffee-House Politician, or the Justice Caught in his Own Trap». Главный персонаж пьесы ставит себя в смешное положение тем, что имеет пристрастие к разглаговльствованию о международной политике, не обладая при этом необходимыми знаниями. Именно к этой фигуре Суворов в своей переписке и прибегает три раза для описания персонажа, которого В. С. Лопатин, по собственному признанию, не смог идентифицировать в двух приводимых ниже цитатах. В третьем упоминании сравнивается с персонажем Филдинга или же с этим неопознанным лицом Николай Иванович Корсаков:

³⁹ *Beaumarchais. Œuvres. Paris, 1988. P. 433.*

⁴⁰ История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1996. Т. 2. С. 88.

⁴¹ У Карамзина также выражение «год дем» («черт возьми») обозначало английский язык, как и у Бомарше, а не самих англичан, как у Суворова. См. «Письма русского путешественника», первое письмо, написанное в Кале (*Карамзин Н. М. Избр. соч. С. 512*).

«Г[раф] Н[иколай] П[етрович] и С[ергей] Рум[янцевы] вчера проехали к их батюшке, а большой Г[раф] М[ихаил] П[етрович] едет к матушке и может быть сего числа будет здесь. Sir Politik не знает, что о том думать, как о лондонском бегуне, охромевшем левым копытом». (Письмо № 51, А. И. Набокову, 21 января 1774 г.).

«J'ignorais ici tout projet de Batterie de 4 p[rière] pour 40, quoique soldat du Brandwacht, je devois être consulté le premier. Vous êtes hors l'adolescence pour en comprendre la raison. Trois personnes y jouent: 1: ah le beau Patriotard — moi s'éclipsant. Sir Politik et Paul Jones, les deux derniers au Trone de béatitude, affrontant la vertu et la bienséance, regorgeant des récompenses pour les services à venir». (Письмо № 238, И. М. Рибасу, 12—14 июня 1788 г.).

«Vous agissés, mon cher Prince, avec cette noble franchise qui n'est propre qu'aux grandes âmes. Par la lettre de Votre Altesse je soupçonne que Korsakow n'aille recommencer le rôle de Sir Politik, étant aussi bon marin que moi». (Письмо № 232, принцу К. Г. Нассау-Зигену, 3 июня 1788 г.).⁴²

Первые два обстоятельства комментировать, кажется, затруднительно, поскольку невозможно точно идентифицировать указанную фигуру. Мы тем не менее можем отважиться на несколько следующих замечаний. Ссылка на нелепого персонажа Филдинга сперва используется, конечно же, как уничижительное прозвище. Затем она описывает предположительно ту же персону, если только упоминание ее в третьей цитате не проводит параллель между Корсаковым и фигурой, упомянутой в первых двух, а не персонажем Филдинга напрямую. Наконец, контекст, в котором появляется третья цитата, за которой тут же следует сравнение, полное иронии Суворова над собой, видимо, подразумевает тот факт, что «Сэр Политик» обозначает не персону, озабоченную великими делами внешнего мира и не замечающую того, что происходит в ее собственном доме (анализ В. С. Лопатина), а просто человека, вышедшего за границы своей компетенции. Так Суворов приобретает к морали Лафонтена, советующей всем оставаться в своем кругу. Что касается сущности источника информации Суворова, то мы можем только отметить, что театральные произведения Филдинга, которые не были ни переведены, ни опубликованы в России

⁴² «Касательно батареи на 4 орудия и 40 солдат я здесь знать не знал, хотя я и сам солдат бранд-вахта, и со мной следовало бы посоветоваться первым. Вы уж не мальчик, и поймете причину. Три персоны тут ролю играли: 1. ах, ура-патриот, меня затмил; Сэр Политик и Поль Джонс — двое последних на вершине блаженства, противно доблести и приличиям так и сыплют наградами за грядущие услуги».

«Вы действуете, любезный Принц, с тою благородною искренностью, коя свойственна только великим душам. Из письма Вашего Высочества понял я, что Корсаков желает взяться за старое и изобразить Сэра Политика, хотя из него моряк — как из меня самого».

XVIII в.,⁴³ тем не менее должны были иметь успех в определенных кругах, о чем свидетельствует тот факт, что собеседники генерала, по-видимому, поняли всю соль его намека. Поэтому нельзя согласиться с мнением, что драматургия Филдинга, кажется, не вызвала интереса в России. Более подробное, чем настоящая статья, исследование, посвященное Филдингу, могло бы определить, игралась ли пьеса в Санкт-Петербурге или в Москве и была ли она доступна читателям в сборниках, продававшихся в России на английском или французском языках. Тем не менее бесспорно можно утверждать, что именно огромному успеху «Тома Джонса» у русской публики обязан «The Coffee House Politician», привлечший внимание Суворова.

И опять-таки этот успех явился причиной перевода на русский язык других романов Филдинга,⁴⁴ среди которых можно назвать книгу «The Life of M. Jonathan Wild the Great», переведенную в 1772 г. как «Деяния господина Ионафана Вилда Великаго».⁴⁵ Именно из этого произведения позаимствована вторая серия аллюзий на Филдинга в письмах Суворова. После использования уничижительной фигуры Сэра Политика для характеристики одного или нескольких лиц, амбиции которых он полагал неуместными, полководец использует два раза в своей переписке образ Джонатана Уайльда для собственной характеристики:

«Достойный Императорский раб в умеренности заслуг нетерпим; хорошо когда скоро; но правило Ионафана Великого — отлагати мщение до удобного времени». (Письмо № 83, 21 сентября 1778 г.).

«Мудры, како змии, чисты, како голуби. Обще (плоше) — народие называет умным лукавого. Существою ближе к горизонту, и кто не хотел бы умнее слыть, хотя без разсудка. Сие, что пишу, и то не ум, но *genium*, смысл. Сей производит, тот действует. Мудр Солон, хитр Картуш, лукав великий Ионафан!». (Письмо № 380, 15—17 августа 1791 г.).

Эта двойная ссылка на фигуру Джонатана Уайльда вызывает следующие комментарии:

Форма «Ионафан» говорит о том, что Суворов читал произведение Филдинга на русском языке, вероятно в переводе 1772 г., о котором говорилось выше. Второе русское издание увидело свет только в 1785—1786 гг., то есть после даты написания письма, в котором находится первая ссылка.

⁴³ См.: *Levin Ju. D. Translations of Henry Fielding's Works in Eighteenth-Century Russia // Slavonic and East European Review. 1990. LXVIII/2. P. 229: «It is only in the Soviet Period that other novels besides Tom Jones have been translated again, and his comedies have also been translated for the first time».*

⁴⁴ *Ibid.* P. 226.

⁴⁵ Деяния господина Ионафана Вилда Великаго, писанныя г. Филдингом. Перевел с немецкаго Иван Сытенской. Т. 1—2. СПб., 1772—1773.

Второе замечание касается причины употребления Суворовым этой ссылки. Кажется вероятным, что в первой цитате использование литературного образа связано с вечным беспокойством, которое доставляли Суворову политические интриги, неизбежные при его деятельности. Отсылая к способности Джонатана Уайльда ждать удобного момента, чтобы отомстить своим противникам (в частности, Багшоту и Фирсу), цитата иллюстрирует нетерпение Суворова при виде медлительности власти в признании его заслуг, несомненно умышленной, как он воображал.

Во второй цитате образ Джонатана Уайльда возникает, чтобы выдвинуть на передний план черту характера, которую Суворову хотелось бы отнести на свой счет: дифференцируя находчивость и благоразумие, он провозглашает превосходство первой, так как это для него мудрость действия. Говоря это, Суворов отсылает своего собеседника к иронической критике, которую Филдинг высказывает по поводу классического представления о величии, постоянно предписывающего таланту приумножение добродетели. Представление о величии в «Истории жизни покойного Джонатана Уайлда Великого» — это способность достичь своей цели, вопреки всем моральным принципам. Шутливо принимая таким образом на свой счет ироничную апологию, провозглашенную Филдингом в честь величия, необремененного добродетелью,⁴⁶ Суворов питает ею свою критику бездейственной добродетели, проповедником которой для него был Руссо. Находясь на стороне действия, более чем на стороне пустых разглагольствований, Суворов называет, не без доли вызова, своих наставников: Джонатана Уайлда, но также и Картуша, что выдает его вкус, помимо пристрастия к Филдингу, к жанру рассказов о разбойниках вообще.⁴⁷ Наконец, это суворовское отождествление себя с Джонатам Уайлдом свидетельствует о его способности смеяться над собой, настолько персонаж Филдинга негативен, а также о его склонности к кокетству: действительно, нам известно, по многочисленным рассказам, что Суворов заботился о своей репутации оригинала. Характерно, что у Суворова и Уайлда был одинаковый вкус в отношении книг. Так, Филдинг пишет о пристрастии Уайлда к Карлу XII,⁴⁸

⁴⁶ *Fielding H.* The Life of Mr. Jonathan Wild The Great. Book I. Chapter 1: «Shewing the wholesome uses drawn from recording the achievements of those wonderful productions of nature called Great Men». Penguin. Harmondsworth, 1982. P. 39—41.

⁴⁷ Очевидно, что Картуш, персонаж многочисленных рассказов и даже театральных пьес и стихов во Франции, был знаком Суворову из текста: Подлинное описание жизни французского мошенника Картуша и его товарищей, собранное из производимых над ним процесных пунктов и других вероятных уведомлений. СПб., 1771. Перевод книги: *Histoire de la vie et du procès de Louis-Dominique Cartouche et de plusieurs de ses complices.* La Haye, 1722.

⁴⁸ *Fielding H.* The Life of Mr. Jonathan... Book I. Chapter 3. P. 47: « He was a passionate admirer of heroes, particularly of Alexander the Great, between whom and the late King of Sweden he would frequently draw parallels».

высоко ценимому русским полководцем, о чем напоминает случай, когда он ставит в вину Вольтеру неудачный портрет короля.

Постоянное присутствие имени Филдинга в переписке Суворова подтверждает его склонность к сатирическому направлению в литературе, особенно характерному для английской литературы XVIII в. Суворов и Филдинг имели общий интерес к Дон Кихоту.⁴⁹ Это направление, очевидно, представляло для Суворова альтернативу сентиментализму, который он не признавал, о чем свидетельствует его неприятие Руссо. В этом свете выбор Филдинга представляется очевидным. Автор рассказов о жизни разбойников Филдинг был также создателем «Шамелы», пародии, написанной с целью высмеять Ричардсона, великого предшественника Руссо.

Оссиан («Поэмы Оссиана» Дж. Макферсона), упомянутый Суворовым, тем не менее является прямой противоположностью Филдингу и, очевидно, должен смягчить противопоставление английского сатирического жанра французскому сентименталистскому направлению.

Оссиан действительно упоминается в переписке Суворова четыре или, может быть, пять раз. Впервые — в письме, написанном в октябре 1792 г. Д. И. Хвостову, затем несколько лет спустя в письме к принцу де Линю.

Первая ссылка своими размерами свидетельствует о недавнем и сильном влиянии Оссиана и заслуживает того, чтобы быть процитированной целиком:

«Странствую в сих каменномшистых местах, пою из Оссиана. О, в каком я мраке! Пронзающий темноту луч денного светила дарит меня. Перевод с аглицкого:

Оставших теней всех предтекших пораженьев
Пятнадцать тысяч вихрь под Мачин накопил.
Герой ударил в них, в фагот свой возопил!
Здесь сам Визирь, и с ним сто тысяч привиденьев.

Облистал Нейшлот, я вознесен туда на крыльях легкого ветра, исходящего из недров Кутвенетайполя; проходящ пустыню Пумалы, содрогаю от стремнины дольней. Обратясь я в Кевкенсильде, где берега его не столь облачены камнем, как в Кутвенетайполе, где

⁴⁹ Помимо того факта, что Филдинг написал пьесу под названием «Don Quixote in England» (1734) и что полное название «Джозефа Эндрюса» включает упоминание «Written in Imitation of the Manner of Cervantes, Author of Don Quixote», Филдинг упоминает героя Сервантеса не раз в пьесе «The Coffee House Politician». См.: *The Coffee House Politician, or the Justice Caught in his Own Trap. A Comedy. As it is Acted at the Theatre Royal in Lincoln's-Inn-Fields // Plays.* Oxford, Clarendon Press, 2004. Т. 1. Д. II. Явл. 12. С. 458 и Д. III. Явл. 2. С. 460.

еще не успели омшиться, и здесь только видна их бахрома. Воззри, Лада, на сей донный плитник: сто сухих дубов его пожигают безконечно. Состав из лены мешет его в густые облака, они падают, и воздух наполнен мглою. Но что я вижу! Толстога земли изгибается под непрозрачными волнами быстротечного Сайма. Где же мой друг Штейнгель? в объятиях ли его любезной супруги, или в беседе с душами, переселенными в густые туманы? Он повергает меня в уныние, умножает мою печаль, летящую с юга. О барды! воспойте тамошнюю радость, поелику вы о ней от кулдеев слышали. Скоро ли меня перенесут тамошние орлы в те медомлечные страны, где я толико упразднялся с бранноносцами и где бы я тонкий воздух, в ваше снежное время наполненный зефирами, приятно разделил, хотя на росе мира». (Письмо № 419, октябрь 1792 г.)

Первый комментарий, который напрашивается после прочтения письма, касается даты его написания — 1792 г., год, когда появилась публикация перевода Оссиана, сделанного Е. И. Костровым.⁵⁰ Перевод этот не мог не привлечь внимания Суворова, которому Костров посвятил его.⁵¹ Знаменитый и почитаемый военачальник, Суворов казался достойным наследником кельтских воинов Оссиана. Отождествление русского полководца с героем Макферсона будет подхвачено позднее Державиным, чьи стихи, посвященные Суворову, изобилуют оссиановскими мотивами.⁵² Автор писем, кстати, и сам прибегал к подобному типу сравнения. Большой поклонник эпоса, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки на Гомера, вкрапленные в его переписку, Суворов часто сравнивал свое положение, в частности во время военных операций, с положением героев «Илиады». Поэтому поэзия Оссиана могла вызвать лишь одобрение Суворова. Во всяком случае об этом говорил один из его современников, его соратник Е. Б. Фукс, по свидетельству которого полководец сказал однажды:

«Оссиан, мой сопутник, меня воспламеняет; я вижу и слышу Фингала в тумане, на высокой скале сидящего и говорящего: Оскар, одолевой силу в оружии, щади слабую руку».⁵³

Конечно, можно возразить, что Оссиан мог бы оттолкнуть Суворова своей предромантической эстетикой, способной привлечь скорее сентименталистов, чем сторонников классицизма, каким был полководец. Так, Ю. Д. Левин писал, что «в сознании многих русских литераторов конца XVIII в. Оссиан объединялся с поэтами-

⁵⁰ Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века: Гальские (иначе эрские или ирландские) стихотворения, переведены с французского Е. Костровым. Ч. I—II. М., 1792.

⁵¹ Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Л., 1980. С. 31.

⁵² Там же. С. 36.

⁵³ Фукс Е. Б. Один день из жизни Суворова // Собрание разных сочинений Е. Фукса. СПб., 1827. С. 101. Цит. по: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. С. 33.

сентименталистами».⁵⁴ Но еще более, чем сам Оссиан, Суворову пришлось по душе перевод Кострова. К тому же, как показал Ю. Д. Левин, Костров не только использовал французскую версию текста Макферсона, уже подвергнувшегося классицистической обработке П. Ле Турнером в соответствии с французским вкусом, но и сам добавил элементы классицизма в соответствии с эстетикой ломоносовской оды, на которой он был воспитан. Уподобляя Оссиана Ломоносову, Костров злоупотребляет архаичными славянизмами⁵⁵ с целью добавить «эпической возвышенности», которая в оригинале ему кажется недостаточной. Таким образом, именно эта классицистическая обработка нравилась Суворову, о чем свидетельствует хвалебный дистих, адресованный им поэту-переводчику в 1795 г., где Костров в качестве переводчика Оссиана сравнивается с двумя классиками эпического стиля:

«Виргилий и Гомер, о! естли бы восстали / Для превосходства бы твой важный слог избрали».⁵⁶

Уже в письме к Державину 21 декабря 1794 г. высказывалась та же идея. Оссиан здесь сравнивается с Гомером и Виргилием, которые должны склониться перед талантом русского поэта:

«Гомеры, Мароны, Оссианы и все доселе славящиеся витии умолкнут пред вами». (Письмо № 506).

Спустя три года после написания дистиха, посвященного Кострову, и шесть лет после публикации его перевода Оссиана Суворов будет продолжать ценить этот текст: он просит привезти эту книгу А. С. Румянцева, о чем сообщается в письме к Хвостову в ноябре 1798 г.:

«А[лександр] С[еменович] Р[умянце]ву поручено от меня между прочим привезти с собою из С[анкт]-П[етерб]урга ‘Сувориаду’, оду на Измаил Д. Хвостова, на Варшаву оду Кострова, на Варшаву песнь Г. Державина, то ж, коли есть иные, коих не знаю; томик — перевод Оссиана Кострова». (Письмо № 584, ноябрь 1798 г.).

Если именно классицистическая обработка, которую претерпел текст Макферсона в переводе Кострова, объясняет во многом склонность Суворова к северному барду, она тем не менее не помешала русскому полководцу отметить и другой аспект «Поэм Оссиана»: их предромантическую направленность, которая так нравилась сентименталистам. Именно эта двойственность Оссиана и объясняет несомненную, на наш взгляд, ироничность вышепротитированной ссылки на него в письме к Хвостову. Действительно, как становится ясным при прочтении письма, все оно является стилизацией Оссиана. И, как подсказывают многочисленные признаки, стилизация эта ироническая. Прежде всего, она строится в два этапа: письмо в прозе

⁵⁴ Там же. С. 21.

⁵⁵ Там же. С. 30.

⁵⁶ Цит. по: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. С. 31.

и стихотворная вставка. Вставка эта содержит в себе иронию, так как Суворов насмехается, как пишет В. С. Лопатин, над преувеличениями в реляции Репнина о Мачинской победе.⁵⁷ Таким образом, имя Оссиана первый раз используется в ироническом контексте, что может показаться неожиданным, учитывая то почтение, которое уделяла Оссиану вся Европа в ту эпоху. Но и само письмо тоже написано в ироничной манере. С одной стороны, потому, что автор использует — и с каким талантом! — словарный запас и образы Оссиана при описании конкретных и непозитических деталей работ по построению каналов, с другой стороны, по той причине, что Суворов в риторическом обращении задается вопросом о судьбе своего друга Штейнгеля, находившегося, быть может, в царстве теней, хотя ничто на тот момент не позволяло Суворову думать, что его друг был мертв. С этим образом здесь связано преувеличенное чувство тоски от разлуки, заглушающее классицистический здравый смысл, который обычно Суворов отстаивает и афиширует.

Итак, Оссиан является объектом иронической стилизации со стороны Суворова. Ирония эта тем не менее не несет в себе язвительности и не ставит под вопрос ценность поэм Макферсона. Суворов все же не отказывает себе в удовольствии добродушно посмеяться над всякими его предромантическими «облачками» и «дымками». Суворов чувствует себя, в соответствии со своей биографией, больше южанином, чем уроженцем севера, как красноречиво показывают заключительные фразы письма. Принужденный к неблагоприятному заданию по укреплению финляндской границы, Суворов вспоминает о прошлых южных кампаниях против турок и восклицает:

«Скоро ли меня перенесут тамошние орлы в те медомлечные страны, где я толико упразднялся с бранноносцами и где бы я тонкий воздух, в ваше снежное время наполненный зефирами, приятно разделил, хотя на росе мира».

Суворов которому несомненно был близок героизм Фингала, все же чувствует себя ближе к Ахиллесу. Это доказывает, что генерал был в курсе эстетических дебатов, окружавших публикацию Оссиана. Дебаты эти, представленные Ле Турнером, о которых Суворов смог узнать благодаря переводу Кострова, уже тогда, до Ж. де Сталь, выносили на обсуждение различие между Оссианом и Гомером. В переводе можно прочитать:

«Нравы и умы греков и цельтов были весьма между собой различны. Греки были живы, быстры, веселы и многоречивы; но цельтам свойственна была важность, притом краткое и сильное выражение: и посему видим мы, что стихотворения Гомеровы и Оссиановы имеют на себе знаки и, так сказать, печать различного свойства своих народов».⁵⁸

⁵⁷ Суворов А. В. Письма. Комментарий к письму № 419. С. 638.

⁵⁸ Цит. по: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. С. 32.

Как можно было заключить из всего сказанного, Суворов должен был гораздо охотнее узнавать себя в греческом характере, чем в северном. Многочисленные рассказы, свидетельствующие о вкусе полководца к остро словию, о его веселой эксцентричности также могут подтвердить этот тезис.

Итак, отношение Суворова к Оссиану представляется двойственным. Если он и испытывал несомненный к нему интерес, то, по всей очевидности, не без доли легкой иронии. Тем не менее героический предромантизм Макферсона, даже если он и отличался от эстетической нормы классицизма, так любимого Суворовым, представлял собой уступку новым тенденциям, гораздо более приемлемым, чем руссоизм. В подобном контексте английская литература как бы служила поправкой французской вычурности, а Макферсон в какой-то мере стал попыткой примирения Суворова с Руссо.

Две последние ссылки на Оссиана в переписке не добавляют ничего интересного к первым. В письме, написанном на немецком языке в январе 1795 г. к Е. Г. Цукатто, Суворов, для того чтобы сделать комплимент собеседнику за его стиль, использует аллюзию на «древних Бардов» («Ihr Brief in dem erhabenen Barden Ton voll von Güte und Anhänglichkeit», письмо № 508). Если Оссиан и не упомянут здесь напрямую, то использование слова «бард» несомненно отсылает к нему. Таким образом, Оссиан становится здесь эталоном высокого стиля при описаниях мужской дружбы между героями. Наконец, в письме к принцу де Линю, говоря об одном ирландском офицере, служащем в России, Б. П. Ласси, Суворов называет его «соотечественником Фингала»:

«Я надеюсь, что офицер, о котором Вы говорите, соотечественник Фингала, доволен своей судьбой, так как он знает, что я делаю и буду делать для него все, что от меня зависит». (Письмо № 557, 25 декабря 1796 г.).

Через четыре года после публикации перевода Костровым Оссиана, оствыв от впечатления после первого прочтения, Суворов использует имена Оссиана или Фингала просто как синонимы ирландцев, так же как давняя ссылка на «готдем» Фигаро служила Суворову для описания англичан.

Итак, Суворов был завзятым читателем и поклонником лучшей литературы своего времени, и мы можем лишь восхищаться разнообразием его интересов — от истории до трагедии (Вольтер в обоих случаях), а также комедии (Бомарше и Филдинг), басни (Лафонтен), поэзии (Оссиан), романа (Филдинг) и, наконец, философских трактатов (Фонтенель, Монтескье и Руссо). Такой широкий спектр характеризует его как читателя, идущего в ногу со временем и вместе с тем подчиняющего литературу своим вкусам, а не наоборот, вероятно, потому, что Суворов был прежде всего военным, а не писателем. В духе своего времени он выбирал книги для чтения и свободно цитировал по памяти, не опасаясь исказить текст, на который он

ссылается. Отказываясь от физической целостности цитаты, что было весьма смело для того времени, Суворов ее искажает, переиначивает, подчиняет своим намерениям. Если его чтение и носит современный характер, вкусы Суворова вряд ли отличаются тем же. Родившийся в 1730 г., полководец был воспитан на литературе классицизма, оставаясь глухим — или почти глухим — к сентименталистской эстетике, вошедшей в моду в конце века. Если Оссиан и позволяет примирить ее предромантический аспект со вкусами Суворова, то новый роман, например, очевидным образом остается ему чуждым. Огромным пробелом в переписке, конечно, является Стерн, хотя он и был переведен в России, в частности в журналах, начиная с 70-х гг. XVIII в. Ирония английского писателя главным образом получила развитие в «Тристраме Шенди», оставившем особый след у русских читателей начала XIX в. Тем не менее она присутствовала уже в «Сентиментальном путешествии», получившем признание гораздо раньше, и могла бы прийти по душе Суворову и примирить его с новой эстетикой. По всей видимости, стерновская ирония появилась слишком поздно для него. В душе всегда молодой старик-Суворов, пришедший из другой эпохи, все больше и больше отдалялся от современной литературы, по мере того как приближалась смерть. Одно его пристрастие к образу Дон Кихота уже говорило о его ощущении непринадлежности к современности. Подобно герою Сервантеса, Суворов на старости лет не признавал свою эпоху и обращался к древним героическим временам. Последняя ссылка в его переписке относится не к литературе его времени, не даже к рыцарским временам, так любимым Дон Кихотом, а еще к более древним векам — к мифологии («...я ожидать буду посещения Парков ближе, нежели явиться Всемилосерднейшему Монарху!»⁵⁹).

⁵⁹ Суворов А. В. Письма. С. 383. Письмо № 681. 11 февраля 1800 г.

Е. В. КАРПОВА

«ЛИОНСКИЙ ЭПИЗОД»
В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»
Н. М. КАРАМЗИНА

Тема этого небольшого исследования возникла в ходе работы над творческой биографией и каталогом юбилейной выставки Михаила Ивановича Козловского (1753—1802), одного из лучших русских скульпторов XVIII в.¹ В посвященной его творчеству монографии Всеволода Николаевича Петрова, которая была издана в 1977 г., довольно подробно рассматривался «парижский» эпизод из «Писем русского путешественника». Он касался посещения Карамзиным Версаля, что происходило при участии Козловского.² С августа 1788 по июль 1790 г. скульптор находился в Париже, занимаясь творческой работой и осуществляя по поручению Императорской Академии художеств «надзирание» за ее пенсионерами. В письме, помеченном июнем 1790 г. (хотя сама поездка, как было уточнено сравнительно недавно, могла состояться не позднее мая),³ Карамзин рассказывал: «В 9 часов утра наш Посольский священник, г. К.*, Русский Артист с великим талантом и я пришли на берег Сены; сели на гальют и поплыли мимо Елисейских полей, Булонского леса, многих прелестных загородных домов и садов».⁴ Автор монографии о скульпторе не без оснований указывал, что в «г. К.*» нетрудно узнать Козловского. Список русских, живших в то время в Париже, известен из донесения русского посланника И.-М. Симолина князю

¹ Выставка проходила в Государственном Русском музее с сентября по декабрь 2007 г. Каталог выставки: Михаил Козловский (1753—1802). СПб., 2007.

² Петров В. Н. Михаил Иванович Козловский. М., 1977. С. 106, 107.

³ Согласно выводам И. З. Сермана, парижский период продолжался с 27 марта по 28 мая 1790 г. (Серман И. З. Где и когда создавались «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004. С. 202, 203).

⁴ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 292.

А. А. Безбородко. Среди них не было другого художника с фамилией, начинающейся на букву «К», за исключением молодого академического пенсионера, архитектора Комиссарова, вовсе не одаренного «великим талантом».⁵

Эта парижская встреча Карамзина и Козловского нашла отражение как в комментарии к изданию «Писем русского путешественника» в серии «Литературные памятники», так и в работе Ю. М. Лотмана «Сотворение Карамзина».⁶ Но одновременно в двух названных изданиях появилось и второе упоминание о Козловском, на этот раз в связи с так называемым «лионским эпизодом». Прочитируем фрагмент соответствующего письма, которое датировано 9 марта 1790 г.: «Ныне поутру Маттисон водил нас к одному ваятелю, который в Италии образовал свой резец по моделям древних художников. Он принял нас учтиво и показывал статуи, весьма искусно выработанные. Живописцу, ваятелю так же нужно воображение, как и Поэту: Лионский художник имеет его. Он делает теперь заказную статую, которую один молодой супруг готовит в подарок супруге своей, щастливой матери любезного младенца, приближающегося к возрасту отрока. Художник представил прекрасного мальчика, спящего кротким сном невинности под надежным щитом Минервы, изображенной по мысли Греческих художников с отменным искусством; внизу виден образ Улиссов. — *Ныне мало работаю*, сказал он, *будучи принужден* (здесь он вздохнул) *часто вооружаться и ходить на караул, так как и все прочие гражданае. Вид недоделанных статуй приводит меня в уныние. Ах, государи мои! вы не можете войти в чувства художника, отвлекаемого от работы!* — Ты истинный художник! — думал я».⁷

Анализируя этот текст, Ю. М. Лотман писал: «Мы привели этот эпизод как иллюстрацию методов работы Карамзина над реальным материалом. Разговор, подобный приведенному в лионском письме, видимо, действительно происходил. Однако произошел он не в Лионе, а в Париже».⁸ Далее упоминается парижская встреча Карамзина с Козловским и подчеркивается, что Козловский провел пять лет (1774—1779) в Италии, где «упражнялся в копировании античных статуй» и «изучении антиков». «О том, что жалобы, сходные с теми, которые высказывал лионский скульптор, Карамзин мог слышать именно от Козловского, — по мнению Лотмана, — свидетельствует донесение последнего в петербургскую Академию: „Здесь воспоследовала перемена большая — граждане взяли оружие и содержат сами караул и нас к тому принуждают, не принимая никаких отговорок, на что пенсионеры императорской Академии художеств

⁵ Петров В. Н. Михаил Иванович Козловский. С. 106.

⁶ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 662; Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 169.

⁷ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 201.

⁸ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 112.

крайне ропшут, ибо стоит им каждая неделя — 6 франков, а самим ходить, казалось бы, непристойно с ружьем в чужом отечестве, для сей причины был я у нашего посланника, сказывал ему, что нас императорская Академия не с тем сюда прислала, чтобы нам ружье здесь носить, и просил его, чтобы нас защитил, на что его превосходительство не дал никакого решения, и мы теперь все должны исполнять, что нам прикажут“». В заключение читаем: «И содержание письма, и совпадение оценок таланта (ср. в парижском письме о Козловском: «Русский Артист с великим талантом»), здесь: «истинный художник») наводят на мысль о чисто литературном характере эпизода с лионским скульптором».⁹

Выводы известного исследователя творчества Н. М. Карамзина не показались в данном случае достаточно убедительными. Совпадения, на которые указывал Ю. М. Лотман, — пребывание Козловского в Италии и его сожаления по поводу необходимости «вооружаться и ходить на караул» — могли относиться ко многим художникам, причем в первую очередь французским. Вместе с тем в карамзинском письме есть вполне красноречивые реалии, которые, безусловно, заслуживают внимания. Во-первых, лионский скульптор, принимавший молодых иностранцев, «показывал статуи, весьма искусно выработанные», чего не мог бы сделать Козловский, исполнивший в Париже ряд интересных, но сравнительно небольших по размерам вещей. Во-вторых, в тексте присутствует описание конкретной «заказной статуи», сюжет которой не имеет аналога среди работ русского скульптора. В то же время нельзя не подчеркнуть, что среди парижских произведений Козловского был такой шедевр, как «Поликрат», и трудно представить, что Карамзин обошел вниманием столь яркое произведение. Весьма странной являлась бы и сама «замена» талантливого соотечественника, который уже приобрел определенную известность в России, на «лионского скульптора», имя которого, даже будучи названным, все равно ничего не сказало бы читателям «Писем русского путешественника».

Перечень возражений можно было бы продолжить, но в этом нет нужды, поскольку нам удалось установить имя французского мастера, в гостях у которого побывал Карамзин. Это был Жозеф Шинар (1756—1813), уроженец Лиона, почти ровесник Козловского. В 1770 г. он поступил в Королевскую школу рисунка в Лионе, затем учился у скульптора Б. Блэза. В 1784 г. Шинар отправился в Рим, где копировал антики, посещал Академию Св. Луки, получив первый приз за терракотовую композицию «Персей, освобождающий Андромеду» (1786). В конце 1787 г. он вернулся в Лион, с тем чтобы в конце 1791 г. опять отправиться в Рим. Четырехлетний период

⁹ Там же. Эта точка зрения присутствует и в комментарии к «Письмам русского путешественника» (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника*. С. 637).

пробытия в родном городе, как мы видим, делает его встречу с Карамзиным вполне возможной. Из опубликованной во французском издании творческой биографии Шинара следует, что в апреле 1786 г. он выставил в лионском Салоне многочисленные мраморные копии с антиков, сделанные в Риме (именно их и видел Карамзин в мастерской скульптора). В числе работ, выполненных уже в Лионе, упоминается «моделированная для мадам Ван Ризамбург, жены одного городского негоцианта, группа из терракоты «Мудрость, защищающая невинность от стрел любви» («la Sagesse préservant l'Innocence des traits de l'Amour»)).¹⁰

Сравним названный сюжет с тем, что описывал Карамзин: «Художник представил прекрасного мальчика, спящего кротким сном невинности под надежным щитом Минервы, изображенной по мысли греческих художников с отменным искусством...».¹¹ Несомненно, речь идет об одной и той же композиции, изображающей Минерву, богиню мудрости, которая охраняет сон отрока.

Терракотовый вариант произведения Шинара (высота группы 110 см) имел подпись скульптора и дату: *Chinard 1789*. В семье Ван Ризамбург этот оригинал находился до 1869 г., затем он был продан и переходил из одного частного собрания в другое. Современное местонахождение терракоты неизвестно, что зафиксировано в каталоге чрезвычайно представительной выставки европейской терракоты 1740—1840 гг., которая проходила несколько лет назад в Париже (Лувр), Нью-Йорке (музей Метрополитен) и Стокгольме (Национальный музей).¹² В ее состав были включены и терракоты русских скульпторов: две работы М. И. Козловского и две — И. П. Мартоса.

Особенно важной для нашей темы оказалась информация о существовании мраморного варианта этой композиции, датированного 1790 г. и хранящегося ныне в музее Пола Гетти в Лос-Анджелесе. Терракота, напомним, была датирована 1789 г., между тем Карамзин в марте 1790 г. писал, что лионский художник «делает теперь заказную статую...». То есть в момент посещения мастерской Шинара как раз и шла работа над мраморным повторением группы. Воспроизведение, помещенное в каталоге европейской скульптуры, принадлежащей американскому музею, позволяет получить достаточно отчетливое представление об интересующем нас произведении. По своим размерам (высота — 112,4 см) оно почти совпадает с терракотой, имеется подпись автора и дата: *Chinard 1790*. В американском музее скульптура Шинара именуется «Аллегорический

¹⁰ *Lami St. Dictionnaire de sculpteurs de l'École française au dix-huitième siècle*. T. I. Paris, 1910. P. 195.

¹¹ *Карамзин Н. М. Письма русского путешественника*. С. 201.

¹² *L'esprit créateur de Pigalle à Canova. Terres cuites européennes 1740—1840. Catalogue de l'exposition*. Paris, Musée du Louvre, 19 septembre 2003—5 janvier 2004. Paris, 2003. P. 280.

портрет семьи Ван Ризамбург»,¹³ что в целом оправдано достаточно индивидуализированными чертами лица Минервы и медальоном с портретом отца в нижней части композиции. Что касается последней детали, то Карамзин в своем описании трактовал ее так: «...внизу виден образ Улиссов». Возможно, посетитель мастерской дал свое «наименование», не запомнив соответствующих пояснений скульптора, а, может быть, медальон еще не был должным образом проработан. В то же время не исключено и принципиально иное толкование карамзинской записи, где под именем греческого героя как раз и подразумевался вечно странствующий отец семейства, занятый торговыми операциями.

Оценивая понравившуюся ему композицию Шинара, Карамзин писал об имевшемся у «лионского художника» воображении, которое «живописцу, ваятелю так же нужно <...> как и Поэту». Аллегорический сюжет «семейного портрета» действительно достаточно необычен. Здесь множество различных атрибутов, спящий мальчик опирается на меч, под его ногами воинские трофеи. В левой поднятой руке Минерва держит щит и край плаща, создавая своего рода «шатер» над головой ребенка, правой рукой она указывает на медальон с портретом отца. Этот жест несет свою смысловую нагрузку. Возможно, богиня хочет, чтобы сын следовал примеру или советам главы семейства, в отсутствии которого защищает мальчика от всех напастей (и, наверное, не только от стрел любви, о чем шла речь в упоминавшемся выше наименовании терракоты). В основе замысла несомненно лежала некая программа, весьма характерная для произведений эпохи классицизма.

Интересно, что этот аллегорический портрет был не единственной работой Шинара, исполненной по заказу лионского негодянта Ван Ризамбурга. Вернувшись в конце 1791 г. в Рим, скульптор выполнил для него же проекты аллегорических групп, которые должны были стать основаниями (базами) двух парных канделябров и представляли «Юпитера, поражающего молнией Аристократию» и «Аполлона, попирающего Суеверие». Эти работы, выполненные под влиянием революционных настроений, дошли до наших дней (в XIX в. они были подарены частным владельцем музеем Карнавале в Париже, а с 1937 г. хранятся в Лувре).¹⁴

Жозеф Шинар, ставший со временем профессором в Лионской школе рисунка, членом-корреспондентом Французского института, занимался преимущественно портретной пластикой, создав, в частности, ряд бюстов представителей семьи Бонапарт. Самым знамени-

¹³ *Fusco P.* Summary Catalogue of European Sculpture in the J. Paul Getty Museum. Los Angeles, 1997. P. 17.

¹⁴ *Sculpture française. II — Renaissance et Temps modernes. Musée du Louvre. Paris, 1998. Vol. I. P.146 (repr.).* Воспроизведения двух аллегорических групп см. также: *Vovelle M.* La Révolution française. Images et recit. 1789—1799. Paris, 1986. T. IV. P. 251, 252.

тым его произведением стал «Портрет мадам Рекамье», многократно повторенный в копиях (одна из них представляет творчество Ж. Шинара в коллекции Эрмитажа).

Начиная работу над привлечением наше внимание «письмом» Н. М. Карамзина, трудно было в полной мере рассчитывать на установление имени скульптора, с которым в марте 1790 г. познакомился молодой литератор, не говоря уже об обнаружении произведения, которое им в подробностях описывалось. Составленный нами список французских художников, работавших в последние десятилетия XVIII в. в Лионе, включал и такие имена, которым современные художественные словари посвящают лишь несколько строк, не называя каких-либо конкретных произведений. Если бы Карамзин посещал кого-то из них, все усилия были бы напрасны. Однако, к нашему счастью, хозяином мастерской, куда немецкий поэт Фридрих Маттисон привел своего русского друга, оказался Жозеф Шинар — скульптор, который своим творчеством сумел занять определенную нишу в истории французского искусства. В дальнейшем его имя, надеемся, появится и в комментарии к «Письмам русского путешественника».

Доскональное изучение этого удивительного сочинения, начатое в конце XIX в. В. В. Сиповским¹⁵ и продолжаемое по сей день, постоянно доказывает, насколько многообразны и сложны проблемы, встающие перед исследователями. Иногда то, что казалось художественным вымыслом, оборачивается вполне реальным фактом. К числу таковых, как выяснилось, принадлежал и достоверно запечатленный автором «лионский эпизод».

¹⁵ Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899.

М. ВЕНДИТТИ

ИСТОЛКОВАНИЕ МОТИВОВ ИЗ ЭККЛЕЗИАСТА В XVIII ВЕКЕ: ВОЛЬТЕР В ПЕРЕВОДАХ ХЕРАСКОВА И КАРАМЗИНА

Определение переводческой деятельности в литературе XVIII в. как «соствязание мыслей» хорошо выражает сущность ее функции: на основе данного «чужого» текста авторы-переводчики «даруют» разные его интерпретации.¹ В соответствии с известными стихами Сумарокова из «Эпистолы о русском языке»² переводимый художественный текст понимается как содержательный, идейный материал, который находит свое выражение в «случайной» языковой форме. Данная концепция отражает тогдашнюю философию языка (Локк, Лейбниц, Вольф), следуя которой главная языковая функция — обозначаящая, а словесное выражение является только носителем идей, в принципе универсальных.

Исходный текст, таким образом, понимается переводчиком как повод для обработки данного содержания и как возможность изложения новых тем на родном языке. Переводчик заодно доказывает

¹ *Гуковский Г.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 251—276. Статья Гуковского «К вопросу о русском классицизме. (Состязания и переводы)» стала объектом обсуждения в связи с понятием «плагиата», точнее, в связи с его наличием или отсутствием в сознании автора XVIII в.: *Живов В.* XVIII век в работах Г. А. Гуковского, не загубленных советским хроносом // *Гуковский Г.* Ранние работы... С. 25—28; *Клейн И.* Русский Буало? (Эпистола Сумарокова «О стихотворстве» в восприятии современников) // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 42—47; *Николаев С.* Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 3—19. О понимании переводческой деятельности как «соревнования с автором», по определению итальянского литератора и переводчика М. Чезаротти (Melchiorre Cesarotti), см. сборник статей: *A gara con l'autore. Aspetti della traduzione nel Settecento* / A cura di A. Bruni, R. Turchi. Roma, 2004.

² «Не мни, переводя, что склад в творце готов / Творец дарует мысль, но не дарует слов» (*Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л., 1957. С. 114).

многообразии выразительных средств родного языка и проверяет свои творческие возможности.

Общая масса иностранных литературных текстов предстает как обширное собрание материалов для собственной переработки. Все они воспринимаются как современные, без различия времени или пространства, будь то Гораций или Вольтер, Библия или Анакреон.³

Среди характерных черт литературного перевода XVIII в. выделяются анонимность и/или коллективность, а также интертекстуальные связи не только с подлинником, но и с другими современными переводами того же текста. Переводные тексты, отрешенные от конкретных обстоятельств их возникновения, появляются зачастую либо без указания имени автора подлинника, либо с неопределенным указанием «из иностранного автора», «из французского автора» и т. п.; встречаются переводы с модифицированным заглавием, иногда меняется жанр, например стихотворный текст переводится прозой или наоборот.

Интересным примером концепции перевода XVIII в. является переработка Херасковым и Карамзиным «Мыслей из Экклезиаста» Вольтера. Сопоставление этих текстов и их анализ имеют целью показать, каким образом данные писатели, исходящие из разных установок, переосмысливают тематику одной из наиболее известных книг Библии.

Коэлет, или Экклезиаст, — одна из поэтических книг Ветхого Завета, авторство которой приписывается Соломону, наряду с Песнью песней, Притчами и Книгой Премудрости. Еврейское слово *коэлет* со значением «ведущий, проповедующий в собрании» было переведено на греческий как *ekklesiastes* («участник собрания») от слова *ekklesia* («собрание»); в Септуагинте и Вульгате оно обретает значение «проповедник»; то же самое налицо у Лютера и в русской Библии, где принято название «Книга Экклезиаста, или Проповедника». Экклезиаст, поэт-повествователь, традиционно отождествляется с Соломоном.

Книга Экклезиаста, одна из наиболее загадочных книг Библии, являлась всегда объектом различных, часто противоположных, чтений. Она состоит из двенадцати глав, объемом от 10 до 30 стихов. Примерно половину этой поучительной книги составляют изречения и сентенции в виде двустийший. То, что для греческого мира представляется гармонией вселенной, для Экклезиаста является хаосом, а ничтожность человеческого бытия подчеркивается повторением слова «хевел» («суета»).

Суровые библейские размышления о преходящем характере человеческого существования заключают в себе соображения о те-

³ Лотман Ю. Между эмблемой и символом // Лотмановский сборник. М., 1997. [Вып.] 2. С. 416—423.

чении времен, о разрыве между вечностью и смертью. Повторение циклических процессов природы, неизбежность смерти, которая уравнивает всех, выражена знаменитым изречением «суета сует», *vanitas vanitatum*.

Идея бренности мира, *vanitas mundi*, становится впоследствии одной из главных тем литературы и искусства; данный мотив проходит через историю западной культуры от средневековых *Totentanz* и *dance macabre* до эпохи барокко, где торжествуют скелеты, черепа и песочные часы.

Литературное мышление XVIII в. наследует эти библейские мотивы и истолковывает их по-своему. Темы Экклезиаста вписываются в духовное настроение человека этого столетия: нравственные поучения выражены в форме афоризмов и апофтегм, отвечающих на вопрос о смысле и месте человеческого бытия во вселенной. Переложение поэтических книг Библии входит в состав очень распространенного жанра духовных од.

Как заметил Лагарп, в творчестве Вольтера Библия занимала всегда центральное место: философ тщательно изучал не только ее, но и литературу о ней.⁴ Для Вольтера Библия была литературным произведением и источником противоположных впечатлений; в нее объединяются, с одной стороны, рациональное желание опровергнуть все, что не соответствует исторической действительности, и, с другой — увлечение ее рассказами и поэтическими книгами.

Сочинение Вольтера «Précis de l'Ecclésiaste» связано с просьбой маркизы де Помпадур переложить для нее псалмы для духовных упражнений. Философ объясняет свой отказ указанием на большое количество имеющихся уже собраний псалмов. Вместо этого он решил переложить для нее другие части Библии, обращаясь к двум внешне противоположным книгам Ветхого Завета: к Экклезиасту — провозглашению бренности всего земного и преходящего и к Песни песней — торжественному славословию земной любви.⁵

Вольтеровы переложения этих книг были напечатаны вместе в 1759 г. под названиями «Précis de l'Ecclésiaste» и «Précis du Cantique des cantiques». Их мгновенно осудила церковная цензура: было приказано их разорвать и сжечь публично.⁶

⁴ *La Harpe J. F. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne*. Paris, 1834. Т. I. P. 171.

⁵ Песнь песней принято истолковывать как в христианском, так и еврейском богословии чисто аллегорически; именно так, например, Державин воспринимает эту библейскую книгу, представляющую собой образец литературного жанра идиллии; в его стихотворении «Соломон и Суламита» отсутствуют всякие оттенки конкретной любви, живого любовного чувства.

⁶ См.: *Voltaire. Œuvres complètes*. Paris, 1827. Т. 15: Poèmes et discours. В собрании стихотворений Фридриха II «Poésies diverses du philosophe de Sans Souci» 1760 г. имеется произведение «Paraphrase des Predigers Salomo», воспроизводящее формальные признаки «Précis» Вольтера; Державин переложил эти стихи Фридриха в «Читалагайских одах» 1774—1775 гг., разработав

Вольтер открывает свое изложение Экклезиаста двумя вводными прозаическими текстами: эпистолой-посвящением Фридриху II («*Épître dédicatoire au Roi de Prusse*») и «Предупреждением автора» («*Avertissement de l'auteur*»). Здесь Вольтер объясняет главные принципы своего переложения книги Соломона и согласно с критическим подходом Нового времени актуализирует библейский текст и его «автора».⁷

В «Предупреждении автора» Вольтер определяет свой «*Précis*» как «вольный перевод»; точный перевод ветхозаветной книги с ее восточным стилем невозможен. Вольтер в принципе противопоставляет Святого Духа, вдохновителя Экклезиаста, Разуму, внушившему ему «*Précis*»:⁸ божественный дух не нуждается в методе, для него допустимы повторы, перескакивание с одной темы на другую, противоречия и вольности;⁹ разумному же стилю, наоборот, необходима логическая связь. Чтобы передать смысл Экклезиаста, Вольтеру надо было собрать и упорядочить главные мотивы библейской книги, ибо главная задача светского автора состоит в «сокращении» священной книги.¹⁰

Вольтер видит актуальное значение и ценность мудрости Экклезиаста в том, что эта книга представляет собой настоящий «курс нравственности для светских людей» («*c'est un cours de morale fait pour les gens du monde*»); в ней не только определена ничтожность человеческих дел, но и одновременно предписано, как разумно пользоваться подаренными Богом благами.

впервые столь важную для него тему бессмертия души. См.: *Алексеева Н. Ю.* Державинские оды 1775 года. (К вопросу о реформе оды) // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 75—92.

⁷ После указания на сходство между прусским королем и Соломоном (оба они короли, философы и поэты) французский философ пишет с острой иронией о преимуществе Фридриха перед Соломоном: в отличие от последнего у прусского короля нет сотен любовниц и жен; обстановки, совсем не подобающей мудрецу: «*C'est une nouvelle raison pour dédier cet ouvrage à Votre Majesté. Elle a sur Salomon l'avantage de faire des vers, et de n'être point tirailée par sept cents épouses, dites légitimes, et par trois cents drôlesses, dites concubines ou femmes du second rang; ce qui ne convient pas trop à un sage*» (*Voltaire. Œuvres complètes.* Т. 15. P. 203).

⁸ Вольтер продолжает свою провокацию, уточняя, что рациональная установка неизбежно влечет за собой возможность ошибок, пахнущих ересью.

⁹ В противоположность этому именно указанные Вольтером черты «восточного стиля», определяющие библейскую поэзию, составляют для Державина главные достоинства лирической оды, т. е. «вдохновение», «безпорядок» и «перескоки», ибо «она не наука, но огонь, жар, чувство» (*Державин Г.* Сочинения: В 9 т. С объяснит. прим. Я. Грота. СПб., 1872. Т. 7. С. 518, 522 и след.).

¹⁰ «*Le sentiment de sa propre insuffisance a forcé le traducteur à rassembler en un corps les idées qui sont répandues dans ce livre avec une sublime profusion; à y mettre une liaison nécessaire pour nous, et un ordre qui était inutile à l'Esprit saint; et enfin à prendre un vol moins hardi, convenable à un laïque qui donne l'abrégé d'un livre divin*» (*Voltaire. Œuvres complètes.* Т. 15. P. 205—206).

«Précis de l'Ecclésiaste» состоит из 42 строф, причем регулярно чередуются три восьмисложных шестистишия и три двенадцатисложных четверостишия; рифмовка строф нерегулярна: встречаются вперемешку перекрестные и охватные рифмы. Последние три главы Экклезиаста почти не привлекли внимания Вольтера. Основные источники философа — это Вульгата и «*Biblia breves in eadem annotationes*» 1532 г.¹¹

Главные приемы передачи смысла библейской книги Вольтером заключаются в следующем: во-первых, исходящий из первенства разума взгляд философа на мировоззрение Экклезиаста подчиняет все высказывания логической оппозиции «истинный/ложный»; во-вторых, значительно смягчается резкость и суровость библейских суждений, не подходящих, по мнению автора, к современному мироощущению.

В русской литературе тематика Экклезиаста появляется и распространяется в середине XVIII в. в стихотворениях А. П. Сумарокова (например, «Час смерти», «Море и вечность» 1759 г., «Ода на суету мира» 1763 г.), М. М. Хераскова («Стансы», «Оды поучительные», «Оды анакреонтические») и в журналах «Полезное увеселение» (1760—1762) и «Свободные часы» (1763).

В 1770-е гг. масоны интенсивно переводят литературные произведения Вольтера, представляющие для них образец слияния рационализма с религиозным духом. В частности, размышления о бренности земного мира ведут к усиленному обсуждению актуального в XVIII в. вопроса о бессмертии души.¹²

Творчество М. М. Хераскова сравнительно мало изучено; в частности, рассматриваемое здесь произведение до сих пор почти не привлекло внимания исследователей.¹³

¹¹ Эта Библия находилась в библиотеке Пушкина. См.: *Якубович Д.* Пушкин в библиотеке Вольтера // *Литературное наследство.* М., 1934. Т. 16—18. С. 905—922.

¹² Именно во второй половине века древний философский вопрос о бессмертии души выдвигается на первый план. Этот предмет становится одним из главных объектов обсуждения в журналах, в университете (Д. Аничков, И. Кандорский, И. Шварц), в стихах и в прозе (В. Майков, Г. Державин, М. Щербатов, А. Радищев). Знаменитая книга «*Phädon, oder Über die Unsterblichkeit der Seele*» (1767) философа М. Мендельсона, прозванного Немецким Сократом, была переведена и опубликована впервые в 1777 г. в журнале «Утренний Свет» с большим комментарием. См.: *Лузянина Л. Н.* Литературно-философская проблематика трактата Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии» // XVIII век. Л., 1977. Сб. 12. С. 52—66; *Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века / Под ред. Т. В. Артемьевой.* СПб., 1996; *Кукушкина Е. Д.* Тема бессмертия души у В. И. Майкова // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 177—184.

¹³ См.: *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер. XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978. С. 49—51; *История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век.* Драматургия. Поэзия / Под ред. Ю. Д. Левина. СПб., 1996. С. 170—171; *Siclarì A.* Sentimentalismo e preromanticismo in Rus-

Херасков публикует анонимно свои «Почерпнутыя мысли из Экклезиаста» впервые в 1765 г. в университетской московской типографии; второе издание, значительно исправленное, выпускается в 1779 г. с добавлением «Первых трех глав из Премудростей Соломоновых», уже опубликованных в журнале «Утренний свет» годом раньше. В таком виде, с дополнительными исправлениями, «Мысли» Хераскова печатаются еще в 1786 г. и, наконец, они включены в «Творения» Хераскова 1796–1803 гг. (М., 1800. Ч. 7). С тех пор они больше не переиздавались.¹⁴

Исправления, внесенные Херасковым в последующие издания, касаются прежде всего стилистики и обновления устаревшего языка; в отдельных случаях значительно меняется смысл определенных метафор и выражений; последний вариант отличается от предыдущих и по количеству строф: в первых трех изданиях — 40 строф, а в последнем издании — 39.

Первые три отдельных издания Херасков сопровождает авторским предисловием, состоящим из трех частей: в первой прославлена премудрость Экклезиаста, дано содержание библейской книги и определена функция ее поучений; затем следует *topos modestiae* — заявление автора о собственной неспособности по сравнению с Соломоном-Экклезиастом; ему не достичь ни его «сладости писания», т. е. стилистического мастерства, ни глубины его мудрости, ибо восхищение пророка превышает рассуждения простого человека. В последней части поэт сообщает, что побудило его сочинить свое произведение: это именно «сокращение Экклезиаста на французском языке, одним великим стихотворцем недавно изданное. Но как ни того точно перевесть, ни всего Экклезиаста во стихи преложить для многих причин не возможно: то, не покидая следов мудраго Пророка, заимствовал я нечто от подражателя его, многое переменял и что с нашим Писанием нашел несходное, отставил».

Таким образом, и Вольтер, и Херасков подчеркивают нравоучительную функцию ветхозаветной книги и ее актуальность.

Показательно, что Херасков не взялся за переработку самой Библии, как сделали многие литераторы XVIII в., но обратился к Экклезиасту через посредство Вольтера. В его вводных словах отражено понимание перевода как способа распространения и бытования общих тем, выраженных на разных языках. В своих стихах по мотивам Экклезиаста русский поэт ссылается одинаковым образом как на Вольтера, так и на Библию.

Херасков не сохраняет метрической и строфической структуры подлинника. Как и произведение Вольтера, «Почерпнутыя мысли»

sia. Milano, 1990. P. 17—18; Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 2001. С. 147.

¹⁴ В приложении воспроизводится полный текст стихотворения Хераскова по последнему изданию 1800 г., с указаниями всех вариантов предыдущих трех изданий.

состоят из четверостиший и шестистиший, однако стихи чередуются без определенного порядка; стихотворение написано ямбами, а количество стоп в отдельных строфах неодинаково. Херасков во всех изданиях, с первого до последнего, постоянно вводит исправления и изменения в свое произведение.

К вольтеровским стихам обращается также Н. М. Карамзин в своем стихотворении «Опытная Соломонова Мудрость, или Мысли, выбранные из Экклезиаста»;¹⁵ оно появляется в 1796 г. на страницах альманаха «Аглая». Карамзин явно придавал этому произведению важное значение, поскольку стихами из Экклезиаста он открывает свои прижизненные собрания сочинений.¹⁶

В отличие от Хераскова, у Карамзина нет предисловия и даже не упоминается имя французского философа. С другой стороны, внешняя форма стихотворения, количество строф и рифмовка полностью совпадают с произведением Вольтера.¹⁷

«Опытную Соломонову Мудрость» Карамзина принято считать выражением сентиментализма или предромантического духа, поскольку там встречаются характерные для данного периода поэтические образы мрака и ночи, прообразом которых являются «Ночные размышления» Э. Юнга.¹⁸

Обработка Карамзина своеобразна и резко отличается от переложений Вольтера и Хераскова. Слова Экклезиаста — это проповедь, речь, предлагающая нравственные поучения в форме сентенций.

¹⁵ Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 199—205.

¹⁶ Карамзин Н. М. Мои безделки. 2-е изд. М., 1797. Ч. 2; Карамзин Н. М. Сочинения. В 8 т. М., 1820. Т. 1.

¹⁷ О рассматриваемых здесь стихах Карамзина см.: Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 5—52; Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. С. 95—98; История русской переводной художественной литературы... С. 170—171.

¹⁸ Первый полный прозаический перевод А. М. Кутузова, с комментарием И. В. Лопухина и других, был опубликован Типографической компанией в 1785 г. Об этом переводе см.: Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России. Исследования и материалы. Л., 1990. С. 150—152. В переводе много примечаний, объясняющих английский оригинал; комментатор обращается к читателю и подсказывает ему, как толковать текст. В одной лишь первой ночи, например, 24 примечания, причем некоторые занимают почти страницу. Знаменательно, что наиболее значительные места объясняются с привлечением Библии, в основном — Книги Иова. Экклезиаст по своему содержанию часто сопоставляется с Книгой Иова. Данные книги отличаются своей формой: если первая из них — это «внутренний монолог», то Книга Иова — это диалог с Богом. Но философской основой обеих ветхозаветных книг является глубокий скепсис: Иова мучит царящая в мире несправедливость, а Экклезиаста беспокоит его бессмысленность. Бог испытывает Иова до предела, чтобы затем вознаградить его за устойчивость веры; Экклезиаст, напротив, извлекает из своих горьких соображений о неизбежном хаотическом беспорядке окружающего мира положительный вывод: воспользоваться как можно лучше божественным даром жизни. Ср.: *De Benedetti P. Dal Dio di Guobbe al Dio di Qohelet // Qohelet: lettura e prospettive. A cura di E. I. Rambaldi. Milano, 2006. С. 15—17.*

Чтобы передать этот афористический стиль, Вольтер и Херасков заключают в каждую строфу единое содержание, причем сами создают яркие сентенции. Карамзин, напротив, укладывает отдельные изречения в ряд строф, производя впечатление текучей речи, семантического *enjambement*; таким образом, строфы тесно связаны друг с другом. Дискурсивный тон стихов Карамзина выражается в наличии восклицаний, риторических вопросов, прямого обращения к адресату. Кроме того, если сопоставить строение поэтического образа с предыдущими авторами, то Карамзин переворачивает последовательность хода рассуждений.

К этому стихотворению неприемлемо определение Ю. Лотманом поэзии Карамзина как «прозаической», выраженной в стремлении не употреблять метафоры.¹⁹ Данные стихи, напротив, обладают очень сложной и риторически отделанной формой: в изобилии встречаются различные тропы, семантические и синтаксические фигуры.

Рассмотрим некоторые места, где более наглядно проявляются сходства и различия относительно поэтических приемов и переводческих концепций Вольтера, Хераскова и Карамзина.

При сопоставлении начала библейской книги и первых строф ее поэтических обработок выясняется, каким способом авторы излагают содержание Экклезиаста. Уже второй стих библейской книги содержит знаменитое аподиктическое изречение: «Суета сует, сказал Экклезиаст, суета сует, — все суета», после чего следует длинный ряд доказательств этого положения, опирающихся на собственный опыт Соломона-Экклезиаста.

Вольтер, а вслед за ним и русские поэты, превращает это изречение в заключительное высказывание каждой из первых трех строф; в них показывается скоротечность страстной молодости, материальных ценностей и научных знаний.

Рассмотрим ближе первые строфы произведений каждого из трех авторов:

Вольтер

Dans ma bouillante jeunesse,
J'ai cherché la volupté,
J'ai savouré son ivresse:
De mon bonheur dégoûté,
Dans sa coupe enchanteresse
J'ai trouvé la vanité.

Херасков

В кипящей младости моей
Имел в прохладах я забаву,

¹⁹ Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина... С. 27—28.

Алая сердцем и душой
Вкушать житейскую отраву,
Горька мне сладость ныне та,
Я рек: все в свете суета.

Карамзин

Во цвете пылких, юных лет
Я нежной страстью услаждался;
Но ах! Увял прелестный цвет,
Которым взор мой восхищался!
Осталась в сердце пустота,
И я сказал: «Любовь — мечта!»

Укажем на главные мотивы стихов Вольтера и на их преобразование русскими поэтами. Во второй главе Книги Экклезиаста Соломон рассказывает, как он решил развлекаться и наслаждаться вином, чтобы понять, в чем есть благо, но все эти опыты приводят к заключению об обманчивости плотских наслаждений.

У Вольтера наблюдается значительная амплификация присутствующих в библейском тексте тем; в первой строфе стихотворения, в частности, рифмуются и таким образом выделяются ключевые слова «*volupté/ivresse/dégoûté/enchanteresse*».

Херасков переводит первый стих французского поэта дословно; второй стих имеет два варианта: в первых трех изданиях вольтеровская *volupté* (похоть, сладострастие) превращается у него в нейтральную «забаву в роскошах», а в последнем он применяет более архаичное выражение «в прохладах». Карамзин тоже смягчает этот мотив, превращая похоть в чувствительную «нежную страсть».

Вольтеровская *ivresse* (опьянение), метафора власти чувств над разумом, выражена у Хераскова через образ «сладкой отравы»; Карамзин совсем опускает тему опьянения, заменяя его образом цветка и его увядания, почерпнутым, как увидим ниже, тоже из Экклезиаста.

Понятийная пара «*dégoûter—enchanter*» выражает у Вольтера отталкивание и притяжение, четко представляя внутреннее противоречие человеческого бытия. Херасков передает вольтеровский образ через оксюморон «горька мне сладость», развивая метафору вкуса. Карамзин изображает внутреннее состояние человеческого существа формулировкой «в сердце пустота».

Каждый из последних стихов первой строфы, передающий начальное изречение Экклезиаста о «суете сует», отличается друг от друга в соответствии с литературно-философской установкой их авторов.

У Вольтера это результат поиска, упомянутого во втором стихе: «*J'ai cherché/J'ai trouvé*». Херасков обращается к Библии и употребляет трафаретную форму «я рек» (*dixi ego*).

Последний стих Карамзина выделяется своей оригинальностью; поэт модернизирует формулу Хераскова («и я сказал») и подчеркивает первенство внутренних чувств. Слово «любовь» (которое встречается у Карамзина вместе с подобными 16 раз, в отличие от других авторов, где оно почти отсутствует) завершает амплификацию библейского образа наслаждения. Интересно, что Карамзин заменяет традиционное выражение «суета» понятием «мечта». Последнее встречается во многих стихотворениях середины века в значении «обман, плод воображения, призрак»;²⁰ примером может послужить сумароковская «Ода на суету мира» 1763 г.:

Почтем мы жизнь и свет мечтою;
что мы ни делаем, то сон,
живем, родимся с суетою...

Показательно, каким образом авторы передают самое знаменитое и известное изречение Экклезиаста «*nihiil sub sole novum*» (1, 9), получившее в литературе широкое распространение как девиз: Вольтер: 15 «*Rien de nouveau sur la terre*»; Херасков: 14 «В подсолнечной премены нет»; Карамзин: 15 «Ничто не ново под луною».

Французский философ, не отступая от библейского смысла, остается на земле и представляет взгляд человека; Херасков дословно переводит библейскую формулировку; Карамзин выбирает третье положение, меняя традиционную образность изречения, и вводит мотив луны и ночную атмосферу; таким образом он придает предромантическую окраску своим стихам, ставшим образцовыми для ряда современных ему литераторов.²¹

Многочисленные образы из Экклезиаста нашли широкое распространение и стали шаблонными, выражая во всей остроте противоречия человеческого бытия. Среди них образ любви и женщины как символ обмана, оппозиция кратковременности и долговечности, которая в особенности увлекала воображение поэтов. Непостоянство всего земного, внешнего и преходящего, воплощается в образе женской любви и красоты — мотиве, характерном для эпохи Возрождения и барочной литературы.

²⁰ Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2001. Вып. 12. С. 164—165. Отметим, что слова «суета» и «мечта» повторяются у Хераскова и Карамзина следующим образом: у Хераскова — 5 раз «суета» и 2 раза «мечта», в то время как у Карамзина все наоборот — 5 раз «мечта» и 2 раза «суета». Вольтер употребляет слово «*fantôme*» (призрак) однажды, а слова «*vanité/vain*» 7 раз. Интересно, что в Вульгате слово «суета» в книге Экклезиаста повторяется 32 раза, большинство из которых находится в начале, и постепенно их количество уменьшается к концу.

²¹ Например, у В. Жуковского в стихотворении «К Тибуллу» (1800): «Тибулл! Все под луною тленно!» (*Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 1. С. 37*).

В сентенциях Соломона-Экклезиаста женщина представлена как источник соблазна и неперемного разочарования: «и нашел я, что горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы» (7, 26), но и как необходимая спутница жизни: «Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни светлой жизни твоей...» (9, 9).

Вольтер принимает эти противоречивые мотивы, а на русской почве — только Карамзин: у обоих, в девятой строфе, стихи посвящены обманчивой красоте:

Вольтер

Tu viens de trahir l'amour,
Et tu ris, beauté volage;
Un nouvel amant t'engage,
T'aime, et te quitte en un jour;
Et dans l'instant qu'il t'outrage
On le trahit à son tour.

Карамзин

Смотри: неверная смеется —
Любовник горестью сражен:
Она другому отдается,
Который ею восхищен;
Но скоро клятву он забудет,
И скоро... сам обманут будет.

Вольтер, наследник богатой поэтической традиции любовной лирики, прекрасно изображает привлекательность переменчивой женщины; Карамзин применяет другой прием: он открывает свою строфу деиктическим «смотри»; в двух словах («неверная смеется») он переводит две начальные строки Вольтера и развивает образ движения, круговорота страстей.²²

Стихи из девятой главы Экклезиаста о том, что надо провести жизнь в наслаждении с «женой», Вольтер и вслед за ним Карамзин переводят следующим образом:

Вольтер

³² Et qu'une compagne aimable
M'inspire un amour durable,
Sans trop régner sur mes sens.

Карамзин

³² Когда же тихая луна
Явится на небе с звездами,
Спеши к возлюбленной своей —
Забудь... на время мудрость с ней.
³³ Люби!.. но будь во всем умерен;
Пол нежный часто нам неверен;
Любя, умей и разлюбить.

²² В связи с этим образом смеющейся женщины интересна трактовка смеха как обмана и в «Поэтике» Аристотеля. Суровое высказывание Экклезиаста в Вульгате: «risum reputavi ergorem» — «О смехе сказал я: „глупость!“», а о веселье: „что оно делает?“» (Эккл. 2, 2) принято Вольтером и повторяется в его творчестве два раза: впервые в раннем «Discours sur l'homme» (1738) «la joie est passagère, et le rire est trompeur», второе в «Précis» (34, 4) «et le rire est trompeur». На русской почве находим мотив радости, точнее веселья, в первых трех вариантах Хераскова (31) «Что много веселит, то может обмануть»; в последнем — это мотив видимого, кажущегося: «Что взору только льстит, то может обмануть». У Карамзина этот мотив отсутствует.

Вольтер довольно близок к библейскому изречению и подчеркивает его суть в рифмующихся словах «*aimable/durable*»: любовь прочна, когда разум управляет чувствами. Так поэт-философ интерпретирует отношение кратковременности к долговечности, стоящее в центре размышлений Экклезиаста.

У Карамзина наблюдается амплификация этого мотива. Отметим, что по-разному переводится слово «жена» (в Вульгате — «ихог»): у Вольтера — «*compagne*», у Карамзина — «возлюбленная». Начертанная Карамзиным картина изображает ночную встречу с любовницей, т. е. «временную» страсть. Восстанавливаются повелительные формы *спеши/забудь/люби/будь/умей*, придающие изречениям в Экклезиасте проповеднический тон; у Карамзина они являются прямым обращением к адресату, к читателю. Развертывание данного мотива заключается осуждением «нежного пола» из-за неверности и провозглашением умеренности как защиты от неизбежного страдания.

Рассмотрим также образ увядания красоты как символа тленности; осознание ее преходящего характера и кратковременности влечет за собой размышления о смерти:

Вольтер

- 27 *La beauté dans son printemps
Brille pompeuse et chérie,
Semblable à la fleur des champs,
Le matin épanouie,
Le soir livide et flétrie,
En horreur à ses amants.*
- 28 *Ainsi tout se corrompt, tout se détruit, tout passe:
Mon oreille bientôt sera sourde aux concerts:
La chaleur de mon sang va se tourner en glace;
D'un nuage épaissi mes yeux seront couverts;*

Херасков

- 24 *Гордяся тленной красотой,
Красавица сердца прельщает.
Как ранней окропясь росой,
Листочки роза распускает;
Но старости наступит ночь,
Любовники уходят прочь.*
- 25 *Так все на свете сем минет, пройдет, исчезнет,
Приятна пения не буду слышать я;
Кипяща кровь во мне простынет и замерзнет,
Померкнут очи, мысль притупится моя.*

- 27 Как розы юные прелестны!
И как прелестна красота!
Но что же есть она? мечта,
Темнеет цвет ее небесный,
Минута — и прекрасной нет!
Вздыхнув, любовник прочь идет.
- 28 Так всё проходит здесь — и скоро глас приятный
Умолкнет навсегда для слуха моего;
Свирели, звуки арф ему не будут вняты;
Застынет в жилах кровь от холода своего.

Вольтер описывает увядание цветка, за которым следует размышление о наступающей неизбежной старости. В 28-й строфе он переводит место из Экклезиаста, где иносказательно изображается преобразование отцветающего тела (12: 3–6); по мнению Вольтера, это одно из наиболее поэтических мест библейской книги. В Экклезиасте процесс старения человека описан очень подробно; Вольтер выбирает три аспекта: слух (*oreille*), зрение (*yeux*) и кровь (*sang*), метонимию теплоты жизни.

Херасков следует довольно близко вольтеровскому переложению, подчеркивая символический оттенок применяемой метафоры. 24-я строфа характеризуется аллитерацией; простой полевой цветок Вольтера заменяется у Хераскова насыщенной многозначностью розой; кроме этого в стихах Хераскова старость сравнивается с мраком ночи,²³ и это уподобление устанавливает связь с последним стихом следующей 25-й строфы: «Померкнул очи, мысль притупится моя».

Переложение Карамзина — яркий пример диалога с предыдущими текстами. В его 27-й строфе находим уподобление роза-красота, использованное Херасковым; дискурсивный тон передается восклицаниями и вопрошением, ответы становятся сентенциями. Карамзин описывает старение через амплификацию образа глухоты. То, что у Вольтера «*concerts*», у Хераскова — «приятна пения», а у Карамзина — «глас приятный, свирели, звуки арф».

Ненадежное положение человека во вселенной воплощается также в образе лодки — символа человеческой жизни; это представление принято всеми тремя поэтами:

Вольтер

- ¹³ Dans leur course vagabonde
Les mortels sont entraînés;
Frères vaisseaux que sur l'onde

²³ В первом варианте своего стихотворения 1765 г. Херасков использует образ темноты без непосредственного указания на старость.

Battent les vents mutinés,
Et dans l'océan du monde
Au naufrage destinés.

Херасков

- 12 Сомнений смертный полн:
Куда идет, не знает;
То лодка между волн,
Которой ветер играет;
В пространном океане сем
И ночью реется и днем.²⁴

Карамзин

- 13 По грозной влаге Океана
Мы все плывем на корабле
Во мраке бури и тумана;
Плывем, спешим пристать к земле —
Но ветер ярится с новой силой,
И море... служит нам могилой.

Вольтер рисует четкое изображение, не выходя из области поэтического образа «лодки в море»; дальше он ясно выражает его смысл: «Tous sont également les vains jouets du sort».²⁵

Херасков интерпретирует образ лодки, исходя из философско-этической точки зрения, и открывает строфу, указанием на «сомнения», которые овладевают человеком; поэт передает это беспрерывное состояние колебания через уточнение его временного измерения: ночью/днем. В отличие от Вольтера, который подчеркивает неизбежность смерти («Au naufrage destinés»), Херасков уже в первом стихе ограничивается применением общего названия человека — «смертный». Таким образом, Херасков изображает скорее стремление человека постигнуть тайну вселенной.

У Карамзина строфа начинается описанием «грозного Океана» и созданием яркого предромантического образа «мрака бури и тумана». Вслед за Вольтером Карамзин изображает море в образе могилы, подчеркивая единый конец всех людей.

Размышления о смерти особенно часто встречаются в библейском тексте. Привлекает внимание трактовка одного из изречений Экклезиаста поэтами-переводчиками. Если смерть уравнивает всех, положение в обществе не важно; главное — это жизнь, несмотря на

²⁴ В некоторых местах своих «Почерпнутых мыслей из Экклезиаста» Херасков прямо откликается на «Вечернее размышление о Божием Величестве» Ломоносова: «Сомнений полон ваш ответ / О том, что окрест ближних мест».

²⁵ Это место у Хераскова переведено «Равно и честной и злодей / Судеб игралищем бывають», а у Карамзина: «Ах! самый лучший из людей / Бывал игралищем страстей».

то что она полна трудностей и печалей; эти размышления Экклезиаста заключаются сентенцией: «так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву» (9, 4) (Вульгата: «melior est canis vivens leone morto»). Приведем перевод Вольтера и три варианта Хераскова, который, очевидно, придавал особое значение этому месту.

Вольтер

19 Un lion mort ne vaut pas
Un moucheron qui respire

Херасков

17 Но лев, лишенный духа,
Слабее нежель муха;
(1765)

Но самый червь одушевленный
Сильней, чем духа тигр лишенный.
(1779, 1786)

Но кто Престолом обладает,
Кто служит, всех земля сравниет.
(1800)

Как видим, уже Вольтер заменяет второй член сравнения, библейского пса, насекомым «moucheron», подчеркивая разницу в размере, а не в значимости. Варианты Хераскова показывают, какие он вносил изменения при построении этого поэтического образа: в 1765 г. он в этом месте следует Вольтеру, но вместо слова «мертвый» употребляет конструкцию «лишенный духа», сохраняя, таким образом, и библейский оттенок. Во втором варианте метафорика меняется; Херасков вводит пару «червь—тигр», и мерой сравнения становится сила. Конечный вариант принимает совершенно другой вид: поэт убирает образы животных и выбирает оппозицию «царь—подданный», раскрывая значение метафоры. Карамзин упускает это изречение, но воспроизводит общие рассуждения девятой главы Экклезиаста.

Тематика бессмертия души затронута и в третьей главе, где говорится о круговороте времен, о том, что у всех будет один и тот же конец, как у человека, так и у животного. Что будет после смерти, остается открытым вопросом, на который человек не может ответить (3: 20—22).

Вольтер

22 Quel homme a jamais su par sa propre lumière
Si, lorsque nous tombons dans l'éternelle nuit,
Notre âme avec nos sens se dissout tout entière,
Si nous vivons encore, ou si tout est détruit?

23 Des plus vils animaux Dieu soutient l'existence;
Ils sont, ainsi que nous, les objets de ses soins;

Il borna leur instinct et notre intelligence;
Ils ont les mêmes sens et les mêmes besoins.

- 24 Ils naissent comme nous, ils expirent de même:
Que deviendra leur âme au jour de leur trépas?
Que deviendra la nôtre à ce moment suprême?
Humains, faibles humains, vous ne le savez pas!

Херасков

- 20 Небытие предпочитаю,
Когда со бытием равняю
Сей жизни горесть и труды,
Печали, скорби и беды;
Обманчивый надежды свет,
Котору мрачный гроб возмет.
- 21 Из праха сотворен,
Во прах обратиш[ь]ся,
Перед скотом гордиш[ь]ся,
Но чем ты предпочтен?
Родиш[ь]ся ты равно, как скот, и умираешь;
Безопасно он живет, ты смертью ускоряешь.
- 22 Известно ли уму
Вселенная начало?
Не сведом никому
Его предел ни мало;
Не знаем, здесь дыша,
Куда пойдет душа.²⁶

Карамзин

- 22 Что нас за гробом ждет, не знает и мудрец.
Могила, тление всему ли есть конец?
Угаснет ли душа с разрушенным покровом,
На небо ль воспарив, жить будет в теле новом?
- 23 Сей тайны из людей никто не разрешил.
И червя произвел Творец непостижимый;
Животные и мы его рукой хранимы;
Им так же, как и нам, Он чувство сообщил.
- 24 Подобно нам, они родятся, умирают.
Где будет их душа? где будет и твоя,
О бренный человек? В них чувства исчезают,
Исчезнут и во мне, увы! что ж буду я?

²⁶ Ср. «Вечернее размышление» Ломоносова: «Скажите ж, коль пространен свет? / И что малейших дале звезд? / Несведом тварей вам конец?»

В переложении этого места Вольтер добавляет примечание: человек не может постигнуть тайну смерти разумом, а только верой. Херасков в очередной раз отступает от Вольтера, чтобы обратиться прямо к Библии, к стиху 3, 20 из Экклезиаста: «Из праха сотворен, / Во прах преобратится». В 22-й строфе тема бессмертия души завершается философско-космогоническим рассуждением о смысле вселенной и о невозможности его постигнуть, заключаясь сентенцией: «Не знаем здесь дыша, / Куда пойдет душа». Карамзин тоже, как и Вольтер, добавляет в этом месте примечание, явно по цензурным причинам, убирая его в издании начала XIX в.; в отличие от Вольтера Карамзин хочет смягчить ветхозаветный скептицизм по отношению к бессмертию души, утверждая, что тайна смерти разрешена «откровением». Кроме того, в поэтических рассуждениях Карамзина наблюдается еще один мотив, отсутствующий у других авторов: «Угаснет ли душа с разрушенным покровом, / На небо ль воспарив, жить будет в теле новом?» Сентименталистский подход Карамзина к проблематике бессмертия души подчеркивает аспект ее проявления как индивидуальной личности; вопросительной формой приведенных выше стихов поэт, по-видимому, отмежевывается от учения о переселении душ, распространенного в масонской среде.²⁷

В итоге различные мировоззренческие установки приводят авторов к разным выводам в заключительных строках их стихотворений. Положительное в окончании библейской книги заключается в том, что следствием всех предыдущих размышлений является необходимость использовать как можно лучше божественный дар жизни. В Вульгате же добавлены позже в конце книги Экклезиаста слова: «Deum time et mandata eius observa» — «Бойся Бога и соблюдай Его предписания» (12, 13).

Последние строфы переложений Вольтера, Хераскова и Карамзина таковы:

Вольтер

- 42 L'homme est un vil atome, un point dans l'étendue;
Cependant du plus haut des palais éternels
Dieu sur notre néant daigne abaisser sa vue:
C'est lui seul qu'il faut craindre, et non pas les mortels.

Херасков

- 39 Пылинка человек и точка в мире сем,
Но от пресветлаго небеснаго чертога
Взирает на него, печется Бог о нем;
Не бойся никого, о смертный! бойся Бога.

²⁷ Я благодарю А. Сиклари (Парма) за разъяснение этого места.

- 41 Награда для него есть совесть, дух покойный.
(Безумие и злость всегда враги уму;
Внимания его их стрелы недостойны;
Он ими не язвим: премудрость щит ему.)
- 42 Сияют перед ним бессмертия светилы;
Божественный огонь блесит в его очах.
Ему не страшен вид отверстия могилы:
Он телом на земле, но сердцем в небесах.

Уподобление человека точке во вселенной, типичный поэтический образ в духовной поэзии XVIII в., ярко выражает релятивизм Вольтера, образцово представленный в рассказе «Микромегас» (переведенном на русский язык Сумароковым в 1759 г.). Прилагательное «vil» (подлый) и существительное «néant» (ничто), относящиеся к человеческому существу, отмечают низость его положения во всех смыслах по сравнению с Богом; образ «palais éternels» (вечных чертогов) взят из пятой главы Экклезиаста (5, 1).

Херасков объединяет в последней строфе своего стихотворения некоторые вольтеровские образы с библейскими; притом он убирает указания на ничтожность человека и вводит библейский мотив «timor Dei».

Заключение у Карамзина занимает две строфы и заметно отличается от концовок других авторов. Карамзин описывает качества «великого мужа», представляющего собой образец праведника; эти качества чисто внутренние, управляемые премудростью: он не боится смерти, ибо она является, согласно масонскому учению, лишь преобразованием. Через смерть человек становится бессмертным, совершая свое обожествление. У Карамзина, таким образом, нет противопоставления высокого и низкого, присущего Вольтеру и Хераскову; человеческое бытие заключает в себе как материальный мир, так и духовный: «Он телом на земле, но сердцем в небесах». Это выразительный образ понимания нового человека в духовном мышлении XVIII в. «Соломонова Мудрость» Карамзина пользовалась большим успехом среди современников и стала объектом подражаний.

Из данного анализа можно сделать некоторые обобщающие выводы, касающиеся как индивидуального подхода каждого автора, так и переводческой практики XVIII в. в целом. Экклезиаст Вольтера — это глашатай его собственного скептицизма; в поэтическом изложении этого «курса нравственности» философ выражает свое пессимистическое представление о положении человека в мире. Херасков тоже подчеркивает дидактическое, чисто нравственное, значение библейской книги; при этом русский поэт отдает предпочтение абстрактным образам, исключая более конкретные. Карамзин

в значительной степени отличается от первых двух, восстанавливая первичный характер «внутреннего монолога» Экклезиаста и переводя его в плоскость сентиментализма; поэт стремится подчеркнуть оптимистическую сторону библейского поучения, прославляя «любовь» во всех ее значениях. Итак, переводческая деятельность этих авторов представляет собой пример усвоения библейского содержания и его интерпретацию в соответствии с собственными философскими, стилистическими и поэтическими концепциями.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В основу настоящей публикации легло последнее прижизненное издание «Почерпнутых мыслей из Экклезиаста», опубликованное в седьмой части «Творений» Хераскова 1800 г. (С. 3–13). Текстуальные варианты предыдущих изданий помечены следующими буквами:

- А — Почерпнутыя мысли из Екклесиаста. Печатано при Имп. Моск. Университете 1765 года.
- Б — Почерпнутыя мысли из Екклесиаста, с присовокуплением первых трех глав из премудростей Соломоновых. Издание второе вновь пересмотренное и во многих местах исправленное. М.: Университетская Типография, 1779.
- В — Почерпнутыя мысли из Экклесиаста, с присовокуплением первых трех глав из премудростей Соломоновых. Издание третье. М.: Университетская Типография у Н. Новикова, 1786.

Текст печатается с некоторыми орфографическими упрощениями (не воспроизводится твердый знак в конце слова, ять заменяется буквой е, ѣ — буквой и); в подстрочных примечаниях указываются предыдущие варианты; учитываются изменения стилистического и семантического порядка; не учитываются варианты правописания и знаков препинания; нумерация строф добавлена нами.

М. М. ХЕРАСКОВ

ПОЧЕРПНУТЫЯ МЫСЛИ ИЗ ЭККЛЕЗИАСТА

[Какая премудрость сияет в Экклезиасте,²⁸ сколь разительны разсуждения о суете мира, сколь полезно святое учение тамо²⁹ человеческому сердцу и советы³⁰ колико драгоценны: многия претекши роды с душевным восхищением о том свидетельствовали, и слава Богодухновеннаго Пророка с лучами солнечными не угаснет.

²⁸ А: в книге Екклесиаста

²⁹ А: учение его

³⁰ А: советы его

Но достигнуть великолепия и сладости писания святого Мужа, который восхищался превыше разсуждения простаго человека, предприятие невозможное и силам невдохновеннаго свыше разума запрещенное. Щастлив, ежели тень едину глубокия премудрости его изобразить могу; благополучен, ежели споспешествовать пользе общества подобно случай и возможности находить всегда буду, почитаю, что сие чистое нравоучение роду человеческому всякаго сокровища полезнее.

К труду сему побудило меня сокращение Экклезиаста на французском языке одним великим стихотворцем³¹ недавно изданное. Но как ни того точно перевести, ни всего Экклезиаста во стихи преложить для многих причин не возможно: то, не покидая следов мудраго Пророка, заимствовал я нечто от подражателя его, многое переменял и что с нашим Писанием нашел несходное, отставил.]³²

¹ В кипящей младости моей
Имел в прохладах я забаву,³³
Алкаю сердцем и душой
Вкушать житейскую отраву,³⁴
Горька мне сладость ныне та,
Я рек: все в свете³⁵ суета!

² Богатство, слава и чины
Во младости³⁶ меня польстили;
Но желчию напоены,
Они мне старость возвестили.
Чины, богатство, красота,
Все тень одна и суета.

³ Учения проникнуть тму,³⁷
На всю подсолнечну взираю:
Тма зрима взору моему,³⁸
Теряю свет, и мысль теряю! —
Приятна сердцу простота,
Науки только суета.

³¹ А, Б: стихотворцом

³² Предисловие, отсутствующее в последнем варианте, воспроизводится по изданию В.

³³ А, Б, В: Имел я в роскошах забаву,

³⁴ А, Б, В: Вкушати сладкую отраву,

³⁵ Б, В: в мире

³⁶ А, Б, В: Во цвете лет

³⁷ А: Учения проникнуть мрак

Б, В: Неужества проникнуть мрак,

³⁸ А: Природа сокрывает зрак,

Б, В: Природа закрывает зрак,

- 4 Сияньем ложным обольщен³⁹
 Когда наш ум страстей в неволе,⁴⁰
 Что больше⁴¹ разум просвещен,
 То мучится⁴² и страждет боле.
 Мечтой рождается мечта,⁴³
 И все на свете суета.
- 5 Искал бегущаго души моей покою
 В чертогах кедровых, в садах, у чистых вод,
 Среди певиц моих, в собрании⁴⁴ красот;
 Покою в сердце нет, все ставлю суетою.⁴⁵
- 6 Напитки сладкие и пищу⁴⁶ я вкушал,
 Блистая⁴⁷ щастием и славою наружно,
 Довольно ль сердце ты? я сердце вопрошал.⁴⁸
 Нет! щастье точное: иметь лишь то,⁴⁹ что нужно.
- 7 Желаньем возгорел⁵⁰
 Людей постигнуть свойство;⁵¹
 Печали в них обрел,⁵²
 Тоску и беспокойство,
 И вредну склонность их
 К вреду себя самих.⁵³
- 8 Трудящийся⁵⁴ не награжден,
 И наг, и сир, и пищи просит;
 Велик⁵⁵ и титлами почтен,
 Кто свету пользы не приносит.

³⁹ Б, В: Коль ум страстями развращен,

⁴⁰ А: Когда твой ум страстей в неволе;

Б, В: Тогда бывает он в неволе.

⁴¹ Б, В: Чем больше

⁴² Б, В: Тем мучится

⁴³ А, Б, В: Мечтою гонится мечта,

⁴⁴ Б, В: в соборище

⁴⁵ А, Б, В: все стало суетою.

⁴⁶ А: От сладка пития и пищи

Б, В: И сладко питие и пищу

⁴⁷ А, Б, В: Украшен

⁴⁸ А, Б, В: в себе я вопрошал?

⁴⁹ А, Б, В: имети то,

⁵⁰ Б, В: Желанием горел

⁵¹ А, Б, В: Постигнуть смертных свойство;

⁵² Б, В: узрел,

⁵³ А: Ко гибели сердец своих.

Б, В: Ко гибели других.

⁵⁴ А: Трудящейся

⁵⁵ А: Любим

Хранящий⁵⁶ истину гоним;
Злодей — и шастлив и любим.⁵⁷

9 Кипящей зависти змеи повсюду вьются,⁵⁸
Развратных⁵⁹ сердца сей фурией сосутся,
И добродетелей печальный слышен глас!⁶⁰
Имеют все в устах, гоня из сердца нас.⁶¹

10 Заслуги презрены, таланты без награды;
Друзей не потеряв, лъзя ль истину любить?
Богач, исполненной тщеславных отрады,
Не верит, может ли голодный нищий быть.⁶²

11 Но сам несчастен он! Всегдашнее сомненье,⁶³
Как мутная вода, в душе его течет,⁶⁴
Наследники ему наносят подозренье:
Живущаго в тоске, его печаль грызет.⁶⁵

12 Сомнений⁶⁶ смертный полн:
Куда идет, не знает;
То лодка между волн,
Которой ветер играет;⁶⁷
В пространном океане⁶⁸ сем
И ночью реется и днем.⁶⁹

⁵⁶ А: Хранящей

⁵⁷ А: Спокойство жертвуется злым.

Б, В: Слепое щастье служит злым.

⁵⁸ А, Б, В: везде вьются,

⁵⁹ А, Б, В: Безвинных

⁶⁰ А: И добродетелей плачевный слышу глас:

Б, В: И добродетельных плачевный слышу глас:

⁶¹ А: Никто не утешал гонимых в свете нас.

Б, В: Увы! Не утешал никто гонимых нас!

⁶² А, Б, В: И честность и труды рыдают без награды;

Стремится клевета их голос затрубить;

Богач, исполненной безумства и отрады,

Не знает, может ли несчастный в свете быть.

⁶³ А: всегдашнее волнение,

Б, В: души его волнение,

⁶⁴ А: Его желания во все страны влечет.

Б, В: Несытый ум его тревожит и влечет.

⁶⁵ А, Б, В: в печали смерть ссечет.

⁶⁶ А, Б: Сумнений

⁶⁷ А: Котору ветер терзает,

Б, В: Котору ветер бросает,

⁶⁸ А, Б, В: Океане

⁶⁹ А: Рожден погибнути со всем.

Б, В: погибнет он со всем!

13⁷⁰ Что мы ни будем⁷¹ воображать,
То было, есть, и будет вечно;
Друг друга станем⁷² обижать,
И жить всегда безчеловечно;
В подсолнечной премены нет,
И был, и будет тот же свет.⁷³

14 Различны⁷⁴ звания людей
Крушатся, страждут, погибают;⁷⁵
Равно и честный⁷⁶ и злодей
Игрою щастия бывают.⁷⁷
Когда повеет бурный⁷⁸ ветер,
Падет и легкий⁷⁹ лист и кедр.

15 На той же мураве, где агница пасется,
Пасется хищный⁸⁰ тигр, хотящий⁸¹ смерти ей;
В единую земли утробу отнесется
И добрый⁸² человек, разбойник и злодей.

16 Ты славу думаешь приобрести себе:
Умрешь — погаснет все, чем разум ни светлеет;
Никто уж о тебе на свете не жалеет,⁸³
Загладит люта смерть и память о тебе.

⁷⁰ В первых трех вариантах после 12-й строфы следовала еще одна строфа, отсутствующая в издании 1800 г.:

Надежда на земли,
Бросая ложный свет, владеет над сердцами;
Однако не могли
Уверить нас беды, случившиеся с отцами; [А: живущи со отцами;]
А сей сладчайший [А, Б: сладчайшей] яд,
Надежда, по сердцам прольется наших чад.

⁷¹ А, Б, В: станем

⁷² Б, В: станут

⁷³ А, Б, В: равен свет.

⁷⁴ А, Б, В: Несчетны

⁷⁵ А, Б, В: В единой бездне погибают;

⁷⁶ А, Б, В: честной

⁷⁷ А, Б, В: Судеб игралищем бывают.

⁷⁸ А, Б: подует сильной

В: подует сильный

⁷⁹ А: и легкой

Б, В: равно и

⁸⁰ А, Б: хищной

⁸¹ А, Б: хотящей

⁸² А, Б: доброй

⁸³ А: Никто уже тебя ни славит, ни жалеет,

Б, В: Никто уж о тебе во свете не жалеет,

- 17 Исполнен⁸⁴ век напасти,
 Но жити мы хотим;
 Стяжаньем сильной власти⁸⁵
 Себя до смерти льстим:
 Но кто Престолом обладает,⁸⁶
 Кто служит, всех земля сравнивает.
- 18 Нещастный⁸⁷ человек!
 Хотя веселие вкушаешь,
 Когда во свете пребываешь,
 Хотя ты кончишь⁸⁸ век,
 Все равная тебе беда!
 И лутче бы рожден ты не был никогда.
- 19 Небытие предпочитаю,
 Когда со бытием равняю⁸⁹
 Сей жизни горесть и труды,
 Печали, скорби и беды;
 Обманчивый надежды⁹⁰ свет,
 Котору мрачный гроб возмет.
- 20 Из праха сотворен,
 Во прах обратиш[ь]ся,
 Перед скотом гордиш[ь]ся,
 Но чем ты предпочтен?⁹¹
 Родиш[ь]ся ты равно, как скот, и умираешь;
 Безпечно он живет, ты смертью ускоришь.⁹²
- 21 Известно ли уму
 Вселенная начало?
 Не сведом никому
 Его предел ни мало;⁹³

⁸⁴ А, Б, В: Наполнен

⁸⁵ А, Б, В: И разширеньем власти

⁸⁶ А: Но лев лишенный духа,
 Слабее нежелъ муха.

Б, В: Но самый червь одушевленный
 Сильнай, чем духа тигр лишенный.

⁸⁷ А: Нещастной

⁸⁸ А, Б, В: окончишь

⁸⁹ А: сплетаю

⁹⁰ А, Б: Надежды преходящей
 В: Надежды преходящий

⁹¹ А, Б, В: Но буди ты смирен;

⁹² А, Б, В: И в землю ты себя подобно претворяешь.

⁹³ А: Предел его нимало:

Б: Предел ее нимало:

В: Предел ея ни мало:

Не знаем здесь⁹⁴ дыша,
Куда пойдет душа.

22 Но бранный человек
Кончиной ускоряет;⁹⁵
Непостоянству рек,
Морям себя⁹⁶ вверяет;
Не усыпает он для злата от труда,
И сыт не будет никогда.

23 Се муж, который, будто кедр,
Главою небесам касался,
Гремящих туч не опасался,
Исторгнут вдруг⁹⁷ из земных недр;
Вселенной наводящий⁹⁸ страх,
Лежит преобращен во прах.⁹⁹

24 Гордяся тленной красотой,¹⁰⁰
Красавица сердца прельщает.
Как ранней окропясь росой,¹⁰¹
Листочки роза¹⁰² распускает;
Но старости наступит¹⁰³ ночь,
Любовники уходят прочь.

25 Так все на свете сем минет,¹⁰⁴ пройдет, исчезнет,
Приятна пения не буду слышать я;
Кипяща кровь во мне простынет и замерзнет,
Померкнут очи,¹⁰⁵ мысль притупится моя.

26 Сосуды в ключевых потоках сокрушатся,
И вкус мой услажден¹⁰⁶ не будет уж ни чем;

⁹⁴ Б, В: мы

⁹⁵ А, Б, В: Однако человек
Спокойствие теряет;

⁹⁶ А, Б, В: живот

⁹⁷ А, Б, В: в миг

⁹⁸ А, Б: наводящей

⁹⁹ А, Б, В: преобращенный в прах.

¹⁰⁰ А, Б, В: Сияя в младости красой,

¹⁰¹ А, Б, В: Как утренней скроплен росой

¹⁰² А, Б, В: Цветок листочки

¹⁰³ А: Но мрачна наступает

¹⁰⁴ А, Б, В: падет,

¹⁰⁵ А, Б, В: Померкнет взор и

¹⁰⁶ А, Б, В: обольщен

Трепещущ, слаб, согбен,¹⁰⁷ я стану приближаться
Ко прагу вечности,¹⁰⁸ куда мы все течем.

27 Не буду видеть я прелестницы любезной,¹⁰⁹
Кем в горести моей прельщался иногда;
О сладость чувств моих, любезный¹¹⁰ век и слезной!
Как облак ты бежишь,¹¹¹ бежишь ты навсегда.

28 Так быстро, как стрела,¹¹²
Промчится век наш краткой;
Беги, беги от зла!
Питайся жизнью сладкой,¹¹³
Не трать в унынии¹¹⁴ часа,
Который¹¹⁵ нам даруют Небеса.

29¹¹⁶ Да радость дней твоих течение умножает,
Да скорби человек в забавах погружает;
Утехам сердце отвори,
Но добрыя дела твори.

30 Сия, о смертный! Часть
Тебе¹¹⁷ определена:

¹⁰⁷ А: Трепещущ и согбен,

Б, В: Трепещущ и нагбен,

¹⁰⁸ А, Б, В: К пределу общему,

¹⁰⁹ А, Б, В: Не буду больше зреть сея красы любезной,

¹¹⁰ А, Б, В: прелестной

¹¹¹ А, Б, В: Бежишь ты от меня,

¹¹² А, Б, В: Как быстрая стрела

¹¹³ А: Веди свои дела

Уставом жизни сладкой,

Б, В: Располагай дела,

Клоня их к жизни сладкой;

¹¹⁴ А: Не трать в горести

Б, В: Не трать в горести

¹¹⁵ А, Б, В: Которы

¹¹⁶ В вариантах А, Б, В эта строфа образует шестистишие:

Веселие во век

Тебя да окружает,

Да скорби человек

В забавах погружает;

Утехам сердце отвори,

Но добрыя [А: И добрыя] дела твори.

¹¹⁷ А, Б, В: Судьбой тебе

Вкушай ты жизни сласть,¹¹⁸
Не к бедствам¹¹⁹ создана вселенна;
Со ближними на ней живи
В покое, в дружестве,¹²⁰ в любви.

31 В веселье проводи¹²¹ свою цветущу младость,
Но к сердцу загради страстям житейским¹²² путь;
Имений не стяжай: какая в оных радость?
Что взору только льстит,¹²³ то может обмануть.

32 Вкушай приятности сего текуща века,
Но Бога не забудь! храни Его закон,
И то в уме тверди: что создал человека,
Дабы на суд к Нему предстал по смерти он.

33 Не будьте завсегда¹²⁴ к земным вещам пристрастны;
Во свете что ни есть, во свете все Его;
Богаты, нищие, щастливы, и¹²⁵ несчастны!
Вы гости здесь — Творца любите своего.

34 Цветущу как весну,
Твоим прелестну взглядам,
Люби свою¹²⁶ жену.
Внушай премудрость чадам,
О ближних не забудь;
Убогим другом будь.¹²⁷

35 Не будь жесток и строг,
Не возжигай в сердцах раздору,
Дабы найти в тебе подпору
Нешастливый и слабый мог.
Будь плачущим полезен —
Прошай порок, и будь любезен.¹²⁸

¹¹⁸ А, Б, В: От сердца отвращай напасть;

¹¹⁹ А, Б, В: Не к бедству

¹²⁰ А, Б, В: в радости,

¹²¹ А, Б, В: В забавах провождай

¹²² А, Б, В: пресеки страстям безумным

¹²³ А, Б, В: Что много веселит,

¹²⁴ А, Б, В: для себя

¹²⁵ А, Б: нищия, щастливыя,

¹²⁶ Б, В: твою

¹²⁷ А, Б, В: Отец убогим будь.

¹²⁸ А: Не буди к слабостям жесток,
Представшей милосерду взору,

- 36 Прекрасныя¹²⁹ страны
Игрою бурь¹³⁰ бывают;
Глад, стужа, и войны
Народы убивают;¹³¹
И самый твердый человек
Не прожил беспорочно век.¹³²
- 37 Когда достаточен, щедроты изливай;
Убогим пищу ты и старцам подавай;
В заплату не ищи от них благодаренья:
Нет слаще ничего для сердца благ творенья!¹³³
- 38 Безсовестных¹³⁴ людей беседы убегай;¹³⁵
На щастие людей завистно¹³⁶ не взирай;
Не оскорбляйся ты злодеев клеветою.¹³⁷
Бог зрит дела твои, и Сам везде с тобою.¹³⁸
- 39 Пылинка человек, и точка в мире сем,
Но от пресветлаго, небеснаго чертога
Взирает на него, печется Бог о нем.
Не бойся никого, о смертный! — бойся Бога.

Чтоб всяк имел в тебе подпору,
Тобою просвещаться мог;
Хотя премудрость и блюдешь,
Но, может быть, как он, падешь.
Б, В: Не буди к слабостям жесток
Представый милосерду взору,
Да всяк найдет в тебе подпору,
И лютый облегчает рок.
Хотя премудрость и блюдешь,
Но, может быть, как он, падешь.

¹²⁹ А, Б, В: Щастливыя

¹³⁰ А, Б, В: Нещастливы

¹³¹ А: Надежду затьмевают;

Б, В: Надежду сокрывают;

¹³² А, Б, В: И злобно время есть,

В которо страждет честь.

¹³³ А, Б, В: Щедрот твоих струи [А: своих поток] повсюду проливай,

И старцов совестных питать не забывай;

Не мысли, будут ли тебя благодарити,

Но помни, что добро природно нам творити.

¹³⁴ А, Б, В: Неистовых

¹³⁵ А, Б, В: презирай;

¹³⁶ А, Б, В: безумных

¹³⁷ А, Б, В: Оставь клеветников со громкою трубою,

¹³⁸ А, Б, В: и царствует тобою.

А. О. ДЁМИН

**ПЕРЕВОД РАССКАЗА ТЕРАМЕНА
ИЗ ТРАГЕДИИ Ж. РАСИНА «ФЕДРА»
И ОРИГИНАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО Г. Р. ДЕРЖАВИНА**

В последние годы тема восприятия творчества Ж. Расина в России, впервые обстоятельно исследованная на материале XVIII в. Г. А. Гуковским,¹ дважды становилась предметом монографического обзора В. М. Мультиатули.² Однако обширность еще не рассмотренного историко-литературного материала позволяет делать новые наблюдения в этой области. В предлагаемой работе рассматривается соотношение единственного опубликованного при жизни Г. Р. Державина отрывка из выполненного поэтом полного перевода трагедии «Федра» и его смысловые соотношения с полным текстом перевода и творчеством Державина в начале XIX в.

Рассказ Терамена о гибели Ипполита и по сей день остается единственным изданным фрагментом полного державинского перевода трагедии «Федра». Поэт поместил его в сентябрьском номере «Чтений в „Беседе любителей русского слова“» за 1811 г., и впоследствии этот отрывок неоднократно переиздавался.³

¹ См.: *Gukovskij G. Racine en Russie au XVIII siècle: la critique et les traducteurs // Revue des études slaves. 1927. Fasc. 1—2. P. 75—93; Gukovskij G. Racine en Russie au XVIII siècle: les imitateurs // Revue des études slaves. 1927. Fasc. 3—4. P. 241—260.*

² *Мультиатули В. М.* 1) Расин в России. СПб., 2000; 2) Расин в русской культуре: Пути освоения духовных ценностей иностранной культуры: соотношение национальных форм нравственно-эстетических представлений и средств художественной выразительности. СПб., 2003.

³ См.: Чтения в «Беседе любителей русского слова». 1811. Кн. 3. С. 130—131; *Державин Г. Р. Сочинения. Т. 4. СПб., 1867. С. 767—769; Федра, трагедия в 5 действиях, в стихах, Ж. Расина (1677). Перевод в стихах размером подлинника Л. Поливанова с приложением этюда Патена... М., 1895. С. 149—150; Расин Ж. Трагедии. Л., 1977. С. 369—370 (сер.: «Лит. памятники»); Колесо Фортуны: Из европейской поэзии XVII в. М., 1989. С. 475—477.*

Публикуя рассказ Терамена отдельно от полного перевода трагедии,⁴ Державин следовал начавшей складываться в России традиции. Первым рассказ Терамена, переведенный отдельно, выпустил в свет А. П. Сумароков в 1756 г.⁵ Он перевел также и шестое явление четвертого действия «Федры»⁶ и с восхищением отозвался о ней во «Мнении во сновидении о французских трагедиях».⁷ В 1810 г. А. М. Пушкин опубликовал свой перевод рассказа Терамена в «Вестнике Европы».⁸ Полный перевод «Федры», выполненный А. М. Пушкиным, остается неизданным, местонахождение его неизвестно.⁹ После Державина рассказ Терамена отдельно от текста трагедии выпустил в свет А. И. Писарев;¹⁰ П. А. Катенин и Ф. И. Тютчев перевели его отдельно в 1820-е гг.¹¹ В архиве Державина сохранился автограф Н. И. Гнедича, содержащий перевод рассказа Терамена, текст которого не совпадает ни с одним из ныне известных.¹²

Действительно, рассказ Терамена в силу своей монолитности и композиционной завершенности легко вычленяется из текста трагедии Расина. Это — самостоятельный лирический отрывок, который вполне может существовать отдельно. Однако он является необходимым звеном в развитии сценического действия трагедии. Рассказ Терамена содержит сведения, необходимые для завершения сюжетной линии, связанной с фигурой Ипполита. Юный герой погибает не только по причине отцовского проклятия, но и в результате своего стремления к подвигу, о котором зритель узнает с первых же минут сценического действия. Томимый бездействием и любовной страстью к Арисии, Ипполит стремится

⁴ Тема полного перевода «Федры» Державиным освещалась мной в докладе на X Державинских чтениях 20 января 1999 г. Здесь будет уместным заметить, что 1811 г. следует предположительно считать поздним пределом работы Державина над переводом: выставленная в рукописях дата 27 августа 1809 г. может считаться только промежуточной, так как и после нее текст претерпел значительные изменения.

⁵ См.: Ежемесячные сочинения. 1756. Май. С. 422—425.

⁶ См.: Модное ежемесячное издание. 1779. Ч. 1. С. 103—106.

⁷ См.: Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе <...> А. П. Сумарокова. М., 1781. Ч. 4. С. 340—344.

⁸ См.: Вестник Европы. 1810. Ч. 51. № 10. С. 120—123.

⁹ См. о нем: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 176; Русский архив. 1867. Ст. 1080.

¹⁰ См.: Вестник Европы. 1822. Ч. 122. № 3. С. 180—183. В редакционном примечании указано, что это отрывок из перевода «Федры» Ж. Расина, почти dokonченного.

¹¹ См.: *Катенин П. А.* Избранные произведения. М.; Л., 1965. С. 645—646; *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1987. С. 99—101. О переводе Тютчева см.: *Сигал Н. А.* Из истории русских переводов «Федры» Расина // Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 454—462.

¹² РО РНБ. Ф. 247. Державин. Т. 24. Л. 141—143.

покинуть Трезен, чтобы отправиться на поиски Тезея и самому стать героем, подобно отцу:¹³

На страсти не дала мне слава прав ни мало,
Мной ни одно еще чудовище не пало.

(Л. 4)¹⁴

Мы узнаем также, что в детстве Ипполит гораздо больше любил слушать рассказы Терамена о победах Тезея над чудовищами и разбойниками, чем о его любовных похождениях. Ипполит с радостью узнавал, что отец:

Чудовищ низлагал, разбойников карал.

(Л. 3 об.)

При встрече с Тезеем уже отягощенный ужасным признанием Федры Ипполит с удвоенной горячностью просит отца отпустить его из Трезена на поиски славы, которую может принести ему встреча с чудовищем:

Позволь же попещись о славе ты моей,
И коль чудовище где от руки твоей
Спаслось, вели, и вмиг линовище прострется
К стопам твоим его иль в веки пронесется
О смерти слух моей, чтоб подвигом таким
Стал благородным я тебе достойный сын.

(Л. 25)

В приведенном фрагменте содержится невольно пророческое указание на возможную гибель в схватке с чудовищем, которая и совершится в финале трагедии.

Мотив змееборства, или точнее тератомахии (борьбы с чудовищем), возникает также в важнейшей сцене — в признании Федры. Пытаясь обольстить Ипполита, Федра мечтает вслух о том, что он мог бы вместо Тезея вступить в бой с Минотавром и тогда она вместо Ариадны вручила бы юному герою спасительную нить для выхода из Лабиринта и даже сама спустилась бы с ним в подземелье, чтобы оберегать его.

Тобой чудовищу должно бы быть убиту...

(Л. 18 об.) —

¹³ Здесь и далее приводятся фрагменты из перевода Державина, а для необходимого к ним комментария — соответствующие места из оригинального текста Расина.

¹⁴ Здесь и далее перевод Державина цитируется по рукописи РО ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 1. № 33. Л. 1—43. Правка Державина вносится без дополнительных оговорок. Орфография и пунктуация унифицированы в соответствии с современными правилами.

говорит Федра, подразумевая Минотавра. Державин опускает здесь уточняющий эпитет, имеющийся в тексте Расина, что расширяет значение слова «чудовище», придает ему более обобщенный смысл. Ср. у Расина:

Par vous aurait péri le monstre de la Crète...

(Р. 770)¹⁵

(Через Вас чудовищу Критскому погибель прियाь бы...)¹⁶

Когда же этот ход не приносит героине желаемого результата, она, охваченная порывом внезапного раскаянья, просит Ипполита убить ее, называя уже себя чудовищем, которое следует уничтожить:

Спаси от зверя мир, грозящего пожрать.
Вдову Тезея жжет ко Ипполиту страсть!
Чудовищу сему не дай в живых остаться,
Вот сердце, что твоей рукой должно пронзаться.

(Л. 19 об.)

В первом из приведенных двустиший Державин помимо неудачной рифмы допускает уже характерную для его перевода неточность. В его переводе страсть Федры угрожает миру, как чудовище, готовое его пожрать. Убив Федру, Ипполит должен спасти вселенную от катастрофы. В тексте Расина образ космического масштаба: «*Délivre l'univers d'un monstre...*» («Избави вселенную от чудовища...») фокусируется в точке личных взаимоотношений двух людей: Федра пытается вызвать у Ипполита, ведущего себя в этой сцене подчеркнуто сдержанно, чувство, направленное конкретно на нее, если не любовь, то хотя бы ненависть: «...*qui t'irrite*» (Р. 772) («...кое во гнев тебя приводит»).

Потерпев неудачу в любовном признании, Федра при вести о возвращении мужа готова относиться к самому Ипполиту, как к чудовищу. На вопрос Эноны: «Какими на него зриаешь ты очами?» Федра отвечает: «Как на лютейшего меж страшными зверями» (Л. 24 об.). Расин в соответствующей строке пользуется словом «*monstre*»: «*Je le vois comme un monstre effroyable à mes yeux*» (Р. 778) («Он чудовищем, ужаса достойным, очам моим является»). Воспользовавшись этим мгновением ужаса и ненависти, Энона убеждает героиню в необходимости оклеветать Ипполита, и согласие Федры становится роковым для юного героя.

¹⁵ Здесь и далее трагедия Расина цитируется по изданию: *Racine J. Œuvres complètes*. Paris, 1950. Vol. I. Théâtre. Poésies с указанием номера страницы в тексте.

¹⁶ Здесь и далее подстрочный перевод мой. — А. Д.

Образ-мотив чудовища как метафоры преступной страсти Федры возникает еще раз в непосредственной близости от развязки трагедии. Арисия, извещенная Ипполитом обо всем случившемся, но связанная обещанием не называть имя Федры, пытается намекнуть Тезею на истинный источник несчастий в его доме:

Брегися, государь! хоть силой несравненной
Чудовищ свергнул ты с лица всея вселенной;
Но есть еще одно, оставленно тобой,
О ком претит вещать достойный сын мне твой.

(Л. 37)

После этих слов Тезей получает одно за другим известия о самоубийстве Эноны, о гибели Ипполита (здесь, в рассказе Терамена, чудовище предстает во всей своей ужасной живописности) и, наконец, узнает из уст умирающей Федры всю правду, что доверяет развязку.

В приведенном отрывке Державин допускает неточность, соотносимую с отмеченными выше. В его тексте мотив борьбы с чудовищами вновь генерализуется, приобретает космический масштаб, тогда как в тексте Расина речь не идет о «лице всея вселенной», но только о бесчисленных чудовищах, от которых непобедимые руки Тезея избавили людей:

...vos invincibles mains
Ont de monstres sans nombre affranchi les humains.

(P. 796)

(...непобедимые руки ваши
От бесчисленных чудовищ человечество избавили).

Итак, в составе полного текста трагедии гибель Ипполита приобретает тройкий смысл. Герой гибнет не только из-за отцовского проклятия и предательски поспешного исполнения Нептуном молитвы Тезея, но также терпит неудачу в совершении подвига, к которому стремился всю жизнь. Вытекающий из приведенных примеров третий смысл эпизода гибели Ипполита таков: в образе морского дракона Ипполита настигает страсть Федры, перед гибельным напором которой он оказывается бессилем и с которой безуспешно пытается бороться. Дракон, кстати, имеет черты быка, что напоминает о преступном влечении матери Федры, Пасифаи, к быку, и о плоде этого влечения — Минотавре.

Следует отметить, что удар копьем, наносимый Ипполитом чудовищу, является художественной находкой Расина. Трагики, обрабатывавшие этот сюжет до него (Еврипид, Сенека, Р. Гарнье), рисовали Ипполита лишь искусным возницей, который долгое время мог спастись от преследования дракона, ловко управляя конями. Для сравнения можно привести почти комическое положение в скан-

дально известной трагедии Н. Прадона «Ипполит и Федра» (1677), написанной и поставленной в пику Расину. Здесь Ипполит требует от коней остановиться, объясняя им, что должен поразить чудовище, будучи достойным сыном своего великого отца, однако обуянные страхом скакуны, естественно, его не слушают и несутся прочь, увлекая за собой колесницу.¹⁷ Как уже было отмечено выше, именно расиновская версия рассказа о гибели Ипполита, наряду с трагедией «Федра» в целом, оказывается актуальной для русской художественной словесности в начале XIX в., и в частности для Державина.

В соотношении с фактами оригинального творчества «отца русских поэтов» 1800—1810-х гг. перевод рассказа Терамена и его публикация в журнале «Беседы любителей русского слова» в сентябре 1811 г. получают особый смысл.

План фрагмента, с редкостной точностью, по мнению Г. А. Гуковского,¹⁸ переведенного Державиным, в кратком изложении таков:

1. Ипполит в окружении своих приближенных направляется из Трезена в сторону Микен на колеснице, запряженной его любимыми конями.

2. Внезапно из глубины моря появляется ужасное чудовище, при виде которого товарищи Ипполита обращаются в бегство.

3. Ипполит, сдержав коней, наносит чудовищу удар копьём в бок. Разъяренный зверь бросается под ноги коней.

4. Кони, напуганные чудовищем, скачут, не разбирая дороги и не подчиняясь ни вожжам, ни окрикам Ипполита. В результате колесница, налетев на камень, разваливается на куски, а Ипполит, запутавшись в вожжах, погибает, влекомый лошадьми по бездорожью.

5. Терамен отыскивает умирающего Ипполита, тот просит его взять на себя заботу об Арисии и испускает дух.

Сюжет о крушении колесницы был разработан Державиным в оде «Колесница», начатой 31 января 1793 г., когда в Петербург пришло известие о совершившейся 10 января казни французского короля Людовика XVI. Ода была завершена и опубликована в 1804 г. В комментарии к стихотворению Я. К. Грот приводит фрагмент из «Записок» графа Л. Ф. Сегюра (1753—1830) о слабости и шаткости королевской власти во Франции в июне 1789 г.: «Престол был похож на колесницу, у которой сломалась ось, и лошади уже не повинуются вожжам».¹⁹ Не стоит настаивать на влиянии «Записок» Сегюра,

¹⁷ См., напр.: Les œuvres de M. Pradon divisées en deux tomes. Nouvelle édition corrigée et augmentée. Paris, 1744. Т. 1. P. 189.

¹⁸ См.: *Gukovskij G. Racine en Russie au XVIII siècle: la critique et les traducteurs*, par // Revue des études slaves. 1927. Fasc. 1—2. P. 92.

¹⁹ См.: *Державин Г. П. Сочинения*. СПб., 1864. Т. 1. С. 524. Слова «char», «coursiers», «essieu», «rènes», употребляемые Сегюром, делают отсылку к расиновскому рассказу Терамена еще более прозрачной (см., напр.: *Mémoires ou Souvenirs et anecdotes par M. le Comte de Ségur <...>*. Deuxième édition. Paris, 1826. Т. 3. P. 492). Далее ссылки на издание: *Державин Г. П. Сочинения / С обь-*

впервые опубликованных во Франции в 1824 г., на творческий замысел Державина. И все же следует отметить, что образ колесницы, символизирующий самообладание и шире — выражающий идею управления, восходит к диалогу Платона «Федр» и мог быть известен Державину, например, из перевода сочинений древнегреческого философа, опубликованного в Петербурге в 1780—1783 гг.²⁰ В сюжете «Колесницы» коней своим карканьем пугают вороны. Так Державин изображает «философов», которые вздорными умствованиями смущают народ и подстрекают его к беспорядкам и бунтам. В мотивной структуре рассказа Терамена ту же функцию выполняет морской дракон.

Образ чудовища и тема борьбы с ним занимает чрезвычайно важное место в творчестве Державина и особенно активно разрабатывается поэтом в 1800—1810-х гг.

Сюжет дракономахии (борьбы со змеем) традиционно интерпретируется во всех культурах земного шара, особенно на поздних этапах, как символическое изображение борьбы с внешним или внутренним политическим врагом.²¹

Впервые след змееборческого сюжета в поэзии Державина встречаем в «Оде Екатерине II» (1767), воспевавшей императрицу в связи с опубликованием «Наказа»:

Стрелец, оружием снабженный,
На сыне видя лютых змей,
Любовью отчей побужденный
Спасти его напасти сей,
Поспешно лук свой напрягает,
На сына стрелы обращает;
Но чтоб кровям его не литься
И жизнь безбедно сохранить,
Искусно метит он и тщится
На нем лишь змей одних убить.

Таков твой суд есть милосердный,
Ты так к нам сердобольна мать!

(III, 244)

Этот образ найдет свое отражение в поздней оде 1807 г. «На выступление корпуса гвардии в поход» (II, 626—627), где захваченный

яснительными прим. Я. Грота. СПб., 1864—1883. Т. 1—9 приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

²⁰ См.: Творений велемудрого Платона части вторыя первая половина, переложенная с греческого языка на российский священником Иоанном Сидоровским и коллежским регистратором Матфием Пахомовым... СПб., 1783. С. 159, 187, 190.

²¹ См., напр.: История всемирной литературы. М., 1984. Т. 2. С. 411—412; Dictionnaire des mythes littéraires. Monaco, 1988. P. 78—86, 1217—1224; Мифы народов мира. М., 1991. С. 394—395.

французами Берлин представлен Лаокооном, опутанным змеями, а Александр I — Фебом, спасающим его солнечными стрелами.

Особое значение для дальнейшего творчества Державина имеют змеборческие мотивы в «Читалагайских одах»²² «На ласкательство» и «На порицание» (1775). В них в образе змей и чудовищ представлены нравственные пороки и безнравственные деяния, с которыми следует бороться. Лирический герой оды «На ласкательство» решает вступить в битву с лестью. «Поборствуй мне, доблственный Алкид, ты, которого бесстрашная доблесть низлагала ужаснейших чудовищ! В подобие тебе, яко отмститель вселенной, еще с опаснейшим чудовищем я долженствую братися», — восклицает поэт (III, 274). Далее, в четвертой строфе, лесь изображена в виде змеи, коварно скрывающейся в траве. Обращение к «Порицанию», или точнее к «Клевете» (die Verleumdung): «Ядовитая гидра! ты, которой угрызение змиино жалит для общего добра рожденного принца, о дикий кровожаждущий тигр!» (III, 282).

Отсюда берут свое начало многочисленные уподобления змеям и чудовищам лести, клеветы, злобы, безбожия и льстецов, клеветников, злодеев, безбожников, нечестивцев в одах и драмах Державина. Наиболее показательный пример из драматургии — уподобление коварной Марины Мнишек в «Пожарском» (1806) «златосребрянной сверкающей ехидне», «виющейся на цветах»,²³ к которому восходит, как было отмечено И. Н. Медведевой и В. А. Бочкаревым, сравнение Марины со змеей в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина.²⁴ Ср. в оде «На ласкательство»: «Тако клубящаяся змия, лежащая сокровенно во злаке, приуклоняет кичливую главу свою пред безопасным (verwegenen) Африканцем. Она ползет, дабы напасть, и вред желающей угрызть несетя под сеннолистием и под цветами...» (III, 275).

В лирике уподобление нравственных пороков и безнравственных деяний, а также нравственно порочных людей змеям и чудовищам часто сведено к одной выразительной детали — «зиянию», как, например, в оде «Упование на защиту Божию» (1811):

Будь милостив ко мне, мой Бог,
Коль враг меня пожрать зияет...

(III, 95)

²² О месте «Читалагайских од» в творческой эволюции Державина и в истории русской оды см.: *Алексеева Н. Ю.* Державинские оды 1775 года. (К вопросу о реформе оды) // XVIII век. СПб., 1993. С. 75—92.

²³ Характеристика Марины в монологе Авраамия Палицына (IV, 139—140).

²⁴ См.: *Озеров В. А.* Трагедии. Стихотворения. Л., 1960. С. 59; *Бочкарев В. А.* О некоторых особенностях трагедии Г. Р. Державина «Ирод и Мариамна» // Г. Державин. История и современность. Казань, 1993. С. 8, 13. Бочкарев отмечает также сравнение клеветницы Соломии с ехидной в роли Мариамны: «Ехидна так в цветах бывает ухищрена» (IV, 241).

Такое уподобление совершенно отсутствует в текстах од «Помощь Божия» (1793), «Приношение монархине» (1795) и «На безбожников» (1804), однако зримо явлено в виньетках к ним по программам самого Державина.²⁵

С тематикой нечестия, безбожия, злобы и коварства связано эмблематическое изображение революции, народного бунта, в фигуре Гидры, впервые встречаемое у Державина в надписи на статую Петра Великого (1775):

Се тот герой, Орла который просветил,
Вне Солнце, Льва, Луну, — внутрь Гидру победил.
(III, 327)²⁶

Оно становится основой для изображения Геракла (Алкида), побивающего Гидру палицей. Сначала Державин применяет этот образ к Потемкину как усмирителю Пугачевского восстания и к Екатерине II,²⁷ а затем — к Суворову, победителю мятежных французов.²⁸ В оде «На Мальтийский орден» (1798) поэт изображает мистическое превращение «Галла», родившего Гидру безверия, в чудовище, что художественно мотивирует воспеваемую Державиным в дальнейшем борьбу с французами:

Безверья гидра проявилась:
Родил ее, взлелеял Галл;
В груди его, в душе вселилась,
И весь чудовищем он стал!
Растет — и тысячью главами

²⁵ Значение первого рисунка к «Помощи Божией»: «Змея ползет к спящему младенцу: означение Злости, которая всегда избирает время беспечности нашей; Помощь Божия в виде ангела спешит к Невинности и Оком Всевидящим отражает Злость, осыпая младенца маковым цветом» (I, 552). На картинке Оленина к «Приношению монархине» «под стопами Фелицы орел раздирает ехидну, означающую ненависть и злобу» (I, 717). Первый рисунок к оде «На безбожников»: «Вверху, посреди неба Всевидящее Око сквозь туч бросает грома на крылатых драконов и ползущих змей, — изображает, что рано или поздно несчастье (видимо, опечатка — нечестие. — А. Д.) накажется» (II, 510).

²⁶ Так поэт интерпретирует фигуру змеи, извивающейся под копытами Медного всадника.

²⁷ См.: «Эпистола к генералу Михельсону на защищение Казани» (1775), где Пугачев еще просто «змей» (III, 319); «Изображение Фелицы» (1789) (I, 290—291); «Развалины» (1797) (II, 99), хотя, по мнению Грота, «Алкиду, поражающему палицей гидру уподоблен победитель (Орлов-Чесменский. — А. Д.)» (там же).

²⁸ «На медалион, на котором представлен Суворов в лвиной коже» (1791) (III, 353, а также вариант из рукописи 1790 г., там же); «Орел» (1799) (II, 241—242). На первом рисунке к этой оде изображен Геркулес, поражающий Гидру палицей, что соответствует призыву: «Гряди, Алкид, на Гидру дерзку, // Смири ее ты лютость зверску...» и т.д.; «Маневры» (1804) (II, 490).

С несчетных жал струит реками
Обманчивый по свету яд.

(II, 216)

В военных одах Державина 1800 — 1810 гг. Александр I предста-ет в образе Феба, поражающего солнечными стрелами Тифона.²⁹ Там же регулярно появляется рифма «Александра — Саламандра», где Саламандра — огнежрущее чудовище, символ Наполеона. Например, в оде «На отправление в армию фельдмаршала графа Каменского» (1806):

Иди! иди! предходит Бог
Перед хоругвью Александра,
И пламень жруща Саламандра
Он в прах твоих повергнет ног.

(II, 609)³⁰

Наиболее значительные произведения Державина 1800—1810 гг., в которых разрабатывается змеборческий сюжет — «театральное представление с музыкою» «Добрыня» (1804), кантата «Персей и Андромеда» (1807), «Гимн лиро-эпический на прогнание Французов из Отечества» (1812) и оперное либретто «Грозный, или Покорение Казани» (1814).

«Добрыня» (IV, 47—128), по всей вероятности, был написан под свежим впечатлением от одноименной поэмы скончавшегося годом раньше Н. А. Львова (1796, опубликована в 1804). Резкая полемическая заостренность «Добрыни» против модной в эти годы в Петербурге комической оперы «Русалка»,³¹ явная пародийность,

²⁹ См.: «Поход Озирида» (1805) (II, 570—573); «На выступление корпуса гвардии в поход» (1807) (II, 627); Виньетка к отдельному изданию оды «На сретенье победителя Европы Александра I» (1814) «представляет триумфальные ворота и вступающего в них Феба, за которым лежит пораженный им дракон и летят орлы» (III, 216, прим.). Первое употребление этого образа встречаем в кантате «Любителю художеств» (1791), где через борьбу Аполлона с чудовищем изображено просвещение, солнечными стрелами уничтожающее невежество (I, 370). Об историко-литературном и широко культурологическом контексте этого образа см.: *Лапто-Данилевский К.* Пифон или Тифон? (Из комментария к стихотворению Державина «Любителю художеств») // Новое литературное обозрение. № 55 (2002). С. 132—150; *Вильк Е. А.* «Чудище стозево» и Тифон: («Путешествие...») А. Н. Радищева в контексте мистической литературы XVIII в. // Там же. С. 151—173.

³⁰ См. также: «Кантата» (1805) (III, 382), где использована рифма притяжательных прилагательных «Александров—Саламандров»; «Персей и Андромеда» (II, 616); «На выступление корпуса гвардии в поход» (1807) (II, 626); «На парение орла» (1812) (III, 135).

³¹ О сценической истории этой оперы см.: *Губкина Н. В.* К истории «Русалки» на немецкой и российской сценах в Петербурге // Театральная жизнь Петербурга в контексте европейской культуры XVIII—начала XX в. Тез. докл. междунар. конф. 23—24 ноября 1995 г. СПб., 1996. С. 22—24.

принадлежность к складывающемуся жанру русской волшебной-героической оперы обусловили юмористический характер подачи былинного сюжета. Так, например, рассказ о сражении Добрыни с Тугарином вложен в уста комического слуги, труса Торопа (IV, 100—103).³²

Театральная природа «Персея и Андромеды» (II, 612—617) была проанализирована мною.³³ Следует отметить, что в конце 1805 г., незадолго до написания «Персея», Державин перевел кантату Ж.-Б. Руссо «Цирцея» (1715), бывшую общепринятым образцом этого жанра в европейской литературной культуре (II, 535, прим.). Любопытно, что «Цирцея» и «Персей» Державина являются своеобразной поэтической дилогией, отражающей театральную дилогию А. Я. Княжнина 1802—1803 гг., куда входят дуодрамы — «Цирцея и Улисс» и «Андромеда и Персей», исполненные А. Д. Каратыгиной и А. С. Яковлевым. В «Персее» Державина чудовищу, изображающему Наполеона и его армию, впервые в творчестве поэта приданы черты апокалиптического Зверя, исходящего из бездны, что намечает решение темы, характерное для его од 1812—1814 гг.

«Гимн лиро-эпический на прогнание Французов из Отечества» (III, 137—164) содержит в себе большую часть вариантов образного оформления сюжета тератомехии, встречаемых порознь в других одах и драмах Державина, и добавляет к ним ряд новых.

В «опере» «Грозный, или Покорение Казани» (IV, 579—638), писавшейся на протяжении 1813 и опубликованной в 1814 г., змееборческий сюжет теряет свойственную «Гимну» апокалиптическую остроту и размах. Иоанн Грозный явился завоевать Казань, как Александр I шел покорить Париж в 1813 г., следовательно, змееборство в опере теряет свой самый важный — сотериологический — смысл, не предстает более избавлением от грозящей опасности. Соответственно и Зилант Казанский в опере является чуть ли не бутафорским муляжем, сооруженным злым волшебником Нигрином для отпугивания русской рати, впрочем, безуспешного: в начале третьего действия мы видим Зиланта уже при последнем издыхании (IV, 599).

Таковы основные этапы развития сюжета тератомехии и его основного варианта — змееборства в поэзии и драматургии Державина. Не стоит останавливаться здесь на всех проходных и автоматических упоминаниях змей и чудовищ, учтенных нами при фронтальном просмотре трех томов лирики и тома драматургии поэта. Оставлены в стороне также мотивы гигантомехии, воспринятые Державиным из античной литературы, в частности из переводов Пин-

³² Завершение рассказа — в роли Сотника (С. 112).

³³ См.: Дёмин А. О. О театральных источниках кантаты Г. Р. Державина «Персей и Андромеда» // Литературное произведение: сюжет и мотив. Новосибирск, 1999. С. 37—46. (Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 3).

дара и Горация,³⁴ эмблематические картины борьбы орла со змеей,³⁵ Давида с Голиафом,³⁶ Самсона со львом,³⁷ уникальные для поэзии Державина описания победы Минервы над Сиреной,³⁸ Красоты над Львом,³⁹ мальтийского кавалера Богдана де Гозона над крокодилом-людоедом,⁴⁰ атамана Платова над «вепрем чернощетинным»⁴¹ и др., следует лишь отметить, что державинская художественная тератология и тератоматия требуют отдельного подробного исследования.

Нетрудно заметить, что мотивная структура рассказа Терамена коренным образом отличается от мотивной структуры традиционного змеборческого сюжета, повсеместно используемого Державиным. Нападает здесь не чудовище, а герой (знаменитый удар копьём, изобретенный Расином), что вызывает ответный выпад зверя:

Страшилище, с копыя вспрынув, остервенело...

(Л. 39)

Схватка заканчивается плачевно для героя. Следует помнить также о смысловой нагрузке образа крушения колесницы и бешеной скачки неуправляемых коней, губящих своего хозяина, *запутавшегося в вожжах*. Каким же образом рассказ Терамена вписывается в творчество Державина 1800—1810 гг.?

³⁴ См.: «Fragmentum» (1772) (III, 257—258); «На победы Екатерины II над турками» (1772) (I, 14); «На бракосочетание вел. кн. Павла Петровича с Наталиею Алексеевною» (1773) (III, 264—265); «Первая песнь Пиндара пифическая» (1800) (II, 333); «К Каллиопе» (1811) (III, 102—103); «На сретенье победителя Европы Александра I» (1814) (III, 219).

³⁵ См.: «Ода на день рождения Ее Величества, сочиненная во время войны и бунта 1774 г.» (III, 307—308, из пропущенных в печати строк); «Эпистола И. И. Шувалову на прибытие его из чужих краев в Санкт-Петербург 1777 г. сентября 17 дня» (I, 57), которая наряду с предыдущей одой и «Эпистолой к генералу Михельсону на защищение Казани» (1775) (III, 311—324) стоит у истоков «казанской» тематики Державина; «На взятие Варшавы» (1794) (I, 645); «Приношение монархине» (1795) (I, 715—717, виньетка Оленина); «На новый 1797 год» (I, 19); «На рождение вел. кн. Михаила Павловича» (1798) (II, 154); «На отправление в армию фельдмаршала графа Каменского» (1806) (II, 608); «На выступление корпуса гвардии в поход» (1807) (II, 626); «На парение орла» (1812) (III, 133—134); «На сретенье победителя Европы Александра I» (1814) (III, 216, 217, 218; см. также виньетку к отдельному изданию, воспроизведенную на с. 215).

³⁶ См.: «На Мальтийский орден» (1798) (II, 222); «На победу Александром I Наполеона под Люценом» (1813) (III, 168—169).

³⁷ См.: «На смерть графини Румянцовой» (1788) (I, 221); «На Мальтийский орден» (1798) (II, 221).

³⁸ См.: «На коварство французского возмущения и в честь кн. Пожарского» (1790) (I, 319, см. также первую виньетку к оде, воспроизведенную на с. 315).

³⁹ См.: «Победа Красоты» (1796) (I, 753—757).

⁴⁰ См.: «На переход Альпийских гор» (1799) (II, 290—291).

⁴¹ См.: «Атаману и войску Донскому» (1807) (II, 650).

Отвечая на этот вопрос, нужно прежде всего отметить, что Державин как певец славы русского оружия в период с мая 1807 по июнь 1812 г.⁴² воздерживается от публичных выступлений. Александр I воспрепятствовал обнародованию его оды «На мир 1807 года», посвященной заключению Тильзитского договора и адресованной императрицам Марии Федоровне и Елизавете Алексеевне. Державин воспевал в ней «тишину» и отечество, счастливо избегнувшее опасности. Ему пришлось довольствоваться лишь рукописным экземпляром, поднесенным императрицам.⁴³

18 апреля 1809 г. Державин написал стихотворение «Геба» на бракосочетание вел. кн. Екатерины Павловны с герцогом Ольденбургским Георгием (III, 1—3) и напечатал его в «Цветнике».⁴⁴ В нем высказывалась надежда на военную славу, связанную с именем герцога. В действительности же именно захват герцогства Ольденбургского Наполеоном, как известно, явился последней каплей в скрытом конфликте России и Франции, назревавшем в течение 1809—1810 гг.⁴⁵ Начавшиеся вскоре после этого события приготовления к войне⁴⁶ (Александр хотел нарушить Тильзитский мир по собственной инициативе) не вызывали у Державина «пиитического восторга».

18 июня 1811 г. он переводит на Званке седьмой эпод Горация «К римскому народу» (III, 85), первая строфа которого вполне определенно выражает отношение автора к происходящему:

Куда, куда еще,⁴⁷ мечи едва вложенны
В ножны, вы обнажа, стремитесь вновь, ярься?
Поля ль от вас, моря ль не много обгагрены,
И мало ль ваша кровь лилась?

⁴² См.: Сын Отечества. 1812. Ч. I. № 6. С. 253, 254.

⁴³ Первую публикацию см.: *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1816. Ч. 5. С. 107—112 со значительными изменениями, о которых см.: II, 658.

⁴⁴ См.: Цветник. 1809. Ч. 2. № 4. С. 82—84.

⁴⁵ См.: *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. СПб., 1911. Т. 2. Второй брак Наполеона. Упадок союза. С. 545—549, 552—561.

⁴⁶ О них см.: *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. СПб., 1912. Т. 3. Разрыв франко-русского союза. С. 1—57.

⁴⁷ Ср. в оде «На взятие Варшавы» (1794) строки:

О всемогущая жена!
Бессмертная Екатерина!
Куда? и что еще? — Уже полна
Великих ваших дел вселенна.
(II, 639—640)

Они вызвали недовольство императрицы, неверно прочитанные ее секретарем В. С. Поповым, о чем Державин вспоминает в «Объяснениях» (II, 638—639, прим.).

Поэт идет еще дальше и пророчествует, отступая от оригинала:

Так, так, — не от парфян, но собственной враждою
Своей, кралолюю падет ваш славный град.

Естественно, что перевод этот оставался неопубликованным до 1816 г.⁴⁸ И хотя спустя менее месяца, 16 июля, Державин пишет вполне одобрительную по отношению к военным приготовлениям оду «На преодоление врага», выбранную из 65-го псалма (III, 97—99), она также остается «под спудом», видимо до выяснения внешнеполитической конъюнктуры.⁴⁹

В целом, поэт-сенатор весьма скептически относился к стратегическому потенциалу молодого александровского окружения, о чем свидетельствует, например, его басня «Голуби» (III, 567—568), которую, к сожалению, пока можно датировать лишь в широком промежутке 1802—1816 гг.

Державин-драматург пишет в это время произведения, обидные для государя. Среди них — «Евпраксия» (1809), где поэт яростно и язвительно протестует против намечающегося брака Наполеона с великой княжной Анной Павловной.⁵⁰ С особым упорством Державин настаивает на постановке «Евпраксии», что было бы чревато скандалом, чем доводит заведующего репертуарной частью А. А. Шаховского чуть ли не до нервного срыва.⁵¹ Неудавшаяся попытка постановки «Евпраксии» навсегда закрывает для Державина-драматурга двери Императорских театров.⁵²

За «Евпраксией» следует трагедия «Темный», которую Державин демонстративно пишет «в стол» и назойливо предлагает читать всем своим знакомым. Главный герой «Темного» — *слепой* князь Василий III, которому угрожает гибель от рук узурпатора. Спасает Василия «верный мурза Багрим», удаленный от княжеского двора за «слишком ревностную службу».

В том же 1809 г. Державин трудится над переводом «Федры» Расина, акцентируя в нем с помощью генерализации образов чу-

⁴⁸ См.: *Державин Г. Р. Сочинения*. СПб., 1816. Ч. 5. С. 194—195.

⁴⁹ См.: Там же. С. 41—43.

⁵⁰ О сватовстве Наполеона к великой княжне см.: *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. Т. 1: От Тильзита до Эрфурта. СПб., 1910. С. 464—477; Т. 2: Второй брак Наполеона. Упадок союза. СПб., 1911. С. 200, 242—299; *Татищев С. С.* Тайная переписка о предполагавшемся браке Наполеона I с вел. кн. Анною Павловною. 1809—1810 гг. М., 1890.

⁵¹ См.: *Альтишуллер М. Г.* Предтечи славянофильства в русской литературе: (Общество «Беседа любителей русского слова»). Ann Arbor; Michigan, 1984. С. 160—164; 2-е изд.: *Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства*. М., 2007. С. 165—169.

⁵² Словно в пику театральной цензуре Державин вводит упоминание о судьбе злосчастной княгини в оду 1810 г. «Добродетель»: «Царицы — верных жен примеры: // Вершит свой Евпраксия рок» (III, 59).

довища в отмеченных выше фрагментах сюжетную линию юного неопытного Ипполита, стремящегося сразиться с «мировым злом». Державин-стихотворец уже давно раздражает Александра напоминаниями о его невеселом детстве, о докучных педагогических затеях Екатерины-Фелицы; Державин-сенатор в отставке забрасывает царя проектами по обороне отечества от иноземных врагов, которые Александр упорно игнорирует, чем в свою очередь восстанавливает против себя вспыльчивого екатерининского вельможу, известного своей несдержанностью, когда речь идет о «правде».

Личные отношения между тридцатидвухлетним «порфирородным отроком» и отставным «певцом Фелицы» должны были окончательно испортиться в марте 1811 г. Александр не соизволил приехать на официальное открытие «Беседы»,⁵³ несмотря на настойчивые приглашения Державина, что могло вызвать немало насмешек в адрес престарелого «Орфея», которому было отказано в «сретеньи Солнца».⁵⁴

К концу августа 1811 г. внешнеполитическая обстановка и положение России не могли не вызывать тревоги у всякого информированного и здравомыслящего человека. «Великая армия», мобилизованная Наполеоном в ответ на военные инициативы Александра, значительно превосходила по численности силы русских,⁵⁵ что вполне могло вызывать ассоциации с огромным чудовищем, свиреподышащим в лицо юноши, вооруженного лишь легким копьём.

15 августа 1811 г. на дипломатическом приеме в Тюильри по случаю своего дня рождения Наполеон, разгневанный военными приготовлениями России, весьма резко отчитал русского посланника кн. А. Б. Куракина в присутствии множества дипломатов из разных стран.⁵⁶ В его яростном и цветистом выступлении ясно была различима угроза нападения. На следующий день после многочасовой работы в Сен-Клу над документами, касающимися дипломатических отношений с Россией в течение 1807—1811 гг., Наполеон действительно принял решение о нападении на Россию, но отложил его вы-

⁵³ Эпизод описан в «Записках о словесности» Д. И. Хвостова, опубликованных А. В. Западковым. См.: Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 371—372. Здесь же помещена эпиграмма на Державина по этому поводу. Об официальном открытии «Беседы» и общественном резонансе этого события см.: *Альциуллер М. Г. Предтечи славянофильства в русской литературе...* С. 48—55.

⁵⁴ К ожидаемому приезду Александра в «Беседу» Державиным был написан дифирамб «Сретенье Орфея Солнца», который, будучи положен на музыку Д. С. Бортнянским, должен был прозвучать в честь императора (III, 81—83).

⁵⁵ См., напр.: *Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России.* М., 1968. С. 60—82; *Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию: 1812 г.* М., 1992. С. 12—45.

⁵⁶ См.: *Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи.* Т. 3. Разрыв франко-русского союза. С. 215—220.

полнение до июня 1812 г. А. Вандаль отмечает, что «дни 15 и 16 августа 1811 г. устанавливают решительную эпоху в истории разрыва (франко-русского союза. — А. Д.). Они отмечают момент, когда Наполеон отказывается вполне от мысли о миролюбивой сделке; когда он дает себе слово, явившись во главе своих легионов, предписать без всяких условий свою волю» (С. 228).

Выходка Бонапарта, вскоре ставшая известной в Петербурге, вполне адекватно описывается фразой из рассказа Терамена: «Страшилище, с копья вспрыгнув, остервенело...» Можно предположить, что, по-видимому, именно известие об этом событии оказало решающее влияние на выбор Державиным текста для публикации в сентябрьском номере «Чтений», получившем цензурное разрешение 31 августа 1811 г. «Рассказ Терамена» с лаконичной подписью «Державин» завершает номер, находится в композиционно значимом положении в сборнике.⁵⁷

Если верны предшествующие рассуждения, то можно предположить, что публикацией собственного перевода рассказа Терамена из трагедии Расина «Федра» Державин выразил свое негативное отношение к военным инициативам Александра I, который в течение 1811 г. стремился нарушить Тильзитский мирный договор и начать войну против Франции без достаточных сил, средств и удовлетворительного стратегического плана.⁵⁸

Публикация рассказа Терамена явилась кульминационным пунктом в выражении оппозиционных настроений Державина, вызванных его недовольством внешней и внутренней политикой России и, кроме того, охлаждением личных отношений с императором, что нашло отражение в ряде художественных произведений, прежде всего драматических и отчасти в лирике.

Противопоставление старого поколения государственной администрации и «молодых реформаторов», значимое для Державина-поэта, — что явствует, например, из басни «Голуби», — а также отечески-покровительственное отношение к императору получили своеобразное воплощение в публикуемом отрывке: Терамен, воспитатель и наставник Ипполита, со слезами повествует о его гибели из-за юной горячности и излишнего стремления к опасным подвигам. По счастью, пиитическое предсказание Державина оказалось

⁵⁷ Помимо прочего третья книжка «Чтений» содержит рассуждение о стихотворстве А. С. Хвостова с резкими инвективами в адрес современной французской словесности и отечественной галломании (С. 3—30); вполне воинственное переложение 143-го псалма, сделанное П. Шапошниковым (С. 31—32); начало большой статьи С. Филатова «О несправедливом суждении иноплемennых писателей касательно состояния России до XVIII века» (С. 65—111) и его же заметку «Кай Муций Сцевола, или Пример любви к Отечеству» (С. 112—119).

⁵⁸ О плане Пфуля и его недостатках см.: План Пфуля. Этюд из истории Отечественной войны. Омелянович. СПб., 1898.

ложным и осталось всего лишь предупреждением, ибо, как известно, события развивались иначе. С августа 1812 г. их уже можно было представить в библейских образах победы слабого над сильным, «Агнца» над «Зверем», что и было сделано Державиным в одах «На парение орла» и в «Гимне лиро-эпическом на прогнание Французов из Отечества».

Итак, несмотря на уже имеющийся опыт монографического рассмотрения темы «Расин в России», она еще имеет обширный историко-литературный исследовательский ресурс, и рассмотрение творческого восприятия российскими литераторами художественного наследия великого французского трагика может пролить свет на некоторые малоизученные стороны отечественного литературного процесса.

А. А. КОСТИН, Т. В. КОСТИНА

**СТИХОТВОРНЫЙ СБОРНИК
«ПРАЗДНОЕ ВРЕМЯ» (1798)**

**К предыстории Вольного общества любителей
словесности, наук и художеств**

В августе 2003 г. сотрудники Отдела рукописей и редких книг библиотеки Казанского государственного университета, занимаясь выявлением книг XVIII в. в фондах библиотеки, нашли неучтенный в «Сводном каталоге книг гражданской печати XVIII века» стихотворный сборник 1790-х гг. под названием «Праздное время». Из инвентарных книг следовало, что «Праздное время» поступило в библиотеку в 1817 г., находясь в книжном собрании, подаренном университету петербургским купцом С. В. Зимняковым. Собрание Зимнякова комплектовалось бессистемно. Часто он скупал книги оптом на аукционах. Попадались устаревшие учебники в количестве более 100 экземпляров. Имея в виду эти обстоятельства, университет принял «только по одному экземпляру книг каждого названия».¹ Все собрание, подаренное купцом, состояло из 2368 сочинений в 4210 томах. Среди этих книг и затерялся 38-страничный сборник, на титуле которого значилось: Санкт-Петербург, 1798. При поступлении в библиотеку на бумажную обложку книги размером in 8° поставили инвентарный номер, а на первую страницу печать библиотеки Казанского Императорского университета.

В связи с тем что система обслуживания читателей в библиотеке не предполагает наличия на каждой книги формуляра, где могла бы содержаться информация о ее прочтении, неизвестно, была ли она востребована читателями. Но поскольку литературоведам книга не знакома, можно утверждать, что нами и была начата работа по ее изучению.²

¹ *Аристов В. В., Ермолаева Н. В.* История научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского (1804—1850). Казань, 1985. С. 21.

² *Бизяева Т. В.* «Праздное время»: реконструкция культурного контекста // Г. Р. Державин в новом тысячелетии. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящен-

В первую очередь перепроверили датировку выхода в свет сборника. Хотя на титульном листе, украшенном гравюрой, стояла дата, она вызывала определенные сомнения. Титул, напечатанный на отдельном листе, на бумаге, отличающейся от бумаги основной части книги, не соединенный с остальными листами, мог быть напечатан в 1798 г., а сама книга позднее. Были изучены филиграны, на основании чего установлено, что вся книга печаталась на бумаге Ярославской мануфактуры, скорее всего 1795 г. выпуска. Абсолютно точно определить год выпуска бумаги не представляется возможным: герба Ярославля не имеется на страницах книги. Титульный лист интересен и тем, что печатной на нем является только гравюра. Название сборника, год и место издания были аккуратно вписаны. В сочетании с тем, что на книге отсутствует цензурное разрешение, это могло означать, например, что книга была отпечатана всего в одном экземпляре. Однако дальнейшие находки опровергли это предположение.

После подтверждения датировки обратились к содержанию. Сборник включает в себя 24 стихотворения без какого-либо указания на авторство. Можно с уверенностью говорить, что стихотворения «К музам», «Судьба», «Приход мая» и «К весне» принадлежат А. Г. Волкову, «К заре» и «Ручей» — В. В. Попугаеву. Эти шесть стихотворений в 1802 г. вошли в первую часть альманаха «Свиток муз», первого издания Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (далее — ВОЛСНХ). «Приход мая» Волкова перепечатывался также в «Собрании русских стихотворений...» (Ч. 1. М., 1810) и в «Пантеоне русской поэзии издаваемом Павлом Никольским» (Ч. 5. СПб., 1815). Последние две перепечатки сделаны со «Свитка муз». В «Свитке муз» помещены еще два стихотворения из «Праздного времени» («Песнь к Богу» и «Сон»), подписанные инициалами «О. О.». Относительно этих стихотворений в 1899 г. И. А. Срезневский высказал предположение, что их автором является М. Олешев;³ 5 лет спустя это предположение повторил А. Г. Максимов.⁴ Никаких доводов в подтверждение своей версии Максимов не привел; В. Н. Орлов в первом издании «Поэтов-радищевцев» в 1935 г. признал ее необоснованной и предложил считать эти два стиха анонимными.⁵ Теперь, располагая данными

ной 260-летию со дня рождения поэта и 200-летию со дня основания университета (Казань, 10—12 ноября 2003 г.). Казань, 2003. С. 5—7.

³ *Востоков А. Х.* Записки А. Х. Востокова о его жизни. Сообщил В. И. Срезневский. СПб., 1901. С. 70.

⁴ *Максимов А. Г.* Описание русских периодических изданий XIX века: Издания Вольного общества любителей словесности, наук и художеств: «Свиток Муз» 1802—1803 гг., «Периодическое издание» 1804 года и «Санктпетербургский вестник» 1812 года // Литературный вестник. 1904. Т. 8. С. 174—175.

⁵ *Орлов В. Н.* От редактора // Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Л., 1935. С. 6.

о том, что в 1798 г. эти стихотворения были опубликованы в сборнике Волкова и Попугаева, об их авторстве можно говорить с большой долей уверенности. Дело в том, что в XIX в. сокращения типа «О. О.» отнюдь не обязательно означали имя и фамилию автора. Более того, известные по указателям псевдонимов аббревиации «О. О.» ни разу не указывают на автора с именем и фамилией, начинающимися на «О». Наоборот, две «О» оказываются взятыми из середины фамилии. Как «О. О.» обозначали себя И. М. Долгорукий, В. Ф. Одоевский, Н. Ф. Остолопов, Н. А. Соколов, А. Х. Соколова; через 3 «О» — те же Одоевский, Соколов, а также В. А. Попов, а через 4 «О» — Гоголь.⁶

Сборник «Праздное время» обсуждался в ВОЛСНХ 24 ноября 1801 г.⁷ Позднее об этом будет сказано более подробно, сейчас же нужно отметить следующее: на этот момент в обществе состояло 9 человек и еще двое (А. М. Яковлев и П. М. Иванов) были приняты в этот день. Из этих 11 человек ни у одного имя и фамилия не начинались на «О» (у А. Х. Востокова на «О» начиналась настоящая фамилия — Остенек). Однако у двух членов общества два «О» можно найти в середине фамилии: у Волкова и у Востокова. Из них автором двух стихотворений с подписью «О. О.» мог быть только Волков, поскольку 24 ноября Востоков читал собственную рецензию на «Праздное время» и, значит, вряд ли мог быть одним из его авторов; более того, из воспоминаний Востокова известно, что с Волковым он познакомился только в ноябре 1801 года,⁸ т. е. публикация его произведений в составлявшемся Волковым и Попугаевым сборнике маловероятна.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о принадлежности Волкову и Попугаеву 8 стихотворений в «Праздном времени». Вряд ли когда-либо удастся с уверенностью установить авторство остальных 16 стихотворений. Во всяком случае обследование русских периодических изданий 1795—1799 гг. не обнаружило ни одного из стихотворений сборника. Однако можно сделать ряд предположений. В бумагах А. Х. Востокова хранится подготовленная Волковым и Попугаевым в 1799 г. к печати рукопись стихотворного сборника «Минуты муз». Стихотворения этого сборника до сих пор считались самыми ранними их сочинениями. На титульном листе сборника обозначено: «продолжение».⁹ С находкой «Праздного времени» загадочность этого замечания снимается: подготовленный в 1799 г. сборник «Минуты муз» служил продолжением изданного в 1798 г. «Праздного времени». Поскольку единственными авторами «Минут муз» были Волков и Попугаев, можно предположить, что

⁶ Масапов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 2. С. 280; Сводный каталог сериальных изданий России (1801—1825). СПб., 2000. Т. 1. С. 571; СПб., 2000. Т. 2. С. 584.

⁷ РНБ. ОХVIII-2. Л. 1.

⁸ Востоков А. Х. Записки А. Х. Востокова... С. 18.

⁹ ПФА РАН. Ф. 108. Оп. 1. № 155. Л. 1.

так же дело обстояло и с «Праздным временем». В таком случае обращает на себя внимание следующий факт: атрибутируемые стихотворения Волкова и Попугаева располагаются компактно, соответственно в начале и конце сборника (у Волкова — 1, 2, 4, 5, 6, 8 стихотворения; у Попугаева — 21 и 22 стихотворения). Поэтому возможно, что стихотворения в сборнике располагались следующим образом: в начале шли стихотворения Волкова, а в конце — Попугаева. Учитывая это, можно предположить, что Волков является автором стихотворений «Моя отрада» (3) и «Лизе, когда она рассердилась на поцелуй» (7), а Попугаев — стихотворений «Песня крестьянки» (23) и «Стихи в ответ девице, спрашивавшей о времени и причине моей болезни» (24). Отчасти это предположение подтверждает тот факт, что в другом подготовленном к печати сборнике Волкова и Попугаева, «Минутах муз», их стихотворения также располагались компактно: сборник открывали 3 стихотворения Попугаева, затем шли 3 стихотворения Волкова, и потом еще 6 стихотворений Попугаева.¹⁰ Однако еще в одной рукописи, включающей стихотворения этих авторов, стихотворения располагаются бессистемно.¹¹

Наконец, следует отметить, что данные титульного листа сборника соответствуют действительности, и об этом говорит не только филигрань на бумаге. Наличие сборника в книжных лавках начала XIX в. подтверждает, хотя и смутное, указание в «Опыте» В. С. Сопикова. Под № 2679 там указана книга «Время (праздное); стихотворения; СПб. 1798», в 8-ю долю листа.¹² О выпуске сборника в Петербурге в 1798 г. говорит и книгопродавческое объявление. В номере «Санктпетербургских ведомостей» от 10 августа 1798 г. было помещено следующее: «В книжных лавках у купца Ивана Глазунова в суконной линии под № 15 и против зеркальной линии под № 21 продается вновь вышедшая книжка под заглавием: Праздное время в роде Аонид, содержащая в себе разные стихотворения, 40 коп., на белой бумаге 50 коп.»¹³

Объявление это замечательно в нескольких отношениях. Прежде всего оно показывает, что сборник не только был отпечатан, но, несмотря на свой несколько кустарный характер и отсутствие цензурного разрешения, распространялся в лавках видного книгопродавца. Однако в еще большей степени обращает на себя внимание характеристика, данная в объявлении: «в роде Аонид, содержащая в себе разные стихотворения». Была ли она дана самими авторами

¹⁰ Там же. Л. 1—12 об. О подготовленности рукописи к печати свидетельствует не только титульный лист и цензурное разрешение на его обороте, но и слово «конец» на последнем листе рукописи.

¹¹ Там же. Л. 13—25 об. Сборник не имеет заглавия, записан на бумаге с филигранью «БАНКОВАЯ» рукой Волкова.

¹² Сопиков В. С. Опыт российской библиографии / Ред., прим., доп. и ук. В. Н. Рогожина. СПб., 1904. Ч. 2. С. 62.

¹³ Санктпетербургские ведомости. 1798. № 64. 10 авг. С. 1541.

или книгопродавцем, неизвестно, но важно, что в ней отмечены главные особенности сборника, характеризующие его на фоне поэтических изданий 1790-х гг.

Карамзинские «Аониды», как известно, — первый русский стихотворный альманах; книга как альманах и задумывавшаяся. Эта установка явна в предисловии к первой книжке 1796 г.: «Почти на всех европейских языках ежегодно издается собрание новых, мелких стихотворений, под именем „Календаря муз“ <...>; мне хотелось выдать на русском нечто подобное».¹⁴ И в этом смысле несомненно «Праздное время» — книга «в роде» «Аонид». Несравним, конечно, объем сборника и масштабы авторов «Аонид» и «Праздного времени». Однако показателен сам факт издания молодыми авторами своих сочинений в форме альманаха. И особенно примечательно, что следующий солидный альманах после «Аонид», «Свиток муз», был издан в 1802 г. теми же людьми, которые в 1798 г., во время, когда еще не была издана 3-я часть «Аонид», сделали попытку издать сборник в том же роде.

Несмотря на заверения в предисловии к первой части «Аонид», что «публике приятно будет найти здесь вместе почти всех наших известных стихотворцев; под их щитом являются на сцене и некоторые молодые авторы»,¹⁵ альманах Карамзина задумывался как издание для «своих». Во всяком случае в одном из писем к И. И. Дмитриеву от 17 октября 1795 г., впервые сообщая о желании издавать *Almanac*, Карамзин пишет: «Откроем сцену для русских стихотворцев, где бы могли они без стыда показаться публике <...>. Если мало наберется *хорошего*, поместим *изрядное*; но подлого, нечистого, карикатурного нам не надобно».¹⁶ Здесь имеются в виду в первую очередь Клушин, Тимковский и другие авторы «Санктпетербургского Меркурия», критике которых в значительной степени посвящены письма Карамзина первой половины 1790-х гг. Форма альманаха позволяла, таким образом, представить творчество нескольких человек делом коллективным и соответствующим определенной программе. С другой стороны, в отличие от номера периодического издания в альманах включались произведения, специально отобранные и специальным образом расположенные. Композиция сборника, таким образом, должна рассматриваться едва ли не более пристально, чем отдельные входящие в него стихотворения.

Если говорить о композиции «Аонид», в первую очередь отмечается неорганизованность этого сборника. Из возможных форм организации — жанровой и авторской — не соблюдена ни одна. За мадригалом может идти философская медитация; за басней — подносное стихотворение, сменяющееся эпиграммой, а за ней — снова

¹⁴ Аониды. М., 1796. Ч. 1. С. III.

¹⁵ Там же. С. IV.

¹⁶ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 61.

басня. Кажущийся сумбур подобной организации между тем отражает важнейшую тенденцию в составлении стихотворных сборников 1790-х гг. На смену жанрово организованным («Оды духовные», «Оды торжественные», «Елегии» и т. д.) приходят сборники беспорядочные. Лучше всего это можно увидеть на примере сборников, в которые включались произведения всевозможных жанров, от одо эпиграмм. Самым ярким примером служат «И мои безделки» Дмитриева. По сути, в такие же еще одни «безделки» превратилась изданная при участии Карамзина 1-я часть «Сочинений Державина» 1798 г. Главная претензия Державина к этому изданию, высказанная в «Предуведомлении к читателю», касалась как раз композиции: «безо всякаго разбора размещены были и внесены такие [сочинения. — А. К.], которым в первой части или совсем напечатанными быть не следовало».¹⁷ Неоднозначное отношение к таким беспорядочным сборникам проявляется не только в этой характеристике Державина или в том, что все свои следующие собрания сочинений Дмитриев компоновал по жанровому принципу. Уже в 1790-х гг. один и тот же автор мог издать свои произведения как беспорядочно, так и жанрово. Так, в 1793 и 1795 гг. вышли во многом повторяющиеся друг друга сборники кн. Г. А. Хованского (из 107 стихотворений второго 64 были взяты из первого).¹⁸ И если произведения в более раннем расположении беспорядочно, то в более позднем сборнике явно прослеживается жанровый принцип группировки: переводы, басни, сказки, эпиграммы, стихи подносные и т. д. Однако, несмотря на такие колебания, можно отметить целый ряд сборников 1790-х гг., организованных беспорядочно: «Распускающаяся роза» А. П. Музиной (М., 1799); «Плод свободных чувствований» П. И. Шаликова (Ч. 1. М., 1798); «Мелкия стихотворения: оды, идиллии, эпиграммы и проч.» кн. А. И. Голицына (М., 1798). В разделе «Разные стихотворения, сочинения и переводы» во втором томе собрания сочинений А. И. Голицына (М., 1799) беспорядок 35 составляющих его стихотворений подчеркнут строгостью краткого оглавления: «Ода <...> императору Павлу Петровичу / Паперов ручек, белыми стихами <...> / Тот же в стихах / Загадки / Мелкия стихотворения». Между тем два перевода «Ручейка» разделены 17 страницами (89 и 107 соответственно) и 22 стихотворениями; после 4 замыкающих сборник загадок не находим «мелких стихотворений», зато еще одна загадка имеется в середине сборника (С. 108), а «мелкие стихи» (эпиграммы, подписи к портретам и т. д.) разбросаны по всему сборнику. Такой же подчеркнутый оглавлением беспорядок обнаружится в 1801 г. в книжке одного из авторов «Праздного времени» В. В. Попугаева — «Минуты муз» (СПб.): к не организованной и без того книжке

¹⁷ Державин Г. Р. Сочинения Державина. М., 1798. Ч. 1. С. III.

¹⁸ Хованский Г. А. 1) Мое праздное время или Собрание некоторых мелких сочинений и переводов в стихах. СПб., 1793; 2) Жертва музам или Собрание разных сочинений, подражаний и переводов в стихах. М., 1795.

приложено оглавление, расположенное не по порядку страниц, а по алфавиту заглавий произведений.

Отказ от систематизации стихотворений внутри сборника делал менее явными границы жанров, уравнивая их. Именно этой беспорядочности «Аонид», принципу сборника нескольких авторов, следовали Волков и Попугаев, издавая как свою первую книжку, так и готовя вторую, оставшуюся неопубликованной, и, возможно, третью. Однако показательна скорее не беспорядочность текстов (в конце концов, сборник традиционно открывается стихотворением на «духовную» тему «Песнь к Богу», после чего следует носящее программный характер «К Музам», а замыкают сборник альбомные «Стихи в ответ девице, спрашивавшей о времени и причине моей болезни»). В еще большей степени, чем беспорядок произведений в сборнике, отказ от жанровой системы обнаруживается в появлении в 1790-е гг. сборников, целиком составленных из стихотворений, которые в устоявшейся жанровой системе собраний сочинений были бы отнесены к разделу «Разные стихотворения» («Смесь», или «Лирические мелочи», как обозначил их В. В. Капнист). Причем на первый план выходят не традиционные в таких случаях короткие «надписные» или салонные стихотворения (эпиграммы, эпитафии, мадригалы, рондо и т. д.), а короткая лирика, в первую очередь дружеские послания и широко понимаемая анакреонтика. Особенно показателен в этом отношении стихотворный раздел первого издания (1794) «Моих безделок» Карамзина, в котором мы не встретим ни од, ни эпиграмм или мадригалов и только одну эпитафию (на самом деле пять, но сводящихся к одной: «Покойся, милый прах, до радостного утра»). В этом смысле подзаголовок «разные стихотворения», использованный Карамзиным для «Аонид» и встречающийся в заглавии ряда других сборников (уже упоминавшиеся «Разные стихотворения», сочинения и переводы) А. И. Голицына, «Разные стихотворения» Д. В. Голицына), употреблен также и для характеристики «Праздного времени» в книгопродавческом объявлении, — следует понимать как жанровую (неопределенно-жанровую) характеристику. В «Праздном времени», как и в «Моих безделках», нет ни од, ни эпиграмм и только одно подносное стихотворение.

Имеется и еще одно обстоятельство, роднящее «Праздное время» с «Аонидами». Как известно, во второй части «Аонид» (1797) впервые была употреблена литера «ё» (она же имеется в более поздней перепечатке первой части, а также в неопределенной по времени перепечатке «И моих безделок» И. И. Дмитриева). В примечании к слову «слёзы» в стихотворении «Опытная соломонова мудрость» сказано: «Буква е с двумя точками наверху заменяет їѳ».¹⁹ Как отмечает Н. А. Еськова, «Эта буква употребляется последовательно во всех рифмующихся словах с [о] после мягких согласных под

¹⁹ Аониды. М., 1797. Ч. 2. С. 176.

ударением».²⁰ Это замечание немаловажно, поскольку диграф «iõ» мог употребляться и употреблялся (например, у Хованского) и в середине стиха. Более того, в перепечатке «И моих безделок» можно встретить несколько напечатанных через «ё» слов «всё» в середине стиха и даже слово «безсмёртна» в начале. Однако Карамзин сознательно ограничивает употребление этой буквы ударной рифменной позицией, и только в тех случаях, когда нужно избежать произнесения рифм вроде «слезы—розы» (т. е., например, в парных глагольных рифмах «ё» не ставится). То, что «ё» употреблялась Карамзиным только для рифм, особенно отчетливо видно, когда на одной странице употреблена рифма с «ё» и требующее «ё» слово в середине стиха, напечатанное через «е». Например, в стихотворении «Лилея»:

И тихий ветерок
Ко мне склоняет стебелёк.²¹

Но:

Стою печально, слезы лью.²²

Такую же функцию «ё» принимает и в «Праздном времени». Из 11 случаев, когда в сборнике встречается рифма типа «слезы—розы», в 7 употреблена «ё»; в середине стиха «ё» не употребляется. В трех случаях из 7 «ё» употреблена для обозначения [o] после шипящих, чего не было у Карамзина: «ручeёк—лужeёк» (С. 15), «голосок—дружeёк» (С. 19) и «мой—душeёй» (С. 22). Интересно, что все случаи, когда на месте с возможной «ё» в рифме употреблена «е», располагаются в конце книги (С. 28—35). Можно было бы предположить, что здесь видна иная авторская воля, тем более что, как было сказано раньше, автором первой части сборника является, видимо, Волков, а второй — Попугаев (один из текстов, где «ё» не употреблена — несомненно попугаевский («К заре»)). Однако в подготовленном самим Попугаевым сборнике «Минуты муз» (СПб., 1801) литера «ё» употребляется точно так же, как и в «Праздном времени». Объясняется такая ситуация, видимо, следующим образом. Книжка «Праздного времени» состоит из двух тетрадок: в 12 листов (С. 3—26) и в 6 листов (С. 27—38). Поскольку все случаи неупотребления «ё» на месте «е» располагаются на страницах второй тетрадки, следует предположить, что обстоятельства набора листа и полулиста различались, поэтому на полулисте точки над «е» проставлены не были. Таким образом, авторов «Праздного времени» можно считать одними из первых, принявших орфографическое предложение Карамзина, более того, оно было ими

²⁰ Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., 1965. С. 472.

²¹ Карамзин Н. М. Мои безделки. Изд. 2-е. М., 1797. Т. 2. С. 168.

²² Там же.

творчески преобразовано. Кроме того, следует считать «Праздное время» первой книгой с литерой «ё», отпечатанной в петербургских типографиях.²³

Наконец, можно высказать предположение о том, какую роль сыграло «Праздное время» в составлении первого сборника ВОЛСНХ «Свиток муз» и почему из «Праздного времени» были отобраны в «Свиток муз» шесть стихотворений Волкова и только два — Попугаева. Указание на «Праздное время» встречается в самом раннем известном документе о деятельности ВОЛСНХ, протоколе заседания от 24 ноября 1801 г., где под первым номером читанных сочинений значится следующее: «Принесенные Востоковым замечания на пиесы из „Праздного времени“ и на две новые пиесы Волкова».²⁴ Здесь нужно сказать несколько слов о том, что нам известно о самом раннем, документированном *postfactum* этапе деятельности общества. Источниками здесь являются истории общества, написанные Востоковым и Попугаевым для 1-го номера предпринятого обществом «Периодического издания», речи И. М. Борна и Попугаева на торжественном заседании 15 июля 1802 г. в честь ознаменования 1-го года существования общества, характеристики на его участников, а также несколько отрывков из различных воспоминаний. Общество было организовано усилиями его идейных вдохновителей Борна и Попугаева, и на первом его заседании 15 июля 1801 г. участвовали еще четверо их сотоварищей по Академическому университету, В. В. Дмитриев, А. Г. Волков, В. И. Красовский и М. К. Михайлов (все шестеро закончили гимназию или университет в период с 1793 по 1799 г.), а также некто Ланген. За 4 месяца, предшествовавшие заседанию 24 ноября, общество пополнилось еще двумя членами: выпускником кадетского корпуса С. А. Шубниковым (21 сент.) и его другом, недавно закончившим Академию художеств А. Х. Востоковым (27 окт.). По сведениям Попугаева и Востокова, в период до 15 октября прошло не менее 9 заседаний, на которых было зачитано 8 прозаических сочинений и несколько стихотворных. С 15 октября в течение почти полугода секретарем общества был Волков. На заседании 24 ноября было решено «для большей удобства разделиться Обществу на два собрания: 1) собрание для словесности и наук; 2) для управления общественных занятий и исключительного занятия по части отвлеченных познаний. Последнее имело в виду начертание общественного статута».²⁵ В период секретарства Волкова

²³ Типография на титульном листе не указана. Рисунок литер показывает, что это не шноровский шрифт; просмотр дел Типографии Академии наук за 1798 г. (ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 4. № 96, 98/1, 98/2) показал, что книгу не печатали и в этой типографии.

²⁴ РНБ. О. XVIII. 2. Л. 1.

²⁵ *Попугаев В. В.* История общества любителей словесности, наук и художеств // Периодическое издание Вольного Общества любителей словесности, наук и художеств. СПб., 1804. Ч. 1. С. IV.

обществом было принято решение «издать некоторые из своих поэтических пьес под названием „Свитка муз“». ²⁶

В свете этих данных связь «Праздного времени» со «Свитком муз» предстает следующим образом: на следующем за 24 ноября заседании общества, протокол которого до нас дошел (5 января), Востоков представил «эскиз для виньета к издаваемой обществом книге». ²⁷ Значит, уже в декабре работа над «Свитком муз» велась, и решение о его издании было принято в период с октября по декабрь. Совпадение даты первого дошедшего до нас протокола ВОЛСНХ со временем разделения общества на два отделения может говорить о следующем: протоколы первого года, содержащиеся в сборнике, хранящемся в РНБ, отражают деятельность только «собрании для словесности и наук»; никаких замечаний о работе над «статутом», входившей в компетенцию «собрании для управления общественных знаний», в них не находится. Возможно предположить, что разделение на два отделения было связано не только с началом разработки устава, но и с работой над первым изданием общества. В таком случае прочитанные на первом заседании специально выделенного отделения словесности замечания Востокова на «Праздное время» приобретают особое значение. «Праздное время» являлось ранним опытом сочинения в том же роде, что и задумывавшийся «Свиток муз». Поэтому его и отдали в первую очередь на рецензию третьему, помимо Волкова и Попугаева, члену общества, имевшему на тот момент стихотворные публикации, — Востокову. «Праздное время» оказывалось, таким образом, предшественником «Свитка муз», прародителем изданий общества. Отбор восьми стихотворений из «Праздного времени» для «Свитка муз» был произведен Востоковым. И то, что отобрано было шесть стихотворений Волкова и только два — Попугаева, вполне соответствует отношению Востокова к этим двум поэтам. Известно, что Востоков, по крайней мере в 1801—1806 гг., очень высоко отзывался о поэзии Волкова. Так, в рецензии от 24 мая 1802 г. о волковском переложении Горация «К Мельпомене» он говорит: «Сия Горациева ода, асклепиадическим размером писанная, переведена весьма удачно. Рецензент не может удержаться, чтобы не прочесть некоторые поразившие его места». ²⁸ Тот же перевод из Горация Востоков привел в качестве примера «асклепиадических стихов» в примечаниях к своим «Опытам лирическим» (Ч. 2, 1806). В декабре 1802 г. Востоков написал стихотворное послание Волкову, характеризуя его как «друга» и «милого певца» с «анакреоновой лирою». С другой стороны, в кругу близких друзей Востокова Попугаев воспринимался как образцово плохой поэт. Так, в письме из Москвы по поводу выхода первой части

²⁶ Там же. С. VI—VII.

²⁷ РНБ. О. XVIII. 2. Л. 1 об.

²⁸ Журнал Министерства народного просвещения. 1890. № 3. С. 66.

«Свитка муз» И. А. Иванов писал Востокову: «Как я радуюсь дружке мой, что Свиток Муз публикует теперь талант твой всему свету; Карамзин <...> прочтает <...> и будешь ты у него на примете, потому что ты не князь Петр Шаликов, не Клушин, не Фаняев, не Попугаев, но истинный — Остенек».²⁹ В числе тех же рецензий 1802 г., из которых был цитирован отзыв о Востокове, есть рецензии и на сочинения Попугаева, крайне неодобрительные, подчеркивающие нерадение автора обрабатывать стих. В частности, в «Свиток муз» было включено стихотворение с тем же недостатком, который Востоков отмечал, разбирая не дошедшее до нас стихотворение «К Аннете»: «Второй строфы первый стих

Заря вечерняя восходит.

Даже утренняя заря восходить не может, кольми паче вечерняя. Солнце, луна и звезды восходят и закатываются, а заре свойственно только являться и угасать на небе».³⁰

Во взятом в «Свиток муз» из «Праздного времени» стихотворении «К Заре» в начале второй строфы читаем: «Едва взойдешь ты, оживятся // Поблекши розы от жаров». О замечаниях, представленных Востоковым на «Праздное время», можно судить по изменениям, внесенным в тексты из этого сборника при их перепечатке в «Свитке муз». Правка эта касалась большей частью пунктуации, но были сделаны и значимые изменения. Характер этих изменений показывает, что к стихотворениям Попугаева было предъявлено значительно больше замечаний. В шести стихотворениях Волкова (172 стиха) изменения были сделаны всего в семи стихах, причем большей частью они касались изменения части речи («сладостно» вместо «сладостью») или порядка слов («дни юности моей» вместо «моей дни юности»), а замена слов происходит лишь дважды («огнем чистейшим он горит» вместо «Он нежным пламенем горит» и «зажемчужив волны вкруг» вместо «зажемчужив волны вдруг»). На фоне таких изменений, которые можно назвать незначительной стилистической правкой, редакция стихотворений Попугаева представляется достаточно значительной: в двух стихотворениях (60 стихов) редактуре подверглось девять стихов, т. е. больше 10 %. И в отличие от стихотворений Волкова почти во всех случаях редакция затрагивает замену лексем («отливаешь» вместо «отражаешь», «лазури легкия цветит» вместо «лазури тихие цветит» и т. д.). Механичность правки, не отражающей авторскую волю, показывают изменения одного стиха в стихотворении «К заре». В редакции «Праздного времени» он читался так: «Ты чувства мне, мой ум пленяешь». Востокова не устроило, по-видимому, соседство двух местоимений

²⁹ Востоков А. Х. Записки Востокова. С. 70.

³⁰ ЖМНП. 1890. № 3. С. 66.

первого лица, и он заменил «мне» на «все», отказавшись от слова ум. «Мой» в таком случае должно было замениться на «мой», однако соответствующего знака поставлено, по-видимому, не было, в результате чего у наборщика вышло: «Ты чувства все мой пленяешь». В свете этих отзывов можно считать, что для раннего периода общества Волков был поэтом более важным, чем Попугаев. Это объясняет, почему в «Свитке муз» стихотворений Попугаева помещено всего 5, а Волкова — 17, больше всех остальных авторов (у Востокова — 13).

Таким образом, сборник «Праздное время» позволяет по-новому взглянуть на ранний этап деятельности ВОЛСНХ.

В Приложении приводим текст «Праздного времени». Публикация осуществлена в современной графике и без еров после согласных в конце слова, в прочем сохранена орфография и пунктуация оригинала. В случаях, когда публикация в «Свитке муз» содержит семантически важные разночтения, они отражаются в примечаниях. Начало страниц сборника обозначено числами в косых скобках. В конце восьми атрибутируемых стихотворений приводится автор, в случае гипотетической атрибуции — в квадратных скобках.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРАЗДНОЕ ВРЕМЯ

С. Петербург
1798

/3/

ПЕСНЬ К БОГУ

Хвала да будет вознесенну
В соборе вышнем горних сил,
Кто цепь связующу вселенну,
Всемощной силой утвердил.

Кто дивностью своих деяний,
Уму людей непостижим,
В заре божественных сияний,
И неприступном свете зрим.

Да возгласим хвалу владыке,
Огромным гласом на трубах
Во псалмопении, музыке,
В бренчащих сладостью³¹ гусях!

³¹ В «Свитке Муз» (далее — СМ): сладостно

На звучных да зовем тимпанах,
Прияв пирующих лица,
Ударив в струны, на органах,
Возхвалим щедрого Творца.

/4/

Да звучные составят хоры
Твердь, воздух, горы, лес, моря.
Да твердь, моря, лес, воздух, горы,
Возхвалят с нами сил Царя?³²

[Волков]

К МУЗАМ

Тениста роща, злачный луг,
Как милы сердцу вы Поэта!
О! как его плените дух,
Среди весны и красна лета!
Забывши в вас пространный свет,
Он в руки лиру принимает,
При шуме ручейка играет,
И голос соглася поет:

Блистая храбрости лучем
Пускай дорогу в веки поздны,
Отворит пламенным мечем,
Герой любимец Марса грозный;
Желая славы гром простерть,
Пусть грады в прах преобращает,
/5/

И Этны огонь в груди питает —
Колебля сушу, море, твердь.

Но ваш приверженец Пиит,
Сей славы музы! не желает.
Он нежным пламенем³³ горит
И сердце нежных согревает;
Далек от грома, страшных бурь —
Собой доволен и судьбою,

С весельем видит над собою
Небес немеркнувшу³⁴ лазурь.

³² По-видимому, опечатка; СМ: Царя.

³³ СМ: Огнем чистейшим он

³⁴ СМ: немеркнушу

Я вашу благодать ощутил,
О музы! Божества благая!
Ваш луч небесный озарил
Моей дни юности³⁵ драгия. —
Не вами ль прежде научен
Прельщаться истинной святою?
Цветущей счастья стезею
Не вами ль после был веден?

Блажить свою и в *малом* часть,
О *многом* — лишнем нетерзаться —
/6/

Не выль в меня влияли страсть,
Природе милой удивляться;
Любить приятную мечту —
На лире петь с душой согласной
То взор Анютушкин прекрасной,
То Лизы-друга, красоту!

Волков

МОЯ ОТРАДА

Вид стыдливый, щек румянность
Стройный стан, и величавость,
Голос нежный, томный взгляд
И улыбка — сладкий яд —
Вот меня что в ней прельщает,
Страстны чувства восхищает! —
В ней — а в ком — уста молчат —
Тяжки вздохи грудь теснят. —
Ах! когда пройдет страданье,
И окончится терзанье
Бедна сердца моего! —
Скороль я дождусь сего?
Скороль гневная судьбина
/7/

Бедств моих вина едина
Скороль перестанет гнать?
Долголь, долголь сего ждать?
Долголь ждать сего напрасно
И терзаться повсечасно? —
Сердце бьется — слезы льют —
Знать предчувствие дают,

³⁵ СМ: Дни юности моей

Что я буду злополучен
Сколько век продлится скучен,
Беспреданно, в свете сем. —
Вот конец мученьям всем! —
О! скорей закройте вежды!
Уже нет мне и надежды,
Чтоб когда счастливо жить,
Чтоб когда спокойну быть.
Смерть спеши столь вожделена!
Мне несносна уж вселенна! —
Перерыви о парка нить! —
Жизнь! престань меня томить! —
Все теперь уже свершилось;
Все прешло, чем сердце льстилось!
Вечность! Ты отрада мне!
Дух утешится в тебе. —

/8/

СОН

Амур мой враг непримиримый,
Мучитель сердца моего,
Ты дал мне зреть предмет любимый
В мечтанье лестном сна сего;
Минуту дал мне насладиться
Его любовию во сне;
Чтоб после тем сильней томиться,
Чтоб больше тем терзаться мне!

О сон толикож днесь ужасный,
Сколь прежде бы любезен был!
Ты мне напомнил взор прекрасный,
Который я почти забыл.
Мне, друг мой Лизинька, мечталась
Ея мне снилась красота, —
Она со мною обнималась,
И я — лобзал ея уста.³⁶

В пастушеском она наряде,
Была как Ангел, мне мила —
Невинность, кротость в каждом взгляде,
/9/

Как луч небес — видна была;
Венок из алых роз блистая,

³⁶ СМ: ея в уста

На русых волосах лежал,
Зефир прохладный вкруг играя
Их длины кудри развевал.

Подруг своих она с толпою,
Где я сидел, в ту рощу шла,
Когда ж была передо мною
Им знак уйти рукой дала.
Они ушли — и я остался —
Остался с ней на едине —
Ах! чем тогда я наслаждался!
Но наслаждался — лишь во сне.

[Волков]

СУДЬБА

Под мрачным небом странник плыл
Необозримыми морями,
Сражался с бурями, волнами,
От смерти — лишь на волос был;
/10/
Водим неведомой судьбою,
Желанна берега достиг. —
Лишь шаг на брег — и под волною
Его на век скрывает — миг.

Подобно с страстию, несчастный!
То раб ея, то властелин —
Боролся не³⁷ год один;
И наконец — зрел полдень ясный.
Уже победы луч блистал —
Лишь миг — навек проститься с нею —
И гром трикраты³⁸ прозвучал:
Простись на век с душой твоею.

Волков

К ВЕСНЕ

Приди весна, приди скорее!
Тобою наша жизнь цветет,
И сердце бьется в нас живет
И кровь приятнее течет. —
Сколь любо взору заблуждаться

³⁷ По-видимому, опечатка; СМ: боролся я не

³⁸ СМ: трикратно

/11/

На разноцветных берегах!
Сколь сладко нам уединяться,
В дубровах темных и лесах!
Гулять в лугах, лугах священных
Струящих сладкий Аромат,
Кустами мирты обнесенных,
Зеленой рошей, для прохлад;
Увенчанных³⁹ вокруг цветами
Прельщающими жадный взор;
Прикрытых темными холмами,
А дале рядом синих гор!
Приди весна, приди скорее!
Тобою наша жизнь цветет,
И сердце бьется в нас живет,
И кровь приятнее течет.

Волков

/12/

К ЛИЗЕ

Когда она разсердилась за поцелуй.

Жестоко! милая жестоко,
Так с сердцем нежным поступать!
Далёко! милая далёко!
Чтоб мне тебя не обожать!

И чем тебя я оскорбляю?
И чем почтенья не храню? —
Что в шутках нежно обнимаю,
И поцелуй тебе даю!

То правда! Эта с лишком вольность! —
Ах Лиза! чем я заслужил,
Скажи! — сию к себе холодность?
И чем в любви я преступил? —

Любовь тебя ведь не напрасно
Столь милою произвела;

/13/

Грудь полную, лице прекрасно,
Улыбку Ангельску дала;

³⁹ СМ: Увенчанной

Но что бы ты, признав любимым,
Кого нибудь, душа моя,
На веки сделала счастливым —
За чем же нелюбить меня?

ПРИХОД МАИЯ

Что вокруг все так смеется,
Все веселью предается,
Возхищает сердце, дух;
Взор пленяет, нежит слух? —
И заря поверх долины,
Озлативши гор вершины,
Так румяна, так ала,
По лазури возтекла?
И рососою серебрястой
О жемчужив луг цветистой,
Тихо так, и так светло,
Утро красное взошло?
/14/
Что природа так играет
Взор умильно ослабляет?
Май, природы нежный друг —
Низлетел на красный луг.
С ним забавы низпустились,
Игры, пляски возвратились; —
В полном блеске нам⁴⁰ весна
С ним, сошла, обручена. —
Ктож теперь неумягчится,
И природой непленился!
Сердце камень укого,
Зря на прелести всего? —
Ктож с любезными друзьями,
Кто поспешными шагами,
Непойдет весны встречать —
Жизни сладость ощущать: —
То под тению густою,
Утра, вечера зарёю,
Близь шумящего ручья,
Песнь внимая соловья;
То гуляя красным лугом,
Иль один, иль с милым другом,
По пестреющим цветам,

⁴⁰ СМ: блеске к нам

/15/

И по злачным берегам;
То с вершины в утро ясно,
Возходяще солнце красно,
То за синия моря
Заходяще солнце зря;
То в струях прозрачных, чистых,
Под навесом древ ветвистых
За жемчужив волны вдруг⁴¹ —
Веселя прохладой дух?

Волков

К РУЧЬЮ

Журчи, журчи пенистый
В низ холма ручеёк,
Кати свой ток волнистый,
И окропляй лужёк.

В струях прозрачных, чистых
Лучи переливай;
Сверкай в дугах серебристых,
И зренье восхищай.

/16/

Приятно в утро красно
В близи тебя лежать,
И пенье птиц прекрасно
В безмолвии внимать!

Приятно в полдень ясный
В близи тебя сидеть,
На солнца лучь прекрасный,
В струи твои смотреть.

Иль в вечера румяны,
Играющей зарёй,
На облака багряны
Текущи над тобой.

Как мило в тихой роще
Ручей мой дорогой,
При свете лунной ночи
Беседовать с тобой!

⁴¹ СМ: Зажемчужив волны вкруг

В шуму твоём приятном
Как мило отдыхать!
На ложе ароматном
С Анютой засыпать! —

/17/

К ПРИРОДЕ

О мать, любезная природа!
Ты всем любовь в удел дала.
Со всеобъемлющего свода,
На все любовь ты излила.

На свете все любовью дышет,
Сей огонь питает каждая грудь.
На всех сердцах закон твой пишет:
«В любви взаимной счастлив будь!»

Природа! и в мое влияла
Ты, сердце, огонь священный сей
Живым перстом нарисовала
На нем предмет души моей.

Но ах! хотя любовь влияла,
Но друга сердцу не дала —
Душа предаться ей желала,
Взаимной страсти не нашла.

/18/

ПЕСНЯ

От наших юных лет прекрасных,
С зарей весенних наших дней,
Фимьям сердец возкурим страстных,
Любви пожертвуем душой.

Начнемте наших дней с зарею
Счастливыми на свете быть,
Начнем, одушевляясь ею,
Ее, — любовь боготворить.

Не вечно юность продолжится,
И наших дней весна минет;
Там осень мрачная явится;
Там смерть ко гробу позовет.

О други! вняв судьбину люту
Что всем нам должно умереть;
Что жить на свете лишь минуту,
Мгновенье юности блеснет.

/19/

Еще ль мы станем время тратить,
Любви сердец не посвящать?
Любовь стократ тому заплатит,
Кто долго смел ее не знать. —

ВЕЧНАЯ РАЗЛУКА

Мрак унылый пропадает,
Зеленеются леса,
Блеск румяный покрывает
Удаленны небеса.

В тихой роще раздается
Сладко-томный голосок;
Сердце нежно, страстно, бьется,
Кля! милинькой дружёк.

Под березкою ветвистой
Я сижу, душа моя,
И в источник серебристой
Проливаю слезы я.

/20/

Ах! терзаюся, томлюся
Я почти уж целый год. —
И всегда, всегда сажуся
Близь его прозрачных вод.

Тут, глядя на цвет природы,
Тяжко, тяжело вздохну,
И свои цветущи годы
С стоном я вспомяну, —

Те любезны, те блаженны,
Как любви я не знал,
Те, спокойством осененны
Как тебя я не видал.

Муку зря мою всечасну
Кля! от твоих зараз,
Ах! почувствуй ты к несчастну,
Сожаленье хоть на час;

Чтоб на век с тобой растаться,
Чтоб на век *прости* сказать,
Дай хоть раз поцеловаться,
Дай к груди себя прижать.

/21/

ПЕСНЯ В РАЗЛУКЕ

Что так все переменялось?
Свет пространный опустел,
Солнце красно помрачилось
Свод лазурный потемнел?

Что так я переменялся,
И печален и уныл?
Чем бывало веселился:
Петь на лире позабыл.

Дух тоскует и томится,
Сердце ноет и грустит,
За слезой, слеза катится
Вздых за вздохом грудь теснит?

Я разстался с другом милым,
Разлучился с дорогой;
Как же мне не быть унылым,
Как же слез не лить рекой?

/22/

Ах! разставшись с другом нежным,
Разлучившись с дорогой,
Я разстался с счастьем прежним
Нет уж, нет его сомной!

Скрылся взор любезный, скрылся,
Скрылся с ним и Гений мой;
Он с любезной удалился,
Вместе с ней, моей душой!

К КЛОЕ

Сладко дремлет вокруг природа
под покровом тишины,
Чуть с лазореваго свода
Слабый блещет свет луны.

За горой в дали чернеясь,
Лес недвижимо стоит,
Вниз холма ручей светлеясь,
В тихой роще нежурчит.

/23/

Все спокойно на долине,
Все безмолствует, молчит.
Все спокойно — лишь в куртине
Соловей один свистит.

Вкруг подружки увиваясь,
Песнь прелесную поет,
Коя в долах разливаясь,
Сердце к радости зовет.

Но уж мнелъ тобой плененну,
Кляя! веселит он дух?
Сердца рану разстравленну
Изцелит ли милой друг?

Статься может, что иную,
Мог бы сей небесный глас,
На минуту на другую
Усладить, смягчить на час.

Так иную — но мою ли?
В сердце страстном как моем?
/24/

Ах! кого винить судьбу ли,
Иль тебя, о Кляя! в сем?

Нет! он боле разстравляет; —
Боле дух томит лишь мой,
Ах! всю нежность возбуждает,
Всю чувствительность собой.

Сколь блаженны вы минуты
Были юных лет моих,
Сколь теперь напротив люты
Лет цветущих пылких сил!

Но о Кляя! можно, можно
Их не только возвратить,
От тебя зависеть должно,
В рай мученье пренить.

Стоит Кляя только слова
То тебе, мой милый друг;
Ах! небудь, небудь сурова,
Оживи унылый дух.

/25/

Сердце билось трепетало,
То тебе произнести;
Но мученье принуждало
Кляя! страсти ты прости!

СОЛНЦЕ

Здравствуй, солнышко прекрасно!
Выдь скорее из за гор,
Все давно в природе страстно,
Твой желает видеть взор.

Радуйся мой друг природа!
Будет ясная погода,
Солнышко изшед из вод,
Золотит лазурный свод.

Здравствуй гордое светило!
Здравствуй с новою красой,
Все что сердцу столько мило
Оживилось все тобой,

/26/

Здесь тюльпан в росе блистает,
И жесмин благоухает;
Там лилея возбуждась,
В верьх головкой поднялась.

Пойте птички сладкогласны,
Поздравляйте с солнцем день.
Пастухи, пастушки страстны,
Шествуйте сюда под тень.

Затевайте игры прежни,
Запевайте песни нежны,
Утро мило боле длись
Сердце нежно веселись!

ПЕСНЯ

День желанный наступает,
Солнце взходит в горизонт,

Скучны мраки прогоняет,
Освещает земли, понт.

/27/

Всюду сыплет искры, блески,
Разцветает поле, луг;
Слышны всюду радость, плески
Возхищающие дух.

Все вещает — день любезный!
Все вещает — день златой!
И природы вид небесный,
Взор опять пленяет мой.

Я опять в лугу гуляю,
И опять сижу в траве;
То с любезной отдыхаю
На зеленой мураве.

Вкруг меня благоухает,
Милый розан и Жесмин,
Сладкогромкий, распевает,
Соловей среди долин.

О! день милый, день любезный
Сколь меня ты веселишь!
В сердце льешь возторг небесный
Жар в душе моей родишь.

/28/

НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЛИЗЫ

Златое солнце возкатилось
И день любезный наступил;
Все в поле, в роще обновилось,
Все солнцев луч позолотил.

Опять Зефир в лугах порхает,
Разносит сладкий аромат,
Опять Жесмин благоухает,
Обворожает розан взгляд.

Несутся всюду сладки трели
Прелестных, милых соловьев.
Повсюду слышатся свирели,
И гласы томных пастухов.

Какая радость все объемлет
И всю природу веселит?
Что так все светлый вид приемлет
В душе, в уме возторг родит?

/29/

Сей день, есть день вспоминовенья
Рожденья Лизиньки моей.

О день возторга, возхищенья!

О день приятнейший из дней!

К ВЕСНЕ

Веют на поле зефиры
Стала травка зеленеть,
Фавны начали, сатиры
На свиреле томной петь.

Глас их милый раздается
Вдоль по роще, вдоль лугов,
Всюду томная несется
Трель любезных соловьев.

Бог любви на лужечке
Прежний скипетр восприял,
И в последнем мотыльчке
Страсти пламень возпылал.

Мое сердце затомилось,
Я любовью загорел.

/30/

Ах! по ком оно забилося? —
В поле Машиньку я зрел.

Зрел ея небесны взоры,
Нежных граций видел грудь,
И походку Терпсихоры
Мне твердящу, счастлив будь.

Тут я с нею обнимался,
Ее страстно целовал,
Вид природы улыбался
И со мной торжествовал.

О весна! весна драгая!
Сколь любезна ты, мила!

Ты мой взор увеселяя,
Что любовь, мне знать дала.

Все с тобою оживилось
Снова начал я дышать;
Все любовью вспламенилось,
Стало радости вкушать.

/31/

ВЕЧЕР XI

Оставил Феб лазурны своды,
И луч в водах свой потушил,
Изчезли прелести природы,
Мрак скучный землю всю покрыл.

Ни зэфир дуть, ни Эвр не смеет,
Все в мире тихо, все молчит,
Все томный, скучный вид имеет:
Источник быстрей не журчит.

Неслышны птички голосисты,
умолкнул милый соловей,
И глас его прелестный чистый,
Нетрогает души моей.

Во сне все сладком почивает,
Все долг природе отдает;
Ни что не плачет, не вздыхает
Мое лишь сердце слезы льет.

Пред сим я за день видел Клою,
Ея красой был поражен,
И с оных пор лишась покою,
Печален сделался, смущен;

/32/

Ни в чем не вижу утешенья,
Всегда страдаю и стону,
Питаю в сердце злы мученья,
И жизнь злощастную кляню.

Все мне печально, все уныло,
Лужечек скучен и ручей,
Все что приятно сердцу было,
Нынь служит к скорьбе лишь моей.

НА ИЗМЕНУ ЛИЗЫ

Под тихим миртовым кусточком,
Где тихий ручеек журчит,
Вияся золотым песочком,
Лужек струей своей росит,

Там часто в летние денечки
Я с милой Лизою бывал,
Весенни часто вечерочки
На травке с милой провождал.

Казалось, все тогда твердило,
Что счастлив я стократно был,
Все, все казалось говорило,
Сколь страстно Лизу я любил.

/33/

Но время оное драгое
Туман как вешний протекло,
Печалей облако густое
В востоке дней моих взошло.

Нынь стражду, мучуся, вздыхаю,
Всегда стенаю и грущу,
Но слезы тщетно проливаю,
Увы! отрады не сыщу.

Уже не ходит на гуляньях
Моя любезная со мной,
Ужь время в смехе, в возклицаньях
Непровожу с моей драгой,

Немил лужек зеленый боле,
Лесочик скучен и ручей,
В несчастной я влачу дни доле,
Скучаю жизньнюю своей.

Мне мила Лиза изменила,
Нехочет более любить,
Меня навеки позабыла,
Ах! как могу я доле жить?

Драгая, милая подруга
 Приятных вечера теней,
 Как мило зреть на дерне луга
 Твоих сияние лучей!
 Как мило зреть, когда блистаешь
 Ты в легких вечера парах,
 Кораллы, пурпур отражаешь,⁴²
 Пылаешь в розовых огнях!
 Когда твой луч злато-румяный
 Лазури тихие⁴³ цветит;
 То вдруг приемлет вид багряный;
 То светло⁴⁴ яхонтом горит!

Едва взойдешь ты, оживятся
 Поблекши розы от жаров,
 Опять их силы обновятся,
 Целебных от твоих лучев.
 Ручей проворней покатится,
 Приятней в травке зажурчит,
 В нем луч струясь твой зазвездится
 Поверхность вод позолотит.

/35/

Роса в цветочках заблещает,
 На травку мягкую падет,
 Посыплет⁴⁵ искры, засияет,
 Лучи блестящи разольет;
 И я по дневном утомленьи,⁴⁶
 Твоим сияньем обольщен,
 Засну в умильном возхищеньи⁴⁷
 Мечтой приятной упоен.

Но лишь проснусь, уж ты блистаешь⁴⁸
 Опять⁴⁹ в пылающих огнях,

⁴² СМ: отливает

⁴³ СМ: легкая

⁴⁴ СМ: светлым

⁴⁵ СМ: Разсыплет

⁴⁶ СМ: утомленьи

⁴⁷ СМ: возхищеньи

⁴⁸ СМ: опять блистаешь

⁴⁹ СМ: Уже

Свой блеск румяный⁵⁰ разливаешь
В прозрачных, сизых облаках;

Велишь туманам удалиться
И утру перлову блистать;
Велишь пернатым пробудиться,
И гласом воздух наполнять.
Вся тварь тобою оживленна
Твое пришествие гласит,
Природа вся и вся вселенна,
Твой светлый зрак стократно чтит.

/36/

Ты чувства мне, мой ум пленяешь,⁵¹
Утехи в страстно сердце льешь,
Ты томну душу оживляешь
И к новой радости зовешь!

Попугаев

РУЧЕЙ

Теки в полях между цветами,
Теки любезный мой ручей,
Виясь журчи между холмами,
Злато-кристальны токи лей.

Ты часто зеркалом бываешь
Любезной Лизиньке⁵² моей,
Красы небесны освежаешь
Алмазной часто ты струей.

Тебе случается нагую,
Нередко также Лизу зреть.

Дивлюсь, как прелесть зря такую,
Ключем нестанешь ты кипеть.

Ах! сколько счастлив ты бываешь!
Столь пред тобой несчастлив⁵³ я!
Ты милу Лизу лобызаешь,
А часть, ея не зреть, моя.⁵⁴

Попугаев

⁵⁰ СМ: румяной

⁵¹ СМ: Ты чувства все мой [sic! — А. К.] пленяешь

⁵² СМ: Лизаньке

⁵³ СМ: злощастен

⁵⁴ СМ: Моя же часть, не зреть ея!

ПЕСНЯ КРЕСТЬЯНКИ

Разпуститесь зеленые леса,
Травка милая в лужечке покажись,
Заблести опять серебряна роса,
Горяча слеза из сердца некатись.

Я довольно уже плакала весной,
И горюя темны ночки неспала
Грудь была моя всегда полна тоской,
Все я милого из Питера ждала.

Ныне, ныне мое сердце неболит,
Нестрадаю и нервуся боле я,
Мой ясен сокол ко терему летит,
Называет меня — милая моя.

Ах! приди, приди, скорей, скорей весна,
Пойте пташечки опять весна на деревьях.
Слушать песни ваши милыя одна
Я пойду с моим любезным на полях.

Сев у быстрого, тенистова ручья
В воды светлыя я онаго взгляну,
И как только протечет его струя,
Так я милому о страсти вспомяну.

СТИХИ

В ответ девице спрашивавшей
О времени и причине моей болезни.

Два дни тому как я страдаю,
Два дни как мучуся вздыхаю,
Ручьем лью слезы и стону,
Печальный рок и жизнь кляню.

Но Ах! что скорби сей виною?
Пленен я Машей дарагою,
А жар сей в нас коль станет тлеть,
Нельзя, чтоб муки не терпеть.

К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

**ПЛАН ПОСТЕПЕННОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН
В «ПУТЕШЕСТВИИ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»
А. Н. РАДИЩЕВА**

Главное мое намерение в сочинении сей книги
состояло в том, чтоб прослыть писателем...

А. Н. Радищев (из ответов на следствии)

Невозможность открытого обсуждения социальных проблем в дореволюционной России (в первую очередь из-за цензуры, существенно ослабленной лишь «Временными правилами о печати» 1906 г.) и особенное значение литературы для русского общественного сознания были в 1850 г. лапидарно охарактеризованы Герценом: «У народа, лишенного общественной свободы, литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести».¹ Для XIX в. эти обстоятельства имели по крайней мере одно важное последствие: многие более ранние литературные произведения рассматривались упрощенно и политизированно, с точки зрения более поздних, все еще нерешенных проблем. На первый план выдвигался социально-критический аспект, затмевавший сложность художественного высказывания.

В этом отношении особенно не посчастливилось «Путешествию из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, представлявшему особый соблазн для политизированных выводов, для идентификации Путешественника и Радищева, для игнорирования сложных диалогических отношений между высказываниями персонажей, для смешения интенции автора и интенциональности созданного им художественного текста и т. п. Этому способствовало и обилие дискурсивных пассажей в «Путешествии», разрастающихся до не-

¹ Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. VII. С. 198.

больших трактатов, в которых многие были склонны видеть непосредственное отражение политических взглядов Радищева.

Одной из глав, вызывавших наибольшее количество споров, нужно признать «Хотилово». Помимо начальной части «Проекта в будущем» в этой главе находится план освобождения крестьян, который значительная часть исследователей отождествляла с точкой зрения Радищева. Соответственно оказывалось возможным говорить об упованиях писателя на решение крестьянского вопроса «сверху», о наличии у него реформаторской программы и т. п.

Начало этой тенденции положил еще в 1883 г. М. И. Сухомлинов;² ему вторил в 1889 г. А. И. Незеленов, отмечавший, что автор «Путешествия» ждал освобождения крестьян от верховной власти, но в этом же произведении, в оде «Вольность», выражается сочувствие революции, воспеваются кровавый бунт.³ В «Очерках по истории культуры» П. Н. Милюкова воззрения Радищева также смешиваются с позицией «друга Путешественника»: «От имени „гражданина будущих времен“ Радищев предлагает свой „проект в будущем“, якобы найденный им по дороге».⁴

Упоминание Радищева в статье Ленина «О национальной гордости великоросов» (1916) как одного из родоначальников революционного движения в России сделало творчество писателя объектом нестихавших идеологических обсуждений, значительно осложнявших работу серьезных исследователей. Революционность Радищева, прокламированная с высоких трибун, требовала истолкования; политические воззрения писателя выдвигались на первый план. «Путешествие» трактовалось как один из основных источников информации о них.

Неудивительно поэтому, что в одной из первых послереволюционных монографий о Радищеве, написанной В. П. Семенниковым, в центре внимания оказываются «противоречивое» мировоззрение и «раздвоение» писателя, отразившиеся в «Путешествии». Исследователь приходит к выводу о сочетании у Радищева воззрений революционных и либеральных и выделяет соответственно две политические программы.⁵ В течение последующих тридцати лет эта проблематика оказывается центральной в радищеведении.

² Сухомлинов М. И. А. Н. Радищев. Автор «Путешествия из Петербурга в Москву». СПб., 1883. С. 19—20.

³ Незеленов А. И. Литературные направления в Екатерининскую эпоху. СПб., 1889. С. 315—317. Для Незеленова характерно полное отрицание художественности «Путешествия»: «Книга эта есть собственно ряд публицистических статей о различных предметах: о литературе, „цензуре“ и, главным образом, о крестьянах и крепостном праве» (Там же. С. 312).

⁴ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1903. Т. 3. С. 394.

⁵ Семенников В. П. Радищев. Очерки и исследования. М.; Пг., 1923. С. 80—82. Из позднейших работ, отстаивавших точку зрения В. П. Семенникова и содержащую подробную аргументацию в ее пользу, отметим в первую очередь:

Так, Г. П. Макогоненко в книге «Радищев и его время», подводя итоги и суммируя мнения, говорил о двух сложившихся к 1950-м гг. взглядах на Радищева: одна группа исследователей считает писателя революционером, другая настаивает на сочетании у Радищева революционных взглядов с умеренно либеральными.⁶

В этой и других работах Макогоненко сделаны важные наблюдения о несовпадении позиций Радищева и Путешественника, что позволило впоследствии отнестись более внимательно и к другим персонажам «Путешествия». Исходя из концепции «прозрения» повествователя, Макогоненко с особым вниманием отнесся к тому, что высказано в последних главах «Путешествия». По его мнению, взгляды писателя отражены в бумагах «друга Путешественника», а композиция произведения позволяет выяснить точку зрения Радищева.⁷ В статье «Некоторые спорные вопросы современного изучения жизни и творчества А. Н. Радищева»⁸ к сходным выводам пришел и П. Н. Берков, призывавший видеть в «Путешествии» своеобразную «энциклопедию русской жизни» XVIII в., в которой дана панорама жизни, нравов и политической мысли того времени.

В вызвавшей длительную полемику книге Ю. Ф. Карякина и Е. Г. Плимака о Радищеве была сделана новая попытка выделить «либеральные» главы, к которым, по мнению авторов, принадлежат «Спасская Полесь», «Хотиллов» и «Выдропуск». На основании некоторого сходства «Спасской Полести» с «Проектом в будущем» исследователи приходят к довольно произвольному выводу о том, что «Проект в будущем» — описание действий «прозревшего монарха»; этот проект нужен автору «Путешествия» якобы для того, чтобы обнажить противоречия либерального просветительства, разрушить его «изнутри».⁹ Появление «друга Путешественника» интерпретируется как формальный прием для продолжения тем «Спасской Полести».

«Хотиллов» оказывается в центре внимания также в книге П. С. Грацианского, принимающего концепцию В. П. Семенникова как единственно возможную. Одна из глав так и называется «Две

Пугачев В. В. А. Н. Радищев. (Эволюция общественно-политических взглядов). Горький, 1960.

⁶ *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время. М., 1956. С. 417—425.

⁷ Против «диалогической» интерпретации Макогоненко наиболее последовательно выступил А. И. Старцев, пытавшийся обосновать идентичность Путешественника и Радищева на основании многочисленных автобиографических аллюзий. Неудивительно, что при таком подходе «Путешествие» вновь низводится до публицистического выступления против крепостного права (*Старцев А. И.* Радищев. Годы исканий. Очерки. Изд. второе, дополн. М., 1990. С. 314—327).

⁸ *Берков П. Н.* Некоторые спорные вопросы современного изучения жизни и творчества А. Н. Радищева // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 172—205.

⁹ *Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г.* Запретная мысль обретает свободу. 170 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева. М., 1966. С. 45.

политические программы А. Н. Радищева».¹⁰ Соответственно выделяются программа-минимум (реформы) и программа-максимум (народная революция и народное правление). Для характеристики программы-минимум, полагает Грацианский, необходимо обратиться прежде всего к главе «Хотиллов» «Путешествия из Петербурга в Москву».¹¹ Находящийся здесь план освобождения крестьян вновь становится одним из основных аргументов в пользу мнения о наличии у Радищева двух программ.

Завершая краткий обзор основных мнений, связанных с бумагами «друга Путешественника», хотелось бы сформулировать несколько исходных положений. Во-первых, следует признать неправомерным отождествление точки зрения Радищева с взглядами «гражданина будущих времен», получившее широкое распространение. В связи с этим стоит упомянуть, что в заключительном абзаце «Хотилова» содержится полемика Путешественника (персонажа, безусловно, более близкого по своим воззрениям к Радищеву) с автором найденных бумаг: «Между многими постановлениями, относящимися к восстановлению по возможности равенства во гражданах, нашел я табель о рангах. Сколь она была некстати нынешним временам, и оным несоразмерна, всяк сам может вообразить» (с. 74).¹²

Во-вторых, для интерпретации бумаг «друга Путешественника» необходимо соотнесение его смысловой доминанты (им я считаю план постепенного освобождения крестьян) с предложениями русских мыслителей по улучшению положения крепостных во второй половине XVIII столетия. Это сопоставление до сих пор не было осуществлено, а именно оно позволяет говорить о степени оригинальности плана. При этом нельзя сбрасывать со счета, что сходные проблемы активно дискутировались ранее в Европе в связи с теориями естественного права и общественного договора. Так, уже первое положение плана в главе «Хотиллов» («разделение рабства сельского и рабства домашнего») несет на себе отпечаток идей Монтескье, предпочитавшего реальную зависимость личной и недвусмысленно писавшего об этом в своем труде «О духе законов» (1748).¹³

В-третьих, правомерным представляется поиск прототипа для «друга Путешественника». Как известно, создавая художественный

¹⁰ Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII века. М., 1984. С. 218—228.

¹¹ Там же. С. 219.

¹² «Путешествие» цитируется здесь и далее по изданию в серии «Литературные памятники» с указанием страницы в тексте статьи: Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / Изд. подг. В. А. Западов. СПб., 1992.

¹³ Прежде всего в главах XV «Об отношении законов гражданского рабства к природе климата» и XVI «Об отношении к климату законов, регулирующих домашнее рабство».

мир «Путешествия», Радищев привязал его к реальной топографии и в значительной степени опирался на события, имевшие место в жизни его друзей и знакомых. Для большого числа персонажей поэтому оказалось возможным установление прототипов (разыскания в этой области вряд ли можно считать уже завершенными).¹⁴ Эти особенности «Путешествия» позволяют говорить о его своеобразном документализме. Опора на факты, отчасти достаточно широко известные, способствовала достижению важного художественного эффекта: реальность второй половины XVIII в. возводилась в ранг важнейшего референциального поля, с которым и «исторический читатель», и читатель позднейших эпох неизменно соотносил рассказанное Путешественником.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, необходимо выделить главы, связанные с «гражданином будущих времен» (он же «искренний друг» Путешественника)¹⁵ и его бумагами. Их три, это: 1) «Хотиллов» (первая часть «Проекта в будущем»; выяснение принадлежности найденных Путешественником бумаг; проект постепенного освобождения крестьян); 2) «Выдропуск» (продолжение «Проекта в будущем»); 3) «Медное» (описание продажи дворовых за долги помещика).¹⁶

Путешественник, нашедший перед почтовой избой текст первой части «Проекта в будущем», узнает далее от почтальона, что этот лист забыл «человек лет пятидесяти», ехавший по подорожной в Петербург, и без труда догадывается, что и эта, и другие бумаги принадлежали его «искреннему другу». Рассматривая их, он находит целую связку бумаг, которая «относилась к уничтожению рабства в России». Путешественник берет на себя труд показать «шестивие

¹⁴ Здесь, на мой взгляд, уместно привести следующее мнение: «Исследователи полагают, что под именами Крестьянкина («Зайцово»), автора «Проекта в будущем» («Хотиллов», «Выдропуск»), чужестранца («Медное») и других Радищев также выводит хорошо известных ему лиц» (*Татаринцев А. Г. Прототипы героев «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Русская литература. 1972. № 1. С. 87*).

¹⁵ Во избежание недоразумений следует отметить, что друг, упоминаемый в следующей за «Хотилловым» главе «Вышний Волочок» (Путешественник вспоминает о нем при наблюдении вышневолоцких шлюзов), не идентичен с «гражданином будущих времен».

¹⁶ В науке царят разногласия о том, кому следует атрибутировать описание продажи дворовых в главе «Медное» — «гражданину будущих времен» или Путешественнику (см.: *Старцев А. И. Радищев. Годы исканий. Очерки*. Изд. второе, дополн. М., 1990. С. 325—327). Как кажется, в данном случае мы имеем дело с довольно редким случаем не оговоренной смены повествователя. Глава начинается с упоминания Путешественником «найденных бумаг», т. е. бумаг «гражданина будущих времен». Из них воспроизводится описание продажи дворовых, тон которого становится все более патетичным. Окончание описания дается уже несомненно от лица Путешественника, вспоминающего друга-чужестранца и отсылающего к ранее цитированному разговору с ним в главе «Вышний Волочок».

мыслей» своего знакомого и кратко излагает его проект «повременным законоположениям к постепенному освобождению земледельцев в России». Как уже говорилось, проект занимает важнейшее место в главе «Хотиллов». Это программа действий, предложенная «другом Путешественника», подводящая итог его размышлений и свидетельствующая о «расположении челоуеколюбивого сердца». План состоит из двух положений, которые, в свою очередь, можно условно разделить на ряд подпунктов:¹⁷

«[I] Первое положение относится к разделению сельского рабства и рабства домашнего. Сие последнее уничтожается прежде всего, и [I, 1] запрещается поселян и всех по деревням в ревизии написанных брать в дома. Буде помещик возьмет земледельца в дом свой для услуг или работы, то земледелец становится свободен. [I, 2] Дозволить крестьянам вступать в супружество не требуя на то согласия своего господина. [I, 3] Запретить брать выводные деньги. [II] Второе положение относится к собственности и защите земледельцев. [II, 1] Удел в земле, ими обрабатываемой, должны они иметь собственностью; ибо они платят сами подушную подать. [II, 2] Приобретенное крестьянином имение ему принадлежать долженствует; никто его онаго да не лишит самопроизвольно. [II, 3] Восстановление земледельца во звание гражданина. Надлежит ему судиму быть ему равными, то есть в расправах, в кои выбирать и из помещичьих крестьян. [II, 4] Дозволить крестьянину приобретать недвижимое имущество, то есть покупать землю. [II, 5] Дозволить невозбранное приобретение вольности, платя господину за отпускную известную сумму. [II, 6] Запретить произвольное наказание без суда. — Исчезни варварское обыкновение, разрушьса власть тигров! — вещает наш законодатель... За сим следует совершенное уничтожение рабства» (с. 73–74).

Попытаемся включить этот план в контекст предложений по крестьянскому вопросу, имевших место во время царствования Екатерины II.¹⁸

В 1762 г. в петербургской печати со статьей на немецком языке о положении помещичьих крестьян в Прибалтике выступил пастор

¹⁷ Цифры в квадратных скобках в тексте цитаты проставлены мною для удобства дальнейшего анализа отдельных предложений по крестьянскому вопросу.

¹⁸ Подробный обзор всей палитры суждений см. в кн.: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. I. Наиболее существенные дополнения сделаны в статьях (здесь же и позднейшая литература вопроса): *Белявский М. Т.* Новые документы об обсуждении крестьянского вопроса в 1766—1768 годах // *Археографический ежегодник за 1958 год.* М., 1960. С. 397—430; *Сомов В. А.* Вольтер на конкурсе Вольного экономического общества. (Две рукописи, присланные из Швейцарии в 1767 г.) // *Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. Материалы и исследования.* М., 2001. С. 37—99.

И. Г. Эйзен фон Шварценберг.¹⁹ Он подчеркивал, что земледельцы здесь не имеют никакой собственности — господин может переселить их с одного участка на другой, отобрать все движимое имущество, подвергнуть телесным наказаниям, продавать семьями и в розницу. Крестьяне лишены возможности жаловаться, количество их работ не определено. Эйзен фон Шварценберг утверждал, что положение крестьян в Прибалтике значительно хуже, чем в России. Статья содержит и определенную программу, направленную на ограничение крепостного права: передача крестьянам в наследственное пользование количества земли, которое они могут обработать, замена барщины денежным оброком, разрешение продажи хлеба не только своему владельцу. Выступление Эйзена фон Шварценберга привлекло внимание императрицы, побудившей лифляндское дворянство принять на себя определенные обязательства по улучшению положения крепостных.

В записке, поданной императрице в 1763 г., П. И. Панин отмечал, что владельцы налагают на крестьян работы, «частенько выступающие из сносности человеческой». Для прекращения злоупотреблений он предлагал установить секретный надзор за невоздержанными помещиками, запретить торговлю рекрутами, дозволить продажу только семьями, составить примерное положение о крестьянских повинностях. Умеренный оброк и барщина, не превышавшая 4 дней, по его мнению, должны быть закреплены законодательно.²⁰

Важность изменения положения крепостных подчеркивал также Д. А. Голицын, русский посол в Париже, в переписке 1765—1770 гг. со своим родственником вице-канцлером А. М. Голицыным.²¹ Последний знакомил с нею Екатерину II, сочувственно внимавшую аргументам молодого дипломата. Д. А. Голицын указывал на важность примера императрицы в деле освобождения крестьян, на выгодность оброка и на необходимость создания органа власти, защищающего крестьян от произвола помещиков. Д. А. Голицын

¹⁹ [Eisen I. G.] Eines liefländischen Patriotens Beschreibung der Leibeigenschaft, wie solche in Liefland über die Bauern eingeführt ist // Sammlung russischer Geschichte. 1764. Bd. 9. S. 491—527. В предисловии к своему позднему изданному журналу Эйзен фон Шварценберг описывал историю своей борьбы против крепостного права и подчеркивал, что Г. Ф. Миллер, редактор журнала «Sammlung russischer Geschichte», изменил последний абзац в этой статье, тем существенно ослабив силу его выступления против рабства (Der Philanthrop, eine periodische Schrift. Erstes Stück. Mitau, 1777. S. [8]). О публикации в «Sammlung russischer Geschichte» см. подробнее: Donnert E. J. G. Eisen (1717—1779). Ein Vorkämpfer der Bauernbefreiung in Russland. Leipzig, 1978. S. 63—72.

²⁰ Селевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. I. С. 23—24.

²¹ См. письма Д. А. Голицына А. М. Голицыну (1765—1770): Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. Т. II. С. 33—45. (Переписка Голицыных была впервые опубликована в «Русском вестнике» в 1876 г.).

полагал, что нужно создать условия для роста третьего сословия, «необходимого для процветания наук и художеств».²² Усвоив экономическую точку зрения, он подчеркивал, что вольнонаемный труд более производителен. По его мнению, избыток дворни тормозит развитие промышленности в России, ибо помещики домашним производством удовлетворяют свои нужды. Поначалу Д. А. Голицын был за добровольное освобождение крепостных с движимым имуществом и землей, но через некоторое время изменил свое мнение и стал сторонником безземельного освобождения.

Поданная Екатерине II в январе 1766 г. записка И. П. Елагина²³ содержит «особливо для дворян полезное предложение»²⁴ о сдаче служившим дворянам государственных земель в аренду. Это побуждает Елагина коснуться уже в первой главе вопроса о регуляции отношений между помещиками и крепостными: «Приступая к сему, первым и главным неустройством представляю себе ненадежность каждого крестьянского дома хозяина в обладании недвижимого имения, и в неопределенности с него поборов».²⁵ Елагин предлагал разделить деревни на «дворы» по четыре работника в каждом, обеспечить их землей в потомственное пользование, от двух таких хозяйств выделять на барщину одного конного работника, подать же накладывать в зависимости от плодородия почв, исключив ее увеличение.

Несмотря на ознакомление с мнениями Голицына, Панина и Елагина, императрица ничего не предприняла для улучшения положения крепостных в первые годы ее царствования. Наоборот, в это время были приняты законы, расширявшие права помещиков: они получили возможность ссылать крестьян без суда в Сибирь с зачислением их в рекруты, свободно переводить крепостных из одного имения в другое, а с января 1765 г. отправлять без разбирательства на каторгу.²⁶ Единственная мера (сдача имений в опеку), направленная на ограничение произвола помещиков и закрепленную законодательно еще Петром I, применялась крайне редко. «Развязка „Недоросля“ — это изображение не того, что фактически делает власть, — справедливо писал Г. А. Гуковский, — а того, что она должна делать и не делала».²⁷

²² Там же. С. 37.

²³ *Елагин И. П.* Проект д. с. с. и члена дворцовой канцелярии Ивана Елагина об определении в неотъемлемое владение дворцовым крестьянам земли и о задаче казенных деревень, за известную плату, на временное и определенное владение вольным держателям // *Журнал землевладельцев*. 1859. Т. VI. № 21. С. 9—32; № 22. С. 135—184.

²⁴ Там же. № 22. С. 184.

²⁵ Там же. № 21. С. 20.

²⁶ См. подробнее: *Белявский М. Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. (Формирование антикрепостнической мысли). М., 1965. С. 39—40.

²⁷ *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. М., 1939. С. 335.

Важнейшим событием екатерининского царствования стала работа Комиссии по составлению Нового уложения, работа которой в значительной мере определялась «Наказом» императрицы. Будучи компиляцией из работ Ш. Л. Монтескье, Ч. Беккариа и других деятелей европейского Просвещения, это сочинение сыграло важнейшую роль в распространении их идей в России. Почти все интересующие нас положения «Наказа» заимствованы из книги Монтескье «О духе законов» (1748). Первоначально, как установил А. В. Флоровский, «Наказ» содержал более обширный материал по крестьянскому вопросу. В нем декларировалась необходимость определения размеров допустимых наказаний, передачи земли по договорам на определенное время крепостным, введение суда равных для крестьян, исключение вмешательства владельцев в дело заключения брака среди крестьян. В нем также предлагался закон, санкционировавший освобождение семьи, в которой жена или дочь подверглись насилию хозяина.²⁸

Согласно первому варианту «Наказа» законоположения должны были устранить злоупотребления крепостного права и определить обязанности крестьянина по отношению к владельцу. Эта редакция после обсуждения приближенными императрицы подверглась изменению, и в окончательном виде «Наказ» содержит оправдание сословной организации общества и существование крепостного права (§ 250, из Монтескье).²⁹ Однако признавалось, что нужно состояние «сих подвластных облегчать, сколько здравое рассуждение дозволяет» (§ 252, из Монтескье), а также избегать закрепощения (§ 253, видимо, принадлежит Екатерине II). Законы должны «отвращать злоупотребления рабства», «предостерегать опасности, могущие оттуда произойти» (§ 254, видимо, принадлежит Екатерине II). Что касается имущества крестьян, то в окончательной редакции содержится весьма неопределенная рекомендация: «Законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества» (§ 261, из Монтескье). Относительно освобождения крепостных не рекомендовалось «вдруг и через узаконение общее делать великого числа освобожденных» (§ 260, видимо, принадлежит Екатерине II).³⁰ Все выше приведенные параграфы содержатся в главе XI, не имеющей названия. В главе XIII «О рукоделии и торговле» земледелие объявлялось основой благополучия государства (§ 313, из Монтескье);

²⁸ Флоровский А. В. Из истории екатерининской законодательной комиссии 1767 г. (Вопрос о крепостном праве). Одесса, 1910. С. 4—6.

²⁹ Наказ императрицы Екатерины II, данный о сочинении проекта Нового уложения. СПб., 1907. С. 74. Об использовавшихся Екатериной II при составлении «Наказа» сочинениях см.: Чечулин Н. Д. 1) Об источниках «Наказа» // Журнал министерства народного просвещения. 1902. № 4. Отд. II. С. 279—320; 2) Предпоследнее слово об источниках «Наказа» // Сборник в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913. С. 22—25.

³⁰ Наказ императрицы Екатерины II... С. 74—76.

в ней также утверждалось, что оно не может «процветать тут, где никто не имеет ничего собственного» (§ 295, из *Монтескье*).³¹

Как легко заметить, «Наказ» не содержит конкретных предложений по улучшению состояния крепостных. В нем лишь объявлялось желательным обеспечение крестьян имуществом и законодательное урегулирование отношений помещиков и крепостных. Отрывочность и неопределенность положений «Наказа» позволяли ссылаться на него представителям противоположных воззрений.

В Комиссии по составлению Нового уложения крестьянский вопрос долгое время не затрагивался, что объясняется тем, что в сущности все сословия, представленные в Комиссии, судя по их наказам, боролись за право владения крепостными (казаки, купцы, однодворцы, белое духовенство). Лишь черносошные крестьяне стремились добиться возможности покупать крепостных не для владения и эксплуатации, а для представления вместо себя в рекруты.

В это время только один из депутатов, казак Хоперской крепости Андрей Алейников, выступил в заседании от 12 декабря 1767 г. против расширения прав помещиков и против крепостного права как такового: «...мы видим целую Европу, которая в крепостных крестьянах никакой нужды не имеет. И не большее ли будет предосуждение всем господам депутатам и всему нашему государству перед другими европейскими странами, когда, по окончании сей высокославной Комиссии, узаконено будет покупать и продавать крестьян, как скотину, да еще и таких же христиан, какие мы сами?»³²

Многие участники работы Комиссии были против продажи крестьян в розницу. Наиболее образованные депутаты, несмотря на различие политических убеждений, высказывались против продажи людей без земли (Никифор Толмачев, Авраам Рашкович, князь М. М. Щербатов и др.).

29 апреля 1768 г. депутат от Углича Иван Сухопрудский предложил рассмотреть, что побуждает крестьян к побегам. Это послужило толчком к дискуссии для тех, кто стремился к улучшению положения зависимых крестьян. Так, депутат от иноземцев и однодворцев Казанской провинции Василий Кипенский выступил за ограничение прав помещиков, разделение крестьянских работ на три части, соответственно для уплаты в казну, своему помещику и для удовлетворения собственных нужд, за создание специальных комиссий, которые бы ведали рекрутскими наборами, уплатой налогов, судопроизводством.³³

Наибольшее количество споров возбудило мнение депутата от козловского дворянства Г. Г. Коробьина, прочитанное в Комиссии

³¹ Там же. С. 89, 86.

³² Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1871. Т. VIII. С. 373.

³³ Там же. СПб., 1881. Т. XXXII. С. 97.

5 мая 1768 г. В нем предлагалось ограждение движимой собственности крестьянина от произвола владельца, уплата владельцу «ежегодно известной дани» натурою или деньгами.³⁴ Требования Коробьина поддержали Иван Жеребцов, депутат от пахотных солдат Нижегородской провинции,³⁵ и Иван Чупров, депутат от новокрещеных и ясашных крестьян Архангелогородской провинции.³⁶ Мнение Андрея Маслова,³⁷ депутата от однодворцев Белогородской провинции, содержало предложение по созданию в губерниях коллегий, которые бы осуществляли надзор за величиной поборов с крестьян, решали бы споры между землевладельцами и помещиками, контролировали бы рекрутские наборы.

В прочитанном 23 мая 1768 г. мнении Я. П. Козельского, депутата от дворянства Екатерининской провинции, предлагалось либо сократить барщину до двух раз в неделю, либо заменить ее оброком, равным оплате двух рабочих дней, для того чтобы остальную часть недели крестьяне работали на себя и государство. Козельский считал, что движимое и недвижимое имущество нужно передать крепостным в потомственное владение, запретив его закладывать и продавать.³⁸

Неудовлетворенность деятельностью Комиссии по составлению Нового уложения, лишенной в сущности законодательных прав, побудила профессора права Московского университета С. Е. Десницкого выступить в 1768 г. с «Представлением о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». В главе «О прекращении некоторых злоупотреблений в рассуждении крестьянства» Десницкий выступает против продажи крестьян в розницу и их обращения в дворовые без ограничений. Он полагает необходимым «постановить выгоды и означить некоторый род собственности для крестьян, коими помещик для вящей своей пользы ради умножения их трудолюбия имеет власть их награждать».³⁹ Автор проекта имел в виду, по всей вероятности, лишь движимое имущество.

В 1766 г. «Вольное экономическое общество» объявило по просьбе Екатерины II конкурс сочинений на тему: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение и сколь далеко его права на то простираться должны?» Сроком представления было назначено 22 апреля 1768 г.⁴⁰

³⁴ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. Т. II. С. 43—45, 53—54, 54—55.

³⁵ Там же. С. 69—72.

³⁶ Там же. С. 73—77.

³⁷ Там же. С. 78—83.

³⁸ Там же. Т. I. С. 650, 651.

³⁹ Там же. С. 320—322, 320.

⁴⁰ Всего на конкурс было прислано по меньшей мере 164 сочинения. Краткий обзор записок, опубликованных в связи с конкурсом, см.: *Межов В. И.*

В сочинении ахенского юриста Беарде де л'Аббея, получившем первую премию и опубликованном в 1768 г. после известных прений по-русски⁴¹ и по-французски,⁴² доказывалось, что личная свобода крестьян необходима для процветания государства и что нужно передать им не только движимость, но и землю. Реализация этих положений должна была протекать более чем постепенно. Только земледельцы, имеющие некоторое образование, получают сначала в собственность движимое имущество и лишь позднее землю. Постепенное освобождение должно производиться самими помещиками. Одним из основных аргументов в пользу свободного состояния земледельцев является экономическая выгода: «Нет, господа! Дав вольность крестьянам вашим, вы ничего не потеряете, но еще умножите ваши доходы!»⁴³

Из иностранных сочинений наибольший интерес представляет опубликованная по-французски работа Ж. Ж. Граслена,⁴⁴ отрицавшего право помещиков на землю и людей. Из русских работ — рассуждение А. Я. Поленова «О крепостном состоянии крестьян в России»,⁴⁵ не появившееся в печати в свое время из-за смелости изложения. Поленов полагал, что «собственность в движимом и недвижимом имении может почтяться за один почти и притом весьма изрядный способ к ободрению и поправлению крестьянства».⁴⁶ Кроме передачи крестьянам земли в наследственное пользование и свободы в движимом имуществе необходимы также учреждение крестьянского воспитания и крестьянских судов, запрет продажи крестьян без земли. «Итак, — писал Поленов, негодуя, — прежде всего должно помышлять, чтоб для славы народа и пользы общества вывести производимый человеческой кровию бесчестный торг. Мы в сем случае, не делая ни малой разности между неодошевленными

Крестьянский вопрос в России. Полное собрание материалов для истории крестьянского вопроса на языках русском и иностранных, напечатанных в России и за границую. 1764—1864. СПб., 1865. С. 1—2, 339—340.

⁴¹ *Делабей Беарде*. Перевод сочинения, присланного в Вольное экономическое общество в ответ на заданный в 1766 году вопрос // Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. 1768. Т. VIII. С. 1—59.

⁴² [*l'Abbaye Béardé, de.*] Dissertation qui a remporté le prix sur la question proposée en 1766 par société d'économie et agriculture à St.-Petersbourg [...] // Die von der Oeconomischen Gesellschaft zu St. Petersburg den 22. April 1768 gecrönte Preisschrift. St. Petersburg, 1768. S. 5—60.

⁴³ Труды Вольного экономического общества. 1768. Т. VIII. С. 51.

⁴⁴ [*Graslin J. J. L.*] Dissertation sur la question proposée par la Société économie de St. Pétersbourg // Die von der Oeconomischen Gesellschaft zu St. Petersburg den 22. April 1768 gecrönte Preisschrift. S. 109—154.

⁴⁵ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. Т. II. С. 7—29. Записка Поленова была впервые опубликована в 1865 году в «Русском архиве».

⁴⁶ Там же. С. 8.

вещами и человеком, продаем наших ближних как кусок дерева и больше жалеем наш скот, чем людей».⁴⁷

Просвещение представлялось Поленову важнейшим условием улучшения положения крестьян, их нравов и благополучия. По его мнению, оно должно осуществляться в церковных школах священниками и дьячками доброго поведения. Обязанность государства — обеспечить детей в селах бесплатными книгами. Выступая за облегчение перехода крестьян в мещанское состояние, Поленов все же был за сохранение личной зависимости земледельцев от их владельцев.

5 сентября 1767 г. (еще во время действия Комиссии по составлению Нового уложения) по инициативе императрицы было сделано предложение о разборе государственных родов, имплицитовавшее рассмотрение прав земледельческого сословия. Вновь созданная комиссия занялась изучением положения крестьян в Европе, и в конце апреля 1769 г. был составлен проект их прав. В своей работе комиссия пользовалась записками своих сотрудников: барона Ф. Вольфа, барона И. А. Унгерна-Штернберга, дерптского депутата Ф. К. Гадебуша.⁴⁸

Ф. Вольф считал необходимым определение барщины и оброка, запрещение продажи крестьян в розницу, введение крестьянского самоуправления (выборный суд в поместьях, разбирающий проступки крепостных, взимающий с них подати и оброки). Через эти суды крестьяне смогут жаловаться на притеснения помещиков. Земледельцы вольны распоряжаться своим движимым имуществом, сохраняя, однако, в неприкосновенности все необходимое для полевых работ.⁴⁹ В записке Гадебуша к предложениям Вольфа прибавлялись отмена выводных денег и введение выкупа крестьян за известную сумму.⁵⁰

В проекте крестьянских прав И. А. Унгерна-Штернберга⁵¹ говорилось о том, что помещик может обращать крестьян в дворовые, сколько захочет, но должен за это кормить их и давать им жалованье. Продажа крестьян может производиться лишь семьями и осуществляться помещиками, владеющими землей. Унгерн-Штернберг был также за отмену выводных денег, ограничение телесных наказаний, введение земских судов, передачу движимого имущества в полное

⁴⁷ Там же. С. 15.

⁴⁸ О дружбе Гадебуша с Эйзенем фон Шварценбергом см.: *Donnert E. J. G. Eisen (1717—1779). Ein Vorkämpfer der Bauernbefreiung in Russland.* Leipzig, 1978. S. 26 ff.

⁴⁹ Обзор неопубликованных «Дневных записок Комиссии о разборе государственных родов» см.: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России... Т. I. С. 132—134.

⁵⁰ Там же. С. 134.

⁵¹ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. XXXVI. С. 247—271.

владение крестьянина. Существенно его предложение разрешить крепостным жаловаться на своего помещика.

20 августа 1769 г., выслушав проект Унгерна-Штернберга, члены Комиссии о разборе родов государственных жителей решили сообща трудиться над составлением «Проекта правам третьего или лишнего рода государственных жителей».⁵² Он был закончен через два месяца и представлен Дирекционной комиссии, после чего Комиссия о разборе родов государственных жителей была распущена. «Проект правам» не содержит существенных предложений, направленных на облегчение положения крестьян: им запрещалось жаловаться, телесные наказания не были ограничены, выводные деньги не были отменены. Единственным нововведением был запрет разлучать детей до семи лет с их родителями.

В Комиссии о земледелии, работавшей отдельно от Комиссии по разбору родов государственных жителей, были по инициативе И. А. Голенищева-Кутузова и С. Титова сделаны предложения по регламентации крестьянских повинностей, не ставшие однако законами.⁵³ Русско-турецкая война 1769—1774 гг. отвлекла императрицу от проблем внутреннего устройства империи и послужила удобным предлогом для роспуска Комиссии, чью деятельность стало трудно контролировать. Пугачевщина (1773—1775) также никоим образом не способствовала продолжению общественного обсуждения язв крепостного права — скорее, наоборот.

Однако даже некоторые из тех, кто подавлял крестьянское восстание, трезво оценивали положение. Так, новгородский губернатор Я. Е. Сиверс после усмирения восставших в 1775 г. писал Екатерине II о том, что неограниченное рабство погубит государство и что именно невыносимый гнет был главной причиной волнений от Оренбурга до Казани и на нижнем течении Волги.⁵⁴ Сиверс предлагал ограничить власть помещика, запретить без судебного разбирательства наказывать крепостных кнутом, установить цену выкупа крестьянской семьи в 500 рублей.

Интересным документом екатерининского царствования является «Рассуждение о неперемennых государственных законах», выработанное Н. И. Паниным и Д. И. Фонвизиним и записанное

⁵² Проект правам третьего или лишнего рода государственных жителей, подписанный членами Комиссии о государственных родах // Там же. С. 275—286.

⁵³ *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России... С. 145—146.

⁵⁴ «Ich erlaube mir's zu sagen, die unbegränzte Knechtschaft wird dermaleinst das Verderben des Staates sein, und ich glaube mich nicht zu täuschen, wenn ich mutmaße, daß den Wirren von Orenburg, Kazan und der unteren Wolga, unter denen diese schönen Landschaften verheert wurden, ursprünglich das unerträgliche Sklavenjoch zu Grunde lag» (*Blum K. L.* Ein russischer Staatsmann: Des Grafen Jakob Johann Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands. Leipzig; Heidelberg, 1857. Bd. II. S. 94).

последним. В «Рассуждении» рассматривается вопрос о прочном законодательстве, стабилизации государственного управления, ограждении его от произвола временщиков, мерах, призванных обеспечить благосостояние и безопасность нации. Под «нацией», понимаются все сословия государства; ей противопоставляется кучка фаворитов, воздействующих на монарха в собственных видах и во вред интересам страны. Именно влиятельности этого меньшинства должны положить конец разумные законы: «При исследовании, в чем состоит величайшее благо государств и народов и что есть истинное намерение всех систем законодательств, найдем необходимо два главнейшие пункта, а именно те, о коих теперь рассуждаемо было: вольность и собственность».⁵⁵

Существенно, что этими правами должна пользоваться вся нация, но, как выясняется, в пределах, которые устанавливает сословная принадлежность. Касаясь положения крестьян, Панин и Фонвизин отмечают ненормальность того, что «люди составляют собственность людей», что «человек одного состояния имеет право быть истцом и судьей над человеком другого состояния», что «народ пресмыкается во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя жестокого рабства».⁵⁶

Из «Прибавления к рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина» становится ясным, каких законоположений желали Панин и Фонвизин. Один из пунктов «Прибавления» касался регламентации отношений помещика и его крестьян, определения повинностей крепостных и назывался «О власти помещиков над своими подданными, о должностях оных к помещикам их». Предполагалось также законодательно закрепить права крестьянства и право на собственность всех сословий.⁵⁷

Завершая обзор основных мнений екатерининского царствования по крестьянскому вопросу, нужно отметить, что необходимость освобождения крепостных не была еще в полной мере осознана русским обществом. Как видно из предшествующего изложения, за отмену крепостного права последовательно выступили лишь Д. А. Голицын, А. Алейников, Ж. Ж. Л. Граслен и Беарде де л'Аббей. Существенно при этом, что двое из них иностранцы, не знакомые с условиями русской жизни, а на воззрения Голицына решающим образом повлияли западная политическая мысль и устройство европейских государств. Нетрудно заметить, что главным требованием в России второй половины XVIII столетия была регуляция повин-

⁵⁵ Шумигорский Е. С. Император Павел I. Приложения. СПб., 1907. С. 11.

⁵⁶ Там же. С. 12.

⁵⁷ Прибавления к рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина, сочиненное генералом графом Паниным, о чем между ими рассуждалось иметь полезным для Российской империи фундаментальные права, неприменяемые на все времена никакой властью // Там же. С. 16—17.

ностей крестьян, установление суммы оброка и количества дней барщины.

Знакомство Радищева с основными высказываниями соотечественников по крестьянскому вопросу, столь волновавшему его, сомнения не вызывает. Так, писатель безусловно знал о публикациях Вольного экономического общества, был в курсе деятельности Комиссии по составлению Нового уложения. В 1801–1802 гг. Радищев неоднократно ссылался на «Наказ», утверждая, что в начале правления Екатерина II «вознамерилась положить основание российскому государству, воздвигнуть власть верховную на законе непреложном...»⁵⁸ Неудивительно поэтому, что план в главе «Хотиллов» имеет немало перекличек с отдельными предложениями, высказанными ранее.

Вопрос об огромной дворне помещиков, быстро возраставшей численно, паразитировавшей на труде своих собратьев, вызывал озабоченность и в России, поэтому мысли, аналогичные первому положению, встречаем у Д. А. Голицына и И. А. Унгерн-Штернберга. За 22 года до публикации «Путешествия» С. Е. Десницкий предлагал запретить брать поселян в дома, т. е. отрывать их от земли и обращать в дворню (первый подпункт первого положения). Аналогии есть и у второго подпункта (первая редакция «Наказа», где также разрешалось вступать в брак без согласия господина) и у третьего подпункта о запрете выводных денег (Гадебуш, Унгерн-Штернберг).

Второе положение, «относящееся к собственности и защите земледельцев», очень близко к самому распространенному мнению о необходимости законодательно определить повинности крестьян, тем самым ограждая собственность крепостных от дальнейших посягательств владельцев (И. Г. Эйзен фон Шварценберг, П. И. Панин, И. П. Елагин, Екатерина II в первой и окончательной редакциях «Наказа», В. Кипенский, Я. П. Козельский, Ф. Вольф, И. Л. Голенищев-Кутузов, С. Титов, ямбургские и ораниенбаумские дворяне). Аналогии есть и у более частных предложений: с первым подпунктом второго положения («кудел в земле ими обрабатываемой должны иметь собственностью») совпадают мнения И. Г. Эйзена фон Шварценберга, И. П. Елагина, Я. П. Козельского, Беарде де л'Аббея, А. Я. Поленова; то же можно сказать о втором подпункте («движимость должна принадлежать крестьянам полностью»), ему идентичны предложения И. Г. Эйзена фон Шварценберга, Д. А. Голицына, И. Чупрова, И. Жеребцова, С. Е. Десницкого, Беарде де л'Аббея, Ф. Вольфа, Ф. К. Гадебуша; подпунктам третьему (суд равными) и шестому (запрет наказания без суда) близки рассуждения Д. А. Голицына, Екатерины II в первой редакции «Наказа», А. Маслова, А. Я. Поленова, Ф. Вольфа, Ф. К. Гадебуша, И. А. Унгерн-

⁵⁸ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. III. С. 147.

Штернберга. О необходимости установления суммы выкупа за свободу (подпункт пятый) писали Ф. К. Гадебуш, И. А. Унгерн-Штернберг, Я. Е. Сиверс.

Лишь четвертому подпункту (приобретение земли крестьянами) аналогий в перечисленных документах нет. Судя по контексту, имеется в виду покупка земли крепостными до освобождения. Как она осуществлялась бы в условиях общинного землепользования, неясно. Может быть, приобретение земли должно было совершаться миром? К сожалению, в «Путешествии» Радищева нет разъясняющих указаний.

Как видим, план «друга Путешественника» по большей части содержит предложения, неоднократно высказывавшиеся русскими мыслителями и политическими деятелями XVIII столетия. При этом бросается в глаза то, что, несмотря на неоригинальность своих отдельных положений и подпунктов, план из «Проекта в будущем» не имеет аналогий как единство последовательных мер и совокупность двух взаимодополняющих положений. Как я постараюсь показать во второй части данной статьи, именно как целое, как система аргументации и конкретных мер он сходен с предложениями А. Р. Воронцова, сделанными им в начале царствования Александра I. Учитывая тесное многолетнее общение Радищева с его покровителем, правдоподобным представляется допущение, что с идеями Воронцова писатель ознакомился намного ранее, в устной форме, был ими впечатлен и потому увековечил их в «Путешествии».

* * *

Прежде чем перейти к характеристике взглядов А. Р. Воронцова по крестьянскому вопросу, высказанных им в первые годы царствования Александра I, необходимо вкратце упомянуть о том, какие изменения произошли в положении земледельческого сословия при Павле I. Как известно, император придерживался мнения, что помещичьи крестьянам живется лучше, чем государственными, поэтому уже в первые два месяца своего царствования он передал в частное владение пятьдесят тысяч крестьян, а за четыре года и несколько месяцев его царствования число поселян, розданных помещикам, достигло шестисот тысяч. Вместе с тем этот монарх, как никто другой из русских царей, стремился ограничить злоупотребления и урегулировать отношения между крестьянами и помещиками. Уже указом от 16 февраля 1797 г. Павел повелел «дворовых людей и крестьян без земли не продавать с молотка или с подобного на сию продажу торга». ⁵⁹ 16 октября 1798 г. был дарован указ, запрещающий продажу малороссийских крестьян без земли за долги их помещиков. ⁶⁰ Хотя

⁵⁹ Полное собрание законов. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17809. С. 335—336.

⁶⁰ Полное собрание законов. Т. XXV. № 18706. С. 419—420.

эти указы не отменяли продажу крепостных без земли полностью, они вносили в нее некоторые ограничения.

Указ Павла I от 5 апреля 1797 г., получивший в исторической литературе название «манифеста о трехдневной барщине», воспринимался рядом исследователей как закон, упорядочивший отношения помещиков и крестьян. Однако, как убедительно показал М. В. Ключков, манифест лишь рекомендовал трехдневную барщину, закрепляя сложившиеся к тому времени размеры повинности.⁶¹ Учитывая видную роль А. А. Безбородко в царствование Павла и его записку императору, которая будет рассмотрена ниже, можно предположить, что инициатива подготовки вышеупомянутых манифестов принадлежит этому сановнику.⁶² Существенно и то, что меры, провозглашенные в этих указах, оказываются в центре обсуждения в начале следующего царствования.

Записка А. А. Безбородко «О потребностях империи Российской» (1799)⁶³ наряду другими вопросами содержит предложения по улучшению положения крестьянского сословия. Вельможа отстаивает трехдневную барщину согласно манифесту Павла I от 5 апреля 1797 г., оставляя хозяевам свободу самим определять величину оброков. Безбородко полагает, что перевод из одной деревни в другую следует производить добровольно, продажу крестьян осуществлять только с землей, а продажу в рекруты следует запретить полностью. Движимость и капиталы должны составлять «неотъемлемую собственность крестьянскую». Вельможа выступил только за то, чтобы крестьяне, взятые на службу в дом, имели право при новой ревизии записаться в другое сословие, т. е. получить вольность. Таким образом, А. А. Безбородко предполагались меры, направленные на регуляцию отношений крестьян и их помещиков при сохранении крепостной зависимости только для тех, кто обрабатывает землю.

Кратковременность Павловского царствования, противоречивость, а порой и сумбудность многих действий императора привели к тому, что его указы и декларации не имели большого значения для последующего правления. При Александре I обсуждение многих общественных и государственных проблем началось заново; при этом в кругу сверстников и единомышленников молодого царя особенным авторитетом пользовался А. Р. Воронцов. В 1801 г. он член Непременного совета, в 1802—1804 гг. — государственный канцлер.

⁶¹ Ключков М. В. Манифест 1797 года о трехдневной барщине // Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 127—175.

⁶² Имеет смысл отметить, что Безбородко с А. Р. Воронцовым связывало сходство воззрений, долготелая дружба и деловое сотрудничество. Цитируемые ниже мнения сановников демонстрируют близость их взглядов по крестьянскому вопросу.

⁶³ Григорович В. И. Канцлер князь А. А. Безбородко. СПб., 1881. Т. 2. С. 643—646.

Именно Воронцов пытался одним из первых обратить внимание императора Александра I на необходимость усовершенствования законодательства Российской империи и создания условий для процветания экономики и торговли. В ноябре 1801 г. он обратился к самодержцу с «Примечаниями на некоторые статьи, касающиеся до России»,⁶⁴ где содержится очерк истории русского государства в XVIII в., а мерилом оценки того или иного правления становилась верность Петровским преобразованиям. В записке предлагались и конкретные меры по упрочению благосостояния империи — Воронцов был против чрезмерного разрастания армии и флота, «изнуравших» казну», советовал избегать войн, подчеркивал необходимость увеличения населения империи, а не ее территории, настаивал на важности создания условий для развития российской промышленности и торговли и т. п.

Предложения Воронцова по крестьянскому вопросу отразились несколько позднее в следующих документах:

1) «Рассуждение о непродаже людей без земли» А. Р. Воронцова (от 3 марта 1802),⁶⁵

2) «Грамота российскому народу» (1801).⁶⁶

«Рассуждение о непродаже людей без земли» было опубликовано в Архиве Государственного совета в 1878 г. и неоднократно привлекало внимание исследователей, отмечавших совпадение некоторых идей «Путешествия» и данного документа. Близость описания продажи крепостных в рекруты у Воронцова и у Радищева (глава «Городня») позволила даже сделать предположение об участии Радищева в написании «Рассуждения» (В. И. Семевский,⁶⁷ Н. П. Павлов-Сильванский,⁶⁸ М. Н. Туманов⁶⁹). В. П. Семенников также тщательно сравнил этот документ и главу «Городня», что привело его к мысли о литературном сотрудничестве писателя и его покровителя.⁷⁰ Мнение это не получило документального подтверждения и представляется невероятным. Во-первых, Радищев

⁶⁴ Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. М., 1859. Кн. I. Смесь. С. 89—102; Архив князя Воронцова. М., 1883. Т. XXIX. С. 451—470.

⁶⁵ Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3. Ч. I. Стлб. 778—782.

⁶⁶ В данном контексте следует упомянуть, что утверждение В. П. Семенникова о том, что Радищева следует признать автором «Грамоты» ничем не обосновано и потому неоднократно подвергалось заслуженной критике. См. подробно: Сафонон М. М. А. Н. Радищев и «Грамота российскому народу» // Радищев: Русское и европейское Просвещение. СПб., 2003. С. 112—141.

⁶⁷ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. I. С. 250.

⁶⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Примечания к биографии // Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1906. С. 291.

⁶⁹ Туманов М. Н. А. Н. Радищев // Вестник Европы. 1904. № 2. С. 688—690.

⁷⁰ Семенников В. П. Радищев. Очерки и исследования. С. 133—135.

в своей переписке с Воронцовым недвусмысленно свидетельствует, что его покровитель не был знаком с «Путешествием» до его публикации.⁷¹ Во-вторых, известен отрицательный отзыв Воронцова о «Путешествии».⁷²

Существенным представляется указание Семенникова на сходство «Рассуждения о непродаже людей без земли» с проектом одного из указов,⁷³ составленным еще в 1801 г. (видимо, в мае). Сопоставление этого указа с запиской Воронцова привело ученого к выводу, что «в некоторых местах „Рассуждение“ буквально повторяет мнения и даже отдельные выражения указа».⁷⁴ «Объяснений этому может быть, по нашему мнению, — писал исследователь, — только два: 1) или составитель „Рассуждения“ воспользовался проектом указа 1801 года, или 2) что указ и „Рассуждение“ составлены одним и тем же лицом».⁷⁵

Как отметил Семенников, подлинник указа 1801 г. имеет значительные исправления М. М. Сперанского, служившего тогда под начальством Д. П. Троицкого, государственного деятеля, близкого к Воронцову и поддерживавшего с ним переписку в течение многих лет. Этот факт делает возможным предположение, что проект указа, составленный, видимо, Воронцовым, был переслан Троицкому, который представил его в Государственный совет. Через год Воронцов сам поднял вопрос об этом проекте. При этом он вряд ли мог выступить с запиской, не принадлежавшей его перу, не соответствовавшей его взглядам. Крайне мало вероятно также, чтобы государственный канцлер стал использовать чужой проект, перенося в новый документ целые фразы и сохраняя ход рассуждения.

Предложения в «Рассуждении о непродаже людей без земли» сводятся к следующему: 1) запрет фабрикам и заводам покупать людей без земли; 2) воспретить купцам под чужим именем покупать деревни; 3) пресечь продажу людей в рекруты; 4) освободить от платежа подушных денег до ревизии помещиков, отпускающих на волю своих крепостных; 5) принимать от дворян в казну дворовых людей за известную цену; 6) контролировать продажу крестьян для своза и поселения на другой земле.

То, что «Рассуждение» направлено в первую очередь против «домашнего рабства», а также и против крепостного права в целом,

⁷¹ Ср. в письме Воронцову от 1 марта 1791 г.: «Чего же я себе не прошу, то что я попал в беду, в которую бы себя не ввергнул, если бы в сем случае не потайл от вас моего безрассудства» (*Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. Т. III. С. 350).

⁷² А. Р. Воронцов с неодобрением писал в январе 1791 г. в связи с «Путешествием» о «тоне Мирабо и других бешеных Франции» (*Штранге М. М.* Русское общество и французская революция. М., 1956. С. 76).

⁷³ Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3. Ч. I. Стлб. 770—772.

⁷⁴ Семенников В. П. Радищев. Очерки и исследования. С. 136.

⁷⁵ Там же. С. 136.

становится ясным из аргументации Воронцова, которой он сопровождает свои предложения.

Во вступлении, говоря о «несходстве с правом натуральным» торговли людьми, Воронцов писал: «Нет сомнения, чтоб прекращение продажи людей без земли не основано было на самых человеческих правилах, искореняя все жестокости, которые от сих продаж не редко происходили. Не менее и признать нельзя, что и с просвещением, которое более и более умножилось в последнем столетии, несообразным казаться могло, что человек другого, и по натуре ему равного, продавать мог так, как лошадь или барана».⁷⁶ Далее Воронцов утверждает, что запрещение продавать людей без земли и делать из них торг упредит многие злоупотребления, которые он объявляет «столько же вредными и несообразными с правилами человечества, как и самая продажа людей».⁷⁷ Предложенные меры мыслятся таким образом как первый шаг к устранению продажи людей как основы крепостного права.⁷⁸ Это явствует в первую очередь из пунктов четвертого (освобождение от платежа подушных денег до ревизии помещиков, отпускающих на волю своих крепостных) и пятого (принимать от дворян в казну дворовых людей за известную цену), которые невозможно рассматривать иначе как меры, направленные на уменьшение общего количества крепостных.

Для дальнейшего уяснения позиции Воронцова важно рассуждение, предпосланное пункту четвертому (освобождение от платежа подушных денег до ревизии помещиков, отпускающих на волю своих крепостных): «Как целью всякого благонамеренного и кроткого правления должно быть, сколь можно облегчение человечества, и потому и сколько можно, сближение оного к свободе и умножение числа людей, составляющих средний род, мещанами называемый и, вообще сказать, tiers état...».⁷⁹

Шестой пункт рассуждения Воронцова (контроль за покупкой крепостных для своза), как выясняется, имеет прежде всего целью не допустить роста количества дворовых: «...чтоб сии крестьяне переселены были на землю для хлебопашества, а не обращены в дворовые люди; ибо тогда была бы продажа людей без земли».⁸⁰

Разрешение торговли только деревнями исключало разлучение членов семьи при продаже и в условиях общинного землепользова-

⁷⁶ Архив Государственного совета. Т. 3. Ч. I. Стлб. 779.

⁷⁷ Там же. Стлб. 779.

⁷⁸ Еще одно, хотя и косвенное, подтверждение сему можно найти в письме С. Р. Воронцова к А. Р. Воронцову от 14(26) февраля 1802 г., ибо, как известно, братья придерживались сходных воззрений по большинству политических вопросов. В этом письме С. Р. Воронцов называет торговлю людьми «гнусной, бесчеловечной и противной христианскому закону», «порочашей нашу родину» (Архив князя Воронцова. М., 1877. Т. XI. С. 417).

⁷⁹ Архив Государственного совета. Т. 3. Ч. I. Стлб. 781.

⁸⁰ Там же. Стлб. 782.

ния сохраняло за крестьянами землю, которую они обрабатывают. Меры, направленные на сокращение дворни, должны были вызвать приток новых рабочих рук в города, способствовать развитию промышленности, ремесел и торговли. Нужно учитывать также, что запрещение продажи крестьян без земли в некоторых странах Европы в XVIII столетии было первым шагом к полному освобождению крестьян (например, в Австрии).

Обратимся ко второму документу, отразившему воззрения А. Р. Воронцова по крестьянскому вопросу, — к «Грамоте российскому народу». История трех ее редакций, дошедших до нас, рассмотрена в работе А. В. Предтеченского «Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века»,⁸¹ а полемика по поводу возможного участия Радищева в составлении «Грамоты» — в книге Д. С. Бабкина «А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность».⁸² Оба исследователя сходятся во мнении, что Радищев не принимал участия в составлении «Грамоты», и фактически автором грамоты являлся А. Р. Воронцов. «Грамота» не была обнародована во время коронации Александра I, так и осталась проектом.

Первый из списков «Грамоты», содержащий 20 статей, был по-французски опубликован в 1908 г. в приложении к «Русскому архиву» вместе с «Всеподданнейшей запиской графа А. Р. Воронцова» и с его же запиской от 14 августа 1801 г.,⁸³ русский перевод этого списка был опубликован в 1936 г.⁸⁴ Во «Всеподданнейшей записке графа А. Р. Воронцова» от 12 августа 1801 г. указывались три цели составления «Грамоты»: 1) утверждение правил престолонаследия; 2) расширение полномочий Сената; 3) составление «достаточных и ясных законов для ограждения состояния каждого из подданных».⁸⁵ Под запиской стоят фамилии Воронцова, В. П. Кочубея и Н. Н. Новосильцева. Все указывает на подготовительный характер этого списка: само название «Статьи или материалы, которые могут служить для составления указа или манифеста о привилегиях, свободах и т. д.», а также конкретность изложения ряда статей. Интересны также «Примечания»⁸⁶ Новосильцева к проекту закона, которые позволяют предполагать, что он не принимал непосредственного участия в составлении «Грамоты».

После обсуждения «Статей и материалов» в «Негласном комитете» был составлен второй список, получивший утвердившееся за

⁸¹ Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 191—199.

⁸² Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность. М.; Л., 1966. С. 225—238.

⁸³ Русский архив. 1908. № 6. Приложение. С. 4—13.

⁸⁴ А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. С. 77—81.

⁸⁵ Русский архив. 1908. № 6. Приложение. С. 4.

⁸⁶ Там же. С. 13—18.

этим документом название «Грамота российскому народу» и содержащий 26 статей. Этот список, очевидно, и собирались обнародовать при коронации, на что указывает помета «Дана в престольном граде Москве сентября дня 1801 г.» (число не проставлено). Он имеет характер законченного документа. В. П. Семенников напечатал его в 1923 г. по рукописи Публичной библиотеки.⁸⁷

Третий список, найденный Семенниковым в архиве А. Р. Воронцова в числе бумаг, относящихся к коронации Александра I, содержит 29 статей, три из которых не входят во второй список «Грамоты» и подтверждают как порядок престолонаследия, установленный Павлом I, так и полномочия Сената.⁸⁸

При дальнейшем анализе будет использоваться второй список «Грамоты», более заверченный по сравнению с первым и полностью совпадающий с третьим списком в интересующих нас положениях. Необходима известная осторожность при привлечении этого документа (до конца неясна степень участия В. П. Кочубея и Н. Н. Новосильцева в его составлении; он обсуждался и, возможно, правился в Негласном комитете в связи с пожеланиями Александра I). Так, по указанию Д. С. Бабкина, император настоял на введении в «Грамоту» статей, подтверждающих привилегии дворянства. Александр утверждал, впрочем, что сделал это против своей воли.⁸⁹

Следует учитывать, что Воронцов в таких условиях вряд ли мог высказать все свои соображения. Тем не менее, думаю, в основных своих положениях этот документ, созданный по инициативе Воронцова, может служить для характеристики его взглядов. Существенным представляется также то, что «Грамота» содержит заимствования из «Habeas corpus», видимо предложенные Воронцовым, хорошо знакомым с английским законодательством.

В «Грамоте российскому народу» содержится не только подтверждение привилегий дворянства (§ 2, 3, 4), но и основ предпринимательства (§ 6), личной безопасности (§ 7), свободы мысли, веры, исповедания, богослужения, слова и речи, письма и деяния (§ 8) и т. д. Особый интерес представляет то, что была объявлена свобода переселения для мещан и купечества, а кроме того, неприкосновенность крестьянского имущества от взысканий и конфискаций. Заслуживают упоминания статьи, где определяются права российских граждан перед судом (без сословного деления): они не могут считаться преступниками, находясь под следствием (§ 13), могут судиться только равными себе по состоянию (§ 14), отвергнуть судей (§ 16) и т. д.

Все вышеуказанное дает достаточный материал для сопоставления плана «друга Путешественника» с заметками Воронцова.

⁸⁷ Семенников В. П. Радишев. Очерки и исследования. С. 180—194.

⁸⁸ Там же. С. 432—433.

⁸⁹ Бабкин Д. С. А. Н. Радишев. С. 237.

Обратимся к главе «Хотилов». Путешественник подчеркивает, что «гражданин будущих времен» более всего «поражен был несоизмеренности гражданских чиновостояний». В «Рассуждении о непродаже людей без земли» мысль о необходимости выравнивания прав различных сословий выразилась достаточно ясно в цитированной уже фразе, что целью всякого благонамеренного правления должно быть «облегчение человечества» и «сближение оного к свободе». В § 11 «Грамоты российскому народу» также находим меры, имеющие своей целью расширить права третьего сословия: «Подтверждаем и жалуем всем записавшимся в купечество и мещанство свободу избирать и переменять жительство во всех городах по своему желанию. Равным образом да имеют они свободу выезжать за границу, давая надежное поручительство...»⁹⁰ Ту же цель преследует, как представляется, декларация прав, даруемых в «Грамоте» гражданам Российской империи безотносительно к сословиям. Необходимо повторить в связи с этим, что во «Всепопданнейшей записке графа Воронцова» одной из целей будущей «Грамоты» указывалась необходимость «снабдить Россию достаточными и ясными законами, для ограждения состояния каждого из подданных».⁹¹

Путешественник подчеркивает, что меры, предлагаемые его «искренним другом», должны осуществляться без поспешности. Воронцову также была в высшей степени свойственна мысль о постепенности совершения нововведений и опасности резких перемен. В записке «О непродаже людей без земли» он говорил, что «сколько можно, убежать должно» от употребления крайних средств при осуществлении реформ. Указывая на необходимость роста третьего сословия, Воронцов таким образом характеризовал меры, направленные на выполнение этой цели: «...достижение чего должно быть без переломов и крутостей, а при том и без нарушений собственности и обычаев коренных, кои предметы всегда должны входить в уважение кроткого и на правах умеренности дела основывающего правления».⁹² Как уже указывалось выше, Воронцов прямо ставил вопрос о противостоительности крепостного права и стремился способствовать росту количества свободного населения.

Первое положение плана «друга Путешественника» («разделение сельского рабства и рабства домашнего», предполагавшее уничтожение домашнего рабства в первую очередь) имеет значительные аналогии в «Рассуждении о непродаже людей без земли»; в нем предлагается ряд мер по освобождению именно дворовых. Так, пункт пятый предусматривал прием дворовых безземельного дворянина после его смерти в казну и выплату наследникам денег, а также установление довольно высокой цены на принимаемых в каз-

⁹⁰ Семенников В. П. Радищев. Очерки и исследования. С. 186.

⁹¹ Русский архив. 1908. № 6. Приложение. С. 4.

⁹² Архив Государственного совета. Т. 3. Ч. I. Стлб. 781.

ну крестьян — 500 рублей (за рекрута государство платило 360 рублей). С пунктом пятым тесно связан пункт шестой — проданных на своз крестьян нельзя обращать в дворовых, ибо тогда будет продажа без земли. Пункты же более конкретные, развивающие первое положение «друга Путешественника» (запрещение поселян «брать в дома», разрешение вступать самовольно в брак, запрет вывозных денег), аналогий в документах, принадлежащих перу Воронцова, не находят. Думаю, Воронцов не исчерпал в «Рассуждении» всех предложений по волновавшему его вопросу, к решению которого он со свойственной ему осторожностью только приступал.

Интересен пункт об освобождении крестьян, «взятых в дома», в «Путешествии» Радищева. С ним полностью совпадает только предложение А. А. Безбородко относительно дворовых в записке «О потребностях империи», государственного деятеля, принадлежавшего к ближайшему окружению Воронцова. Мысль о разделении домашнего и сельского рабства — одна из основных в записке Безбородко.

Второе положение, относящееся к «собственности и защите земледельцев», также имеет аналогии среди предложений Воронцова, совпадает и большая часть подпунктов. Так, подпункту второму (неприкосновенность движимого имущества) соответствует § 12 «Грамоты российскому народу»: «Буде случится, что за какой-либо иск, или как бы то ни было, имение поселянина подлежать будет описи, конфискации или отъятию, то все земледельческие орудия <...> не должны быть у него отъяты ни под каким видом и ни в какое время».⁹³

Подпункту третьему (юридическое восстановление крестьянина в звании гражданина, суд его равными ему по состоянию, выборы крестьян в судебные органы) соответствует § 14 «Грамоты российскому народу»; «Обещаем императорским нашим словом обратить все внимание наше к усовершенствованию права, отчасти в российский юриспруденции уже существующего, дабы всякой подданный российской судим был судиями равного с ним состояния».⁹⁴

Подпункту шестому (запрет наказания без суда) близок § 13, где утверждается, что обвиняемый не может почитаться преступником. Следовательно, его нельзя также подвергнуть наказанию до свершения суда.

Подпункты первый (выделение земельного надела в собственность крестьянина), четвертый (право на покупку земли), пятый (невозбранное приобретение вольности за известную сумму) прямых аналогий не имеют. Однако следует добавить, что в условиях общинного землепользования продажа крестьян деревнями и с землей фактически закрепляла за крестьянами определенный участок. Таким

⁹³ Семенников В. П. Радищев. Очерки и исследования. С. 186.

⁹⁴ Там же. С. 187.

образом, хотя и косвенно, за крепостными закреплялись земельные наделы (подпункт первый плана «гражданина будущих времен»).

Близость предложений А. Р. Воронцова начала 1800-х гг. и плана «друга Путешественника» позволяет сделать предположение, что воззрения этого государственного деятеля нашли отражение у Радищева при создании проекта постепенного освобождения крестьян. Существенным представляется и то, что первый пункт плана соотносится с «Рассуждением о непродаже людей без земли», а второй — с определенными положениями «Грамоты российскому народу». Таким образом, в действиях Воронцова можно наблюдать как бы два направления деятельности — улучшение положения крестьян, меры для отмены домашнего рабства («Рассуждение о непродаже людей без земли»), законодательное закрепление прав подданных Российской империи («Грамота российскому народу») и меры, ведущие к полной отмене крепостного права.

Что касается главы «Медное», то она теснейшим образом связана с проектом постепенного освобождения крестьян в главе «Хотиллов», с его первым положением по уничтожению домашнего рабства. Существенно поэтому, что в «Медном» описывается продажа именно дворовых и связанные с ней наиболее вопиющие злоупотребления. Именно против них, как было показано выше, первым делом выступил Воронцов в начале Александровского царствования.

«Гражданин будущих времен» — образ, очерченный очень бегло, читатель ничего не узнает о его прошлом, о настоящем известно лишь, что он находится на государственной службе (на это указывает подорожная), он озабочен положением крестьян и занят выработкой положений по отмене крепостного права, которое считает абсолютным злом. При скудости информации внимания заслуживает такая деталь, как указание на его возраст: это «человек лет пятидесяти». А. Р. Воронцов родился в 1741 г., следовательно, в конце 80-х гг. XVIII в. ему было около пятидесяти лет. Высокие отзывы Путешественника о «гражданине будущих времен» и о «расположении человеколюбивого сердца» вполне соотнобразуются с тем, что писал Радищев своему покровителю из ссылки.⁹⁵

Предположению о том, что именно А. Р. Воронцов является прототипом «гражданина будущих времен», никоим образом не противоречат другие бумаги «друга Путешественника». Так, в первой части «Проекта в будущем» «гражданин будущих времен» выступает против крепостного права с позиций права естественного,⁹⁶ он возмущен тем, что «две трети граждан лишены гражданского звания и частью в законе мертвы», и явно намерен бороться за их постепенное уравнивание в правах с другими сословиями. Одна из

⁹⁵ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. III. С. 344, 350, 439 и др.

⁹⁶ Ср. процитированное выше вступление к «Рассуждению о непродаже людей без земли» Воронцова.

основных мыслей второй части «Проекта в будущем» — уменьшение роскоши придворной жизни и сокращение ввоза предметов роскоши — также имеет аналогии в бумагах Воронцова.⁹⁷

Соображения же о возможном «обратном» влиянии «Путешествия» на взгляды Воронцова, отраженные в документах 1800-х гг., представляются неубедительными — вряд ли запретная книга могла определить мысли сановника, занимавшего при Александре I пост канцлера; вряд ли второй человек в государстве мог ориентироваться при выработке законопроектов на художественное произведение, не пришедшее ему по вкусу.⁹⁸ С другой стороны, мало вероятно, что политические убеждения Воронцова, сформировавшиеся значительно ранее, могли претерпеть значительные изменения после 1790 г., особенно за время его затворнической жизни в провинции в 1792—1801 гг.

Установление связи между воззрениями Воронцова и «гражданина будущих времен» является еще одним аргументом против монологаизма «Путешествия», против тенденции рассматривать его персонажей в качестве рупоров авторских идей. Радишев смело черпал идеи и образы из многих источников, допуская в художественный мир «Путешествия» различные точки зрения и «чужие слова». Как кажется, именно поэтому писателю удалось создать единственное в своем роде эстетическое целое, исключительная сила воздействия которого на читателя засвидетельствована длительной историей споров и взаимно противоречащих интерпретаций.

⁹⁷ Протекционистские воззрения Воронцова отмечены мемуаристами: «Граф Воронцов, человек способный, но предприимчивый и упрямый, держал себя строго и восставал против роскоши. Он, кажется, хотел бы, чтобы русские пили только мед и одевались бы в платье домашнего изделия. Потемкин его ненавидел, другие министры его боялись. Императрица не слишком любила его, но уважала и почти безусловно предоставила на его волю торговые дела» (Сегюр Л.-Ф. Пять лет в России при Екатерине Великой. СПб., 1865. С. 111—112).

⁹⁸ Ср. примечание 15.

Ф. З. КАНУНОВА

ОТ ФИЛОСОФИИ ПРАВСТВЕННОЙ К ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

(Роль Московского Благородного университетского
пансиона в становлении В. А. Жуковского)

Виднейшие современные исследователи Жуковского — А. С. Янушкевич, Р. В. Иезуитова, опираясь на труды Н. С. Тихонова,¹ В. И. Резанова,² единодушно утверждают большую роль Московского Благородного университетского пансиона в формировании мировоззрения юного Жуковского. Общеизвестна огромная роль И. П. Тургенева и его сыновей в жизни Жуковского, в формировании коренных основ его мироотношения.

И. П. Тургенева Жуковский называл своим отцом: «И он друзей не рознил с сыновьями». Через И. П. Тургенева, А. А. Прокоповича-Антонского значительное влияние на Жуковского оказало позднее масонство. Личные контакты с ними Жуковского, их переписка подтверждают признание самим поэтом этого бесспорного влияния. На первый план здесь выступала программа морального самоусовершенствования личности. Пафос самопознания и самостроения в сочинении Лопухина «Некоторые черты внутренней церкви» и в переводе И. П. Тургенева книги Дж. Мейсона «Познание самого себя» (третье изд., 1800) хорошо известен Жуковскому. Влияние позднего масонства на юного поэта убедительно показал А. С. Янушкевич в специальном исследовании.³

¹ Тихонов Н. С. О пребывании Жуковского в Университетском благородном пансионе // Тихонов Н. С. Сочинения. М., 1893. Т. 3. С. 149—162.

² Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1906. Вып. 1. С. 15—38, 50—52 и др.

³ Янушкевич А. С. 1) В. А. Жуковский и масонство // Масонство и русская литература XVIII—начала XIX в. М., 2000. С. 179—192; 2) Диалог И. В. Лопухина и Н. М. Карамзина («Духовный рыцарь» и «Рыцарь нашего времени») // Там же. С. 156—163.

Прокопович-Антонский, профессор естествознания Московского университета, неоднократно выбиравшийся в деканы физико-математического факультета, в своем представлении об идеале деятельной и нравственно-прекрасной человеческой личности опирался на взгляды Ф. Бэкона и Ж.-Ж. Руссо. В рассуждении «О воспитании» (эта работа была на руках каждого воспитанника пансиона) он писал: «Просвещение без чистой нравственности и утончение ума без образования сердца есть злейшая язва».

Большое внимание в Московском Благородном университетском пансионе уделялось философскому образованию, прежде всего нравственной философии. Пансионеры делали выписки из античных философов, Ф. Бэкона, М. Монтеня, Б. Паскаля, Х. Ф. Вейсе, Ж.-Ж. Руссо и др., которые позднее публиковались в альманахе «Каллиопа», издававшемся под руководством И. И. Давыдова, профессора истории и русской литературы на словесном отделении Московского университета, бывшего тогда инспектором пансиона.

В интеллектуальной и духовной атмосфере Московского Благородного университетского пансиона складывался национальный тип философствования, который можно охарактеризовать словами Н. Бердяева: «Мое философское мышление не наукообразно, не рационально-логическое, а интуитивно-жизненное, в основании его лежит (нравственно) духовный опыт». Для русских мыслителей был характерен особый способ познания жизни «отдельными наблюдениями», афоризмами, в отличие от «систематиков» («от Аристотеля и до Спинозы и Гегеля»).

Л. Толстой представлял другой тип мыслителя, к которому относил многих философов, французских моралистов с характерным для них афористическим способом мышления. В умственной атмосфере Толстого было особое пристрастие к философам второго типа, и прежде всего к Руссо.

Под руководством Давыдова ежегодно издавались материалы торжественных актов по случаю выпуска пансионеров — речи, разговоры и стихи, читанные в публичных актах Московского Благородного университетского пансиона, в которых на первый план выдвигались нравственно-философские темы. Это в высшей мере характерно и для Жуковского, в первых прозаических выступлениях которого неизменно ставилась проблема формирования культурного человека, его нравственного выбора.

Характеризуя эпоху рубежа XVIII—XIX вв., Ю. М. Лотман писал: «Основное культурное творчество этой эпохи проявилось в создании человеческого типа. Культурный человек начала XIX века — одно из самых замечательных и интересных явлений русской истории».⁴ И здесь самая главная проблема — проблема формирования мировоззрения как системы представлений о себе и мире.

⁴ Последнее интервью Ю. М. Лотмана // Известия. 1993. № 230.

Нравственно-философское направление в образовании пансионеров, огромное внимание к таким философским авторитетам, как Бэкон, Бонне, Кондильяк, Руссо, в чем-то главным определили характер научно-философского воспитания Жуковского. Материалы его библиотеки с убедительностью свидетельствуют о том, что именно пансионский период явился началом активного нравственно-философского самообразования Жуковского. Об этом свидетельствуют внимательно прочитанные Жуковским труды Бонне, Юма, Гердера, Кондильяка, Руссо. Остановимся более подробно на характере восприятия Жуковским Руссо в интересующем нас плане, женевское собрание сочинений которого (в двенадцати томах) содержится в личной библиотеке поэта и буквально испещрено пометами и маргиналиями читателя.⁵

Столь внимательное изучение знаменитого французского мыслителя и художника, просветителя и педагога было явлением весьма закономерным не только для Жуковского. Творчество Руссо оказало несравненное по силе и длительности влияние на русскую литературу и культуру.⁶ С середины XVIII и до 40-х гг. XIX в., как указывал еще В. В. Сиповский, имя Руссо не сходит со страниц русских журналов,⁷ его произведения с жадностью читаются и энергично переводятся на русский язык.

Колоссальное значение этого великого писателя заключается прежде всего в том, что в его творчестве поставлены кардинальные проблемы личности и общества. Руссо поднял нравственное достоинство человека на небывалую высоту. Он обогащает представление о человеке, утверждая в нравственном чувстве, в противоположность рационализму XVII и XVIII вв., не только специфическую духовную деятельность, наряду с умом и волей, но основу духовной жизни вообще.⁸

Это позволило Руссо по-новому подойти к такой важнейшей проблеме философии истории и одновременно этики, как проблема детерминированности и свободы действия отдельного индивида, что было одним из центральных вопросов на протяжении многих веков. По сравнению с механистическим материализмом XVIII в. и в полемике с ним Руссо пытается найти новое обоснование свободы.

⁵ Collection complète des J. J. Rousseau. V. 1—12. Genève, 1782. Ссылки на это издание в тексте.

⁶ См.: *Розанов М. Н. Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII—начала XIX в. М., 1910. Т. 1; Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII—начала XIX в. // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 555—604; Ж.-Ж. Руссо: pro et contra: Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752—1917). Антология / Составитель А. А. Златопольская. СПб., 2005.*

⁷ *Сиповский В. В. Очерки по истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. С. 638.*

⁸ *Асмус В. Ф. Жан-Жак Руссо. М., 1962. С. 11.*

Свобода естественного нравственного чувства, не связанная непосредственно, по Руссо, с материальными условиями общества, — важнейший стимул общественной деятельности человека. Поскольку подлинный источник нравственного сознания, с точки зрения Руссо, в самом человеке, он придает колоссальное значение воспитанию личности, высвобождению в ней первобытной природной основы от наносного влияния собственнического мира. Его трактаты и особенно романы «Новая Элоиза», «Эмиль», «Исповедь» давали в этом отношении огромный материал. Т. е. к началу XIX в. (и на протяжении 1820—1830-х гг.), когда в процессе переоценки результатов Французской революции и просветительской идеологии с неимоверной силой вновь выдвинулась проблема человека, нравственно-этический аспект руссоизма воспринимается русскими людьми с особенным интересом. Так относились к автору «Новой Элоизы» в тургеневском кружке, куда входил молодой Жуковский и где, по свидетельству В. М. Истрина, царил культ Руссо.⁹ «„Новую Элоизу“ здесь читали и перечитывали, ее содержание члены кружка применяли к самим себе...». Андрей Тургенев, ближайший друг Жуковского, записывает в дневнике: «„Новая Элоиза“» будет моим *code de morale* во всем — в любви, в добродетели, в должности, в общественной и частной жизни. <...> Руссо! Память твоя всегда останется пламенною в сердцах, которые ты разгорячил тихим огнем чувства и добродетели!.. буду ее перечитывать».¹⁰ Т. е. для Андрея Тургенева «Новая Элоиза» интересна прежде всего своей нравственно-этической стороной, как своеобразный учебник жизни («Учиться <...> мыслить и чувствовать»).

Увлекался «Новой Элоизой» и Ал. И. Тургенев. Так, в Геттингене 6 июня 1803 г. он записывает в своем дневнике: «Никогда я не проводил еще в Геттингене такого вечера! — вскричал я, покидая Элоизу. Пусть слова эти напомнят мне теперешнее состояние души моей, о Руссо, Руссо!.. Ты еще никогда не был для меня то, что ты теперь».¹¹ Или через месяц: «И опять об „Элоизе“, опять о Руссо!.. В Париже непременно познакомлюсь с Дефонтемом; попрошу его, чтоб он повел меня в тот дом, где он бывал с Руссо».¹²

Эта атмосфера поклонения Руссо, характерная для братьев Тургеневых, близких Жуковскому по своему мироощущению, захватила и молодого Жуковского, который много раз обращался к творчеству Руссо. Об этом свидетельствуют записи в дневниках, письма разных лет, творчество и замыслы отдельных переводов из Руссо. Однако

⁹ *Истрин В. М.* К биографии Жуковского (по материалам архива бр. Тургеневых) // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. Ч. 32. С. 205—237.

¹⁰ Архив бр. Тургеневых. СПб., 1911. Вып. II. С. 87.

¹¹ Там же. С. 236.

¹² Там же.

наиболее реальным и конкретным источником для суждения об отношении Жуковского к Руссо является, как указывалось, его библиотека, на исследовании которой мы вкратце остановимся.

Значительный интерес для нас представляют пометы Жуковского на трактате Руссо «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми». Жуковский читает трактат с большим вниманием. Более тридцати отчеркиваний и семнадцать записей на полях, в том числе и развернутые суждения. Внимательно прочел Жуковский не только сам трактат, но и примечания к нему, в которых содержатся пять интересных маргиналий.

Характер помет, активная читательская реакция свидетельствуют о том, что Жуковского преимущественно привлекают нравственно-этические и естественно-исторические аспекты выраженных Руссо идей. Вот почему больше всего замечаний относится к первой главе, содержащей много рассуждений о естественном человеке, его исконных свойствах, как они складывались в процессе эволюции. И совершенно без помет остается вторая глава, носящая социологический характер и содержащая в себе основу радикально-демократической концепции Руссо. Т.е. в центре внимания Жуковского отнюдь не политика, а антропологический и гносеологический аспекты поставленных Руссо проблем.

Руссо начинает предисловие к своему второму трактату мыслью о том, что наиболее полезным и наименее продвинувшимся из всех известных знаний человеческих представляется ему знание о человеке. Одну из надписей дельфийского храма — «Познай самого себя» — он считает более важной и глубокой, «чем все толстые книги моралистов».

Особенно заинтересовывает Жуковского начало первой главы, где речь идет о некоторых генетических и, следовательно, существенных чертах человека, отличающих его от животных. Вопросы нравственной и общественной сущности человека волновали Жуковского с юных лет. Как известно, уже в Московском Благородном университетском пансионе он произносит речь «О добродетели» и читает стихотворение «Добродетель». Эти интересы получают развитие в Дружеском литературном обществе. В произнесенных здесь речах о дружбе, о страстях и счастье проявляется прежде всего интерес к нравственным проблемам человека, окрепший под влиянием Руссо.

Центральная нравственная проблема, как ее назовет Жуковский, проблема добродетели приводит уже на заре его творчества к необходимости разобраться в сущности человека, в том, как в человеке соотносятся природное и духовное начала. Этими вопросами Жуковский наполняет свои дневники и письма. Так, постоянно, в период 1800—1810-х гг., размышляя о «деятельном состоянии своей души» и призывая себя к самоанализу («разбери себя»), молодой поэт вопрошает: «Каков я?.. что сделано обстоятельствами, что природою»

(запись 1805 г.¹³). В другой записи 1805 г. он отмечает: «Душа человеческая сперва образуется влиянием окружающих ее предметов, потом уже сама имеет на них влияние, то есть несколько времени бывает страдательною, потом делается действительною, получает постоянный твердый образ. Но и в своем положении она остается в зависимости от внешнего, хотя имеет уже свою силу и волю» (выделено нами. — Ф. К.).

То есть молодого Жуковского, начинающего поэта-романтика, волнуют прежде всего вопросы о природе человека, его внутреннего мира и такая кардинальная проблема гносеологии и этики, как соотношение свободы воли и необходимости в деятельности отдельного индивидуума. Под этим углом зрения Жуковский читал Бонне,¹⁴ Кондильяка,¹⁵ Юма, но важнейшим, наиболее ранним источником формирования антропологических и гносеологических основ его эстетики, по всей вероятности, явились произведения Руссо, интерес к которым во многом определялся влиянием Московского Благородного университетского пансиона.

Читая «Трактат о происхождении неравенства», Жуковский, несмотря на свою полемичность, во многом приближается к Руссо в решении им проблемы свободы и необходимости. При всей идеализации дикаря, якобы полностью подчиненного законам природы, Руссо пронизательно указывает на важнейшие черты человека, выделяющие его из мира животных уже в «естественном» состоянии. Животное, по Руссо, это «хитроумная машина», полностью управляемая природой, а человек наделен актом свободной воли; он, как пишет Руссо, — свободно действующее лицо. Разделяя эти мысли, Жуковский записывает: «Следовательно, специфическое отличие, выделяющее человека из всех других животных, составляет не столько разум, сколько его способность действовать свободно» (выделено нами. — Ф. К.).

Как уже указывалось, мысль о свободе выбора у человека как важнейшей суверенной его особенности волновала Жуковского всегда. Об этом говорит его чтение «Созерцания природы» Ш. Бонне и философии XVIII в. (в «Лицее» Ж.-Ф. Лагарпа). Читая последнего, Жуковский двумя чертами с восклицательным знаком выделяет, например, следующую мысль: «Никаких сомнений не вызывает то, что здесь моральное побуждение, моя воля является свободной во мне, как я сам», и далее Жуковский подчеркивает: «поскольку она есть не что иное, как суждение, выбор мотивов, которым мне нравится следовать, и, конечно же, все зависит от меня <...> выбрал ли я хорошо или плохо».¹⁶ Интересно, что Карамзин в статье о первом

¹³ Жуковский В. А. Дневники. Пб., 1903. С. 12.

¹⁴ Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Т. 1. С. 331—346.

¹⁵ Там же. С. 346—372.

¹⁶ La Harpe J.-F. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. De la philosophie du XVIII siècle. Paris, 1817. Т. 15. Р. 44 (выделено нами. — Ф. К.).

трактате Руссо, четко проводя нравственный водораздел между животным и человеком, пишет: «Все животные, кроме человека, подвержены уставу необходимости. Для них нет выбора, нет ни добра, ни зла».¹⁷

В основе декларируемой Руссо свободы личности лежит неистребимая в человеке свобода нравственного чувства, которое во многом возвышается над разумом. Именно в свободе нравственного чувства, по мысли Руссо, проявляется важнейшая характерологическая особенность человека — его духовность. «Как раз в сознании этой свободы, — читаем мы в трактате о происхождении неравенства, — проявляется более всего духовная природа человека». Жуковский отчеркивает эти слова, направленные против механистического материализма XVIII в.

Полемика Жуковского с материалистами XVIII в. имела, как нам представляется, значительный нравственно-философский смысл. Созерцательный и во многом механистический материализм абсолютизировал детерминизм личности, метафизически трактовал проблему воли и необходимости. Он не давал научной основы для решения вопроса об оценке человеческого поведения. Нравственный фатализм философов XVIII в. противоречил требованиям прогрессивного развития истории.

Этому решительно противостоял Руссо, который пытался найти новое обоснование нравственной свободы человека, не связанной непосредственно с материальными условиями общества. Свобода «естественного» нравственного чувства — важнейший для Руссо стимул общественной деятельности человека. Нравственно-этический аспект руссоизма, как указывалось, был в значительной мере близок и Карамзину, и Жуковскому.

Первооткрыватель романтизма в русской литературе, Жуковский, как показывают его письма, дневники, художественное творчество, восставал против нравственного фатализма, считая вслед за Руссо первоочередной обязанностью любого человека сознательную и активную нравственную направленность в его жизнедеятельности. В этом Жуковский был близок Карамзину, его активной просветительской позиции. Еще в письме к Лафатеру, стремясь разгадать загадку человека, его деятельности, Карамзин ставит вопрос о свободе воли и необходимости: «Я захочу, и воля моя исполняется, но как она исполняется».¹⁸ Пройдет некоторое время, и Карамзин по-своему придет к Руссо, во многом определившему характер его просветительства.

Это еще в большей мере свойственно Жуковскому. Критикуя механистическое понимание личности французскими материалистами

¹⁷ Аглая. 1796. Кн. 1. С. 68.

¹⁸ Переписка Карамзина с Лафатером. 1786—1790 // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 471.

с идеалистических позиций, Жуковский в ряде вопросов приближается к диалектическому пониманию человека как существа не только материального, но и духовного, не только детерминированного, но и активного, обладающего свободой нравственного выбора, а тем самым и способного к нравственной саморегуляции и усовершенствованию и, следовательно, нравственно ответственного перед собой и другими людьми, но в то же время внутренне противоречивого.

Этой выработанной им в первые десятилетия XIX в. концепцией «внутреннего человека» и самопознания Жуковский во многом был обязан урокам позднего московского масонства, полученным в Московском благородном университетском пансионе.

Вторым важнейшим аспектом влияния идей пансиона явились история и исторические знания в самообразовании Жуковского. Он органично шел от философии нравственной к философии истории. Огромное влияние на формирование концепции истории у Жуковского оказал (наряду с Н. М. Карамзиным) и А. И. Тургенев, близкий друг Жуковского на протяжении всей его жизни, человек духовно и идейно родственный Жуковскому. А. И. Тургенев обладал прекрасной для своего времени исторической подготовкой, полученной в Геттингенском университете под руководством А. Л. Шлецера, А. Г. Л. Герена, И. Г. Эйхгорна и других выдающихся историков того времени. Говоря о них с восторгом, Тургенев видел значение их трудов прежде всего в широкой источниковедческой культуре и методологической смелости, в стремлении этих ученых философски осмысливать закономерности истории — причины и следствия исторических событий.

В Геттингене Тургенев почерпнул у таких историков, как Шлецер и Герен, убежденный просветительский взгляд на историю как на политический, нравственный опыт человечества, служащий прогрессивному развитию общества. Доверяя авторитету Тургенева-историка, Жуковский с любовью в своих к нему письмах называл его Мюллером (в честь известного швейцарского историка Иоганна Мюллера). В свою очередь Тургенев, высоко ценивший поэтический дар Жуковского, радовался явно возросшему интересу поэта к истории. В письмах к Тургеньеву Жуковский настойчиво говорит об огромном значении истории для литературы, о своем решительном стремлении заниматься ею систематично и глубоко. «Для литератора и поэта история необходимее всякой другой науки», потому прежде всего, что она помогает «приобрести философический взгляд на происшествие в связи». «История из всех наук самая важная, ибо в ней заключена лучшая философия, то есть практическая, следовательно, полезная» (с. 75).¹⁹ С другой стороны, история, по мнению Жуковского, не только «поясняет связи» и расширяет понятия,

¹⁹ Здесь и далее указаны страницы по кн.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеньеву. М., 1895.

но и «предохраняет от излишней мечтательности, обращая ум на существенное».

Уже с начала 1800-х гг. Жуковского, с его сентиментально-романтическим мышлением и своеобразным просветительством, в истории волновал прежде всего *моральный смысл* происходящего и внутренние связанных между собой (волею Творца, Провидения) событий. «Читая историю в этом отношении <...> увидишь и средства, каким образом можно исправить то, что испорчено воспитанием, дополнить недоконченное, воспользоваться выгодным, уничтожить вредное» (с. 59). И далее очень характерное для Жуковского резюме: «Эта мысль (которая может служить точкою соединения всех наблюдений), признаю, восхищает меня» (с. 59).

Примерно в то же время, в августе—сентябре 1810 г., Жуковский с восторгом говорит А. И. Тургеневу о прочитанных им письмах И. Мюллера к его другу К. В. Бонштеттену. Считая, что эти письма «должны быть катехизисом того человека, который хочет посвятить себя наукам», он пишет: «Я почти дочитал их, но увидел, что буду еще перечитывать и что никогда перечитывать не устану» (с. 69). А в другом письме еще более ясная оценка: «Прекрасная, единственная в своем роде книга» (с. 68). В «Вестнике Европы» Жуковский напечатал свой перевод нескольких писем Мюллера, показавшихся ему особенно замечательными. Об этом он сообщает Тургеневу 12 сентября 1810 г.: «Письма Мюллеровы, и именно те, которые посвящены тебе в моих мыслях, переведены мною <...>. Они переведены хорошо, ибо я переводил их с истинным удовольствием» (с. 57—58). Здесь поднимался целый ряд нравственно-исторических, историко-политических проблем, которые были очень близки Жуковскому. Жуковский, нужно полагать, не случайно перевел именно эти письма, считая их превосходными.

Исторические интересы Жуковского органически сочетаются с настойчивым его стремлением в область нравственной философии и морали. Обращаясь к Тургеневу, он объясняет: «Две науки: моральная философия и история будут идти у меня рядом». Этим дорожит ему письма об истории Мюллера, для которого так же, как и для Мабли, история оказывается школой морали.

Огромное влияние на Жуковского-историка оказала «История Государства Российского» Карамзина. В бумагах Жуковского находим подробнейшие конспекты «Истории...» и два его собственных сочинения «Введение в Историю Государства Российского» и «Черты Истории Государства Российского». О внутренней связи Карамзина и Жуковского как историков я говорила специально.²⁰ Здесь же уместно сказать о том, что общее у них — пропаганда

²⁰ Канунова Ф. З. Карамзин и Жуковский. (Некоторые проблемы изучения русской истории по материалам библиотеки В. А. Жуковского) // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. С. 130—138.

пути эволюционного нравственного развития России под эгидой просвещенного монарха.

Мне уже приходилось писать о том, что своеобразный карамзинцентризм исторической и историко-литературной концепции Жуковского объясняется тем, что он преклонялся перед нравственным подвигом Карамзина, впервые представившего русскому читателю те идеи жизнестроения, «самостоянья человека» и самовоспитания, тот пафос нравственного восхождения, который определяет суть творчества крупнейших русских писателей от Жуковского и Пушкина до Толстого, Достоевского, Чехова и который впервые был заложен в Московском Благородном университетском пансионе, в его гуманистической атмосфере.

А. В. АНАНЬЕВА

**КУЛЬТУРА РОССИИ В НАУЧНОЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ
АНДРЕЯ КАРЛОВИЧА ШТОРХА (1766—1835)**

«Первое сильное впечатление в Павловске, — вспоминает Александр Николаевич Бенуа проведенное там лето 1875 г., — произвел на меня аист, скульптурно изображенный в гербе на фасаде новехонькой огромной дачи господина Шторха, представшей перед моими глазами, когда, едуци в коляске от вокзала <...> мы спустились к мосту, с которого и можно было лицезреть эту архитектурную диковину. <...> Дача господина Шторха с ее аистом с тех пор не переставала притягивать меня, и моей любимой прогулкой (особенно в начале лета) была именно дорога к тому мосту, с которого открывался вид на замок с аистом. Да и сам владелец этого замка меня очень интриговал; он мне представлялся существом фантастическим и, несомненно, похожим на „свою“ птицу, иначе почему бы его назвали таким странным именем? В это лето старую русскую няньку заменила немецкая бонна, и я прямо мучил ее вопросами, как выглядит Herr Storch, что он делает, не страшен ли, на что моя Лина плела какую-то чушь, впрочем, не бесполезную для практики немецкого языка».¹

Большинство сегодняшних русских читателей этих мемуаров оказывается в ситуации немецкой гувернантки пятилетнего Бенуа. Сведениями о деятельности представителей семейства Шторхов, русских подданных немецкого происхождения, располагает лишь очень узкий круг специалистов. Так и Андрей Карлович Шторх — видный деятель русской культуры, автор многочисленных трудов о России, вице-президент Академии наук предстает сегодня скорее загадочной или даже вовсе забытой личностью.

Примечательно то, что связь Шторхов с Павловском не исчерпывается забавной прихотью приведенного выше детского воспомина-

¹ Бенуа А. Н. *Художественные письма*. Париж. 1930—1936. М., 1997. С. 4.

ния: Платон Андреевич Шторх — вероятный владелец дачи с аистом, поразившей мальчика Бенуа, не кто иной, как автор «Путеводителя по саду и городу Павловску» (1843),² ставшего легендарным благодаря иллюстрациям Василия Андреевича Жуковского. Еще более тесные и обязывающие отношения с дворцовой жизнью Павловска связывали отца Платона — Андрея Карловича Шторха — в ходе его двадцатилетней педагогической деятельности при дворе.³ Садово-парковому ансамблю посвящено и одно из произведений Андрея Карловича, выделяющееся из корпуса многочисленных работ ученого благодаря своему художественному, поэтическому характеру. «Письма о саде в Павловске, написанные в 1802 году» А. К. Шторха находятся в центре внимания второй половины данной статьи. Обращение к художественным особенностям этого произведения в его литературно-историческом контексте позволит подробнее осветить один из многочисленных аспектов русской культуры на рубеже XVIII и XIX вв., изучению которой была посвящена вся научная деятельность А. К. Шторха.

В первой половине данной статьи представлены основные вехи жизненного пути Андрея Карловича Шторха и очерчен круг профессиональных интересов, определивших характер произведений этого автора, вошедшего в европейскую историю в первую очередь в качестве оригинального теоретика новой формирующейся в начале XIX в. науки — политической экономии. Многочисленные работы Шторха по статистике, экономике, финансам и литературе, написанные им на французском, немецком и русском языках, позволяют без сомнения отнести его к числу значительных представителей научного знания конца XVIII—первой трети XIX в.

1

Андрей Карлович Шторх родился 18 февраля 1766 г. в Риге. Как и у всех подданных России нерусского происхождения того времени, у него есть второе, немецкое, имя — Heinrich Friedrich von Storch.⁴ Школьное образование Шторх получил в училище при

² Шторх П. А. Путеводитель по саду и городу Павловску. (С 12-тью видами, рисованными с натуры В. А. Жуковским, и планом). СПб., 1843.

³ В течение 1799—1819 гг. А. К. Шторх являлся наставником и преподавателем вел. княжон Александры, Елены, Марии, Екатерины и Анны и вел. князей Николая и Михаила Павловичей.

⁴ Биографические данные см.: Сомов А. Шторх А. К. // Русский биографический словарь. Т. «Шебанов—Шютц». СПб., 1911. С. 428—432; Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1893. Bd 36. S. 437—439; Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrtenlexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Mitau, 1832—1861 [Reprint: Berlin, 1966]. Bd 4. S. 213—214, 303—308; Das gelehrte Deutschland. 1798. Bd VII. S. 682—683.

Рижском соборе, после чего продолжил обучение, покинув Россию в общей сложности на четыре года. В первые два года Шторх посещал философские и юридические лекции в университете Йены, занимаясь дополнительно политическими науками. Прежде чем продолжить дальнейшее обучение в Гейдельбергском университете, находящемся на юге Германии, Шторх принял путешествие по этой части страны и по пограничным французским провинциям, направляясь к столице Франции — Парижу. Результатом этого путешествия стало первое самостоятельное сочинение, опубликованное в 1787 г. на немецком языке под названием «Очерки, рассказы и замечания во время путешествия по Франции».⁵ Эта работа соответствует жанру историко-статистической литературы в рамках описательного государствоведения, центральное требование которой — сбор и фиксация эмпирических данных об отдельных регионах Европы. В представлении позднего Просвещения только на основе множества точных и актуальных фактов может быть предпринят научный анализ государственного богатства. Соответственно и Шторх следует задачам «статистического путешественника».⁶ Передача в тексте «Очерков» увиденного и пережитого в ходе путешествия основывается на собственных наблюдениях автора, внимание которого направлено как на бытовые, так и на праздничные формы жизни, как на потребности и нравы широких слоев населения, так и на предметы «высокой культуры», проявляющиеся в образовании, науке и искусстве. Эмпирическая обоснованность в тексте описания путешествия характеризует методический подход автора, организующего свое пребывание в чужой среде таким образом, «чтобы посетить сначала все достопримечательности места, а потом без спешки обратиться к изучению нации, используя оставшееся время для знакомства с нравами, образом жизни, языком, и удовольствоваться <местными> развлечениями».⁷ В ходе описания путешествия Шторх предпринимает своеобразную, одновременно красочную и критическую реконструкцию культуры Франции и пограничных француско-немецких регионов. Отличительной чертой «Очерков» является не только убедительная способность автора произведения к научному отбору материала и анализу эмпирических данных, но и редкая для описательного государствоведения художественная образность, впечатляющая изяществом и занимательностью стиля.

⁵ *Storch H. Skizzen, Szenen und Bemerkungen auf einer Reise durch Frankreich gesammelt. Heidelberg, 1787.*

⁶ Там же. С. 316. (Здесь и далее перевод на русский язык автора статьи).

⁷ «Man richte seinen Aufenthalt so ein, daß man zuerst alle Sehenswürdigkeiten besuche, und hernach, bey voller Musse, auf Studium der Nation, auf Kenntniß der Sitten, der Lebensart, der Sprache und auf Genuß der Vergnügungen die übrige Zeit verwenden könne». (Там же. С. 320).

Биографы Шторха единогласно отмечают, что благодаря этой книге, «изображавшей тогдашние обстоятельства Франции, обличавшей сметливость и наблюдательность с примесью юмора»⁸ Шторх, «невзирая на свой юный возраст и только что поконченный университетский курс, приобрел уже известность ученого».⁹ Действительно, Гейдельбергский университет предложил ему вскоре кафедре экстраординарного профессора политических наук.¹⁰ Шторх, однако, не принял это предложение и вернулся в 1787 г. в Россию, поселившись в Санкт-Петербурге. С этого момента вплоть до смерти Андрея Карловича в ноябре 1835 г. Петербург стал для него не только центральной ареной научной деятельности, но и объектом изучения.

По прибытии в Петербург, несмотря на имеющиеся рекомендации, в частности от графа Николая Петровича Румянцева, которому Шторх был представлен в Германии, Андрей Карлович только в начале 1788 г. получил должность, соответствующую его академической квалификации: а именно место профессора истории и литературы в Первом кадетском корпусе. В рамках преподавательской деятельности Шторх подготовил и опубликовал второй крупный труд. Учебное пособие — «Начальные основания литературы для кадетского корпуса»¹¹ — вышло в свет в 1789 г. на французском языке, на котором читались лекции для воспитанников корпуса. С кадетским корпусом также связана другая публикация, посвященная на этот раз разработке русского статистического материала, — «Проект библиотеки произведений для изучения Российского государства от дальних времен по сегодняшний день».¹² Год выхода обоих произведений был ознаменован сменой рода деятельности — Шторх был призван в департамент иностранных дел и покинул кадетский корпус. Новое служебное положение открыло Андрею Карловичу возможность интенсивной исследовательской деятельности. В последующие годы Шторх систематически продолжает занятия в области политических наук. Его исследовательские интересы охватывают широкий спектр вопросов экономического и государственного устройства. При этом Шторх целенаправленно обращается к сбору и анализу фактов российской действительности. Уже

⁸ *Шторх П. А.* Биографический очерк ученой и служебной деятельности А. К. Шторха // Шторх А. К. Курс политической экономии или положение начал, обуславливающих народное благоденствие. Сочинение, служившее руководством при воспитании их и. в. вел. кн. Николая и Михаила Павловичей. Пер. с франц. / Под. ред. И. В. Вернадского. СПб., 1881. С. I — XVI. С. IV.

⁹ Там же. С. II.

¹⁰ *Сомов А.* Шторх А. К. С. 429.

¹¹ *Storch H.* Principes généraux des Belles-Lettres: À l'usage du Corps des Cadets. St. Pétersbourg, 1789.

¹² *Storch H.* Projet d'une bibliothèque, peu nombreuse, pour servir à donner quelque connaissance de l'état de l'Empire de Russie depuis les tems les plus reculés jusqu'à nos jours. St. Pétersbourg, 1789.

в 1793 г. выходит из печати первый том нового двухтомного труда Шторха — «Изображение Санкт-Петербурга».¹³

«Факты и размышления являются материалом данной картины»,¹⁴ — пишет автор в предисловии к этому произведению, соединяющему в одной общей рамке историю, статистику, этно- и топографию. Тематическое построение «Изображения Петербурга» соответствует системе экономического знания на исходе XVIII в.: сначала дается описание внешней видимой территории города Санкт-Петербурга и окружающей его местности. При этом учитываются географические и климатические условия, наряду с описанием элементов культуры, внесенных человеком в данные природные условия. За панорамным изображением следует богатая деталями передача фактов и информации о населении города. Собранные из многочисленных источников данные об этническом составе, численности, профессиональных группах населения, их характеристики дополнены собственными размышлениями автора о тенденциях развития города.

Успешно опробованная Шторхом при изображении Парижа стратегия создания информационно насыщенного повествования, доставляющего удовольствие при чтении, находит применение и в описании русской столицы. Более того, в тексте «Изображения Петербурга», представляющего собой чрезвычайно полное и точное описание русского хозяйственного и культурного строя того времени, автор демонстрирует дальнейшее развитие возможностей научно-статистической литературы. В этом смысле описание города и его окружения принципиально отличается от опубликованного в 1794 г. на русском языке «Описания столичного города Санкт-Петербурга» И. Г. Георги, который лишь собирает, перечисляет и организует факты в параграфы. Например, о Павловске читаем:

«§ 1088 Павловск, построенный его высочеством великим князем П. П. в 1780 году, находится в 5 верстах от Царского села в волнистой маленькими холмиками, смешанным лесом покрытой стране, у вершины речки Славянки, впадающей в Неву.

§ 1089 Великокняжеский замок, находящийся в Английском саду, не велик, но имеет 3 этажа и два флигеля. <...> Положение дворца дает прекрасный вид на многия сельские перемены сея страны».¹⁵

Шторх же создает увлекательный рассказ, насыщая научную прозу информацией и следуя принципу соединения пользы и удо-

¹³ *Storch H.* Gemälde von S<ank>t Petersburg. Riga, 1793. Т. 1; 1794. Т. 2.

¹⁴ «Thatsachen und Raisonnements sind der Stoff dieses Gemäldes». (Там же. Т. 1. С. VIII).

¹⁵ *Георги И. И.* Описание российско-императорскаго столичнаго города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях онаго. СПб., 1794. Ч. 1. С. 689—699.

вольствия (*delectare et prodesse*).¹⁶ Так, например, описание окружающего путешественника ландшафта Петергофской дороги, являющейся, с экономической точки зрения, не чем иным, как транспортной магистралью, соединяющей город с его предместьями и гарантирующей таким образом обмен товарами и продуктами питания, предстает перед читателем «Изображения» Шторха как единый садово-парковый ансамбль — «непрекращающаяся цепь поместий, следующих друг за другом. Великолепие и вкус, затраты и искусство объединились здесь, чтобы создать из пустыни парадиз, чья прелесть возрастает от многообразия композиций и идей. Великолепные поместья, голландские деревни, уединенные домики, пруды, острова, сельские виды сменяют друг друга безпрестанно. Удивленный путешественник, видящий себя внезапно перенесенным из болотистых ижорских лесов на эту дорогу, думает, что оказался в мире фей, где природа и искусство танцуют вокруг его повозки в волшебном хороводе».¹⁷

Отдавая дань описательной экономической литературе, требующей создания как можно более полной и в то же время единой картины увиденного на основе перечисления многочисленных фактов, Шторх прилагает немалые усилия и как автор, и как компетентный наблюдатель для достижения наглядности и занимательности описываемого им предмета.¹⁸ Об удачной реализации этих усилий свидетельствует большой успех «Изображения Петербурга», которое было в скором времени переведено на французский, шведский и английский языки. На рубеже веков Шторх публикует многочисленные работы, посвященные систематиче-

¹⁶ В тексте предисловия к первой части описания Петербурга Шторха отсылка к соответствующему требованию поэтики Горация сопровождается жестом авторской скромности: «und wenn die Horazische Forderung bey der Erscheinung dieses Werkes noch nicht erfüllt ist, so ist das Uebel weniger dem guten Willen des Verfassers, als dem Überdruß zuzuschreiben, welcher ihm natürlich aus einer so einförmigen Beschäftigung entstehen musste». (Gemälde von St. Petersburg. С. IX).

¹⁷ «Eine ununterbrochene Kette von Landhäusern reiht sich hier an einander. Pracht und Geschmack, Aufwand und Kunst haben sich hier vereinigt eine Wüste zu einem Paradiese umzuschaffen, dessen Reiz durch die abstechende Mannigfaltigkeit der Anlagen und Ideen erhöht wird. Prächtige Landsitze, holländische Dörfer, Einsiedeleyn, Teiche, Inseln, ländliche Aussichten wechseln unaufhörlich ab. Der überraschte Reisende, der sich aus den morastigen Wäldern Ingermannlands plötzlich auf diese Heerstraße versetzt sieht, glaubt sich in den Regionen einer Feenwelt, wo Natur und Kunst einen zauberischen Reihentanz um seinen Wagen tanzen». (Там же. С. 79).

¹⁸ Художественные требования к описательной литературе на фоне дискуссии о конкурирующих в конце XVIII в. дискриптивных моделях более подробно рассмотрены на примере текста «Писем о саде в Павловске». См.: *Ананьева А. В.* Сад в поэзии и поэзия в саду: поэма Жака Делиля «Сады» и «Письма о саде в Павловске» А. К. Шторха // *Эстетика versus литература: Франция—Россия—Германия / Под ред. Е. Дмитриевой, М. Эспань, М. Эспань.* М., 2005. С. 70—96.

скому изучению хозяйственного и общественного устройства российского государства. Эти исследования положили начало русской научно-статистической литературе, определив дальнейшее развитие статистики в течение XIX в.¹⁹

2

В 1803 г. в список наук, разрабатываемых Императорской Академией, была включена политическая экономия. На академическое кресло первого профессора в этой области в феврале 1804 г. был призван Андрей Карлович Шторх, являвшийся к тому времени членом-корреспондентом Академии.²⁰ Именно благодаря вкладу в развитие этой (в то время не только для России) новой науки и последующей многолетней связи с Академией, пост вице-президента которой ученый занимал в последние пять лет своей жизни, Шторх вошел в анналы академической памяти.²¹

Среди трудов по политической экономии особое значение имеет шеститомное издание «Курса политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие», опубликованное в 1815 г. Глубокое убеждение в том, что благосостояние нации заключается не только в ее богатстве, но и в ее *культуре*, лежит в основе развиваемого в этом труде учения.²² Не затрагивая деталей экономической теории, укажу лишь на один центральный пункт оригинальных воззрений Шторха, в котором он развивает самостоятельную и искусную критику положений экономической теории Адама Смита. Как известно, учению Смита отводилась неоспоримая, ведущая роль в развитии новой экономической науки, впервые занимающейся не вопросами перераспределения имеющихся в распоряжении государства богатств, а — *анализом их производства*. При том, что именно произведенные физическим трудом материальные блага составляют национальное богатство. В этом пункте Шторх не соглашается со Смитом и развивает новую теорию производства *нематериальных* благ, создающих так

¹⁹ Россия. Разд. «Статистика» // Энциклопедический словарь / Под ред. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб., 1896.

²⁰ Сомов А. Шторх А. К. С. 429.

²¹ *Storch H.* 1) Cours d'économie politique, ou Exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. Ouvrage qui a servi à l'instruction de Leurs Altesse Imperiales, les Grand-Ducs Nicolas et Michel. St.-Petersbourg, 1815. [Репринт: Hildesheim, 1997]; 2) Considérations sur la nature de revenu national. Paris, 1824; 3) Betrachtungen über die Natur des Nationaleinkommens. Nach der französischen Urschrift vom Verfasser selbst übertragen. Halle, 1825; 4) Zur Kritik des Begriffs von Nationalreichtum. St. Petersburg, 1827.

²² *Schefold B.* Einleitung // Storch von H. F. Cours d'économie politique. (Historia scientiarum: Fachgebiet Wirtschaftswissenschaft). T. 1—6. Hildesheim, 1997. T. 1. C. I — LXV. C. VI.

называемые «внутренние ценности» национального достояния. К ним он причисляет: знание, здоровье, ремесленную ловкость, вкус, нравственность, религиозность, безопасность и досуг. В результате только совокупность материальных и нематериальных благ может составлять национальное благосостояние. «Отсюда следует, что труд создающих нематериальные ценности — в частности, труд учителей, врачей, чиновников — следует считать в такой же степени производительным, как и труд земледельца и фабричного рабочего. Если по Смиуту все, кто занимается так называемыми услугами и интеллектуальной деятельностью, живет за счет труда земледельцев и промышленных рабочих, то с одинаковым основанием, по мнению Шторха, можно сказать, что земледельцы и рабочие живут за счет тех, кто снабжает их знаниями и заботится об их здоровье и создает им безопасность».²³

Оригинальные экономические доктрины, разработанные Шторхом в его политэкономических трудах, оказали влияние на европейскую науку. За петербургской публикацией «Курса» последовали комментированный перевод на немецкий язык Карла Генриха Рау в 1819 г. и комментированное переиздание под редакцией Жан-Батиста Сэя в 1823 г.²⁴ Об интенсивном разборе работ Шторха Карлом Марксом свидетельствуют многочисленные пассажи в «Капитале» и «Теории стоимости».²⁵ Кроме того, в последнее десятилетие отмечается своего рода «открытие» научного наследия Шторха как российскими, так и немецкими историками-экономистами. Последние выявляют параллели с теоретическими представлениями и проблемами, интересующими сегодняшнюю экономику, например в связи с теорией потребления, услуг и гуманного капитала.²⁶

²³ Ср. далее: «По учению Шторха, блага делятся на вещественные и невещественные; совокупность первых составляет национальное богатство (*richesse nationale*), совокупность вторых — национальную цивилизацию (*civilisation nationale*); и те и другие вместе составляют национальное благосостояние (*prosperité nationale*). Невещественные блага делятся на главные — здоровье, знание, ремесленная ловкость, вкус, нравственность, религиозность — и вспомогательные — безопасность и досуг. Шторх полагает, что главные невещественные блага также могут быть накапливаемы и обращаемы, как и вещественные блага». См.: *Шторх А. К.* // Энциклопедический словарь / Под ред. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб., 1896.

²⁴ *Storch H.* 1) *Handbuch der Nationalwirtschaftslehre. Aus dem Franz. mit Zusätzen* / Hrsg. von K. H. Rau. Т. 1—3. Hamburg, 1819—1820. [Репринт: Dillenburg, 1998]; 2) *Cours d'économie politique, Ou Exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. Ouvrage qui a servi à l'instruction de LL. AA. II. les grand-ducs Nicolas et Michel. Avec des notes explicatives et critiques* / Под ред. J. B. Say. Т. 1—5. Paris, 1823—1824. Издание на русском языке под ред. И. В. Вернадского увидело свет лишь в 1881 г.

²⁵ Краткий разбор тезисов и указания по тексту «Капитала»: *Schefold B.* Einleitung. С. LVIII—LXI.

²⁶ *Reintrup K.* Heinrich von Storch: Das «Handbuch der Nationalwirtschaftslehre» und die Konzeption der «inneren Güter». Heidelberg, 1989; *Schumann J.* 1) Heinrich

В год, положивший начало деятельности Шторха в качестве первого профессора политической экономии, в издательстве Академии наук публикуется одно нетипичное произведение призванного на новый пост академика. Книга карманного формата, о которой уже шла речь в начале статьи, носит название «Письма о саде в Павловске» и представляет собой первое самостоятельное описание Павловского садово-паркового ансамбля.²⁷ Этот текст, состоящий из восьми писем, обращенных к остающемуся для читателя неизвестным адресату, не только представляет Павловский парк в свете современного ему садового идеала, но и демонстрирует описание сада как литературный жанр, находящийся на высоте развития художественного мира европейского садово-паркового искусства.

В течение второй половины XVIII в. описательная литература о садах постепенно перерастает из литературы для практического использования при садостроении в художественные произведения, применяющие к тексту принципы пейзажного парка. В рамках описательного жанра дает о себе знать поэтологическое осмысление новой эстетики, направленной на развитие доверительного отношения к восприятию красоты природы и раскрывающей возможность непосредственной связи с внешним миром. Пространству сада при этом отводится роль своеобразной школы развития чувств и эмоциональной самодисциплины. Описанию сада в тексте, как научном, так и поэтическом, приписывается способность адекватного выражения садового переживания и, как следствие, — функция духовного вос-

von Storch: Originäre nationalökonomische Beiträge eines russischen Klassikers deutscher Herkunft // Studien zur Entwicklung der ökonomischen Theorie. (Schriften des Vereins für Sozialpolitik; NF) / Hrsg. von F. Neumark. Berlin, 1992. Ч. 115/XII. С. 33—63; 2) Ansätze einer subjektivistischen Wertlehre und die Theorie der «inneren Güter» bei Heinrich von Storch // Wert, Meinung, Bedeutung — die Tradition der subjektiven Wertlehre in der deutschen Nationalökonomie vor Menger / Hrsg. von B. P. Priddat. Marburg, 1997. С. 161—189; *Grasshoff A.* Heinrich Storch (1756—1835): Wissenschaftliche Statistik und russische Literaturgeschichte im 18. Jahrhundert // *Gesellschaft und Kultur Mittel-, Ost- und Südosteuropas im 18. und beginnenden 19. Jahrhundert.* (Festschrift für Erich Donnert zum 65. Geburtstag) / Hrsg. von H. Reinhalter. Frankfurt am Main, 1994. С. 109—116; *Schefold B.* Einleitung. S. I—LXV.

²⁷ *Storch H.* Briefe über den Garten zu Pawlowsk geschrieben im Jahr 1802. St. Petersburg, 1804. Переиздание книги было предпринято по инициативе автора статьи в рамках публикации к выставке, состоявшейся в мюнхенском Хаус дер Кунст с ноября 2001 по февраль 2002 г.: *Storch H.* Briefe über den Garten zu Pawlowsk, geschrieben im Jahr 1802 // *Krieg und Frieden — eine deutsche Zarin in Schloß Pawlowsk.* Hamburg, 2001. С. 281—306. Вводная статья: *Ananieva A.* Parkbeschreibung und Gartenerlebnis: Einführende Bemerkungen zu Heinrich von Storchs «Briefe über den Garten zu Pawlowsk» // Там же. С. 307—315. Издание на русском языке в переводе Ю. А. Ходосова: *Шторх А.* Письма о саде в Павловске, писанные в 1802 году. СПб., 2004.

питания. Знаменитыми примерами взаимосуществования сада и его описания в целях распространения эстетики пейзажного сада служат как описательная поэма Жака Делиля «Сады, или Искусство украшать ландшафты», так и «Теория садового искусства» Кристиана Каа Лоренца Хиршфельда.

В систему экономического знания сады включаются прежде всего в качестве образца культивированного пространства. В этом значении разные отрасли садоводства, как изящного, так и хозяйственного, подлежат описанию в научно-статистической литературе. Соответственно к описаниям садово-парковых ансамблей Петербурга и его окрестностей обращался и Андрей Карлович Шторх, в частности в тексте «Изображения Петербурга». Однако в начале XIX в. в научной прозе, в особенности по отношению к текстам о садах, намечается принципиальное расхождение двух описательных стратегий: одна из них требует передачи объективной информации о предмете описания, другая — отражения впечатлений и чувств, возникающих у посетителя конкретного сада. Этот спор приводит в конечном итоге к постепенному разделению корпуса садовых описаний на научную, в современном значении, литературу и произведений поэтического характера. Поэтому, например, в глазах биографов Шторха уже во второй половине XIX в. «Письма о саде в Павловске» занимают некое промежуточное место в принятой классификации и относятся не к собственно научным трудам, а к так называемым «полупоэтическим» произведениям.

Свидетельство осознанного подхода автора «Писем» к выразительным возможностям описания сада расположено в самом начале этого произведения. Приведу цитату из вступительного пассажа «Писем о саде в Павловске», в котором Шторх обосновывает свой поэтологический выбор и тем самым отсылает читателя к актуальной для автора дискуссии о жанре описания:

«Уже несколько дней, мой дорогой друг, живу я в Павловске. Вы хотели прочесть описание этого очаровательного своей природой и произведениями искусства места <...>. Я спешу исполнить Вашу просьбу прежде, чем ослабеет первое впечатление, которое произвело на меня это изумительное творение. Если Вы ожидаете скорее сухой топографии, чем поэтического описания, то первое было бы скучным, а второе — поверхностным и неверным. Моя цель будет достигнута, если мне удастся представить Вашему воображению предметы такими, какими я их увидел во время прогулок, и тут же описать Вам те ощущения, которые вызвали во мне картины великолепной природы».²⁸

Очевидно, что, построив текст о садово-парковом ансамбле в Павловске в форме повествования в письмах, Шторх обращается

²⁸ Шторх А. Письма. С. 9. Цит. в переводе Ю. А. Ходосова с некоторыми исправлениями.

к тому арсеналу художественных средств литературных произведений, с которым был связан успех многочисленных романов или путевых заметок в письмах. Указывая, но не называя фиктивного адресата писем, автор требует от своего читателя дополнительных усилий воображения: постепенно читатель не только перенимает роль получателя «Писем», но и подспудно воображает себе возможные ответные послания. При том, что *содержание* ответов остается скрытым для публики, *наличие* состоявшегося диалога однако невозможно игнорировать, поскольку указания на него вкраплены в общую текстуру «Писем». Игровой характер присутствия-отсутствия адресата расширяет художественные возможности описания Павловского сада и позволяет вынести, опираясь на работу воображения, реализацию диалога за пределы текста. Интересным примером того, как убедительно этот художественный прием мог действовать на читательскую публику, склонную воспринимать его буквально, служат попытки «реконструкции» личности действительного получателя писем, не прекращавшиеся в течение XIX в. Эти поиски, вернее один из их предположительных результатов, отразились в фундаментальном издании по истории Павловска, подготовленном историком Михаилом Ивановичем Семевским к столетнему юбилею парка в 1877.²⁹ С тех пор представление о «певце садов» Жаке Делиле как адресате «Писем» Шторха представляет собой общее место популярных публикаций о Павловске.

Обращение автора описания садово-паркового ансамбля в Павловске к эпистолярной форме свидетельствует в первую очередь о возросшей на рубеже веков субъективности в восприятии сада и отражает осознанную необходимость «интимизации» форм его художественного выражения. В этом смысле «Письма о саде в Павловске» находятся, скорее, в (хотя и дальнем) родстве с рядом знаменитых дружеских посланий, содержащих стихотворные описания садово-усадебных ансамблей, например поэтов львовско-державинского кружка.³⁰

В художественном языке произведения Шторха находит выражение не просто знакомство с эстетикой пейзажного сада, а глубокие знания автора о тех изменениях, которые обозначились в ней на рубеже XVIII и XIX вв. Самые значимые из них: применение категории живописного, определение ландшафта по отношению к саду, автономия замысла садового художника и впечатления посетителя сада, дифференциация возможных эстетических ощущений, переоценка и реинтеграция элементов регулярного сада. Показательно, что для Шторха не представляет труда соотнести особенности современ-

²⁹ Семевский М. И. Павловск. Очерк истории и описание: 1777—1877. СПб., 1877.

³⁰ Ср.: Веселова А. Ю. Усадебная жизнь в стихах поэтов львовско-державинского кружка // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006. С. 206—218.

ной ему поэтики сада с соответствующим конкретным развитием садово-паркового ансамбля в Павловске. Описательную технику текста о саде он развивает до того изошренно, что «Письма» до сих пор производят впечатление «современного» текста, в отличие от подавляющего большинства садовых описаний современников Шторха.

Пристальный анализ текста «Писем о саде в Павловске» позволяет говорить об этом произведении как об оригинальной авторской попытке адекватного выражения в тексте динамичного художественного мира сада, постепенно теряющего на рубеже веков четкие контуры своих эстетических категорий в свете усиления индивидуальности восприятия.³¹ Вследствие чего эмоциональное впечатление от посещения сада все больше и больше получает характер индивидуально-биографического эпизода и входит в состав мемуарной литературы или принимает форму лирического текста, без обязательств по отношению к реалиям конкретного садового пространства.

«Письма о саде в Павловске» Шторха достигают того пункта в развитии описательной литературы о садах, с которым связано осмысление экспериментальных возможностей эстетики пейзажного сада вне границ собственно садово-паркового искусства. Соответственно автор, отдавая должное автономности искусства садостроения, демонстрирует новые возможности описательного жанра, способного удовлетворить требованиям подлинности в передаче действительности без ущерба для индивидуального характера садового переживания.

4

В заключение приведем цитату из работы Шторха, опубликованной на русском языке в 1810 г., в сотрудничестве с Федором Павловичем Аделунгом.³² В предисловии к первому тому «Система-

³¹ Об изменениях в эстетике природы и роли ландшафта в поэтике русской литературы см.: *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994. С. 207—222.

³² «А. К. Шторх и Ф. П. Аделунг проявили удивительную прозорливость, разработав методику анализа документального потока, включающую такие критерии оценки наблюдаемого объекта, которые используют и современные исследователи для аналогичных целей. <...> факты, зафиксированные в исследовании, доносят до последующих поколений не только прямую информацию о состоянии объекта, но и косвенную, запечатлевшую приметы времени, по которым можно судить о различных сторонах жизни общества: о науке, культуре, экономике и т. д.» (*Сладкова О. Б.* Мониторинг как социальная технология: культурологический аспект // Мат-лы интернет-конференции «Социология и культурология современного менеджмента и социально-информационных технологий» (МГУКИ, 2002). http://msuc.edu.ru/conf_02/part2/doc3.html (31.08.2002); <http://www.culturalmanagement.ru/books/491?cid=332> (27.11.2008)).

тического обозрения литературы в России», посвященного, между прочим, произведениям на русском языке, Шторх выражает позицию издателя, обосновывая отбор публикаций для двухтомного «Обозрения». В соответствии с принципом, сформулированным в этом высказывании, следует, по моему убеждению, пересмотреть и место литературного наследия самого Шторха.

«Российская империя включает в себе кроме главной нации многие народы, которые имеют собственный язык и литературу; и самые Российския сочинители пишут не на одном языке Российском, но так же иногда и на других языках, как древних, так и новейших. Следовательно обозрение литературы в России не может быть ограничено книгами, писаными токмо на языке Российском и сочинителями Российской нации; оно должно заключать в себе все произведения литературы сей империи и всех писателей, гражданами оной почитаемых».³³

³³ Шторх А. К. Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия, с 1801 по 1806 год. Ч. I. Российская литература. СПб., 1810.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Р. М. ЛАЗАРЧУК

НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ БИОГРАФИИ В. Д. САНКОВСКОГО

История изучения жизни В. Д. Санковского, поэта, переводчика, редактора первого провинциального журнала «Уединенный Пошехонец», ограничивается несколькими статьями, опубликованными преимущественно в изданиях справочного характера. Очевидно, первым опытом построения научной биографии писателя следует считать заметку А. Круглого.¹ Установленный этим исследователем событийный ряд и хронологическая канва сохранились в статьях В. В. Сиповского² и А. И. Серкова,³ хотя и обросли важными дополнениями и уточнениями.

Наш интерес к В. Д. Санковскому начался с обнаружения его формулярного списка, составленного в 1789 г. Этот документ позволяет выявить в биографии писателя неизвестный ранее эпизод или период (что предстояло установить) — яренский. находка, во многом случайная, определила внимание к тому, что исследователи, склонные воспринимать человеческую жизнь как текст, называют *концом*. Статья представляет собой опыт реконструкции последнего периода жизни В. Д. Санковского, основными источниками которой стали документы Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Государственных архивов Архангельской, Вологодской, Ярославской областей и Национального архива Республики Коми (город Сыктывкар).

Последним местом службы Санковского В. В. Сиповский считает Угличскую нижнюю земскую расправу, а этот уездный город

¹ *Круглый А.* Санковский Василий Демьянович // Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов, частью в полном составе, частью в извлечениях, с важнейшими критико-биографическими статьями... / Под ред. С. А. Венгера. СПб., 1897. Т. I. Вып. VI. С. 361.

² *Сиповский В. В.* Санковский В. Д. // Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т. Сабанеев—Смыслов. С. 195—197.

³ *Серков А. И.* Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 730.

Ярославской губернии — последним приютом Василия Демьяновича: «Вероятно, в Угличе и кончил он свою жизнь в начале XIX столетия».⁴ Столь резкий перелом в судьбе писателя исследователь связывает со смертью его покровителя, ярославского генерал-губернатора А. П. Мельгунова. Между тем новое назначение инициировано самим Санковским. Стремясь воссоздать реальные обстоятельства, обратимся к архивным документам.

Начнем с письма Санковского ярославскому генерал-губернатору от 9 февраля 1786 г.,⁵ позволяющего внести в биографию писателя ряд существенных уточнений. Исследователи спорят о том, где состоялось его знакомство с Мельгуновым, а главное, когда: *до* назначения Алексея Петровича ярославским наместником (это произошло в 1777 г.)⁶ или *после*.⁷ Судя по письму, задолго *до*: «Считая неблагодарность гнуснейшим пороком, с 65 года, как я имел счастье войти в ваше покровительство в Камер-коллегию переводчиком и получить обер-офицерский чин, чему уже 20 лет протекло...».⁸ Память не изменяет Санковскому. Из хранящегося в Российском государственном архиве древних актов документа видно, что студент Московского университета Василий Санковский был определен в возглавляемую А. П. Мельгуновым Камер-коллегию по требованию ее.⁹ Были ли они лично знакомы, или московского студента высокому сановнику рекомендовали, неясно, да и неважно. В 1766 г. Санковского уже «пожаловали чином коллежского переводчика».¹⁰ Его переезд в Ярославль, безусловно, объясняется назначением Мельгунова ярославским генерал-губернатором (оно последовало 23 марта 1777 г.). 15 сентября 1777 г.¹¹ (а не 1779-го, как полагают

⁴ Сиповский В. В. Санковский В. Д. С. 196.

⁵ ГАЯО. Ф. 72. Оп. 2. Ед. хр. 900. Л. 7.

⁶ Лествицын В. Открытие Ярославской губернии в 1777 году. Ярославль, 1877. С. 6; Головицков К. Д. Ярославская губерния: Историко-этнографический очерк. Ярославль, 1888. С. 62; Ермолин Е. А., Севастьянова А. А. Воспламененные к Отечеству любовью. (Ярославль 200 лет назад: культура и люди). Ярославль, 1990. С. 116—118.

⁷ Сиповский В. В. Санковский В. Д. С. 196; Астафьев А. В., Астафьева Н. А. Писатели Ярославского края (до 1917 г.). Ярославль, 1974. С. 64; Финогенов В. «...Заслуга почтенная пред Отечеством» // Политическая агитация. Ярославль. 1986. № 2. С. 29; Марасанова В. М. А. П. Мельгунов // Ярославские губернаторы. 1777—1917: Историко-биографические очерки / Отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль, 1998. С. 32.

⁸ ГАЯО. Ф. 72. Оп. 2. Ед. хр. 900. Л. 7.

⁹ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 539. Л. 14 об.

¹⁰ Там же. Кн. 635. Л. 147.

¹¹ Секретарь верхней расправы В. Санковский значится в «Списке Ярославского наместничества о господах присутствующих и пр.<очих> чинах 1777 г.». См. об этом: Серебренников С. Об открытии Ярославского наместничества в 1777 г. // Ярославские губернские ведомости. 1861. Часть неофициальная. № 4. С. 25; № 6. С. 40 (документ «из библиотеки ярославского купца Семена Серебренникова» сохранился. Отметим неточность, допущенную при его цитировании. В 1777 г. В. Санковский был секретарем Приказа общественного

А. Круглый и Сиповский)¹² Василий Демьянович (по представлению Мельгунова) был определен секретарем Приказа общественного призрения (XI класс) с жалованьем 250 рублей в год.¹³ В марте 1779 г. «за добропорядочную службу и прилежное исправление должности» Санковскому дали чин губернского секретаря.¹⁴ Таким образом, в «высокославной команде»¹⁵ Мельгунова, увлеченной его идеями и занятой реализацией его программ, Санковский оказался с момента открытия Ярославского наместничества. В искренности воспоминаний Санковского о «счастливой» для него «эпохе составлявшего времени», об «оказанных» его высокопревосходительством «милостях», «на вечность запечатленных в его благодарнейшем сердце»,¹⁶ сомневаться не приходится. Однако столь же несомненна и весьма прагматическая установка письма: это просьба о представлении к награждению чином.¹⁷ Письмо датировано 9 февраля 1786 г. Документ, который должен был решить судьбу титулярного советника Санковского (этим чином он был награжден в 1783 г.), Мельгунов подписал 15 июня 1788 г., за 17 дней до своей кончины.¹⁸ Значит, и на смертном одре генерал-губернатор помнил о своем любимце. Не видя для Санковского возможности успешной карьеры в Ярославле, Мельгунов рекомендует его на вакантную должность судьи в Угличской нижней расправе. Доношение Ярославского наместника в Правительствующем Сенате получили 27 июня.¹⁹ А. П. Мельгунов скончался 2 июля 1788 г. Какой была резолюция Сената, что произошло в жизни маленького человека, лишившегося покровителя, в период с июля 1788 по июнь 1789 г., почему вместо Углича титулярный советник Санковский оказался в Яренске,²⁰ остается загадкой. В. В. Сиповский полагал, что «через месяц после смерти Мельгунова он (Санковский. — *Р. Л.*) подал прошение об увольнении его в отставку»,²¹ мотивируя ее необходимость «крайней слабостью» своего здоровья, «наипаче зрения». ²² Цитируемый исследователем документ обнаружить не удалось. Единственным источником, содержащим глухое упоминание, но не об отставке, а об «увольнении без награждения» со ссылкой на приказ от 13 мая

призрения. — ГАЯО. Ф. 77. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 4 об.); *Лествицын В.* Открытие Ярославской губернии в 1777 г. С. 6.

¹² *Круглый А.* Санковский Василий Демьянович. С. 361; *Сиповский В. В.* Санковский В. Д. С. 196.

¹³ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 635. Л. 147.

¹⁴ Там же. Л. 148, 149.

¹⁵ ГАЯО. Ф. 72. Оп. 2. Ед. хр. 347. Л. 25.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 900. Л. 8.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 764. Л. 369.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 329. Л. 36 об.

²¹ *Сиповский В. В.* Санковский В. Д. С. 196.

²² Там же.

1789 г., оказался формулярный список Санковского из коллекции Российского государственного исторического архива.²³ Информация по меньшей мере странная: через девять дней после увольнения Санковский получает назначение расправным судьей в Яренскую нижнюю расправу.²⁴

Яренск — уездный город Устюжской области, входящей в состав открытого в 1780 г. Вологодского наместничества. Расстояние до Вологды по почтовому тракту — 720 верст. Город стоит на реке Яренге, в четырех верстах выше ее впадения в Вычегду, под 62° 10' северной широты и 49° 7' восточной долготы. Климат в этих местах суровый, средние температуры зимой — -35° — -40°. Яренга замерзала в октябре, вскрывалась в конце апреля—первой половине мая, с середины апреля по июнь она выходила из берегов, заливая местность. Этот дикий и холодный край был местом ссылки. В 1690 г. сюда отправили опальных князей Голицыных. В 1771 г. в Яренске была только одна улица, четыре церкви и 171 деревянный дом; едва ли 17 лет спустя эта картина могла измениться кардинально. В захолустном уездном городишке Санковский принужден был доживать свой век.

Новым оказался и род служебной деятельности: судья Яренской нижней расправы, т. е. низшего сословного суда первой инстанции по гражданским и уголовным делам для государственных крестьян.²⁵ Через два года судья Санковский оказался под следствием: ему было предъявлено обвинение во взяточничестве. Само дело, тянувшееся почти четыре года, известно нам лишь по записи от 3 августа 1795 г. в «Журнале заседаний Вологодского наместнического правления», зафиксировавшей счастливую развязку. Крестьяне Ляльской трети, бывший староста Федор Болотов,²⁶ сборщик Михайла Карачиев, пищик Иван Паклинков, обвинявшие Санковского в «требовании и во взятии от доносителей <...> денег», на очной ставке «против прежней на него жалобы не только разнообразно отказали, но еще сами себе противоречили». Титулярный советник Санковский с обвинением во взяточничестве не согласился. Вологодская уголовная палата признала доношения крестьян ложными, а расправного судью Санковского «учинили от сего дела свободным».²⁷ Приговор

²³ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Ед. хр. 41. Л. 75.

²⁴ О яренском периоде жизни Санковского со ссылкой на его формулярный список, составленный в 1789 г. (ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 329. Л. 36 об.), см.: Лазарчук Р. М. Из истории провинциального театра (театральная жизнь Вологды 1780-х гг.) // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. XVIII век. Сб. 15. С. 66.

²⁵ Введен на основании «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» (1775).

²⁶ Любопытный штрих к его портрету — утрата общественных денег. Судебное разбирательство осуществлялось по рапорту крестьян Ляльской трети. — ГААО. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 153.

²⁷ ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 345. Л. 53, 53 об.

был «опробован», т. е. утверждён, генерал-губернатором П. В. Лопухиным. В формулярном списке В. Д. Санковского за 1799 г. появилась запись: «Будучи судьёю, судим якобы в чинении им Ляльской округи с крестьян взяток, но виновным не найден».²⁸

Упразднение нижних расправ (по указу Сената от 31 декабря 1796 г.), переименование их в уездные суды,²⁹ обернулось для Василия Демьяновича понижением по службе. Уездным судьей был назначен титулярный советник Василий Нечаев, пристав уголовных дел бывшей Вологодской управы благочиния. Санковский «оставлен заседателем» с годовым жалованьем в 250 рублей (согласно штату уездный судья «осьмого класса» получал 300 рублей).³⁰ Документы Государственного архива Архангельской области позволяют назвать точную дату нового назначения Санковского, не зафиксированную в формулярном списке конца 1790-х гг.,³¹ – 30 марта 1797 г.³² С июля 1797 г. упразднённая Вологодская управа благочиния открылась вновь (шла грандиозная Павловская «перестройка»). Василий Нечаев возвратился на место прежней службы. В Яренском уездном суде появилась вакансия. Однако на эту должность был назначен майор Александр фон Дельден, приступивший к исполнению своих обязанностей 1 августа 1797 г.³³ Конечно, легче всего объяснить случившееся личными качествами Василия Демьяновича: неуживчив, неудобен, неугоден... Но попробуем взглянуть на происходящее в Яренском уездном суде объективно. Все перемещения по службе происходили по указам Вологодского губернского правления. Оснований обвинять его в пристрастии к Санковскому у нас нет. Напротив, в столкновениях яренского расправного судьи с местными властями губернное правление (как мы уже видели) вставало на его защиту.

Новый штат предполагал, что уездным судьёю станет чиновник «осьмого класса»,³⁴ т. е. коллежский асессор. В. Д. Санковский все ещё оставался титулярным советником (IX класс). Вероятно, у титулярного советника Василия Нечаева реальных возможностей для награждения следующим по табели о рангах чином было больше; к тому же пострадавший из-за реорганизации чиновник, служивший в губернском городе, имел (при прочих равных) явное преимущество. У майора Александра фон Дельдена к назначению на должность судьи препятствий вообще не было: его военный чин (VIII класса) соответствовал гражданскому чину коллежского асессора (VIII класс). И все же главной причиной понижения Санковского в должности

²⁸ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Ед. хр. 41. Л. 75.

²⁹ ГААО. Ф. 1428. Оп. 3. Ед. хр. 120. Л. 5 об.

³⁰ Там же. Л. 25, 4 об.

³¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Ед. хр. 41. Л. 74 об.

³² ГААО. Ф. 1428. Оп. 3. Ед. хр. 120. Л. 25.

³³ Там же. Л. 60.

³⁴ Там же. Л. 4 об.

стала его болезнь. К такому выводу мы пришли в результате сплошного обследования журналов Яренской нижней расправы (уездного суда после переименования) за 1797 г., где отсутствие членов суда на заседаниях педантично отмечалось и в тех случаях, когда протокол ими подписывался (очевидно, этого требовал характер рассматриваемого дела). Запись «расправный судья титулярный советник Василий Санковский присутствия не имел за болезнью» встречается уже на первом листе.³⁵ Остается неясным, является ли дата (2 января, пятък) началом болезни или продолжением ее (журнал Яренской нижней расправы за 1796 г. не сохранился), но первый раз в 1797 г. Василий Демьянович появился на службе только 23 февраля (единственный раз в этом месяце). Подведем итоги печальной статистики: в марте титулярный советник Санковский пропустил 13 присутствий, в апреле — 6, в мае — 7, в июне — 12, в июле — 8. По-видимому, в августе наступила непродолжительная ремиссия: в этом месяце Василий Демьянович отсутствовал только на одном заседании суда; в сентябре он являлся на службу регулярно, без пропусков. Потом болезнь обострилась: в октябре Санковский отсутствовал на десяти заседаниях, в ноябре — на девяти.³⁶

Василий Демьянович болел и раньше, особенно тяжело в 1785 г. в Ярославле, когда «далекая дорога» «домой: к Отцу и Богу» уже звала его из «гостей» (так по традиции он определяет свое земное существование):

Слабеют чувства все, и меркнет свет в очах,
И над моей главой летает смертный страх;
Смущается душа, отверстие видя гроба,
Готовится принять мой труп земли утроба.³⁷

Стихотворение «На отчаянную жизнь в болезни» (его автобиографический характер не вызывает сомнения) стало прощанием Санковского «со всем, что в свете есть»:

Прости, жена, и вы простите, сыновья!
Прости, любезна дочь! знакомцы и друзья!³⁸

Переезд в северный Яренск, суровый климат, духовный голод и пустота усугубляют течение болезни. В конце декабря 1797 г. произошло событие, ускорившее трагическую развязку.

В Государственном архиве Архангельской области хранятся два документа, освещающие случившееся с диаметрально противо-

³⁵ Там же. Ед. хр. 140. Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 1—368.

³⁷ Ростовская и Ярославская старина / Сообщил А. А. Титов. Ярославль, 1889. Вып. 3. С. 6.

³⁸ Там же.

положных точек зрения. 28 декабря 1797 г. Яков Фурин и Иван Еремин, дворовые люди секунд-майора Ивана Хрущева, подали в Яренский уездный суд жалобу на тестя своего хозяина В. Д. Санковского, в чьем доме они находились с момента отъезда их барина к месту нового назначения, в Вологду. Просители обвиняли Санковского, и особенно его жену Катерину Ивановну, в «чинении [им] напрасных бранных слов и побоев», в отсутствии необходимого пропитания и одежды. Они требовали дать «свободный пропуск» для возвращения в село Красное Луховской округи Костромской губернии, принадлежащее их помещику Ивану Хрущеву.³⁹ 30 декабря 1797 г. в Яренский уездный суд подано «объявление» заседателя Санковского, обвиняющее крепостного Якова Фурина в нанесении «несносной обиды»: «скверных речах» и посягательстве на жизнь чиновника.⁴⁰ Расследование дела продолжалось в течение месяца, а его описание заняло около 40 листов. Показания Якова Фурина подтвердил непосредственный свидетель скандала, разыгравшегося в доме Санковского 28 декабря 1797 г., — Иван Еремин, а 24 человека, под присягой, «целуя крест Спасителя», показали, что Яков Фурин — «человек честного и учтвого обхождения», «в дурных поступках», «пьянстве и дебоширстве» не замеченный.⁴¹

Не вдаваясь в подробности этого дела, несомненно ставшего событием в сонном Яренске, заметим, что оно оставляет впечатление плохо поставленного спектакля. 37-летний Яков Фурин, убегающий от догонявшего его старика Санковского с коромыслом в руках, встречает на дороге судью, бургомистра, уездного казначея. Возможно, именно они и «привели» его в уездный суд. Доноситель живет в Яренске всего пять месяцев, но 24 свидетеля (мещане, солдаты Яренской штатной команды, их вдовы, сторож-чуваш, драгун, дочь умершего драгуна) охотно становятся на его защиту. Травля честного чиновника — и только... Однако подавший встречный иск заседатель Санковский не представил в уездный суд ни одного из обещанных в ходе следствия доказательств. «Учиненным повальным обыском показанный Фурин одобрен», дворовые люди зятя Василия Демьяновича отосланы к своему помещику. В отношении самого Санковского никаких предписаний судом не вынесено.⁴² Но враг торжествовал: обвинявший дворовых людей в «ложной клевете» оказался клеветником. В феврале 1798 г. Санковский пропустил по болезни 17 заседаний суда, в марте — 13. По-видимому, в апреле состояние здоровья Василия Демьяновича улучшилось. Судя по «Журналу...», он «имеет присутствие» на всех заседаниях уездного суда. Только 8 мая в журнале появляется привычная запись: «Засе-

³⁹ ГААО. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 1360. Л. 1, 1 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 1428. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 1.

⁴¹ Там же. Л. 5, 20, 21 об., 29.

⁴² Там же. Л. 32 об.

датель Санковский не был за болезнью».⁴³ 9 и 10 мая присутствия не было. Протокол «1798 г. мая 11 дня, вторник» открывается сообщением: «Сего суда дневальный канцелярист <...> в присутствии здесь объявил, что заседатель Василий Санковский, находясь болен, вчерашнего дня ввечеру волею Божию помер. Приказали: о сем записать в журнал, а в Вологодское губернское правление отрапортовать».⁴⁴ Таким образом, дату смерти Санковского следует считать установленной: Василий Демьянович умер 10 мая 1798 г. в Яренске.

Метрическая книга церковей города Яренска за 1798 г. не сохранилась, однако едва ли мы нашли бы в ней дополнительную информацию. Обследование «Метрик» за 1797 и 1799 гг. показало, что записи в третьей части («Об умерших») велись небрежно. Указание конкретной болезни, приведшей к смерти, заменялось общей формулой — «естественной смертью»; нет в этих документах и информации о месте захоронения.⁴⁵ С 1789 г. В. Д. Санковский был прихожанином Преображенского собора города Яренска; следовательно, он, как и другие, ушедшие из жизни своей смертью, был «погребен» с «надгробным пением по церковному чиноположению».⁴⁶

Документы не оставляют сомнений. Именно Яренск, чужой, холодный, равнодушный и жестокий, стал последним приютом Василия Демьяновича. Значит, в биографии писателя не было Углича,⁴⁷ а в Ярославль он мог возвращаться только в воспоминаниях... В таком случае, как объяснить появление двух «ярославских» стихотворений Санковского, датированных 1795 и 1796 гг.? Отпуск? Но в формулярном списке яренского расправного судьи он не зафиксирован...⁴⁸ Да и сама поездка, долгая, утомительная (от Яренска до Ярославля 905 верст), едва ли была под силу больному человеку... Думается, что для написания стихов личного присутствия поэта в Ярославле и не требовалось. Первое стихотворение «сочинено по приказанию Его Высокопревосходительства Петра Васильевича Лопухина». Поэтическая фантазия Санковского заведомо ограничена: стихи будут «исполняться под инструментальную и вокальную музыку». Заранее определена и их тема: подавление польского восстания под руководством Тадеуша Костюшко:

Россия, победив упрямую Варшаву,
Ей счастье принесла, себе ж бессмертну славу.⁴⁹

⁴³ ГААО. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 237. Л. 20—58 об., 87.

⁴⁴ Там же. Л. 87 об.

⁴⁵ Там же. Ф. 29. Оп. 27. Ед. хр. 19. Л. 5 об.—6; Ед. хр. 20. Л. 2.

⁴⁶ Там же. Ед. хр. 19. Л. 11.

⁴⁷ Чрезвычайно признательна директору филиала ГАЯО в городе Угличе Татьяне Анатольевне Третьяковой, обследовавшей (по нашей просьбе) «Исповедные росписи» церковей этого города.

⁴⁸ Входит в состав формулярных списков Вологодской губернии за 1799 г. — РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Ед. хр. 41. Л. 74 об.

⁴⁹ Ростовская и Ярославская старина. С. 10.

Стихи должны были прозвучать на торжествах по случаю победы над польской смутой. Опыт присутствия на церемониях такого рода у Василия Демьяновича был, хорошо известен ему и состав инструментов оркестра при ярославском генерал-губернаторе:

Воображая победоносны лавры,
Настройте скрипку, флейт и трубы, и литавры,
И всякий у кого готовый инструмент:
Варшавская судьба — в Европе монумент.⁵⁰

Во втором стихотворении «Его высокопревосходительству, господину генерал-поручику, отправляющему должность Ярославского и Вологодского генерал-губернатора <...> Петру Васильевичу Лопухину. На отбытие из Ярославля в Санкт-Петербург в 1796 году», конечно, можно (при большом желании) обнаружить следы присутствия автора в Ярославле:

Похитив здесь сердца, ты хочешь убежать.
Не дремлет страх в груди — потщимся удержать
.....
Душою мы с тобой пребудем неразлучно.⁵¹

Однако это отнюдь не конкретные реалии, создающие ощущение подлинности описываемых событий и людей, а общие места, «память» жанра стихотворения «на прибытие»⁵² или «отъезд» высокопоставленного лица, жанра, получившего широкое распространение среди дилетантов последней трети XVIII в. Используя стихи Санковского в качестве источника биографической реконструкции, зададим текстам другой вопрос: не *где*, а *почему*? Почему они появились? Ведь не написал же Санковский стихов, посвященных Е. П. Кашкину, сменившему на посту ярославского генерал-губернатора А. П. Мельгунова. Не зная точного времени создания стихотворения, рискнем предположить, что отъезд П. В. Лопухина в Петербург был связан с предстоящим назначением его сенатором (оно последовало 17 декабря 1796 г.):

Благотворитель наш, *где ты ни будешь жить* [курсив мой. — Р. Л],
С преданностью тебе готовы мы служить.
С тобою полетит везде усердьё наше...

⁵⁰ Там же. С. 11.

⁵¹ Там же. С. 11, 12.

⁵² Ораевский И. Песнь на приезд в Вологду его высокопревосходительства г<осподина> Ярославского и Вологодского генерал-губернатора Алексея Петровича Мельгунова 1780 года июля 17 // Вологодские епархиальные ведомости. 1889. 15 февраля. Часть официальная. № 4. С. 65—66; На прибытие его высокопревосходительства // Лазарчук Р. М. Литературная и театральная Вологда 1770—1800-х годов: Из архивных разысканий. Вологда, 1999. С. 217—218.

Если это так, то сочинителем двигало чувство благодарности «нашему Меценату» и «нашему благодетелю». Контекст биографии судьи Яренской нижней расправы открывает для посвященных еще один — тщательно скрываемый — смысл: прощальные стихи адресованы человеку, совсем недавно спасшему Санковского от клеветы и бесчестия:

Почтенье и любовь всего на свете краше.
В сем приношеньи нет ни хитрости, ни лъсти:
Счастливым путь тебе, счастливый путь, прости!⁵³

В каком возрасте скончался Василий Демьянович, сказать трудно. Датой его рождения А. Круглый считает конец 1730-х и 1741 г. (по списку Историч<еского> общества).⁵⁴ В. В. Сиповский и А. И. Серков называют утвердительно только одну дату — 1741 г.⁵⁵ В «Русском биографическом словаре» приводятся другие сведения — около 1738—1741 гг.⁵⁶ По данным формулярных списков, в 1779 г. Санковскому — 40 лет,⁵⁷ в 1783 г. — 44 года,⁵⁸ в 1789 — 54.⁵⁹ Следовательно, он родился около 1735—1739 гг. Эти сведения не расходятся с данными исповедных ведомостей (в 1791 г. — Василию Демьяновичу — 56 лет, в 1795 — 58).⁶⁰ Впрочем, возраст прихожан в исповедных росписях указывался весьма приблизительно и определялся «на вид»: в 1796 г. Санковский выглядел на 69 лет.⁶¹

Санковский был женат на офицерской дочери Катерине Ивановне Беер. Если довериться сведениям, сообщаемым в «Исповедных росписях Преображенского собора г<орода> Яренска», то разница в их возрасте составляла 15 лет.⁶² По-видимому, Василий Демьянович вступил в брак во второй половине 1760-х гг. У Санковских было трое сыновей: Петр, Павел и Александр.⁶³ По данным формулярного списка Санковского, составленного в 1789 г., 20-летний Петр был

⁵³ Ростовская и Ярославская старина. С. 12.

⁵⁴ *Круглый А.* Санковский Василий Демьянович. С. 361.

⁵⁵ *Сиповский В. В.* Санковский В. Д. С. 195; *Серков А. И.* Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. С. 730. По данным «Ведомостей Императорского Московского университета о студентах казенного содержания», в 1764 г. Василию Санковскому было 23 года. Значит, он родился в 1741 г. См. сн. 63. РГАДА. Ф. XVII Б. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 5 об.

⁵⁶ Русский биографический словарь: В 20 т. М., 2001. Т. 13. С. 349.

⁵⁷ ГАЯО. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 13 об.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 679. Л. 515.

⁵⁹ ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 329. Л. 36 об.

⁶⁰ Национальный архив Республики Коми. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 4; Ед. хр. 160. Л. 7.

⁶¹ Там же. Ед. хр. 161. Л. 3 об.

⁶² Там же. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 1 об.; Ед. хр. 160. Л. 7.

⁶³ См. формулярный список о секретаре Санковском (1783). — РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 679. Л. 515.

пошехонским уездным землемером и находился в Ярославле, 18-летний Павел служил в нижней расправе канцеляристом, 17-летний Александр значился лекарским учеником в Яренске.⁶⁴ Однако этот факт из биографии Александра Васильевича Санковского не зафиксирован в его формулярном списке за 1799 г. С 1798 г. он заседатель Усть-Сысольского нижнего земского суда.⁶⁵

Информация о сыне Санковского Николае Васильевиче, авторе нескольких переводных статей и оригинальных стихотворений, напечатанных в журналах «Уединенный Пошехонец», «Ежемесячное сочинение издаваемое в Ярославле», «Новые ежемесячные сочинения» и др.,⁶⁶ документально не подтверждается.

Судя по исповедным росписям Преображенского собора города Яренска, у Санковских была дочь Александра (вспомним стихотворение «На отчаянную жизнь в болезни...»: «Прости, любезна дочь!»). Сведения о ее возрасте противоречивы: в 1791 г. — 14 лет,⁶⁷ в 1795-м — 16.⁶⁸ Вероятно, она родилась в Ярославле. После смерти Василия Демьяновича его вдова покинула Яренск (Катерины Ивановны Санковской нет среди явившихся на исповедь в 1798, 1799 гг.).⁶⁹ Скорее всего, она переехала в Усть-Сысольск к сыну Александру (ее «отлучка» в этот город фиксировалась в исповедных ведомостях и раньше).⁷⁰

В русской литературе XVIII в. Санковский — фигура знаковая: разночинец (сын священника), из малороссиян (это обстоятельство подчеркивается во всех четырех известных нам формулярных списках), он шел в университет дорогой многих. У него была школа Киевской и Свято-Троицкой семинарий. Все в его жизни определили встречи с людьми другого сословия и другой культуры (М. М. Херасковым, в журналах которого «Полезное увеселение» и «Свободные часы» Санковский сотрудничал в 1760—1763 гг., и А. П. Мельгуновым). С ними и связаны взлеты его творческой судьбы.

Служебной карьеры Василий Демьянович не сделал, оставшись титулярным («вечным титулярным») советником: в этом чине он прослужил пятнадцать лет. Почему? Кто виноват: среда, обстоятельства или собственный характер? Любопытен вердикт, вынесенный Конференцией: она отказала студенту Санковскому в возможности

⁶⁴ ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 329. Л. 36 об.

⁶⁵ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Ед. хр. 41. Л. 80 об.

⁶⁶ *Коплан Б.* Первый краеведческий провинциальный журнал // *Отечество: Краеведческий альманах.* М., 1994. С. 267. (Впервые: *Краеведение.* 1924. № 4. С. 401—404); Санковский В. Д. // *Русский биографический словарь:* В 20 т. Т. 13. С. 349.

⁶⁷ Национальный архив Республики Коми. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 1 об.

⁶⁸ Там же. Ед. хр. 160. Л. 7.

⁶⁹ Там же. Ед. хр. 163; Ед. хр. 164.

⁷⁰ Там же. Ед. хр. 160. Л. 7.

«занять со временем в университете должность профессора».⁷¹ (Этот вопрос был поставлен перед ученым советом куратором В. Е. Адодуровым). Мотивировка тривиальная: «отсутствие должного прилежания» и «хорошего поведения». Ученое собрание старается быть объективным и отмечает «хорошие способности» Санковского, но надежд на его исправление не питает. Причины не названы: «они довольно известны всем членам университета». Резюме Конференции сформулировано отнюдь не бесстрастным тоном: «...раз ему прискучило быть студентом <...> [то] следует удовлетворить его прошение об отчислении <...> ибо университет от этого ничего не потеряет».⁷² Протокол датирован 3 декабря 1765 г. Годом раньше университетская профессура аттестовала В. Санковского как студента «понятия и прилежания похвального» и «поступков честных».⁷³ Санковскому чуть более двадцати. Может быть, университетских наставников будущего писателя обидело его желание «получить место вне университета, в другой коллегии»?⁷⁴ Или их раздражал его нрав, несовместимый с представлением о том, каким должен быть настоящий студент? Как сложилась судьба Василия Санковского, если бы он стал профессором Московского университета? Но солагательного наклонения в истории нет...

⁷¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / Подгот. к печати Н. А. Пенчко. М., 1960. Т. 1. С. 198.

⁷² Там же.

⁷³ Ведомости Императорского Московского университета о студентах казенного содержания 1764 года. РГАДА. Ф. XVII Б. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 5 об.

⁷⁴ Документы и материалы по истории Московского университета. Т. 1. С. 198.

А. А. КОСТИН

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

(Ссора М. М. Хераскова с И. Г. Рейхелем)

Эта заметка посвящена ссоре, произошедшей в конце 1765 г. между директором Московского университета М. М. Херасковым и профессором того же университета И. Г. Рейхелем, ставшей в начале 1766 г. предметом сенатского разбирательства.

Сам факт этой ссоры не является новостью: на нее впервые обратил внимание Г. А. Гуковский, упомянув в ряду других конфликтов директора университета и профессоров в середине 1760-х гг.;¹ позже ее вкратце описала, опубликовав использованную Гуковским протокольную запись и сославшись на один из послуживших источником для этой статьи документов, Н. А. Пенчко в «Материалах к истории Московского университета».² Документ этот — сенатский рапорт Екатерине II о рассмотрении соответствующего дела.³ Кроме того, мною было использовано до сих пор не привлекавшееся исследователями оригинальное дело Сената.⁴ Рапорт представляет собой преимущественно списанные, но с заменой прямой речи на косвенную, три письма из сенатского дела. Из-за появления косвенной речи некоторые места в рапорте крайне затемняются; разобраться в них помогает привлечение оригинального дела.

Восстанавливаемая по указанным документам фактическая канва ссоры такова:

4 декабря 1765 г. была собрана «чрезвычайная» профессорская конференция, на которой только что вернувшийся из Петербурга

¹ *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750—1760 гг. Л., 1936. С. 194—196.

² *Пенчко Н. А.* Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1962. Т. 2. С. 221, 309—310.

³ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 45.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 63. Д. 5499 (60).

Рейхель зачитал письмо сенатора Олсуфьева, в котором объявлялось высочайшее повеление профессорам, «чтоб они сочинили точному Императорского Московского университета положению и содержанию штат».⁵ На следующий день, 5 декабря, к Хераскову были присланы трое профессоров (Керштенс, Барсов и Лангер), требовавшие от него, по его собственным словам, «в силу высочайшего повеления ордеров, писем и даже до касающихся дел уволенного от университета профессора Дилтея».⁶ Херасков с таким требованием не согласился, и именно этот отказ, различно трактуемый им самим и профессорским собранием, и послужил причиной ссоры и отчасти — сенатского разбирательства. Дело в том, что профессора в данном случае формально действовали, буквально следуя высочайшему повелению, в котором было указано, что штат должен был быть составлен профессорами, но ничего не говорилось об участии в его составлении директора. Херасков же посчитал, что подобные действия «имеют вид точной его смены».⁷ Высказывание Хераскова по этому поводу записано в протоколе профессорской конференции от 8 декабря следующим образом: «Удивлен де он, что от того профессорского сочинения он исключен, ибо де то неслыханное дело, чтоб исключая начальствующего подчиненным приказать о штате университетском делать определительное положение, и для де того он думает, что то высочайшее повеление дано не от Августейшей Монархини».⁸

Вот это сомнение в подлинности высочайшего повеления (или то, что профессора представили отказ Хераскова как сомнение в его подлинности) и послужило предметом сенатского разбирательства.

Сама ссора между Херасковым и Рейхелем произошла на очередной профессорской конференции, состоявшейся 10 декабря. Рейхель, зачитывавший 6 днями ранее профессорам письмо Олсуфьева, содержащее повеление о составлении штата, посчитал, видимо, что сомнение Хераскова в подлинности указа может быть расценено как указание на совершенный Рейхелем подлог. Сказано это сомнение было, по-видимому, не вполне вежливо, поскольку Херасков называет его «язвительными и подозрения исполненными словами»;⁹ впрочем, ответ самого Хераскова тоже нельзя назвать галантным, поскольку он сказал Рейхелю, что «речи его на крючки подходят».¹⁰ Рейхель придрался к этим словам, решив, что «крючками» названо сообщенное им письмо. В результате этого препирательства, в котором приняли участие и другие профессора, и Херасков, и Рейхель

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 45. Л. 3 об.

⁷ Там же.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 63. Д. 5499 (60). Л. 7 об.

⁹ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 45. Л. 4.

¹⁰ Там же.

покинули собрание, причем Рейхель, заявляя, что «он не может тут быть, где против указа Августейшей Монархини оскорбительные слова произносятся»,¹¹ а Херасков — говоря, что «он пока удовольствия не получит, впредь с ним Рейхелем в собрании профессорском быть не может».¹²

Таким образом, суть конфликта заключалась в следующем: Херасков, ссылаясь на существующее российское законодательство, полагал, что невозможно составление штата подчиненными без участия непосредственного начальства (а то, что он видит профессоров своими подчиненными, он подтвердил собственными высказываниями на конференции 10 декабря: «директор, почитая от Рейхеля сие вопросом в присутствии, где себя признавал главным, объяснил, что от него Рейхелю не должно было того требовать»¹³). Профессора же, пытаясь, скорее всего, добиться в данном случае большей автономии профессорского собрания, обернули дело таким образом, что Херасков оказывался виновным в невыполнении высочайшего повеления — дело, подсудное Сенату.

Очевидная мелочность самого разбирательства отразилась в решении Сената по данному делу: «Сенат с неудовольствием слышать принужден был, что в ученом собрании вместо ожидаемой и должной государству пользы, разные беспорядки и членами вражды делаются».¹⁴ Куратору университета В. Е. Адодурову было указано сделать Хераскову выговор наедине, а Рейхелю — «при собрании всех профессоров».¹⁵

Между тем данное дело возможно рассматривать не только как частный конфликт, в котором проявилась вспыльчивость Рейхеля и Хераскова. Более интересным кажется тот факт, что этот эпизод свидетельствует о попытках московской профессуры в середине 60-х гг. XVIII в. добиться для себя большей независимости в управлении делами университета. И здесь важнейшим источником оказывается тот самый штат, с работой над которым и была связана описанная только что ссора. В период с 1765 по 1767 г. в Сенат было представлено несколько проектов штата университета,¹⁶ причем особенностью их в отношении директорской должности оказывалось следующее: профессорами предлагалось сменить должность назначаемого свыше чиновника-директора должностью избираемого из числа профессоров ректора. В проекте, представленном в 1765 г., это изменение объяснялось следующим образом: «До университета кроме наук и порядочного учреждения учений другие дела не принадлежат, по оному ему [Ректору. — А. К.] и должно быть из

¹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 63. Д. 5499 (60). Л. 8.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 7 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 45. Л. 6 об.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 41. Л. 165.

числа Профессоров, которые имея о науках и знатнейших в Европе университетах и о их учреждении и порядках довольное знание, с лутчим успехом и пользою, нежели директор, не имеющий в науках совершенного искусства, во всех до Университета принадлежащих учреждениях поступать <...> может».¹⁷

Видимо, именно знакомство с этим проектом и заставило Хераскова увидеть в просьбе о предоставлении нужных для составления нового проекта документов попытку «смены». Впрочем, ни проект 1765, ни проект 1767 гг. не были апробированы императрицей; директоров продолжали назначать.

¹⁷ Там же. Л. 178 об.—179.

Э. Г. КРОСС

**СЕВЕРНЫЕ БРАТЬЯ:
НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ПЕРЕПИСКА И. П. ЕЛАГИНА
С ВЕЛИКОЙ ЛОЖЕЙ АНГЛИИ (1772—1780)**

Летом 1768 г. лорд Чарльз Каткарт, британский посланник в Петербурге, писал, что «вследствие твердо заявленных мнений императрицы Россия решительно склоняется на сторону Англии, а настроение это еще усилится под влиянием всех учреждений императрицы».¹ Время показало его неправоту относительно собственных установлений Екатерины, однако он был, по крайней мере, прав, утверждая ее сильную склонность к англичанам в первое десятилетие царствования. Его секретарь, Генри Ширли (Shirley), недолго бывший поверенным в делах до прибытия Каткарта, уже заметил общий переход от галломании к культу всего английского;² и мало оснований сомневаться в том, что быстро росшая британская община в Петербурге заметила, куда подул ветер перемен.³ Положение британских купцов значительно улучшилось с возобновлением англо-русского коммерческого соглашения в июле 1766 г., согласно которому Британия осталась в качестве «la nation la plus favorisée»⁴ («наилучше фаворизированного народа»), а купцы поспешили выразить по этому случаю тогдашнему посланнику Джорджу Макартни свою «гласную признательность за полное и всеобщее одобрение

¹ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1873. Вып. 12. С. 382.

² British Library. London. Add. Ms. 37, 054. Letterbook of Henry Shirley, 1767—1768. Ф. 40—41.

³ Более подробный обзор истории английской общины в Петербурге в XVIII веке см.: Cross A. G. *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge, 1997. P. 9—40. Русский перевод: Кросс Э. Британцы в Петербурге в XVIII веке. СПб., 2005. С. 21—53.

⁴ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Изд. Ф. Мартенс. СПб., 1892. Т. 9 (10). С. 89.

каждой статьи сего трактата, от нас, столь близко и непосредственно его последствиями затронутых».⁵ Его экономические последствия были огромны, но имелись также последствия социальные и культурные.

Уже с марта 1754 г. британская община получила собственное постоянное место для богослужения — Английскую церковь в здании старого Шереметевского дворца на западной оконечности Галерной набережной. Прилегающие дома постепенно скупались или нанимались британскими подданными, и набережная, вскоре получившая известность как Английская, стала средоточием социальной и духовной жизни общины.⁶ Параллельно набережной шла Галерная, или Исаакиевская, улица, с которой открывался вход во внутренние дворы домов и где впоследствии находились английский постоялый двор и кофейня, а также рабочие места британских ремесленников и торговцев. В течение первого десятилетия Екатерининского царствования британцы завели в одном из внутренних церковных дворов платную библиотеку, а в английском постоялом дворе проходили платные зимние балы, популярные как у британцев, так и у русской знати. Еще популярнее у русских был исключительно мужской по своему составу Английский клуб, официально основанный 1/12 марта 1770 г. при 50 членах-основателях и достигший численности в 250 членов к концу 1771 г.⁷ Примерно в то же время было основано еще одно типично британское учреждение — масонская ложа. «Совершенное согласие» начало свою деятельность летом 1770 г., но свой устав получило от Великой ложи Англии только 1 июня 1771 г.⁸ Традиции английского масонства в этот период были столь же сильны в России, как и традиции Английского общественного клуба, но оказались гораздо менее долговечными. «Совершенное согласие» («Perfect Union») горделиво описывало себя «Британской ложею, чье основание и существование национально»,⁹ но ее членство с самого начала было столь же интернациональным, как и членство в Английском клубе (многие масоны были также членами последнего), и вскоре утратило провозглашаемое ею особое положение. Препградой желанию «Совершенного согласия» подчиняться непосредственно Великому мастеру Ордена в Лондоне был Иван Перфильевич Елагин (1725—1793).

⁵ Public Record Office of Northern Ireland. Belfast. Macartney Papers. D 2225 / 1 / 2.

⁶ См.: Cross A. The English Embankment // St. Petersburg, 1703—1825 / Ed. by A. Cross. London, 2003. P. 50—70.

⁷ См.: Столетие Санкт-Петербургского Английского клуба. СПб., 1870; Завьялова Л. В. Петербургский Английский клуб. 1770—1918. СПб., 2005.

⁸ События в Англии датируются новым стилем, события в России датируются старым и новым стилем.

⁹ United Grand Lodge of England. Freemasons' Hall. London. «Journal of the Lodge of Perfect Union at St. Petersburg». F. 44.

Русское франкмасонство в царствование Екатерины являет картину необычайной пестроты и длительного брожения при борьбе английской и различных континентальных систем за превосходство. На протяжении большей части этого периода Елагин играл важнейшую роль в судьбах русского франкмасонства. Переводчик, поэт, драматург, он был также доверенным лицом императрицы, занимал ряд ответственных должностей при дворе, включая чин статс-секретаря у принятия прошений (1762—1768 гг.), директора императорских театров (с 1766 г.) и тайного советника, а позднее (с 1782 г.), обер-гофмейстера.¹⁰ Он сделался масоном в 1750-е гг., хотя его имя не фигурирует в списке тридцати пяти масонов, подготовленном Михаилом Олсуфьевым по приказанию императрицы Елизаветы в 1756 г.¹¹ Однако этот список весьма значим для понимания длительных связей между людьми, впоследствии достигшими высоких степеней в провинциальной Великой ложе, созданной в 1772 г. под руководством Елагина. Особенно заслуживают упоминания Роман Илларионович Воронцов (1707—1783), генерал-лейтенант и сенатор, прозванный за свое мздоимство «Большой карман» и ставший отцом знаменитых сыновей и дочерей; Степан Васильевич Перфильев (1734—1793), выпускник Шляхетного кадетского корпуса, сделавшийся генерал-майором и губернатором Петербурга в 1773 г.; и Петр Иванович Мелиссино (1724—1797), которому предстояло возглавить Благородный Шляхетный корпус и стать генералом артиллерии.

Мелиссино считается значительным лицом; говорится, что он создал собственный извод масонства, но среди ученых мало согласия относительно его истинной природы или, что важнее, относительно времени его появления. Утверждается, что Мелиссино был мастером Петербургской ложи в самом начале Екатерининского царствования и что Иоганн-Август Штарк (1741—1816) сделался ее членом во время своего учительства в Петришуле (1763—1766). Штарк, по-видимому, вернулся в российскую столицу в 1768 г., чтобы основать там собственную ложу «Феникс», принадлежавшую так называемому строгому храмовому (тамплиерскому) наблюдению, но может показаться, что сам Мелиссино был также привлечен к рыцарственному ритуалу и работал в высоких «Шотландских» степенях. Однако именно системы широкого наблюдения (*laх observation*) способствовали выдвижению Елагина в предводители русского масонства, хотя и далеко не бесспорного. Взаимоотноше-

¹⁰ Лучший обзор весьма наполненной и разнообразной карьеры Елагина см. в биографической статье В. П. Степанова: *Словарь русских писателей XVIII века* / Отв. ред. А. М. Панченко. Л., 1988. Т. 1. С. 304—309.

¹¹ *Донесение Олсуфьева о масонстве (1756)* // *Летописи русской литературы и древности* / Изд. Н. С. Тихонравов. М., 1862. Т. 4. Отд. 3. С. 49—52. См.: *Пылин А. Н.* Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1917. С. 92—93 (в дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно, с указанием имени автора и номера страницы).

ния между масонством Мелиссино и Елагина в 1760-е гг. далеко не ясны и могут показаться неразрывно связанными с судьбами ложи, известной под названием «Скромность».

А. Н. Пыпин утверждал, что уже в 1750 г. в Петербурге действовала некая ложа под названием «Zur Verschwiegenheit» («Молчаливости»),¹² но обычно, хотя не всегда убедительно, говорилось, что это была *не* та же самая ложа, что «Скромность», которая только в конце 1774 г. получила свой устав от Елагина в чине провинциального Великого мастера. Ввиду датировки этого устава, Семека и Вернадский, например, не желали принимать во внимание важного, хотя и несколько смутного свидетельства Карла Л-ра (Лиснера), немецкого масона из ложи «Alexander zum Gekrönten Pelikan» («Александр. Пеликана венчанного»), в самом начале XIX в. утверждавшего, что «Zur Verschwiegenheit» была основана в 1768 г. Елагиным с уставом от лондонской Великой ложи, «Королевского Йорка» («Royal York»), с позволением работать в семи степенях.¹³ Он писал о Елагине как о Великом мастере, а о Мелиссино как о мастере ложи. Очевидно смешение берлинской ложи «Королевский Йорк. Дружества» («Royal York zur Freundschaft») и лондонской Великой ложи, но Вернадский также полагал, что Лиснер скорее хотел написать 1786 г., а не 1768-й, и потому не без основания отнес эти сведения к периоду так называемого Второго Елагинского согласия. Однако «Скромность» несомненно существовала в конце 1760-х гг., как явствует из записей в единственной сохранившейся книге протоколов «Совершенного согласия». Очевидно, такие ложи, как «Скромность» и «Музы», некоторое время, даже годами, работали в качестве «нерегулярных» или «неуставных», т. е. не получив уставов от признанного материнского сообщества. 17/28 октября 1771 г. специальный комитет «Совершенного согласия», собравшийся для обсуждения уставных вопросов («Lodge of Consultation»), решил, что «Брат Елагин и иные Братья Ложи Скромности могут быть приглашены присоединиться к Английской ложе», хотя и «на этом основании» оставалась одна неразрешенная трудность (Л. 5). Имеется еще одно упоминание «Скромности» на следующей неделе в связи с другим кандидатом в члены, Сиверсом (возможно, это граф Яков Ефимович Сиверс (1731—1808), входивший в российское посольство в Лондоне), которого приняли в качестве официального

¹² Пыпин А. Н. Русское масонство. С. 499.

¹³ К истории масонства в России (перевод с немецкой неизданной рукописи Н. С. Иванина) // Русская старина. 1882. Сентябрь. Т. 35. С. 535. См.: Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 56 (в дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно, с указанием имени автора и номера страницы); Семека А. Русское масонство в XVIII веке // Русское масонство в его прошлом и настоящем / Изд. С. П. Мельгунов, Н. П. Сидоров. М., 1914. Т. 1. С. 146 (в дальнейшем ссылки на эту работу даются сокращенно, с указанием имени автора и номера страницы).

посетителя в «Совершенное согласие» на следующем собрании (Л. 10). Упоминание под 3/14 мая 1772 г. Владимира Игнатьевича Лукина (1737—1794), присутствовавшего на собраниях «Совершенного согласия» по поручению «своей ложи Муз» (Л. 34), делает очевидным не только существование «Муз» (также впоследствии известных под названиями «Трех Муз» и «Девяти Муз») по крайней мере с 1771 г., но также принадлежности к ней Лукина до основания ложи «Уrania» 25 сентября/7 октября 1772 г., чьим мастером он стал. В то же время отсутствие всякого упоминания Мелиссино не является загадочным. Вследствие вспыхнувшей войны против Турции Мелиссино отправился на юг и там основал в Яссах свою ложу «Марс», воздвигнутую 29 апреля/10 мая 1772 г.¹⁴ По заключении мира Мелиссино вернулся в Петербург, и «Скромность», по всей вероятности прервавшая свою деятельность в 1772 г., вернулась под его руководство и 28 декабря 1774/8 января 1775 г. получила жалованную грамоту от провинциального Великого мастера Елагина, но так и не вошла в Гравированные перечни (Engraved Lists) английской Великой ложи.

Появление Елагина как «новой силы» русского масонства относится к годам после его назначения директором Императорских театров. Несомненно, актеры, музыканты и писатели, иноземные и русские, стали видными членами Елагинских лож, и в особенности совершенно не случайно названной ложи «Музы». Елагин, конечно, посещал английскую ложу в 1770—1771 гг., когда ее первым мастером был Джузеппе Бригонци (ум. 1789), знаменитый «машинист», создатель разработанных сценариев и сценического оборудования сначала для компании Локателли, с которой он в 1757 г. прибыл в Россию, а затем как раз для императорских театров. Именно в этот период Англия как хранилище масонского учения и мудрости возымела для Елагина великую важность, и в то же самое время Лондон мог утвердить его собственное главенствующее положение среди русских масонов. Как, возможно, было известно Елагину, он был не первым провинциальным Великим мастером России, утвержденным Лондоном. Протоколы лондонской Великой ложи упоминают избрание капитана Джона Филипса в качестве провинциального Великого мастера Германии и России 24 января 1731 г. и генерала Джеймса Кейта (Keith) в качестве провинциального Великого мастера России в 1740 г.¹⁵ Таким образом, Елагин стал третьим провинциальным Великим мастером, но первым россиянином на

¹⁴ В связи с этим в «Марс» входили на должностях первого и второго смотрителя генерал-майор Иван Иванович (Иоганн-Христиан) Петерсон (1732—1794), бывший в числе названных в 1756 г. Олсуфьевым масонов, и Семен Романович Воронцов, будущий прославленный русский посланник в Лондоне, где он снова примкнул к масонским кругам.

¹⁵ Gould R. F. *The History of Freemasonry, its Antiquities, Symbols, Constitutions, Customs, etc.* London, no date. Vol. 3. P. 214; Пыпин. С. 89—90.

этом посту. Его решение обратиться к Англии было связано, и даже ускорено, с двумя причинами. Он почти наверняка знал о желании «Совершенного согласия» просить устава у лондонской Великой ложи, но полагал, что назначение провинциальным Великим мастером даст ему главенство над английской ложей. В то же время он опасался противодействия со стороны барона Георга Рейхеля (1729—1791), бывшего гофмейстера герцога Брунсвикского, прибывшего в Петербург в 1770 г., чтобы занять высокий чин в Благородном кадетском корпусе. 3/14 марта 1771 г. Рейхель основал ложу под названием «Аполлон», следовавшую так называемой системе широкого наблюдения Циннендорфа. Иоганн Вильгельм Элленберг (1731—1782), более известный как фон Циннендорф, основал Великую франкмасонскую ложу Германии в Берлине в 1770 г. и стремился распространить свое главенство на Россию, хотя и старался не обидеть Елагина. Так, 15 октября Циннендорф сам писал Елагину, что «с целью укрепить, насколько возможно, дружбу и согласие между вашими братьями <...> я счел своею обязанностью сообщить вам об этом [об учреждении ложи Аполлона. — Э. К.] и особенно рекомендовать почтенного брата Рейхеля, а также и ложу вашему покровительству, доверию и благосклонности, так же как и всем вашим братьям в Петербурге».¹⁶ Это могло показаться знаком подчинения главенству Елагина, однако россиянин явно думал иначе. Во всяком случае, к тому времени он уже предпринял меры к упрочению своего положения.

Чтобы добиться своего назначения провинциальным Великим мастером России, он решил летом 1771 г. отправить в Лондон своего товарища — драматурга и брата по масонству Лукина, трудившегося вместе с ним в Кабинете ее величества. Хотя путешествие Лукина в Европу не имело никакой официальной цели (среди поручений от императрицы была доставка состоявшей с ней в переписке госпоже Бьельке (de Bielke) медали в память о победе графа Алексея Орлова над турками при Чесме¹⁷), поездка в Лондон, похоже, была предпринята лишь к пользе Елагина. 13/24 августа Елагин писал российскому посланнику в Лондоне, графу Алексею Семеновичу Мусину-Пушкину (1732—1817), тоже известному масону и англофилу, поручая ему Лукина и прося о всяческом содействии, но добавляя: «Какие же от меня ему поручены дела, он об них в надобном случае словесно донесет Вашему Высокородию».¹⁸ Вероятно, Лукин

¹⁶ Цитировано по-русски с французского оригинала: *Семека А.* Русское масонство в XVIII веке. С. 141.

¹⁷ Письмо от 29 августа/9 сентября 1771 // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1874. Вып. 13. С. 149.

¹⁸ Архив внешней политики России. Фонд «Сношения России с Англией». Оп. 36 / 1. Д. 296, л. 1. Мусин-Пушкин был известен как один из первых высокопоставленных сторонников строгого наблюдения, куда он был принят в 1765 г. в Германии. См.: *Пытин А. Н.* Русское масонство. С. 108—109.

прибыл в Лондон до конца года и отправился обратно в Россию в самом начале марта 1772 г., увозя с собой чрезвычайной важности диплом на должность провинциального Великого мастера на имя Елагина, подписанный герцогом Бофортом 26 февраля.¹⁹ При нем были также письма к Елагину и к мастеру «Совершенного согласия» Уильяму Гомму младшему (1728—1792), оба подготовленные и подписанные Великим секретарем Великой ложи, Джеймсом Хезелтайном (Heseltine, 1743—1804).

Недатированное письмо к Елагину (№ 2), как и впервые публикуемые здесь письма, представляет немалый интерес. В дополнение к диплому Елагина Лукина снабдили особым переплетенным экземпляром «Конституций древнего и досточтимого братства вольных и признанных каменщиков» Джеймса Андерсона в новом исправленном издании 1767 г. Обнародованная впервые в 1723 г., вскоре после основания Великой английской ложи, но впоследствии многожды переизданная и пересмотренная, книга была основным путеводителем по ранней истории масонства и по управлению ложей с соответствующими церемониями и ритуалами. Она являла также по существу рационалистический подход XVIII в. ко многим «таинствам» масонства и была во всех смыслах «библией» «Новых», как стали называть приверженцев Великой ложи. Именно эту книгу упоминает Хезелтайн в своем письме, о ней говорит: «кою в видах всякой возможной подлинности я удостоверил подписью моею, яко В. С. [Великого Секретаря. — Э. К.] и печатью общества». Этот экземпляр с собственноручными добавлениями Хезелтайна, датированный 29 февраля 1772 г., как и Елагинский диплом, хранится в РГАДА.²⁰ Лукин также получил множество таких печатных материалов, как списки лож и членов их правления. Однако именно «наблюдение всех наших обрядов и церемоний» в ходе посещений Лукиным различных лож в английской столице оказалось бесценным для Елагина для управления собственными ложами. Особенно знаменательны как в этом контексте, так и по своему обширному свидетельству о прениях вокруг степеней, присуждаемых Великой ложей, сведения, что Лукин также «в высочайшую степень Свода

¹⁹ Диплом, воспроизведенный в книге «Масонство в его прошлом и настоящем» (СПб., 1915. Т. 2. С. 65), хранится в РГАДА. Ф. 154. Оп. 3. Д. 209, л. 1.

²⁰ *Anderson J.* The Constitutions of the Ancient and Honourable Fraternity of Free and Accepted Masons Containing Their History, Charges, Regulation, & C. Collected and Digested, By Order of the Grand Lodge, from the Old Records, Faithful Traditions, and Lodge-Books, for the Use of the Lodges, carefully revised, continued, and enlarged by John Entick. A New Edition, with alterations and additions, by a Committee appointed by the Grand Lodge. London, 1767. По всеобщему масонскому летосчислению: 5767. Экземпляр хранится в РГАДА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 254. Л. 1—36. Имеется также микрофиша: IDC Publishers. Amsterdam. R-18877. Item 22. См. также: *Пекарский П. П.* Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 2—3 (в дальнейшем ссылки на эту работу даются сокращенно, с указанием имени автора и номера страницы).

Царского принят был, которая главной, или старшей, степенью является, известной или, по крайности, нами исполняемой».

В автобиографической записке, составленной в 1786 г., Елагин передает, как встреча с заезжим почтенным английским масоном (чьего имени он не называет и чью личность установить невозможно) убедила его, что «масонство есть наука; что оно редко кому открывается; что Англия никуда и ничего на письме касательно оно не дает; что таинство сие хранится в Лондоне, особой ложе, древнею называемой; что весьма малое число братьев, знающих сию ложу; что, наконец, весьма трудно узнать и войти в сию ложу, а тем труднее в ее таинства быть посвященну».²¹ Хотя Елагин не называет точного года этой важной встречи, ученые сходятся на том, что это было до посылки Лукина в Лондон, но такого согласия относительно отождествления ложи, «древнею называемой», нет. Если Семека понимал это как простую отсылку к Великой английской ложе, то Пыпин выделяет «Ложу Древности» («Lodge of Antiquity»), как была в 1770 г. переименована «Ложа святого Павла» («Lodge of St. Paul»), старейшая из четырех первых лож, объединившихся в 1717 г. в Великую английскую. Вернадский, напротив, видел в этом свидетельство отхода Елагина от Великой английской ложи, от «Новых» к «Древним».²²

Часто предполагается, что «Новые» работали только в первых трех степенях франкмасонства, так называемых степенях святого Иоанна — ученика (подмастерья, apprentice), товарища (fellow craftsman) и мастера (master), как это описывается в «Конституциях» Андерсона. Однако так называемая четвертая степень «Свода Царского» («Королевской арки», «Царственного свода», «Royal Arch») часто присваивалась внутри английской Великой ложи «согласно древним уставам», составленным в 1751 г. некоторым числом масонов, преимущественно ирландских, полагавших, что «Новые» предают верования и порядки истинного старинного масонства. Их ответом на труд Андерсона было сочинение их Великого секретаря, позднее Представительствующего Великого мастера, Лоренса Дермотта «Ahiman Rezon» («Ахиман Резон»), впервые обнародованное в 1756 г. и придавшее должную известность самым мистическим аспектам масонских исканий.

Хотя официальное отношение английской Великой ложи к степени Королевской арки было неодобрительным, работавшие в ней «новые» решили в 1760-е гг. создать сообщество, чтобы поощрять ее, управлять ею и над ней надзирать. 22 июля 1766 г. был основан

²¹ Новые материалы для истории масонства. Записка И. П. Елагина «Повесть о себе самом» // Русский архив. 1864. СПб., 1866. Стлб. 103.

²² Семека. С. 140; Пыпин А. Н. Русское масонство. С. 142—143. Вернадский Г. В. Русское масонство... С. 31—32; Faggionato R. A Rosicrucian Utopia in Eighteenth-Century Russia: The Masonic Circle of N. I. Novikov. Dordrecht, 2005. P. 16—19.

Великий и королевский капитул Иерусалимский Королевской арки («Grand and Royal Arch Chapter of the Royal Arch of Jerusalem»); среди братьев или товарищей, как они позднее стали себя называть, присутствовавших на этом событии, были тогдашний Великий мастер «новых» Кадвалладер, лорд Блейни (Cadwalader, Lord Blayney, 1720—1775) и Джеймс Хезелтайн. Блейни был выбран Первым Великим принципалом Капитула, этот чин впоследствии некоторое время занимал Хезелтайн в свою бытность Великим секретарем Великой ложи (1769—1784).²³ Создание Великого капитула встретило смешанный прием среди глав Великой ложи, но он процветал, и многие ведущие масоны «прошли под аркой» на его заседаниях, включая последующих Великих мастеров Великой ложи. Таких выдающихся иноземных масонов, как герцог Мекленбургский, от случая к случаю приглашали присоединиться к Ордену; и то, что Лукин оказался в их числе, было со стороны Хезелтайна знаком почтения к нему как к личности или как к представителю нового провинциального Великого мастера Елагина.²⁴ И именно через Лукина Елагина впоследствии посвятили в таинства Свода Царского (Королевской арки).²⁵

Первое письмо Хезелтайна также отражает обеспокоенность Елагина угрозой его власти со стороны Рейхеля—Циннендорфа. Лукин уведомил Хезелтайна, что Рейхель потребовал назначения провинциальным Великим мастером России от Циннендорфа, чья власть происходила от провинциального Великого мастера Швеции, графа К. Ф. Шеффера. Шеффер получил свое назначение в 1770 г. от английской Великой ложи, но, как подчеркивал Хезелтайн, только для Швеции и «ни малейшего права в иные народы мешаться не имеет». Лукин получил разъяснительное письмо для передачи Шефферу. Хезелтайн также заподозрил, что вся инициатива исходит от Циннендорфа, и потому написал в Королевскую Йоркскую ложу «от нас в Берлине действующую», дабы исправить положение.

События, последовавшие за возвращением Лукина в Петербург, живо отражены в книге протоколов «Совершенного согласия», хранящейся в Доме вольных каменщиков (Freemasons' Hall) в Лондоне.²⁶

²³ См.: *Hewitt A. R. The Supreme Grand Chapter of England: A Brief History from Lord Blayney to the Duke of Sussex // Grand Lodge 1717—1967 / Ed. by A. S. Frere. Oxford, 1967. P. 280—285.*

²⁴ Во время своей службы морским офицером в 1770-е гг. Николай Семенович Мордвинов также «прошел под сводом». См. его письма 1778 г. к русскому армейскому священнику в Лондоне: ПД. Ф. 620. Архив А. А. Самборского. № 127. Л. 1 об., 4 об.

²⁵ Среди принадлежавших Елагину рукописей как раз есть недатированная записная книжка в пол-листа, озаглавленная: «Степень 4, называемая Royal Arch., то есть Царския архитектуры (Прием оного следующим образом делается: все к сему надлежащие братья)». См.: *Пекарский. С. 58.*

²⁶ Ссылки на «Поденные записки ложи Совершенного согласия в Санкт-Петербурге» даются в тексте с указанием листа.

Записи покрывают период от Иванова дня 13/24 июня 1771 по 23 июля/3 августа 1772 г. и, таким образом, начинаются до назначения Елагина и заканчиваются в момент смятения, неразберихи и пока несделанного выбора в дилемме, перед которой оказалось «Совершенное согласие». «Совершенное согласие» прервало свои заседания на летние месяцы, начав работу лишь со второго четверга октября и продолжив ее до Иванова дня, и этот факт означал, что лишь в октябре 1771 г. ложа официально получила свой устав, выданный за четыре с половиной месяца до этого в Лондоне. Последовало множество споров о том, насколько «Совершенное согласие» может следовать законам и правилам: некоторые из них казались «рассчитанными только на ложи лондонские» (Л. 5), и только 17/28 февраля 1772 г. «Совершенное согласие» отправило письмо герцогу Бофорту, Великому мастеру Англии, с извинениями за отсрочку в признании благополучного прибытия устава (№ 1). По занятному совпадению, это произошло буквально за день (по новому стилю) до того, как герцог Бофорт подписал диплом Елагина. Мирная жизнь английской ложи вскоре рухнула в результате посещения 3/14 мая недавно вернувшегося Лукина, принесшего письмо от Хезелтайна, датированное 29 февраля (№ 3), призывавшее «Совершенное согласие» подчиниться власти Елагина и описывавшее «1772 год, как эру сияния и достоинства масонского в России» (Л. 35). Члены «Совершенного согласия» негодовали и, принеся поздравления Елагину с назначением, единодушно решили «не иметь ни зависимости, ни переписки официальной по сему делу ни с кем, только с Великой ложей Лондонскою» (Л. 37—38). Ритор ложи, Себастьян де Вильер, французский купец, был отправлен с посланием к Елагину в его дом на Елагином острове. В общей сложности в момент сильнейшего кризиса в мае произошло шесть собраний ложи. Протоколы ложи содержат пылкую речь Вильера (№ 4), копию письма, отправленного в Великую ложу в Лондон (№ 5), гневный ответ Елагина «Совершенному согласию» (№ 6), обширные замечания ложи на его письмо, ее продуманный и холодный ответ Елагину (№ 7), а также личное письмо от Гомма к Елагину (№ 8). 30 мая/10 июня ложа приняла отчаянное решение отправить в Лондон копию ее текущих протоколов в поддержку прошения остаться истинной британской ложей. Вскоре после этого собрания Гомм и члены правления ложи адресовали герцогу Бофорту письмо (№ 9). Членам «Совершенного согласия» Елагину, Лукину и другим было неизвестно, что 4 мая барон Риттль, лорд Петри (Lord Robert Petre, Baron Writtle), был избран великим мастером и сменил на этом посту Бофорта.

Тактикой «Совершенного согласия» было пожелание Елагину создать новые и процветающие ложи в России и смотреть на него и его последователей как на истинных братьев, которых поэтому можно допускать в ее собрания, но не как на их мастера и главу. Естественно, Елагин был разгневан тем, что он считал пренебре-

жением к своему новоиспеченному высокому чину, и особенно такими сомнениями, выраженными «Совершенным согласием», как неуверенность в том, что послание за подписью Великого секретаря действительно передавало чувства самого Великого мастера (не самая убедительная уловка!). Елагин потребовал твердой приверженности от «Совершенного согласия»: «Признаюсь вам откровенно и как почти старившийся отец в нашем Ремесле Царском, что одно „нет“, никакого сомнения мне не оставляющее, было бы мне более приятно, чем страница слов ласкательных, мне братом ритором переданная» (Л. 47). В последнем абзаце своего ответа Елагин открыл, до какой степени он был обеспокоен Рейхелем и своими «frères égarés» («заблудшими братьями»), способными даже «nous nuire et nous salomnier» («вредить нам и на нас клеветать») (Л. 49). Членов «Совершенного согласия», как раз отвергших всякое общение с Рейхелем (Л. 58), не на шутку обидел тон и выражения елагинского письма, и их подробно изложенные возражения составляют несколько страниц книги протоколов (Л. 49—59). Тем временем Елагин постарался добиться от Великой английской ложи дальнейшего давления (№ 10). Он передал письмо из Лондона от 24 июня (нового стиля), текст которого, к сожалению, отсутствует как в книге протоколов, так и среди корреспонденции Великой ложи, публикуемой в приложении к этой статье. Можно заподозрить, что это был призыв к покорности от лорда Петри, новоиспеченного лондонского Великого мастера, но Гомм просто известил Елагина, что ложе предпочтительнее общаться с Лондоном непосредственно (№ 11). Масоны британской ложи увидели в новом провинциальном Великом мастере воплощение «пристрастного надзора деспотизма [столь] откровенного и общепризнанного» (Л. 71), и они полагали найти поддержку среди друзей-земляков своим требованиям фактической автономии внутри России. Но они ошибались: 28 октября 1772 г. Комитет благотворения (Committee of Charity) лондонской Великой ложи решил, что «Совершенное согласие» должно подчиниться власти Елагина.²⁷

Лично для Елагина в 1772 г. действительно открылась «эра масонского сияния и достоинства» в России. Вскоре он назначил членов собственной провинциальной Великой ложи и начал выпускать предписания своим первым ложам: «Музам», известным в качестве собственной ложи Елагина и собиравшейся в его доме на Елагином острове; «Урании», созданной членами «Муз», с Лукиным, избранным ее мастером; и «Беллоне», в которой преобладали офицеры императорской конной гвардии, — все три ложи находились в Петербурге, — но также «Марсу» Мелиссино в Яссах и «Клио» с масонами из военных, чиновников и профессуры Московского университета. 18/29 декабря 1773 г. Лукин сменил поэта В. И. Май-

²⁷ Gould R. F. History of Freemasonry... Vol. 3. P. 216. Note 1.

кова на посту провинциального Великого секретаря, и среди его первостепенных задач было ведение переписки с английской Великой ложей и уведомление ее об основанных Елагиным ложах. Так почти через два года после собственного отъезда из Лондона Лукин писал своему другу и коллеге, Великому секретарю Хезелтайну, сопроводя послания, отправленные Елагиным Великому мастеру лорду Петри в Лондон. К сожалению, письма Лукина и Елагина не сохранились, хотя бесценный список членов Великой провинциальной ложи и первых пяти елагинских лож руки Лукина дошел до нас и расположен в конце книги протоколов «Совершенного согласия».²⁸ Эти ложи, как должно, вошли в Гравированные перечни лондонской Великой ложи под номерами 566—570, и члены провинциальной Великой ложи появились во втором томе «Календаря вольных каменщиков» за 1777 г., уже не будучи к тому времени действительными.²⁹

Что-либо о письмах Елагина и Лукина можно узнать только из ответа Хезелтайна от 9 мая 1774 г. (№ 12—13). Так, например, известно, что эти письма были датированы 12/23 февраля 1774 г. и отвезены в Лондон Александром Бакстером, давним членом Русской компании, который 19/30 января 1773 г. был назначен первым русским генеральным консулом в Лондоне, но чьи масонские связи до настоящего времени были совершенно неизвестными.³⁰ Хезелтайн благодарит Елагина за список основанных им лож, теперь, «как должно, внесенных в книги наши». Список давал ясное представление об «истинно великом и скором умножении нашего общества в России». Хезелтайн также заверял Елагина, что тот был совершенно прав, позволяя членам правления провинциальной Великой ложи занимать должности мастеров и управителей в иных правильно создаваемых ложах, — как это следовало из списка.

Однако особый интерес представляет упоминание Хезелтайна о масонских делах в Германии и особенно упоминание Циннендорфа. Вследствие более раннего донесения Лукина о трудностях с Рейхелем и Циннендорфом (1771—1772) Хезелтайн направил письма в Берлин и Стокгольм, которые, похоже, возымели действие. Так, первой петербургской ложе Рейхеля «Аполлону», незадолго до этого вынужденной прекратить свою деятельность из-за денежных затруднений, было сообщено из Германии, что только Лондон может

²⁸ Эти перечни напечатаны в качестве приложения к статье: *Cross A. G. British Freemasons in Russia during the Reign of Catherine the Great // Oxford Slavonic Papers. 1971. № 4. P. 62—68.*

²⁹ *Lane J. Masonic Records, 1717—1894; Being Lists of All the Lodges at Home and Abroad Warranted by the Four Grand Lodges and «United Grand Lodge» of England / 2 ed. London, 1895. P. 191—192; Freemasons' Calendar for 1777. London, 1777. P. 38—39.*

³⁰ См.: *Cross A. G. Alexander Baxter, Russia's First Consul-General in London // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 2001. № 29. P. 14—21.*

давать уставы ложам. Заменявшую ее ложу «Гарпократ», основанную 15/26 мая 1773 г. князем Николаем Трубецким, в конце августа новый Великий мастер принц Гессен-Дармштадтский уведомил, что она должна просить устава от Елагина и из Лондона.³¹ Ответ Хезелтайна Елагину дает контекст для понимания позиции Германии. Принц Гессенский с другими масонами присоединился «для упрощения их власти как национальной Великой ложи к таким ограничениям и условиям, кои могли быть нам приятны», и как следствие образовался союз: принца Гессенского утвердили в качестве Великого мастера, «а господин Циннендорф, до того времени почитаемый нами за брата, весьма худо правил придерживавшегося, со всеми нашими предписаниями согласился и ныне является офицером под руководством князя Гессенского». Поэтому Елагину поручили начать «дружественную корреспонденцию» с Берлином.

Хотя имеется второе письмо от Лукина к Хезелтайну, не датированное, но, вероятно, конца 1775 г. (№ 14), о котором речь пойдет ниже, отсутствуют письма от Хезелтайна к Елагину и от Елагина к Хезелтайну до 23 марта / 3 апреля 1776 г., когда Елагин написал Хезелтайну (№ 15). За этим письмом последовал скорый ответ Хезелтайна (15 июня 1776) (№ 16). При этом прямых упоминаний о Рейхеле и его деятельности в Петербурге не имеется. Однако в эти годы Рейхель, не смущаясь неприятием его поведения в Германии, основал несколько новых лож: три в российской столице, одну в Ревеле и одну в Риге — все в 1774 г., и еще одну ложу в Москве в 1776 г. При этом попытка заручиться поддержкой шведской провинциальной Великой ложи для своих лож также провалилась, и Рейхелю пришлось подумать о союзе с Елагиним. Несмотря на отказ елагинских лож принимать на своих собраниях масонов из неуставных лож (напоминающий позицию «Совершенного согласия»), сам провинциальный Великий мастер все больше помышлял о неммыслимом. Его письма в Великую английскую ложу демонстрируют растущее недовольство получаемыми из Лондона малыми толиками светской учтивости и отсутствием всего, что вело бы его и его товарищей масонов по пути к тайнам вольных каменщиков. В своем августовском письме 1776 г. он сожалеет, что «мы не имеем никаких писаний о нашем труде, и каждый пункт исполняется на память». Лукин вернулся из своей поездки в Англию и «силится нам способствовать в должности своей по мере сил своих, мы все еще сие достаточным не находим». Затем он подчеркивает дальнейшую угрозу со стороны лож строгого наблюдения (*strict observation*), оказывавшихся соблазнительными «для немалого числа наших юных братьев».

Популярным оказывалось не только строгое наблюдение и рыцарский шведский ритуал. Вступивший в вольные каменщики около 1775 г. Николай Новиков привлекал внимание к особенно-

³¹ Семка А. Русское масонство в XVIII веке. С. 141—143.

стям нравственного учения лож, следовавших обряду Циннендорфа и личным призывам Рейхеля, в сравнении с которыми елагинская «английская система» трех степеней казалась недостаточной и лишенной действительного содержания.³² Своим союзом с Рейхелем Елагин надеялся объединить лучшее в обеих системах, усилив собственную власть. Письма 1776 г. к Великой ложе не дают никакого знака о возможности подобного союза, но 3/14 сентября 1776 г. Рейхель и Елагин подписали соглашение, давшее Елагину надзор над добрыми двадцатью ложами. В августе Елагин выразил Хезелтайну надежду, что «единство полное и порядок среди северных братьев воздвигнутся». Похоже, надежда его оправдалась, коль скоро 2/13 октября он писал к немецкой Великой ложе в Берлин, что «во всей России один пастырь и одно стадо».³³ И все же нарисованная им картина была скорее идиллической, нежели верной.

Еще до того как Елагин написал свое письмо в Берлин, возглавляемый им союз обнаружил свою непрочность. Собственные идейные искания снова заставили его обратиться к рассмотрению привлекательных высших степеней шведской системы, казавшихся неотразимыми для многих русских масонов. Хотя несколькими годами позже Елагин и писал, что «доныне (ок. 1786 г. — Э. К.) еще никто от меня ниже четвертой степени не восприял», он с самого начала работы в степени провинциального Великого мастера утвердил в подчиненных ему ложах практику трех степеней шотландского обряда, известных как степени Св. Андрея.³⁴ Известно также, что в 1773 г. Елагин обратился в шотландскую Великую ложу «за масонским знаком отличия» и, возможно, за просвещением в работе высших степеней. После совещания с Великой ложей Древних шотландцы согласились, но герцог Атолл (Atholl), бывший Великим мастером обеих Великих лож, выступил с запретом любых сношений, пока Елагин не отречется от уже существующего договора о преданности.³⁵ Можно также заметить, что даже «Совершенное согласие», гордившееся своим английским уставом, с самых первых дней было «неправильным» и практиковало «шотландские» степени. Ложа установила вступительные взносы при получении степени мастера шотландского, избранника (*élu*) и философа (Л. 7) и на день св. Андрея, 1/12 декабря 1771 г. собрала ложу мастеров

³² Лонгинов М. Н. Новиков и московские маринисты. СПб., 2000. С. 480—481.

³³ Семека А. Русское масонство в XVIII веке. С. 145.

³⁴ Историк английской Великой ложи заметил, что «Совершенное согласие» жаловало шотландские степени, и добавил, что елагинские ложи «были не более регулярными, жалую четыре „высшие“ степени, помимо внесения новшества в обряд ремесленных степеней». См.: *Milbourne A. J. B. Overseas Development and the Military Lodges // Grand Lodge. 1717—1967...* P. 233.

³⁵ *Gould R. F. History of Freemasonry...* Vol. 3. P. 216; *Clarke J. R. The Antient Grand Lodge, 1751—1796 // Grand Lodge. 1717—1967...* P. 101.

шотландских (Л. 13).³⁶ Эти факты могут означать, что до получения устава из Лондона «Совершенное согласие» и другие ложи, существовавшие около 1768—1772 гг., такие как «Скромность» и «Музы», работали в степенях берлинской ложи «Королевский Йорк» («Royal York»). Позднейшее обращение Елагина к шведам за письменными документами для работы в высших степенях шотландского обряда, в которых он и его новый союзник Рейхель признавали нужду, мог, однако, по всей вероятности, поощрять человек, названный Елагиным «единый из почтеннейших наших братьев (так. — Э. К.), мой совершенный друг, роду человеческому совершеннейший благодетель», граф Никита Панин (1718—1783), заместитель его как Велико-го мастера в новой провинциальной ложе и екатерининский министр иностранных дел, проводивший прошведскую политику.³⁷

30 сентября/11 октября 1776 г. князь Александр Борисович Куракин (1752—1818), родственник Панина, был отправлен в Стокгольм для объявления шведскому двору о скором браке цесаревича Павла Петровича с Софией Доротеей Виртембергской. Однако, подобно Лукину в 1771—1772 гг., Куракин также путешествовал по масонским делам с открытой рекомендацией от Елагина.³⁸ Он и его спутник, князь Гавриил Петрович Гагарин (1745—1807), были приняты в высшие степени строгого наблюдения, восстановившего свое первенство в Швеции при Великом мастере Карле, герцоге Зюдерманландском, и на своем обратном пути в Петербург весной 1777 г. они везли с собой документы, относящиеся к уставам лож и работы в новых степенях. Визит в Петербург короля Густава III, старшего брата герцога, летом того же года не только упрочивал русско-шведские отношения, но и содействовал укреплению Высшего капитула строгого храмового (тамплиерского) наблюдения.³⁹ Однако в действительности строгое наблюдение установилось в Петербурге помимо Елагина и помимо Рейхеля. Шведы надеялись, что Елагин и все ложи елагинско-рейхелевского союза примут шведский обряд, но на самом деле в России снова стали действовать по крайней мере две системы. Только к самому концу 1778 г. была официально

³⁶ Тем не менее занимательно, что член «Совершенного согласия» Джон Робинсон (1739—1805), ранее возведенный в степень шотландского мастера в одной французской ложе в Льеже, писал в своих «Доказательствах заговора против всех вероисповеданий и правительств европейских» (*Proofs of a Conspiracy against all the Religions and Governments of Europe, 1797*), что такая степень «в английской ложе не дается».

³⁷ Записка И. П. Елагина // Русский архив... Стлб. 94—95.

³⁸ См. русский перевод незавершенного французского письма из елагинско-го архива: *Пекарский П. П.* Дополнения к истории масонства в России. С. 60.

³⁹ Король, видимо, привез с собой другие документы, касавшиеся установления шведского капитула в России, и Елагин, кажется, мог внимательно прочесть именно их, прежде чем совершить какие-то действия. См.: *Вернадский Г. В.* Русское масонство... С. 40—41; *Пекарский П. П.* Дополнения к истории масонства в России. С. 60.

воздвигнута первая русская ложа «Феникс», следовавшая шведской системе. Следующей весной (7/18 мая 1779) Гагарин, принявший чин Великого мастера, получил свои полномочия от герцога Зюдерманландского, и через три недели была основана национальная Великая ложа под его наблюдением.

Прошло около трех лет, с тех пор как Куракин отправился в Швецию, и многое изменилось. Как впоследствии разъяснял Новиков в своих ответах Шешковскому,⁴⁰ Рейхель «крайне не любил» шведское масонство, и его «обманы» основных истин масонства осознал не только Новиков, но и Елагин. Елагину был предложен чин Великого мастера национальной ложи, он некоторое время колебался, потом отверг предложение, возможно зная о помыслах и двуличии Куракина.⁴¹ Его не на шутку прельщали возможности предлагаемой роли, среди его бумаг имеются его собственные переводы из привезенных Куракиным документов, вместе с перечнем ведущих лиц, которым были бы розданы три высшие степени в его ложах при новом порядке.⁴² Обольщение чинами и властью всегда было плохим подспорьем в его наивных поисках масонского просвещения. Его «Повесть о себе самом» — это в некотором роде позднейшая рационализация, равно как и хронологически сбивчивое изложение судьбоносных решений в его масонской жизни. Кажется, однако, ясным, что, отвергая шведское масонство, Елагин пытался оживить свою приверженность английской системе, чьи три основные степени св. Иоанна представляли «совершенное содержание всего учения нашего». Тем не менее, подчеркивая уже сказанное в своем письме к Хезелтайну, что лондонская Великая ложа «письменно ничего не сообщает» даже о работе в этих трех степенях, «при том и не воспрещает работу высоких степеней, какие кто из мастеров воспринять заблагорассудит». Это позволило ему трудиться в направлении создания собственной особой «ложи Екоской», чьих исключительных членов, мастеров существующих лож и всех уже принятых в четвертую степень, он стал бы наставлять в значении истинного масонства. «С ними хотел я по точности законов возобновить прежде провинциальную великую ложу и при ней восстановить *ложу Екоскую* и учредить *капитул рыцарский*».⁴³ Он решил оформить свое учение как череду «бесед»; этот труд остался незавершенным: среди причин он безошибочно указывает на приверженцев так называемой

⁴⁰ Лонгинов М. Н. Новиков и московские маринисты. С. 482.

⁴¹ См.: *Smith D. Working the Rough Stone: Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia.* DeKalb, 1999. P. 124, 214, note 138.

⁴² Пекарский П. П. Дополнения к истории масонства в России... С. 52—53; Вернадский Г. В. Русское масонство... С. 39—40.

⁴³ Записка И. П. Елагина // Русский архив. Стлб. 94. Сочинением, «открывшим» Елагину тайны вольных каменщиков, было «О заблуждениях и об истине» («Des erreurs et de la vérité», 1775) Сен-Мартена, важность которого он старался внушить Панину. См.: Там же. Стлб. 95—96.

им «системы Карлсбадской», чьи «пустосвятства» навлекли гнев как гражданских, так и духовных властей не только на «обольщенных», но и на всех масонов, вынудив самого Елагина прекратить его деятельность и распустить свои ложи.⁴⁴

Елагин намекал на политические мотивы, заставившие Екатерину принять меры против вольных каменщиков. Многие годы императрица была готова потакать масонскому рвению своего доверенного, Елагина, и, на первый взгляд, не особо волновалась его сближением с лондонской Великой ложей. Помимо собственно работы в степенях, многие виды деятельности лож, особенно функционировавших по елагинской системе, были открыты, имели положительную репутацию и вовлекали многих выдающихся лиц из дворянства и правительственной службы, как и уже посещавшийся ими Английский клуб.⁴⁵ Праздничные «пиршественные ложи» (table lodges) и музыкальные развлечения были отличием елагинских лож, особенно «Урании», мастер которой Лукин, вероятно, принимал участие во многих подобных мероприятиях в бытность свою в Лондоне.⁴⁶ Из переписки с Хезелтайном также становится ясно, что Елагин собирался построить особое здание для собраний провинциальной Великой ложи, соперничая с новым Домом вольных каменщиков (Freemasons' Hall) в Лондоне, постройка которого была закончена в 1776 г., и разузнавал о церемониях в связи с его посвящением и торжественным открытием.⁴⁷ Когда шведский король прибыл в российскую столицу летом 1777 г., его не только хорошо приняли при дворе, но и открыто чествовали масоны «Аполлона», ложи, отказавшейся присоединиться к елагинско-рейхелевскому союзу. Однако двумя годами позже отношение императрицы к шведам и вольным каменщикам стало меняться. Описывая франкмасонство в письме к Гримму 1779 г., как заблуждение, «чем занимается герой века»,⁴⁸ она обнародовала на следующий год свою «Тайну противонелепого общества (Antiabsurd), открытую не причастным оному»,

⁴⁴ Там же. Стлб. 96.

⁴⁵ Действительно, «Совершенное согласие», например, соперничало с Английским клубом в своих непринужденных увеселениях: на Иванов день 13/24 июня 1772 г. ложа устроила «Концерт с ужином и балом» для восьмидесяти гостей в так называемом Английском театре на Царицыном лугу, отданном Екатериной двумя годами ранее одной странствующей английской драматической труппе.

⁴⁶ Другое свидетельство см. в дневнике А. Я. Ильина: Из дневника масона 1775—1776 гг. (А. Я. Ильина) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1908. Т. 4. С. 1—15.

⁴⁷ Лукин писал в своем письме 1775 г. к Хезелтайну, что «мы строим дом и в будущем годе надеемся открыть его». См. также примечания к письмам 11 и 14.

⁴⁸ Письма Екатерины к барону Гримму // Русский архив. 1878. № 9—10. С. 61.

небольшой памфлет, осмеивающий орден.⁴⁹ Раздраженная претензиями шведов на высшую власть над русскими ложами, она начала действовать, дважды послав начальника полиции В. П. Лопухина на собрания в гагаринские ложи «для узнания и донесения ее величеству о переписке с герцогом Зюдерманландским».⁵⁰ Она также заподозрила, что шведы сменяют Павла Петровича на свою сторону через посредничество его ближайших друзей Куракина и Гагарина и его давнего наставника Панина. В 1781 г. Панин был смещен со своего поста министра иностранных дел и на короткий срок удален в его имение. В том же году Павел и его жена были вынуждены уехать в тур по Европе со свитой, включавшей Куракина. Тем временем Гагарин перебрался в Москву, где основал свою провинциальную Великую ложу, формально не зависевшую от шведов.

Вот на таком фоне можно рассматривать последние три письма из лондонского Дома вольных каменщиков. Они относятся к 20 декабря 1777 г., 29 июня 1779-го и 28 апреля 1780 г. (№ 18—20) и направлены Хезелтайном Елагину. При этом все они явно отсылают к письмам Елагина, относящимся к 13/24 мая и 24 октября/4 ноября 1777, 1778 (без даты) и 1/12 января 1780 г. и, к сожалению, не сохранившимся. Еще два письма от Хезелтайна к Елагину 1777 г. и от 25 июня 1778 г., кажется, так и не дошли до России. Ясно, что, несмотря на заигрывания со шведским обрядом, Елагин никоим образом не забывал про Лондон. Он все еще страстно желал получать все последние труды по масонству: после запроса на «Изъяснения масонства» («Illustrations of Masonry», 1772) Уильяма Престона он попросил еще три (не названных) сочинения в 1778 г., весьма вероятно включавших другой образцовый труд об английских вольных каменщиках — «Дух масонства» Уильяма Хатчинсона («Spirit of Freemasonry», 1775).⁵¹ Лорд Петри и Джеймс Хезелтайн были среди высокопоставленных членов правления Великой ложи, одобрявших оборудование работы Хатчинсона, где говорилось, что «из всех искусств, коими каменщики занимаются, искусство хранения тайны особенно их отличает. Скрытность — доказательство мудрости, и особую важность имеет в различных делах жизненных», что

⁴⁹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. М., 1962. Т. I. А—И. С. 338. № 2188. Имеются также французский и немецкий переводы. Фаджонато полагает, что Елагин сам помогал императрице писать его. См.: *Faggionato R. A Rosicrucian Utopia in Eighteenth-Century Russia...* P. 24.

⁵⁰ См.: Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй / Изд. Г. Н. Геннади. М., 1862. С. 268.

⁵¹ Русский перевод этого труда с немецкого перевода был одной из первых книг, напечатанных в тайной масонской типографии в Москве, и оказался среди книг, изъятых в 1793 году: Дух масонства. Нравоучительные истолковательные речи Вильгельма Гучинсона. М., 1783. См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. М., 1962. Т. 3. Р—Я. С. 327—328. № 7944.

Елагин мог понять лишь как предупреждение, что желанные тайны «письменно» он не получит.⁵² Хезелтайн, получивший ближе к концу 1777 г. пару «изящных пистолей» от Елагина через посредничество Бакстера, со своей стороны тоже был настроен поддерживать хорошие отношения с Россией. Однако если он мог написать в приятном расположении духа в июне 1779 г., что Лондон «особливо счастливым уведомление получить, что мир и согласие братства народными распрями и треволнениями не прерывается», то, когда он наконец получил письмо от Елагина в самом начале 1780 г., ему пришлось сменить тон. Теперь ему представился случай «сожалеть о великих переменах в состоянии вольных каменщиков империи Российской чрез тщеславие и нововведения отдельных лиц, новизной и безделками прельщенных, тогда как Великая ложа всемерно вашего сиятельства упорство в истинном масонстве одобряет». Письмо заканчивается пожеланием «продолжения корреспонденции нашей и дружества», но у нас нет никаких свидетельств о продолжившемся обмене письмами. Хезелтайн оставил пост Великого секретаря в 1784 г., пробыв в этом чине четырнадцать лет, а затем в 1785 г. пожизненно занял место Великого казначея. Чин Великого мастера перешел в 1782 г. герцогу Кемберлендскому (Duke of Cumberland), первому из трех «принцев крови», один за другим наследовавших это место. Вероятно, переписка с Россией уже не стояла в списке первостепенных дел. Елагин, возглавивший второй елагинский союз в 1786 г. после почти двухлетней бездеятельности, продолжал быть, по крайней мере номинально, «английским» масоном вплоть до своей смерти в 1793 г., за какие-то десять месяцев до кончины Лукина, другого звена в англо-русской масонской цепи. Таким образом, оба еще слышали о шагах против Новикова и московских «мартинистов», но уже не стали свидетелями окончательного разгона масонских лож в 1794 г.

Переписка с Великой ложей не в последнюю очередь занимательна тем, что проливает свет на деятельность и характер Лукина, относительно которого ученые, похоже, согласны только в том, что мы о нем очень мало знаем.⁵³ Объявленный новым американским ученым «креатурой Елагина»,⁵⁴ но охарактеризованный более ши-

⁵² *Hutchinson W.* The Spirit of Masonry. New ed. London, 1848. P. 313.

⁵³ См., например, наиболее позднюю работу: *Faggionato R.* A Rosicrucian Utopia in Eighteenth-Centure Russia... P. 39, note 47. Самый ранний и самый полный обзор литературного поприща Лукина: *Пыпин А. Н.* В. И. Лукин // Сочинения и переводы Владимира Игнатьевича Лукина и Богдана Егоровича Ельчанинова. СПб., 1868. С. 1—71. См. также: *Степанов В. П.* Лукин Владимир Игнатьевич // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Т. 2. К—П. С. 236—240. Любопытно, что ни Елагин, ни Лукин не упоминаются в книге: *Early Modern Russian Writers, Late Seventeenth and Eighteenth Centuries / Ed. by Marcus C. Levitt.* Detroit, Washington D.C. and London, 1995.

⁵⁴ *Smith D.* Working the Rough Stone... P. 26.

роко Вернадским как его «правая рука»,⁵⁵ Лукин — человек, над которым в 1760-е гг. много потешались русские литераторы, включая Новикова, за его работу в качестве переводчика и особенно драматурга. Он, вместе с Елагиным и Б. Е. Ельчаниновым, а еще раньше и с Фонвизинным (который впоследствии очень враждебно к нему относился), взялся придать русскому театру более «русский» характер, но, однако, делал это, приспособлявая к отечественным нравам иноземные оригиналы, которые казались вне пределов творческой досягаемости для коренных россиян. С одной стороны, «склонение на русские нравы» иностранных пьес в елагинском кружке, выразителем теоретических воззрений которого в предисловиях к опубликованным в 1765 г. пьесам стал Лукин, может показаться характерным для общей направленности первых десятилетий екатерининского царствования, выражавшейся в нескончаемом физическом и интеллектуальном приноравливании к иноземщине. Возможно, и франкмасонство можно рассматривать в том же свете. Конечно, Елагин и Лукин, с его знанием из первых рук работы лондонских лож, постарались привнести в Россию лучшее из английской системы.

Значение Лукина для истории русского масонства с 1770-х гг. серьезно недооценивалось. В этом отношении он походит на Джеймса Хезелтайна, на которого он, очевидно, произвел большое впечатление и чьим прямым эквивалентом в русском масонстве стал, когда получил звание Великого секретаря провинциальной Великой ложи 18/29 декабря 1773 г. Конечно, Лукин на протяжении своей карьеры был в тени Елагина, который так много сделал для его продвижения по государственной службе и среди вольных каменщиков, за это одолжение Лукин платил искренней признательностью. Елагину Лукин посвятил свои «Сочинения и переводы» (СПб., 1765), включавшие не только признание автора в бедности, но и указание на сочувствие к «беднякам», приведшее его к масонству и филантропической деятельности: «До сего времени по неимуществу моему и тем людям, кои меня беднее, иные помощи, кроме искреннего о них сожаления и нелицемерного о достоинствах их отзыва, подавать не могу».⁵⁶ Если современники Лукина, и прежде всего Фонвизин, обращали внимание на его низкое происхождение и отсутствие литературного дарования, то Хезелтайн признал в нем родственную душу. В единственном сохранившемся письме к Лукину он упоминает дружеские визиты россиянина в «Королевскую Сомерсетскую ложу» (Royal Somerset Lodge), одну из первоначальных четырех лож, составивших Вели-

⁵⁵ Вернадский Г. В. Русское масонство. С. 17.

⁵⁶ Цитировано Пыпином лишь затем, чтобы показать бедность Лукина (Пытин. С. 4; Степанов В. П. Лукин Владимир Владимирович // Словарь русских писателей XVIII века. Т. 2. С. 236).

кую ложу в 1713 г.⁵⁷ Это была также собственная ложа Хезелтайна, именно там Лукин мог и «пройти под аркой». Занимательно также, что когда весной 1774 г. Иван Васильевич Разнотовский, член ложи Лукина «Урания», отправился в Англию, он вез с собой рекомендательное письмо именно в «Королевскую Сомерсетскую ложу».⁵⁸

Хезелтайн и Лукин переписывались на английском языке; ни один биограф Лукина не подозревал, что он им владел. Перед приездом в Англию он должен был обучиться по крайней мере азам, но ему, должно быть, пришлось немало потрудиться над языком во время нескольких недель пребывания в английской столице, чтобы понимать то, что он слышал и читал. Как и следовало ожидать, его письмо к Хезелтайну изобилует различными орфографическими и грамматическими ошибками, но также очевидно, что в общении с Лондоном Елагин полагался на его помощь. В письме от 23 марта/3 апреля Елагина к Хезелтайну, также руки Лукина, он добавил личную приписку, выражающую его собственные теплые чувства к Великому секретарю. Это последнее письмо, в котором Лукин назывался или принимал участие. Следующее письмо Елагина от августа 1776 г. (единственное сохранившееся) писарской руки, а в позднейших письмах Хезелтайна к российскому провинциальному Великому мастеру нет никаких упоминаний Лукина.

Наконец, письмо Лукина важно с биографической точки зрения. Недатированное, но, вероятно, написанное летом 1775 г., оно содержит упоминания о событиях прошедшего года: за смертью жены Лукина Пелагеи 24 января/4 февраля последовала кончина его «единственного брата». Согласно мнению Лонгинова, что у Лукина был брат Игнатий Игнатьевич, состоявший масоном в петербургской ложе Лукина, а затем переехавший в Москву, где он умер 8/9 марта 1775 г., и согласно примечаниям к изданию сочинений Лукина и Ельчанинова 1868 г., где мы читаем: «...есть указание, что у Лукина была сестра и брат Федор», общепризнанно, что у Лукина было два брата.⁵⁹ Позднее Степанов писал об обоих его братьях Игнати и Федоре («умер до 1776»), в чьем доме и с чьей вдовой Лукин и его две дочери впоследствии жили.⁶⁰ Свидетельство, кажется, заставляет думать, что единственным братом Лукина был скорее Игнатий, товарищ по масонству и член Английского клуба, чем Федор.

Наконец, чтобы завершить линию англо-русского круга, остается спросить, что же происходило с «Совершенным согласием» в тече-

⁵⁷ См.: *Arnold Whitaker Oxford*. No. 4: An Introduction to the History of the Royal Somerset House and Inverness Lodge Acting By Immemorial Constitution (London, 1928). О Хезелтайне см.: *Ibid.* P. 259. Note 6.

⁵⁸ *Вернадский Г. В.* Русское масонство... С. 19. Сноска 5.

⁵⁹ *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские маринисты. С. 113; *Лукин В. И.* Сочинения и переводы... С. 508.

⁶⁰ *Степанов В. П.* Лукин Владимир Игнатьевич // *Словарь русских писателей XVIII века*. Т. 2. С. 236.

ние этих многолетних столкновений между «северными братьями». Хотя в сохранившейся переписке между Елагиным и лондонской Великой ложей после лета 1772 г. не имеется никаких упоминаний о «Совершенном согласии», ясно, что оно тоже присоединилось к «стаду». Однако в мае 1774 г. у него не было выхода: запись в протоколе лукинской ложи «Урания» от 10/21 мая указывает, что есть «собирающиеся некоторые аглинские братья, о которых известно, что не имеют они больше от матери нашей аглинской ложи конституции».⁶¹ Ее подчинение, вероятно, произошло вместе с избранием новых членов правления на Иванов день 1774 г., когда Гомма, чьи коммерческие дела шли все хуже и хуже, сменил в чине мастера Джон Кейли (ум. 1795), прежде исполнявший обязанности старшего стюарда.⁶² Вскоре после этого члены английской ложи, включая Джеймса Гарднера, основателя петербургского Английского клуба, уже посещали елагинские ложи, особенно «Уранию», где в 1780-е гг. англичане пользовались в качестве второго языка немецким.⁶³ Имя самого Кейли как мастера «Совершенного согласия» было включено Елагиным в его перечень масонов, назначенных к высшим «шотландским» степеням в 1776 г.⁶⁴ Летом 1777 г. князь Куракин описывал ложу как «одну из лучше всего устроенных здесь (в Петербурге. — Э. К.), одну из самых здоровых, и чьи члены все уважения достойны и могут составить честь ордену».⁶⁵ Он тщетно надеялся через посредничество купца Дитриха Егера (Jäger),⁶⁶ ранее бывшего его младшим стюардом, убедить «Совершенное согласие» принять главенство шведов. «Совершенное согласие», с большим трудом подчинившееся главенству Елагина, вряд ли потерпело дальнейшее подчинение иноземцам. По всей вероятности, ложа осталась верной Елагину и «английской системе» по крайней мере до тех пор, пока он не закрыл своих лож в 1784 г., хотя известно, что, например, «Урания» продолжала работать, несмотря ни на что. Она могла даже существовать вплоть до закрытия всех лож десятилетием позже, но свидетельств этому у нас нет.

Перевод с английского А. О. Дёмина

⁶¹ Вернадский Г. В. Русское масонство... С. 19—20. Сноска 7.

⁶² О деловых карьерах Гомма и Кейли см.: Cross A. By the Banks of the Neva. P. 74—79 (Гомм), 63—64, 84—87 (Кейли). Русский перевод: Кросс Э. Британцы в Петербурге. С. 88—93 (Гомм); 76—77, 97—101 (Кейли).

⁶³ Вернадский Г. В. Русское масонство... С. 21. Сноска 1; С. 200. Сноски 4, 12.

⁶⁴ Пекарский П. П. Дополнения к истории масонства в России... С. 52.

⁶⁵ ЦХИДК. Ф. 1412. Оп. 1. Д. 5300. Л. 10. Приведено в книге: Smith D. Working the Rough Stone... P. 97.

⁶⁶ Егер, кстати, вскоре умер, и его кончина была оплакана в речи, произнесенной в ложе «Скромность» 4/15 ноября 1777 г. См.: Пытин А. Н. Русское масонство. С. 129—130. Сноска 1.

Воспроизводимая здесь корреспонденция состоит из десяти отдельных писем, копии и оригиналы которых хранятся в архивах Объединенной Великой ложи Англии в Лондоне, и еще девяти писем и торжественной речи, копии которых были включены в книгу протоколов ложи «Совершенное согласие» и которые хранятся в тех же архивах.

Семь из двадцати нижеследующих документов написаны по-французски. Правписание всех публикуемых документов сохранено без изменений. Сохранены знаки □ и ◻, заменявшие в масонской переписке слова «ложа» (lodge, loge) и «ложи» (lodges, loges). Для писем из книги протоколов указывается пагинация. События и лица, освещенные в предваряющей статье, в сносках не комментируются.

Все документы публикуются с позволения лондонской Объединенной Великой ложи Англии. Я весьма благодарен управляющему контактами господину Дж. Хэмиллу (Hamill) и библиотекарю господину М. Черри (Cherry) за их содействие.

№ 1

Уильям Гомм младший, мастер Совершенного согласия, и другие должностные лица Великому мастеру Великой ложи Англии герцогу Бофорту С.-Петербург, 17/28 февраля 1772 (F. 25—26)

My Lord!

The necessary and indispensable Occupations of the greater part of the members of our Lodge of perfect Union during the Summer Season, having prevented their attending their monthly Meetings, has obliged us to defer forming ourselves in Consequence of the Constitution received from your Grace, dated the [missing] of [missing] last. Nor have we been able, till now, to return our Thanks for the Favour conferred upon us, in a proper Manner.

The respective Signatures to this Letter will inform your Grace of our proceedings last at St. John's Day, being a compleat List of the new Officers, chosen in our said Lodge of perfect Union, and at the ensuing Feast of St. John, we shall not fail, to transmit a Copy of our Bye-Laws, a List of all our Members, & a faithful Detail of our further Proceedings; also to remit the requisite towards the charitable Contributions.

In the mean while we beg Leave to assure Your Grace, that we are highly flattered with the Sense of the honourable Connexions we are thus initiated into through your Grace's Favor, and, with a true & perfect Zeal for our Profession, and with the greatest Respect & Veneration for Your Grace's Person, we desire to subscribe ourselves

My Lord!

Your Grace's most obedient and most humble Servants

Перевод:

Государь мой!

Необходимые и неотложные занятия большинства членов ложи нашей Совершенного согласия в продолжение летнего времени, прилежанию их к ежемесячным собраниям нашим препятствовавшие, замедлить нас понудили надлежащим ответом на уставы, полученные от милости Вашей [пропуск] сего [пропуск]. Также не успели мы доныне должным образом благодарение воздать за благорасположение, нам оказанное.

Под письмом сим подписи уведомят милость Вашу о трудах наших на прошедший Иванов день, ибо они суть полный перечень новых лиц, в должности их в нашу сказанную ложу Совершенного согласия избранных. На следующее празднество Святого Иоанна мы неукоснительно перешлем Вам копию внутренних наших установлений, перечень всех членов наших и верные подробности дальнейших наших трудов; а сверх того все необходимое направим для взносов на благотворение.

Засим заверить дерзаем Вашу милость, что мы весьма польщены ощущением связей почетных, в кои благорасположением милости Вашей введены, и со рвением истинным и совершенным к занятиям нашим и с величайшим почтением и обожанием Вашей милости лично, числить себя жаждем,

Государь мой!

Вашей милости всепокорнейшими и всенижайшими слугами

Государь мой! — Генри, пятый герцог Бофорт (1744—1803) был Великим мастером с 1767 по 1771 г.

...всенижайшими слугами. — Помимо Гомма офицерами ложи в 1771—1772 гг. были граф Иван Головкин (старший хранитель), Дирк Егер (младший хранитель), Джон Кейли (старший страж), Самуил Суоллоу (младший страж), Франсуа ван Зантен (секретарь), Джузеппе Бригонци (Мастер церемоний), Тимоти Райкз (казначей) и Себастьян де Вильер (ритор).

№ 2

Джеймс Хезелтайн И. П. Елагину

[Лондон, 29 февраля 1772 г.]

To His Excellency John Yelaguin && P. G. M. of the most Ancient & Honble Society of Free & Accepted Masons for all the Russias under the Authority of His Grace the Duke of Beaufort supreme G. M. for that Order

Rt Worshipful & most Respected Brother

I esteem it a peculiar happiness that during my ministry in the Office of Grand Secry my Brethren of Russia are become a part of our

Body; and it is with the utmost Satisfaction I have now the honour of commencing a correspondence with and of saluting you as P. G. M. of that Empire.

I have it in command from our most Noble G. M. the Duke of Beaufort, & the Honble Chas Dillon his deputy to assure you that yr application to be united with them in promoting and extending the laudable and humane principles of the Masonic Institution afforded them the highest satisfaction and that was with pleasure they immediately assented to the proposed Union, which is now confirmed by the Patent herewith transmitted.

But though I rejoice in this opportunity of transmitting those dispatches, yet so far as it tends to deprive me of the happiness I have experienced in the Friendship of my much esteemed Bro Louquin, I am truly sorry.

Bro Louquin has been admitted to the inspection of all our Forms and Ceremonies as well in the G. L. as in different private Lodges which he assures me are conformable to your Works, except that there is some little difference in the manner of ornamenting & decorating the Lodges, but those are entirely discretional.

He has also been received into the sublime degree of the Royal Arch, which is the chief or superior degree known to or at least practised by Us.

He is furnished with a Book containing the Laws and Regulations of the Order as they stand at present, and in order to give it every possible authenticity I have certified the same under my Signature as G. S. and the Public Seal of the Society.

He is also possessed of sundry Copies or Lists of all the Regular Lodges acting under our authority, with the Names of the G. Os and of the several P. G. Ms.

In short every information that could be communicated during his short residence here hath been communicated.

Br Louquin has informed me that there is already a person of the Name of Riechel appointed P.G.M. for Russia and that he acts under an authority granted him by one Zinnindorff of Berlin which Zinnindorff is authorized by the P. G. M. of Sweden. The Count De Schoffor is P. G. M. for Sweden his authority he received from the Duke of Beaufort but such authority is confined to Sweden only consequently he has not the least to interfere in any other Nation. Br Louquin is charged with a Letter to the Count De Schoffor and a Copy of the Patent in order to have the affair explained but I am inclined to believe the whole an imposition formed by Zinnindorff and have in consequence thereof wrote likewise to the Royal York Lodge acting under Us at Berlin.

Br Louquin is acquainted with every thing & therefore it would be unnecessary to add more than to assure you that I shall be on all occasions happy to evince that I am with truth & sincerity.

Yours &c

Перевод:

Его превосходительству Ивану Елагину, провинциальному Великому мастеру старейшего и почтеннейшего общества вольных и признанных каменщиков для всех областей Российских, у Его милости герцога Бофортского, верховного Великого мастера ордена сего, в подчинении находящихся.

Достопочтенный и глубокоуважаемый брат,

Особенным счастьем почитаю, что во время службы моей в чине Великого секретаря братья мои российские частью общества нашего стали; и с величайшим удовлетворением имею ныне честь начать корреспонденцию с Вами, приветствуя Вас как провинциального Великого мастера царства сего.

От Великого мастера нашего герцога Бофортского и почтенного заместителя его Чарльза Диллона поручено мне заверить Вас, что просьба Ваша о союзе с ними в деле поощрения и распространения похвальных и человеческих оснований учреждения каменщицкого им высочайшее удовлетворение доставила, что они с наслаждением немедленно предложенный союз одобрили, каковой прилагаемым к сему дипломом подтверждается.

Однако хотя и веселюсь я случаем отправки посланий сих, но, поскольку это лишает меня счастья, мною испытанного в дружбе с весьма почитаемым мною братом Лукиным, истинно печалюсь.

Брат Лукин к надзору всех наших обрядов и церемоний допущен был как в Великой ложе, так и в различных частных ложах, о коих он меня заверяет, что они вашим трудам соответствуют, исключая некоторые мелкие различия в способе убранства и украшения лож, но сие целиком на собственное усмотрение предоставлено.

Он также в высочайшую степень Свода Царственного принят был, которая главною, или старшею, степеню является, известною или, по крайности, нами исполняемою.

Он книгою снабжен, законы и уставы ордена содержащую, каковы они суть ныне, и в видах придания им всевозможной подлинности я удостоверил то же самое подписью моею как Великого секретаря и общества официальною печатью.

Он также обладает различными копиями списков всех регулярных лож, под нашим управлением действующих, с именами Великих офицеров и некоторых Великих мастеров провинциальных.

В кратких словах, все сведения, кои могли быть сообщены во время его краткого пребывания здесь, были сообщены.

Брат Лукин известил меня, что уже имеется лицо по имени Рейхель, провинциальным Великим мастером России назначенное, и что действует оно властью, ему неким Циннендорфом из Берлина данную, оный же Циннендорф уполномочен провинциальным Великим мастером шведским. Граф Шоффорский есть провинци-

альный Великий мастер шведский, полномочия его получены от герцога Бофортского, но таковые полномочия одною Швециею ограничиваются; следовательно, он ни малейшего права в иные народы мешаться не имеет. Брат Лукин снабжен письмом к графу Шоффорскому и копией диплома для объяснения дела, но я склонен верить, что все сие есть обман, Циннендорфом устроенный, и потому также написал о том в ложу Йорка Монаршего, под управлением нашим в Берлине действующую.

Брат Лукин со всем ознакомлен и потому в добавлениях не было бы нужды, кроме того, что я в любом случае счастлив доказать буду, что я воистину и искренне

Ваш и т. д.

...Чарльза Диллона... — Достопочтенный Чарльз Диллон (1745—1813), член парламента от Вестбьюри в 1770—1774 гг., был Великим мастером-заместителем с 1768 по 1774 г.

№ 3

Хезелтайн к Гомму

Лондон, 29 февраля 1772 (F. 34—35)

Right Worshipful Master!

I beg leave to acquaint you that his Excell. Mr Yelagin of St. Petersburg is now appointed Provincial Grand Master of all the Russias under the authority of our Grand Master, I flatter myself this Intimation will be sufficient to induce you to acknowledge His Authority, and to pay proper Respect to him as the National Head of the Order, & I doubt not but his Zeal for the Honour of the Society, in conjunction with your fraternal Assistance, & concurrence, will mark the Year 1772 as the Aera of Masonick Splendor and Dignity in Russia. Be pleased to communicate the Contents of this Letter to your Brethren of the Perfect Union, to whom in general I beg my respectful Compliments, but particularly to Brother Fisher, whom I had the Pleasure of seeing last Summer in London, & believe me to be with the greatest Esteem

R. W. Master

Your most obedient Servant & affectionate Brother

Перевод:

Достопочтенный мастер!

Прошу позволения известить Вас, что его превосходительство господин Елагин из Санкт-Петербурга ныне назначен провинциальным Великим мастером всех областей Российских под властью нашего Великого мастера, лъщу себя надеждою, что известия сего

достаточно будет для побуждения Вас к признанию его полномочий и свидетельствованию ему должного почтения как национальному главе ордена, и не сомневаюсь, что рвение его к чести общества в союзе с вашим братским содействием и вспомоществованием 1772 год зрю масонского сияния и достоинства в России ознаменует. Имейте удовольствие сообщить содержание письма сего братьям Вашим из Совершенного согласия, которым прошу передать купно мои почтительные наилучшие пожелания, а в особенности брату Фишеру, которого я имел удовольствие видеть прошлым летом в Лондоне, и уверяю Вас, что остаюсь с величайшим уважением,

Достопочтенный мастер,

Вашим всепокорнейшим слугою и любящим братом.

...брату Фишеру... — Александр Фишер упоминается в книге протоколов как посетитель ложи Подмастерьев 8/19 1772 г. Кажется вероятным, что это бывший актер-директор недолго просуществовавшего Английского театра в российской столице (1770—1774). См.: *Cross A. By the Banks of the Neva. P. 36—38; Кросс Э. Британцы в Петербурге. С. 50—51.*

№ 4

Обращение ритора ложи Совершенного согласия Себастьяна де Вильера к Елагину

С.-Петербург, 8 / 19 мая 1772 года (F. 39—41)

Très Vénérable G. M. Provincial!

Nous avons appris par une Lettre de la Loge Grand Maître à Nôtre Vble que le Grand Maître vous a nommé Son G. M. Provincial, avec le Pouvoir de fonder des Loges en Russie. Quoi qu'aucune des Expressions de la Lettre n'indique que cette Intimation vienne de la part du Grand Maître lui-même, ou du Deputé G. M., et qu'elle eut pu aisement être considérée simplement comme un Avis amical, qui étant d'ailleurs lié à des Commissions particulières paraîtrait n'exiger qu'une Reponse de notre Vénéble en sa qualité de frère. Cependant nous n'avons pas hésité à l'envisager sous le point-de-vue le plus étendu. Tout ce qui vient d'une manière quelconque de cette Mère respectable et chère est si sacré pour nous, que sans examiner, si les offices sont assez régulièrement exprimés pour exiger les Nôtres, nous nous empressons de vous marquer toute la Joie que nous a causé Vôtre Elévation. Vos Talents distingués, vos qualités et Votre Zèle infatigable nous font envisager avec cette tendresse d'Effusion, qui caractérise les vrais frères, les progrès qui vont éclore sous vôtre direction. Elle ne pouvoit être mise entre de plus dignes Mains, et nôtre □ en verra la Marche et l'Eclat avec une Satisfaction d'autant plus vive, que vos travaux aussi distincts, et aussi independants des nôtres, que nos Institutions, ne peuvent que nous animer d'un surcroît de Zèle et d'Emulation pour l'Egalité, pour la bonne Harmonie, pour la Liberté pure

et féconde, comme le Soleil qui préside à nos ouvrages et pour l'étroite observance des principes de l'Art Roïal. Toutes les qui naîtront aux Rayons de la Lumière qui vous enflamme, seront regardées par nous comme des Soeurs, leurs assemblées comme légitimes. Nous nous ferons un devoir de marquer à leurs Maîtres successifs, à leurs officiers et à leurs Membres les Egards et l'Amitié, que la Fraternité nous fait attendre d'eux. Bien loin de nous prévaloir de nôtre Ancienneté, nous ne la regarderons que comme une obligation de plus de nous signaler par nôtre amour pour le Bien général et particulier de l'Ordre. Enfin tandis que vous veillerez à leurs travaux, et que vous les guiderez vers la Perfection, en les enposant à nôtre Mère commune, nous lui ferons parvenir les temoignages libres de nôtre admiration, en lui soumettant le tribut ancien, personnel, et unique de nos hommages.

Et afin que cette Expression de nos Sentiments puisse subsister par l'Effet d'une témoignage authentique, j'ai été autorisé par la Delibération où ce Discours a été arrêté du jour d'hier 7 mai 1772 de vous en laisser la présente Copie

Перевод:

Достопочтенный провинциальный Великий мастер!

Мы были уведомлены письмом из Великой главной ложи к нашему венераблю о том, что Великий мастер назначил Вас своим провинциальным Великим мастером с полномочиями основывать ложи в России. Однако ни одно выражение письма сего не указывает, что предписание сие от имени самого Великого мастера или Великого мастера-заместителя исходит, и в нем можно было бы с легкостью простое дружеское известие видеть, которое, к тому же связанное с частными поручениями, казалось бы, требует ответа нашего венерабля лишь в качестве брата. Тем не менее мы, не колеблясь, рассмотрели его в самом широком смысле. Все исходящее каким-либо образом от сей почтенной и нежно любимой матери столь священо для нас, что, не разбирая, достаточно ли правильным образом изложены в нем обязанности, от нас требуемые, мы спешим засвидетельствовать Вам всю радость, в нас вашим возвышением вызванную. Выдающиеся дарования Ваши, качества и рвение неустанное заставляют нас с этим нежным излиянием чувств наших, отличающим истинных братьев, предвидеть достижения, под Вашим руководством процвести имеющие. Оно не могло быть передано в руки более достойные, и ложа наша узрит его шествие и блеск с удовлетворением тем более живым, что труды Ваши, столь выдающиеся и столь от наших институций независимые, могут лишь одушевлять нас ростом рвения и соперничества ради равенства, доброго согласия, чистой и плодотворной свободы, подобно руководящему трудами нашими солнцу,

и ради строгого соблюдения оснований искусства царского. На все ложи, родиться имеющие под лучами света, Вас воспламеняющего, будем смотреть мы как на сестер, на все собрания их — как на законные. Своей обязанностью почитать будем оказание их последующим мастерам, их служителям и их членам почтения и дружества, кои братство нас и от них ожидать заставляет. Нашим старшинством отнюдь не превозносясь, мы будем смотреть на него как на еще одну обязанность отличаться любовью к общему благу, и особенно — к ордену. Наконец, коль скоро Вы призирать будете за их трудами и к совершенству вести их, вручая матери нашей общей, мы передавать ей станем свободные свидетельства нашего восхищения, принося старинную, личную и общую дань уважения нашего.

Наконец, дабы сие выражение чувствований наших продлить могло бытие свое через действие подлинного свидетельства, я уполномочен был совещанием, где речь сия была утверждена вчера 7 мая 1772 года, представить вам ее настоящую копию

№ 5

Письмо Гомма и других должностных лиц логи Совершенного согласия герцогу Бофорту

С.-Петербург, 11/22 мая 1772 (F. 42—45)

My Lord!

We had the Honour to wait upon Your Grace the 17th of february last, to acknowledge the Receipt of our Constitution, a duplicate of which Letter goes herewith.

The Reason of our troubling Your Grace at present rather than deferring it till we write in Course at the approaching St. John's day, is to acquaint your Grace that the Brother Louquine, lately arrived from London, having brought us a Letter signed by the Grand Secretary, and addressed to the Master of our Lodge of perfect Union, dated the 29th of Februry last, intimating that H. E. Mr. Yelagin is appointed Provincial G. M. of all the Russias, & insinuating that we are expected to submit ourselves to his Authority, We the undersigned Master of the Lodge of perfect Union, together with the Officers & rest of the Members, held a Lodge of Consultation the 7th Inst in order to deliberate on the Contents of the said Letter, when it was unanimously resolved

1. That our said Lodge of perfect Union, having been constituted previously to the said appointment of a provincial G. M. and immediately under the auspices of Your Grace, with whom we are particularly ordered to correspond in a direct Manner (a privilege we prize too high, not to be loath to part with) we cannot with any Degree of Propriety consider ourselves included within the Limits of this new Jurisdiction

2. That however we shall at all times with Alacrity acknowledge the said Mr Yelagin's Authority in the fullest manner possible, as far as regards the Lodges he may come to constitute by virtue of his Commission from your Grace, & always look upon them as our lawful & natural Sisters

3. That the Br. Orator of our Lodge be appointed to wait upon Mr Yelagin accordingly, as soon as may be with a proper Compliment (drawn up by a select Committee named in the said Resolution) in the french Language, expressing our Sentiments with regard to his said Nomination, and that a Copy thereof be left with him in writing.

We have taken the Liberty to inclose a Copy of our said Message for Your Grace's Inspection, and we beg leave to add further, for Your Grace's Information that besides its having always been our fixed Rule and determination to consider ourselves as a *British Lodge* whose Foundation & Existence is national, immediately & directly depending on Your Grace alone, and consequently not subject to the Control of any one else, there are many other strong & weighty Reasons, too numerous to trouble Your Grace with at present, which have given ample grounds to our said Resolutions abovementioned. And moreover as an additional, & we think an insuperable Bar to our considering our Lodge as subject to any Provincial G. M. that is, or may be hereafter appointed for this Country, we beg Leave to insert the following Copy of a Resolution passed & entered in our Records the 2nd of last Month, previous to this Communication.

Copy:

«Resolved to fix the number of Members to Thirty, with the Reservation of admitting Supernumeraries of the British Nation only, our Lodge being always considered as British in its Foundation».

In a Word, my Lord, we have the Happiness as well as the Satisfaction, to look upon ourselves as Your Grace's Children — We have chosen Your Grace spontaneously for our Father, and it is our Meaning and Intention to prove the high value we set upon so honourable an adoption, by every Expression, and by every Mark in our Power to shew, of Respect and Veneration for Your Grace & for the Grand Mother □.

These are the Sentiments of every individual Member of our Lodge of perfect Union, as well as those in the fullest Manner possible, of, My Lord, Your Grace's most obedient & most humble Servants

Перевод:

Государь мой!

Мы имели честь снестись с вашей милостью 17 февраля сего года ради удостоверения о принятии устава нашего, копия письма сего прилагается.

Причина причиняемого нами вашей милости беспокойства ныне и без отлагательства прежде письма нашего по случаю бли-

звшегося Иванова дня та, чтобы известить вашу милость, что брат Лукин, недавно из Лондона возвратившийся, привез нам письмо за подписью Великого секретаря к мастеру ложи нашей Совершенного согласия от 29 февраля сего года, извещающее, что его превосходительство господин Елагин провинциальным Великим мастером всех областей российских назначен, и внушающее, что мы под власть его перейти понуждаемы, а мы, нижеподписавшийся мастер ложи Совершенного согласия, вместе с должностными лицами и остальными членами, имели совещание ложи 7 числа сего месяца, дабы обдумать содержание письма означенного, и единодушно решено было:

1. Что наша означенная ложа Совершенного согласия, основанная ранее упомянутого назначения провинциального Великого мастера и непосредственно под покровительством милости вашей, с коей мы особое предписание имеем сноситься напрямую (преимущество сие мы слишком высоко ценим и оставить не склонны), то не можем мы ни в коей мере полагать нас включенными в пределы сей новой юрисдикции;

2. Что, однако, мы всегда с готовности признавать будем власть помянутого Елагина полнейшим возможным образом, а также ложи, кои он основать имеет в силу полномочий ему вашей милостью данных, и всегда смотреть на них станем как на наших законных и природных сестер;

3. Что брат ритор нашей ложи поручение получит как можно скорее и соответствующим образом снести с господином Елагиним и представить ему поздравление (избранным комитетом, именованным в означенной резолюции, составленное) на французском языке, наши чувствования выражающее относительно его упомянутого производства, и что письменная копия поздравления сего будет ему оставлена.

Мы возымели дерзость копию нашего упомянутого послания для рассмотрения вашей милости вложить и позволения просим прибавить еще для сведения вашей милости, что помимо нашего всегданшего правила и решимости рассматривать нас как ложу британскую, чье основание и существование есть национальное, непосредственно и прямо лишь от вашей милости зависящее и, следовательно, надзору кого бы то ни было помимо вас не подлежащее, еще немало сильных и весомых причин имеется, слишком многочисленных, дабы докучать вашей милости ныне, кои обширное основание нашим означенным упомянутым выше резолюциям составили. И, сверх того, в дополнение мы полагаем непреодолимым препятствием к тому, чтобы считать ложу нашу подчиненной какому-либо провинциальному Великому мастеру или тому, кто будет позднее назначен для этой страны, мы позволения просим присовокупить следующую копию резолюции, прошедшей и включенной в наши записи от 2 числа сего месяца, до сего известия.

Копия:

«Решено число членов тридцатью ограничить и сохранить возможность принятия дополнительных членов только из британской нации, поскольку ложа наша всегда британскою в основании своем почиталась».

Одним словом, государь мой, мы имеем счастье, равно как и удовольствие, на нас как на детей вашей милости смотреть. Вашу милость мы добровольно себе в отцы избрали, и цель и намерение наше есть высокую ценность доказать, нами на подобное усыновление возлагаемую, всяким доступным нам выражением и всяким знаком почета и благоговения перед милостью вашею и великою матерью ложей.

Таковы чувствования каждого отдельного члена ложи нашей Совершенного согласия, как и чувствования полнейшим возможным образом вашей, государь мой, милости всепокорнейших и всенижайших слуг.

№ 6

Елагин к Гомму

[С.-Петербург, 12/23 (?) мая 1772 г.] (F. 46—49)

Vénérable et digne Frère Maître de la \square de la parfaite Union!

Je suis sensible autant que je dois l'être, à ces sentiments flatteurs, que la Loge de la parfaite Union a bien voulu me témoigner à l'égard de ma personne. Je n'y puis répondre que par les assurances des mêmes sentiments pour vous et pour tous les Membres de la dite Loge. Votre accueil complaisant, qui me fut communiqué par le Frère Orateur, devrait sans doute me causer une Satisfaction particulière, si cette Affaire ne regardoit que ma seule personne, mais le devoir qui me lie en qualité de Grand Maître Provincial, exigeant de moi des décisions positives, qui puissent tendre à la propagation de l'Art Roïal, à sa Splendeur, et à sa Gloire, me met dans le Cas, de vous exposer quelque motifs solides et justes pour l'Accomplissement de ces trois objets, que je me propose comme but principal pour le bien de la fraternité. Et comment les effectuer? C'est en s'expliquant sincèrement et en frères. Tout ce qui me fut prononcé par le frère Orateur de la \square de la parfaite Union est assez flatteur pour ma personne; mais n'aboutit à rien dans le but principal, que notre respectable Mère la grande Loge de Londres s'est proposé, en m'installant Son Grand Maître provincial. Je me suis flatté de trouver dans votre Réponse sur la Lettre que notre Vénérable Frère le Grand Secrétaire vous a écrite, une obeïssance filiale, avec un Zèle fraternel pour le Bien de la Maçonnerie, je me suis même flatté, que par cette prompte obeïssance, & conjointement avec votre Secours de me voir à même de pouvoir faire les premières démarches pour l'Accomplissement de ce devoir sacré de la Réunion de

tous les Maçons de Russie. Mais qu'y trouvai-je? Beaucoup d'Eloquence, quelques termes vagues de Barreau, et point de Decision precise, claire et positive, revetue de ces charmes de la Sincerité fraternelle.

Je vous avoue franchement, et en père presque vieilli dans notre Art Roïal, qu'un *Non*, qui ne me laissât aucune Doute, m'aurait été plus agréable, que la page de compliments, que le f. Orateur m'a remise. Si mon coeur sincerement a donné à la fraternité, pouvoit soupçonner qu'on ait voulu tendre un piège à mon amour propre pour m'endormir sur le reste de mon Devoir, il ne saurait en être blâmé, mais non, il aime encore mieux croire que cela lui a été adressé plus par effusion d'Eloquence, que dans toute autre Vue. J'ai promis à ce f. Orateur de repondre à votre □, et pour lui verifiser la question dont il s'agit actuellement, je lui ai fait lire la patente qui m'installe Grand Maître Provincial, avec la Lettre du Grand Secretaire, écrite de la part du Grand Maître, temoignages precieux et respectables que vous avez vu vous même, et qui sont plus que suffisants pour annuler toute objection sur cette Lettre, où votre □ a trouvé des Difficultés, la prenant pour une Lettre particuliere du Grand Secrétaire.

Voici ma Reponse, mon cher frère, que Vous exposerez en pleine Loge. Je n'exige de Votre amour qu'une seule Chose, c'est une reponse precise, si la Loge de la parfaite Union reconnaît mon Autorité sur Elle en qualité de Grand Maître Provincial, dont je suis revetu, ou non? Car sans cela je ne puis rien communiquer à notre respectable Mere la grande □ de Londres. Le plus tôt serait le mieux, on epargnerait par là le Scandale à notre Societé, et on ne donnerait pas lieu au profane vulgaire, et aux freres egarés d'un certain Reichel de nous nuire, et de nous calomnier.

C'est en attendant cette Reponse que je suis avec tous les Sentiments d'Estime et de Consideration que je vous dois

Venerable et digne Frere!

Votre affectionné Frere, Grand Maitre provincial en Russie

I. de Yelagin

Перевод:

Достопочтенный и уважаемый брат
мастер ложи Совершенного согласия!

Я тронут насколько должно лестными чувствованиями, кои ложа Совершенного согласия изволила свидетельствовать относительно лица моего. На сие ответствовать могу лишь заверениями в тех же чувствованиях к Вам и ко всем членам поименованной ложи. Благо-склонный прием Ваш, сообщенный мне братом ритором, должен-ствовал бы несомненно вызвать особое удовлетворение мое, ежели бы дело сие единственно меня лично касалось, однако обязанность моя в качестве провинциального Великого мастера, от меня поло-

жительных решений требующая, кои могли бы распространению Ремесла царского способствовать, его сиянию и его славе, дает мне случай изложить Вам некоторые веские и справедливые причины к исполнению сих трех целей, кои я себе в качестве главного намерения для блага братства полагаю. А как достигь их? Лишь искренно и по-братски объясняясь. Все братом ритором ложи Совершенного согласия мне произнесенное для лица моего лестно весьма, но заканчивается ничем в рассуждении главной цели, которую пред собою наша почтенная мать Великая ложа Лондонская поставила, меня своим провинциальным Великим мастером назначивши. Я польщен был, найдя в ответе Вашем на письмо, писанное Вам нашим достопочтенным братом Великим секретарем, сыновнее послушание с рвением братским ко благу каменщицкому, я даже льстил себя, что это скорое послушание купно с помощью Вашею даже позволит мне сделать первые шаги ко исполнению священного долга сего для объединения всех каменщиков в России. Но что нашел я в нем? Красноречие многое, несколько смутных оборотов подъяческих и никакого решения точного, ясного и положительного, облаченного сими прелестями искренности братской.

Признаюсь Вам откровенно и как почти состарившийся отец в нашем Ремесле Царском, что одно «нет», никакого сомнения мне не оставляющее, было бы мне более приятно, чем страница слов ласкательных, мне братом ритором переданная. Если сердце мое, братству преданное, могло подозревать, что меня хотят заманить в западню, самолюбию моему приуготовленную, дабы усыпить его для остатка долга моего, оно бы себя не упрекало, но ему более по нраву верить, что сие было скорее изливанием красноречия, нежели в иных видах. Я обещал сему брату ритору отвечать Вашей ложе и, дабы его в рассматриваемом ныне вопросе удостоверить, дал ему прочесть диплом, меня провинциальным Великим мастером творящий, вместе с письмом Великого секретаря от имени Великого мастера, — свидетельства драгоценные и почтенные, кои Вы сами видели и коих более чем достаточно, чтобы всякое возражение сему письму отмести, в коем Ваша ложа нашла затруднения, частным письмом Великого секретаря его сочтя.

Вот ответ мой, дорогой брат, который Вы при всей ложе обнарудете. Я от Вашей любви лишь одного требую — точного ответа, признает ли ложа Совершенного согласия мою власть над нею в чине провинциального Великого мастера, коим я облечен, или нет? Ибо без сего я ничего не имею сообщить нашей почтенной матери Великой ложе Лондонской. Чем скорее, тем лучше, так мы скандала нашему обществу избегнем и грубой черни и братьям, в заблуждение впавшим от некоего Рейхеля, вредить нам и на нас клеветать возможности не дадим.

В ожидании ответа сего пребываю со всеми чувствами уважения и почтения, коими я Вам обязан,

Достопочтенный и уважаемый брат!
Ваш любящий брат, провинциальный Великий мастер в Рос-
сии

И. де Елагин.

№ 7

Франсуа ван Зантен, секретарь
ложи Совершенного согласия, к Елагину
С.-Петербург, 14 / 25 мая 1772 (F. 59 — 60)

Au très vénérable Grand Maître Provincial de toutes les Loges à fonder en Russie.

Sur la Communication faite par le très vénérable Maître de la Loge de la parfaite Union à la dite Loge assemblée en Consultation de la Lettre du très vénérable Grand Maître Provincial de toutes les Loges à fonder en Russie, les frères frappés du reproche *d'Eloquence et d'Expression vagues* contre le Discours, qu'ils avaient fait parvenir précédemment, ont cru devoir en éviter un semblable dans l'occasion présente en prenant la voie, que le Très Vénérable G. M. Mr Yelagin leur a lui-même ouverte, en répondant par la Monosyllable Non. Ils ont cependant arrêté en même tems, que la discussion motivée de vôtre Lettre, insérée dans nos Registres, vous sera communiquée, si vous le desirez, comme un temoignage de nôtre confiance illimitée.

Pour Copie conforme à l'arrêté sur les Registres de la Loge de la parfaite Union en date de ce jour 14me mai 1772

Перевод:

Преподобному провинциальному Великому мастеру всех лож, в России основанными быть имеющих.

По сообщении, сделанном преподобным мастером ложи Совершенного согласия названной ложе, собравшейся для совещания о письме преподобного провинциального Великого мастера всех лож, в России основанными быть имеющих, братья, пораженные упреком в красноречии и смутных оборотах обращению, прежде ими посланному, помыслили долгом своим избежать подобного в настоящем случае, избрав путь, самим преподобным провинциальным Великим мастером господином Елагиным открытый, и ответственя единственным слогом: нет. Вместе с тем постановили они, что обсуждение, Вашим письмом вызванное, внесенное в наши записи, будет сообщено Вам, если Вы того пожелаете, как свидетельство нашего безграничного доверия.

Для копии, согласной с внесенным в записи ложи Совершенного согласия от сего 14 мая 1772

Гомм к Елагину

С.-Петербург, 14/25 мая 1772 (Ф. 60—63)

Votre Excellence!

Voici la Copie de la Delibération de la Loge de la parfaite Union sur votre Lettre du 12me du présent mois.

Je suis sincèrement fâché, que le resultat de notre Assemblée ne soit conforme aux Desirs que Votre Ex. a exprimé. Mais au moins n'aurons nous, ni moi, ni mes frères à nous reprocher d'avoir negligé quelque chose de ce qui était en nous, pour nous épargner l'Amertume d'un Refus.

Nous avons cru, par le Discours que nous avons fait parvenir à Votre Ex., par le vénérable f. Orateur le 8 du mois présent, que nous pourrions lui faire pressentir suffisamment nos Dispositions, et nous avons pris à cet Effet tous les ménagemens, que prescrit la Decence, et que nous suggéraient nos Sentiments particuliers pour sa personne. Mais malheureusement pour nous, il lui a plû de n'y voir que des Expressions vagues, que des termes équivoques de barreau.

Votre Ex. a absolument exigé une Réponse precise et cathégorique. Il a bien fallu se conformer à ses Desirs, et nous nous sommes vus forcés de lui dire, quoiqu'à regret, en termes plus explicits ce que nous aurions souhaité qu'Elle eut voulu comprendre dans des termes plus menagés

J'espere, cependant, en mon particilier, que la Résistance de la Loge à une pretension, qu'elle a cru excessive, n'aura pas les suites fâcheuses, que Votre Ex. parait en craindre, et qu'Elle semble vouloir nous inspirer à nous mêmes. Quoique nous nous defendions de l'exercice d'une autorité à laquelle nous ne nous croyons pas soumis, Votre Ex: sent parfaitement, que cette Discussion n'a rien de commun avec l'avantage et l'honneur de l'ordre en général, et ce Debat ne pourra jamais fournir une Matière de division entre notre \square et celles, que Votre Ex: pourra établir regulièrement, sur tout si Elle veut bien, comme nous ne doutons pas, faire le Sacrifice au bien général, du ressentiment particulier, que peut lui causer notre Résolution, et ne pas metamorphoser en affaire de corps, ce qui n'est en realité qu'une petite Difficulté, relative à l'étendue d'une autorité, que l'un voit plus grande et l'autre plus limitée.

Je me flatte en outre, que V. E. ne doutera pas davantage, à l'avenir, que j'espère qu'Elle n'a fait par le passé, des Sentiments, qu'elle peut être assurée que je lui ai voués depuis longtems, et que je conserverai toujours, de la plus parfaite estime.

J'ai l'honneur d'être &c. &c.

Перевод:

Ваше превосходительство!

Вот копия решения ложи Совершенного согласия о письме Вашем от 12 числа сего месяца.

Я искренне досаую, что итог собрания нашего с желаниями, кои выразило Ваше превосходительство, не согласуется. Но, по крайней мере, ни я, ни братья мои не можем упрекать себя в том, что мы чем-либо в сердце нашем во избежание горечи отказа пренебрегли.

Мы полагали, что чрез речь, нами Вашему превосходительству чрез преподобного брата ратора 8 числа сего месяца переданную, мы достаточно почувствовать даем наше расположение и ради сего все предосторожности предприняли, приличиями предписываемые и нам особыми чувствами к Вашей персоне подсказанные. Но к несчастю нашему, Вашему превосходительству угодно было увидеть в ней лишь смутные выражения и двусмысленные обороты подъяческие.

Ваше превосходительство решительно потребовало ответа ясного и категорического. Необходимо было желания его удовольствовать, и мы себя узрели вынужденными сказать, хотя и с сожалением, в словах более определенных то, что мы хотели бы, дабы Ваше превосходительство уразуметь изволило в словах более осторожных.

Вместе с тем я лично надеюсь, что сопротивление ложи притязанию, Вашим превосходительством чрезмерным сочтенное, тех досадных следствий иметь не будет, о коих Ваше превосходительство, кажется, опасение имеет и, кажется, нам также внушать изволит. Хотя мы ограждаем себя от исполнения власти, коей себя подчиненными не числим, Ваше превосходительство ощущает прекрасно, что возражение сие никакого касательства к выгоде и чести ордена всего не имеет и что прение сие никогда к разделению повода не даст между нашей ложей и теми, что Ваше превосходительство по правилам основывать станет, особенно ежели Ваше превосходительство изволит, в чем мы сомнения не имеем, в жертву общему благу обиду частную принести, кою ему решение наше причинить может, и всеобщим занятием то не сотворит, что в действительности есть лишь малая трудность, до протяженности власти относящаяся, которая одному более обширною видится, другому же — ограничною.

Впрочем, льщу себя, что Ваше превосходительство сомневаться и впредь не будет, как, надеюсь, и в прошлом не сомневалось, в чувстве совершеннейшего почтения, издавна мною питаемом и кое я всегда хранить буду, в чем Ваше превосходительство уверено быть может.

Честь имею быть и т. д., т. д.

Гомм и должностные лица
Совершенного согласия к герцогу Бофорту
С.-Петербург, 15 (?) июня 1772 (Ф. 71—72)

My Lord!

We had the Honour to wait upon Your Grace the 11th of last month, a duplicate whereof goes herewith.

Having celebrated the Feast of S. John the Baptist at our Lodge of the Perfect Union the 14th Inst. We take the liberty to desire the favour of Your Grace, to give Directions, that the proceeds of the inclosed Bill of Exchange for Ro. 200 or L 40 Sterling on [missing] be paid into the proper Hands, as the small Contribution of our said Lodge, towards the annual Grand Charity of the Brotherhood.

We have further the Honour, to acquaint Your Grace, that the Master & all the other Officers of our Lodge, having resigned as usual, were unanimously rechosen, agreeably to resp. Signature to this Letter; a true Copy of our Journal for the year past will be sent in a few days by His Majesty's Ship the Flora, Captn Collier, which is come to take home Lord Cathcart & his Family. In the mean while we have thought it necessary, to send Your Grace a Copy of the Answer Mr. Yelagin made to our Message to him in writing of the 7th May; also a Copy of our Resolutions made in Consequence.

Mr. Yelagin has not asked for the Reasons of our Reply, which were prepared for him, & a copy of them goes inclosed for Your Grace's perusal, by which Your Grace will see, more & more, how impossible it is, that our little lodge of perfect Union can ever resolve, to expose its Operations to the arbitrary Controul of such open and avowed Despotism.

We thought it, however, our duty we owed to the Choice made of Mr. Yelagin by Your Grace, as your Provincial Grand Master for all the Lodges he shall constitute in Russia, to invite Mr Yelagin to our feast, and being desirous of shewing him all the Distinction He could possibly expect from us, as long as we took care to preserve our Independence, we have settled the Ceremonies, which were to be observed between Him & our Master, to his entire Satisfaction, as well as to that of our own Lodge, but an accident obliging us to put off the Feast till the day after the Holiday, Mr Yelagin had an Engagement prior to our Invitation, which prevented his attending. We beg Your Grace's Excuse for inserting these particulars, which we should not have done, but that we are ambitious of improving every the minutest occasion, of shewing how devotedly we are &c. &c.

Перевод:

Государь мой!

Мы имели честь направить Вашей милости 11 числа прошедшего месяца копию нижеследующего.

По отправлении празднества Святого Иоанна Крестителя в нашей ложе Совершенного согласия 14 числа сего месяца мы дерзаем желать благоволения Вашей милости дать указание, дабы сумма по вложенному векселю на 200 рублей, или 40 фунтов стерлингов, от [пропуск] выдана была в собственные руки как малый вклад от нашей помянутой ложи в ежегодное Великое благотворение братства.

Сверх того, мы имеем честь уведомить Вашу милость, что мастер и все должностные лица нашей ложи, сложив по обыкновению свои обязанности, были вновь избраны согласно соответствующим подписям под письмом сим; подлинная копия поденных записей наших за прошедший год будет выслана в немногих днях кораблем его величества «Флорою» под командованием капитана Колльера, явившимся забрать домой лорда Каткарта с семьей. В то же время мы сочли необходимым отправить Вашей милости копию ответа, который господин Елагин сделал на письменное наше послание к нему от 7 мая, а также решения наши, вследствие оного принятые.

Господин Елагин о причинах нашего ответа не спрашивал, кои были для него приготовлены, и копия их прилагается для рассмотрения Вашей милости, по ним же Ваша милость более и более увидит, насколько невозможно, чтобы наша малая ложа Совершенного согласия могла бы когда-нибудь согласиться подвергнуть труды свои пристрастному надзору деспотизма столь откровенного и общепризнанного.

Мы сочли, однако, нашим долгом, которым мы обязаны выбором Вашей милости господина Елагина Вашим провинциальным Великим мастером всех лож, в России им основанными быть имеющих, пригласить господина Елагина на празднество наше, и, желание имея оказать ему весь почет наш, который он от нас ожидать мог бы, при всей заботе, нами предпринятой о независимости нашей, мы определили церемонии, кои имели состояться между ним и мастером нашим к его полному, как и нашей ложи, удовольствию, но ввиду происшествия, вынудившего нас отложить празднование до дня после праздника, господин Елагин получил приглашение ранее нашего, что заставило нас от ожидания его отказаться. Просим Вашу милость простить нам внесение сих частных, коих вносить нам не следовало бы, но мы стремимся пользоваться каждым удобным случаем, дабы показать, насколько мы верны и т. д., т. д.

...капитана Колльера... — Джордж Колльер (1738—1795), капитан корабля его величества «Флора», присутствовал на праздновании Иванова дня, как и секретарь посланника Уильям Ричардсон (1743—1814), автор «Анекдотов Российской империи» («Anecdotes of the Russian Empire», 1784).

№ 10

Елагин к Гомму

С.-Петербург, [?] июля 1772 (F. 73)

Très vénérable & cher frère!

Aiant reçu la semaine passée de nôtre très respectable Mère la grande Loge de Londres, parmi quelques Lettres, une incluse pour vous, qui vous a été remise le lendemain, & comme sa teneur porte une decision positive sur le mesentendu concernant mon installation, ainsi je vous prie, cher frère, de me communiquer le plutôt possible le resultat de la loge de la parfaite union la dessus, afin qu'en écrivant à notre respectable mère la grande \square de Londres, je puisse lui en faire part. Je suis avec estime & amour fraternel

Перевод:

Достопочтенный и дорогой брат!

Получив на прошлой неделе от нашей уважаемой матери Великой ложи Лондонской среди нескольких писем одно для Вас вложенное, вам на следующий день переданное, и поскольку содержание его несет положительное решение о недоразумении касательно моего введения в чин, прошу Вас, дорогой брат, уведомить меня как можно скорее о решении ложи Совершенного согласия о сем, дабы в письме к нашей почтенной матери Великой ложе Лондонской я мог бы ей о нем сообщить.

Пребываю с уважением и любовью братскою

№ 11

Гомм к Елагину

С.-Петербург, 19 / 30 июля 1772 (F. 73)

Très Vénérable Grand Maître Provincial!

Il est vraie, que nôtre \square de la parfaite Union a reçu une Lettre de nôtre très vénérable mère la Grande Loge de Londres; mais elle a l'Intention d'y répondre en droiture.

J'ai le plaisir d'être avec Estime & avec amour fraternel

Très Vénérable G. M. Prov.!

Vôtre devoué & affectionné frère

Перевод:

Достопочтенный провинциальный Великий мастер!

Ложа наша Совершенного согласия действительно письмо от нашей достопочтенной матери Великой ложи Лондонской получила, но намеренье имеет ответить ей непосредственно.

Удовольствие имею пребывать с уважением и любовью братскою,

Достопочтенный провинциальный Великий мастер!

Вашим преданным и любящим братом

№ 12

Хезелтайн к Елагину

Лондон, 9 мая 1774

To His Excellency John Yelaguin etc., etc., etc.

Through the favour of Our esteemed Bro. Alexander Baxter Esq. I received your Letters of the 12th February last, and be assured Sir I had particular pleasure in finding you were recovered of the misfortune you had to break your Leg, of which Mr Baxter informed me some short time before the receipt of your Letters. I did as you requested lay your Letters before the Grand Master Lord Petre and the Honble Mr Dillon Deputy Grand Masr who expressed the highest satisfaction at your conduct, and desired me to assure you of their particular respect and attachment, and of the very great pleasure they shall on all occasions have in convincing you and the rest of the Brethren under your authority in Russia of their most Fraternal esteem and attention to every thing which regards the Grand □ of Russia.

The several □ constituted by you have been duly registered in our Books, and Mr Baxter has paid into my Hands the Sums of Money mentioned by you for the Constitutions, and towards the Charity. But the Money towards the Charity has not yet been paid into the Grand Treasurer's Hands by reason that the Grand Masr first wished me to state to you the situation of our Funds and then to request your permission to appropriate this sum of Money towards a Different Fund than that you sent it for. Our Charitable Fund is in a very flourishing state, and the usual and constant resources will preserve it so — and though our views are ultimately directed towards the increase and extension of the Charitable Fund yet there is at present another Fund established for the purpose of building a Hall for the use of the Society, which will be an expensive work, and to this Fund all possible support is wanted at this time in order to accomplish the same, as we have purchased ground to build upon, a plan of which Grounds here inclosed. The request I am therefore to make to you is that you will permit us to appropriate the 20£ Sterlg towards the Fund

for building a Hall instead of the Charity Fund. At the same time, if you have the least objection to this proposal the money shall be immediately appropriated as you desire.

It is with particular pleasure I observe by the Register you transmitted, the very great and rapid increase of Our Society in Russia, and it affords the most promising hopes of establishing the Order upon a firm and lasting Basis under your Authority. The Grand Officers of your P. G. may with great propriety be Masters and Officers of the other \square and the meaning of the Law in the Constitution Book is solely this — that a Grand Officer cannot act as an Officer of a private \square whilst he is officiating *in Grand \square in his superior capacity* but on every other occasion he may Act as an Officer of a private \square . Therefore your Registers are very regular & proper.

At Our Anniversary Feast held on Monday the 2d of this Month the Rt Honble Lord Petre was reelected Grd Masr for the ensuing year. The Honble Mr Dillon resigned his Office of Deputy Grand Masr and Rowland Holt Esqr a Member of the English Parliament was elected in his stead. The Honble Thomas Noel was appointed Senior Grand Warden and John Hatch Esqr Junior Grand Warden. Rowland Berkeley Esqr was continued Grand Treasurer, I had the honour to be continued Grand Secretary, and Mr John Derwas was continued Grand Sword Bearer.

The several Regulations passed in Grand Lodge since I had the honour of writing to you last, are printed in the Treasurer's Lists and other papers inclosed for your information, all which we hope will meet with your approbation.

The Prince of Hesse & Darmstadt having united with the Prince of Prussia & other persons of distinction in Germany, all regular masons applied to us for a confirmation of their authority as a national Grand \square under such restrictions and conditions as might be agreeable to us — which proposal was approved of in our Grand \square and the Prince of Hesse is the prest Grand Masr and Mr Zinnindorff, who was heretofore looked upon as a very irregular Bror has conformed to all our regulations & is now an Officer under the Prince of Hesse. Their proceedings are very regular and your keeping up a friendly correspondence with their Grand \square situated at Berlin will be very agreeable to us, and we hope, not disagreeable to yourself.

I shall hope to be honoured with your correspondence as often as possible to which the utmost attention will be on all occasions paid by our Grand \square . And it shall be my study in particular to prove that I am ever with sincere regards and fraternal respect, Sir, your most faithful Bro and obedient Servant

Перевод:

Его превосходительству Ивану Елагину и т. д., т. д., т. д.

При любезном содействии достопочтенного брата нашего господина Александра Бакстера Ваши письма от 12 февраля я получил,

и уверены будьте, сударь, особое удовольствие имел, узнав, что Вы от несчастного перелома ноги оправились, о коем господин Бакстер меня уведомил незадолго до получения писем Ваших. Как вы просили, я изложил письма Ваши Великому мастеру лорду Петри и достопочтенному господину Великому мастеру-заместителю Диллону, кои высочайшее удовольствие поведением Вашим выразили и пожелали, дабы я Вас в их особом уважении и привязанности уверил, как и в том, что они истинно великое наслаждение иметь будут, заверяя Вас и остальных братьев под начальством Вашим в России в их высшем братском уважении и заботе обо всем, что до Великой ложи Российской касается.

Несколько лож, Вами учрежденных, должным образом в наши книги внесены, и господин Бакстер передал мне в собственные руки суммы денег, Вами упомянутые, за учреждение и на дела благотворительности. Но деньги на благотворение в руки Великого казначея еще не переданы, поскольку Великий мастер пожелал, дабы я известил Вас о состоянии наших накоплений, а затем испросил разрешения Вашего о вложении этой суммы в иное накопление, нежели то, куда она Вами послана была. Наше благотворительное накопление в весьма процветающем состоянии находится, обычные и постоянные источники его в таковом поддержат, и хотя виды наши в конечном счете на увеличение и расширение накопления благотворительного направлены, однако ныне иная казна учреждена в целях строительства здания для нужд общества, что будет трудом дорогостоящим, и ныне в целях свершения вышеупомянутого этой казны всякое поддержание желательно, поскольку мы покупку земли для строительства совершили, план земли сей прилагается. Таким образом, я просьбу к Вам имею позволить нам 20 фунтов стерлингов в казну на строительство дома вместо казны благотворительной направить. При этом, ежели Вы малейшее возражение возмете против сего употребления, деньги будут немедленно по Вашему желанию направлены.

С особым удовольствием по перечню Вами присланному отмечая я рост общества нашего в России, и это позволяет мне питать надежды самые многообещающие на установление ордена нашего на прочном и долговечном основании под руководством Вашим. Великие служители вашей Великой провинции весьма правомерно мастерами и служителями других лож быть могут, и смысл закона в Книге уставов единственно таков, — что Великий офицер как офицер частной ложи действовать не может, пока в Великой ложе в своей высшей должности служит, но во всяком ином случае как офицер частной ложи действовать может. Посему перечни Ваши весьма правильны и правомочны.

На нашем ежегодном празднестве, отправленном в понедельник второго числа сего месяца, достопочтенный лорд Петри был переизбран Великим мастером на следующий год. Почтенный господин

Диллон свою службу Великого мастера-заместителя оставил, и господин Роуланд Хольт, член парламента английского, был вместо него избран. Почтенный господин Томас Ноэль старшим Великим стражем назначен, а господин Джон Хетч младшим Великим стражем. Господин Роуланд Беркли Великим казначеем остался, я имел честь Великим секретарем остаться, а господин Джон Дервас — Великим меченосцем.

Некоторые постановления, принятые Великою ложею с тех пор, как я имел честь писать Вам в прошлый раз, в казначейских перечнях и иных бумагах напечатаны, для Вашего сведения присовокупленных, все они, мы надеемся, одобрение Ваше встретят.

Князь Гессенский и Дармштадтский, объединившийся с государем Пруссии и иными выдающимися лицами в Германии, кои все суть правил придерживающиеся масоны, к нам за подтверждением их власти в качестве национальной Великой ложи при ограничениях их условиях нам приятных обратился, предложение сие в нашей Великой ложе одобрено было, и князь Гессенский в настоящее время является Великим мастером, а господин Циннендорф, до того времени почитаемый нами за брата, весьма худо правил придерживавшегося, со всеми нашими предписаниями согласился и ныне является офицером под руководством князя Гессенского. Их действия весьма правильны, и Ваша дружественная корреспонденция с их Великою ложею, в Берлине располагающеюся, весьма приятна для нас будет, и, надеемся, Вам также не противна.

Я буду надежду питать на честь, мне Вашей корреспонденцией оказываемую так часто, как это возможно, и коей при всяком случае величайшее внимание уделяемо будет нашею Великою ложею. И особою целию моею будет доказательство, что я всегда с искренним благорасположением и братским почтением, сударь, пребываю Вашим вернейшим братом и покорным слугою.

...лорду Петри... — Роберт Эдуард, девятый лорд Петри (1741—1801), был Великим мастером с 1772 по 1776 г.

...иная казна учреждена в целях строительства здания для нужд общества... — Фонд на строительство дома был основан герцогом Бофортом, но первый камень в фундамент нового дома вольных каменщиков 1 мая 1775 г. заложил лорд Петри. Купленный участок находился на Грейт Квин Стрит и был частью земли, занимаемой нынешним домом вольных каменщиков. См.: *Stubbs J., Haunch T. O. Freemasons' Hall: The Home and Heritage of the Craft.* London, 1983. P. 8—15.

...Роуланд Хольт... Джон Дервас... — Роуланд Хольт (1723—1786), член парламента от Саффолка в 1759—1768 гг. и в 1777—1780 гг., был Великим мастером-заместителем с 1774 по 1786 г.; достопочтенный Томас Ноэль был старшим Великим стражем с 1774 по 1775 г.; Джон Хетч был младшим Великим стражем с 1774 по 1775 г.; Роуланд Беркли (1733?—1805), член парламента от Дройтвича, был Великим казначеем с 1766 по 1785 г.; Джон Дервас был Великим меченосцем с 1774 по 1775 г.

Хезелтайн к Владимиру Лукину

Лондон, 9 мая 1774

Dear Friend & Brother,

Your letter of the 12th Feby with those of His Excellency Mr Yelaguin came safe to me thro the means of our worthy Brother Baxter. I confess that long before the receipt of your Letter I had given up all thoughts of hearing from Mr Louquin any more, and really imagined you were tired of a correspondence in a few Months that you had often assured me you wished to continue for Life. Our distance of situation indeed is such that I therefore made great allowances on the score of Friendship, and was desirous of persuading myself that some unexpected event had prevented your attention to me. Your Letter removed all doubts and it is with pleasure I recommence our correspondence and hope nothing will interrupt it in future. We remember you with particular respect in the Somerset House Lodge. I have now also sent an answer to His Excellency Mr Yelaguin and inclosed all the new regulations of the Society & am with sincere esteem, Sir,

Your faithful Friend and most obedt Servt

Перевод:

Дорогой друг и брат,

Письмо Ваше от 12 февраля вместе с письмом от его превосходительства господина Елагина благополучно мне было доставлено при посредстве нашего достойного брата Бакстера. Признаюсь, задолго до получения письма Вашего я оставил всякие мысли получить весточку от господина Лукина и впрямь воображал, что Вы по прошествии немногих месяцев утомились корреспонденцией, которую, как Вы часто меня уверяли, всю жизнь продолжать желали бы. Расстояние меж нами, действительно, столь велико, что я великие уступки в пользу дружбы делая, себя уверить желая, что некое нежданное происшествие Вашему ко мне вниманию воспрепятствовало. Письмо Ваше все сомнения удалило, и я с удовольствием корреспонденцию возобновляю и надеюсь, что в будущем ничто ее не прервет. Мы вспоминаем Вас с особым почтением в ложе Дома Сомерсетского. Теперь же мне должно отправить ответ его превосходительству господину Елагину и присовокупить к нему все новые предписания общества, и я с истинным уважением пребываю, сударь,

Вашим верным другом и покорнейшим слугою.

Лукин к Хезелтайну

С.-Петербург, без даты [1775?, ответ на № 13]

My dear and worthy friend!

I can't plainly express you the Satisfaction of my heart that I did feel by receiving your obliging and friendly Letter, wich assures me of the Continuance of your much estimed friendship. I do assure you, that my Silence had no other reason but the very unhappy circumstances of my family: as I lost my wife, my only brother, and have had a number of other misfortunes that persued me continually, till this very day; but I begin to be a little better with the blind Lady, wich is comonly caled the Fortune, and as mark of her benevolence to me I do reckon the Letter of my beloved brother Hesseltime. In the future I'll as often as possible to give him my news and beg him for the same: for his fate interests strongly me as his most obedient and most humble Servant Louquine.

You'll oblige me dear friend if you'll give me commissions for any thing that comes from my country. I have no one as to command, and I'll be speedily obedient.

All that we want to know concerning the Ceremony of dedication, is necessary for us to the same purpose: we are building a hall, and the next year we hope to installate it. Be so obliging dear friend as to send us the desired explanations as soon as possible.

Перевод:

Мой дорогой и достойный друг!

Не могу сполна выразить удовольствие сердца моего, мною восчувствованное при получении письма Вашего любезного и дружеского, которое заверяет меня в возобновлении весьма ценной дружбы Вашей. Заверяю вас, что молчание мое иных причин не имеет, как весьма несчастливые обстоятельства семейства моего, ибо я жену мою потерял, единственного брата моего и множество иных несчастий имел, меня до самого сего дня преследовавших; однако начинает мне благоволить госпожа слепая, всеми Фортуною прозываемая, а свидетельством расположения ее — получение письма от моего возлюбленного брата Хезелтайна. В будущем я стану часто, как только возможно, извещать его о новостях и прошу его о том же, ибо судьба его сильно меня занимает как его всепокорнейшего и всенижайшего слугу Лукина.

Вы обяжете меня, дорогой друг, давая мне поручения обо всем, что из страны моей исходит. Стоит лишь приказать мне, и я немедленно повинуюсь.

Все, что желаем мы знать касательно обряда посвящения, необходимо нам для той же цели: мы строим дом, и в будущем годе надеемся открыть его. Будьте любезны, дорогой друг, прислать нам желаемые изъяснения так скоро, как только возможно.

...я жену мою потерял... — Пелагея Лукина (р. 1754) умерла 24 января/4 февраля 1775 г. после пяти лет замужества и похоронена в Александро-Невской лавре. Их дочери Надежда (1771—1787) и Александра (1773—1786) также погребены в фамильном склепе. См.: Сочинения и переводы Лукина и Ельчанинова... С. 506—507.

№ 15

Елагин к Хезелтайну

С.-Петербург, 23 марта / 3 апреля 1776. Рукою Лукина

My dear Sir and worshipfull brother!

Since my departure to Moscow, and by staying there without the grand Provincial officers, I could not assemble the provincial \square , and having with me nobody who understands as much english as the writer of this [i.e. Lukin. — A. C.], I have been deprived of the pleasures to communicate to your Worshipfull brother, all that I desired but I expected some thing from the seat of our mother \square , and my hope has been founded on your goodness and friendship, but how sorry I have been when I did not receive no news from London: I asked very often Mr Lukin who remained at Petersbourg: he had the same bad news to tell me. I have seen our brother Tatischeff, and our honest Parson Mr Somborsky: but without letters from you, only he least told me, that you had a large Covert to send to us. Therefore I beg you worshipfull brother and worthy friend, and beg you earnestly, and humbly, to show me that you are in the same good opinion of us as you are formerly and to dispatch all necessary papers from the time that we had none. All will very soon assemble Pr. \square and send to you a list of our \square wich increases by and by. If I cant dispatch all new regulations and the list of grand officers otherwise as by next schips or vessels, I intreat you to answer of this previously by Mr Baxter, and to make me quiet in my apprehensions or fears. You may writ to me directly under my coverts: and I shall receive it sure, and answer you by the channel of our ministry residing in London as soon as our correspondance will be settled on a firm foot, then we will write one to another after every quarterly communication. I hope you'll oblige a man who is and will be always with true estim

dear Sir and worshipfull brother

your most obedient and humble brother

the 23 of march 1776

I de Yelaguin

The writer of this [i.e. Lukin. — A. C.] says the same thing to the most honest man, and at the same time to the most beloved

Перевод:

Милостивый государь мой и почтенный брат!

По отъезде моем в Москву и находясь здесь без Великих офицеров провинциальных, я провинциальную ложу собрать не мог, и не имея при мне никого, кто понимал бы английский, как составитель сего [т. е. Лукин. — Э. К.], лишен был удовольствия сообщить Вам, почтенный брат, все, что желал, однако я ожидал чего-либо от имени матери нашей ложи, и надежда моя основывалась на доброте Вашей и дружбе, но как я огорчен был, никаких новостей из Лондона не получив; часто спрашивал господина Лукина, оставшегося в Петербурге: он все те же худые новости мне сообщить имел. Я видел брата нашего Татищева, честного пастьера нашего господина Самборского: но без писем от Вас, лишь последний сказал мне, что Вы большой пакет для отправки нам имеете. Посему прошу Вас, почтенный брат и достойный друг, и прошу Вас горячо и смиренно показать мне, что Вы то же доброе мнение о нас имеете, каковое прежде имели, и послать все необходимые бумаги с тех пор, как мы ни одной не получали. Я в скорости провинциальную ложу соберу и Вам перечень наших лож, непрестанно растущий, отправлю. Если я смогу послать все новые постановления и перечень Великих офицеров не иначе как с ближайшими кораблями или судами, то молю Вас ответить на сие предварительно через господина Бакстера и меня в моих опасениях и страхах успокоить. Вы можете присылать мне письма прямо в моих конвертах, и я непременно получу их и отвечу Вам чрез наше посольство в Лондоне, как только корреспонденция наша твердо установится, затем мы сможем писать друг другу с каждою трехмесячною почтою. Надеюсь, Вы сделаете одолжение человеку, который всегда был и будет с истинным почтением,

милостивый государь и почтенный брат,

Вашим всепокорнейшим и всеижайшим братом

23 марта 1776

И. де Елагин

Составитель сего [т. е. Лукин. — Э. К.] говорит то же самое честнейшему и в то же время любимейшему человеку.

...Татищева... Самборского... — Иван Иванович Татищев (1743—1802) служил в русском посольстве в Лондоне с 1769 по 1775 г., когда посланником был Мусин-Пушкин, а капелланом — долго служивший Андрей Афанасьевич Самборский (1732—1815), возвращавшийся на короткий срок в Россию в 1775—1776 гг. См.: *Cross A. By the Banks of the Thames...* P. 30—31, 39—44, 60—66; *Кросс Э. У Темзских берегов...* С. 44—46, 53—59, 77—82. И. И. Татищев не упомянут в «Энциклопедии русского масонства. 1731—2000» А. С. Серкова (М., 2001).

Хезелтайн Елагину

Лондон, 15 июня 1776

Dear Sir & Rt Worshipful Bro

I have received your very obliging Letter of the 23d of March last and in answer beg leave to assure you that it gives me much concern to find you have had the smallest cause to imagine an alteration of those sentiments of Friendship and esteem which I have on all former occasions professed for you Sir and the rest of the Gentlemen in Russia who are Brethren of our ancient Masonic Institution, and who have honoured me particularly with their good opinion & fraternal regard. I am still as much as ever ambitious of being ranked among the Friends of His Excellency Mr Yelaguin, and shall embrace every opportunity of evincing it.

One great cause of delay in transmitting you the accts of the Grand Lodge has been owing to a Friend of mine, who is also a Brother, & who the latter end of last Summer went abroad and proposed taking Petersburg in his way, but was prevented from going thither. By him I forwarded Letters to you Sir, which were lately returned to me, on his arrival here, as he had not been able to forward them in safety.

I have now the honour of transmitting you the accts of Our Grand Lodge since my last Letters, by which you will observe the flourishing state of the Society.

The Grand Officers last year were as follows: the Rt Honble Lord Petre — Grand Master, Rowland Holt Esqr — Deputy Grd Master, Thomas Parker Esqr — Senior Grand Warden, John Hull Esqr — Junior Grand Warden, Rowland Berkeley Esqr — Grand Treasurer, James Heselstine — Grd Secretary, the Revd Wm Dodd, Doctor in Divinity, Grd Chaplain & Mr Francis Johnston — Grd Sword Bearer.

The Officers for the present year elected at Our Anniversary Feast on the 3d Instant are the Rt Honble Lord Petre — Grd Masr, Rowland Holt Esqr — D. G. M., Colonel John Deakin — S. G. W., George Harrison Esqr — J. G. W., and Rowland Berkeley Esqr Dr Dodd, Mr Francis Johnston & myself have the honour to be continued in our respective Offices as in last years Account.

It is with the utmost satisfaction I now inform you Sir that our New Hall in wch our future Grand Lodges will be held, is finished. It was dedicated on the 23d of May last to *Masonry, Virtue, & Universal Charity* and *Benevolence* in the presence of about 400 Brethren. There were also near 200 Ladies admitted to see the greatest part of the Ceremony and it was universally acknowledged to be the most elegant Masonic Entertainment ever exhibited. I have the pleasure to inclose a Copy of the Ceremonial of the Day with the Order of the Processions and different pieces of poetry which were set to Music in a very capital Stile, and performed on the occasion.

The Hall itself is a Master piece of taste and elegance. The Brethren present at the Dedication subscribed £550 Sterling towards Ornamenting & Furnishing the Structure, but there is still wanting a considerable Sum of Money to complete the Ornaments.

Permit me to hope that I shall be honoured with your future Correspondence and to assure you of my most punctual attention thereto. And at your leisure an acct of the State of Masonry in Russia will be particularly acceptable. The Grd Master and the rest of the Officers of the Grd Lodge join in respectful compts to you with Dr Sir & R. W. Bro. J. H.

Перевод:

Милостивый государь и достопочтенный брат,

Ваше весьма любезное письмо от 23 марта я получил и в ответ прошу позволения заверить Вас в своем беспокойстве о том, что Вы имели малейшую причину вообразить перемену тех чувствований братства и уважения, кои я при каждом случае в прошлом выказывал вам, сударь, и остальным господам в России, братьями нашего древнего масонского учреждения являющимся и мне особо своим добрым мнением и братскою заботою честь оказавшим. Я так же, как и всегда, стремлюсь числить себя в рядах друзей Вашего превосходительства, господин Елагин, и всякою возможностью воспользуюсь это явить.

Единая важная причина отсрочки в передаче Вам актов Великой ложи заключается в моем друге, который является также и братом и который в конце прошлого лета отправился за границу и предложил включить в свое путешествие Петербург, но оказался не в состоянии туда проследовать. С ним я отправил письма к Вам, сударь, которые позднее ко мне возвратились с его приездом сюда, поскольку он не сумел отправить их далее в надежных руках.

Ныне я имею честь передать Вам акты нашей Великой ложи со времени моих последних писем, из коих Вы процветающее состояние общества узрите.

Великие офицеры в прошлом году были: достопочтенный лорд Петри — Великий мастер, господин Роуланд Хольт — Великий мастер-заместитель, господин Томас Паркер — старший Великий страж, господин Джон Халл — младший Великий страж, господин Роуланд Беркли — Великий казначей, Джеймс Хезелтайн — Великий секретарь, преподобный Уильям Додд, доктор богословия, — Великий капеллан и господин Френсис Джонстон — Великий меченосец.

Офицеры, на текущий год избранные на нашем ежегодном празднестве 3 числа сего месяца, суть достопочтенный лорд Петри — Великий мастер, господин Роуланд Хольт — Великий мастер-заместитель, полковник Джон Дикин — старший Великий страж,

господин Джордж Харрисон — младший Великий страж, а господин Роуланд Беркли, доктор Додд, господин Фрэнсис Джонстон и я сам имеем честь продолжать исполнение соответствующих наших обязанностей, как в отчете за прошлый год.

А теперь с особым удовольствием уведомляю Вас, сударь, что наш новый дом, где будут проводиться будущие заседания наших лож, закончен. 23 мая сего года он был посвящен Каменничеству, Добродетели и Всемирному благотворению в присутствии около 400 братьев. К созерцанию большей части церемонии были также допущены почти 200 дам, и всеми было признано, что это самое изящное масонское зрелище с приемом гостей, когда-либо явленное. Я имею удовольствие присовокупить копию церемониала этого дня с порядком шествий и различных стихотворений, положенных на музыку превосходного стиля и по сему случаю исполненных.

Сам дом есть лучший образец вкуса и изящества. Братья, на посвящении присутствовавшие, 530 фунтов стерлингов на украшение и обустройство здания собрали, но все еще требуется значительная сумма денег на завершение убранства.

Позвольте мне надеяться, что я и впредь буду иметь честь вести с Вами корреспонденцию, и заверить вас в моей самой тщательной заботе о ней. И на Вашем досуге описание положения масонства в России было бы особенно желательно. Великий мастер и остальные офицеры Великой ложи присоединяются с почтительными наилучшими пожеланиями вам, милостивый государь и достопочтенный брат. Джеймс Хезелтайн.

...Томас Паркер... Френсис Джонстон... — Томас Паркер был старшим Великим стражем с 1775 по 1776 г.; Джон Халл (Hull) был младшим Великим стражем с 1775 по 1776 г.; а Фрэнсис Джонстон — Великим меченосцем с 1775 г. до своей смерти в 1777 г. Самым занимательным лицом оказался Великий капеллан, доктор Уильям Додд (1729—1777), оставивший множество различных публикаций в стихах и прозе; он представил (и издал) свою речь на посвящение дома вольных каменщиков в 1776 г. Чин Великого капеллана был установлен только в 1775 г., но Додд был вынужден оставить его в 1777 г., когда за подлог был брошен в тюрьму и повешен. В последние месяцы своей жизни он написал свои «Мысли в темнице» (Thoughts in Prison, 1777), переведенные на русский язык П. И. Богдановичем под названием «Размышления аглинского пресвитера Додда в темнице» и выдержавшие три издания с 1784 по 1795 г. См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. Т. 1. С. 304. № 1946—1948.

...Джон Дикин... Джордж Харрисон... — Джон Дикин был старшим Великим стражем с 1776 по 1777 г.; Джорж Харрисон — младшим Великим стражем с 1776 по 1777 г.

...были также допущены почти 200 дам... — См.: Grand Lodge 1717—1967. P. 115. Утверждается, что присутствовало «более шестидесяти дам». Хезелтайн умалчивает о том, что он сам выступил со вступительной речью о масонстве. Один член ложи Альфреда Оксфордского университета прочел новую оду, а другие члены этой ложи приняли участие в шествии. Это дает повод для увлекательного предположения, что в их числе были двое россиян: Василий Никитич Никитин (1737—1809) и Прохор Игнатьевич Суворов (1750—1815)

были приняты в ложу Альфреда ранее, в 1775 г., и достигли степени мастера. Более того, Суворов был назначен младшим стражем 1 июня. См.: *Cross A. By the Banks of the Thames...* P. 109; *Кросс Э. У Темзских берегов...* С. 127—128.

Сам дом есть лучший образец вкуса и изящества. — Архитектором был Томас Сандби (1721—1798), и его Дом вольных каменщиков, описанный как «самое изящное его творение», был окончательно разрушен в 1933 г. Аллегорическое изображение этого дома кисти акварелиста Пола Сандби (брата зодчего) и Джованни Чиприани предваряло издание «Книги уставов» 1784 г. См.: *Stubbs J., Haunch T. O. Freemasons' Hall: The Home and Heritage of the Craft.* London, 1983. P. 11—12; *Curl J. S. The Art and Architecture of Freemasonry.* London, 1991. P. 110—112.

№ 17

Елагин к Хезелтайну

С.-Петербург, [?] августа 1776.

Рукою копииста, подпись Елагина

Worshipfull Brother Dear & Worthy Friend!

As much as I was afflicted not to have receivd in a long while any agreeable news from Our most Anciant and honourable Order, so was I rejoyced at last by the receival of the last Packet with the particulars of the Works of Our reverend Mother the grand \square of England informing me of Her kind taking me and all the Brothers under my Constitution for true and sincere Children as they really are. This is as sensible to my heart as the repeated Assurance of Your Brotherly Love to me, of which I have been so much convinced of before.

It is a feeling Joy to me to hear that the Hall Building for the Assembly of the Reverend Mother \square has been at last dedicated with a solemn & due ceremony, and I am persuaded that all my Brothers will enjoy the same pleasure at my acquainting them of it, in our great Assembly which will be in less than a Month time.

In the meantime I now can acquaint you with pleasure that since my last our \square are increased in the Number, though I must own they are not all as zealous as I & some of our Brothers would wish for. For which no other Reason can be given but our being Beginners of a new and difficult Work, which is not affirmed by the uniformity in our working, as every \square performs their Work with some alterations in several degrees, which makes the Junger & even some of the older Brothers challenge (? — A. C.). We have nothing in writing of our whole Work, so every Point is performed by memory & this likewise produces some difficultys, as you know well Worshipfull Brother that Brother Lukin brought nothing over with him in writing, which was refused him, & though he exerts himself to assist us with his Capacity as much as he can, we still don't find it sufficient enough. All these difficultys are still more increased by those of the Strict-Observance and Sweedish System of which a great Number

are now here & even erected some which draw a good many of our young Brothers from us.

I now employ my utmost to unite them to our Constitution & flatter myself that this Work will be soon brought to a desired success. When this done, I am fully persuaded that Unity & Order will be fully erected amongst the Northern Brothers.

Of all which you shall be more particularly informed of, after the Quarterly Communication of the Grand Provincial when have a great deal to settle in severall Points, and even in choising the Grand Officers.

You'll oblige me Worshipfull Brother by sending me 3 Lists of the Provinciall & Privat of which have not been informed since Brother Lukin's return from you. I should be likewise glad to have, Illustration of Masonry printed by W. Preston, which you'll please to procure & deliver, to our Worthy Brother Baxter, who will pay the charges & when any new Works come out of that kind shall be extreamly glad of Your Communicating them to me in future in the same way. I recommend my self to the continuance of your Bretherly Love & remain with the same & sincere Esteem

Worshipfull Brother

Your most ob: Servant and faithfull Brother

I de Yelaguin

S: Petersburg the ... August 1776.

P. S. I beg to have an explination of my remarks in the inclosed Dedication of the Ceremonys of F. M. Hall as well as how long the Dignity of a grand Chaplain is established & what his duty is.

Перевод:

Почтенный брат, дорогой и достойный друг!

Как я был огорчен, долго не имея приятных новостей от нашего древнейшего и почтенного ордена, так возрадовался наконец получением последнего пакета с подробностями о работе нашей многочтимой матери Великой ложи Английской с известием о любезном ее восприятии меня и всех братьев под моим уставом в истинные и верные чада, каковыми они в действительности пребывают. Сие столь же чувствительно сердцу моему, как и повторное заверение в Вашей братской любви ко мне, в коей я прежде столь часто убеждаем был.

Мне радостно слышать, что дом, строившийся для собраний многочтимой матери-ложи, наконец был посвящен с торжественною и должною церемониею, и я уверен, что все мои братья испытают равное удовольствие при моем сообщении им о сем на нашем великом собрании, которое менее чем через месяц состояться имеет.

Между тем ныне могу с удовольствием уведомить Вас, что со времени моего последнего послания ложи наши возросли в числе,

хотя я признать должен, что не все они столь ревностны, как я и некоторые братья наши желали бы. Сему не иную причину дать можно, как ту, что мы лишь новички в незнакомом и нелегком труде, единообразием работ наших не утвержденном, ибо каждая ложа работу свою исполняет с некоторыми отклонениями в отдельных степенях, что юных и даже некоторых старших братьев колебаться (? — Э. К.) заставляет. Мы ничего письменного о полном труде нашем не имеем, так что каждый пункт на память исполняется, и сие тем более трудностей производит, что, как Вы, почтенный брат, знаете, брат Лукин ничего письменного с собою не привез, в чем ему отказано было, и хотя он силится нам способствовать в должности своей по мере сил своих, мы все еще сие достаточным не находим. Все затруднения сии еще более возросли от приверженцев строгого наблюдения и системы шведской, коих здесь сейчас великое число и кои даже некоторые ложи воздвигли, немало юных братьев наших от нас отвлекшие.

Ныне я все усилия свои прилагаю, дабы их под нашим уставом объединить, и лшу себя, что труд этот в скорости к желаемому успеху приведен будет. Совершив сие, я вполне убежден буду в том, что единство и порядок среди северных братьев вполне воздвиглись.

Обо всем Вы более подробно извещены будете после квартального совещания Великой провинциальной ложи, устройство коего в некоторых пунктах великим трудом будет, а также в избрании Великих офицеров.

Вы обяжете меня, почтенный брат, присылкою мне трех перечней провинциальных и частных лож, о коих мы не извещены с тех пор, как брат Лукин от Вас возвратился. Я также рад буду иметь «Объяснение вольного каменщичество», У. Престоном изданное, которое будьте любезны достать и доставить нашему достойному брату Бакстеру, он же оплатит расходы, и когда новые сочинения этого рода выйдут станут, я в высшей степени доволен буду Вашим сообщением мне их в будущем тем же путем. Поручаю себя продолжению братской любви Вашей и пребываю с тем же искренним уважением,

Почтенный брат,

Вашим покорнейшим слугою и верным братом

И. де Елагин

С.-Петербург, [пропуск] августа 1776 года.

Р. S. Прошу Вас дать объяснение на замечания мои на прилагаемое описание обрядов посвячительных дома вольно-каменщицкого, а также, какой срок чину Великого капеллана установлен и в чем обязанности его.

...какой срок чину Великого капеллана установлен и в чем обязанности его... — Неизвестно, возвел ли Елагин кого-нибудь в чин Великого капеллана своей провинциальной Великой ложи.

Хезелтайн Елагину

Лондон, 2 декабря 1777

Dr Sir & Right Worshipful Bro

I have duly received your letters of the 13th May and 24th October last, the contents of the first of these letters surprized me much as I was not conscious of having delayed writing to your Excellency in due time and acknowledging the honour of your friendship & correspondence. I was particularly concerned to find you had not heard from me for near a year, when I had in fact written twice in the course of half a year then last year and I had transmitted our Grd Lodge Accts with an explanation of the ceremony observed at the Dedication of our new Hall &c. But as I fear my Correspondence miscarried through some unforeseen cause, permit me now Sir to repeat my former assurances of a continuation of those sentiments of Friendship by which I have had heretofore acquired your Excellency's good opinion, I am still ambitious of meriting that distinction with which my Brethren in Russia have honoured me, and your Excellency's esteem in particular will be ever dear to me.

Your Excellency will inclosed receive the printed acct's of our proceedings in Grd Lodge to this time together with one of our Calendars for the year 1778 in a separate paquet, in which all our Grd Officers &c will appear but lest any accident of miscarriage should again happen & the Calendar be lost, I shall have the pleasure here to inform you Sir that at our Grand Feast on the 1st of May last our late most Worshipful Grand Master Lord Petre resigned that office and His Grace the most noble George Duke of Manchester &c. &c. &c. was elected in his stead. Rowland Holt Esq was contd Dept Grand Masr, Captain Michael Henry Pascal was appd S.G.W., John Allen Esq was appointed Junr Grd Warden, Rowland Berkeley Esq was continued Tresa, James Heseltine was continued Secry, Thomas Sandby Esq was contd Architect & Francis Johnston was contd Sword Bearer. Bro Johnston is since dead, and the Grd Master has appointed Bro James Bottomley as his successor in the Office of Sword Bearer. I have the pleasure to assure your Excellency that the Society flourishes much in most parts of the Globe, and was never so highly esteemed as at this period.

Permit me now to offer your Excellency my most sincere & grateful thanks for the elegant pistols you were pleased to present me with, by our esteemed Bro Baxter. They are particularly admired by every person here who has seen them, and by me under such obligations as I shall never be able to acknowledge sufficiently. My future attention to every command of your Excellency's will best evince how far I merit the distinction you honour me with.

The three Books mentioned in your letter of the 13th May I have not yet been able to meet with, but have employed a person to use his

utmost diligence to find them, if possible, and shall be happy if he succeeds.

The Grd Masr desires me to offer his best Compts to your Excellcy and I have the honour to be &c. J. H.

Перевод:

Милостивый государь и почтенный брат!

Я должным образом получил письма Ваши от 13 мая и 24 октября сего года, содержание первого столь меня изумило, что я не заметил, как замедлил с письмом Вашему превосходительству в должное время и с признанием чести быть другом Вашим и корреспондентом. Я был особенно озабочен, найдя, что Вы почти год вестей от меня не имели, тогда как в действительности я дважды в течение полугода писал к Вам, затем в прошлом году передал акты нашей Великой ложи с объяснением церемонии, при посвящении нашего нового дома соблюденной. Но поскольку, боюсь, корреспонденция моя по непредвиденной причине затерялась, позвольте мне теперь, сударь, повторить мои прежние заверения в продолжающемся чувстве дружеском, коим я прежде достиг доброго мнения Вашего превосходительства обо мне; я, как и прежде, жажду заслужить отличия, коим братья в России почтили меня, а уважение Вашего превосходительства в особенности всегда будет мне драгоценно.

Ваше превосходительство получит присовокупленные печатные акты деятельности нашей в Великой ложе до сего дня вместе с одним из календарей наших на 1778 год в особом пакете, где явятся все наши Великие офицеры, однако, ежели только вновь почта до Вас не дойдет и календарь утерется, я удовольствие иметь буду известить Вас, сударь, что на нашем Великом празднестве первого мая сего года всепочтенный Великий мастер лорд Петри оставил службу сию, и его милость благороднейший Георг герцог Манчестерский и пр., и пр., и пр. был на его место избран. Господин Роуланд Хольт в степени Великого мастера-заместителя служение продолжил, капитан Майкл Генри Паскаль старшим Великим стражем был назначен, господин Джон Аллен — младшим Великим стражем, господин Роуланд Беркли казначеем остался, Джеймс Хезелтайн — секретарем, господин Томас Сандби — зодчим, а Фрэнсис Джонстон — меченосцем. Брат Джонстон позднее умер, и Великий мастер брата Якова Боттомлея его преемником в чине меченосца назначил. Я имею удовольствие заверить Ваше превосходительство, что общество весьма процветает в большинстве частей земного шара и высоким, как никогда, уважением пользуется.

Теперь же позвольте мне принести Вашему превосходительству мою самую искреннюю и признательную благодарность за изрядные пистолеты, коими Вы подарить меня имели удовольствие, до-

ставленные мне уважаемым братом нашим Бакстером. Ими всякое лицо весьма восхищалось, их видевшее, равно как и я, столь много Вами обязанный, что никогда в достаточной мере признательность свою выразить не сумею. Будущая забота моя о всяком приказании Вашего превосходительства наилучшим образом явит, насколько я отличия заслуживаю, коим Вы мне почтение оказываете.

Три книги, в письме Вашем от 13 мая сего года упомянутые, я до сих пор отыскать не мог, но велел одному лицу все усердие свое употребить, дабы найти их, и счастлив буду, ежели оно преуспеет.

Великий мастер желает, дабы я передал его наилучшие пожелания Вашему превосходительству, и я честь имею быть и т. д. Дж. Х.

...Георг герцог Манчестерский... — Джордж, четвертый герцог Манчестерский (1737—1788), был Великим мастером в 1777—1782 гг., а в следующем году стал английским посланником в Париже.

Майкл Генри Паскаль... Якова Боттомлея... — Майкл Паскаль был старшим Великим стражем с 1777 по 1779 г.; Джон Аллен был младшим Великим стражем с 1777 по 1779 г.; Джеймс (Яков) Боттомли был Великим меченосцем с 1777 по 1780 г.

№ 19

Хезелтайн Елагину

Лондон, 29 июня 1779

Dr Sir & Rt Worshipful Bro,

Having finished the proceedings of our supreme Grand Lodge for the Summer Season and a suspension from labour in our misteries having as usual commenced, which will continue till November next, I am most anxious to embrace this earliest opportunity of assuring your Excellency of a continuation of the warmest & most zealous sentiments of friendship and fraternal regard, and of my sincere gratitude for the many instances of favour and esteem with which your Excellency has heretofore honoured me.

The State of Masonry is not materially altered since I had the honour of writing last year — we receive frequent acc^{ts} from the different quarters of the world, of the flourishing condition of the Lodges — and are particularly happy to find that the peace & harmony of the Brotherhood is not interrupted by national disputes and commotions.

At our Anniversary Grand Feast on the 29th of April last His Grace the Duke of Manchester was re-elected Grand Master for the coming year, Rowland Holt Esq was continued D. G. M., the Rt Honble Lord Viscount Tamworth is appointed Senior Grand Warden, George Hesse Esq, Junr Gr^d Warden, Rowland Berkeley Esq is continued G. T., J. Heseltine is continued as G. S., Thos Sandby Esq G. A. and James Bottomley G. S. B.

I have the honour to inclose the printed acc^{ts} of our proceed^{gs} in the Grand Lodge for the last year and also two of our Calendars for the last year and also two of our Calendars for the current year.

As I have not received any answer from your Excellency to my Letter of the 25th June last year, I am under some apprehension lest it should have miscarried. Be assured Sir it will afford infinite pleasure to His Grace the Duke of Manchester to be honoured with your Correspondence as Grand Mas^t of Russia whenever it may be convenient to your Excellency — and I am desired to offer his Grace's compliments and assurances of sincere respect. I have the honour to be with the highest esteem & by the numbers misterious Sir & R^t Worshipful Gr^d Mas^t your Excellency's most faithful & obed^t Servant & Br^o J. H.

Перевод:

Милостивый государь и достопочтенный брат,

По завершении работы нашей верховной Великой ложи на летнее время и с наступившим обыкновенным перерывом трудов в наших таинствах, который продлится до следующего ноября, я в высшей степени озабочен стремлением воспользоваться этою наиболее раннею возможностью заверить Ваше превосходительство в возобновлении самых теплых и ревностных чувств дружества и братского расположения и моей искренней благодарности за множество примеров благорасположенности и уважения, коими Ваше превосходительство меня до сей поры почтить изволило.

Состояние вольного каменщичества существенно не изменилось с тех пор, как я имел честь писать к Вам в прошлом году: мы получаем частые отчеты из разных концов света о процветающем состоянии лож и особенно счастливы убедиться, что мир и согласие братства национальными ссорами и нестроениями не прерываются.

На нашем ежегодном великом празднестве 29 апреля сего года его милость герцог Манчестерский Великим мастером на будущий год переизбран был, господин Роуланд Хольт Великим мастером-заместителем остался, достопочтенный лорд виконт Тамворт Старшим великим стражем назначен, господин Джордж Гессе — младшим Великим стражем, господин Роуланд Беркли Великим казначеем остался, Дж. Хезелтайн — Великим секретарем, господин Томас Сандби — Великим зодчим и Яков Боттомлей — Великим меченосцем.

Честь имею приложить к сему печатные акты наших работ в Великой ложе за прошедший год, а также два наших календаря за прошедший год и два календаря на год текущий.

Я не получил ответа Вашего превосходительства на письмо мое от 25 июня прошедшего года, опасаясь, как бы оно не пропало. Заверяю Вас, сударь, что его милости герцогу Манчестерскому бес-

конечное удовольствие доставит честь состоять в переписке с Вами как с Великим мастером России, когда бы то ни было угодно Вашему превосходительству, я же имею пожелание передать Вам наилучшие пожелания его милости и заверения в искреннем почтении. Честь имею пребывать с высочайшим уважением и в числах таинственных, милостивый государь и достопочтенный Великий мастер, Вашего превосходительства вернейшим и покорнейшим слугою и братом Дж. Х.

...лорд виконт Тамворт... Джордж Гессе... — Лорд виконт Тамворт был старшим Великим стражем с 1779 по 1780 г.; Джордж Гессе был младшим Великим стражем с 1779 по 1780 г.

№ 20

Хезелтайн Елагину

Лондон, 28 апреля 1780

Much respected & Rt W. Sir & Bro

I was duly honoured with your Letter dated the 1st of the year 1780 and though its contents respecting the state of Masonry in Russia gave me much concern yet I beg leave to assure you Sir that the sentiments of Friendship & respect I have ever entertained for your Excellency cannot be altered either by a temporary interruption to our Correspondence or any other cause.

I have laid your Letter before the Grand Lodge and have the pleasure to assure you that although we lament the great change which has happened in the state of Masonry in the Russian Empire thro the ambition & invention of individuals pleased with novelty and trifles, yet the Grd Lodge highly applauds your Excellcy's perseverance in the pursuit of genuine Masonry. Your zeal, in conjunction with the efforts of the remaining few worthy Brethren, will in time we trust overcome all difficulties and establish your System upon a more firm basis than at any former period. The Grand Lodge with the greatest chearfulness will excuse your non contribn to the Fund of Charity, and under the circumstances of your Lodges do not expect anything till a favorable alteration happens.

I have the honour to inclose the printed accts of our proceedgs during the last year & at the same time to acquaint you that His Grace the Duke of Manchester is re-elected Grand Master for the year ensuing.

I have only to add that a continuance of your Correspondence & friendship will be esteemed the highest honour to the Society at large, that the Grd Master in a particular manner desires me to present his respectful Complimts to your Excellcy — and I am with the sincerest friendship & respect Rt Worshipful Sir & Bro your most obedt Servt & affectionate Bro J. H.

Перевод:

Глубокоуважаемый и достопочтенный
милостивый государь и брат,

Я должным образом был почтен Вашим письмом от 1 числа января сего 1780 года, и хотя содержание его, касающееся состояния вольного каменщичества в России, меня весьма озаботило, я все же прошу позволения заверить Вас, сударь, что чувства дружества и уважения, мною всегда сохраняемые к Вашему превосходительству, не могут измениться ни от временного перерыва в нашей корреспонденции, ни от какой-либо иной причины.

Я изложил письмо Ваше перед Великою ложею и имею удовольствие заверить Вас, что, хотя мы сокрушаемся о великой перемене, приключившейся положению вольного каменщичества в Российской империи через тщеславие и нововведения отдельных лиц, прельщенных новизной и безделками, все же Великая ложа весьма одобряет упорство Ваше в следовании подлинному каменщичеству. Рвение Ваше в сочетании с усилиями оставшихся немногих достойных братьев со временем, верим мы, все трудности преодолет и установит систему Вашу на основании более прочном, нежели когда-либо в прошедшем. Великая ложа с величайшею охотою извинит неучастие Ваше в благотворительном накоплении и ввиду обстоятельств лож Ваших не станет ожидать ничего вплоть до перемены благоприятной.

Честь имею присовокупить печатные акты работ наших в течение прошедшего года и вместе с тем уведомить Вас, что его милость герцог Манчестерский Великим мастером на будущий год переизбран.

Имею добавить лишь, что продолжение корреспонденции нашей и дружбы считаться будет величайшею честью для всего общества, что Великий мастер собственною персоною желает, дабы я передал его почтительные наилучшие пожелания Вашему превосходительству, я сам пребываю с самым искренним дружеством и уважением, достопочтенный сударь и брат, покорнейшим Вашим слугою и любящим братом Дж. Х.

Переводы с английского и французского А. О. Дёмина

А. Ю. ВЕСЕЛОВА

ЕЩЕ РАЗ О РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ АНГЛИЙСКИХ САДОВОДЧЕСКИХ ТРАКТАТОВ

(Из фондов РГАДА)

«Собственноручная французская рукопись Екатерины II об устройстве садов и перевод ее на русский язык», хранящаяся в фондах Российского государственного архива древних актов,¹ была введена в научный оборот Э. Кроссом.² Кросс показал, что этот документ, состоящий из нескольких текстов, и очевидно неполный (хотя имеющий сплошную пагинацию), отражает работу императрицы над созданием руководства по разведению садов на русском языке. Основой для работы послужил французский перевод садового трактата английского писателя и политика сэра Томаса Вейтли «Замечания о современном садоводстве»,³ выполненный

¹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 383. 291 л. Название документу было, очевидно, дано в Государственном архиве Министерства иностранных дел в Санкт-Петербурге, где, как следует из пометы на первом листе, этот материал хранился ранее.

² *Cross A. Catherine the Great and Whately's «Observation on Modern Gardening» // Study Group on Eighteenth Century Russia Newsletter. 1990. N 18. P. 21—29.* См. также: *Cross A. The English Garden in Catherine the Great's Russia // Journal of Garden History. Vol. 13. N 3. July—September. 1993. P. 171—179.*

³ [*Whately Th.*] *Observations on Modern Gardening.* London, 1770. Публикацию современного перевода отрывков из трактата, выполненного Б. М. Соколовым, см.: *Соколов Б. Томас Вейтли и рождение английской теории пейзажного парка // Искусствознание. 2006. № 1. С. 136—185.* К сожалению, в предисловии переводчик ошибочно утверждает, что «...ни в „век Екатерины“, ни в дальнейшем ни один фрагмент книги Томаса Вейтли на русский язык не переведился» (Там же. С. 142). См. также: *Соколов Б. М. Томас Вейтли и Екатерина II: у истоков Царскосельской плантомании // Плантомания. Российский вариант. Материалы XII Царскосельской научной конференции. СПб., 2006. С. 384—406.* Высказанное автором статьи предположение, что Екатерина планировала издать сборник современных садовых трактатов, все же кажется недостаточно убедительным. Скорее следует согласиться с точкой зрения Кросса и Шенле,

Ф. де Поль де Латапи.⁴ Латапи снабдил трактат Вейтли обширным предисловием и собственным описанием английского парка Стоу с приложением плана (в оригинальном трактате Вейтли не было ни планов, ни иллюстраций). 4-й и 5-й листы документа отражают самостоятельные попытки Екатерины II выполнить перевод: на них французский и русский тексты идут параллельно, в два столбца. Но, вероятно, эти попытки не были признаны удачными или работа показалась императрице слишком трудной, поэтому далее она занялась списыванием французского текста, внося небольшие, но значимые исправления: было убрано все, что касалось личных впечатлений автора трактата, изменено деление на параграфы.⁵ Таким образом, для перевода предлагался несколько отличный от оригинала (и весьма близкого к оригиналу, если не считать отдельных вставок, французского перевода) текст, адресованный «Владельцам приморских дач (мыз — зачеркн.) по Петерговской дороге лежащих <...> для вящего украшения по правилам здесь предписанным».⁶

Предисловие Латапи включало в себя также раздел «О китайских садах» (*Of the Art of Laying out Gardens among the Chinese*) из трактата Уильяма Чэмберса «Описание китайских садов, строений, их уборов и пр.».⁷ Рассматриваемый документ включает два варианта перевода на русский язык этого отрывка, один из которых анонимный,⁸ а другой подписан именем И. Нуман. Личность переводчика также была установлена Кроссом: им оказался англичанин Джонсон Ньюман — переводчик, пробовавший себя в качестве преподавателя английского языка в Морском кадетском корпусе,

которые рассматривают переложение книги Вейтли как попытку создать учебник по садоводству (см.: *Cross A. The English Garden in Catherine the Great's Russia*. P. 177; *Schönle A. The Ruler in the Garden. Politics and Landscape Design in Imperial Russia*. Oxford, 2007. P. 55—64).

⁴ *Whately Th. L'Art de former les jardins modernes, ou l'art des jardins anglois*. Traduit de l'Anglois par François de Paul de Latapie. Paris, M.DCC.LXXI.

⁵ Подробнее об этом см.: *Cross A. Catherine the Great and Whately's «Observation on Modern Gardening»*. Сравнение русского переложения с оригиналом сделано также в книге А. Шенле.

⁶ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 383. Л. 3. О дачах на Петергофской дороге см.: *Горбатенко С. Б. Петергофская дорога. Историко-архитектурный путеводитель*. СПб., 2002.

⁷ *Chambers W. Designs of Chinese Buildings, Furniture, Dresses, Machines, and Utensils*. London, 1757. Китайский фрагмент в свою очередь вводился с помощью описания императорского дворца в Пекине, позаимствованного из письма французского архитектора-иезуита Жана Дени Аттире, изданного в Париже в 1747 г. и переведенного на английский язык в 1752 г. под заглавием «*A Particular Account of the Emperor of China's Garden*».

⁸ Именно этот перевод с незначительными поправками был опубликован в 1771 г. См.: *О китайских садах*. Перевод из книги, сочиненной господином Чамберсом, содержащей в себе описание китайских строений, домашних их уборов, одеяний, махин и инструментов. СПб., 1771.

впоследствии секретарь российского посольства в Лондоне, примерно с середины 1750-х до середины 1770-х гг. живший в России.⁹ Сопоставляя два варианта, Кросс сделал предположение, что оба они являются редакциями одного перевода, выполненного тем же Ньюманом (различия этих редакций весьма незначительны), причем не с французского посредника, а с английского оригинала, так как на русском языке книга вышла почти одновременно с французским переводом Латапи, всего на три месяца позже. Гипотеза Кросса вполне обоснованна, особенно если учитывать происхождение Ньюмана, которому, очевидно, проще было переводить с английского, а не с французского.

В то же время ньюмановский перевод отрывка из Чэмберса стилистически и особенно лексически близок переводу фрагментов из Вейтли. Особенное внимание здесь необходимо обратить на передачу некоторых ключевых понятий. В 1770-х гг. XVIII в. язык русских садовых трактатов еще только вырабатывался и находился в процессе становления.¹⁰ В начале XIX в. переводчики по-прежнему жаловались на то, что «...у нас даже не введены многие для его [садового трактата. — А. В.] содержания нужные свои слова».¹¹ Поэтому для перевода одних и тех же терминов, таких как например франц. *scène* / англ. *scene*, использовались разные слова. У Вейтли, как и у Чэмберса, этим словом (которое позднее стали чаще переводить как «сцена») может обозначаться довольно широкий круг явлений: как целый вид, так и отдельный элемент пейзажа. В русском переводе Вейтли, как и в переводе Чэмберса, подписанном Ньюманом, для обозначения этих понятий используется слово «позорище», а в опубликованном переводе Чэмберса — «предмет» (как и для перевода франц. слова *objet*/англ. *object*). В первых двух текстах также совпадает перевод часто встречающегося франц. выражения *point de vue*/англ. *point of view* как «пункт зрения» или даже принятое в современном языке «точка зрения», тогда как в печатной редакции Чэмберса это выражение исправлено на «место проспекта».

Перевод Ньюмана из документа РГАДА выглядит архаичнее опубликованного (в тех местах, где они не совпадают), вероятно

⁹ *Cross A. Johnson Newman, a Little-known Englishman in Russian Service in the Second Half of the Eighteenth Century // Study Group on Eighteenth Century Russia Newsletter. 1993. N 21. P. 36—47.*

¹⁰ О проблемах формирования языка садовых трактатов см.: *Веселова А. Ю. Язык и стиль садовых трактатов конца XVIII—начала XIX века // Пространство и время воображаемой архитектуры. Синтез искусств и рождение стиля / Отв. ред. Б. М. Соколов. Царицынский научный вестник. 2005. № 7—8. С. 270—278.*

¹¹ О составлении ландшафтов или о средствах украшать природу округ жилищ, соединяя приятное с полезным. Сочинение Р. Л. Жирардена, владельца и строителя Эрменонвиля. Перевел Александр Палицын. СПб., 1804. Прим. перев. С. 3.

благодаря тому, что переводчик в ряде случаев предпочитает избегать заимствованных, хотя и уже вошедших в русский язык, слов и употребляет «проходы» и «гульбища» вместо «проспекты» и «аллеи» (как в анонимном опубликованном переводе), «порядок» вместо «регулярство», «пещера» вместо «грот», «орудия, водоем действующие» вместо «гидраулические махины». Такое отношение к языку вполне может быть характерно для человека, переводящего с родного на иностранный язык и стремящегося избежать калькирования. Редактор печатного перевода смелее вводил в русский текст новые заимствования, часто выглядящие более терминологично.¹² Вместе с тем сверка при редактировании, вероятно, велась по французскому тексту, поэтому переведенная Ньюманом английская фраза *romantic scenes* как «романические позорища», в точном соответствии с французским *scène de roman* была заменена на «из романов взятые».¹³

Подход к языку в переводе произведения Вейтли во многом схож с манерой Ньюмана: чрезвычайная осторожность в использовании заимствованных слов привела к появлению в тексте таких словосочетаний, как «малые круглые здания» (*rotondes*), «морской победоносный столб» (*colone rostrale*) или «лицевая верхушка» (*fronton*), а также многочисленных синонимов там, где в источнике использовано одно слово (так, например, *vallon* переводится и как «лощина», и как «суходол»). При этом одно из немногих заимствований — слово «сюмяк»/франц. *sumac* — снабжено кратким этимологическим комментарием,¹⁴ отсутствующим у Латапи.

Но если, при всей своей архаичности, перевод Чэмберса в обеих редакциях достаточно ясен и внятен, то в переводе Вейтли смысл, из-за излишней буквальности перевода, нередко оказывается затемнен и становится понятен только при сравнении с французским текстом. Так, часто встречающееся в тексте слово *accessories*, последовательно используемое Латапи в значении «украшение, дополнительная деталь», неизменно переводится как «случайность», что создает трудности в прочтении фрагмента, независимо от того идет ли речь о неукрашенных частях сада, которые названы «лишенными своих случайностей» (*objet <...> dépouillés de leurs accessories*), или, наоборот, о павильоне, снабженном дополнительными декоративными деталями, обозначенном как «корпус <...> с такими случайностями» (*pavillon <...> avec accessories*). Выражение *caractère de la scène (de la situation)*, переведенное как «очертание

¹² В большинстве случаев эти заимствованные слова (такие, как «аллея», «грот», «регулярный» и т. д.) закрепились, но некоторые языковые эксперименты предполагаемого редактора оказались неудачными: так, вместо прилагательного «искусственный» он вводит слово «артифициальный».

¹³ Этот фрагмент лишней раз подтверждает версию Кросса о том, что Ньюман делал свой перевод с оригинала.

¹⁴ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 383. Л. 253 об.

позорища (местоположения)», уводит русского читателя трактата от разработанной Вейтли теории «характера» местности, в которой «характер» понимается как психологическая категория, близкая к человеческому характеру.¹⁵ Важная для эстетики пейзажного парка категория «разнообразия» (франц. *variété*) везде заменена понятием «отличие» (например, «отличие деревьев», «отличности <...> насаждений»), которое искажает смысл и к тому же требует в русском языке обязательного дополнения. Наконец, появляются очевидно ошибочные и неграмотные формулировки, как например утверждение, что дорога должна «сопрягать всю страну (франц. *raus*) главным строением», где речь несомненно идет не о целой стране, а о местности.

При этом переводчика нельзя упрекнуть в непонимании специфики текста или невладении садовым дискурсом, речь идет именно об общеязыковых проблемах. Подобная ситуация могла сложиться при переводе с одного неродного языка на другой, т. е. в данном случае, если перевод был сделан англичанином, например тем же Ньюманом.

Исходя из сделанных выше наблюдений, можно предположить такую последовательность: Ньюман сделал перевод Чэмберса с английского оригинала и, возможно, благодаря этому получил заказ на перевод Вейтли, но уже не с английского, а с французского источника, потому что именно этот текст перерабатывала Екатерина II. Тем временем перевод Чэмберса был исправлен русским редактором, сверен с французским текстом и вышел в печать, возможно даже еще до того, как Ньюман начал работать над трактатом Вейтли, или одновременно. В роли редактора мог выступить статс-секретарь Екатерины Г. В. Козицкий, достаточно долго игравший роль «посредника между императрицей и литераторами»,¹⁶ — его участие в проекте подтверждается включенными в документ письмами.

К сожалению, по-прежнему непроясненным остается вопрос о том, почему перевод трактата Вейтли, который, судя по приложенным к документу письмам, был выполнен полностью и даже дошел до этапа корректуры, так и не был опубликован. Этот вопрос может быть отчасти связан с биографией Ньюмана, в которой тоже достаточно темных мест. Неизвестно также, почему именно эти листы перевода и отдельные сопроводительные документы сохранились, как неясно, куда пропали остальные листы и какова в целом

¹⁵ См. об этом: *Соколов Б. Томас Вейтли и рождение английской теории пейзажного парка; Соколов Б. М. Британская теория пейзажного садоводства и ее место в культуре русского Просвещения // Философский век: Альманах. Вып. 20. Россия и Британия в эпоху Просвещения. Ч. 2. СПб., 2002. С. 193—213.*

¹⁶ *Степанов В. П. Козицкий Г. В. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К—П). СПб., 1999. С. 97.*

история формирования рассматриваемой единицы хранения РГАДА, объединившей несколько писем и фрагментов разных переводов сплошной пагинацией.

Тем не менее документ представляет собой несомненную ценность и как свидетельство интереса к садово-парковому искусству в России, причем на высшем государственном уровне, и как богатый сравнительный материал для анализа этапов формирования языка и стиля садовых трактатов в России XVIII в. Учитывая также, что «Замечания о современном садоводстве» Вейтли признавались современниками одним из лучших образцов подобного рода произведений,¹⁷ в приложении к этим заметкам публикуется полное постраничное описание этого документа, включенные в него письма и фрагмент перевода текста Вейтли на русский язык.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Постраничное описание документа

Л. 1.

Заголовок:

Principes pour le jardin dans le goût Anglois. Commen <selon loi — зачеркн.> les anglois ont que l'art d'orner les jardins

Архивные пометы:

Собственноручная французская рукопись Екатерины II об устройстве садов и перевод ее на русский язык. Санкт-Петербург, Государственный архив Министерства иностранных дел.

Л. 2.

Заголовок:

Владельцам приморских дач по Петерговской дороге лежащих книга сия в дар приносится от усмотревшего природные оных приятства и способности для вящего украшения по правилам здесь предписанным

¹⁷ Ряд высказываний современников, как и анализ заслуг Вейтли в области теории садово-паркового искусства, приведены в статье Соколова. См.: Соколов Б. Томас Вейтли и рождение английской теории пейзажного парка. О влиянии трактата Вейтли на формирование ансамбля Царского Села см.: Cross A. The English Garden in Catherine the Great's Russia; Schönle A. The Ruler in the Garden; Соколов Б. М. Томас Вейтли и Екатерина II: у истоков Царско-сельской плантомании.

Л. 3.

Письмо Григория Козицкого Ивану Елизарьевичу <Глебовскому¹⁸> от 1 июля 1773 г. с последующей припиской:

Государь мой Иван Елизарьевич.

При сем посылаю вам французские подлинника о садах листы от 8 л по 108 лист включительно, которые вам при корректуре надобны. Впрочем со всегдашим моим к вам почтении есмь

*Государь мой
Вашего высочородия покорным слугою
Григорий Козицкий*

1773 года июля 1 дня

О каталоге и письме вам Афанасьем Ивановичем¹⁹ врученном не позабудьте, я же рекомендую себе с любовью и дружбу вашу. Листы собственноручные при сем посылаемые только для сношения при корректуре в сумнительных случаях вам будут потребны, ибо отосланные в типографию мною самим с них списаны, а иные сколько можно прилежно были считываны.

Л. 4.

Первый абзац трактата Вейтли «Замечания о современном садоводстве» по-французски (с перевода Ф. Поль де Латапи), переписанный рукой Екатерины II.

Л. 5.

Заголовок:

Сокращенные правила для устройства садов по английскому вкусу

Далее в два столбца первый абзац трактата Вейтли по-французски (то же, что на л. 4) и параллельный русский перевод. Оба текста написаны рукой Екатерины II.

Л. 6—243 об.

Список с французского перевода трактата Вейтли, выполненный рукой Екатерины II, с широкими полями, вероятно оставленными для русского перевода.

Л. 244—250.

Список с французского перевода трактата Вейтли, тот же текст, что и на л. 218—225, написан другой рукой.

Л. 251.

Заголовок:

Списываемый перевод

¹⁸ Адресат установлен А. Шенле. См.: Schönle A. The Ruler in the Garden. P. 57.

¹⁹ Личность установить не удалось.

Л. 251 об.—260 об.

Перевод на русский язык фрагмента трактата Вейтли (соответствует французскому тексту с л. 220—225 об.).

Л. 261—264.

Перевод на русский язык фрагмента трактата Вейтли, тот же текст, что и на л. 253—260 об., написан другой рукой, более четким почерком.

Л. 265.

Абзац из трактата Вейтли по-французски, написанный рукой Екатерины II.

Приписка той же рукой:

Письменного оригинала послан последний §1076 русский да 1179 французский в типографии по числу типографскому параграфов. Это параграф все один как видно и выше сего на его гранке, где выписаны последние §§ присланные в типографию.

Л. 266—275.

Перевод на русский язык трактата У. Чэмберса «Об искусстве расположения садов у китайцев», подписанный «И. Нуман».

Л. 276.

Письмо Козицкому от Е. А. Щербинина,²⁰ послано из Харькова 29 января 1774 г.

*Милостивый гдрь мой
Григорий Васильевич!*

За присылку ко мне о английских садах листов приношу вам милостивому г-дарю моему покорнейшую благодарность, почитая то особливим себе счастием, что имею случай оным пользоваться с высочайшей Ея Величества воли. Затем прошу покорнейше о продолжении вашей ко мне дружбе, кои любви удостоверая, при том что я всегда при истинном моем почтении пребыть честь имею ваш

*Милостивого г-даря Моего
покорный слуга
Евдоким <Щербинин>*

*Генваря 29 дня
1774 года
Харьков*

Л. 277—291 об.

Второй вариант русского перевода трактата Чэмберса, изданный в 1771 г., не подписан.

²⁰ Личность также установлена А. Шенле. См.: Schönle A. The Ruler in the Garden. P. 57.

2. Перевод на русский язык фрагмента трактата Вейтли
с французского перевода-посредника Латапи
(л. 251 об.—260 об.²¹)

Все сии нарядныи предметы позорища естественныи представляются лишенными своих случайностей и сопряженными с другими предметами оным свойственными. Храм дружбы недалеко оттуда отстоящий явственню виден. Внутри Елисейских полей находится храм древней добродетели и великих британских мужей. Один стоит на возвышенном месте, другой же внизу долины близ реки. Оба они украшены грудными истуканами сих славных мужей, сделавших имя свое бессмертным в гражданских или военных чинах или учеными сочинениями. Близ храма древней добродетели возвышается морской победоносный столб, посвященный памяти капитана Гренвиля, погибшего в морском сражении.

Столько же замысловато, сколько и с стихотворством согласно, что поставлено награждение храбрости в Елисейских полях и что они украшены именами оказавших услуги отечеству и человеческому роду. Великое множество грудных истуканов и возбуждаемое ими напоминовение имеет только соответственное с очертанием позорища. Никогда уединение не считалось <нрзб> сладостных Елисейских полей, кои всегда описываемы были обиталищем радостных утех.

В сем подражании все обстоятельства сходствуются с утвержденными мнениями. Быстрота сего большого ручья, текущего сквозь долину, несколько света лучей, отбрасываемых от другого ручья, соединяющегося с первым, густо зеленая трава и грудные истуканы великих британских мужей, в воде изображающиеся, отличие дерев, ясность их зелени, замысловатое оных устройство, делающее из каждого дерева особливо отменный предмет и распределяющее их по малым неравностям землелога, все сие, будучи присовокуплено к сему множеству внутренних и внешних предметов, украшающих и оживляющих позорище, распространяет тут особливою веселость, едва воображением постигается и по-видимому на высочайшую степень достигнутую.

Прилегшее к нему другое позорище, составляющее с сим совершеннейшую противоположность, состоит в ольховой роще, которая есть глубоким уединением в тени погруженная и в кую самый яркий солнечный свет проникнуть не может. Воды подмывают свои берега, кажутся стоячими, но не мутными и весьма темного цвета: сие происходит от густой зелени маронных дерев и многих ольх по берегам стоящих и тенью своею воду помрачающих. Комли сих последних

²¹ Фрагмент соответствует главам LIX—LX книги Вейтли и включает описание парка Стоу (из части, принадлежащей самому Вейтли, а не включенной во французский перевод Латапи) и начало главы об устройстве и украшении места для прогулок (*Whately Th. L'Art de former les jardins modernes, ou l'art des jardins anglios. P. 293—304*).

составляют изрядные груды, возвышаясь наось от одного кореня и пересекаясь над водами. В окружающем лесу дол часто попадают поврежденные вязаы, несовершенные ели и пни от посохших дерев. Простые сьмяки,²² тисы, орешник и дикое терние с некоторым количеством липняка и лавровых дерев подсед сочиняют. Лес вообще темнозеленого цвета и листье становится гуще, будучи смешано с плющом, который не токмо около дерев извивается, но и простирается по глубоким и крупным скатам землелога. Наполненная хрящем тропинка покрыта мохом. Построенный в одном конце грот, у коего внешность украшена ломаным кремнем и голышами сохраняет простотою своих припасов и темным цветом все очертания своего местоположения. Два малые круглые здания, поставленные пред сим гротом, излишны в своем глубоком уединении, которое многие сопряженные обстоятельства во мрак погружают и где одно строение с избытком довольно.

Непосредственно над ольховою рощею находится главное возвышение садов. Оно разделяется широким и глубоким суходолом на два холма, на одном из коих стоит большой готический храм. Пространство пред храмом представляет обширную поляну: землелог с одной стороны, с находящимися по краям его деревьями, непосредственно опускается в лощину, дом же, вдали над оными возвышающийся, наполняет промежуток. Сие пространное здание кажется из своей точки зрения знатнее, нежели в самом деле. Над деревьями и между их листьями и сучьями видно верхнее жилье, преддверие башни, перила и кровли, покрытые сланцем и беспорядочно в груды соединенные, но величественный вид имеющие, по другую сторону готического храма землелог опускается довольно отлогим скатом и гораздо продолговато донизу; который кажется со всех сторон совершенно быть орошаем.

Многие рукава реки извиваются по сей плоской поверхности во всяких направлениях. Соединение вод текущих из Елисейских полей с главною рекою внизу находящеюся, и простой деревянный мост, построенный на оной единственно для сообщения представляются в полном виде. Далее показывается сквозь несколько дерев и немного повыше воды один из дорических корпусов соответствующих передней внешности дома.

Сей корпус таким образом присовокупленный и с таковыми случайностями служит удобным обстоятельством для очертания сей картины тихостию и веселостью. Гульбище, которое знатнее, препровождает от готического здания к греческой лощине. От всех входов сада отменяется она своею величиною и весьма за зверинец простирается, где делается гораздо обширною. В садах извивается она от входа и все становится уже и глубже, а наконец теряется

²² По лат. *Rus obseniorum*. Сьмак же слово арапское и значит род дерева подобное мелкой рябине, имеющее красные вязкие ягоды (прим. перев.).

в роше позади прекрасных вязов, перехватывающих ее пределы. Изрядные леса и лесочки покрывают вдоль покаты у лощины; отверсты же места так как бы изредка преграждены отдельными деревьями, распространенными сначала в недалеком расстоянии от зверинца в весьма малом количестве и с великою осторожностью, дабы широта зверинца от того уменьшенной не казалась; но чем лощина глубже становится, тем смелее они вперед простираются по бокам вниз опускаясь, и наполнив дол составляют по местам разных фигур груды умножающих отличности пространнейших насаждений, составленных из непрерывного леса, а иногда и из открытых рош. Часто деревья одной роши, поднимаясь на высоких своих комлях, достигают листвием другую рошу и оставляют между собою малые отверстия, сквозь кои зверинец и сады видны. Среди позорища на одном из углов лощины, с коего все стороны открываются, и куда по наклоненной естественно весьма широкой и гладкой плоскости всходят, воздвигнут храм согласия и победы. Из одной точки зрения с удивлением видим величественную переднюю внешность, составленную из шести конических столпов, подпирающих лицевую верхушку, украшенную половинною возвышенною работою и уставленную истуканами: все прочие точки представляют в удаляющемся и <чрзб.> виде прекрасный перистиль, у коего на каждой стороне по десяти великолепных столпов. Сей предмет впечатлевает очертания величественности во всем его окружающем и исполняет душу некоторым родом удивления и почтения, распространяющемся по совокупному, не имея при том ничего мрачного и унылого, но напротив того в производимых им чувствованиях рождает больше приятности, нежели печали. Вод тут нет, кои бы позорище украшали, ниже дальностей, которые бы его обогащали. Все его части обширны: можно сказать, что предприятие сие высокое и исполнение благоустроенное. Оно от всех посторонних убранств независимо и сохраняется собственною своею великостью.

Описанные теперь позорища суть самые прекрасные и лучшие всех очертаны; но сады заключают множество других, коих многочисленные и различно сложенные предметы производят самые отличнейшие действия и иногда на малых очень расстояниях. Сии действия рождаются всегда от неравности землелога и от разнообразных насаждений и строений. Часто оуждали большое количество сих последних так, как один из пороков Штов и должно признаться, что они покажутся гораздо многочисленными новому человеку, который увидит в два или три часа от двадцати до тридцати первостатейных зданий, смещенных с другими не столь знаменательными. Но леса, становясь все лучше, уничтожают нечувствительно сей порок, скрывая здания и препятствуя, чтоб толикое число вдруг не открылось. Каждое служит к украшению свойственного ему позорища; и когда их порознь рассматривать в разные времена

и при досуге, то трудно определить, какое бы из них было излишно. Я также соглашаюсь, что столь умноженные строения разрушают идею о безмолвии и о уединении. Штов имеет очертанием только великолепие и надменность. Он таков как сии славные места древности, посвященные вере и наполненные таинственными рощами и освященными источниками. Великолепие и великость Штова не всюду смешаны с приятностию, красотою, преизяществом.

Среди всех сих убранств, кои можно употребить в саду сего рода, обыкновенное поле или поскотина служат иногда приятным отдохновением; да и самые дикие позорища в некоторых положениях могут быть тут кстати. Признаюсь, что по строгости рассуждая, они не принадлежат к частям сада, но могут включены быть в его окружность, и ежели поставлены в соседстве с прибранными позорищами, то послужат к умягчению в прехождениях от одного к другому, причем перемены всегда состоят в нашей власти. Сему преизящному обрабатыванию, нужному для случайностей дома, недоставало бы некоторого совершенства, ежели б тут не было видно следов других очертаний, хотя б то и по весьма малому размеру. Все роды имеют столько между собой общих вещей, что часто можно их смешивать с успехом, всегда же поставлять на краях удобно.

О дороге О украшениях дороги

1294 Дорога, называемая по-аглински ридинг, толь много разнствующая от сада обширностию, приближается однако ж к его очертанию во многих обстоятельствах.

1295 Ибо не взирая на их соответствие что до обрабатывания и приятностей касается, подобие становится еще чувствительнее сим свойственным действием ридингу, чтоб распространять идею о доме и сопрягать всю страну главным строением.

1296 Итак должно, чтоб признаки, служащие к его очертанию и к различию от обыкновенной дороги, были наипаче заимствованы от сада.

1297 Могущие преподаваемы быть усадьбою или зверинцем слабы и в малом количестве.

1298 Единые свойственные садам предметы включаются естественно в обширность усадьбы.

1299 Деревья некоторого рода часто бывают довольно достаточны для сего действия.

1300 Ели и березы насажденные по краям дорог или представленные в виде осколков или лесов возвещают часто соседство замка или знатного сельского дома.

1301 Сами липы и индейские маронные деревья на мысль сие приводят потому что они чрезмерно умножены в местах, укра-

шению подлежащих, в обыкновенных же нивах мало их видно бывает.

1302 Когда ридинг сквозь лес проходит, то весьма пристойно насадить в подсед великое множество сих кустарников, кои с нив в сады переносятся для их пригожества или для благовония; так как благоуханные дикие розы, лесной виноград, евоним, козий лист и другие еще многии, коих можно развести в самых диких лесах, и которые никакого присмотра не требуют.

1303 Когда род дерев ничего чрезвычайного не имеет, то весьма явное намерение в их расположении возвещает дорогу украшенную быть имеющую.

1304 Несколько дерев насажденных, вдоль ограды, придают ей некоторый род преизящества, который возвышается над обыкновенными предметами нивы.

1305 Осколки среди поля также отменным суть украшением и достойны зверинца.

1306 Со всех сторон тыном окруженная дорога может украшена быть насаждениями во всех малых пустых пространствах.

1307 И ежели груды дерев хорошо выбраны и оставлены только лучшие на земледоге (хотя б то был лес, поле или дорога, нет нужды), то произведут они всегда много действия.

И. З. СЕРМАН

ИМПЕРАТРИЦА И ПОРУЧИК НОВИКОВ

С некоторого времени меня стало занимать несоответствие двух политических процессов: дело Радищева и дело Новикова. Жестокость приговора Новикову — 15 лет Шлиссельбурга и 10 лет Илимска Радищеву, при том, что вина Радищева была несомненна, а преступность Новикова не доказана, — вызвало у меня желание найти объяснение несоразмерности приговоров.

Возникшая у меня гипотеза предложена была для обсуждения круглому столу сотрудников Сектора XVIII века Пушкинского Дома. Моя гипотеза подверглась очень дельному и внимательному обсуждению. Все многочисленные соображения и возражения, которыми был встречен основной тезис моей гипотезы о некоторых особых причинах столь жестокого приговора по делу Новикова, были мною обдуманы, перепроверены и изложены в более или менее логичной форме. Я не настаиваю на стопроцентной убедительности моих положений, но и не убежден возражениями коллег. Думаю, что дальнейшее обсуждение этой проблемы поможет ее решению и даст возможность найти объяснение загадочному, на мой взгляд, поведению императрицы.

Интерес к Новикову и Радищеву перестал с некоторого времени занимать историков. Как пишет В. С. Ловягин, автор апологетической статьи о переписке Екатерины с Потемкиным, «на страницах книг и статей, посвященных екатерининскому времени, неподобающе видное место заняли Емельян Пугачев, Александр Радищев и Николай Новиков, оттеснив на задний план и саму императрицу, и ее сподвижников».¹ Ловягин ссылается на беседу С. Н. Глинки с сыном Радищева: «В сильной вылазке против князя Григория Александровича он представил его каким-то восточным сатрапом, роскошествующим в великолепной землянке под стенами

¹ Ловягин В. С. Письма, без которых история становится мифом // Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769—1791. М., 1997. С. 473.

какой-то крепости. По этому случаю князь Таврический писал к Екатерине: „Я прочитал присланную мне книгу. Не сержусь. Рушением Очаковских стен отвечаю сочинителю. Кажется, матушка, он и на Вас возводил какой-то поклеп. Верно и Вы не понегодуете. Ваши деяния — Ваш шит“». ² Письма эти не сохранились, и потому судить о них трудно.

Возможно, что окружение Екатерины (Потемкин, Безбородко) склонно было к снисходительности по отношению к таким преступникам, как Радищев. Может быть, этим воздействием объясняется сравнительно мягкий приговор «бунтовщику хуже Пугачева», ³ как назвала Екатерина Радищева в разговоре с Храповицким. Его процесс пришелся на самое начало революции во Франции, когда Екатерина, осуждавшая политику Людовика XVI, «испытывала в тайне, особенно поначалу, нечто вроде злорадства» ⁴ и только позднее, после казни короля, она стала видеть во французской революции угрозу всей остальной Европе. Отчасти поэтому процесс Новикова происходил в более нервной обстановке, хотя никаких противоправительственных действий или заявлений не было найдено в ходе следствия, кроме утраченного письма наследника с благодарностью за присланные масонские книги. Но сопоставление двух, если можно их так назвать, «процессов» Радищева и Новикова продолжает удивлять.

Радищева судили по всему распорядку российского законодательства, и получил он 10 лет пребывания в Илимске, что, конечно, грозило ему в конечном счете смертью. Но важно, что был соблюден весь официальный порядок. С Новиковым Екатерина нарушила судебный порядок: «...хотя Новиков и не открыл еще сокровенных своих замыслов, но <...> собственно им признанные преступления столь важны, что по силе законов тяжчайшей и нещадной подвергают его казни. Мы, однакож, и в сем случае следуя сродному нам человеколюбию и оставляя ему время на принесение в своих злодействах покаяния, освободили его от оной и повелели запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость». ⁵ В приговоре удивляет отсутствие признания его в «преступных змыслах» и одновременно убеждение императрицы в «важности» его преступлений.

Очевидна несоразмерность наказания Радищева и Новикова. «Преступление» Радищева было налицо, его не надо было добывать изощренным следствием. Он был предан суду и осужден. Никаких доказательств преступных действий Новикова найдено не было. Никаких отношений у него с «особой» (т. е. с Павлом Петровичем) не

² Там же. С. 921.

³ Каменский А. «Под сению Екатерины». Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 404.

⁴ Там же. С. 407.

⁵ Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии // Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 672.

было найдено. Чем же объясняется жестокость приговора? Создается впечатление, что Екатерина руководствовалась не государственно-деловыми соображениями, а какими-то другими, вообще ей не свойственными импульсами.

Историк А. Б. Каменский полагает, что троекратные попытки В. И. Баженова наладить контакт московских масонов с Павлом Петровичем не имели большого успеха: «Особую остроту этой и без того самой чувствительной для императрицы проблемы придавало то обстоятельство, что о контактах с Павлом Баженов докладывал Новикову, а тот в свою очередь масонским начальникам за границей, в том числе во враждебной России Пруссии: „Здесь ощущался запах заговора, то есть то, что Екатерина воспринимала особенно болезненно“».⁶ Как справедливо замечает этот же автор, «все эти обстоятельства нужно было оградить от огласки, которая могла произойти в случае судебного разбирательства. Возможно, обстоятельства, связанные с Павлом, выявились уже в ходе следствия, и именно они определили характер и суровость наказания».⁷

В замечательном исследовании Г. В. Вернадского показано, насколько Павел был проникнут масонскими идеями: «Сделавшись в 1783 г. гатчинским помещиком, Павел Петрович повел себя по отношению к новым своим подданным всецело по масонскому представлению о благодетельном государе. Нуждающимся крестьянам он приходил на помощь денежными ссудами и прирезкой земли. Он много заботился о лучшем устройстве полиции и пожарной части. Царевич вмешивался в экономическую жизнь своего владения, стремясь положить предел ростовщичеству торговцев и ремесленников. Для гатчинских крестьян и солдат своего войска цесаревич устроил просторный госпиталь с отдельными комнатами для заразных больных. В Гатчине была устроена бесплатная школа, в Мариенбургском сиротском доме обучались солдатские дети — рукодельям, земледелию и садоводству».⁸

Удивительно, насколько все это похоже на то, что осуществлял в Москве Новиков со своими сотрудниками; и неудивительно, что когда то, что удавалось Павлу Петровичу в пределах Гатчины, стало осуществляться Новиковым во второй столице империи, стало восприниматься Екатериной как опасное, так как она и без того считала Москву сборищем фрондирующего дворянства. Все, осуществленное Новиковым в Москве, вдохновленное теми же идеями, которыми руководствовался Павел, обустроивая Гатчину, благодаря своим масштабам не могло быть приемлемым для Екатерины, так как походило на государство в государстве. То, что терпимо было

⁶ Каменский А. «Под сению Екатерины». С. 399.

⁷ Там же.

⁸ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. 2-е изд. СПб., 1999. С. 293.

в пределах Гатчины, стало невозможным для российского дворянства, привыкшего к относительной свободе жизни и деятельности при Екатерине. Именно эту, как казалось Павлу, не свободу, а разнузданность он хотел вдвинуть в рамки масонского учения о государе и государстве. По первым впечатлениям «сразу стало ясно, символами нового царствования будут *порядок* и *справедливость*. Было очевидно — император ищет дела и хочет собственными руками, подобно Петру Первому, обустроить государство, которое Господь ему предназначил».⁹ Это сказано точно, но не понятно, что «обустроить» государство Павел предполагал следуя учению масонов, разработавших свою систему государственного управления. Сам дух масонства требовал «устроить счастье соотечественников», «воспламениться ко благу государственному» и «созидать благо общественное». В утопическом сочинении М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую» все процветание идеального масонского царства держится на тщательном наблюдении за добронравием жителей. Офирская полиция неослабно следит за недочетами морали: «Каждый разврат нравов, яко явное непочтение к родителям своим, сварливость, жестокие поступки с подданными своими, мотовство, излишняя роскошь — унимается благочинными [начальниками полиции]».¹⁰

«Самый образ жизни его [Павла. — И. С.], — писал один из современников, — долженствовал также много способствовать к соделанию нрава его суровым и мрачным: он вставал рано и в шесть утра садился уже выслушивать доклады, в которые помещаемы были подробные донесения о болезнях, смертях, убийствах, злонамерениях и всяких несчастиях или преступлениях, в том или другом месте толь обширного государства случившихся. Ежедневные или, по крайней мере, частые, тотчас по пробуждении от сна, выслушивания сих обстоятельств, без сомнения, возмущали в нем дух и располагали чувства его к угрюмости и гневу. После докладов, с сими мрачными мыслями, обыкновенно спешил он на вахт-парад обучать офицеров и солдат, где, как в это время, так и в остальные часы дня, все приказы и действия его отзывались сими утренними впечатлениями. Везде казались ему измены, непослушания, неуважения к царскому сану и тому подобные мечты, предававшие его в руки тех, которые были для него опаснее, но хитрее других».¹¹

Павел не мог и не хотел объяснить своим подданным масонскую суть того порядка, который он хотел установить на Руси. То, что он устанавливал как цесаревич в Гатчине, Екатерина считала безвредным, хотя и посмеивалась над его причудами. Но действия Новикова и его сотрудников в Москве возбудили у нее сильные

⁹ Песков А. М. Павел I. М., 1999. С. 93.

¹⁰ Вернадский Г. В. Русское масонство. С. 231.

¹¹ Цит. по: Песков А. М. Павел I. С. 71—72.

подозрения, хотя найти повод их прекратить было трудно. Особое внимание Екатерины вызвала предпринятая Новиковым помощь голодающему крестьянству Московской губернии в 1787 г., в то время, когда государство никакой помощи голодающим не оказывало, а императрица наслаждалась триумфальной поездкой в Новороссию. Считая, что он делал общепольное дело, Новиков подробно рассказал на следствии, отвечая на особый вопрос Екатерины, следующее: «Всем известный голодный 1787 год был причиной сего одолжения (50 000 рублей, полученных от Г. М. Походяшина. — *И. С.*). Распространившиеся общие о сем слухи и ежедневно возрастающие и до непомерной дороговизны возвысившиеся в Москве на хлеб цены, также и полученное мною из деревни нашей уведомление, что все крестьяне *имеют* великий недостаток в хлебе, заставили меня в начале зимы поехать в деревню, чтобы успеть какое-нибудь сделать распоряжение заблаговременно <...>. Быв в первый раз еще в жизни моей поражен ужасною картиною голода, был я чрезвычайно сильно тем тронут натурально, что и рассказывал я случившимся у меня приятелем».¹²

Рассказ Новикова как очевидца так подействовал на Походяшина, что он пожертвовал Новикову 5000 рублей. Новиков пишет, что «столь редкая доброта сердца исполнила меня на всю жизнь мою к нему искренним сердечным почтением и любовью».¹³

Не вмешиваясь в дела гатчинского владельца, с Новиковым Екатерина решила расправиться, хотя и долго не решалась начать следствие и процесс. Как известно из предания, она говорила, что легче ей справиться со шведами и турками, чем с поручиком Новиковым. Если это сообщение не вполне достоверно, то во всяком случае оно свидетельствует о какой-то нерешительности, вообще для Екатерины не характерной. Я предполагаю, что «суровость наказания» была обусловлена еще одним обстоятельством, которое опускают все, писавшие о процессе Новикова. В ходе этого дела столкнулись два характера, между которыми было невозможно взаимопонимание. Радищева Екатерина поняла по-своему, найдя у него корыстные побуждения. В данном случае неважно, была она права или нет. Важно, что Екатерина для себя удовлетворительно объяснила книгу Радищева его недовольством своей служебной карьерой. Новикова ей понять было труднее: она его считала «умным и опасным человеком». Чем же он был опасен?

Сохранился более или менее правдоподобный разговор Екатерины с В. С. Поповым, ближайшим сотрудником Потемкина: «Я говорил с удивлением о том слепом повиновении, с которым воля ее повсюду была исполняема, и о том усердии и ревности, с которым все старались ей угодить. „Это не так легко, как ты думаешь, — из-

¹² Материалы о преследовании Новикова. С. 664—665.

¹³ Там же. С. 666.

волила она сказать. — Во-первых, повеления мои, конечно, не исполнялись бы с точностью, если бы не были удобны к исполнению; ты сам знаешь, с какой осмотрительностью, с какой осторожностью поступаю я в издании моих узаконений. Я разбираю обстоятельства, советуюсь, уведывая мысли просвещенной части народа, и потому заключаю, какое действие указ мой произвести должен. И когда уже наперед я уверена в общем одобрении, тогда выпускаю я мое повеление и имею удовольствие то, что ты называешь слепым повинованием. И вот основание власти неограниченной. Но будь уверен, что слепо не повинуются, когда приказание не приноровлено к обычаям, ко мнению народному и когда в оном последовала бы я одной моей воле, не размышляла о следствиях...»¹⁴

В журнале, который Екатерина инспирировала в 1769 г., «она преподнесла читателям свою концепцию преобразований, построенную на житейской философии, что никто не без слабостей, един Бог совершенен и никому из смертных не дано права судить ближнего; нужно иметь человеколюбие и снисхождение к человеческим слабостям».¹⁵

Такая всепрощающая снисходительность получила поэтическое развитие в «Фелице»:

Едина Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного.
Проступки снисхожденьем правишь,
Как волк овец людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их...¹⁶

Понять поведение Новикова, его бескорыстную деятельность Екатерина со своим холодным и расчетливым умом не могла. Отсюда появление в следственном деле вопроса, ответ на который сама Екатерина очевидно предвидела: «Вопрос 36. Из положений ваших видно, чтобы в вашем сборище делать золото, то и открыть вам, кто в оном ремесле употреблены были, делано ли золото, буде сделано, то сколько всего и куда употребляли или же сыскан ли химиками вашими философический камень и кто также о сем заботился?»¹⁷ Не получив удовлетворительного ответа на этот вопрос и не настаивая на его варьировании, Екатерина не могла не обвинить Новикова в указе от 1 августа 1792 г. в «корыстолюбии», хотя оно никак не было доказано.

¹⁴ Каменский А. «Под сению Екатерины». С. 413.

¹⁵ Степанов В. П. Новиков и Чулков. (Литературные взаимоотношения) // XVIII век. Сб. 11. Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 55—56.

¹⁶ Державин Г. Р. Сочинения. М., 1985. С. 77.

¹⁷ Материалы о преследовании Новикова. С. 650.

После смерти Н. И. Панина московские масоны хотели добиться взаимопонимания с Павлом Петровичем. Для этой конспиративной цели был определен архитектор Баженов, у которого были свои дела в Петербурге и давние личные отношения с Павлом Петровичем. Как показал Вернадский, в книгах, которые Баженов должен был вручить Павлу Петровичу, содержалась суть масонской государственной утопии: «Читая полученное через Баженова „Краткое извлечение христианского учения из послания св. апостола Павла к колоссяам“, Павел мог узнать, что грядущее правление истинного Царя будет „весьма великим“ и „весьма блаженным“ царством, что будущий „Царь сего великого и блаженного царства“ — „такая особа, которая не имеет себе равного; она двух натур“: „Божеского начала“ и „человеческого происхождения“ <...>. Цесаревич узнавал из слов апостола, что, чтобы „доказать себя достойным избрания“ <...> ему надо только преодолеть искушения ложных учителей и ненависть и презрение от всех <...> мыслящих инаково».

Во время коронации 5 апреля 1797 г. «Павел Петрович объявил себя главою церкви и при коронации, прежде чем облечься в порфиру, приказал возложить на себя долматик — одну из царских одежд византийских императоров <...> но святые тайны в алтаре принял из рук священнослужителя, а не сам лично, вопреки распространенным тогда слухам».¹⁸ И это еще не все: «Павел I специально приурочил свой въезд в Москву на коронацию к Вербной субботе — светлому Воскресению <...>. Тем самым Павел приравнивает свое вступление в Москву вступлению Христа в Иерусалим в качестве Мессии, Царя и Искупителя, а свою коронацию — к окончательному прославлению Христа, воцарившегося и искупившего человечество».¹⁹ Откуда могли возникнуть у Павла такие аналогии?

Всякое, даже мнимое, неуважение к нему или неподчинение его приказам Павел воспринимал как нарушение должного почтения ему как главе Православной церкви. Все в России должно было строго подчиняться церковному распорядку и царскому распоряжению. Все, что стало почвой для анекдотов от недовольных павловскими «порядками», возникало не произвольно, а согласно масонскому учению. В книге «Истина религии» так писалось о мундире для всех: «Должно неотменно уже в некоторых местах начатое учреждение одежды сделать таким образом, чтоб каждое обоего пола состояние имело особенный свой пристойный мундир как буднешний, так и праздничный, по примеру военных людей, отдавая оной на вкус каждому месту, и чтоб оно, несмотря на лице, строго наблюдаемо было <...>. Ежели б правило сие было всеобщее, коликих бы избавилось тогда человечество забот, зависти

¹⁸ Песков А. М. Павел I. С. 45.

¹⁹ Там же.

и презрения!»²⁰ Эта идея поголовного обмундирования оказалась неосуществимой, но манящей, как видно из запретительных мер, в особенности против жилетов.

Новикова из Шлиссельбурга Павел освободил, но вернуть ему прежнее финансовое положение не мог и, вернее, не хотел. Ему не нужен был столь независимый деятель. Да и при Александре Новиков казался подозрительным. Екатерининская опала продолжала действовать!

²⁰ *Вернадский Г. В.* Русское масонство. С. 243.

В. Д. РАК

**УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ
В ТОБОЛЬСКОМ ЖУРНАЛЕ
«БИБЛИОТЕКА УЧЕНАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ...»**

Отдел «Библиотеки», в котором печатались мелкие статьи о том, как показывать разные фокусы и решать всяческие остроумные задачи, носил в первых двух частях журнала название «Математические и физические увеселения», что точно соответствовало начальной, основной части длинного заглавия, под которым в 1694 г. был издан двухтомный труд французского математика, впоследствии (с 1701 г.) члена Королевской Академии наук, Жака Озанана (Ozanam, 1640—1717): «*Récréations mathématiques et physiques, qui contiennent Plusieurs Problèmes d'Arithmétique, utiles et agréables, de Géométrie, d'Optique, de Gnomonique, de Cosmographie, de Mécanique, de Pyrotechnie, et de Physique. Avec un Traité nouveau des Horloges Élémentaires*». Имевшие успех «*Récréations*» выдержали в XVIII в. большое число переизданий, будучи после смерти автора по крайней мере дважды подвергнуты основательной переработке.¹

Совпадение заглавий ставит естественный вопрос, не в этом ли собрании разнообразных «задач» («*problèmes*») из различных областей знания и производства черпал П. П. Сумароков занимательный материал для увеселительного отдела своего журнала. Сличение «Библиотеки» с «*Récréations*» дало утвердительный ответ, выявив оригиналы ряда напечатанных в ней статей. Автору данной заметки

¹ Переиздание последовало уже в 1696, затем в 1700 г. Известны посмертные издания в 4 томах: *Nouv. éd., rev., corr. et augm.* [par Grandin]. Paris, 1720; 1723; 1725; 1735; 1741; 1750; 1770; *Nouv. éd., totalement refondue et considérablement augm.* par M. de C. G. F. [M. de Chanla, géomètre forézien (pseud., i. e. Montuc-la, Jean-Étienne, 1725—1799)]. Paris, 1778; 1790. Подзаголовки менялись в разных изданиях и отдельных томах, оставаясь во всех случаях пространными. Английские переводы: полный, по изданию 1778 г. (London, 1803, 1814, 1840 и др.) и сокращенный для светских компаний (4th ed. London, 1790).

пришлось пользоваться разрозненными томами трех изданий,² что исключило возможность установить источник (конкретное издание, по которому выполнялась работа) и объяснить причину некоторых расхождений русских текстов с их французскими оригиналами, которой могли быть как переводческая манера, выбранная П. П. Сумароковым для этого отдела, так и изменения, внесенные в посмертные издания «Récréations». Тем не менее собранные наблюдения позволяют с достаточной уверенностью заключить, что источником не были ни первое издание 1694 г., ни переработка 1778 г., а в руках редактора «Библиотеки» находилось одно из переизданий той «пересмотренной, исправленной и дополненной» редакции, которая выпускалась в 1723 г. Предположительно это ее повторение могло иметь свои от нее текстуальные отличия. Оставляя окончательное решение задачи исследователям, которые будут иметь доступ к другим изданиям пособия, составленного Озананом, приводим ниже список статей, имеющих соответствия в томах, с которыми сличался тобольский журнал.³

Часть 1

С. 261—263. Задача первая. Некто, имея бутыл, наполненную 8 галенками хорошего вина, желает подарить половину из того, то есть 4 бутылки, одному из своих приятелей, но для меры он имеет только две бутылки, из коих в одну входит 5 бутылок, а в другую 3. Спрашивается, каким образом он должен поступить, чтоб влить ровно 4 бутылки в ту бутыл, которая содержит в себе пять? — *Problème XXI. Quelqu'un ayant une bouteille de huit pintes pleine d'un vin excellent, en veut faire présent de la moitié ou de quatre pintes à un ami; mais il n'a pour le mesurer que deux autres vases, l'un de cinq, l'autre de trois pintes. Comment doit-il faire pour mettre quatre pintes dans le vase de cinq? // Récr. 1778. Т. 1. Р. 175—177. В Récr. 1723 (Т. 1. Р. 238—240) как «Problème XLII», с отличающимся заголовком; текст начинается фразой, вынесенной в издании 1778 г. в заглавие, а в остальном совпадает. Пер. частичный.*

С. 263—264. II. Узнать, в которой руке чет и в которой нечет. — *Problème XXII. Une personne tenant dans une main un certain nombre pair de pistoles, et un nombre impair en l'autre main, deviner en quelle main est le nombre pair // Récr. 1723. Т. 1. Р. 164—166. В Récr. 1778 (Т. 1. Р. 147) как «Problème III», с измененным заголовком и отли-*

² Т. 2. Paris, 1694; Т. 1, 3, 4. Paris, 1723; Т. 1. Paris, 1778. В дальнейшем (в библиографической части) ссылки на эти тома сокращенно: Récr., с указанием года издания, тома и страниц.

³ В заголовках орфография и пунктуация модернизированы. Нумерация «задач» в каждой части журнала своя. В пособии Озанана свою внутреннюю нумерацию «problèmes» имеет каждый раздел.

чиями в тексте. Пер. частичный, полностью совпадающий с первым абзацем французского текста в Récr. 1723.

С. 264—265. III. Некоторый человек держит в одной руке золотую монету, а в другой серебряную; узнать, в которой руке золотая и в которой серебряная. — Question. Une personne tenant une pièce d'or dans une main, et une pièce d'argent en l'autre, trouver en quelle main est la pièce d'or, et en quelle main est la pièce d'argent // Récr. 1723. Т. 1. Р. 166. В Récr. 1778 (Т. 1. Р. 147—148) как «Problème IV», с измененным заголовком. Пер. совпадает, за исключением мелкого пропуска, с текстом в Récr. 1723 и расходится с текстом в Récr. 1778.

С. 265—266. IV. Поставить на совершенно гладкой доске, как например на зеркале, яйцо острым концом так, чтоб оно не упало. — Problème XIV. Faire tenir sur un plan uni comme de la glace, un œuf tout droit élevé sur la partie la plus pointuë, sans qu'il tombe // Récr. 1694. Т. 2. Р. 178; Récr. 1723. Т. 3. Р. 130—131 (с добавлением абзаца (в пер. отсутствует) о решении той же задачи Колумбом).

С. 266—267. V. Видеть в темной комнате все происходящее на улице. — Problème XVII. Voir dans une chambre obscure ce qui se passe en dehors // Récr. 1694. Т. 2. Р. 180—181; Récr. 1723. Т. 3. Р. 133—134. Пер. частичный.

Часть 2

С. 241—242. Задача I. Из трех неизвестных карт угадать, какую из трех человек задумал. — Problème XXXI. De trois cartes inconnues, deviner celle que chacun des trois personnes aura prise // Récr. 1723. Т. 1. Р. 215—217. В Récr. 1778. (Т. 1. Р. 144—145) как «Problème II», с измененным заголовком и текстом. Пер. частичный, совпадающий с текстом Récr. 1723 и обнаруживающий значительные отличия от текста Récr. 1778.

С. 243—244. Задача II. Пятнадцать человек христиан и пятнадцать турков находятся на море на одном корабле. Поднялась великая буря. Корабельщик, бросив в море все товары для облегчения судна, говорит, что необходимо бросить туды и половину людей, находящихся на его судне. Он поставил их рядом и, считая по девяти, бросает всякого девятого в море, начиная считать с первого человека после брошенного; нашлось, после того как он утопил таким образом 15 человек, что все 15 христиан остались на корабле. Спрашивается: каким образом расположил он сих 30 человек, чтоб спасти христиан. — Problème XL. Quinze chrétiens et quinze turcs se trouvant sur mer dans un même vaisseau, il survient une furieuse tempête. Après avoir jeté dans l'eau toutes les marchandises, le pilote dit qu'il est encore nécessaire d'y jeter la moitié des personnes. Il les fait ranger de suite; et, en comptant de neuf en neuf, il jette chaque neuvième dans la mer, en recommençant à compter le premier du rang, lorsque le rang est fini: il se trouve qu'après

avoir jeté quinze personnes, les quinze chrétiens sont restés. Comment a-t-il disposé les trente personnes pour sauver les chrétiens? // Récr. 1723. Т. 1. Р. 246—250; Récr. 1778. Т. 1. Р. 168—171 (как «Problème XVII», с изменениями в заголовке⁴). Пер. частичный.

С. 244—245. Задача III. Сделать, чтоб вода поднялася в опрокинутый стакан. — Problème XIX. Faire monter de l'eau dans un verre renversé // Récr. 1723. Т. 3. Р. 136. В Récr. 1694 отсутствует.

С. 245. Задача IV. Чтоб хлеб в печи прыгал. — Problème XVI. Faire qu'un pain saute en cuisant dans un four // Récr. 1694. Т. 2. Р. 179; Récr. 1723. Т. 3. Р. 132. Пер. частичный, начало первой фразы ближе к тексту Récr. 1694.

С. 245—246. Задача V. Представить в комнате молнию. — Problème I. Représenter un éclair dans une chambre // Récr. 1694. Т. 2. Р. 150—151; Récr. 1723. Т. 3. Р. 102—103. Пер. частичный, ближе к тексту Récr. 1723.

С. 246. Задача VI. Имея две равной величины стклянки, наполненные одна, например, вином, а другая водою, перелить сии жидкости из одной стклянки в другую, не употребляя для сего действия никакого другого сосуда. — Problème XXV. Ayant deux phioles égales et pleines de liqueurs différentes, faire passer chaque liqueur d'une phiole à l'autre, sans se servir d'aucun autre vase // Récr. 1723. Т. 3. Р. 147. В Récr. 1694 отсутствует.

С. 247. Задача VII. Сделать такую воду, которая бы горела на руке, не причиняя ни малого вреда. — Problème XXXIX. Composer une eau qui brûle sur la main sans l'endommager // Récr. 1723. Т. 3. Р. 99. В Récr. 1694 отсутствует.

С. 247—248. О материях, придающих разные цветы потешным огням. — Matières qui donnent différentes couleurs au feu des fusées // Récr. 1723. Т. 3. Р. 41—42. В Récr. 1694 отсутствует.

Часть 3

С. 321—324. Как готовить состав для делания ракет лучшей доброты. — Problème X. Préparer la composition nécessaire pour la construction d'une bonne fusée // Récr. 1723. Т. 3. Р. 30—36. В Récr. 1694 (Т. 2. Р. 87—92) другие параметры ракет. Пер. частичный.

Часть 4

С. 301. Растопить на свече свинцовую пулю в бумаге, чтоб она не сгорела. — Problème II. Faire fondre à la flamme d'une lampe une

⁴ Текст русского заголовка несколькими деталями ближе к заголовку в Récr. 1723, кроме двух начальных фраз, которые соответствуют Récr. 1778 («Quinze chrétiens et quinze turcs se trouvent sur mer dans un même vaisseau. Il survient une furieuse tempête»).

balle de plombe dans du papier sans se brûler // Récr. 1694. Т. 2. Р. 151—152; Récr. 1723. Т. 3. Р. 103. Пер. ближе к тексту Récr. 1723.

С. 302—304. Как делать ракеты. — Problème XI. Construire une fusée // Récr. 1723. Т. 3. Р. 36—37; Récr. 1694. Т. 2. Р. 92—94 (с отличиями, ни одно из которых не передано в русском переводе).

Часть 5

С. 253—254. I. Приказав кому-нибудь бросить две игральные косточки, найти число очков верхней стороны каждой кости, не видя оных. — Problème XV. Deux dés étant jetés, trouver les points de dessus de chaque dé, sans les voir // Récr. 1723. Т. 1. Р. 138—139. В Récr. 1778 отсутствует.

С. 254—255. II. Как узнать, какое кто число задумал. — Problème XVII. Deviner le nombre que quelqu'un a pensé // Récr. 1723. Т. 3. Р. 143—151 (пер. частичный: из 17 предложенных способов решения задачи переведен лишь первый; переведенный текст на с. 143). В Récr. 1778 (Т. 1. Р. 139—144) как «Problème I», отсутствует способ решения задачи, переведенный в Библиотеке.

С. 255—257. III. Из шестнадцати жетонов угадать тот, который кто-нибудь задумал. — Problème XXXIX. De 16 jetons, deviner celui que quelqu'un aura pensé // Récr. 1723. Т. 1. Р. 231—233. В Récr. 1778 (Т. 1. Р. 164—166) как «Problème XV», с измененным заголовком.

С. 258—260. IV. Как делать ракеты с звездками. — Problème XXII. Faire des fusées avec des étoiles // Récr. 1723. Т. 3. Р. 59—62; Récr. 1694. Т. 2. Р. 115—117. Пер. частичный, начало соответствует тексту Récr. 1723.

С. 260—261. V. Как делать фитиль для фейерверков, или потешных огней. — Problème XXIII. Faire de l'étope préparée pour les feux d'artifice // Récr. 1694. Т. 2. Р. 117—118; Récr. 1723. Т. 3. Р. 63—64. Пер. частичный.

Часть 6

С. 290—291. 5. Как делать бегающие по земле ракеты. — Problème XIV. Faire des fusées qui courent sur la terre // Récr. 1723. Т. 3. Р. 42—43; Récr. 1694. Т. 2. Р. 98—100. Пер. частичный, несколькими мелкими деталями соответствующий тексту Récr. 1723.

М. КАНАДЗАВА

ИНФОРМАЦИЯ О ЯПОНСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ РОССИИ XVIII ВЕКА

Идея о создании японской ассоциации по изучению России XVIII века появилась несколько лет назад у группы ученых. Весной 2003 г. 7 ученых из различных областей (языковедения, литературы и истории) сообщили о создании Японской ассоциации по изучению России XVIII века. 12 июня 2003 г. состоялись первое общее собрание и одновременно первая научная конференция.

Цель ассоциации заключается в усовершенствовании и развитии исследований по России XVIII века в Японии, и основной ее деятельностью является проведение общих собраний и научных конференций, а также издание пресс-релизов. При проведении общих научных работ исследователи, занимающиеся разными темами, часто сталкиваются с трудностями. Мы считаем, что важнейшей задачей нашей ассоциации должно стать предоставление ее членам возможности для обсуждения научных работ.

В связи с этим научные конференции нашей ассоциации становятся местом обмена мнениями между специалистами из различных научных областей и местом общения опытных ученых с молодыми специалистами.

Назовем основные этапы нашей предыдущей деятельности:

12 июня 2003 г.	Первое общее собрание и совет по созданию ассоциации.
	Первая научная конференция.
Май 2004 г.	Издание списка членов.
Август 2004 г.	Издание пресс-релиза № 1.
18 сентября 2004 г.	Второе общее собрание.
Апрель 2005 г.	Вторая научная конференция.
	Издание пресс-релиза № 2.

Инициаторы создания ассоциации:

Мичико Канадзава (литературоведение)
Каори Кавабата (литературоведение)
Дзюничи Сато (языковедение)
Цунэюки Дой (история)
Ацуси Наоно (литературоведение)
Такаси Фудзияма (литературоведение)
Ивао Ямагучи (история)

Председатель ассоциации	Дзюничи Сато
Зам. председателя	Каори Кавабата
Ген. секретарь	Мичико Канадзава
Срок должности	2 года
Общее количество членов	53 человека
Место секретариата	Токийский университет

Перевод М. Накагами

БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА Э. Г. КРОССА (К 70-летию со дня рождения)

Имя профессора Энтони Гленна Кросса (Anthony Glenn Cross) хорошо известно всем, кто изучает русскую культуру XVIII в. и ее английские связи. С самого начала своей деятельности исследователь избрал именно эти две области знания. Он часто бывал в России, плодотворно сотрудничая с российскими исследователями. Многолетние научные и дружеские контакты связывали его с такими учеными, как М. П. Алексеев, П. Н. Берков, Ю. Д. Левин, с коллективами Сектора взаимосвязей русской и зарубежных литератур и Сектора (ранее Группы) по изучению русской литературы XVIII в. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Часть своей богатой научной библиотеки Э. Г. Кросс подарил Пушкинскому Дому.

Э. Г. Кросс получил образование в Кембриджском университете, написал докторскую диссертацию, посвященную творчеству Н. М. Карамзина. С 1964 г. ученый преподавал в Университете Восточной Англии в Нориче. В 1968 г. им при участии других британских славистов была создана Группа по изучению России XVIII в., которая вскоре сделалась международной и стала объединять многочисленных зарубежных исследователей, интересующихся историей русской культуры этой эпохи. Благодаря инициативе Э. Г. Кросса Группа издает ежегодный журнал «Study Group on Eighteenth Century Russia Newsletter». В этом ценном издании, несколько десятилетий выходящем под редакцией Э. Г. Кросса (к настоящему времени издано 35 выпусков), публикуются статьи, резюме докладов, рецензии и отклики на события международной научной жизни. В организованных английской Группой конференциях (проведено уже семь таких конференций) принимают участие и российские ученые. Рассказывая о своем научном пути, Э. Г. Кросс писал: «Я горжусь и радуюсь успехам Группы, веря в то, что благодаря ей изучение русского XVIII в. приобрело давно заслуженный престиж в глазах научного

сообщества».¹ С 1986 г. он профессор Кембриджского университета; в 1989 г. избран членом Британской Академии. В честь Э. Г. Кросса, большого ученого и талантливого научного организатора, был издан сборник «Russia Society and Culture and the Long Eighteenth Century» (Münster, 2004), в котором приняли участие и российские исследователи.²

Список научных трудов Э. Г. Кросса насчитывает более четырехсот номеров. Ему принадлежит целый ряд монографий. Среди них и книга о Карамзине (№ 23), и фундаментальные исследования о русских в Британии и о британцах в России в XVIII столетии (№ 130, 279, 280, 394а), многочисленные статьи по истории литературы, общественной мысли, изобразительному и садово-парковому искусству. Целый цикл статей связан с историей Петербурга. Поражает число рецензий Э. Г. Кросса на новые книги, как зарубежные, так и российские. Каждый из 35 выпусков «Newsletter» содержит, как правило, несколько публикаций его главного редактора. Особо следует упомянуть небольшие, но всегда очень содержательные статьи, посвященные ушедшим из жизни коллегам.

В библиографии трудов профессора Э. Г. Кросса читатели нашего сборника смогут найти работы, необходимые при обращении к той или иной теме, связанной с изучением русской культуры XVIII столетия, а также и других эпох.

Н. Д. Кочеткова

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Э. Г. КРОССА

1964—2008

1964

1) Karamzin and England // SEER. XLIII. P. 91—114.

1966

2) N. M. Karamzin and Barthélemy's «Voyage du jeune Anacharsis» // MLR. LXI. P. 467—472.

¹ Кросс Э. Исповедь любителя XVIII века // История продолжается. Изучение XVIII века на пороге XXI века.. М.; СПб., Ферней-Вольтер, 2001. С. 373.

² См. рецензию на эту книгу: Веселова А. Ю. Новые исследования по русской культуре XVIII века // Русская литература. 2006. № 2. С. 220—223.

1967

- 3) Karamzin Studies // SEER. XLV. P. 1—11.
- 4) П е ц.: N. M. Karamzin, *Polnoe sobranie stikhotvorenii*, edited by И. М. Lotman (M., 1966) // SEER. XLV. P. 544—547.

1968

- 5) Problems of Form and Literary Influence in the Poetry of Karamzin // SR. XXVII. P. 39—48.
- 6) George Borrow and Russia // Norfolk Life. X. N.78. P. 10—11.
- 7) П е ц.: H. M. Nebel, *N. M. Karamzin: A Russian Sentimentalist* (The Hague/Paris, 1967) // SEER. XLVI. P. 226—228.
- 8) П е ц.: J. Clardy, *G. R. Derzhavin: A Political Biography* (The Hague/Paris, 1967) // SEER. XLVI. P. 498—500.

1969

- 9) George Borrow and Russia // MLR. LXIV. P. 363—371.
- 10) N. M. Karamzin's «Messenger of Europe» (Vestnik Evropy), 1802—3 // Forum for Modern Language Studies. V. P. 1—25.
- 11) The Reverend William Tooke's Contribution to English Knowledge of Russia at the End of the Eighteenth Century // CSS. III. P. 106—115.
- 12) Разновидности идилии в творчестве Карамзина // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века. Л., 1969. С. 210—228 (XVIII век. Сб. 8). См. также № 82.
- 13) Arcticus and *The Bee* (1790—4): An Episode in Anglo-Russian Cultural Relations // OSP. NS. II. P. 62—76.
- 14) Karamzin in English: A Review Article // CSS. III. P. 716—727.
- 15) The Breaking Strings of Chekhov and Turgenev // SEER. XLVII. P. 510—513.
- 16) П е ц.: T. Bakounine, *Répertoire biographique des francs-maçons russes* (Paris, 1967) and P. Bourychkine, *La Franc-maçonnerie en Russie* (Paris/The Hague, 1967) // SEER. XLVII. P. 273—275.

1970

- 17) Preface to reprint: Pearson G. Russia (1859). (London: Cass).
- 18) Travellers' Accounts of Russia in the English Language: A Survey of Recent Editions and Bibliographies // CSS. IV. P. 327—336.
- 19) John Rogerson: Physician to Catherine the Great // Ibid. P. 594—601.

20) A Royal Blue-Stocking: Catherine the Great's Early Reputation in England as an Authoress // Gorski Vijenats: A Garland of Essays Offered to Professor Elizabeth Mary Hill. Ed. R. Auty et alii. Cambridge. P. 85—99.

21) Catalogue of an Exhibition of Eighteenth-Century Russian Books, Held in the University Library, Cambridge. Norwich. Cyclostyled. 50 pp.

22) P e и.: A. von Gronicka, *The Russian Image of Goethe: Goethe in Russian Literature of the First Half of the Nineteenth Century* (Philadelphia, 1968) // SR. XXIX. P. 554—555.

1971

23) N. M. Karamzin: A Study of His Literary Career 1783—1803. Bondale: Univ of Southern Illinois. 336 p.

24) Russia under Western Eyes 1517—1825. London: Elek. 400 p.

25) An Oxford Don in Catherine the Great's Russia // JES. I. P. 166—174.

26) The Testament of a Forgotten Wife. Introduction to reprint: Mrs Atkinson. Reminiscences of Tartar Steppes. 1863. P. V—XIII. (London: Cass).

27) British Freemasons in Russia during the Reign of Catherine the Great // OSP. NS. IV. P. 43—72. (Reprinted in: Transactions of the Quatuor Coronati Lodge. LXXXIV. P. 239—258.)

28) P e и.: *Selected Tragedies of A. P. Sumarokov*, translated by Richard and Raymond Fortune with introduction by John Fizer (Evanston, 1970) // SR. XXX. P. 906—907.

29) P e и.: F. Wilson, *Muscovy: Russia through Foreign Eyes, 1553—1900* (London, 1970) // JES. I. P. 189.

30) P e и.: F. Gaillardet, *The Memoirs of the Chevalier d'Eon*, trans. A. White (London, 1970) // JES. I. P. 386—387.

31) P e и.: J. Bayley, *Pushkin: A Comparative Commentary* (Cambridge, 1971) // Ibid. P. 392—393.

32) P e и.: *The Critical Prose of Alexander Pushkin*, ed. and trans. C. Proffer (Bloomington and London, 1970) and *Pushkin on Literature*, ed. and trans. T. Wolff (London, 1971) // Ibid. P. 393—394.

1972

33) Karamzin's First Short Story? // Russia: Essays in History and Literature. Ed. L. Legters. Leiden: Brill. P. 38—55.

34) The Sutherland Affair and Its Aftermath // SEER. L. P. 257—275.

35) Chaplains to the British Factory in St. Petersburg, 1723—1813 // ESR. II. P. 125—142.

36) P e ц.: J. G. Garrard, *Mixail Culkov: An Introduction to His Prose and Verse* (The Hague/Paris, 1970) // SEER. L. P. 295—296.

37) P e ц.: L. Koehler, *Anton Antonovic Del'vig* (The Hague/Paris, 1970) // JES. II. P. 229.

38) P e ц.: I. Rae, *Charles Cameron, Architect to the Court of Russia* (London, 1971) // Ibid. P. 233.

39) P e ц.: *Guide to the Great Siberian Railway* (1900) (Reprint: Newton Abbot, 1971) and *Baedeker's Russia 1914* (Reprint: Newton Abbot, 1971) // Ibid. P. 234.

40) P e ц.: *Catherine the Great*, ed. L. J. Oliva (Englewood Cliffs, 1971) // Ibid. P. 330.

41) P e ц.: K. A. Papmehl, *Freedom of Expression in Eighteenth-Century Russia* (The Hague, 1971) // Ibid. P. 402—403.

1973

42) P e д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 1.

43) Edinburgh University's Cabinet of Russian Medals // Ibid. P. 27—28.

44) A Russian in the Gordon Riots' // Ibid. P. 29—36.

45) The Russian Literary Scene in the Reign of Paul I // CSS. VII. P. 39—51.

46) Pnin and the Sankt-Peterburgskii zhurnal (1798) // Ibid. P. 78—84.

47) The British in Catherine's Russia // *The Eighteenth Century in Russia*. Ed. J. G. Garrard. Oxford: OUP. P. 233—263.

48) A Russian Almanack for the Year 1767. Introduction to proposed second ed. of George Macartney. *An Account of Russia. MDCCLXVII (1768)*. London: Cass. P. V—XV (Reprint never published: introduction printed and distributed in thirty copies).

49) P e ц.: '*Romantic*' and *Its Cognates: The European History of a Word*, ed. H. Eichner (Manchester, 1972) // JES. III. P. 78—79.

50) P e ц.: *A. S. Pushkin bez isenzury*, ed. A. Flegon (London, 1972) // Ibid. P. 99.

51) P e ц.: *Catherine the Great*, ed. M. Raeff (London, 1972) // Ibid. P. 106—107.

52) P e ц.: *A Source Book for Russian History from Early Times to 1917*, ed. G. Vernadsky et al. (New Haven and London, 1972) // Ibid. P. 200.

53) P e ц.: G. Dore, *The Rare and Extraordinary History of Holy Russia*, trans. D. Weisbord (London, 1972) // Ibid. P. 200—201.

54) P e ц.: V. L. Chenakal, *Watchmakers and Clockmakers in Russia 1400—1850* (London, 1972) // Ibid. P. 201.

55) P e ц.: G. F. Kennan, *The Marquis de Custine and His 'Russia in 1839'* (London, 1972) // SEER. LI. P. 313—315.

56) P e д.: Slavonic: 18th-Century Studies (Zug: Inter Documentation Company). 20 pp. (Catalogue).

57) P e д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N. 2.

58) The English Garden and Russia: An Anonymous Identified // Ibid. P. 25—29.

59) Dmitriev and Gessner // Ibid. P. 32—39.

60) «The Notorious Barkov»: An Annotated Bibliography // Ibid. P. 41—52.

61) The Reluctant Memoirist. Introduction to reprint of I. I. Dmitriev. *Vzgliad na moiu zhizn'* Cambridge: Oriental Research Partners. P. I—XII.

62) Samuel Greig, Catherine the Great's Scottish Admiral // *Mariner's Mirror*. LX. P. 251—265.

63) Printing at Nikolaev, 1798—1803 // *Transactions of the Cambridge Bibliographical Society*. VII. P. 149—157.

64) Pushkin's Bawdy; or, Notes from the Literary Underground // *Russian Literature Triquarterly*. N 10. P. 203—236.

65) P e ц.: P. K. Grimsted, *Archives and Manuscripts in the U.S.S.R.: Moscow and Leningrad* (Princeton, 1972) // *JES*. IV. P. 95—96.

66) P e ц.: C. Carey, *Les Proverbes erotiques russes* (The Hague/Paris, 1972) // Ibid. IV. P. 96—97.

67) P e ц.: *Russian Journal of Lady Londonderry 1836—7*, ed. W. A. L. Seaman and J.R. Sewell (London, 1973) // Ibid. P. 105.

68) P e ц.: N. A. Rubakin, *Sredi knig* (Cambridge, 1973) // Ibid. P. 304—305.

69) P e ц.: P. N. Berkov, *Literary Contacts between Russia and the West since the Fourteenth Century* (London, 1973) // Ibid. P. 306.

70) P e ц.: *Zapiski Derzhavina*, ed. Ia. Grot (Cambridge, 1973) // Ibid. P. 306—307.

71) P e ц.: R. Neuhäuser, *Towards the Romantic Age: Essays on Sentimental and Preromantic Literature in Russia* (The Hague, 1974) // Ibid. P. 306—307.

72) P e ц.: R. K. Wilson, *The Literary Travelogue. A Comparative Study with Special Relevance to Russian Literature from Fonvizin to Pushkin* (The Hague, 1973) // Ibid. P. 308—309.

73) P e ц.: B. Dees, *Evgeny Baratynsky* (New York, 1972) and *Selected Letters of Evgenij Baratynskij*, ed. G. Barratt (The Hague/Paris, 1973) // Ibid. P. 309.

74) P e ц.: A. Flegon, *Beyond the Russian Dictionary. Za predelami russkikh slovarei* (London, 1973) // Ibid. P. 310—311.

- 75) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 3.
 76) Obituary (Dr Barry Hollingsworth) // Ibid. P. 5.
 77) Dzhunkovskii's Aleksandrova: Putting Samborskii in the Picture // Ibid. P. 22—29.
 78) James Walker's Paramythia // Ibid. P. 41—51.
 79) «Замечания» сэра Джона Синклера о России // Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти чл.-корр. АН СССР Павла Наумовича Беркова. Л. С. 160—168 (XVIII век. Сб. 10).
 80) Yakov Smirnov: A Russian Priest of Many Parts // OSP. NS. VIII. P. 37—52.
 81) Russian Students in Eighteenth-Century Oxford (1766—1775) // JES. V. P. 91—110.
 82) Karamzin's Versions of Pastoral // N. M. Karamzin: Russian Literator, Historian and Political Thinker. Ed. J. L. Black. The Hague: Mouton. P. 75—90. См. также № 12.
 83) Early English Specimens of the Russian Poets // CASS. IX. P. 449—462.
 84) Catherine the Great and «An Amusement called Cricket» // The Cricketer. LVI. N 1. P. 60.

- 85) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 4.
 86) Nachricht von einigen russischen Schriftstellern (1768): A New Document and a Bibliography // Ibid. P. 32—43.
 87) Mr Fisher's Company of English Actors in Eighteenth-Century Petersburg // Ibid. P. 49—56.
 88) Footnote to a Note: The French Translation of Aleksandrova // Ibid. P. 57.
 89) Р е ц.: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. Printsipy sostavleniia, obraztsy statei, slovnik*, comp. V. P. Stepanov (Leningrad, 1975) // Ibid. P. 59—66.
 90) Р е д.: Russian Literature in the Age of Catherine the Great: A Collection of Essays. Oxford: Meeuws. 250 pp.
 91) Introduction // Ibid. P. 5—15.
 92) Russian Literature in the Age of Catherine: Synchronic Tables // Ibid. P. 185—193.
 93) A Bibliography of English-Language Scholarship on Eighteenth-Century Russian Literature, Thought, and Culture (1900—1974) // Ibid. P. 195—221. (With G. S. Smith).
 94) Early Contacts of the Society of Arts with Russia, I—III // Journal of the Royal Society of Arts. March. P. 204—207; April. P. 256—258; May. P. 334—336.

95) Василий Петров в Англии (1772—1774) // Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л. С. 229—246 (XVIII век. Сб. 11).

96) Русское посольство в Лондоне и знакомство англичан с русской литературой в начале XIX в. // Сравнительное изучение литератур. Сб. статей к 80-летию акад. М. П. Алексеева. Л. С. 99—107.

97) Р е ц.: N. Kochetkova, *Nikolay Karamzin* (Boston, 1975) // SEER. LIV. P. 275—277.

98) Р е ц.: *Vospriatie russkoi literatury na Zapade*, eds Iu. D. Levin and K. I. Rovda (Leningrad, 1975) // JES. VI. P. 297—298.

1977

99) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 5.

100) Russian Students at Edinburgh University, 1774—87 // Ibid. P. 5—7.

101) Some Anglo-Russian Poetic Curiosities of the Eighteenth Century // Ibid. P. 15—26.

102) Fonvizin's '*Nedorosl'*: An Overlooked English Critique // Ibid. P. 27—33.

103) A Bibliography of English-Language Scholarship on Eighteenth-Century Russian Literature, Thought, and Culture since 1974 // Ibid. P. 55—65. (With G. S. Smith).

104) A Letter of 1747 from the Norfolk Record Office // Ibid. P. 66—69.

105) Anglo-Russian Relations in the Eighteenth Century: Catalogue of an Exhibition. Norwich: Study Group on Eighteenth-Century Russia. 59 pp.

106) A Russian Engineer in Eighteenth-Century Britain: The Journal of N. I. Korsakov, 1776—77 // SEER. LI. P. 1—20.

107) The Duchess of Kingston in Russia // *History Today*. XXVII. P. 390—395.

108) Р е ц.: R. B. Anderson, *N. M. Karamzin's Prose: The Teller in the Tale* (Houston, 1974) // SEER. LV. P. 97—99.

1978

109) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 6.

110) Obituaries (Professor Robert Auty and Dr Malcolm Burgess) // Ibid. P. 5—6.

111) Notes to an Exhibition of 18th-Century Books of Anglo-Russian Interest from the Morfill Collection // Ibid. P. 17—25.

112) Whose Initials? Unidentified Persons in Karamzin's Letters from England // Ibid. P. 26—36.

113) Р е ц.: *Kul'tura i isskustvo petrovskogo vremeni*, ed. G. N. Komelova (Leningrad, 1977) // Ibid. P. 67—71.

114) Р е ц.: L. Ia. Lozinskaia, *Vo glave dvukh akademii* (Moscow, 1978) // Ibid. P. 71—76.

115) Р е ц.: *Dramatic Works of D. I. Fonvizin*, ed. and trans. M. Kantor (Frankfurt, 1974) // SEER. LVI. P. 152—153.

116) Р е ц.: *Eighteenth-Century Moscow: Twelve Engravings Taken from the Paintings of Guerard de la Barthe* (London, 1976) // Ibid. P. 289—291.

1979

117) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 7.

118) Obituary (Michael Josselson) // Ibid. P. 5.

119) The Drummond Hoax // Ibid. P. 9—11. (With P. Dukes).

120) An English Version (1791) of a Poem by Vasilii Ruban // Ibid. P. 38—40.

121) The Subscription Library of the British Factory in St. Petersburg // Ibid. P. 41—46.

122) A Bibliography of English-Language Scholarship on Eighteenth-Century Russian Literature, Thought, and Culture since 1977 // Ibid. P. 47—58. (With G. S. Smith).

123) Р е д.: Great Britain and Russia in the Eighteenth Century: Contacts and Comparisons. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners. 323 pp.

124) Russians in Eighteenth-Century Britain // Ibid. P. 25—46.

125) Русские зрители в английском театре XVIII века // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Сб. статей. Л., 1980. С. 162—173.

126) Konstantin Bal'mont in Oxford in 1897 // OSP, NS. XII. P. 104—116.

127) British Awareness of Russian Culture 1698—1801 // CASS. XIII. P. 212—235.

1980

128) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 8.

129) The Black Hole of Calcutta: Radishchev and Frederick Chamier // Ibid. P. 52—57.

130) 'By the Banks of the Thames': Russians in Eighteenth-Century Britain. Newtonville, Mass.: ORP. 356 pp.

131) A Banner with a Strange Device // ATR Journal. N 40. P. 3—12.

132) Don't Shoot Your Russianists: Or, Defoe and Adam Brand // British Journal for Eighteenth-Century Studies. III. P. 231—233.

133) П е ц.: *The Hermitage: English Art Sixteenth to Nineteenth Century* (Leningrad and London, 1979) // SEER. LIX. P. 299—300.

134) П е ц.: X. Gasiorowska, *The Image of Peter the Great in Russian Fiction* (Madison, 1979) // SEER. LIX. P. 578—579.

135) П е ц.: G. Terry, *East European Languages and Literatures. A Subject and Name Index to Articles in English-Language Journals, 1900—1977* (Oxford, 1979) // JES. X. P. 209—210.

136) П е ц.: L. Kelly, *Lermontov: Tragedy in the Caucasus* (London, 1977) // JES. X. P. 212—214.

1981

137) П е ц.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 9.

138) Obituary (Dr Anne Pennington) // Ibid. P. 5.

139) *The Svodnyi katalog*: Addenda and Corrigenda from British Sources // Ibid. P. 51—56.

140) Bibliography of English-Language Scholarship on Eighteenth-Century Russian Literature, Thought, and Culture since 1979 // Ibid. P. 57—67. (With G. S. Smith).

141) The 1780s: Russia under Western Eyes. Catalogue of an Exhibition. Norwich: Study Group on Eighteenth-Century Russia. 85 pp.

142) Early Miss Emmies: English Nannies, Governesses and Companions in Pre-Emancipation Russia // New Zealand Slavonic Journal. N 1. P. 1—20.

143) Derzhavin au Canada: A Belated Reply // Canadian Slavonic Papers. XXIII. P. 328—329.

144) П е ц.: R. P. Bartlett, *Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia, 1762—1804* (Cambridge, 1979) // Journal of Russian Studies. N 41. P. 57—58.

145) П е ц.: I de Madariaga, *Russia in the Age of Catherine the Great* (New Haven, 1980) // New York Times Book Review. 19 April. 10. P. 23.

1982

146) П е ц.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 10.

147) Obituary (Academician M. P. Alekseev) // Ibid. P. 4—5.

148) The Tale of the Russian Daughter and Her Suffocated Lover. Birmingham: Birmingham Slavonic Monographs. VIII + 55 pp.

149) By the Neva, by the Aire // University of Leeds Review. XXV. P. 1—26. (Inaugural lecture).

150) «O thou, great monarch of a pow'rful reign!» English Bards and Russian Tsars // OSP. NS. XV. P. 80—94.

151) P e ц.: *St. Petersburg: A Traveller's Companion*, ed. L. Kelly (London, 1981) // JES. XII. P. 292—293.

1983

152) P e д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 11.

153) P e ц.: D. S. Likhachev, *Poeziia sadov* (Leningrad, 1982) // Ibid. P. 61—68.

154) P e д.: *Russia and the West in the Eighteenth Century*. Newtonville, Mass.: ORP. 372 pp.

155) Academician M. P. Alekseev (1896—1981): A Tribute // OSP. NS. XVI. P. 1—9.

156) The English and Krylov // Ibid. P. 91—140.

157) *Russian Perceptions of England, and Russian National Awareness at the End of the Eighteenth and the Beginning of the Nineteenth Centuries* // SEER. LXI. P. 89—106.

158) *The Eighteenth-Century Russian Theatre through British Eyes // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century*. CCXIX. P. 225—240.

159) P e ц.: N. Tolstoy, *The Tolstoys* (London, 1982) // Times Literary Supplement. 2 Dec. P. 1338.

160) P e ц.: M. P. Alekseev, *Russko-angliiskie literaturnye sviazi* (Moscow, 1982) // SEER. LXI. P. 418—421.

1984

161) P e д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 12.

162) The Bung College or British Monastery in Petrine Russia // Ibid. P. 14—24.

163) Merry's *Paulina* (1787) and *Mariia i graf M-v* (1810) // Ibid. P. 42—6.

164) *Eighteenth Century Russian Culture and Thought: A Bibliography of English-Language Scholarship and Translations*. Newtonville, Mass.: ORP. XV + 130 pp. (With G. S. Smith).

165) *An Unknown Episode in Scoto-Russian Relations in the Eighteenth Century: The Order of the Beggar's Benison* // Scottish Slavonic Review. N 3. P. 45—63.

166) P e ц.: W. G. Jones, *Nikolay Novikov, Enlightener of Russia* (Cambridge, 1984) // JES. XIV. P. 304—305.

167) P e ц.: N. A. Erofeev, *Tumannyi Al'bion: Angliia i anglichane glazami russkikh 1825—1853 gg.* (Moscow, 1982) // SR. XLIII. P. 101—102.

- 168) P e д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 13.
- 169) «Tried and Trusted Remedies»: Further British Responses to News of the Plague in Russia, 1770—1 // *Ibid.* P. 36—39.
- 170) The Empress and Emile // *Ibid.* P. 44—45.
- 171) Obituary (Dr Jim Harvie) // *Ibid.* P. 76.
- 172) The Russian Theme in English Literature from the Sixteenth Century to the Present: An Introductory Survey and a Bibliography. Oxford: Meeuws. 278 pp.
- 173) «The Great Patroness of the North»: Catherine II's Role in Fostering Anglo-Russian Cultural Contacts // *OSP. NS. XVIII.* P. 67—82.
- 174) P e ц.: H. Pitcher, *The Smiths of Moscow: A Story of Britons Abroad* (Cromer, 1984) // *TLS.* 1 March. P. 224.
- 175) P e ц.: A. Kalashnikov, *Anglo-Russian Relations: An Essay in Wood-Engraving* (Pinner, 1983) // *SEER. LXIII.* P. 296—297.
- 176) P e ц.: *The Voice of a Giant: Essays on Seven Russian Prose Classics*, eds R. Cockrell and D. Richards (Exeter, 1985) // *JES. XV.* P. 225—226.

1986

- 177) P e д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 14.
- 178) 'XVIII vek' // *Ibid.* P. 7—11.
- 179) Richard Paton and the Battle of Chesme // *Ibid.* P. 31—37.
- 180) P e ц.: E. Dashkova, *Zapiski 1743—1810*, ed. G. N. Moiseeva (Leningrad, 1985) // *Ibid.* P. 73—74.
- 181) British Residents and Visitors in Russia during the Reign of Catherine the Great: Tapped and Untapped Sources from British Archives // *The Study of Russian History from British Archival Sources.* Ed. J. Hartley. London and New York. P. 89—106.
- 182) «S Anglinskago»: Books of English Origin in Russian Translation in Late Eighteenth-Century Russia // *OSP. NS. XIX.* P. 62—87.
- 183) Die deutsche Beitrag zur britischen Russlandkunde im 18. Jahrhundert // *Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert.* Berlin: Akademie-Verlag. S. 271—284.
- 184) P e ц.: S. Karlinsky, *Russian Drama from the Beginnings to the Age of Pushkin* (Berkeley, 1985) // *TLS.* 14 Feb. P. 156.
- 185) P e ц.: G. Marker, *Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia 1700—1800* (Princeton, 1985) // *TLS.* 7 March. P. 239.

- 186) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 15.
- 187) John Maddison — Breaker of Russian Cyphers and Collector of Russian Books // *Ibid.* P. 25—29.
- 188) Cambridge — Some Russian Connections. Cambridge: CUP. 28 pp. (Inaugural lecture).
- 189) Scoto-Russian Contacts in the Reign of Catherine the Great (1762—96) // *The Caledonian Phalanx: Scots in Russia*. Edinburgh: National Library of Scotland. P. 24—46.
- 190) Karamzin's *Moskovskii zhurnal*: Voice of a Writer, Broadsheet of a Movement // *Cahiers du monde russe et soviétique*. XXVIII. P. 121—126.
- 191) Р е д.: (guest ed.): Russian Literature Triquarterly. N 20. Eighteenth Century. Part I. (With G. S. Smith).
- 192) Пер.: N. Karamzin. A Knight of Our Time // *Ibid.* P. 139—158.
- 193) The Right Path, but the Wrong Romyantsev // *SSR*. N 8. P. 109—111.
- 194) Р е ц.: N. Riasanovsky, *The Image of Peter the Great in Russian History and Thought* (Oxford, 1985) // *SEER*. LXVI. P. 284—287.
- 195) Р е ц.: J. L. Black, *G. F. Müller and the Imperial Russian Academy* (Kingston and Montreal, 1986) // *Ibid.* P. 288—289.
- 196) Р е ц.: M. Stuart, *Aristocrat-Librarian in Service to the Tsar: Aleksei Nikolaevich Olenin and the Imperial Public Library* (Boulder, 1986) // *Ibid.* P. 468—470.
- 197) Р е ц.: R. H. Stacy, *India in Russian Literature* (Delhi, 1985) // *Ibid.* P. 500.
- 198) Р е ц.: M. S. Simpson, *The Russian Gothic Novel and Its British Antecedents* (Columbus, 1986) // *Ibid.* P. 624—625.

1988

- 199) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 16.
- 200) Р е ц.: E. R. Dashkova, *Zapiski; Pis'ma sester M. i K. Vil'mot iz Rossii* (Moscow, 1987) // *Ibid.* P. 38—43.
- 201) Р е ц.: G. K. Koz'mian, *Charlz Kameron* (Leningrad, 1987) // *Ibid.* P. 44—46.
- 202) Р е ц.: Iu. M. Lotman, *Sotvorenie Karamzina* (Moscow, 1987) // *Ibid.* P. 47—51.
- 203) Р е д.: (guest ed.): Russian Literature Triquarterly. N 21. Eighteenth Century. Part II. (With G. S. Smith).
- 204) Р е д.: Russia and the World of the Eighteenth Century. Columbus, Ohio: Slavica. VIIIi + 680 pp. (With R. P. Bartlett and K. Rasmussen).

205) *The Philanthropist, the Travelling Tutor and the Empress: British Visitors and Catherine II's Plans for Penal and Medical Reform* // *Ibid.* P. 214—228.

206) *Early British Acquaintance with Russian Popular Song and Music (the Letters and Journals of the Wilmont Sisters)* // *SEER.* LXVI. P. 21—34.

207) *The Lords Baltimore in Russia* // *JES.* XVIII. P. 77—91.

208) *Charles Cameron's Scottish Workmen* // *SSR.* N 10. P. 51—74.

209) Р е ц.: H. D. Hudson, *The Rise of the Demidov Family and the Russian Iron Industry in the Eighteenth Century* (Newtonville, Mass., 1986) // *JES.* XVIII P. 145—146.

210) Р е ц.: G. M. Terry, *East European Languages and Literatures III: A Subject and Name Index to Articles in English-Language Journals.* (Nottingham, 1985) // *SEER.* LXVI. P. 332.

1989

211) Р е д.: *An English Lady at the Court of Catherine the Great: The Journal of Elizabeth Dimsdale, 1781.* Cambridge: Crest Publications). 128 pp.

212) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 17.

213) *British Sources for Catherine's Russia: 1) Lionel Colmore's Letters from St Petersburg, 1790—1* // *Ibid.* P. 17—34.

214) Р е ц.: A. Iu. Solov'ev et alii, *Gazeta «Sanktpeterburgskie vedomosti» XVIII veka: ukazateli k sodержaniuu 1728—1731 gg. and 1774 g.* (Leningrad, 1987) // *Ibid.* P. 36—38.

215) Ivan Ermenev and the Enigma of «The Beggars» // *Words and Images: Essays in Honour of Professor (Emeritus) Dennis Ward. Falchikov M. et alii* (eds). Nottingham: Astra Press. P. 67—80.

216) «Pretty as a Picture»: Karamzin's Liza and Turgenev's Akulina // L. Didic, D. Lazic, C. Hawkesworth and B. S. Johnson (eds). *South Slav Perspectives: Liber Amicorum in Honour of E. D. Goy.* London and Krusevac: SSEES and Bagdala. P. 204—216.

217) *Count Semen Vorontsov's Library of Russian Books in London* // *Solanus.* NS. III. P. 12—24.

218) Р е ц.: James Cracraft, *The Petrine Revolution in Russian Architecture* (Chicago, 1988) // *TLS.* 12 May. P. 523.

219) Р е ц.: John T. Alexander, *Catherine the Great: Life and Legend* (London, 1989) // *TLS.* 23 June. P. 682.

220) Р е ц.: George Barany, *The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697—1698* (New York, 1986) // *English Historical Review.* CIV. N 413. P. 1040—1041.

1990

221) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 18.

222) Catherine's Oleg: A Bicentennial Visitation' // Ibid. P. 10—17.

223) Catherine the Great and Whately's Observations on Modern Gardening // Ibid. P. 21—29.

224) Р е д.: A. P. Vergunov and V. A. Gorokhov, *Russkie sady i parki* (Moscow, 1988) // Ibid. P. 64—67.

225) Catherine the Great: Views from the Distaff Side // Bartlett R. P. and Hartley J. M., eds. *Russia in the Age of the Enlightenment*. (Macmillan). P. 203—221.

226) Guest Ed.: *Journal of European Studies*. XX. N 3. (Special number on Russian art and culture in the twentieth century).

227) Р е д.: Zh. Pavlova, *Imperatorskaia biblioteka Ermitazha 1762—1917* (Tenaftiy; N. J., 1988) // SEER. LXVIII. N 2. P. 342—343.

1991

228) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 19.

229) Dispute with a Tutor: An Episode from Princess Dashkova's Residence in Edinburgh // Ibid. P. 22—29.

230) Р е д.: O. Mikhailov (ed.), *Sochineniia Ekateriny II* (Moscow, 1990) // Ibid. P. 58—61.

231) From Hull to Petersburg: Levesque's History of Russia Printed by George Prince // *Factotum*. N 33. P. 14—17.

232) The Russian banya in the Descriptions of Foreign Travellers and in the Depictions of Foreign and Russian Artists // *OSP. NS*. XXIV. P. 13—38.

233) Catherine the Great «Come from Russia to Liberate Ireland» // *Irish Slavonic Studies*. X. (1989 [1991]). P. 89—92.

234) Russian Gardens, British Gardeners // *Garden History* XIX. P. 12—20.

235) In Cameron's Shadow: Adam Menelaws, Stonemason Turned Architect' // *SSR*. N 17. P. 7—19.

236) Р е д.: M. Keller (ed.), *Russen und Russland aus deutscher Sicht. 18 Jahrhundert: Aufklärung* (Munich, 1987) // *English Historical Review*. CVI. P. 473—474.

237) Р е д.: M. Okenfuss (ed.), *The Travel Diary of Petr Tolstoi: A Muscovite in Early Modern Europe* (Dekalb, Ill., 1987) // Ibid. P. 709—710.

238) Р е д.: B. C. Johnson (ed.), *Tea and Anarchy! The Bloomsbury Diary of Olive Garnett 1890—1893* (London, 1989) // SEER. LXIX. P. 370—371.

239) Р е ц.: R. A. Karlowich (comp.), *A Guide to Scholarly Resources on the Russian Empire and Soviet Union in the New York Metropolitan Area* (N. Y., 1990) // Ibid. P. 724—725.

240) Р е ц.: B. Ometev and J. Stuart, *St. Petersburg: Portrait of an Imperial City* (London, 1990) // Ibid. P. 727—728.

241) Р е ц.: *Travels in 18th Century Russia. Costumes, Customs, History*. By P. S. Pallas, Robert Johnston and W. Miller (London, 1990) // Ibid. P. 750—751.

1992

242) «Англофилия у трона»: Британцы и русские в век Екатерины II. Каталог выставки. London: British Council. XV + 122 pp.

243) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 20.

244) Р е ц.: Iu. N. Bespiatykh, *Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniakh* (Leningrad, 1991) // Ibid. P. 66—68.

245) Р е ц.: V. K. Bylinin and M. P. Odesskii (eds), *Sochineniia Ekateriny II* (Moscow, 1990) // Ibid. P. 69—71.

246) Р е ц.: V. P. Kozlov, «*Istoriia Gosudarstva Rossiiskogo*» N. M. Karamzina v otsenkakh sovremennikov (Moscow, 1989) // Ibid. P. 81—85.

247) Early Contacts of the Society with Russia // D. G. C. Allan and J. L. Abbott (eds). 'The Virtuoso Tribe of Arts and Sciences': Studies in the Eighteenth-Century Work and Membership of the London Society of Arts. Athens, Georgia and London. P. 265—275.

248) Р е ц.: C. Foust, *Rhubarb: the Wondrous Drug* (Princeton, 1992) // RSA Journal. CXLI. N 5435. P. 65—66.

249) The High Road and the Low: Russian Students and Travellers in Eighteenth-Century Scotland // Coexistence. XXIX. P. 113—124.

250) An Anglo-Russian Medley: Semen Vorontsov's Other Son, Charles Cameron's Daughter, Grand Duke Alexander Pavlovich's English Playmate, and Not Forgetting His English Nurse // SEER. LXX. P. 708—721.

251) Р е ц.: J. Freeman and K. Berton, *Moscow Revealed* (London, 1991) and G. Galitzine, *Imperial Splendour: The Palaces and Monasteries of Russia* (London, 1991) // Ibid. P. 545—547.

252) Р е ц.: I. de Madariaga, *Catherine the Great: A Short History* (New Haven and London, 1990) and Lindsey Hughes, *Sophia, Regent of Russia, 1657—1704* (New Haven and London, 1990) // History. LXXVII. P. 329—330.

253) Р е ц.: A. L. H. Rhineland, *Prince Michael Vorontsov, Viceroy to the Tsar* (London and Montreal, 1990) // JES. XXII. P. 189—190.

254) Р е ц.: J. Black, *The British Abroad: The Grand Tour in the Eighteenth Century* (London, 1992) // Ibid. P. 360—362.

255) Anglo-Russica: Aspects of Anglo-Russian Cultural Relations in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Oxford and Providence: Berg. X + 269 pp.

256) Р е д.: Engraved in the Memory: James Walker, Engraver to Catherine the Great, and His Russian Anecdotes. Oxford and Providence: Berg. VII + 192 pp.

257) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 21.

258) Johnson Newman, a Little-Known Englishman in Russian Service in the Eighteenth Century // Ibid. P. 36—47.

259) Р е ц.: A. Sokolov, *Navstrechu drug drugu: Rossiia i Angliia v XVI—XVIII vv.* (Iaroslavl', 1992) // Ibid. P. 63—65.

260) Р е ц.: N. F. Shakhmagonov, *Khrani Gospod' Potemkina* (Moscow, 1991) // Ibid. P. 66—69.

261) The English Garden in Catherine the Great's Russia // Journal of Garden History. XIII. P. 172—181.

262) On Reading «Sablukov, Beauty, and English Titles at St. Petersburg» // Factotum. N 37. P. 19—21.

263) Р е ц.: S. Baehr, *The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia* (Stanford, 1991) // MLR. LXXXVIII. P. 1049—1050.

264) Р е ц.: R. E. McGrew, *Paul I of Russia 1754—1801* (Oxford, 1992) // TLS. 4 May. P. 28.

265) Р е ц.: C. S. Leonard, *Reform and Regicide: The Reign of Peter III of Russia* (Bloomington, 1993) // Ibid. 5 November. P. 22.

1994

266) Р е д.: Literature, Lives and Legality in Catherine's Russia. Nottingham: Astra Press. VIII + 174 pp. (With G. S. Smith).

267) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 22.

268) Did Catherine the Great Know English? // Ibid. P. 13—19.

267) Preface // Levin Iu. D. The Perception of English Literature in Russia: Investigations and Materials. Nottingham: Astra Press. P. IX—XI.

270) Catherine the Great and the English Garden // J. O. Norman (ed.). *New Perspectives on Russian and Soviet Artistic Culture*. London. P. 17—24.

271) Р е ц.: Rosalin Barker, *Prisoners of the Tsar: East Coast Sailors Held in Russia 1800—1801* (Beverley, 1992) // SEER. LXXII. P. 335—336.

272) Р е ц.: Barry Johnson (ed.), *Olive & Stepniak: The Bloomsbury Diary of Olive Garnett 1893—1895* (London, 1993) // Ibid. P. 513—514.

273) Contemporary British Responses (1762—1810) to the Personality and Career of Princess Ekaterina Romanovna Dashkova // OSP. NS. XXVII. P. 41—61.

1995

274) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 23.

275) Paul Sandby and the Dashkovs // Ibid. P. 37—44.

276) Английские отзывы об А. П. Сумарокове // XVIII век. Сб. 19. СПб. С. 60—69.

277) Поездки княгини Е. Р. Дашковой в Великобританию (1770 и 1776—1780 гг.) и ее «Небольшое путешествие в Горную Шотландию» (1777) // Там же. С. 223—268.

278) Р е ц.: J. Braat et alii (eds), *Russians and Dutchmen: Proceedings of the Conference on the Relations between Russia and the Netherlands* (Groningen, 1993) // JES. XXV. P. 233—235.

1996

279) «By the Banks of the Neva»: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. Cambridge: CUP. XV + 474 pp.

280) У Темзских берегов: россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 388 с. (Авторизованный перевод, см. № 130).

281) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 24.

282) Р е ц.: V. N. Toporov, «*Bednaia Liza*» *Karamzina: Opyt prochnosti* (Moscow, 1995) // Ibid. P. 66—71.

283) Nikolai Karamzine (1766—1826) // E. Etkind and G. Nivat (eds). *Histoire de la littérature russe. II (Le XIXe siècle: L'époque de Pouchkine et de Gogol)*. Paris: Fayard. P. 31—40.

284) La Réception de l'œuvre de Karamzine // Ibid. P. 41—52.

285) Petrus Britannicus: The Image of Peter the Great in Eighteenth-Century Britain // *A Window on Eighteenth-Century Russia: Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*, Gargnano, 1994. M. di Salvo and L. Hughes (eds). Rome: Fenice. P. 3—11.

286) Anglo-Russian Cultural Relations // *British Art Treasures from Russian Imperial Collections in the Hermitage*. B. Allen and L. Dukelskaya (eds). New Haven: Yale Univ Press. P. 16—35.

287) British Gardeners and the Vogue for the 'English Garden' in Russia in the Late Eighteenth Century // Ibid. P. 78—91.

288) Британские отзывы о личности и карьере Е. Р. Дашковой (1762—1810) // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб. С. 23—40. См. № 272.

289) Рец.: John E. Bowlt (ed. and trans.), *The Salon Album of Vera Sudeikin-Stravinsky* (Princeton, 1995) // JES. XXVI. P. 95—96.

290) Рец.: Priscilla Roosevelt, *Life on the Russian Country Estate: A Social and Cultural History* (New Haven, 1995) // TLS. N 4871. (August). P. 26.

291) Рец.: Zoia Belyakova, *The Romanov Legacy: The Palaces of St. Petersburg* (London, 1994) and *Treasures of the Czars from the State Museums of the Moscow Kremlin* (London, 1995) // SEER. LXXIV. P. 530—532.

292) *Autobibliography 1964—1996*. Cambridge: Crest. IV + 17 pp.

293) Британская колония на берегах Невы в XVIII веке // Россия и Запад: Диалог культур. М. С. 99—108.

294) *The Armchair Traveller «in» Catherine II's Russia* // Россия, Запад, Восток: Встречные течения. СПб. С. 313—321.

1997

295) Рец.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 25.

296) Which Hadfield? // *Ibid.* P. 24—26.

297) British Sources for Catherine the Great's Russia: 2) Paul Gilchrist's «Genuine Letter» of 1762 on the Overthrow of Peter III // *Ibid.* P. 44—64.

298) Культурные связи между Британией и Россией в XVIII столетии // С берегов Темзы — на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже. СПб. С. 16—35. См. № 287.

299) Британские садовники и мода на английские парки в России конца XVIII века // Там же. С. 78—91. См. № 287.

300) Condemned in Correspondence: Horace Walpole and Catherine «Slay-Czar» // JES. XXVII. P. 129—141.

301) Horace Walpole et Catherine la régicide // *Catherine II & l'Europe*. A. Davidenkoff (ed.). Paris: Institut d'Etudes slaves. P. 47—52.

302) Catherine II through Contemporary British Eyes // *Russica Romana*. IV. P. 55—65.

303) Obituary (Dame Elizabeth Hill) // *The Guardian*. Friday. 10 January. P. 19.

304) Книги о России с иллюстрациями (со времен Крымской войны возвращаясь к началу XIX века) // Незабываемая Россия: Русские и Россия глазами британцев. XVII—XIX века. М. С. 116—128.

305) Русские сады, британские садовники // Памятники истории и культуры Петербурга. Вып. 4. С. 94—106. См. № 234.

306) P e ц.: Cornélie de Wassenaer, *A Visit to St Petersburg 1824—1825* (Norwich, 1994) // SEER. LXXV. P. 172—173.

307) P e ц.: Dimitri Shvidkovsky, *The Empress & the Architect: British Architecture and Gardens at the Court of Catherine the Great* (New Haven, 1996) // World of Interiors. January. P. 54.

308) P e ц.: Maija Jansson and Nikolai Rogozhin (eds), *England and the North. The Russian Embassy of 1613—1614* (Philadelphia, 1994) // English Historical Review. CXII. P. 467—468.

309) P e ц.: John Ingamells (comp.), *A Dictionary of British and Irish Travellers in Italy 1701—1800* (New Haven, 1997) // JES. XXVII. P. 457—458.

1998

310) P e д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 26.

311) Did Peter Sit for Kneller at Utrecht in 1697? // Ibid. P. 32—42.

312) P e ц.: G. Z. Kaganov, *Sankt-Peterburg: obrazy prostranstva* (Moscow, 1995) and Grigory Kaganov, *Images of Space*, trans. Sidney Monas (Stanford, 1997) // Ibid. P. 43—50.

313) P e д.: Russia in the Reign of Peter the Great: Old and New Perspectives. 2 pts. Cambridge: Study Group on Eighteenth-Century Russia.

314) Peter & Britain // Ibid. P. 25—39.

315) P e д.: Britain and Russia in the Age of Peter the Great: Historical Documents. London: School of Slavonic and East European Studies. XXV. 255 pp. (With S. Dixon et al.).

316) Professor Thomas Newberry's Letter from Petersburg, 1766, on the Grand Carousel and Other Matters // SEER. LXXXVI. P. 484—93.

317) The Elphinstones in Catherine the Great's Navy // Mariner's Mirror. LXXXIV. P. 268—277.

318) Peter the Great as a Character on the Anglo-American Stage // New Zealand Slavonic Journal. P. 3—19.

319) Nikolai Mikhailovich Karamzin 1766—1826 // Reference Guide to Russian Literature. N. Cornwell (ed.). London and Chicago. P. 417—418.

320) Poor Liza // Ibid. P. 418—419.

321) «Russian Englishmen»: Russians the Bentham's Met in England // Философский век. Альманах. IX. СПб. С. 85—96.

322) Preface // Ferretti P. A Russian Advocate of Peace: Vasilii Malinovskii (1765—1814). Dordrecht; Boston; London: Kluwer. P. X—XIII.

323) P e ц.: A. B. Kamenskii, *The Russian Empire in the Eighteenth Century: Searching for a Place in the World* (London, 1997) // JES. XXVIII. P. 327—328.

324) P e ц.: E. Waegemans (ed.), *Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century* (Groningen, 1998) // Ibid. P. 434—435.

1999

- 325) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 27.
- 326) The English Mylord and the Russian Harlot: A Document and Many Queries // Ibid. P. 26—32.
- 327) Radishchev and Journeys from St. Petersburg to Moscow in the Travel Accounts of British Tourists of the Late Eighteenth — Very Early Nineteenth Centuries // *Философский век. Альманах. XI. СПб. С. 66—78.*
- 328) Following Radishchev: A Journey from Petersburg to Moscow // *British East-West Journal. N 114. P. 11—12.*
- 329) The British Contribution to Petrine Iconography // *Россия—Англия: Страницы диалога. СПб. С. 6—9.*
- 330) «Такую роль глупец не одолеет» — Афанасий в пьесе Княжнина «Несчастье от кареты» // XVIII век. Сб. 21. СПб. С. 228—238.
- 331) Р е ц.: James Cracraft, *The Petrine Pevolution in Russian Imagery* (Chicago, 1997) // *Journal of Modern History. LXXI. Dec. P. 1013—1015.*

2000

- 332) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 28.
- 333) Translating a Title: Russian Variations on Sterne's *Sentimental Journey* // *Res Traductonica: Перевод и сравнительное изучение литератур. К восьмидесятилетию Ю. Д. Левина. СПб. С. 87—92.*
- 334) Peter the Great through British Eyes: Perspectives and Representations of the Tsar since 1698. Cambridge: CUP. XIII + 172 pp.
- 335) Екатерина Вторая глазами ее английских современников // *Россия в контексте мировой культуры. Сб. науч. трудов. Т. 152. СПб. С. 38—47. См. № 302.*
- 336) Р е ц.: David Gasperetti, *The Rise of the Russian Novel: Carnival, Stylization, and Mockery of the West* (DeKalb, 1998) // *SEER. LXXVIII. P. 370—372.*
- 337) Р е ц.: Katya Galitzine, *St. Petersburg: The Hidden Interiors* (London, 1999) // Ibid. LXXIX. P. 338—339.
- 338) Nikolai Karamzin // *Encyclopedia of Literary Translation into English. O. Classe (ed.). London and Chicago. P. 756—758.*
- 339) Ivan Krylov // Ibid. P. 780—781.

2001

- 340) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 29.
- 341) Alexander Baxter, Russia's First Consul General in London // *Ibid. P. 14—21.*

342) Round and About Montefiore's *Potemkin*' (Review essay) // Ibid. P. 84—92.

343) Catherine the Great and the British: A Pot-Pourri of Essays. Nottingham: Astra Press. XIII + 128 pp.

344) The Old Man from Cambridge, Mrs Cross, and Other Anglo-Petrine Matters of Due Weight and Substance // Peter the Great and the West: New Perspectives. L. A. J. Hughes (ed.). London: Palgrave. P. 3—26.

345) The Elphinstones in Catherine the Great's Navy // Scotland and the Slavs: Cultures in Contact 1500—2000. M. Cornwall and M. Frame (eds). Newtonville, Mass.: ORP. P. 55—71 (Reprint of № 317).

346) «A Sort of Connexion with that Country»: John Robison's Contribution to Scoto-Russian Cultural Relations // *Философский век. Альманах*. XV. СПб. С. 47—63.

347) Educating the Russian Navy: The British Contribution // *Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700—1825)*. G. Lehmann-Carli et al. (eds). Berlin: Berlin Verlag. P. 237—248.

348) «Crazy Paul»: Paul I and the British // *Reflections on Russia in the Eighteenth Century*. J. Klein, S. Dixon, M. Fraanje (eds). Cologne; Weimar; Vienna. P. 7—18.

349) Петербург глазами британцев. (На пути к новой книге об этом городе) // *Феномен Петербурга*. СПб. С. 229—241.

350) Екатерина Великая глазами ее британских современников (дипломатов и писателей) // *Дипломаты-писатели; писатели-дипломаты*. СПб. С. 83—101.

351) Исповедь любителя XVIII века // *История продолжается: изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого*. М.; СПб. Ferney-Voltaire: Livre universitaire. С. 358—374.

2002

352) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 30.

353) The Russians through Eighteenth-Century British Eyes: The Continuation or Modification of National Stereotypes? // Ibid. P. 34—48.

354) «The English, I believe, are the happiest and the most to be envied» Russian Grand Tourists in Eighteenth-Century Britain // *Rossica*. N 5. P. 15—21.

355) Anglophilia in the Entourage of Tsesarevich Pavel Petrovich // *Философский век. Альманах*. XX. СПб. С. 11—20.

356) Birth of a City: The Foundation and Early Development of St. Petersburg, 1703-с. 1825 // *York Georgian Society Annual Report for 2002*. P. 61—74.

357) «Vestnik Evropy» N. M. Karamzina, 1802—1803 // *Вестник Европы (Москва)*. VI. С. 170—185. См. № 10.

358) Позировал ли Петр I г. Неллеру в Утрехте в 1697 году? // XVIII век как историко-культурный феномен. СПб. С. 9—16. См. № 311.

359) Р е ц.: Marcia M. Morris, *The Literature of Roguery in Seventeenth- and Eighteenth-Century Russia* (Evanston, 2000) // SEER. LXXX. P. 112—114.

360) Английская труппа мистера Фишера в Петербурге // Театральный Петербург: интеркультурная модель. СПб. С. 287—296. См. № 87.

2003

361) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 31.

362) The Anglophile Empress: Anglo-Russian Relations during the Reign of Catherine the Great // Russian Mirror. N 35. 28 May. P. 18—19.

363) The Guildhall Banquet of June 1814 // Ibid. N 37. 25 June. P. 15—16.

364) Р е д.: St. Petersburg 1703—1825. London: Palgrave XIII + 197 pp.

365) The English Embankment // Ibid. P. 50—70.

366) Прodelки Буша в Коломенском: Екатерина Великая и парки в английском стиле // Родина. 2003. № 5—6. С. 141—145.

367) Величайшие дары: Английские игры в России // Там же. С. 171—173.

368) The British at Play in Imperial Russia // History Today. LIII. November. P. 48—53.

369) Петербург глазами британских художников (XVIII—начало XX в.) // Образ Петербурга в мировой культуре. СПб. С. 469—478.

370) Saint Petersburg Academy // Encyclopedia of the Enlightenment. Al. Ch. Kors (ed.). IV. Oxford and New York. P. 5—7.

371) Англо-русские отношения в эпоху Петра Великого // Россия—Британия: К 40-летию установления дипломатических отношений. М. С. 18—23 (То же: Дипломатический ежегодник 2003. М., 2004. С. 386—400).

372) Британская колония // Осьмнадцатое столетие. Т. 1. Три века Санкт-Петербурга. Кн. 1. С. 150—152.

2004

373) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 32.

374) Les Britanniques et le voyage au Nord (Northern Tour) // L'influence française en Russie au XVIIIe siècle. J.-P. Poussou et al. (eds). Paris. P. 383—392.

- 375) Les Britanniques sur les bords de la Neva // Ibid. P. 601—611.
- 376) Through the Distorting Mirror: Russia in British Caricature, to 1815 // Pinakothek. N 18—19. P. 74—82.
- 377) В кривом зеркале: Россия в британской карикатуре XVIII—начала XIX века // Ibid. P. 74—82 (Сокращенный русский вариант. № 376).
- 378) «Them»: Russians on Foreigners // National Identity in Russian Culture. Si. Franklin and E. Widdis (eds). Cambridge. P. 74—92.
- 379) Tribute: Catherine Cooke // Rossica. N 12—13. P. 70.
- 380) English Prospects in the Russian Countryside: Lesnoe and Muri-no near St. Petersburg // Ibid. N 14. P. 40—47.
- 381) Павел Дашков: новые и малоизвестные британские стра-ницы биографии // Е. Р. Дашкова: Портрет в контексте истории. М. С. 20—34.
- 382) Hill, Dame Elizabeth Mary // Dictionary of National Biography. XXVII. Oxford: OUP. P. 125—126.
- 383) Forgotten British Places in Petrograd/Leningrad // Pietroburgo capitale della cultura russa — Peterburg stolitsa russkoi kul'tury. A. d'Amelia (ed.). Salerno: Università degli studi di Salerno. I. P. 135—147.

2005

- 384) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 33.
- 385) J. S. G. Simmons: In Memoriam // Ibid. P. 1—3.
- 386) Pieces of Silver: The Peace of 3 August 1790 // Ibid. P. 39—49.
- 387) Sir Arthur Helps's *Oulita the Serf* // Solanus. XIX. P. 107—112.
- 388) Р е д.: Anglo-Russian Cultural Encounters and Collisions in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries. Special number of Journal of European Studies. XXXV. N 3.
- 389) Hugh Walpole, Russia, and His Novel about Petersburg (1919) // Ibid. P. 315—337.
- 390) Пер.: Ol'ga Kaznina, Boris Anrep: A Russian Artist in an English Interior // Ibid. P. 339—364.
- 391) Р е ц.: James Cracraft, *The Revolution of Peter the Great* (Harvard UP, 2003) and Ernest A. Zitser, *The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great* (Cornell UP, 2004) // Ibid. P. 368—370.
- 392) Р е ц.: C. E. B. Brett, *Towers of Crim Tartary. English and Scottish Architects in the Crimea, 1762—1853* (Donington, 2005) // Ibid. P. 370—372.
- 393) Р е ц.: Vincent Giroud, *St. Petersburg: Portrait of a Great City* (University Press of New England, 2003) and Cynthia Hyla Whittaker

with Edward Kasinec and Robert H. Davis (eds), *Russia Engages the World, 1453—1825* (Harvard UP, 2003) // History. XC. P. 273—274.

394) N. M. Karamzin and Barthélemy's «Voyage du jeune Anacharsis» // MLR. C. Supplement. P. 147—152 [Reprint of item 2 for the Centenary of the «Modern Language Review»].

395) Британцы в Петербурге XVIII века. СПб. 526 с. (Авторизованный перевод № 279).

2006

396) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 34.

397) Iurii Davidovich Levin (1920—2006): A Personal Memoir // Ibid. P. 1—8.

398) «A Red Hot English Woman»: Princess Dashkova's Love Affair with Britain // *The Princess & the Patriot: Ekaterina Dashkova, Benjamin Franklin, and the Age of Enlightenment*. S. A. Prince (ed.). Philadelphia: American Philosophical Society. P. 89—96.

399) English Lessons: Russians and Britain in the Reign of Catherine the Great // *Russia and the West: Missed Opportunities, Unfulfilled Dialogues*. E. Waegemans (ed.). Brussels: Contactforum. P. 39—46.

400) The Crimean War and the Caricature War // SEER. LXXXIV. P. 460—480.

401) Anglo-Russian Relations and the Twilight of the British Community in Petersburg/Petrograd/Leningrad // *Россия и Британия*. Вып. 4. Связи и взаимные представления XIX—XX веков. М. С. 56—70.

402) Надписи на книгах: Встречи с Дмитрием Сергеевичем // Дмитрий Лихачев и его эпоха. Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии. 2-е расширенное изд. СПб. С. 153—155.

403) Р е ц.: Daryl W. Palmer, *Writing Russia in the Age of Shakespeare* (Aldershot, 2004) // SEER. LXXXIV. P. 754—755.

404) Р е ц.: Julie A. Buckler, *Mapping St. Petersburg: Imperial Text and Cityscape* (Princeton UP, 2005) // JES. XXXVI. N 4. P. 61—64.

405) Р е ц.: Raffaella Faggionato, *A Rosicrucian Utopia in Eighteenth-Century Russia: The Masonic Circle of N. I. Novikov* (Dordrecht, 2005) // Ibid. P. 464—466.

406) Р е ц.: Oleg Neverov, *Great Private Collections of Imperial Russia* (London, 2004) and Peter Hayden, *Russian Parks and Gardens* (London, 2005) // Ibid. P. 466—468.

407) Р е ц.: James Cracraft, *The Petrine Revolution in Russian Culture* (Cambridge, Mass., 2004) // Russian Review. LXV. N 2. P. 322—323.

2007

- 408) Р е д.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. N 35.
- 409) Lindsey Hughes: In Memoriam // Ibid. P. 3—6.
- 410) Publish and Perish: The Melancholy Fate of Nikolai Struiskii // Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. R. Bartlett and G. Lehmann-Carli (eds). Münster: LIT-Verlag. P. 445—458.
- 411) Professor Lindsey Hughes: Obituary // The Independent. Friday. 4 May. P. 54.

2008

- 412) Северные братья: неопубликованная переписка И. П. Елагина с Великой ложей Англии (1772—1780) // XVIII век. Сб. 25. С. 273—333.

В печати

- 413) The Petersburg English Club // Modern Encyclopedia of Russian, Soviet, and Eurasian History. B. F. Adams (ed.). VIII.
- 414) Two Russian Exhibitions in London (1917 and 1935) in Their Historical Context // Россия и Британия. Вып. 5.
- 415) «General Swallow»: Suvorov in British Caricature // Художественный перевод и сравнительное изучение культур. Памяти Ю. Д. Левина. СПб.
- 416) Р е ц.: Stephen M. Norris, *A War of Images: Russian Popular Prints, Wartime Culture, and National Identity 1812—1945* (DeKalb, 2006) // SEER. LXXX.

СОКРАЩЕНИЯ

ATR	—	Association of Teachers of Russian
CASS	—	Canadian-American Slavic Studies
CSS	—	Canadian Slavic Studies
ESR	—	European Studies Review
JES	—	Journal of European Studies
MLR	—	Modern Language Review
OSP	—	Oxford Slavonic Papers
RSA	—	Royal Society of Arts
SEER	—	Slavonic and East European Review
SR	—	Slavic Review
TLS	—	Times Literary Supplement

А. О. ДЁМИН

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ В КОЛЛЕКТИВНЫХ
ТРУДАХ СЕКТОРА (ГРУППЫ) ПО ИЗУЧЕНИЮ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА**

(1935—2007)

За время работы Группы, а затем Сектора по изучению литературы XVIII в. в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН сотрудниками подразделения был подготовлен ряд коллективных изданий: сборников статей и материалов. Важнейшей из них является серия «XVIII век», выходящая с 1935 г. В течение 1935—2007 гг. были подготовлены и изданы двадцать четыре выпуска, читатель держит в руках двадцать пятый.¹ Помимо сборника выходили также тематические сборники статей и материалов вне серии.² Цель настоящего указателя — дать представление об опуб-

¹ XVIII век. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935; XVIII век. Статьи и материалы. Сб. М.; Л., 1940. Вып. 2; XVIII век. Сб. М.; Л., 1958. Вып. 3; XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4; XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5; Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.; Л., 1964 [XVIII век. Сб. 6]; Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. М.; Л., 1966 [XVIII век. Сб. 7]; XVIII век. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века. Л., 1969. Сб. 8; XVIII век. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. Л., 1974. Сб. 9; XVIII век. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти члена-корр. АН СССР П. Н. Беркова. Л., 1975. Сб. 10; XVIII век. Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. Сб. 11; XVIII век. А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1977. Сб. 12; XVIII век. Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII—начало XIX в. Л., 1981. Сб. 13; XVIII век. Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. Сб. 14; XVIII век. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. Сб. 15; XVIII век. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. Сб. 16; XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17; XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18; XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19; XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20; XVIII век. Памяти П. Н. Беркова (1896—1969). СПб., 1999. Сб. 21; XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22; XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23; XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24.

² Краткие описания этих изданий см. ниже в таблице.

ликованных за эти годы материалах в изданиях Сектора. Справка включает в себя сведения Указателя статей в изданиях Группы по изучению русской литературы XVIII в. за 1935—1974 гг.³ и существенно дополняет их.

Статьи расположены в алфавитном порядке фамилий авторов, а внутри списка работ одного автора — в хронологии появления в печати и порядке размещения в соответствующем сборнике. Указывается не только авторство, но и участие в редакции, переводы статей других авторов, составление справочных материалов, публикация источников. Статьи нескольких авторов, публикаторов или составителей помещаются под фамилией каждого из них с соответствующими пометами:

Редактор	<i>ред.</i>
Ответственный редактор	<i>отв. ред.</i>
Переводчик	<i>пер. (с указанием языка оригинала)</i>
Публикатор источников	<i>публ.</i>
Составитель справочных материалов	<i>сост.</i>
Соавтор	<i>соавт.</i>
Совместная публикация	<i>совм. публ.</i>
Совместное составление справочных материалов	<i>совм. сост.</i>

Название издания	Условное обозначение
Тома серийного издания под общим заголовком «XVIII век»	I—XXIV и т. д.
А. Н. Радищев. Исследования и материалы. М.; Л., 1938 (Литературный архив)	Рад 1
Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961	П
Литературное творчество М. В. Ломоносова. Исследования и материалы. М.; Л., 1962	ТЛ
Русская литература XVIII века и славянские литературы. Исследования и материалы. М.; Л., 1963	РиС
Письма русских писателей XVIII века. Л., 1981	ПРП
Маргиналии русских писателей XVIII в. СПб., 1994	МРП
Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. СПб., 2002	ЛиС
А. Н. Радищев: Русское и европейское Просвещение. СПб., 2003	Рад 2
В. К. Тредиакowski: к 300-летию со дня рождения. СПб., 2004	Тред

³ См.: XVIII век. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти члена-корр. АН СССР П. Н. Беркова. Л., 1975. Сб. 10. С. 303—314.

Воспоминания о Павле Наумовиче Беркове, 1896—1969: из истории российской науки. М., 2005
 Петр I в русской литературе XVIII века. (Тексты и комментарии). СПб., 2006

ВБ
 Петр I

- [Без указания автора] Хроника. V, 451—452.
 Пештич С. Л. (Некролог). IX, 338—339.
 Кулакова Л. И. (Некролог). IX, 339—342.
 Указатель статей в изданиях Группы по изучению русской литературы XVIII века за 1935—1974 гг. X, 303—314.
- Автухович Т. Е.* Об авторстве «Metaphrasis ps. 36» и «Metaphrasis ps. 72». XV, 154—160.
 Анонимный роман «Несчастный Никанор». (Эпизод из истории формирования жанра). XVII, 73—87.
- Адрианова-Перетц В. П.* Стихотворные жарты и традиции древнерусской литературы. VII, 36—42.
 Новеллистические сюжеты в фольклоре и русской литературе XVIII века. X, 12—17.
 Тридцать пять лет совместной работы. ВБ, 41—45.
- Айзеншток И. Я.* *соавт. Арбузова И. В. В.* Ягич — интерпретатор русской литературы XVIII века. X, 169—175.
- Алексеев А. А.* Из истории общественно-политической лексики Петровской эпохи. IX, 313—317.
- Алексеев М. П.* Старое и новое в языке Радищева. XII, 99—112.
 Д. Дидро и русские писатели его времени. III, 416—431.
 К истории русского вольтерьянства в XIX в. VII, 302—311.
 К литературной истории баллады «Граф Гваринос». VIII, 179—189.
ред. X.
- Алексеева Л. В.* Державин и сонеты Шекспира. X, 226—235.
 Эпизод из научной жизни 1950-х годов. [Воспоминания о П. Н. Беркове]. ВБ, 120.
- Алексеева М. А.* Гравюра на дереве «Мыши кота на погост волокут» — памятник русского народного творчества конца XVII—начала XVIII в. XIV, 45—79.
- Алексеева Н. Ю.* *пер. с нем. Клейн Й.* Русский Буало. (Эпистола Сумарокова «О стихотворстве» в восприятии

современников): (Плагиат? — Дидактическое стихотворение или сатира? — Неизвестное произведение? — Сумароков и Буало: «манифест русского классицизма»). XVIII, 40—58.

Державинские оды 1775 года. (К вопросу о реформе оды). XVIII, 75—92.

сост. Хроника заседаний Сектора по изучению русской литературы XVIII века за 1986—1992 гг. XVIII, 400—403.

соавт. Коплан Б. И. Авторская правка Г. Р. Державина на экземплярах его «Сочинений» из собрания РГБ и БРАН. МРП, 33—54.

пер. с нем. Клейн Й. Реформа стиха Тредиаковского в культурно-историческом контексте: (Кризис русской силлабики — Почему Тредиаковский замалчивает немецкий образец? — Возврат к силлабической системе — Тредиаковский как русский «древний»). XIX, 15—42.

публ. Письма Н. М. Карамзина к П. П. Бекетову. XIX, 183—186.

«Рассуждение о оде вообще» В. К. Тредиаковского. XX, 13—22.

пер. с нем. Леманн-Карли Г. Я. М. Р. Ленц и Н. М. Карамзин. XX, 144—156.

сост. Указатель статей в изданиях Сектора по изучению русской литературы XVIII века за 1976—1995 гг. XX, 332—341.

Два стиха из «Энеиды» в переводе Ломоносова (надпись на гравюре 1742 г.): (К истории александрийского стиха — Первая похвальная надпись Петру I). XXI, 81—88.

Петербургский немецкий поэт Г. В. Фр. Юнкер. XXII, 8—27.

К вопросу о предложенном Радищевым правиле чтения гексаметра. Рад 2, 99—103.

Два автографа Тредиаковского 1736 года. XXIII, 70—79.

сост. Библиография трудов И. З. Сермана: (К 90-летию со дня рождения). XXIII, 371—397.

ред. Тред.

соавт. Н. Д. Кочеткова, Ю. А. Петросян, Е. А. Иванова. Предисловие. Тред, 7—8.

Работа В. К. Тредиаковского над переводом «Эпистолы к Пизонам» Горация. Тред, 60—69.

Литературная полемика середины XVIII века о переводе стихов. XXIV, 15—34.

- совм. публ. В. П. Степанов.* Амвросий Юшкевич, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков. Петр I, 123—134, 135—185, 186—206.
- Альтшуллер М. Г.* С. С. Бобров и русская поэзия конца XVIII—начала XIX в. VI, 224—246.
Литературно-теоретические взгляды Державина и «Беседа любителей русского слова». VIII, 103—112.
Неизвестный эпизод журнальной полемики начала XIX века («Друг просвещения» и «Московский журнал»). X, 98—106.
Поэтическая традиция Радищева в литературной жизни начала XIX века: (Радищев и Бобров — Радищев и «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» — Радищев и «Беседа любителей русского слова»). XII, 113—136.
Оратория «Целение Саула» в системе поздней лирики Державина. XXI, 268—281.
- Андрущенко Е. А.* Материалы к сценической истории комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». XIX, 276—293.
- Арбузова И. В.* *соавт. Айзеншток И. Я. В.* Ягич — интерпретатор русской литературы XVIII века. X, 169—175.
- Арзуманова М. А.* *совм. публ. Бельчиков Н. Ф.* Три письма к Н. П. Николеву. III, 513—516.
О связях с Россией А. Н. Радищева в лейпцигский период. III, 527—537.
Русский сентиментализм в критике 90-х годов XVIII в. VI, 197—223.
Университетские годы А. Н. Радищева. IV, 433—449.
Перевод английской рецензии на «Письма русского путешественника» из бумаг А. С. Шишкова. VIII, 309—323.
совм. публ. Мартынов И. Ф., Кочеткова Н. Д. И. Ф. Богданович. [Письма]. ПРП, 242—258.
- Астраханский В. С.* *соавт. Малиновский К. В.* Неопубликованное письмо и список книг В. Н. Татищева 18 октября 1731 г. XV, 161—169.
- Бабинцев С. М.* Новые ранние списки «Путешествия из Петербурга в Москву». III, 540—544.
- Бабкин Д. С.* В. В. Капнист и А. Н. Радищев. IV, 269—288.
- Бадалич Й. М.* *соавт. Берков П. Н.* Комическая опера «Матросские шутки» и ее автор. IV, 422—425.
Загребские рукописи русских драм XVIII в. VII, 127—131.

- Базанов В. Г.* Оглядываясь на пройденный путь. (К спорам о Державине и Карамзине). VIII, 18—24.
- Бараг Л. Г.* О реалистических тенденциях комедии «Бригадир». VII, 150—156.
- Баранкова Г. С.* Пьесы Славяно-греко-латинской академии о Северной войне. (О некоторых художественных особенностях). IX, 270—278.
- Баранская Н. В.* Еще об авторе «Отрывка путешествия В*** И*** Т***». III, 226—241.
- Барсков Я. Л.* А. Н. Радищев — «Торжок». II, 54—76.
- Бегунов Ю. К.* Неизвестная рукописная повесть первой половины XVIII в. об Евграфе и Александре. XIV, 207—231.
Новонайденная агиографическая повесть начала XVIII в. XV, 135—140.
Новонайденное «Путешествие» по русскому северу начала XVIII века. («Диурналы» и письма Матвея Жданова). XVII, 221—248.
Неизвестная рукописная повесть первой половины XVIII века о Георгии и Фларенте. XVIII, 383—397.
- Бельчиков Н. Ф.* *совм. публ. Арзуманова М. А.* Три письма к Н. П. Николеву. III, 513—516.
- Березина В. Г.* Любимый учитель. [Воспоминания о П. Н. Беркове]. ВБ, 108—111.
- Березкина С. В.* Екатерина II в стихотворении Пушкина «Мне жаль великия жены». XXI, 412—421.
- Берков В. П.* Слово об отце. ВБ, 32—40.
- Берков П. Н.* Из истории русской поэзии первой трети XVIII в. (К проблеме тонического стиха). I, 61—81.
«Хор ко превратному свету» и его автор. I, 181—202.
Неиспользованные материалы для истории русской литературы XVIII века: (Анонимная статья Ломоносова (1755) — О «Письме молодого русского вельможи» — Из литературного наследия М. М. Хераскова: (Анонимная статья «О письменах Славенороссийских и тиснении книг в России») — «Лихоимец», комедия В. И. Бибикова). I, 327—376.
отв. ред. III.
Итоги, проблемы и перспективы изучения русской литературы XVIII века. III, 7—24.
Неиспользованные материалы для истории русской литературы XVIII века: (К биографии Михаила Алексеевича Матинского (Документы об

отпуске его на волю и о службе в Комиссии об учреждении училищ) — Неизданная эпиграмма Ломоносова). III, 493—497.

Новейшие работы ученых ГДР по истории русской культуры и литературы XVIII века. III, 554—558.

соавт. Гуревич М. М. Полезная книга по истории русского нотопечатания XVIII века. III, 559—561.

отв. ред. IV.

Некоторые спорные вопросы современного изучения жизни и творчества А. Н. Радищева: (Является ли философская и литературная концепция «Путешествия из Петербурга в Москву» отражением одного только движения Пугачева? — О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» — Радищев и антикатерининские движения 1780—1790-х годов — Участие Радищева в журналистике 1770—1790-х годов — К какому литературному направлению следует относить творчество Радищева?). IV, 172—205.

В. В. Капнист как явление русской культуры XVIII века. IV, 257—268.

соавт. Бадалич И. М. Комическая опера «Матросские шутки» и ее автор. IV, 422—425.

отв. ред. П.

Основные вопросы изучения русского просветительства. П, 5—27.

ред. ТЛ.

«Письмо к г. В...» М. В. Ломоносова. ТЛ, 4—13.

Литературные интересы Ломоносова. ТЛ, 14—68.

пер. с лат. Боровский Я. М. К двухсотпятидесятилетию со дня рождения Михаила Ломоносова. ТЛ, 316—317.

Первые годы литературной деятельности Антиоха Кантемира (1726—1729). П, 190—220.

совм. сост. Степанов В. П. Материалы для библиографии изданий А. Д. и Д. К. Кантемиров и литературы о них (1917—1959). П, 260—270.

отв. ред. V.

Проблема литературного направления Ломоносова. V, 5—32.

Несколько справок для биографии А. П. Сумарокова: (Родители и родственники Сумарокова — Служебная деятельность и семья А. П. Сумарокова). V, 364—375.

публ. Шесть писем А. П. Сумарокова к историографу Г.-Ф. Миллеру (1767—1769) и четыре записки последнего к Сумарокову. V, 376—382.
соавт. Шамрай Д. Д. К цензурной истории «Трудолюбивой пчелы» А. П. Сумарокова. V, 399—406.

ред. РиС.

Русская литература XVIII в. и другие славянские литературы XVIII—XX вв. (В порядке постановки вопроса о литературных контактах). РиС, 5—39.

Проф. Франк Вольман между двумя юбилеями (1958—5 мая 1963). (К 75-летию со дня рождения). РиС, 172—175.

Проф. Иосип Бадалич как исследователь русского театра первой половины XVIII в. (К 75-летию со дня рождения) (7 июня 1963 г.). РиС, 175—179.

Проф. Виктор Якубовский. (К 65-летию со дня рождения) (5 декабря 1961 г.). РиС, 179—183.

К 65-летию акад. Эдуарда Винтера (16 сентября 1961 г.). РиС, 183—187.

Проф. В. П. Велчев. (К 55-летию со дня его рождения). РиС, 187—189.

ред. VI.

Проблемы изучения русского классицизма. VI, 5—29.

ред. VIII.

Державин и Карамзин в истории русской литературы конца XVIII—начала XIX века. VIII, 5—17.

Насущные вопросы изучения общественной позиции Н. И. Новикова. XI, 5—15.

Жизнь Федора Эмина. XI, 186—203.

Бешенковский Е. Б.

Биркан П. Р.

пер. с нем. Грасгофф (Грасхоф) Х. Значение общественно-воспитательной функции литературы для изучения русского Просвещения. X, 54—58.

Бокк Р. Г.

Неизвестное стихотворение Ф. А. Козловского, приписываемое Сумарокову. V, 396—398.

Бомштейн Г. И.

Антиклерикальная поэзия Ломоносова и русские народные пословицы. III, 65—90.

О значении народного движения для развития общественной мысли. II, 138—139.

Тредиаковский-филолог и фольклор. V, 249—272.

- Боров Т.* Ломоносов и национально-историческая тема в русской литературе и искусстве. VII, 86—93.
Русская литература XVIII в. в Болгарии в эпоху Возрождения. (Итоги изучения). *Пер. с болг. Л. И. Ровняковой*: VII, 409—414.
Всегда чуткий, всегда отзывчивый. [Воспоминания о П. Н. Беркове]. *Пер. с болг. К. Паначовой под ред. М. Ивановой-Гургиновой*. ВБ, 133—140.
- Боровский Я. М.* In Michaelis Lomonosovi diem natalem ducentesimum quinquagesimum. ТЛ, 315—316.
К двухсотпятидесятилетию со дня рождения Михаила Ломоносова. *Пер. П. Н. Беркова*. ТЛ, 316—317.
«Российская Камена» в трудах П. Н. Беркова. ВБ, 121—124.
публ. Письмо Н. И. Конрада к П. Н. Беркову. ВБ, 124—126.
- Бруханский А. Н.* М. Н. Муравьев и «легкое стихотворство». IV, 157—171.
- Будагов Р. А.* Из истории семантики прилагательного *классического*. VII, 443—448.
- Буланина Т. В.* Материалы для полного инвентаря курсов риторики и философии Киево-Могилянской академии. XV, 122—131.
- Бухаркин П. Е.* Проблема комического в русской комедии середины XVIII века. XVIII, 313—321.
Топос «тишины» в одической поэзии М. В. Ломоносова. XX, 3—12.
О «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина. (Эраст и проблема типологии литературного героя). XXI, 318—326.
Об одном письме Д. И. Фонвизина: Опыт культурологического комментария. (К вопросу о формировании «Петербургского текста» русской литературы). XXIII, 104—118.
Риторическое смыслообразование в «Вечернем размышлении о Божием величестве при случае великого северного сияния» М. В. Ломоносова: между однозначностью логики и полисемией языка. XXIV, 35—56.
- Быкова Т. А.* К истории русского тонического стихосложения. (Неизвестное произведение И. Г. Спарвенфельда). III, 449—453.
Новые труды по библиографии русской книги гражданской печати XVIII века. III, 548—549.

- Заметки о редких русских изданиях в собраниях ГПБ: (Неизвестный автограф А. А. Винниуса (1641—1717) — Корректирный экземпляр «Аргениды» — Экземпляр «Аналогических таблиц» с пометами М. М. Щербатова). IV, 395—403.
- Литературная судьба переводов «Древней российской истории» М. В. Ломоносова. ТЛ, 237—247.
- К истории текста «Од торжественных» А. П. Сумарокова. V, 383—391.
- Переводы произведений Карамзина на иностранные языки и отклики на них в иностранной литературе. VIII, 324—342.
- Библиограф, редактор, педагог. [Воспоминания о П. Н. Беркове]. ВБ, 91—98.
- Вагеманс Э.* Русская литература XVIII века в нидерландской печати. XX, 204—212.
- Литературно-философская интерпретация лиссабонского землетрясения: португало-франко-русская теодицея. XXII, 111—121.
- Валк С. Н.* В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы. VII, 66—73.
- Август Людвиг Шлёцер и Василий Никитич Татищев. X, 190—199.
- Валкина И. В.* К вопросу об источниках Татищева. VII, 74—85.
- Вацуро В. Э.* К вопросу о философских взглядах Хемницера. VI, 129—145.
- Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм». VIII, 190—209.
- Г. П. Каменев и готическая литература. X, 271—277.
- публ. И. И. Дмитриев.* [Письма]. ПРП, 416—458.
- И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века. XVI, 139—179.
- «Сиерра-Морена» Н. М. Карамзина и литературная традиция. XXI, 327—336.
- Вейс А. Ю.* Новые материалы для изучения биографии и творчества Н. А. Львова. (Неопубликованное стихотворение «На угольный пожар» — Неизвестная басня Н. А. Львова). III, 519—526.
- Векслер Г. Я.* *пер. с польск. Лужный Р.* «Поэтика» Феофана Прокоповича и теория поэзии в Киево-Могилянской Академии (первая половина XVIII в.). VII, 47—53.

- Велчев В.* К вопросу о восприятии русской литературы XVIII в. в Болгарии. (Традиция фонвизинского «Недоросля» в творчестве Т. Шишкова). VII, 403 — 408.
- Вентури Ф.* Неаполитанские литературные отклики на русско-турецкую войну (1768—1774). *Пер. с итал. Р. М. Гороховой.* X, 119—126.
- Вершинина Н. Л.* Радищев и сатирико-нравоучительная традиция в русской прозе первой трети XIX века. (Радищев и Пушкин). Рад 2, 142—51.
Н. А. Некрасов о В. К. Третьяковском. Тред., 148—162.
- Веселова А. Ю.* Из наследия А. Т. Болотова: статья «О пользе, происходящей от чтения книг». XXI, 358—367.
Парк в эстетической концепции Н. А. Львова. ЛиС, 30—37.
А. Т. Болотов и П. З. Хомяков. Роман или мемуары? XXII, 190—199.
Концепция «истинной лжи» Н. П. Осипова. XXIII, 183—193.
Усадебная жизнь в стихах поэтов львовско-державинского кружка. XXIV, 206—218.
- Виднес М. В.* *соавт. Степанов В. П.* Неизвестная ода М. Д. Чулкова. XI, 166—177.
- Виноградов В. В.* История слова *изящный*. (В связи с образованием выражения *изящная словесность, изящные искусства*). VII, 434—442.
- Винтер Э.* И. В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732). IV, 313—322.
Феофан Прокопович и начало русского Просвещения. *Пер. с нем. Л. В. Славгородской.* VII, 43—46.
П. Н. Берков и «Материалы и исследования по истории Восточной Европы». *Пер. с нем. Р. Ю. Данилевского.* X, 49—52.
- Вознесенский А. В.* Неизвестный вариант издания «Древней российской истории» М. В. Ломоносова. XVI, 215—218.
- Вознесенский М. В.* Народная музыкальная культура в русской сентиментальной повести. XVII, 203—206.
- Волльман Ф.* Взаимоотношения литературы и фольклора в XVIII в. и их роль в развитии русской культуры. *Пер. с нем. А. М. Панченко.* VII, 14—19.
- Всеволодский-Гернгросс В. Н.* О терминах «просвещение» и «просветительство». II, 140—142.
- Витженс Г.* П. А. Вяземский и русская литература XVIII в. VII, 332—338.

- Немецкие переводы русских писателей в последней трети XVIII века. (По фондам венских публичных книгохранилищ). X, 154—159.
- Галаган Г. Я.* Герой и сюжет «Дневника одной недели» Радищева. Вопрос о датировке. XII, 67—71.
- Гардзонио С.* Об авторстве одной песни XVIII века. XVIII, 364—368.
- Автографы поэтов-шишковистов в книгах РГБ: (Г. Р. Державин и Е. И. Станевич — Шихматов безглагольный, или Передумы Иеромонаха Аникита). МРП, 66—74.
- Заметки по истории русской музыкальной поэзии: (И. А. Дмитриевский — переводчик с итальянского — О «девушках-тигресах» и о «женщинах-сиренах» — Паизиелло в городе С*). XX, 223—230.
- Неизвестный русский балетный сценарий XVIII века. XXI, 239—246.
- Динамическое изображение России в «Россияде» М. М. Хераскова: центр и периферия. XXIV, 166—173.
- Гаррард Дж.* «Русский Скаррон» (М. Д. Чулков). Пер. с англ. В. П. Степанова. XI, 178—185.
- Герасимова Л. В.* Эпитеты в произведениях Карамзина. VIII, 290—298.
- Гершкович З. И.* К вопросу об эволюции мировоззрения и творчества А. Д. Кантемира. (Проблема «девятой» сатиры). III, 46—64.
- К биографии А. Д. Кантемира. III, 456—459.
- О методологических принципах изучения русского просветительства. II, 151—157.
- Об идейно-художественной эволюции А. Д. Кантемира (по данным творческой истории сатир). II, 221—247.
- Об эстетической позиции и литературной тактике Кантемира. V, 179—204.
- К истории создания первых сатир Кантемира. V, 349—357.
- Гилельсон М. И.* Ценный вклад в историю русской поэзии [Рец.: Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Вступ. ст., подгот. текста и прим. Г. В. Ермаковой-Битнер. Л.: «Советский писатель», 1959 (Библиотека поэта. Большая серия.)]. V, 445—450.
- публ. Письма Н. М. Карамзина к С. С. Уварову. VIII, 351—354.
- Гинзбург Л. Я.* Незданные стихотворения Рубана. I, 411—432.

- Гозенпуд А. А. Ломоносов и Гольберг о музыке. X, 211—216.
- Головчинер В. Д. Из истории становления языка русской литературной прозы 50—60-х годов XVIII века. (Роман аббата Прево «Приключения Маркиза Г***», в переводе И. П. Елагина и В. И. Лукина). IV, 66—84.
- Горбачева Н. Н. О датировке комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир». XIV, 292—303.
- Гордон Л. С. Французский драматург Дефорж (1746—1806) и его пьеса о восстании русских крепостных. IV, 339—354.
- Горохова Р. М. *пер. с итал. Вентури Ф.* Неаполитанские литературные отклики на русско-турецкую войну (1768—1774). X, 119—126.
- Горфункель А. X. «Великая наука Раймунда Люллия» и ее читатели. V, 336—348.
- Гофман П. К вопросу о распространении сведений о Радищеве в Германии. (Лейпцигский книгопродавец Лео). IV, 372—375.
- Градова Б. А. Роскошь человеческого общения. [Воспоминания о П. Н. Беркове]. ВБ, 118—119.
- Грасгофф X. Из истории связей Берлинского общества наук с Россией в 20-х годах XVIII в. *Пер. с нем. Р. Ю. Данилевского.* VII, 59—65.
- Значение общественно-воспитательной функции литературы для изучения русского просвещения. *Пер. П. Р. Биркана.* X, 54—58.
- Гуковский Г. А. О «Хоре ко превратному свету». (Ответ П. Н. Беркову). I, 203—217.
- Радищев как писатель. P, 141—192.
- отв. ред. П.*
- Проблемы изучения русской литературы XVIII в. II, 3—24.
- Эмин и Сумароков. II, 77—94.
- Заметки о Крылове: (Крылов и Княжнин — Ода Крылова 1790 года — «Подщипа» Крылова). II, 142—165.
- Русская литература в немецком журнале XVIII века. III, 380—415.
- Ломоносов-критик. ТЛ, 69—100.
- Русская литературно-критическая мысль в 1730—1750-е годы. V, 98—128.
- Тредиаковский как теоретик литературы. VI, 43—72.
- Сиятельный злопахатель XVIII столетия. [В. Д. Голицын] XIV, 247—250.

- Гуревич М. М. Неизвестный номер «Ведомостей» за 1709 год. III, 454—455.
 Неизвестное произведение Василия Майкова. III, 474—480.
соавт. Берков П. Н. Полезная книга по истории русского нотопечатания XVIII века. [Рец.: Вольман Б. Русские печатные ноты XVIII века. Л.: Государственное Музыкальное издательство, 1957]. III, 559—561.
 Из несобранного литературного наследия А. П. Сумарокова. V, 392—395.
- Гусев В. Е. Михайло Попов — поэт-песенник. VII, 132—137.
 Данилевский Р. Ю. *пер. с нем. Грасгофф (Грасхоф) Х.* Из истории связей Берлинского общества наук с Россией в 20-х годах XVIII в. VII, 59—65.
пер. с нем. Винтер Э. П. Н. Берков и «Материалы и исследования по истории Восточной Европы». X, 49—52.
пер. с нем. Леман У. О некоторых особенностях русского просвещения. X, 59—63.
 К истории библиотеки Лессинга. X, 143—147.
пер. с нем. Шредер Х. Ларошфуко в России. X, 184—189.
 И. В. Гёте о Екатерине II. XX, 213—217.
 Забытые эпизоды русско-немецкого общения: (Об одном экслибрисе XVIII века — Российская ветвь семьи Лессингов). XXI, 102—107.
пер. с нем. Хексельшнайдер Э. Август Вильгельм Таппе — популяризатор Карамзина. XXI, 347—357.
 И. А. Дмитриевский и Г. Э. Лессинг. XXIII, 231—237.
- Данько Е. Я. Изобразительное искусство в поэзии Державина: (Державин — поэт и живописец — Произведения изобразительного искусства в поэзии Державина — Державин и Рашет). II, 166—247.
 Из неизданных материалов о Ломоносове: (Неизданная студенческая рукопись М. В. Ломоносова 1738 г. — О литературных источниках «Письма о правилах российского стихотворства»). II, 248—275.
- Дембский Я. Издания петровского времени в библиотеках Польши. *Пер. с польск. Н. Н. Мозжухиной.* IX, 317—321.
- Дёмин А. О. *публ.* Оперное либретто Г. Р. Державина «Эсфирь». XXII, 358—408.

- «Театральное представление с музыкою „Добрыня“» Г. Р. Державина и одноименная «героическая» песнь Н. А. Львова. ЛиС, 52—57.
соавт. Костин А. А. Книги из библиотеки А. Н. Радищева. Рад 2, 57—89.
- Трагедия Г. Р. Державина «Атабалибо, или Разрушения Перуанской империи» и «Всемирный путешественатель» Ж. Ла Порта. ХХІІІ, 134—148.
сост. Хроника научных заседаний Сектора по изучению русской литературы XVIII века: (1993—2003). ХХІІІ, 398—412.
пер. с итал. М. Феррацци. «Рассуждение о комедии вообще» В. К. Тредиаковского в контексте первых русских теоретических сочинений о драматургии. Вопросы датировки и содержания. Тред, 41—59.
публ. Начальный вариант трагедии Г. Р. Державина «Ирод и Мариамна» — «Ирод Великий». ХХІV, 317—397.
- Державина О. А. Пьеса 20-х годов «Слава печальная» и литература этого периода. ІХ, 250—258.
- Денз М. «Эстетика отказов» и отказ от похвалы в поэзии Карамзина 1792—1793 годов. ХХІV, 281—295.
- Десницкий А. В. Басня И. А. Крылова «Дикие козы» в связи с традициями русской сатиры XVIII в. VII, 328—331.
- Ди Сальво М. Юный россиянин за границей: дневник И. Нарышкина. Пер. с англ. С. И. Николаева. ХХІ, 22—32.
- Дмитриева Г. М. К биографии Н. А. Львова. ЛиС, 12—13.
- Добрушкин Е. М. К изучению творчества В. Н. Татищева как писателя русской истории (древнерусский «Обычай» в «Истории Российской»). ІХ, 149—167.
- Доланский Ю. Херасков и Гавличек. Пер. с польск. Г. А. Лилич. VII, 213—219.
Херасков и Линда. X, 135—142.
- Долгова С. Р. соавт. Подъяпольская Е. П. Неизвестные стихи на смерть Петра I. ІХ, 296—299.
публ. Ф. В. Каржавин. Письма отцу. ПРП, 224—241.
соавт. Лаппо-Данилевский К. Ю. Работа Н. А. Львова по подготовке второго издания переводов из Анакреона. XVII, 190—202.
- Дрובה Н. П. Биографические предания о русских писателях XVIII в. как историко-литературное явление. ХІІІ, 275—283.
- Дуденкова А. И. Поэма А. Дубровского «На ослепление страстями». III, 463—470.

- О построении образа в лирике Ломоносова. V, 70—78.
- Наш дорогой учитель. [Воспоминания о П. Н. Беркове]. ВБ, 157—161.
- Дуйчев Ив.* Отзвуки русской историографии XVIII в. у болгар. *Пер. с болг. А. И. Хватова*. VII, 397—402.
- Дылевский Н. М.* Русская и украинская историография XVIII столетия и «История во кратце о болгарском народе славенском» Спиридона (1792). X, 127—134.
- Дыхне М. М.* Заметки к тексту «Письма о пользе стекла» М. В. Ломоносова. ТЛ, 258—269.
- Егоров С. К.* *соавт. Морозова Н. П., Шаталина Н. Н.* Материалы к описанию библиотеки Г. Р. Державина. XXII, 235—287.
- Егунов А. Е.* Ломоносов — переводчик Гомера. ТЛ, 197—218. «Плоды уединения» Н. И. Гнедича. VII, 312—319.
- Елеонская А. С.* Посмертный панегирик Петру I в стенах Славяно-греко-латинской академии. IX, 259—269.
- Елеонский С. Ф.* Из наблюдений над языком и стилем «Путешествия из Петербурга в Москву». К изучению художественного своеобразия книги А. Н. Радищева. III, 326—342.
- Ермакова-Битнер Г. В.* Захарий Аникеевич Горюшкин — воспитатель российского юношества. III, 343—379. Русская литература XVIII в. и «Вестник знания» (1903—1916). VII, 380—385.
- Жирмунская Н. А.* Историко-философская концепция И. Г. Гердера и историзм Просвещения. XIII, 91—101.
- Жирмунский В. М.* О русской рифме XVIII в. VII, 419—427. Оды М. В. Ломоносова «Вечернее» и «Утреннее размышление о Божием Величестве». (К вопросу о датировке). X, 27—30.
- Заборов П. Р.* Ломоносов во французском журнале 1820-х годов. ТЛ, 285—291. Неизданная поэма М. В. Храповицкого «Четыре времени года». V, 429—434. «Ночные размышления» Юнга в русских переводах. VI, 269—279. Гюго и Карамзин. VIII, 346—350. «Орлеанская девственница» Вольтера в русских рукописных переводах. X, 247—250. *публ.* Поэма М. В. Храповицкого «Четыре времени года». XXI, 368—378. Настоящий ученый и настоящий человек. [Воспоминания о П. Н. Беркове]. ВБ, 112—117.

- Западов А. В.* Журнал М. Д. Чулкова «И то и сьо» и его литературное окружение. II, 95—141.
- Западов В. А.* Державин и Муравьев. VII, 245—253.
 Державин и русская рифма XVIII в. VIII, 54—91.
 К истории правительственных преследований Н. И. Новикова. XI, 37—48.
 Неизвестная ода Г. Р. Державина. XI, 159—165.
совм. публ. Кулакова Л. И. М. Н. Муравьев.
 Письма отцу и сестре 1777—1778 годов. ПРП, 259—377.
публ. С. Г. Домашнев. ПРП, 386—387.
 Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии». XV, 229—282.
 Проблема литературного сервизизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина. XVI, 56—75.
 Последняя часть «Рассуждения о лирической поэзии» Г. Р. Державина. XVI, 289—218.
 Был ли Радищев автором «Беседы о том, что есть сын Отечества»? XVIII, 131—155.
 Барковиана и Державин. XX, 87—94.
 «Русские размеры» в поэзии конца XVIII века. XXI, 391—400.
- Зернова Р. А.* *пер. с нем. Хексельшнайдер Э.* Профессор Христиан-Фридрих Шмид, учитель русских студентов в Лейпциге. VII, 220—227.
пер. с франц. Менье А. Русский восемнадцатый век и формирование Пушкина (Заметки). VII, 339—344.
пер. с англ. Кросс. А. Василий Петров в Англии (1772—1774). XI, 229—246.
- Иванов М. В.* Мир Швейцарии в «Письмах русского путешественника». X, 296—302.
 Державин и Новиков. XI, 77—86.
- Иванова Е. А.* *отв. секретарь.* ЛиС.
отв. секретарь. Рад 2.
соавт. Кочеткова Н. Д. Предисловие. Рад 2, 7—8.
отв. секретарь. Тред.
соавт. Н. Ю. Алексеева, Н. Д. Кочеткова, Ю. А. Петросян. Предисловие. Тред, 7—8.
- Иванова-Гиргина М.* *ред., пер. с болг. К. Паначовой. Боров Т.* Всегда чуткий, всегда отзывчивый. [Воспоминания о П. Н. Беркове]. ВБ, 133—140.
- Имаи Й.* *соавт. Матсуда Дж., Фудзинума Т.* Изучение России XVIII века в Японии. (Библиографиче-

- ский обзор). *Пер. с англ. Н. Д. Кочетковой.* XX, 253—266.
- Ионин Г. Н.* Анакреонтические стихи Карамзина и Державина. VIII, 162—178.
Спор «древних» и «новых» и проблема историзма в русской критике 1800—1810 годов. XIII, 192—204.
- Итигина Л. А.* К вопросу о репертуаре оппозиционного театра Елизаветы Петровны в 1730-е годы. IX, 321—331.
- Каганов И. Я.* Я. Маркович и его «Дневник» как материал для истории просветительства на Украине в первой половине XVIII века. II, 113—126.
Г. А. Полетика и его книжные интересы. (Из истории книжной культуры XVIII в.). VII, 138—144.
- Казаков Р. Б.* Заметка Н. М. Карамзина «О московском землетрясении 1802 года»: источниковедческий комментарий. XXII, 296—309.
- Канунова Ф. З.* Эволюция сентиментализма Карамзина («Моя исповедь»). VII, 286—290.
Карамзин и Стерн. X, 258—264.
Карамзин и Жуковский. (Некоторые вопросы изучения русской истории по материалам библиотеки В. А. Жуковского). XVI, 130—138.
соавт. Кафанова О. Б. Карамзин и Жуковский. (Восприятие «Созерцания природы» Ш. Бонне). XVIII, 187—202.
Н. М. Карамзин в историко-литературной концепции В. А. Жуковского (1826—1827 гг.). XXI, 337—346.
Представитель петербургской научной школы. [Воспоминания о П. Н. Беркове]. ВВ, 64—68.
- Караваева Л. М.* Информация о праздновании юбилея В. К. Тредиаковского в Астрахани. Тред, 180.
- Карлова Т. С.* Эстетический смысл истории в творческом восприятии Карамзина. VIII, 281—289.
- Карп С. Я.* О создании Советского общества по изучению XVIII века. XVII, 293.
О центре по изучению европейского Просвещения в Потсдаме. XXI, 422—426.
- Касаткина Е. А.* Трагедия М. В. Ломоносова «Демофонт». III, 91—110.
- Кафанова О. Б.* Библиография переводов Н. М. Карамзина. XVI, 319—337.
Библиография переводов Н. М. Карамзина в «Вестнике Европы» (1802—1803 гг.). XVII, 249—283.

- соавт. Канунова Ф. З.* Карамзин и Жуковский: (Восприятие «Созерцания природы») Ш. Бонне). XVIII, 187—202.
- Кибальник С. А.* Об одном французском источнике эстетических взглядов Тредиаковского. XIII, 219—228.
О «Риторике» Феофана Прокоповича. XIV, 193—206.
- Клейн Й.* Русский Буало. (Эпистола Сумарокова «О стихотворстве» в восприятии современников): (Плагиат? — Дидактическое стихотворение или сатира? — Неизвестное произведение? — Сумароков и Буало: «манифест русского классицизма»). *Пер. с нем. Н. Ю. Алексеевой.* XVIII, 40—58.
Реформа стиха Тредиаковского в культурно-историческом контексте: (Кризис русской силлабики — Почему Тредиаковский замалчивает немецкий образец? — Возврат к силлабической системе — Тредиаковский как русский «древний»). *Пер. с нем. Н. Ю. Алексеевой.* XIX, 15—42.
Ломоносов и Расин («Демофонт» и «Андромаха»). XXI, 89—96.
Ломоносов и трагедия: (Придворный театр и любовная трагедия — Пуристический и барочный классицизм). XXII, 28—42.
Религия и Просвещение в XVIII веке: Ода Державина «Бог». XXIII, 126—133.
«Немедленное искоренение всех пороков»: о моралистических журналах Екатерины II и Н. И. Новикова. XXIV, 153—165.
- Князев Г. А.* *соавт. Файдель Э. П., Шафрановский К. И.* Каталог изданий Петербургской Академии наук 1731 года (дар немецкой Академии наук, 1956). III, 562—565.
- Козьмин М. Б.* Журнал «Утра» и его место в русской журналистике XVIII века. IV, 104—135.
- Кокорев А. В.* За активное изучение русской литературы XVIII века. II, 147—150.
- Комарова И. Б.* *пер. с англ. Эджерстон В. Б.* Знакомство Фонвизина с Лабланшери в Париже. VII, 165—173.
- Кононко Е. Н.* *публ. Н. А. Львов.* Письма В. В. Капнисту. ПРП, 388—393.
- Копанев Н. А.* О первых изданиях сатир А. Кантемира. XV, 140—154.
Петр I — переводчик. XVI, 180—183.
- Коплан Б. И.* Философические письма «Почты духов» (1789 г.). Рад 1, 353—399.

- Французский источник некоторых «Нравоучительных басен» М. М. Хераскова. II, 329—333.
соавт. Алексеева Н. Ю. Авторская правка Г. Р. Державина на экземплярах его «Сочинений» из собрания РГБ и БРАН. МРП, 33—54.
- Копылова В. С.* *соавт. Панченко А. М.* Роль музыки в реформе русского стиха. XV, 5—20.
- Космолинская Г. А.* Н. М. Карамзин и Давид Юм. (К вопросу об историографической концепции Карамзина). XVIII, 203—217.
Роман о Бертольдо в русских переводах. XXIII, 240—254.
- Костин А. А.* Композиция и проблематика главы «Подберезье» «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Рад 2, 19—35.
соавт. Дёмин А. О. Книги из библиотеки А. Н. Радищева. Рад 2, 57—89.
«Чудище обло» и «monstrum horrendum». Вергилий—Тредиаковский—Радищев. Тред, 135—147.
Религиозные взгляды А. Н. Радищева. XXIV, 255—280.
- Костина Е. Л.* К истории ранних комедий Екатерины II. XVIII, 299—312.
- Костюкова В. В.* Роман С. Ричардсона «Памела» в переводе Ивана Шишкина. XVIII, 322—334.
В. В. Измайлов и С. Ричардсон. (К истории западноевропейского влияния на русскую сентиментальную повесть 1810-х годов). XXII, 320—332.
- Кочеткова Н. Д.* Отзывы о Ломоносове в «Собеседнике любителей русского слова». ТЛ, 270—281.
«Любослов» — сотрудник «Собеседника любителей русского слова». V, 422—428.
Идейно-литературные позиции масонов 80—90-х годов XVIII в. и Н. М. Карамзин. VI, 176—196.
соавт. Ушакова-Кряжимская И. А. П. Н. Берков как учитель. VII, 10—13.
Карамзин и Антон Валль. VIII, 245—258.
соавт. Фридендер Г. М. Ф. Зольгер о Карамзине. VIII, 343—345.
Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма. IX, 50—80.
И. Г. Рахманинов — переводчик немецких поэтов и творчество молодого Крылова. X, 251—257.

Немецкие писатели в журнале Новикова «Утренний свет». XI, 113—124.

О первых русских переводах книги Л. С. Мерсье «Мой спальный колпак». XI, 247—249.

Радищев и проблема красноречия в теории XVIII в. XII, 8—28.

совм. публ. Арзуманова М. А., Мартынов И. Ф., И. Ф. Богданович. [Письма]. ПРП, 242—258.

публ. П. И. Фонвизин. Письма к И. И. Мелиссино. ПРП, 378—385.

Формирование исторической концепции Карамзина — писателя и публициста. XIII, 132—155.

Герой русского сентиментализма. 1. «Чтение в жизни „чувствительного героя“». XIV, 121—142.

Герой русского сентиментализма. 2. Портрет и пейзаж в литературе русского сентиментализма. XV, 70—96.

ред. XVI.

Проблемы изучения литературы русского сентиментализма. XVI, 32—43.

Проблема «ложной чувствительности» в литературе русского сентиментализма. XVII, 61—72.
отв. ред. XVIII.

Тема «золотого века» в литературе русского сентиментализма. XVIII, 172—186.

отв. ред. МРП.

Экземпляры «Сочинений» Державина, хранящиеся в Пушкинском Доме. МРП, 55—65.

отв. ред. XIX.

Два издания «Московского журнала» Н. М. Карамзина. XIX, 168—182.

отв. ред. XX.

«Правосудие» и «милость» в поэзии Державина. XX, 72—78.

Фонвизин и Волковы. XX, 114—120.

пер. с англ. Имаи Й., Матсуда Дж., Фудзинума Т. Изучение России XVIII века в Японии. (Библиографический обзор). XX, 253—266.

отв. ред. XXI.

П. Н. Берков — исследователь русской литературы XVIII века. XXI, 3—13.

сост. Дополнения к биобиблиографии П. Н. Беркова. XXI, 427—433.

отв. ред. ЛиС.

Княжна Урусова и ее литературные собеседники. ЛиС, 94—103.

отв. ред. XXII.

Литературные посвящения в русских изданиях XVIII—начала XIX века. Статья 1. Особенности жанра. XXII, 66—84.

отв. ред. Рад 2.

соавт. Иванова Е. А. Предисловие. Рад 2, 7—8.

Радищев и Мильтон. Рад 2, 48—56.

отв. ред. XXIII.

Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. Статья 2. Посвящения государю. XXIII, 20—46.

публ. К истории перевода Н. Н. Поповского поэмы А. Попа «Опыт о человеке». (Ранняя редакция). XXIII, 306—337.

отв. ред. Тред.

соавт. Н. Ю. Алексеева, Ю. А. Петросян, Е. А. Иванова. Предисловие. Тред, С. 7—8.

О правке Тредиаковского в его экземпляре «Сочинений и переводов» (1752). Тред, 70—75.

отв. ред. ВБ.

Ученый-гуманист. [Воспоминания о П. Н. Беркове]. ВБ, 69—84.

отв. ред. XXIV.

От редактора. XXIV, 3.

Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. (Посвящения екатерининским вельможам). XXIV, 96—124.

публ. Г. Р. Державин; М. Н. Муравьев; Отклики на открытие памятника Петру I (В. Г. Рубан, А. Н. Радищев, Д. Гамалея, Е. И. Костров, В. П. Петров, И. М. Долгоруков, А. И. Клушин, анонимные сочинения); Н. П. Николев; Н. М. Карамзин. Петр I, 207—212; 24 —250; 260—285; 320—321; 322—332.

Кошелев В. А.

«Образ Крылова» в восприятии К. Н. Батюшкова. XX, 281—291.

Краснов Г. В.

Лев Толстой и Радищев. XII, 137—148.

Крестова Л. В.

Из истории публицистической деятельности Д. И. Фонвизина. III, 481—489.

С. П. Румянцев — писатель и публицист (1755—1838). VI, 91—128.

Повесть Н. М. Карамзина «Сиерра-Морена». VII, 261—266.

А. И. Плещеева в жизни и творчестве Карамзина. X, 265—270.

- Кросс А. Г.* Разновидности идиллии в творчестве Карамзина. VIII, 210—228.
 «Замечания» сэра Джона Синклера о России. Пер. Н. И. Серман. X, 160—168.
 Василий Петров в Англии (1772—1774). Пер. с англ. Р. А. Зерновой. XI, 229—246.
 Английские отзывы об А. П. Сумарокове. Пер. с англ. В. Д. Рака. XIX, 60—69.
 Поездки княгини Е. Р. Дашковой в Великобританию (1770 и 1776—1780 гг.) и ее «Небольшое путешествие в Горную Шотландию» (1777). Пер. с англ. Ю. Д. Левина. XIX, 223—238.
 публ. Е. Р. Дашкова. Le petit Tour dans les Highlands. Небольшое путешествие в Горную Шотландию. Пер. с фр. Н. М. Сперанской. XIX, 239—268.
 «Такую роль глупец не одолеет» — Афанасий в пьесе Княжнина «Несчастье от кареты». Пер. с англ. Ю. Д. Левина. XXI, 228—238.
- Кряжимская И. А.* Театрально-критические статьи Н. М. Карамзина в «Московском журнале». III, 262—275.
 О работе Группы по изучению русской литературы XVIII века. III, 587—590.
 Библиографический перечень авторефератов диссертаций по русской литературе и русскому языку XVIII века. III, 591—602.
 Из истории русской театральной критики конца XVIII—начала XIX века. IV, 206—229.
 О работе группы по изучению русской литературы XVIII века. IV, 467—471.
 См. также: *Ушакова-Кряжимская И. А.*
- Кубачева В. Н.* «Восточная» повесть в русской литературе XVIII—начала XIX века. V, 295—315.
- Кузьмин А. И.* Крепостной литератор В. Г. Вороблевский. IV, 136—156.
 К истории переводного плутовского романа в России XVIII в. VII, 194—198.
 Военная тема в литературе Петровского времени. IX, 168—183.
 Военная тема в сатирических «Разговорах в царстве мертвых». X, 87—91.
- Кукушкина Е. Д.* Переводная новелла в рукописных сборниках XVIII в. XIV, 180—192.
 Текст и изображение в конклюдии Петровского времени (на примере портрета царевны Наталии Алексеевны). XV, 21—36.

О драматургическом компоненте в прозе XVIII века. XVII, 48—60.

публ. Четыре записки Г. Р. Державина к В. Н. Олину. XVII, 207—214.

«Записки» Прасковии Николаевны Львовой. XVIII, 262—298.

Комедиография В. А. Левшина. XIX, 86—101.

Сюжет «Суд Соломона» в драматургии. XX, 121—134.

сост. Хронологический список трудов Юрия Владимировича Стенника. XX, 323—331.

Тема бессмертия души у В. И. Майкова. XXI, 177—184.

Писарь П. К. Соловьев о «Словаре Академии Российской». ЛиС, 104—114.

Поэзия М. М. Хераскова. Поиски смысла жизни. XXII, 96—110.

Стихотворные послания Державину. (По рукописным материалам Российской национальной библиотеки). XXIII, 149—182.

отв. ред. ВБ.

Державин и К. В. Злобин. (К вопросу о дилетантской поэзии). XXIV, 174—192.

публ. И. И. Голиков, Платон Левшин, Е. Р. Дашкова, В. Г. Рубан. Петр I, 213—234, 235—238, 239—242.

Кулакова Л. И.

Просветительство и литературные направления XVIII века. П, 163—172.

А. Н. Радищев о М. В. Ломоносове. ТЛ, 219—236.

Эстетические взгляды Н. М. Карамзина. VI, 146—175.

Когда написана басня «Лисица-казнодей». VII, 174—180.

О спорных вопросах в эстетике Державина. VIII, 25—40.

Н. И. Новиков в письмах М. Н. Муравьева. XI, 16—23.

совм. публ. Западов В. А. М. Н. Муравьев. Письма отцу и сестре 1777—1778 годов. ПРП, 259—377.

Кулябко Е. С.

Научные связи М. В. Ломоносова с зарубежными учеными. IV, 327—333.

Ломоносовский юбилей 1911 г. ТЛ, 300—312.

К истории словацко-русских научных связей в XVIII в. Письма М. Беля в Архиве АН. РиС, 168—171.

- Неизвестное письмо И. И. Шувалова к М. В. Ломоносову. VII, 99—105.
соавт. Соколова Н. В. Утраченная переписка М. В. Ломоносова с польским пиаром Е. Цяпинским. X, 206—210.
 П. Н. Берков и Архив Академии наук. ВБ, 101—104.
- Купреянова Е. Н.* К вопросу о классицизме. IV, 5—44.
Кучеренко Г. С. Сочинение Гельвеция «Об уме» в переводе Е. Р. Дашковой. XXI, 215—227.
- Кучеров А. Я.* Французская революция и русская литература XVIII века. I, 259—307.
- Лазарчук Р. М.* Проза Радищева и традиция эпистолярного жанра. XII, 72—82.
 Из истории провинциального театра (театральная жизнь Вологды 1780-х гг.). XV, 52—69.
 Из истории провинциального театра. (Вологодский публичный театр конца XVIII—начала XIX в.). XVIII, 156—171.
 Переписка Н. М. Карамзина с А. А. Петровым. (К проблеме реконструкции «романа в письмах»). XX, 135—143.
соавт. Левин Ю. Д. «Гамлетов монолог» в переводе М. Н. Муравьева. XXI, 303—317.
публ. Письмо Г. П. Каменева М. И. Невзорову. XXII, 431—434.
Угла или Ухра? (О текстологии стихотворения М. Н. Муравьева «Путешествие»). XXIII, 118—125.
публ. Неизвестные тексты М. Н. Муравьева (переводы басен Лафонтена). XXIV, 312—316.
- Лакшин В. Я.* О деятельности В. К. Тредиаковского-просветителя (перевод книги о Фр. Бэконе). V, 22—48.
- Лапкина Г. А.* О театральных связях В. В. Капниста. IV, 304—312.
- Лапто-Данилевский К. Ю.* К вопросу о творческом становлении Н. А. Львова. (По материалам черновой тетради). XVI, 256—270.
 Неизвестное стихотворное посвящение В. И. Майкова. XVII, 159—162.
соавт. Долгова С. Р. Работа Н. А. Львова по подготовке второго издания переводов из Анакреона. XVII, 190—202.
 Комическая опера Н. А. Львова «Ямщики на подставе». XVIII, 93—112.
 Итальянский маршрут Н. А. Львова. XIX, 102—113.

Комическая опера Н. А. Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины» и традиции русской любительской сцены. XX, 95—113.

пер. с нем. Роте Х. «Избрал он совсем особый путь» (Державин с 1774 по 1795 г.). XXI, 247—259. Об источниках художественной аксиологии Н. А. Львова. XXI, 282—295.

соавт. Мозговая Е. Б. Идеи И. И. Винкельмана и Петербургская Академия художеств в XVIII столетии. XXII, 155—179.

публ. Отрывки об искусствах М. Н. Муравьева. XXII, 347—357.

К истории русских переводов «Писем об Италии в 1785 году» Ш.-М. Дюпати. XXIII, 255—272.

О словаре художников, задуманном Н. А. Львовым. XXIV, 193—205.

Лаух А.

Бакмейстер и русский читатель эпохи Просвещения. *Пер. с нем. Л. Э. Найдич.* X, 64—69.

Левин В. Д.

Заметки о принципах изучения русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. VII, 428—433.

Левин Ю. Д.

Об источниках «Подпоручика Кижэ». VII, 393—396.

Инкл и Ярико в России. X, 236—246.

пер. с англ. Кросс Э. Поездки княгини Е. Р. Дашковой в Великобританию (1770 и 1776—1780 гг.) и ее «Небольшое путешествие в Горную Шотландию» (1777). XIX, 223—238.

пер. с англ. Кросс Э. «Такую роль глупец не одолеет» — Афанасий в пьесе Княжнина «Несчастье от кареты». XXI, 228—238.

соавт. Лазарчук Р. М. «Гамлетов монолог» в переводе М. Н. Муравьева. XXI, 303—317.

Левина Н. М.

публ. Два неопубликованных письма Е. И. Кострова. III, 505—510.

Левитт М.

Драма Сумарокова «Пустынник». К вопросу о жанровых и идейных источниках русского классицизма. XVIII, 59—74.

К истории текста «Двух эпистол» А. П. Сумарокова. МРП, 16—32.

Сумароков — читатель Петербургской библиотеки Академии наук. XIX, 43—59.

Пасквиль, полемика, критика: «Письмо ... писанное от приятеля к приятелю» (1750) Тредиаковского и проблема создания русской литературной критики. XXI, 62—72.

- Диалектика видения в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева. Рад 2, 36—47.
- «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве» Ломоносова: опыт определения теологического контекста. XXIV, 57—70.
- Левицкий А. А.* Образ воды у Державина и образ поэта. XX, 47—71.
- Державин, Гораций, Бродский (тема «бессмертия»). XXI, 260—267.
- Леман У.* Н. М. Карамзин и Вольцоген. VII, 267—271.
- О некоторых особенностях русского просвещения. *Пер. с нем. Р. Ю. Данилевского.* X, 59—63.
- Леманн-Карли Г.* Я. М. Р. Ленц и Н. М. Карамзин. *Пер. с нем. Н. Ю. Алексеевой.* XX, 144—156.
- Лентин Э.* Авторство «Правды воли монаршей»: Феофан Прокопович, Афанасий Кондоиди, Петр I. XXI, 33—39.
- Лепехин М. П.* «Дворянин-философ» в кругу почитателей. (Новонайденные материалы о литературно-художественном окружении Ф. И. Дмитриева-Мамонова). XIV, 304—318.
- «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова. (Некоторые проблемы изучения). XVI, 234—250.
- Лилич Г. А.* *пер. с польск. Доланский Ю.* Херасков и Гавличек. VII, 213—219.
- Линтур П. В.* Традиции русского классицизма в литературе Закарпатья XIX в. РиС, 123—136.
- Державин и литература Закарпатья XIX столетия. VII, 237—244.
- Лихачев Д. С.* *ред.* VII.
- Эстетическая оценка и текстологическое исследование (Тезисы). VII, 449—455.
- ред.* X.
- Система стилевых взаимоотношений в истории европейского искусства и место в ней русского XVIII века. X, 5—11.
- П. Н. Берков — ученый и человек. ВБ, 7—22.
- Лихоткин Г. А.* К вопросу об атрибуции и датировке «Рассуждения о непременных государственных законах». XVII, 169—190.
- Ломоносов М. В.* Письмо к его высокородию Ивану Ивановичу Шувалову 1750 г. *Пер. на нем. А. Рау.* ТЛ, 313—314.

- Лотман Л. М.* В кругу студентов и коллег. [Воспоминания о П. Н. Беркове и Г. А. Гуковском]. ВБ, 50—63.
- Лотман Ю. М.* К вопросу о том, какими языками владел М. В. Ломоносов. III, 460—462.
О третьей части «Почты духов» И. А. Крылова. III, 511—512.
Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский. IV, 230—256.
Новые издания поэтов XVIII века. IV, 456—466.
Пути развития русской просветительской прозы XVIII века. II, 79—106.
Просветительство и реализм. II, 158—162.
Радищев — поэт-переводчик. V, 435—439.
Об одном читательском восприятии «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина. (К структуре массового сознания XVIII в.). VII, 280—285.
Из комментариев к «Путешествию из Петербурга в Москву». XII, 29—39.
Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII—начала XIX столетия. XIII, 82—90.
Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. (К генезису исторической концепции Карамзина). XIII, 102—131.
- Лужный Р.* «Поэтика» Феофана Прокоповича и теория поэзии в Киево-Могилянской Академии (первая половина XVIII в.). *Пер. с польск. Г. Я. Векслер.* VII, 47—53.
Издания на польском языке в литературе эпохи Петра I. *Пер. с польск. Н. Н. Мозжухиной.* IX, 304—312.
Древнепольская традиция в литературе русского просвещения. *Пер. с польск. Л. И. Ровняковой.* X, 176—183.
П. Н. Берков и польские русисты. *Пер. с польск. С. И. Николаева.* ВБ, 127—132.
- Лузянина Л. Н.* Литературно-философская проблематика трактата Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии». XII, 52—66.
Проблемы историзма в творчестве Карамзина — автора «Истории государства Российского». XIII, 156—166.
- Лукина Т. А.* Неизвестные документы о сестре Ломоносова М. В. Головиной и его племянниках М. Е. и П. Е. Головиных. ТЛ, 292—299.
- Лукичева Э. В.* Федор Поликарпов — переводчик «Географии генеральной» Бернарда Варения. IX, 189—196.

- Люблинский В. С. Новое о русских связях Вольтера. III, 432—439.
- Любомиров П. Г. «Описание моего владения». Рад 1, 193—209.
Род Радищева: (Предки — Афанасий Прокофьевич Радищев — Отец писателя — Николай Афанасьевич Радищев). Рад 1, 291—351.
- Лямина Е. Д. *соавт. Пастернак Е. Е.* Списки мемуаров И. И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь». XVIII, 369—375.
- Мазон А. Тюрпен и Куракин — литератор и вельможа. *Пер. с франц. Н. И. Серман.* VII, 187—193.
- Маймин Е. А. Державинские традиции и философская поэзия 20—30-х годов XIX столетия. VIII, 127—143.
- Макаров В. К. Киевская «Мусия» в художественном творчестве М. В. Ломоносова. РИС, 102—104.
- Макогоненко Г. П. О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. II, 25—53.
К истории русского Просвещения и реализма XVIII века. II, 173—189.
ред. VII.
Учение Радищева об активном человеке и Пушкин. VII, 345—352.
ред. VIII.
Пушкин и Державин. VIII, 113—126.
ред. IX.
ред. X.
Пушкин и Гёте. (К истории истолкования пушкинской «Сцены из Фауста»). X, 284—291.
ред. XI.
ред. XII.
отв. ред. ПРП.
Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс. ПРП, 3—41.
отв. ред. XIII.
Из истории формирования историзма в русской литературе. XIII, 3—65.
- Малеин А. И. Приложение к статье А. С. Орлова «Тилемахида». [Античные источники эпитетов в «Тилемахиде»]. I, 57—60.
- Малиновский К. В. *соавт. Астраханский В. С.* Неопубликованное письмо и список книг В. Н. Татищева 18 октября 1731 г. XV, 161—169.
- Марасинова Е. Н. И. И. Хемницер — писатель и дипломат. XXIV, 219—254.
- Маргарян А. Е. Брюсов и русские поэты XVIII в. VII, 386—392.
- Маркова Н. К. Ф. Градици, И. П. Елагин, Д. И. Фонвизин (к истории одного прошения). XXI, 196—203.

- Марлинский С. Я.* История и проблематика «Ведомостей» Петровского времени в освещении П. Н. Беркова. X, 292—295.
- Мартынов И. Ф.* Три редакции «Службы благодарственной о великой победе под Полтавой». IX, 139—148.
соавт. Шанская И. А. Отзвуки литературно-общественной полемики 1750-х годов в русской рукописной книге (сборник А. А. Ржевского). XI, 131—148.
Журналист, историк и дипломат XVIII века Григорий Леонтьевич Брайко. XII, 225—241.
публ. С. С. Бобров. Письма С. А. Селивановскому. ПРП, 400—404.
совм. публ. Арзуманова М. А., Кочеткова Н. Д., И. Ф. Богданович. [Письма]. ПРП, 242—258.
публ. Н. П. Николев. Письма Д. И. Хвостову. ПРП, 410—415.
Забывтый типограф XVIII столетия Иван Никитич ТрEDIAKовский. XIII, 262—274.
- Матль Й.* Эпоха Просвещения в России и ее отличие от Просвещения в других славянских странах. VII, 199—206.
Ф. Я. Янкович и австро-сербско-русские связи в истории народного образования в России. *Пер. с нем. Н. Сальникова.* X, 76—81.
- Матсуда Дж.* *соавт. Имаи Й., Фудзинума Т.* Изучение России XVIII века в Японии. (Библиографический обзор). *Пер. с англ. Н. Д. Кочетковой.* XX, 253—266.
- Матхаузерова С.* «Собрание разных песен» Чулкова и «Славянские народные песни» Челаковского. X, 113—118.
- Матяш С. А.* «Мерзкие» переносы ТрEDIAKовского. Тред, 114—134.
- Махровская Н. Н.* Петербургский Адрес В. В. Капниста. XX, 252.
Медовой М. И. «NN иностранец» и «Всезнающий». XI, 153—158.
Мейлах Б. С. «Державинское» в поэтической системе Н. М. Языкова. VII, 353—358.
- Мейор А. Г.* Пространство и время: Державин и Пушкин. (Стихотворение Державина «Евгению. Жизнь Званская»). XX, 79—86.
- Мельник В. И.* И. А. Гончаров и Н. М. Карамзин. (К вопросу о некоторых традициях). XVII, 284—292.
- Мельц М. Я.* Подводное царство и морской царь в поэме «Петр Великий». ТЛ, 248—252.
- Менье А.* Русский восемнадцатый век и формирование Пушкина. (Заметки). *Пер. с франц. Р. А. Зерновой.* VII, 339—344.

- Мериджи Б.* Наблюдения над «Сборником Кириши Данилова». *Пер. с итал. Н. И. Серман.* VII, 20—27.
- Микитась В. Л.* «Российская грамматика» М. В. Ломоносова в Закарпатье. *РиС*, 137—139.
- Могилянский А. П.* «Ольга», трагедия Я. Б. Княжнина. III, 498—504. К вопросу о так называемом «раннем» «Недоросле». IV, 415—421. Материалы и разыскания по русской литературе XVIII века. Вопрос о жизненности и действительности русской литературы XVIII века. V, 440—444.
- Модзалевский Л. Б.* Ломоносов и его ученик Поповский. (О литературной преемственности). III, 111—169. *публ.* «Евнух» В. К. Третьяковского. I, 311—326. Литературная полемика Ломоносова и Третьяковского в «Ежемесячных сочинениях» 1755 года. IV, 45—65. Ломоносов и «О качествах стихотворца рассуждение» (из истории русской журналистики 1755 г.). ТЛ, 133 — 162.
- Мозговая Е. Б.* *соавт. Лапто-Данилевский К. Ю.* Идеи И. И. Винкельмана и Петербургская Академия художеств в XVIII столетии. XXII, 155—179.
- Мозжухина Н. Н.* *пер. с польск. Луэжский Р.* Издания на польском языке в литературе эпохи Петра I. IX, 304—312. *пер. с польск. Дембский Я.* Издания Петровского времени в библиотеках Польши. IX, 317—321.
- Моисеева Г. Н.* К вопросу об источниках трагедии М. В. Ломоносова «Тамира и Селим». ТЛ, 253—257. М. В. Ломоносов на Украине. *РиС*, 79—101. М. В. Ломоносов и польские историки. *РиС*, 140—157. *ред.* IX. «История России» Федора Поликарпова как памятник литературы. IX, 81—92. О формировании стиля русских повестей первой трети XVIII века. (Роль переводных курантов XVII века). X, 82—86. Археографическая деятельность Н. И. Новикова. XI, 24—36. Дополнительные данные к обстоятельствам преследования Н. И. Новикова. XI, 149—152. Русская история в творчестве Радищева 1780-х годов. XII, 40—51. Экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева в архиве Воронцовых. XII, 242—246.

- публ. Н. И. Новиков. [Письма]. ПРП, 405—409.
К пониманию идейного замысла «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (глава «Тосна»). XIII, 185—191.
ред. XIV.
- М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин. (Записка «О повреждении нравов в России»). XIV, 80—92.
ред. XV.
- Дени Дидро и Е. Р. Дашкова. XV, 197—204.
ред. XVI.
- «Опыт повествования о России» И. П. Елагина в оценке Н. М. Карамзина. XVI, 104—109.
- Две стихотворные сатиры конца XVIII—начала XIX века. XVII, 214—220.
- «Слово о полку Игореве» и Екатерина II. XVIII, 3—30.
- Мораччи Дж.* Английская драматургия на русской сцене: пьесы И. М. Муравьева-Апостола. ЛиС, 73—84.
- Морозов А. А.* М. В. Ломоносов и телеология Христиана Вольфа. ТЛ, 163—196.
Эмблематика барокко в литературе и искусстве Петровского времени. IX, 184—226.
- Морозова Н. П.* Книга из библиотеки Гоголей. (К вопросу об употреблении термина *поэма* в русской литературе). XVI, 251—255.
Русский писатель XVIII века в биографических преданиях. XVII, 162—168.
Библиотека дворян Башмаковых-Верещагиных (XVIII—начало XIX в.). XVIII, 351—363.
О стихотворении Г. Р. Державина «К царевичу Хлору». ЛиС, 58—65.
соавт. Шаталина Н. Н., Егоров С. К. Материалы к описанию библиотеки Г. Р. Державина. XXII, 235—287.
- Мулич М.* См. также: *Дрובהва Н. П.*
Два рукописных стихотворных произведения южных славян, посвященных Петру I. IX, 299—304.
- Муравьева Л. Р.* Проблема так называемой «девятой» сатиры А. Д. Кантемира. V, 153—178.
- Мурьянов М. Ф.* Отражение символики артуровского цикла в русской культуре XVIII века. X, 278—283.
- Мильников А. С.* Русские переводчики в Праге. 1716 — 1721 гг. IX, 279—188.
Иоахим Штерберг и чешские параллели к «Путешествию» Радищева. XII, 183—198.

- Первый славист Петербургской Академии наук (новые наблюдения над творческим наследием И. П. Коля). XXI, 97—101.
- Назарова Л. Н.* Об одной эпиграмме Г. Р. Державина. [«На подъячего, свиставшего в комедии „Коварный“»]. III, 545—547.
- И. С. Тургенев в работе над «Старыми портретами». (Из творческой истории). VII, 373—379.
- Из книги «Воспоминания о Пушкинском Доме». ВБ, 46—49.
- Найдич Л. Э.* *пер. с нем. Лаух А.* Бакмейстер и русский читатель эпохи Просвещения. X, 64—69.
- Немировский И. В.* Швейцарская тема в «Вестнике Европы» Н. М. Карамзина. XVI, 271—280.
- Статья А. С. Пушкина «Александр Радищев» и общественная борьба 1801—1802 годов. XVII, 123—134.
- Никитина А. Б.* Н. А. Львов в отзывах современников. ЛиС, 14—29.
- Николаев С. И.* Элогиум и проповедь. (Проблемы изучения перевода «Adverbia moralia» С. Х. Любомирского, 1730 г.). XIII, 205—218.
- Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели. XIV, 165—179.
- О стилистической позиции русских переводчиков Петровской эпохи. (К постановке вопроса). XV, 109—122.
- Проблемы изучения малых стихотворных жанров (Эпитафия). XVI, 44—55.
- «Зоил в российских градах». (От Симеона Полоцкого до А. Д. Кантемира). XVII, 17—27.
- «Повесть о Лукиановом осле» в кругу переводных античных памятников Петровской эпохи. XVII, 135—159.
- Из литературной эстетики Петровской эпохи. XVIII, 218—229.
- Пометы В. К. Третьяковского на «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова. МРП, 7—15.
- Трудный Кантемир. (Стилистическая структура и критика текста). XIX, 3—14.
- Словарь Г. Кнапского в России. (Библиографические разыскания). XX, 157—168.
- О переводе похвальной оды М. Меттера 1737 г. XX, 249—251.

- сост.* Хронологический список трудов Владимира Петровича Степанова. XX, 313—322.
- пер. с англ. Ди Сальво М.* Юный россиянин за границей: дневник И. Нарышкина. XXI, 22—32.
- Кириак Кондратович — переводчик польской поэзии. XXI, 73—80.
- Неизвестное стихотворение Ломоносова и отклик на него Сумарокова. XXII, 3—7.
- Имя на дереве. (Из истории идилического мотива). XXII, 46—65.
- Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века. (Очерк проблематики). XXIII, 3—19.
- сост.* Материалы для библиографии сочинений В. К. Тредиаковского и литературы о нем (1966—2003). (К 300-летию со дня рождения). XXIII, 338—370.
- К истории текста «Феоптии» Тредиаковского. Тред, 76—79.
- Тредиаковский в исследованиях последних десятилетий. Тред, 172—179.
- пер с польск. Р. Лужный.* П. Н. Берков и польские русисты. ВБ, 127—132.
- Образ писателя и эстетика творчества в представлениях русских писателей XVIII века. XXIV, 82—95.
- отв. ред.* Петр I.
- публ.* Гавриил Бужинский, Феофан Прокопович, В. К. Тредиаковский, анонимы. Петр I, 51—61, 62—65, 65—89, 90—106, 107—109, 306—319.
- Николаева М. В.* «Тестамент» Петра I царевичу Алексею. IX, 93—111.
- Овчинников Г. Д.* Савелий Ферельцт — автор «Путешествия критики». XVI, 281—288.
- Оришин А. Д.* О стиле научной и публицистической прозы М. В. Ломоносова. VI, 73—90.
- О значении «Риторика» Ломоносова. VII, 94—98.
- Орлицкий Ю. Б.* Стих и проза в теории и практике В. К. Тредиаковского. Тред, 102—113.
- Орлов А. С.* *ред.* I.
- «Тилемахида» В. К. Тредиаковского. I, 5—55.
- отв. ред.* Р.
- Паначова К.* *пер. с болг. под ред. М. Ивановой-Гургиновой.* Боров Т. Всегда чуткий, всегда отзывчивый. [Воспоминания о П. Н. Беркове]. ВБ, 133—140.

- Панченко А. М.* пер. с нем. *Волльман Ф.* Взаимоотношения литературы и фольклора в XVIII в. и их роль в развитии русской культуры. VII, 14—19.
О смене писательского типа в Петровскую эпоху. IX, 112—128.
отв. ред. XIII.
отв. ред. XIV.
«Потемкинские деревни» как культурный миф. XIV, 93—104.
отв. ред. XV.
соавт. *Копылова В. С.* Роль музыки в реформе русского стиха. XV, 5—20.
отв. ред. XVI.
Начало Петровской реформы: идейная подоплека. XVI, 5—16.
отв. ред. XVII.
Церковная реформа и культура Петровской эпохи. XVII, 3—16.
- Пастернак Е. Е.* соавт. *Лямина Е. Д.* Списки мемуаров И. И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь». XVIII, 369—375.
- Пастушенко Л. М.* публ. Письма М. М. Хераскова к Г.-Ф. Миллеру (1756—1764). XI, 204—208.
- Пачини-Савой Л.* Итальянский дипломат XVIII века — переводчик «Россиады». Пер. с итал. *Н. Б. Томашевского.* VII, 207—212.
- Петросян Ю. А.* ред. ЛиС.
ред. Рад 2.
ред. Тред.
соавт. *Алексеева Н. Ю., Кочеткова Н. Д., Иванова Е. И.* Предисловие. Тред, 7—8.
- Пигарев К. В.* Неосуществленный замысел Карамзина. VII, 291—293.
- Пиксанов Н. К.* «Бедная Аня» Радищева и «Бедная Лиза» Карамзина. К борьбе реализма с сентиментализмом. III, 309—325.
- Плимак Е. Г.* Основные этапы в развитии русского Просвещения XVIII века. II, 127—137.
- Подъяпольская Е. П.* соавт. *Долгова С. Р.* Неизвестные стихи на смерть Петра I. IX, 296—299.
- Поздеев А. В.* Проблемы изучения поэзии Петровского времени. III, 25—43.
Просветительство и книжная поэзия конца XVII—начала XVIII века. II, 107—112.
Польские книжные песни в русских книжных песенниках XVIII в. РИС, 158—167.

- Предтеченский А. В.* Общественно-политические взгляды Н. М. Карамзина. II, 63—78.
- Привалова Е. П.* А. Т. Болотов и театр для детей. III, 242—261.
О забытом сборнике Тверской семинарии. V, 407—421.
О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума». VI, 258—268.
«Детское чтение для сердца и разума» в оценке читателей и критики. VII, 254—260.
А. Л. Шлёцер — автор исторической книги для детей. X, 200—205.
Социальная проблема на страницах журнала Новикова «Детское чтение для сердца и разума». XI, 104—112.
- Прийма Ф. Я.* Ломоносов и «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера. III, 170—186.
- Прокофьев Н. И.* О традициях и новаторстве путевых записок Петровского времени. IX, 129—138.
- Проскурин Н. П.* К 250-летию гражданского книгопечатания в России. IV, 376—384.
О традициях и новаторстве путевых записок Петровского времени. IX, 129—138.
- Пряшников М. П.* Неизвестные страницы литературного наследия Ф. Г. Лафермьера: полное либретто оперы Д. С. Бортнянского «Сокол». ЛиС, 85—93.
- Пумпянский Л. В.* Очерки по литературе первой половины XVIII века: (Кантемир и итальянская культура — Ломоносов в 1742—1743 гг. — Ломоносов и Малерб). I, 83—132.
Ломоносов и немецкая школа разума: (Школа разума in partibus — Ранний Ломоносов — Ломоносов и петербургская немецкая ода — Экономизм и приглашенные Музы — О надписи и титульных листах — «Гремящий стихотворцев глас»). XIV, 3—44.
- Путилов Б. Н.* «Сборник Кирши Данилова» и традиции русско-го фольклоризма XVIII в. VII, 28—29.
О прозаизмах и бесформульных стихах у Кирши Данилова. XXI, 379—390.
- Рааб Г.* Первое упоминание о деле А. Н. Радищева. III, 538—539.
Вклад Грайфсвальда в изучение России немцами в Петровскую эпоху. IV, 323—326.
- Радойчиц Г. С.* Отражение реформ Петра I в сербской письменности XVIII в. *Пер. с сербск. Г. Д. Язича.* VII, 54—58.

- Разумовская М. В.* «Естественная история» Бюффона и Фонвизин (к постановке вопроса). XV, 97—108.
Россия и «Письма» Маркиза Д'Аржана. XVIII, 335—342.
- Рак В. Д.* Возможный источник стихотворения М. В. Ломоносова «Случились вместе два астронома в пиру...». X, 217—219.
Переводные анонимные произведения в «Городской и деревенской библиотеке». XI, 125—130.
«Присовокупление второе» в «Письмовнике» Н. Г. Курганова. XII, 199—224.
Об одной ошибочной атрибуции. [Опровержение атрибуции Г. П. Шторма А. Н. Радищеву статьи «Путешествия» в журнале «Приятное и полезное препровождение времени»]. XII, 251—253.
Переводчик В. А. Приклонский (материалы к истории тверского «культурного гнезда» в 1770—1780-е годы). XIII, 244—261.
Был ли Фонвизин автором рукописного «Недоросля». XIV, 261—291.
«Адская почта» и ее французский источник. XV, 169—197.
Гипотезы об издателе журнала «Смесь». XVI, 76—103.
Петер Хольстен, библиотекарь британской фактории, и цикл «Краткие исторические известия» в тобольском журнале. XVII, 88—122.
Переводы в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований». XVIII, 230—261.
Об одном раннем переводе Фонвизина. XVIII, 398—399.
пер. с англ. Кросс Э. Английские отзывы об А. П. Сумарокове. XIX, 60—69.
Библиографические заметки. XIX, 187—222.
Библиографические заметки. XX, 169—203.
Ф. А. Эмин и Вольтер. XXI, 151—161.
Материалы к изучению сборника И. В. Новикова «Похождение Ивана гостиного сына и другие повести и сказки». XXII, 122—154.
Итальянские впечатления Феридата. (Об одном источнике романа Ф. А. Эмина «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда»). XXIII, 80—103.
Курганов и Чулков. (Текстологический казус). XXIV, 144—152.

- Рассказова Л. В.* Духовный микрокосм русской дворянской усадьбы и его влияние на личность А. Н. Радищева. XXII, 288—295.
- Рев М.* Сходство и различия в развитии идей Просвещения в России и Венгрии второй половины XVIII в. X, 70—75.
- Ревелли Дж.* Образ «Марии, российской Памелы» П. Ю. Львова и его английский прототип. XXI, 296—302.
- Реизов Б. Г.* К вопросу о западных параллелях «Недоросля». VII, 157—164.
- Рейсер С. А.* Красный флаг в России. VII, 294—301.
- Речицкий И. Х.* «Русская пляска» А. Н. Оленина—Н. А. Львова. (О сюжете и датировке гравюры). XX, 241—248. Крылов и Оленины. XX, 292—300.
- Ровнякова Л. И.* *пер. с болг. Боров Т.* Русская литература XVIII в. в Болгарии в эпоху Возрождения. (Итоги изучения). VII, 409—414.
пер. с польск. Лужный Р. Древнепольская традиция в литературе русского Просвещения. X, 176—183.
- Розанов И. Н.* Песни о гостинином сыне. I, 219—258.
- Розов Н. Н.* «Гистория о купце», неизвестный памятник посадской сатирической литературы XVIII века. III, 440—448.
- Розова З. Г.* «Новая Элоиза» Руссо и «Бедная Лиза» Карамзина. VIII, 259—268.
- Ромодановская Е. К.* Об изменениях жанровой системы при переходе от древнерусских традиций к литературе Нового времени. XXI, 14—21.
- Росси Л.* Сентиментальная проза М. Н. Муравьева. (Новые материалы). XIX, 114—146.
- Роте Х.* «Избрал он совсем особый путь». (Державин с 1774 по 1795 г.). *Пер. с нем. К. Ю. Лапто-Данилевского.* XXI, 247—259.
- Русанова Н. Б.* Эпитеты Державина. VIII, 92—102.
- Сазонова Л. И.* Переводной роман в России XVIII века как *ars amandi*. XXI, 127—139.
- Сальников Н.* *пер. с нем. Матль Й. Ф. Я.* Янкович и австро-сербско-русские связи в истории народного образования в России. X, 76—81.
- Самаренко В. П.* В. К. Тредиаковский в Астрахани. (Новые материалы к биографии В. К. Тредиаковского). V, 358—363.
- Сапченко Л. А.* Духовное завещание А. Н. Радищева (жанровый аспект проблемы). Рад 2, 104—111.

- Сафонов М. М.* А. Н. Радищев и «Грамота Российскому народу». Рад 2, 112—141.
- Светлов Л. Б.* «Мнение о избрании пиес в „Московские сочинения“» Д. И. Фонвизина. III, 490—492.
Первое издание русского перевода «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского. VII, 145—149.
- Свиясов Е. В.* Опыт атрибуции «Строф сафического размера» А. Н. Радищеву. XX, 231—240.
- Семенников В. П.* Литературно-общественный круг Радищева: (Возникновение «Общества друзей» и его связь с московскими масонами — кружок «Утренних часов» — Состав «Общества друзей» и социальная среда — «Беседующий гражданин» — Роль Радищева в «Обществе друзей» и в журнале Общества — «Беседующий гражданин» и «Почта духов» — Радищев и Крылов — «Общество друзей» и городская дума). Рад 1, 211—289.
- Семенцова В. К.* Ленинградский профессор в Киргизии. [Воспоминания о П. Н. Беркове]. ВВ, 153—156.
- Серман И. З.* Из истории литературной борьбы 60-х годов XVIII века. (Неизданная комедия Федора Эмина «Ученая шайка»). III, 207—225.
И. Ф. Богданович — журналист и критик. IV, 85—103.
В. В. Капнист и русская поэзия начала XIX века. IV, 289—303.
О поэтике Ломоносова (эпитет и метафора). ТЛ, 101—132.
Тредиаковский и просветительство (1730-е годы). V, 205—222.
Поэзия Ломоносова в 1740-е годы. V, 33—69.
ред. РиС.
М. В. Ломоносов, Г. С. Сковорода и борьба направлений в русской и украинской литературе XVIII в. РиС, 40—78.
ред. VI.
Классицизм и реализм. (В порядке постановки вопроса). VI, 30—42.
Ценное исследование о Радищеве [Рец.: *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время. М.; Л., 1956]. IV, 450—455.
ред. VII.
К портрету ученого. [О П. Н. Беркове]. VII, 5—9.
ред. VIII.
Литературная позиция Державина. VIII, 41—53.

Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I. IX, 5—49.

П. Н. Берков как исследователь литературного творчества Ломоносова. X, 18—26.

Антиох Кантемир и Франческо Альгаротти. XXI, 53—61.

публ. Неизвестный конспект М. В. Ломоносова «Трактата о возвышенном» псевдо-Лонгина в переводе Н. Буало. XXII, 333—346.

ред. ТЛ.

Радищев и Ахматова. Рад 2, 9—18.

Несколько штрихов к портрету Г. А. Гуковского. Рад 2, 152—155.

Где и когда создавались «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина? XXIII, 194—210.

Забывтый спор. (Из истории изучения русской литературы XVIII века). XXIII, 293—305.

Тредиаковский и французские критики 1720-х годов. Тред, 9—19.

Из очерка «Ленинградская группа XVIII века». ВБ, 23—31.

Оды Ломоносова и поэтика школьной драмы. XXIV, 4—14.

Серман Н. И.

пер. с итал. Мериджи Б. Наблюдения над «Сборником Кирши Данилова». VII, 20—27.

пер. с франц. Мазон А. Тюрпен и Куракин — литератор и вельможа. VII, 187—193.

пер. с нем. Хексельшнайдер Э. Х.-Ф. Шубарт и Россия. X, 148—153.

пер. с англ. Кросс Э. «Замечания» сэра Джона Синклера о России. X, 160—168.

Сидоров А. А.

In tetragram П. Н. Беркова. ВБ, 99—100.

Сигал Н. А.

Социальная критика в литературе французского классицизма и ее художественный метод. V, 79—97.

Славгородская Л. В.

пер. с нем. Винтер Э. Феофан Прокопович и начало русского Просвещения. VII, 43—46.

Смирнов И. П.

Заболоцкий и Державин. VIII, 144—161.

Смирнова Е. А.

Гоголь и идея «естественного» человека в литературе XVIII в. VI, 280—293.

Смусина М. Л.

Трагедия А. А. Ржевского «Подложный Смердий» и общественно-политическая борьба 1770-х годов. XI, 220—228.

Соколов А. Н.

Из истории «легкой поэзии». (От «Душеньки» к «Катиньке»). VII, 320—327.

- Соколова Н. В.* соавт. Кулябко Е. С. Утраченная переписка М. В. Ломоносова с польским пиаром Е. Цяпинским. X, 206—210.
- Солодкин Я. Г.* Летопись «О разорении русском» в трудах В. Н. Татищева. (К изучению творчества В. Н. Татищева как писателя русской истории). XVI, 200—214.
«История» Авраамия Палицына в сочинениях В. Н. Татищева. XVIII, 376—382.
- Сомов В. А.* Круг чтения петербургского общества в начале 1760-х годов. (Из истории библиотеки графа А. С. Строганова). XXII, 200—234.
- Софронова Л. А.* Театр в театре: русская и польская сцена в XVIII веке. XXI, 140—150.
- Сошкин Е.* «Умозрительство душевное...» Петра Буслаева в системе поэтики барокко. XXIII, 56—69.
- Сперанская Н. М.* пер. с фр. Е. Р. Дашкова. Le petit Tour dans les Highlands. Небольшое путешествие в Горную Шотландию. XIX, 239—268.
- Старк В. П.* Обращение Пушкина к «Летописцу рускому» Н. А. Львова. ЛиС, 38—51.
- Стенник Ю. В.* Две редакции трагедии А. П. Сумарокова «Синав и Трувор». VI, 247—257.
О художественной структуре трагедий А. П. Сумарокова. V, 273—294.
Драматургия Петровской эпохи и первые трагедии Сумарокова. (К постановке вопроса). IX, 227—249.
Традиции торжественной оды XVIII века в лирике Пушкина периода южной ссылки («Наполеон»). X, 107—112.
ред. XIV.
Из истории литературной полемики 1770-х гг. (Сатира Сумарокова «О худых рифмотворцах»). XIV, 251—260.
ред. XV.
Эстетическая мысль в России XVIII в. XV, 37—51.
ред. XVI.
Проблема периодизации русской литературы XVIII века. XVI, 17—31.
Роль комедии в полемике 1750–1760-х годов. XVII, 28—46.
Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей российского слова». XVIII, 113—130.

Историософские аспекты содержания русской драматургии XVIII века. (Жанр трагедии). XIX, 70—85.

Сумароков-историк. XX, 23—46.

Сумароков в критике 1810-х годов (А. Ф. Мерзляков). XXI, 401—411.

Полемика о национальном характере в журналах 1760—1780-х годов. XXII, 85—95.

Исторические воззрения митрополита Платона (Левшина). XXIII, 211—230.

А. П. Сумароков — критик «Наказа» Екатерины II. XXIV, 125—143.

Петр I в русской литературе XVIII века. Петр I. 3—50.

Неизвестная публикация главы «Клин». («Путешествие из Петербурга в Москву») в «Анекдотах русских» (1809). IV, 426—432.

совм. сост. Берков П. Н. Материалы для библиографии изданий А. Д. и Д. К. Кантемиров и литературы о них (1917—1959). II, 260—270.

Повесть Карамзина «Фрол Силин». VIII, 229—244.

Критика маньеризма в «Примечаниях к Ведомостям». X, 39—48.

Новиков и Чулков. (Литературные взаимоотношения). XI, 49—76.

соавт. Виднес М. В. Неизвестная ода М. Д. Чулкова. XI, 166—177.

пер. с англ. Гаррард Дж. «Русский Скаррон» (М. Д. Чулков). XI, 178—185.

Новиков и его современники. (Библиографические уточнения). XI, 211—219.

публ. А. П. Сумароков. [Письма]. ПРП, 68—223.

К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. XIV, 105—120.

Полемика вокруг Д. И. Фонвизина в период создания «Недоросля». XV, 204—229.

Неизданные произведения Д. П. Горчакова. XVI, 110—129.

Диалог Сумарокова «Ирсинкус и Касандр». XVIII, 31—39.

К биографиям А. И. Клушина, А. Д. Копьева, П. П. Сумарокова. XXI, 204—214.

публ. Неизданные тексты И. М. Долгорукова. XXII, 409—430.

Степанов В. П.

- совм. публ. Алексеева Н. Ю. А. П. Сумароков. Петр I. 188—205.
- Степанюк Е. С. публ. Н. Ф. Эмин. [Письма]. ПРП, 394—395.
- Строганов М. В. Крылов и Руссо. (Человек в философских схемах и реальной жизни). XX, 274—280.
- Строганова Е. Н. И. А. Крылов в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. XX, 301—312.
- Сукиасова И. М. П. Н. Берков и Козьма Прутков. ВБ, 141—147.
- Талиашвили Г. А. соавт. Шадури В. С. Ломоносов и грузинская культура. VII, 116—126.
- Тарановский К. Ф. Из истории русского стиха XVIII в. (Одическая строфа АbАb // СсdEEd в поэзии Ломоносова). VII, 106—115.
- Ранние русские ямбы и их немецкие образцы. X, 31—38.
- Татаринцев А. Г. Идеино-эстетическая позиция автора «Отрывка путешествия В*** И*** Т***». XI, 87—103.
- К вопросу о творческой истории оды «Вольность» Радищева. XII, 83—98.
- Неизвестные родословные документы о Радищевых. XII, 149—165.
- Теплова В. А. «Вестник Европы» Карамзина о Великой французской революции и формах правления. VIII, 269—280.
- Томашевский Н. Б. пер. с итал. Пачини-Савой Л. Итальянский дипломат XVIII века — переводчик «Россиады». VII, 207—212.
- Тонкова Р. М. Из материалов архива Академии Наук по литературе и журналистике XVIII в.: (А. П. Сумароков и канцелярия Академии наук в 1726 году — К истории журнала «Демокрит» — И. К. Голеневский). I, 387—409.
- К истории петербургских театров. Печатание «цеттелей» (афиш) в типографии Академии наук с 1727 по 1771 год. IV, 385—394.
- Тоцев А. И. Петровские «Ведомости» как тип издания. XVI, 184—199.
- Тронская М. Л. Герои-комическая поэма М.-А. Тюммеля в русском переводе. VII, 181—186.
- Тропп Э. А. ред. ЛиС.
ред. Рад 2.
ред. Тред.
- Троцкий И. М. Вокруг Радищева. Рад 1, III—XVI.
Законодательные проекты А. Н. Радищева. Рад 1, 9—140.

- К биографии Радищева. (Сыновья Радищева в период отцовской ссылки). Рад 1, 401—415.
- Тычинина Л. В.* Екатерина Романовна Дашкова: мировоззрение человека, опередившего свое время. ЛиС, 66—72.
- Ушакова-Кряжмская И. А.* VII, 10—13.
См. также *Кряжмская И. А.*
- Файдель Э. П.* соавт. *Князев Г. А. Шафрановский К. И.* Каталог изданий Петербургской Академии наук 1731 года (дар немецкой Академии наук, 1956). III, 562—565.
- Феррацци М.* «Письма Эрнеста и Доравры» Ф. Эмина и «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо: подражание или самостоятельное произведение. XXI, 162—172.
«Рассуждение о комедии вообще» В. К. Тредиаковского в контексте первых русских теоретических сочинений о драматургии. Вопросы датировки и содержания. Пер. с итал. А. О. Дёмина. Тред, 41—59.
- Флакер А.* «Марфа посадница» Карамзина в хорватской литературе. VII, 272—279.
- Флоринская Ю. Ф.* О художественном методе повести Карамзина «Марфа посадница». VIII, 299—308.
- Флоровский А. В.* И. А. Зейкан — педагог из Закарпатья. (Страница из истории русско-закарпатских культурных связей при Петре Великом). РиС, 105—122.
Латинские школы в России в эпоху Петра I. V, 316—335.
- Фоменко И. Ю.* Исторические взгляды М. Н. Муравьева. XIII, 167—184.
Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя. XIV, 143—164.
Штрихи к портрету Н. П. Румянцева. (По материалам Музея книги Российской государственной библиотеки). ЛиС, 115—140.
Экземпляр книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» в библиотеке А. А. Аракчеева. Рад 2, 90—98.
- Фомичев С. А.* Последний русский баснописец. XX, 267—273.
- Фраанье М. Г.* Прощальные письма М. В. Сушкова. (О проблеме самоубийства в русской культуре конца XVIII века). XIX, 147—167.
Об одном французском источнике романа Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры». XXI, 173—176.

- Голландский писатель Фейт в русских переводах. XXII, 180—189.
- Фридендер Г. М.* О форме и содержании идеологии эпохи Просвещения. II, 143—146.
- Гоголь и русская литература XVIII в. VII, 359—365.
- соавт. Кочеткова Н. Д. Ф.* Зольгер о Карамзине. VIII, 343—345.
- Достоевский и Фонвизин. X, 92—97.
- История и историзм в век Просвещения. XIII, 66—81.
- Фролов В. В.* «Прощение литератора Клушина». III, 517—518.
- Фудзинума Т.* *соавт. Имаи Й., Матсуда Дж.* Изучение России XVIII века в Японии. (Библиографический обзор). *Пер. с англ. Н. Д. Кочетковой.* XX, 253—266.
- Фундаминский М. И.* К истории библиотеки Т. Консетта. XXI, 40—52.
- Харер К.* Василий Тредиаковский и Якоб Штелин. (Реформа русского стихосложения и немецкие академические поэты). Тред, 20—32.
- Хватов А. И.* *пер с болг. Дуйчев Ив.* Отзвуки русской историографии XVIII в. у болгар. VII, 397—402.
- Хворостьянова Е. В.* Реформа русского стиха: теория и практика. Позиция Тредиаковского. Тред, 80—101.
- Хексельшнайдер Э.* О первом немецком переводе «Недоросля» Фонвизина. IV, 334—338.
- Профессор Христиан-Фридрих Шмид, учитель русских студентов в Лейпциге. *Пер. с нем. Р. А. Зерновой.* VII, 220—227.
- Х.-Ф. Шубарт и Россия. Пер. с нем. Н. И. Серман.* X, 148—153.
- Открытие мемориальной доски Радищеву в Лейпциге. XII, 247—250.
- Август Вильгельм Таппе — популяризатор Карамзина. *Пер. с нем. Р. Ю. Данилевского.* XXI, 347—357.
- Холщевников В. Е.* Заметки о русском стихе XVIII века: (Почему Тредиаковский предпочитал ямбу хорей — Ритмические пристрастия Державина). XIII, 229—243.
- Хотеев П. И.* О редком издании оды Ломоносова 1741 года («Первые трофеи его величества Иоанна III...»). XXII, 43—45.
- К истории книжного собрания Петра I. XXIII, 47—55.
- Русские студенты в университетах Германии в первой половине XVIII века. XXIV, 71—81.

- Христенко И. С.* «Дама-невидимка» Кальдерона и другие «домовые духи» в России XVIII века: (Посещала ли испанская дама Россию в XVIII веке? — Ассимиляция испанского сюжета в русской культуре конца XVIII века — От рыцарского идеала к противостоянию рассудочности и мистицизма — Любовь и романы — Почему век комедии не обратил внимания на пьесу Кальдерона? — «Домовой» и «Привидение с барабаном» — два западных сюжета на русской почве — Схема и комментарий к ней). ХХIII, 273—292.
- Церлюк-Аскадская С. С.* Леонард Эйлер как теоретик музыки. (Суждения и оценки). ХVI, 219—233.
- Цыпкин Д. О.* К вопросу о текстологическом изучении «Книги о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова. ХV, 131—135.
- Чернов С. Н.* М. В. Ломоносов в одах 1762 г. I, 133—180.
- Черных Л. В.* О двух сюжетах в комедиях конца XVIII в. и пьесах Островского середины 50-х годов XIX в. VII, 366—372.
- Чернышев В.* Русский песенник середины XVIII века. II, 275—292.
- Чернятевич К. А.* «...Пишите мне всегда» [Воспоминания о П. Н. Беркове]. ВБ, 162—166.
публ. Письма Павла Наумовича Беркова [1968—1969]. ВБ, 166—175.
- Чистов К. В.* Уроки Беркова. ВБ, 105—107.
- Чугунова Л. Н.* В. К. Тредиаковский об искусстве шрифта. Тред, 163—171.
- Чудецкая Е. В.* Друг поэзии Брюсова. [Воспоминания о П. Н. Беркове]. ВБ, 148—152.
- Шаврыгин С. М.* «Греческая простота» и «светская вежливость» в структуре трагедии В. К. Тредиаковского «Деидамия». Тред, 33—40.
- Шадури В. С.* *соавт. Талишвили Г. А.* Ломоносов и грузинская культура. VII, 116—126.
- Шамрай Д. Д.* Об издателях первого частного русского журнала. (По материалам архива кадетского корпуса). I, 377—385.
Цензурный надзор над типографией сухопутного шляхетного кадетского корпуса. II, 293—329.
К истории цензурного режима Екатерины II. III, 187—206.
Ф. Эмин и судьба рукописного наследия М. В. Ломоносова. III, 471—473.

- Библиография изданий Московского университета в доновиковский период. III, 550—553.
«Всенародный театр» академических наборщиков 1765—1766 годов. IV, 404—414.
О тиражах «Краткого российского летописца с родословием». ТЛ, 282—284.
соавт. Берков П. Н. К цензурной истории «Трудодлюбивой пчелы» А. П. Сумарокова. V, 399—406.
- Шанская И. А.* *соавт. Мартынов И. Ф.* Отзвуки литературно-общественной полемики 1750-х годов в русской рукописной книге (сборник А. А. Ржевского). XI, 131—148.
- Шаркова И. С.* О русском переводе «Записок о московских делах» С. Герберштейна 1785 г. XVIII, 343—350.
- Шарыпкин Д. М.* Сказочная повесть В. А. Лёвшина «О исполине Стеркатере». X, 220—225.
Радищев и роман Мармонтеля «Велизарий». XII, 166—182.
- Шаталина Н. Н.* *соавт. Егоров С. К. Морозова Н. П.* Материалы к описанию библиотеки Г. Р. Державина. XXII, 235—287.
- Шафрановский К. И.* *соавт. Князев Г. А., Файдель Э. П.* Каталог изданий Петербургской Академии наук 1731 года (дар немецкой Академии наук, 1956). III, 562—565.
- Шепелева Л. С.* Из истории русско-грузинских культурных связей в XVIII веке («Ефигения» Давида Чолокашвили). IV, 355—371.
- Шиппан М.* Рецензия А. Л. Шлёцера на диссертацию И. Г. Фромманна о науке и литературе в России (1768). XXI, 119—126.
В. Ф. Малиновский — переводчик фрагмента романа «Теобальд, или Мечтатели» И.-Г. Юнга-Штиллинга. XXII, 310—319.
- Шишкин А. Б.* *публ. В. К. Тредиаковский.* [Письма]. ПРП, 44—67.
Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова. XIV, 232—246.
- Шкляр И. В.* Приписываемые А. Д. Кантемиру сатиры Буало и оригинальные сатиры Кантемира. II, 248—259.
Формирование мировоззрения Антиоха Кантемира. V, 129—152.
- Шмидт Х.* Русская тема в научной публицистике г. Галле и Галльского университета в середине XVIII века: (Пути коммуникаций — Барон Г.-Э. фон Шпилькер — переводчик «Сатир» А. Д. Кантемира —

- Значение русского языка — Русская история в галльских изданиях — Русская литература). XXI, 108—118.
- Шолом Ф. Я.* Просветительские идеи в украинской литературе середины XVIII века. II, 45—62.
- Шредер Х.* Ларошфуко в России. *Пер. с нем. Р. Ю. Данилевского.* X, 184—189.
- Шруба М.* Об авторе сатиры «Стихотворец Нелюдим». XIX, 269—275.
- Русская битва книг: заметки о «Налое» В. И. Майкова. (Время создания — Библиография «книжных снарядов» — «Трутень» в «Налое»). XXI, 185—195.
- Поэтологическая лирика Н. М. Карамзина. XXIV, 296—311.
- Эджертон В. Б.* Знакомство Фонвизина с Лабланшери в Париже. *Пер. с англ. И. Б. Комаровой.* VII, 165—173.
- Эйхенбаум Б. М.* О П. Н. Беркове. VII, 3—4.
- Эльзон М. Д.* О первом русском переводе романа Л.-С. Мерсье «Год 2440-й». (К биографии С. С. Волчкова). XX, 218—219.
- Неизвестные воспоминания о Н. И. Новикове. XX, 220—222.
- П. Н. Берков и А. Г. Фомин. ВБ, 85—90.
- Язич Г. Д.* *пер. с сербск. Радойчич Г. С.* Отражение реформ Петра I в сербской письменности XVIII в. VII, 54—58.
- Якобсон Р. О.* Разбор тобольских стихов Радищева. VII, 228—236.
- Якубовский В.* П. Н. Берков и проблемы польско-русских литературных связей. VII, 415—418.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ* — Архив внешней политики Российской империи
ГААО — Государственный архив Архангельской области
ГАВО — Государственный архив Вологодской области
ГАЯО — Государственный архив Ярославской области
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург)
- ОПИ ГИМ* — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (Москва)
- ПСЗ* — Полное собрание законов Российской империи
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
- РГАЛИ* — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
- РГБ* — Российская государственная библиотека (Москва)
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
- РГИА* — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)
- РНБ* — Российская национальная библиотека (С.-Петербург)
СК — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. М., 1963—1967. Т. 1—5
- СККИЯ* — Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. Л., 1984—1986. Т. 1—3
- СПбФРАН* — С.-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (С.-Петербург)
- ТОДРЛ* — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
- ЦХИДК* — Центр хранения историко-документальных коллекций (Москва)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббей Б. де л' 217, 220
Абдул-Гамид I, турецкий султан 83
Аблесимов А. О. 71
Аввакум Петрович, протопоп, расколоучитель 29
Август, Кай Юлий Цезарь Октавиан, римский император 48, 59
Авраамий (Аверкий Иванович) Палицын 165, 427
Автухович Т. Е. 389
Аделунг Ф. П. 254
Адодуров В. Е. 53, 54, 267, 270
Адольф-Фридрих, шведский король 65, 70
Адриан, Патриарх Всероссийский 75
Адрианова-Перетц В. П. 389
Айзеншток И. Я. 389, 391
Аксаков С. Т. 20, 21
Алейников Андрей, казак 215, 220
Александр Македонский, греческий царь 102
Александр I, российский император 93, 165, 167—173, 222—224, 227, 228, 232, 253, 376
Александра Павловна, великая княгиня 244
Алексеев А. А. 29, 389
Алексеев М. П. 91, 159, 361, 368, 370, 371, 389
Алексеева Л. В. 389
Алексеева М. А. 389
Алексеева Н. Ю. 4, 6, 8, 13, 24, 29, 133, 165, 389, 403, 405, 406, 408, 413, 421, 429
Алексей Петрович, русский царевич 420
Аллен Дж. 327, 328, 329
Аллец П. О. 75
Альгаротти Фр. 426
Альтшуллер М. Г. 36, 171, 172, 391
Амвросий Юшкевич 391
Анакреон 131, 401, 411
Ананьева А. В. 243, 248, 251
Андерсон Дж. 278, 279
Андрущенко Е. А. 391
Анисимов Е. В. 41
Аничков Д. С. 134
Анна Иоанновна, российская императрица 40
Анна Павловна, великая княгиня 171, 244
Антинг И. Ф. 95
Антоновский М. И. 95
Апт С. К. 89
Аракчеев А. А. 430
Арбузова И. В. 389, 391
Аржан Ж. Б. де Буайе маркиз д' 423
Арзуманова М. А. 391, 392, 407, 416
Аристов В. В. 175
Аристотель 234
Артемьев А. А. 55
Артемьева Т. В. 134
Асмус В. Ф. 235
Астафьев А. В. 257
Астафьева Н. А. 257
Астраханский В. С. 391, 415
Атолл, герцог 285
Аттире Ж. Д. 334
Афанасий Иванович, личность не-установленная 339
Ахматова (Горенко) А. А. 426
Бабинцев С. М. 391
Бабкин Д. С. 227, 228, 391

- Бадалич Й. М. 391, 393, 394
 Баженов В. И. 348, 352
 Базанов В. Г. 392
 Бакмейстер Х. Л. К. 419
 Бакстер А. 283, 313—315, 317, 319, 320, 325, 326, 329, 381
 Бальмонт К. Д. 369
 Банер И. 75
 Бантыш-Каменский Н. Н. 53
 Бараг Л. Г. 392
 Баранкова Г. С. 392
 Баранская Н. В. 392
 Баратынский Е. А. 366
 Барков И. С. 30, 366
 Барран Т. 106, 107
 Барсков Я. Л. 392
 Барсов А. А. 5, 47—49, 54, 269
 Барсук-Моисеев Ф. И. (Мойза) 45, 61
 Барташевский С. 60
 Батюшков К. Н. 408
 Бауман Л. А. 54
 Баумейстер Х. 61
 Башмаковы-Верещагины 418
 Бегунов Ю. К. 392
 Безбородко А. А. 99, 101, 124, 223, 230, 347
 Бекетов П. П. 390
 Беккариа Ч. 214
 Бель М. 410
 Бельчиков Н. Ф. 391, 392
 Белявский М. Т. 211, 213
 Бенуа А. Н. 243
 Бердяев Н. А. 234
 Березина В. Г. 392
 Березкина С. В. 392
 Беркли Р. 314, 316, 321—323, 327—329
 Берков В. Н. 392
 Берков П. Н. 4—6, 16, 24, 208, 361, 366, 367, 387—389, 391, 392, 395—397, 399, 400, 402—404, 406—408, 411, 413, 414, 416, 420, 425, 426, 428—430, 432—434
 Бернсторф А. П. 69
 Беспярых Ю. Н. 376
 Бецкой И. И. 48—52, 54
 Бешенковский Е. Б. 394
 Бибииков В. И. 392
 Бизяева Т. В. см. Костина Т. В.
 Биркан П. Р. 394, 399
 Блуменбах И. Ф. 45
 Блэз Б. 126
 Бобров С. С. 85, 391, 416
 Богданович И. Ф. 391, 407, 416, 425
 Богданович П. И. 75, 323
 Боден Р. 95
 Бокк Р. Г. 394
 Болотов А. Т. 397, 422
 Болотов Ф. 259
 Болховитинов Е. А. (Евгений, митрополит Киевский) 82, 84
 Бомарше П. О. К. 96, 98, 100, 113, 114, 122
 Бомштейн Г. И. 394
 Бонне Ш. 235, 238, 404, 405
 Бонстетген (Бонштетген) Ш. В. 241
 Борн И. М. 183
 Боров Т. 395, 403, 420, 424
 Боровский Я. М. 393, 395
 Бородкин М. 64, 72
 Бортнянский Д. С. 172, 422
 Боттомли Дж. (Боттомлей Яков) 327—330
 Бофорт Генри, герцог 278, 281, 294—298, 301, 310, 316
 Бочкарев В. А. 165
 Брайко Г. Л. 416
 Бригонци Дж. 276, 295
 Брикнер А. Г. 72, 73
 Бродский И. А. 413
 Брокгауз Ф. А. 249, 250
 Бруханский А. Н. 395
 Брюмуа П. 89
 Брюсов В. Я. 415, 432
 Буало-Депрео Н. 17, 18, 22, 23, 31, 130, 390, 405, 426, 433
 Будагов Р. А. 395
 Буланина Т. В. 395
 Булич Н. Н. 4
 Буслаев Петр 427
 Бухаркин П. Е. 395
 Буш И. 383
 Быкова Т. А. 395
 Былинин В. К. 376
 Бьельке, корреспондентка Екатерины II 277
 Бэкон Фр. 234, 235, 411
 Бюффон Ж. Л. 423
 Вагеманс Э. 380, 385, 396
 Валк С. Н. 396
 Валкина И. В. 396
 Валь А. 406
 Вандаль А. 170, 172, 173
 Ванжура Э. 68
 Варений Б. 414

- Варнеке В. В. 68
 Василий II Темный, великий князь
 Московский 171
 Вацуро В. Э. 396
 Вейс А. Ю. 396
 Вейсе Х. Ф. 234
 Вейтли Т. 333—341, 375
 Векслер Г. Я. 396, 414
 Велчев В. П. 394, 397
 Венгеро́в С. А. 256
 Вендитти М. 130
 Вентури Ф. 397, 399
 Вергилий Публий Марон 120
 Вергунов А. П. 375
 Вернадский Г. В. 101, 135, 275, 279,
 286, 287, 291—293, 348, 349,
 352, 353, 365
 Вернадский И. В. 250
 Вершинина Н. Л. 397
 Веселова А. Ю. 253, 333, 335, 362,
 397
 Виднес М. В. 397, 428
 Виен И. И. 52
 Виланд К. М. 44, 45
 Вильер С. де 281, 295, 299
 Вильк Е. А. 167
 Вильмонт К. 373, 374
 Вильмонт М. 373, 374
 Виниус А. А. 396
 Винкельман И. И. 412, 417
 Виноградо́в В. В. 397
 Винтер Э. 394, 397, 400, 426
 Водопьянов И. Н. 92, 93
 Вознесенский А. В. 397
 Вознесенский М. В. 397
 Волков А. Г. 176—178, 180, 182—
 188, 190, 191, 193
 Волковы 407
 Волчков С. С. 434
 Вольман Б. 400
 Вольман (Волльман) Ф. 394, 397,
 400, 421
 Вольней К. Ф. 61
 Вольтер 18, 19, 43, 96—103, 108,
 109, 122, 130—144, 146, 147,
 211, 371, 402, 415, 422, 423
 Вольф Ф. 218, 221
 Вольф Хр. 130, 430, 418
 Вольцоген В. 413
 Вороблевский В. Г. 409
 Воронцов А. Р. 101, 222—232
 Воронцов М. И. 274, 376
 Воронцов Р. И. 277
 Воронцов С. Р. 99, 114, 226, 276, 374,
 376
 Воронцовы 417
 Востоков (Остенок) А. X. 176, 177,
 183—186
 Всеволодский-Гернгросс В. Н. 397
 Вытженс Г. 397
 Вяземский А. А. 87
 Вяземский П. А. 159, 397
 Гавличек Карл Боровский 401, 413
 Гавриил Бужинский 420
 Гаврилов М. Г. 54, 55, 61
 Гагарин Г. П. 33, 287, 289
 Гадебуш Ф. К. 218, 221, 222
 Газ Хасан 110
 Галаган Г. Я. 398
 Галинковский Я. А. 414
 Гамалея Д. 408
 Гамбергер Г. Э. 61
 Гардзонио С. 398
 Гарднер Дж. 293
 Гарнье Р. 162
 Гаррард Дж. 398, 428
 Гаспаров М. Л. 21, 89
 Гастфер Б. И. 72
 Гегель Г. Ф. В. 234
 Гейм И. А. 54
 Гельвещий К. А. 106, 411
 Геннади Г. Н. 289
 Георг (Джордж), герцог Манчестер-
 ский 327—332
 Георги И. Г. 247
 Георгий, герцог Ольденбургский
 170
 Герасимова Л. В. 398
 Герберштейн С. 433
 Гердер И. Г. 235, 402
 Герен А. Г. Л. 240
 Герцен А. И. 206
 Гершкович З. И. 398
 Геснер С. 366
 Гессе Дж. 329—331
 Гетти П. 127
 Гёте И. В. 364, 400, 415
 Гилельсон М. И. 398
 Гинзбург Л. Я. 398
 Гинцбург Н. С. 24
 Глазунов И. П. 178
 Глебовский И. Е. 339
 Глинка С. Н. 59, 60, 346
 Гнедич Н. И. 159, 402

- Гоголи 418
 Гоголь Н. В. 177, 378, 426, 431
 Годунов Б. Ф. великий князь и русский царь 165
 Гозенпуд А. А. 399
 Гозон Дъедоне (Богдан) де, мальтийский рыцарь 169
 Голеневский И. К. 429
 Голенищев-Кутузов И. А. 219, 221
 Голиков И. И. 75, 410
 Голицын А. И. 180, 181
 Голицын А. М. 212
 Голицын В. Д. 399
 Голицын Д. А. 212, 213, 220, 221
 Голицын Д. В. 181
 Голицын М. М. (1675—1730) 105
 Голицын М. М. (1681—1764) 10
 Голицын Ф. Н. 45
 Голицына Е. Д. (урожд. Кантемир) 51
 Голицыны 259
 Головин М. Е. 414
 Головин П. Е. 414
 Головина М. В. (урожд. Ломоносова) 414
 Головкин И. Г. 295
 Головчинер В. Д. 399
 Головщиков К. Д. 257
 Голубинова Е. 95
 Гольберг Л. 399
 Гомер 98, 102, 103, 119—121, 402
 Гомм У., младший 278, 281, 282, 293—295, 298, 301, 304, 308, 310
 Гончаров И. А. 416
 Гораций Квинт Флакк 24, 28, 30, 131, 169, 170, 184, 248, 390, 413
 Горбатенко С. Б. 334
 Горбачева Н. Н. 399
 Гордон Л. С. 399
 Горохов В. А. 375
 Горохова Р. М. 397, 399
 Горфункель А. Х. 399
 Горчаков А. И. 97
 Горчаков Д. П. 87, 428
 Горчакова А. И. 99
 Горюшкин З. А. 402
 Гофман П. 399
 Градищи Ф. 415
 Градова Б. А. 399
 Граслен Ж. Ж. Л. 217, 220
 Грасхоф (Грасгоф) Х. 251, 394, 399, 400
 Грацианский П. С. 208, 209
 Грейг С. К. 67
 Гренвиль, капитан 341
 Григорович В. И. 223
 Григорьян К. Н. 52
 Гримм Ф. М. 288
 Грот Я. К. 31, 65, 74, 163, 164, 366
 Губкина Н. В. 167
 Гуковский Г. А. 4—6, 14, 15, 130, 158, 163, 213, 268, 399, 414, 426
 Гуревич М. М. 393, 400
 Гусев В. Е. 400
 Густав I, шведский король 66, 92
 Густав II, шведский король 75
 Густав III, шведский король 64—71, 73, 74, 76, 79—86, 88—93, 286
 Густав-Адольф, шведский кронпринц 71, 92
 Гюго В. 402
 Гюйссен (Гизен) Г. фон 92
 Д'Арк Ф. О. де Сен-Фуа 57, 58
 Давыдов И. И. 234
 Даль В. И. 19, 70
 Данилевский Р. Ю. 44, 91, 397, 399, 400, 413, 431, 434
 Данилов Кирша 417, 422, 426
 Данько Е. Я. 400
 Дашков П. М. 384
 Дашкова Е. Р. 20, 84, 372, 373, 375, 378, 379, 384, 385, 409—412, 418, 427, 430
 Де ла Миль Ф. Л. 77
 Деев М. И. 112
 Делиль Ж. 248, 252, 253
 Дельвиг А. А. 365
 Дельден А. фон 260
 Дембский Я. 400, 417
 Демидовы 374
 Денэ М. 401
 Дервас Дж. 314, 316
 Державин Г. Р. 21, 23, 26, 27, 30—32, 36, 37, 48, 67, 74, 86—88, 99, 119, 120, 132—134, 158—175, 180, 351, 363, 366, 370, 387, 389, 390—392, 394, 398, 400—408, 410, 412, 413, 415, 416, 418, 419, 424—426, 430, 431
 Державина О. А. 401
 Дермотт Л. 279
 Десницкий А. В. 401
 Десницкий С. Е. 216, 221
 Дефо Д. 370
 Дефонтен Р. Л. 236

- Дефорж-Шудар П. Ж. Б. 399
 Дёмин А. О. 3, 158, 166, 168, 173, 293, 332, 387, 400, 406, 430
 Джонстон Р. 321—323, 327, 328, 376
 Джунковский С. С. 367
 Ди Сальво М. 378, 401, 420
 Дидро Д. 49, 106, 108, 389, 418
 Дикин Дж. 321—323
 Диллон Ч. 296, 297, 313—316
 Дильтей Ф. Г. 53, 269
 Димитрий Ростовский 32, 33
 Дмитревский И. А. 398, 400
 Дмитриев А. И. 88—90
 Дмитриев В. В. 183
 Дмитриев И. И. 26, 32, 48, 179—181, 366, 396, 415, 421
 Дмитриев М. А. 26, 29—32
 Дмитриева Г. М. 401
 Дмитриева Е. 248
 Дмитриев-Мамонов А. М. 67, 73
 Дмитриев-Мамонов Ф. И. 413
 Добрушкин Е. М. 401
 Додд У. 321, 322, 323
 Дой Ц. 360
 Доланский Ю. 401, 413
 Долгова С. Р. 401, 411, 421
 Долгорукий (Долгоруков) И. М. 29, 30, 177, 408, 428
 Долгоруков И. М. 45—48, 63
 Домашнев С. Г. 403
 Достоевский Ф. М. 242, 431
 Дрובה Н. П. см. Морозова Н. П.
 Дружинин П. А. 53
 Дубровский А. 401
 Дуденкова А. И. 401
 Дуйчев Ив. 402, 431
 Душ Я. 60
 Дылевский Н. М. 402
 Дыхне М. М. 402
 Дюпати Ш. М. 412
- Евгений, митрополит Киевский см. Болховитинов Е. А.
 Евпраксия, княгиня Рязанская 171
 Еврипид 162
 Егер Д. 293, 295
 Егоров С. К. 402, 418, 433
 Егунов А. Е. 402
 Екатерина Павловна, великая княгиня 170, 244
 Екатерина II, российская императрица 8—14, 27, 39, 43, 48—51, 53, 54, 64—80, 82, 84—88, 90—93, 101, 103, 109, 135, 164, 166, 169, 170, 172, 211—214, 216, 219, 221, 232, 268, 272, 274, 283, 288, 289, 333, 334, 337—339, 340, 346—351, 363—367, 370, 372, 374—377, 379—383, 385, 392, 400, 405, 406, 418, 428, 432
 Елагин И. П. 3, 16, 213, 221, 272—295, 297, 298, 299, 301—305, 307, 308, 310—314, 317, 319—322, 324—327, 329, 332, 386, 399, 415, 418
 Елена Павловна, великая княгиня 244
 Елеонская А. С. 402
 Елеонский С. Ф. 402
 Елизавета (Елисавета, Елисавет) Петровна, российская императрица 8—10, 12, 40, 49, 100, 274, 404
 Елизавета Алексеевна, российская императрица 170
 Ельчанинов Б. Е. 33, 36, 290, 291, 292, 319
 Ениш И. Г. 50, 51
 Еремин И. 262
 Еремин И. П. 17
 Ермакова-Битнер Г. В. 398, 402
 Ерменев И. 374
 Ермолаева Н. В. 175
 Ермолин Е. А. 257
 Ерофеев Н. А. 371
 Еськова Н. А. 182
 Ефремов П. А. 26, 83, 84
 Ефрон И. А. 249, 250
- Жданов М. 392
 Жеребцов Иван 216, 221
 Живов В. М. 6, 23, 130
 Жилин П. А. 172
 Жиликова Э. М. 45
 Жирарден Р. Л. 335
 Жирмунская Н. А. 402
 Жирмунский В. М. 402
 Жихарев С. П. 93
 Жуковский В. А. 139, 233—244, 404
- Заболоцкий Н. А. 426
 Заборов П. Р. 101, 134, 136, 402
 Завадовский П. В. 87

- Завьялова Л. В. 273
 Зантен Ф. ван 295, 307
 Западов А. В. 172, 403
 Западов В. А. 209, 403, 410
 Зейкан И. А. 430
 Зернова Р. А. 403, 409, 416, 431
 Зимняков С. В. 175
 Златопольская А. А. 235
 Злобин К. В. 410
 Зольгер Ф. 406, 431
 Зонненфельс И. фон 55
 Зорич С. Г. 65, 66
 Зубов В. А. 102
 Зульцер И. Г. 44
- Иванин Н. С. 275**
 Иванов Василий, студент 54
 Иванов А. М. 52
 Иванов И. А. 185
 Иванов М. В. 403
 Иванов П. М. 177
 Иванов, коллежский секретарь, переводчик «Московских Ведомостей» 54
 Иванова Е. А. 390, 403, 408, 421
 Иванова-Гиргинова М. 395, 403, 420
 Иезуитова Р. В. 233
 Измайлов А. Е. 30
 Измайлов В. В. 406
 Ильин А. Я. 288
 Имаи Й. 403, 407, 416, 431
 Ингман К. И. 75
 Иоанн Алексеевич, российский цесаревич 75
 Иоанн III Антонович, российский император 24, 431
 Иоанн IV Грозный, русский царь 168
 Иоанна Елизавета, принцесса Ангальт-Цербстская 65
 Ионин Г. Н. 404
 Истрин В. М. 236
 Итигина Л. А. 404
 Иулл Антоний 24
- Кавабата К. 360**
 Каганов Г. З. 380
 Каганов И. Я. 404
 Кадвалладер, лорд Блейни 280
 Казакوف Р. Б. 404
 Калайдович К. Ф. 76
 Кальдерон де ла Барка П. 68, 432
- Каменев Г. П. 396, 411
 Каменский А. Б. 347, 348, 351, 380
 Каменский М. Ф. 167
 Камерон Ч. 365, 373—376
 Кан А. С. 74
 Канадзава М. 359, 360
 Кандорский И. М. 134
 Канова А. 127
 Кантемир А. Д. 30, 31, 40, 100, 393, 398, 405, 418, 419, 422, 426, 428, 433
 Кантемир Д. К. 393, 428
 Кантемир Е. Д. см. Голицына Е. Д.
 Канунова Ф. З. 233, 238, 241, 404, 405
 Капнист В. В. 30, 181, 391, 393, 411, 416, 425
 Караваева Л. М. 404
 Карачиев М. 259
 Карамзин Н. М. 26, 59, 103, 108, 114, 124—131, 136—143, 145—147, 179—183, 185, 233, 238—242, 361—364, 367—369, 373, 374, 376, 378, 380—382, 385, 387, 390, 392, 394—396, 398, 400—402, 404, 406—409, 411, 413, 414, 416, 418, 419, 421, 422, 424, 426, 428—431, 434
 Каратыгина А. Д. 168
 Каржавин Ф. В. 401
 Карл XII, шведский король 72, 75, 82—84, 92, 102, 103, 117
 Карл, герцог Зюдерманландский 67, 68, 84—86, 286, 287, 289
 Карлова Т. С. 404
 Карп С. Я. 50, 404
 Карпеев Э. П. 41
 Карпов И. Д. 53
 Карпова Е. В. 124
 Картуш Л. Д. 116, 117
 Карякин Ю. Ф. 208
 Касаткина Е. А. 404
 Катенин П. А. 159
 Катиборо А. 75
 Каткарт Ч. 272, 310, 311
 Кафанова О. Б. 404
 Кашкин Е. П. 264
 Квинт Курций Руф 102, 103
 Кейли Дж. 293, 295
 Кейт Дж. 276
 Керштенс И. Г. 269
 Кибальник С. А. 405
 Кипенский Василий 215, 221
 Клейн Й. 130, 382, 389, 390, 405
 Клименко Ю. Г. 54

- Клочков М. В. 223
 Клушин А. И. 179, 185, 408, 428, 431
 Кнапский Г. 419
 Княжнин А. Я. 168
 Княжнин Я. Б. 381, 399, 409, 412, 417
 Князев Г. А. 405, 430, 433
 Кобенцель Л. 73
 Коваленская Н. 52
 Козельский Я. П. 216, 221
 Козицкий Г. В. 337, 339, 340
 Козлов В. П. 376
 Козловский М. И. 124—127
 Козловский Ф. А. 394
 Козьмин М. Б. 405
 Козьян Г. К. 373
 Кокорев А. В. 405
 Кокошкина Н. С. (урожд. Фонвизи-
 на) 61, 62
 Колльер Дж. 310, 311
 Колмаков А. В. 87
 Колокольцев Ф. М. 87
 Колумб Х. 356
 Коль И. П. 419
 Комарова И. Б. 405, 434
 Комелова Г. Н. 369
 Комиссаров И. Я. 125
 Кондильяк Э. Б. де 235, 237
 Кондонди А. 413
 Кондратович К. А. 420
 Кононко Е. Н. 405
 Конрад Н. И. 395
 Консетт Т. 431
 Копанев Н. А. 405
 Коплан Б. И. 266, 390, 405
 Копылова В. С. 406, 421
 Копьев А. Д. 428
 Коробьин Г. Г. 215, 216
 Коровин В. И. 46
 Корсаков Д. А. 214
 Корсаков Н. И. 114, 115, 368
 Космолинская Г. А. 406
 Костин А. А. 175, 268, 270, 401, 406
 Костина Е. Л. 406
 Костина Т. В. 175
 Костров Е. И. 30, 119—122, 408, 412
 Костышин Д. Н. 39, 43
 Костюкова В. В. 406
 Костюшко Т. 263
 Кочеткова Н. Д. 26, 29, 39, 40, 54,
 57, 254, 362, 368, 390, 391, 403,
 404, 406, 416, 421, 430, 431
 Кочубей В. П. 227, 228
 Кошелев В. А. 408
 Краснов Г. В. 408
 Красовский В. И. 183
 Крекшин П. Н. 75
 Крестова Л. В. 408
 Кросс Э. Г. 3, 272, 273, 283, 286, 293,
 299, 319, 320, 324, 326, 333—
 336, 338, 361, 362, 403, 409, 412,
 423, 426
 Круглый А. 256, 258, 265
 Крылов И. А. 110, 111, 371, 381, 399,
 401, 406, 408, 414, 424, 425,
 429
 Крюденер А. И. 69
 Крюков И. 40
 Кряжимская И. А. см. Ушакова-
 Кряжимская И. А.
 Ксеркс I, персидский царь 89
 Кубачева В. Н. 409
 Кузнецов С. М. 99, 101
 Кузнецова Н. В. 46
 Кузьмин А. И. 409
 Кузьмин, секунд-майор, комендант
 крепости Нейшлот 72
 Кукушкина Е. Д. 64, 71, 134, 409
 Кулакова И. П. 41
 Кулакова Л. И. 389, 403, 410
 Кулябко Е. С. 39, 410, 427
 Куник А. А. 9, 28
 Купрянова Е. Н. 411
 Куракин Александр Борисович 77,
 172, 286, 287, 289, 293, 415, 426
 Куракин Алексей Борисович 77
 Курганов Н. Г. 19, 20, 423
 Кутузов А. М. 136
 Кучеренко Г. С. 411
 Кучеров А. Я. 411
 Кюстин А. де, маркиз 365

 Ла Порт Ж. 401
 Лабланшери (Паэн М. К., Шам-
 плен) 405, 434
 Лагарп Ж. Ф. 132, 238
 Лазарчук Р. М. 256, 259, 264, 265,
 411, 412
 Лакшин В. Я. 411
 Ланген, участник Вольного обще-
 ства любителей словесности,
 наук и художеств 183
 Лангер К. Г. 269
 Лантер Ж. 55
 Лапкина Г. А. 411
 Лаппо-Данилевский А. С. 49

- Лаппо-Данилевский К. Ю. 167, 206, 401, 411, 417, 424
 Ларошфуко Ф. 400, 434
 Ласси Б. П. 122
 Лаух А. 412, 419
 Лафатер И. К. 239
 Лафермьер Ф. Г. 422
 Лафонтен Ж. 96, 98, 100, 109—115, 122, 411
 Ле Гофф Ж. 32
 Левек П. Ш. 375
 Левин В. Д. 412
 Левин Ю. Д. 45, 88, 115, 119—121, 134, 136, 361, 368, 377, 381, 385, 386, 409, 411, 412
 Левина Н. М. 412
 Левитт М. 89, 290, 412
 Левицкий А. А. 413
 Левшин А. А. 77
 Левшин А. В. 77
 Левшин А. Е. 77
 Левшин А. Л. 77
 Легран Н. 54
 Лейбман О. Я. 53
 Лейбниц Г. В. 130
 Леман У. 400, 413
 Леман-Карли Г. 382, 386, 390, 413
 Ленин (Ульянов) В. И. 207
 Леннрут Э. 67, 69, 71, 74, 80, 86, 89
 Лентин Э. 413
 Ленц И. Я. 44
 Ленц Я. М. Р. 390, 413
 Лео, книгопродавец в Лейпциге 399
 Леопольд II, австрийский император Священной Римской империи 92
 Лепехин М. П. 413
 Лермонтов М. Ю. 370
 Лесаж А. Р. 68
 Лессинг Г. Э. 400
 Лествицын В. 257, 258
 Летурнер П. 120, 121
 Лёвшин В. А. 410, 433
 Лиднер Б. 74
 Лилич Г. А. 401, 413
 Лина, нянька А. Н. Бенуа 243
 Линда Й. 401
 Линтур П. В. 413
 Линь Ш. Ж. 99, 118, 122
 Лисснер К. 275
 Литтлтон Дж. 75
 Лихачев Д. С. 371, 385, 413
 Лихоткин Г. А. 413
 Лобачевский Н. И. 175
 Ловягин В. С. 346
 Лозинская Л. Я. 369
 Локателли Дж. 276
 Локк Дж. 130
 Ломоносов М. В. 4—9, 11, 13—16, 19, 22—26, 31, 32, 41, 42, 48, 49, 51, 70, 120, 143, 145, 388, 390—397, 399, 400, 402, 404—406, 410, 411, 413—415, 417—420, 422, 423, 425—427, 429, 431—433
 Лонгин Дионий Кассий 426
 Лонгинов М. Н. 285, 287, 292
 Лопатин В. С. 71, 95, 105, 110, 113—115, 120
 Лопухин В. П. 260, 263, 264, 289
 Лопухин И. В. 57, 233
 Лотман Л. М. 414
 Лотман Ю. М. 105, 106, 124—126, 131, 136, 137, 234, 235, 363, 373, 414
 Лужный Р. 396, 414, 417, 420, 424
 Лузянина Л. Н. 134, 414
 Лукин В. И. 3, 33, 36, 276—278, 280—284, 288, 290—292, 296—298, 301, 303, 317—320, 324, 326, 399
 Лукин И. И. 292
 Лукин Ф. И. 292
 Лукина А. В. 319
 Лукина Н. В. 319
 Лукина П. 292, 319
 Лукина Т. А. 414
 Лукичева Э. В. 414
 Луллий (Люллий) Раймунд 399
 Львов Н. А. 167, 388, 396, 397, 401, 405, 411, 412, 419, 424, 427
 Львов П. Ю. 424
 Львова П. Н. 410
 Любкер Фр. 89
 Люблинский В. С. 43, 415
 Любомиров П. Г. 415
 Любомирский С. Ж. 419
 Людовик XIV, французский король 75
 Людовик XVI, французский король 92, 163, 347
 Люстров М. Ю. 74, 75, 83
 Лютер М. 131
 Лямина Е. Д. 315, 421
 Мабли Г. Б. 241
 Мадариага И. де 66, 80, 86, 370, 376

- Мазон А. 415, 426
 Майков А. А. 87
 Майков В. И. 134, 282, 400, 410, 411, 434
 Майков П. 49
 Маймин Е. А. 415
 Макаров В. К. 415
 Макартни Дж. 272, 273, 365
 Макогоненко Г. П. 208, 415, 425
 Максимов А. Г. 176
 Максимович-Амбодик Н. М. 51
 Макферсон Дж. (Оссиан) 88, 96, 98, 99, 114, 118—123
 Малейн А. И. 415
 Малерб Фр. 18, 422
 Малиновский А. Ф. 31
 Малиновский В. Ф. 380, 433
 Малиновский К. В. 391, 415
 Малле дю Пан 74
 Мальгиц М. Я. фон 107
 Маннерскант, полковник 74
 Марасанова В. М. 257
 Марасинова Е. Н. 415
 Маргарян А. Е. 415
 Мария Александровна, великая княгиня 244
 Мария Федоровна, российская императрица 170, 286
 Марков Н. 61
 Маркова Н. К. 415
 Маркович Я. 404
 Маркс К. 250
 Марлинский С. Я. 416
 Мармонтель Ж. Ф. 433
 Мартенс Ф. 272
 Мартини В. 73
 Мартос И. П. 127
 Мартынов И. Ф. 391, 407, 416, 433
 Марченко Н. А. 124
 Масанов И. Ф. 177
 Маслов Андрей 216, 221
 Матинский М. А. 392
 Матль Й. 416, 424
 Матсуда Дж. 403, 407, 416, 431
 Маттисон Ф. 125, 129
 Матхаузерова С. 416
 Матяш С. А. 416
 Махровская Н. Н. 416
 Медведев П. Н. 32
 Медведева И. Н. 165
 Медовой М. И. 416
 Межев В. И. 216
 Мейлах Б. С. 416
 Мейор А. Г. 416
 Мейсон Дж. 233
 Мелиссино И. И. 54—56, 63, 407
 Мелиссино П. И. 274—276, 282
 Мельгунов А. П. 257, 258, 264, 266
 Мельгунов С. П. 275
 Мельник В. И. 416
 Мельц М. Я. 416
 Мельцин М. О. 46
 Мемье (Maimieux) Ж. де 15
 Мендельсон М. 134
 Менье А. 403, 416
 Мерзляков А. Ф. 428
 Мериджи Б. 417, 426
 Мерлин К. 92
 Мерсье Л. С. 45, 46, 407, 434
 Меттер М. 419
 Меценат Гай Цильный 48, 265
 Микитась В. Л. 417
 Миллер В. 376
 Миллер Г. Ф. 212, 373, 394, 421
 Милонов М. В. 30
 Мильтон Дж. 408
 Милюков П. Н. 207
 Мирабо О. Г. 225
 Михаил Павлович, великий князь 169, 246, 249, 250
 Михайлов М. К. 183
 Михайлов О. А. 375
 Михельсон И. И. 166, 169
 Мнишек М. Ю. 165
 Могилянский А. П. 417
 Модзалевский Л. Б. 16, 417
 Мозговая Е. Б. 52, 412, 417
 Мозжухина (Можжухина) Н. Н. 400, 414, 417
 Моисеева Г. Н. 54, 372, 417
 Мойза см. Барсуک-Моисеев Ф. И.
 Монтен М. 234
 Монтескье Ш. Л. 96, 97, 100, 103—105, 122, 209, 214, 215
 Мораччи Дж. 418
 Мордвинов Н. С. 280
 Мориц, граф Саксонский 100
 Морозов А. А. 17, 418
 Морозов И. Г. 44
 Морозова Н. П. 401, 402, 418, 433
 Мулич М. 418
 Мультигули В. М. 158
 Муравьев М. Н. 30, 395, 403, 408, 410, 411, 412, 424, 430
 Муравьева Л. Р. 418
 Муравьев-Апостол И. М. 418

Мурзина А. П. 180
Мурьянов М. Ф. 418
Мусин-Пушкин А. С. 277
Мусин-Пушкин В. П. 70
Мыльников А. С. 418
Мюллер И. 240, 241

Набоков А. И. 99, 115
Назарова Л. Н. 419
Найдич Л. Э. 412, 419
Накагами М. 360
Наоно А. 360
Наполеон I Бонапарт, французский император 74, 94, 168, 170—173
Нарышкин И. 401, 420
Нарышкин Л. А. 36
Нассау-Зиген К. Г. Н. О. 73, 85, 86, 99, 102, 115
Наталья Алексеевна, великая княгиня, российская императрица 12, 169
Наталья Алексеевна, русская царица 409
Невзоров М. И. 411
Незеленов А. И. 207
Неклюдов П. В. 87
Некрасов Н. А. 397
Неллер Г. 380, 383
Немировский И. В. 419
Нечаев В. 260
Нечаенко Д. А. 32
Нешумова Т. Ф. 63
Нивьер А. 47
Никитин В. Н. 323
Никитина А. Б. 419
Николаев С. И. 5, 26, 29, 36, 44, 59, 130, 401, 414, 419
Николаева М. В. 420
Николай I, российский император 246, 249, 250
Николев Н. П. 20, 21, 23, 48, 88, 391, 392, 408, 416
Никольский П. А. 176
Новиков И. В. 423
Новиков Н. И. 4, 7, 15, 30, 32, 56—59, 68, 148, 279, 284, 287, 290, 292, 346—351, 353, 368, 371, 385, 394, 403, 405, 407, 410, 413, 417, 418, 428, 434
Новосильцев Н. Н. 227, 228
Новосильцов М. А. 53

Норденадлер Л. 78
Нозль Т. 314, 316
Ньюман Дж. (И. Нуман) 334, 335, 336, 337, 340

О. О. см. Волков А. Г.
Овидий Публий Назон 17, 59
Овчинников Г. Д. 420
Одесский М. П. 376
Одоевский В. Ф. 177
Озанан (Озанам) Ж. 354, 355
Озеров В. А. 165
Оленин А. Н. 169, 373, 424
Оленины 424
Олешев М. 176
Олин В. Н. 410
Олсуфьев М. Д. 269, 274, 276
Омельянович 173
Опиц М. 21, 22
Ораевский И. 264
Оришин А. Д. 420
Орлицкий Ю. Б. 420
Орлов (Чесменский) А. Г. 166, 277
Орлов А. С. 415, 420
Орлов В. Н. 176
Орлов С. 44, 60, 62
Осипов Н. П. 397
Оссиан см. Макферсон Дж.
Остолопов Н. Ф. 17, 21, 177
Островский А. Н. 432

Павел I, российский император 12, 15, 64, 66, 169, 180, 220, 222, 223, 228, 247, 286, 289, 347—349, 352, 365, 377, 382

Павлов А. 61
Павлова Г. Е. 32
Павлова Ж. 375
Павлов-Сильванский Н. П. 224
Паизиелло Дж. 398
Паклинков И. 259
Палицын А. А. 335
Паллас П. С. 376
Паначова К. 395, 403, 420
Панин Н. И. 219, 220, 286, 287, 289, 352
Панин П. И. 75, 212, 221
Панченко А. М. 33, 274, 397, 406, 421
Паркер Т. 321—323
Паскаль Б. 234
Паскаль М. Г. 327—329
Пастернак Е. Е. 415, 421

- Пастушенко Л. М. 421
 Патен П. 158
 Паус (Паузе) И. В. 397
 Пахомов М. 164
 Пачини-Савой Л. 421, 429
 Пекарский П. П. 5, 28, 29, 278, 280, 286, 287, 293
 Пенчко Н. А. 39, 267, 268
 Перепечин Н. И. 43
 Перикл 89
 Перфильев С. В. 274
 Песков А. М. 349, 352
 Петерсон И. И. (И. Г.) 276
 Петр I, российский император 8, 14, 22, 26, 41, 75, 77, 80, 83, 84, 92, 103, 166, 213, 370, 373, 376, 378, 380, 381, 383, 384, 389, 390, 401, 402, 405, 408, 413, 414, 416—418, 420—422, 426, 428, 430, 431, 434
 Петр III, российский император 49, 377, 379
 Петри Р. Э. 281—283, 289, 313—315, 321, 322, 327, 328
 Петров А. А. 411
 Петров В. И. 76
 Петров В. Н. 124, 125
 Петров В. П. 4, 31, 37, 82, 84, 90, 91, 368, 403, 408, 409
 Петров Ф. А. 53
 Петров Я. В. 37
 Петровский И. 75
 Петросян Ю. А. 390, 403, 408, 421
 Печенегов А. 60
 Пештич С. Л. 389
 Пигаль Ж. Б. 127
 Пигарев К. В. 421
 Пигин А. В. 32
 Пиксанов Н. К. 421
 Пиль Р. де 52
 Пиндар 18, 22, 24, 28, 169
 Писарев А. И. 159
 Писарев С. И. 75
 Плавильщиков П. А. 88
 Плавинская Н. Ю. 103
 Плавт Тит Макций 68
 Платен М. фон 77, 78
 Платов М. И. 169
 Платон (Левшин), митрополит Московский 76, 410, 428
 Платон 164
 Платонов С. Ф. 223
 Плещеева А. И. 408
 Плимак Е. Г. 208, 421
 Плутарх 114
 Пнин И. П. 365
 Погосян Е. А. 28
 Подшивалов В. С. 54
 Подъяольская Е. П. 401, 421
 Пожарский Д. М., князь 165, 169
 Поздеев А. В. 421
 Покровский К. В. 68
 Покровский Н. Н. 29
 Поленов А. Я. 217, 218, 221
 Полетика Г. А. 42, 404
 Поливанов Л. И. 158
 Поликарпов Федор 414, 417
 Поль де Латапи Ф. 334, 336, 339, 340
 Помпадур де (Пуассон Ж. А.), маркиза 132
 Пон Де Л. М. 69
 Поп А. 408
 Попов В. А. 177
 Попов В. С. 99, 108, 110, 170, 350
 Попов Михайло 400
 Поповский Н. Н. 408, 417
 Попугаев В. В. 176—178, 181—186, 204, 205
 Порошин С. А. 15, 37
 Посошков И. Т. 432
 Потемкин Г. А. 9, 23, 71—73, 80, 84, 98, 99, 106, 111, 112, 166, 232, 346, 347, 350, 377
 Походяшин Г. М. 350
 Традон Н. 163
 Прайор М. 61
 Трево д'Экзиль А. Ф. 399
 Дредтеченский А. В. 227, 422
 Престон У. 289, 325, 326
 Привалова Е. П. 422
 Прийма Ф. Я. 422
 Приклонский В. А. 423
 Приклонский М. В. 44, 54, 60
 Прокопович-Антонский А. А. 63, 233, 234
 Прокофьев Н. И. 422
 Проскурин Н. П. 422
 Пряшников М. П. 422
 Пугачев В. В. 208
 Пугачев Е. И. 77, 213, 346, 347
 Пумпянский Л. В. 422
 Путилов Б. Н. 422
 Пушкин А. М. 159
 Пушкин А. С. 134, 165, 242, 364, 365, 366, 372, 378, 392, 397, 403, 415, 416, 419, 427

- Пфуль К. Л. А. 173
 Пыпин А. Н. 68, 274, 275, 277, 279,
 290, 291, 293
- Рааб Г. 422
 Радищев Николай Афанасьевич 415
 Радищев А. Н. 101, 134, 167, 206—
 210, 221, 222, 224, 225, 227—232,
 346, 347, 350, 369, 381, 388—393,
 397—399, 401—403, 406—408,
 410, 411, 413—415, 417—419,
 421—426, 429—431, 433, 434
- Радищев А. П. 415
 Радищев Н. А. 346
 Радойчич Г. С. 422, 434
 Разнотовский И. В. 292
 Разумовская М. В. 423
 Разумовский К. Г. 5
 Райкз Т. 295
 Рак В. Д. 44, 354, 409, 423
 Расин Ж. 158—163, 169, 173, 174, 405
 Рассказова Л. В. 424
 Рау А. 413
 Рау К. Г. 250
 Рахманинов И. Г. 406
 Рахманов П. А. 93, 94
 Рашет Ж. Д. 400
 Рашкович Авраам 215
 Рев М. 424
 Ревелли Дж. 424
 Резанов В. И. 233
 Реизов Б. Г. 424
 Рейсер С. А. 424
 Рейхель Г. 277, 280, 282—286, 296,
 297, 305, 306
 Рейхель И. Г. 54, 56, 268—270
 Рекамье Ю. А. 129
 Репнин Н. В. 111, 112, 120
 Речицкий И. Х. 424
 Ржевский А. А. 416, 426, 433
 Рибас О. М. 99, 101, 102, 107, 108, 115
 Ризамбург ван, фамилия лионских
 негоднянгов 127, 128
 Ричардсон С. 118, 406
 Ричардсон У. 311
 Робинсон Дж. 286
 Ровда К. И. 368
 Ровинский Д. А. 66
 Ровнякова Л. И. 395, 414, 424
 Рогожин В. Н. 178
 Рождественский С. В. 39
 Розанов М. Н. 235
- Розов И. Н. 424
 Розова З. Г. 424
 Роллен Ш. 39, 40, 100
 Романовы, русский дворянский и
 царский род 379
 Ромодановская Е. К. 424
 Ронсар П. 18
 Росси Л. 424
 Ростопчин Ф. В. 99, 114
 Роте Х. 412, 424
 Рубакин Н. А. 366
 Рубан В. Г. 66, 369, 398, 408, 410
 Румянцев А. С. 120
 Румянцев Н. П. 114, 246, 430
 Румянцев П. А. 112
 Румянцев С. П. 114, 408
 Румянцева М. А. 169
 Русанова Н. Б. 424
 Руссо Ж. Б. 168
 Руссо Ж. Ж. 96—100, 103, 105—109,
 112, 117, 118, 122, 234—239,
 424, 429, 430
- Саблуков Н. А. 377
 Савой Л. см. Пачини-Савой Л.
 Савушкина Н. И. 81
 Сазонова Л. И. 424
 Салтыков Н. И. 112
 Салтыков-Щедрин М. Е. 429
 Сальников Н. 418, 416, 424
 Самаренко В. П. 424
 Самборский А. А. 280, 319, 320, 367
 Сандби П. 324, 330, 378
 Сандби Т. 324, 327—329
 Сандунов Н. Н. 63
 Санковская А. В. 266
 Санковская К. И. (урожд. Беер) 262,
 265, 266
 Санковский А. В. 266
 Санковский В. Д. 3, 256, 257—267
 Санковский Н. В. 266
 Санковский Павел Васильевич 266
 Санковский Петр Васильевич 266
 Сапожников Ф. И. 44, 45, 56
 Сапченко Л. А. 424
 Сато Д. 360
 Сафонов М. М. 224, 425
 Светлов Л. Б. 425
 Свиясов Е. В. 425
 Севастьянова А. А. 257
 Сегюр Л. Ф. 73, 163, 232
 Селиванов А. М. 257

- Селивановский С. А. 416
Семевский М. И. 211, 212, 218, 219, 224, 253
Семека А. В. 275, 277, 279, 284, 285
Семенников В. П. 207, 208, 224, 225, 228—230, 425
Семенов П. С. 55
Семенцова В. К. 425
Сенека Луций Анней 162
Сен-Мартен Л. К. 287
Сеньковский (Синьковский) Д. Н. 61
Сервантес М. Сааведра 60, 118, 123
Серебренников С. 257
Серков А. И. 62, 101, 256, 265, 320
Серман И. З. 29, 124, 346, 349, 350, 390, 417, 425, 431
Серман Н. И. 409, 415, 426
Сиверс Я. Е. 219, 222, 275
Сигал Н. А. 159, 426
Сигизмунд III, польский и шведский король 75
Сигонь Ш. Т. де 18, 19, 22
Сидоров А. А. 426
Сидоров Н. П. 275
Сидоровский И. 164
Сиклари А. 146
Симеон Полоцкий 419
Симолин И. М. 124
Синклер Дж. 367, 409, 426
Синьковский Д. Н. см. Сеньковский Д. Н.
Сиповский В. В. 129, 235, 256—258, 265
Скаррон П. 398, 428
Сковорода Г. С. 425
Славгородская Л. В. 397, 426
Сладкова О. Б. 254
Слепцов Моисей, солдат 20
Смагина Г. И. 39
Смирнов И. П. 426
Смирнов Я. 367
Смирнова Е. А. 426
Смит А. 249, 250
Смолярова Т. И. 19, 22
Смусина М. Л. 426
Снегирев И. М. 41
Соколов А. Н. 377, 426
Соколов Б. М. 333, 335, 337, 338
Соколов Н. А. 177
Соколова А. Х. 177
Соколова Н. В. 411, 427
Сократ 134
Соловьев А. Ю. 374
Соловьев В. Н. 16
Соловьев П. К. 410
Солодкин Я. Г. 427
Солон 116
Сомов А. 244, 246, 249
Сомов В. А. 211, 427
Сопиков В. С. 178
София Алексеевна, русская царица 376
София Доротея, кн. Виртембергская см. Мария Федоровна, российская императрица
Софронова Л. А. 427
Сохацкий П. А. 54
Сошкин Е. 427
Спарвенфельд И. Г. 395
Сперанская Н. М. 409, 427
Сперанский М. М. 225
Спиноза Б. 234
Спиридон, иеросхимонах 402
Срезневский И. А. 59, 176
Сталь А. Л. Ж. 121
Станевич Е. И. 398
Старк В. П. 427
Старцев А. И. 208, 210
Стединг Б. Л. X. 73
Стенник Ю. В. 410, 427
Степанов В. П. 20, 43, 44, 45, 47, 274, 290—292, 337, 351, 391, 393, 397, 398, 420, 428
Степанюк Е. С. 429
Стерн Л. 123, 381, 404
Стратановский Г. А. 17
Строганов А. С. 52, 427
Строганов М. В. 429
Строганова Е. Н. 429
Строев П. М. 76
Струйский Н. Е. 29, 30, 31, 386
Суворов А. В. 95—107, 109—123, 166, 386
Суворов П. И. 323, 324
Суворова Н. А. 107
Судейкина-Стравинская В. 379
Сукиасова И. М. 429
Сумароков А. П. 4—15, 19, 20, 22—25, 30, 48, 89, 130, 134, 139, 147, 159, 364, 378, 389—391, 393, 394, 396, 399, 400, 405, 409, 412, 420, 423, 427—429, 433
Сумароков П. П. 354, 355, 428
Суоллоу С. 295
Сухомлинов М. И. 207
Сухопрудский Иван 215

Сушков М. В. 430
Сцевола Кай Муций 173
Сытгенский И. 116
Сэй Ж. Б. 250

Талиашвили Г. А. 429, 432
Тамворт, лорд виконт 329, 330, 331
Таппе А. В. 400, 431
Тарановский К. Ф. 429
Тарле Е. В. 172
Татаринцев А. Г. 210, 429
Татищев В. Н. 391, 396, 401, 415, 427
Татищев И. И. 19, 319, 320
Татищев С. С. 171
Теплов Г. Н. 29
Теплова В. А. 55, 429
Титов А. А. 261
Титов С. 219, 221
Тихонравов Н. С. 233, 274
Тодорский И. С. 59
Толмачев Никифор 215
Толстая М. В., Толстых см. Фонви-
зина М. В.
Толстой Д. А. 39
Толстой Л. Н. 234, 242, 408
Толстой П. А. 375
Толстой Ф. А. 76
Тома А. 57
Томашевский Н. Б. 421, 429
Тонкова Р. М. 429
Топоров В. Н. 29, 378
Тошев А. И. 429
Третьяков В. К. 5, 6, 9, 17,
21, 24, 25, 28, 29, 70, 388, 390,
394, 397, 399, 401, 404—406,
408, 411, 412, 416, 417, 419, 420,
424—426, 430—433
Третьяков И. Н. 416
Третьякова Т. А. 263
Тронская М. Л. 429
Тропп Э. А. 429
Троцкий И. М. 429
Трошинский Д. П. 225
Трубецкой И. Ю. 49
Трубецкой Н. Н. 284
Туманов М. Н. 224
Туманский Ф. О. 75
Тургенев Ал. И. 236
Тургенев Ан. И. 236, 240, 241
Тургенев И. П. 233
Тургенев И. С. 363, 374, 419
Турчанинов П. И. 99, 103, 105

Тынянов Ю. Н. 17
Тычина Л. В. 430
Тюммель М. А. 429
Тюрнен Г. де ла Тур д'Овернь 100
Тюрпен Ф. А. 415, 426
Тютчев Ф. И. 159

Уваров С. С. 398
Унгерн-Штернберг И. А. 218, 219,
221, 222
Урусов Андрей, студент 60
Урусова К. С. 407
Успенский Б. А. 53, 124
Уц И. П. 59
Ушакова-Кряжмская И. А. 406,
409, 430

Фаджонато Р. 279, 289, 290, 385
Файдель Э. П. 405, 430, 433
Фаняев 185
Федотова М. А. 33
Фейт Р. 430
Феофан Прокопович 17, 28, 396,
397, 405, 406, 413, 414, 420, 426
Ферельцт С. 420
Феррацци М. 401, 430
Фидий 90
Филатов С. 173
Филдинг Дж. 96—99, 114—118, 122
Филипс Дж. 276
Финогенов В. 257
Фишер А. 298, 299, 367, 383
Флакер А. 430
Флориан Ж. П. К. 60
Флоринская Ю. Ф. 77, 430
Флоровский А. В. 214, 430
Фоменко И. Ю. 59, 430
Фомин А. Г. 434
Фомичев С. А. 430
Фонвизин Д. И. 55, 60, 219, 220, 291,
366, 368, 369, 391, 395, 397, 399,
405, 407, 408, 415, 423, 425, 428,
431, 434
Фонвизин П. И. 56, 60—62, 407
Фонвизин С. П. 62
Фонвизина А. И. 62
Фонвизина М. В. (урожд. Толстая,
Толстых) 62
Фонвизина М. П. (урожд. Лопухи-
на) 62
Фонвизина Н. С. см. Кокошкина Н. С.

Фонтенель Б. ле Бувье 40, 96, 97,
100, 101, 122
Фраанье М. Г. 382, 430
Фридлендер Г. М. 406, 431
Фридрих Генрих Людвиг, прус-
ский принц 66
Фридрих II, прусский король 66,
132, 133
Фролов В. В. 431
Фромманн И. Г. 433
Фудзинума Т. 403, 407, 416, 431
Фудзияма Т. 360
Фукс Е. Б. 119
Фундаминский М. И. 431
Фурин Я. 262

Халл Дж. 321, 322, 323
Ханелл К. 77
Харер К. 431
Харрисон Дж. 321, 323
Хатчинсон У. (Гучинсон В.) 289,
290
Хватов А. И. 402, 431
Хворостьянова Е. В. 431
Хвостов А. С. 173
Хвостов Д. И. 99, 107, 111, 113, 118,
120, 172, 416
Хезелтайн Дж. 278, 280, 281, 283—
285, 287—292, 295, 298, 313,
317, 318, 321—324, 327—332
Хейденстам Г. Ю. 80
Хексельшнайдер Э. 400, 403, 426,
431
Хемницер И. И. 15, 396, 415
Херасков М. М. 3, 6, 11, 29, 48, 54—
60, 63, 130, 131, 134—148, 266,
268—271, 392, 398, 401, 406,
410, 413, 421
Хетч Дж. 314, 316
Хиршфельд К. К. Л. 252
Хованский Г. А. 180, 182
Ходосов Ю. А. 251, 252
Холшевников В. Е. 431
Хольстен П. 423
Хольт Р. 314, 316, 321, 322, 327—330
Хомяков П. З. 397
Хотеев П. И. 431
Храповицкий А. В. 50, 67—71, 73,
289, 347, 402
Христенко И. С. 432
Хрущев И. 262
Хэмилл Дж. 294

Церлюк-Аскадская С. С. 432
Цукато Е. Г. 99, 122
Цыпкин Д. О. 432
Цяпинский Е. 411, 427

Чеботарев Х. А. 53
Чезаротти М. 130
Челаковский Ф. Л. 416
Чернов С. Н. 432
Черных Л. В. 432
Чернышев В. 432
Чернятевич К. А. 432
Черри М. 294
Чехов А. П. 242, 363
Чечулин Н. Д. 214
Чиприани Дж. 324
Чистов К. В. 432
Чичагов В. Я. 85
Чолокашвили Д. 433
Чуваев П. Н. 66
Чугунова Л. Н. 432
Чудецкая Е. В. 432
Чулков М. Д. 351, 365, 397, 398, 403,
416, 423, 428
Чупров Иван 216, 221
Чэмберс (Чамберс) У. 334, 335, 337,
340

Шаврыгин С. М. 432
Шадури В. С. 429, 432
Шаликов П. И. 180, 185
Шамрай Д. Д. 394, 432
Шанская И. А. 416, 433
Шапошников П. П. 173
Шаркова И. С. 433
Шарыпкин Д. М. 82, 433
Шаталина Н. Н. 402, 418, 433
Шафрановский К. И. 405, 430, 433
Шахмагонов Н. Ф. 377
Шаховской А. А. 171
Шварц И. Г. 134
Шекспир У. 68, 114, 385, 389
Шенле А. 333, 334, 338, 339, 340
Шепелева Л. С. 433
Шереметев Н. П. 73
Шеридан Р. Б. 68
Шеффер (Шоффор) К. Ф. 280, 296,
297, 298
Шешковский С. И. 287
Шинар Ж. 126, 127, 128, 129
Шиппан М. 433

Ширинский-Шихматов П. А. 398
Ширли Г. 272
Шишкин А. Б. 42, 433
Шишкин И. В. 406
Шишков А. С. 391
Шишков Т. 397
Шкляр И. В. 433
Шлёцер А. Л. 240, 396, 422, 433
Шмид Х. Ф. 403, 431
Шмидт Х. 433
Шолом Ф. Я. 434
Шпилькер Г. Э. фон 433
Шпренгпортен Г. М. 93
Шредер Х. 400, 434
Шрейбер И. Ф. 51
Шруба М. 434
Штарк И. А. 274
Штейнгель Ф. Ф. 119, 120
Штелин Я. 26, 75, 431
Штерберг И. 418
Шторм Г. П. 423
Шторх А. К. (Г. Ф.) 243, 245—255
Шторх П. А. 244, 246
Штранге М. М. 225
Штурм К. Х. 62
Шубарт Х. Ф. 426, 431
Шубников С. А. 183
Шувалов Иван, студент 55, 56
Шувалов И. И. 16, 20, 40—49, 53,
54, 56, 63, 169, 411, 413
Шумигорский Е. С. 220

Щербатов М. М. 134, 215, 349, 395,
418
Щербинин Е. А. 340

Эджертон В. Б. 405, 434
Эзоп 82, 110, 112
Эйзен фон Шварценберг И. Г. 212,
218, 221
Эйлер Л. 432
Эйхгорн И. Г. 240
Эйхенбаум Б. М. 434
Элленберг (фон Циннендорф) И. В.
277, 280, 283—285, 296—298,
314, 316
Эльзон М. Д. 434
Эмин Н. Ф. 90, 429
Эмин Ф. А. 394, 399, 423, 425, 430, 432
Эпиктет (Эпиктит) 42
Эразм Роттердамский 425

Эспань М. 248
Эсхил 89
Эткинд Е. Г. 378

Юм Д. 235, 238, 406
Юнг Э. 136, 402
Юнг-Штилинг И. Г. 433
Юнкер Г. В. Фр. 390

Ягич В. 389, 391
Язич Г. Д. 422, 434
Языков Н. М. 416
Якобсон Р. О. 434
Яковлев А. М. 177
Яковлев А. С. 168
Якубович Д. П. 134
Якубовский В. 394, 434
Ямагучи И. 360
Янкович Ф. Я. 416, 424
Яновский Н. 17
Янушкевич А. С. 233
Яремич С. П. 49

Abbott J. L. 376
Adams B. F. 386
Alexander J. T. 374
Allan D. G. C. 376
Allen B. 378
Anderson R. B. 368
Anrep В. 374
Atkinson R. J. C. 364
Auty R. 364, 368

Baehr S. 377
Bakounine T. 101, 363
Baltimore, lords 374
Bar F. 18
Barany G. 374
Barker R. 377
Barratt G. 366
Barthe G. de la 369
Barthélemy J. J. 362, 385
Bartlett R. P. 370, 373, 375, 386
Bayley J. 364
Belyakova Z. 379
Berton K. 376
Black J. L. 367, 373, 376
Blum K. L. 219

Borrow G. 353
Bouryckhine P. 363
Bowlt J. E. 379
Braat J. 378
Brand A. 370
Brett C. E. B. 384
Bruni A. 130
Buckler J. A. 385
Burgess M. 368
Burwick F. 30

Carey C. 366
Chamier F. 369
Chanla см. Montucla J. E.
Chenakal V. L. 365
Clardy J. 363
Clarke J. R. 285
Classe O. 381
Cockrell R. 372
Colmore L. 374
Cooke C. 384
Cornwall M. 382
Cornwell N. 380
Cracraft J. 374, 381, 384, 385
Curl J. S. 324

D'Amelia A. 384
Davidenkoff A. 379
Davis R. H. 385
De Benedetti P. 136
Dees B. 366
Didic L. 374
Dimsdale E. 374
Dixon S. 382
Donnert E. 212, 218
Doré G. 365
Dukelskaya L. 378
Dukes P. 369

Eichner H. 365
Empson J. 32
Entick J. 278
Eon C. G. L. A. A. T. de, chevalier 364

Faggionato R. см. Фаджонато Р.
Falchikov M. 374
Ferretti P. 380
Fisher A. см. Фишер А.
Fizer J. 364

Flegon A. 365, 366
Ford J. 32
Fortune Raymond 364
Fortune Richard 364
Foust C. 376
Frame M. 382
Franklin B. 385
Franklin S. 384
Freeman J. 376
Frere A. S. 280
Fusco P. 128

Gaillardet F. 364
Galitzine G. 376
Galitzine K. 381
Garfield P. L. 32
Garnett O. 375, 377
Garrard J. G. 365
Gasiorowska X. 370
Gasperetti D. 381
Gilchrist P. 379
Giroud V. 384
Gould R. F. 276, 282, 285
Goulemot J. M. 106
Goy E. D. 374
Grandin 354
Grasshoff A. 251
Greig S. 366
Grimsted P. K. 366
Gronicka A. von 364

Hartley J. M. 372, 375
Harvie J. 372
Haunch T. O. 316, 324
Hawkesworth C. 374
Hayden P. 385
Helps A. 384
Hewitt A. R. 280
Hill E. M. 364, 379, 384
Hollingsworth B. 367
Hudson H. D. 374
Hughes L. A. J. 376, 378, 382, 386

Ingamells J. 380

Jacoby J. 112
Jansson M. 380
Johnson Newman 377
Johnson B. C. 374, 375

Johnson B. S. 377
Jones W. G. 371
Josselson M. 369

Kalashnikov A. 372
Kantor M. 369
Karlinsky S. 372
Karlowich R. A. 376
Kasinec E. 385
Kaznina O. 384
Keller M. 375
Kelly L. 370, 371
Kennan G. F. 365
Kingston E. Chudleigh, duchess 368
Kneller G. см. Неллер Г.
Koehler L. 365
Kors AL Ch. 383

Labriolle F. de 110
Lami S. 127
Lane J. 283
Larivière C. de 103
Lazic D. 374
Legters L. 364
Lehman-Carli G. см. Леман-Карли Г.
Leonard C. S. 377
Londonderry, lady 366

Macartney G. см. Макартни Дж.
Madariaga I. de см. Мадариага И.
де
Maddison J. 373
Małek E. 70
Marcialis N. 92
Marker G. 372
McGrew R. E. 377
Menelaws A. 375
Merry R. 371
Milbourne A. J. 285
Monas S. 380
Montefiore S. 382
Montucla J. E. (Chanla) 354
Morris M. M. 383
Müller G. F. см. Миллер Г. Ф.

Nebel H. M. 363
Nédélec Cl. 18
Neuhäuser R. 366

Neumark F. 251
Neverov O. 385
Newberry Th. 380
Nivat G. 378
Norman J. O. 377
Norris S. M. 386

Okenfuss M. 375
Oliva L. J. 365
Ometev B. 376
Ozanam J. см. Озанан (Озанам) Ж.

Pallas P. S. 376
Palmer D. W. 385
Papmehl K. A. 365
Paton R. 372
Pearson G. 363
Pennington A. 370
Pitcher H. 372
Poussou J. P. 383
Priddat B. P. 251
Prince G. 375
Prince S. A. 385
Proffer C. 364

Rae I. 365
Raëff M. 365
Rasmussen K. 373
Reinhalter H. 251
Rentrup K. 250
Rhineland A. L. H. 376
Riasanovsky N. 373
Richards D. 372
Robinson J. 382
Rogerson J. 363
Rogozhin N. 380
Roosevelt P. 379

Sandby P. см. Сандби П.
Schefold B. 249, 250, 251
Schumann J. 250
Seaman W. A. L. 366
Sewell J. R. 366
Shvidkovskij D. 380
Simmons J. S. G. 384
Simpson M. S. 373
Smith D. 287, 290, 293
Smith G. S. 367—370, 373, 377

Stacy R. H. 373
Stuart J. 376
Stuart M. 373
Stubbs J. 316, 324

Terry G. M. 370, 374
Tolstoy N. 371
Tooke W. 363
Turchi R. 130

Vernadsky G. см. Вернадский Г. В.
Verweyen Th. 21
Vovelle M. 128

Waegemans E. см. Вагеманс Э.
Walker J. 367, 377
Walpole Horace 379
Walpole Hugh 384
Wassenaer C. de 380
Weisbort D. 365
Whitaker A. 292
White A. 364
Whittaker C. H. 384
Widdis E. 384
Wilson F. 364
Wilson R. K. 366
Wolff T. 364

Zister E. A. 384

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
--------------------	---

СТАТЬИ

<i>Н. Ю. Алексеева</i> (Петербург). Вздорные оды А. П. Сумарокова в их отношении к его торжественным одам	4
<i>С. И. Николаев</i> (Петербург). Вдохновение и творческий процесс в представлениях русских писателей XVIII века	26
<i>Н. Д. Кочеткова</i> (Петербург). Литературные посвящения руководителям учебных заведений и наставникам	39
<i>Е. Д. Кукушкина</i> (Петербург). Густав III в русской литературе XVIII века	64
<i>Р. Боден</i> (Клермон). Французская и английская литература в переписке А. В. Суворова	95
<i>Е. В. Карпова</i> (Петербург). «Лионский эпизод» в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина	124
<i>М. Вендитти</i> (Рим). Истолкование мотивов из Экклезиаста в XVIII веке: Вольтер в переводах Хераскова и Карамзина	130
<i>А. О. Дёмин</i> (Петербург). Перевод рассказа Терамена из трагедии Ж. Расина «Федра» и оригинальное творчество Г. Р. Державина ..	158
<i>А. А. Костин, Т. В. Костина</i> (Петербург). Стихотворный сборник «Праздное время» (1798). К предыстории Вольного общества любителей словесности, наук и художеств	175
<i>К. Ю. Лаппо-Данилевский</i> (Петербург). План постепенного освобождения крестьян в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева	206
<i>Ф. З. Канунова</i> (Томск). От философии нравственной к философии истории. (Роль Московского благородного университетского пансиона в становлении В. А. Жуковского)	233
<i>А. В. Ананьева</i> (Гисен). Культура России в научной и художественной прозе Андрея Карловича Шторха (1766—1835)	243

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Р. М. Лазарчук</i> (Череповец). Неизвестные факты из биографии В. Д. Санковского	256
<i>А. А. Костин</i> (Петербург). Эпизод из истории Московского университета. (Ссора М. М. Хераскова с И. Г. Рейхелем)	268
<i>Э. Г. Кросс</i> (Кембридж). Северные братья: неопубликованная переписка И. П. Елагина с Великой ложей Англии (1772—1780). Перевод А. О. Дёмина	272
<i>А. Ю. Веселова</i> (Петербург). Еще раз о русских переводах английских садоводческих трактатов. (Из фондов РГАДА)	333

<i>И. З. Серман</i> (Иерусалим). Императрица и поручик Новиков	346
<i>В. Д. Рак</i> (Петербург). Увеселительный отдел в тобольском журнале «Библиотека ученая, экономическая...»	354
<i>М. Канадзава</i> (Токио). Информация о Японской ассоциации по изучению России XVIII века. Перевод М. Накагами	359

БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография трудов профессора Э. Г. Кросса. (К 70-летию со дня рождения)	361
<i>А. О. Дёмин</i> (Петербург). Указатель статей в коллективных трудах Сектора (Группы) по изучению русской литературы XVIII века (1935—2007)	387
Список сокращений	435
Указатель имен	436

Научное издание

XVIII ВЕК

СБОРНИК 25

*Утверждено к печати Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской академии наук*

Редактор издательства Н. М. Па к. Технический редактор О. В. Новикова
Корректоры О. В. Гусихина, Ф. Я. Петрова и Е. В. Шестакова
Компьютерная верстка Е. С. Егоровой

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.

Сдано в набор 18.06.08. Подписано к печати 25.12.08.

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 28.5. Уч.-изд. л. 30.1.

Тираж 800 экз. Тип. зак. № 3702. С. 24

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru. Internet: www.naukaspb.spb.ru

Первая Академическая типография «Наука», 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-025200-4

9 785020 125200 4